

АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА МОРСКОГО РАЗБОЯ

пираты
флибустьеры
корсары

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА
МОРСКОГО РАЗБОЯ

АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

АНАТОМИЯ
ИСТОРИИ

Д. КОПЕЛЕВ

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА МОРСКОГО РАЗБОЯ

*п и р а т ы
флибустьеры
к о р с а р ы*

Остромбе
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА, 1997

Книга посвящена истории пиратства и корсарства XVI—XVIII вв. В ней систематизированы многочисленные (в том числе и ранее не использованные) источники, воспоминания современников, редкие документы.

Текст сопровождается картами, схемами, иллюстрациями и таблицами.

Введение

Моря со всех сторон окружают сушу. Огромные водные равнины словно готовы поглотить материки, архипелаги и острова, а голубой цвет на географических картах мира уверенно преобладает над желтизной пустынь, зеленью лесов и коричневыми силуэтами горных массивов. Мир морей живет своей неведомой, непонятной и непривычной для обитателей суши жизнью, но он притягивает людей, вовлекая их в свои глубины, и становится неотъемлемой частью их существования.

Люди всегда пытались преодолеть морские пространства, они отчаянно пробивали себе дороги в неизвестных морях, открывали новые земли, устанавливали сообщения между материками, островами и странами. Море превратилось в огромную арену — ристалище, — на которой бились, горели и тонули корабли враждующих государств, оно сделалось необъятным рынком, связавшим мир в единую торговую систему и объединившим порты, ярмарки и купеческие конторы. Золото и серебро, драгоценности и шелка, кампешевое дерево, пряности и всякие другие товары, погруженные в трюмы торговых кораблей, плыли по морям и океанам. Блеск богатств манил предприимчивых смельчаков и толкал их в погоню за сокровищами в надежде овладеть чужой собственностью. Иногда море само забирало грузы тонущих кораблей и выбрасывало на берег лишь остовы судов и часть уцелевших товаров, предоставляя возможность жителям прибрежных районов поживиться ценными морскими дарами. Обитатели побережий устраивали ловушки для проходивших кораблей, зажигая фальшивые огни-маяки, убивая петухов и собак, крики и лай которых могли предупредить о близости берега, и овладевали всем грузом, оставшимся от разбившегося в тумане судна. Для подобных искателей богатств «береговое право», как назывался этот вид промысла-разбоя, был «побочным ремеслом», так как обычно эти люди занимались рыболовством, скотоводством, контрабандой и торговлей.

Однако были и другие «промысловики». Сколько тысячелетий

ни вобрала в себя история, с тех пор как торговцы и купцы стали плавать по морям, всегда находились разбойники, которые пытались их ограбить. Их называли пиратами. Пират — морской разбойник, незаконно грабящий и захватывающий добычу на морях, судоходных реках и в прибрежной полосе. Происхождение слова не выяснено с достоверной точностью. Корень слова, по-видимому, исходит от греческого «пейран» — «пробовать», «пытаться», т.е. испытывать свою судьбу. Производное от него латинское «pirata» применялось в Древнем Риме для определения именно морского грабителя. Пиратство было чрезвычайно распространено в ту далекую эпоху, и древние авторы постоянно сообщали об опасностях плаваний по морям, кишашим «мужами, промышляющими морем». Киликийские, финикийские, этрусские, иллирийские пираты и десятки других наименований подчеркивают национальные черты пиратства, но род деятельности — грабеж, разбой, мародерство на море — был неизменным занятием людей, прозванных пиратами.

В древние времена морской разбой не считался чем-то зазорным. Греческий историк Фукидид отмечал характерные черты этой профессии. «Возглавляли такие предприятия не лишённые средств люди, искавшие и собственной выгоды, и пропитания неминуемым. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим большую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но, напротив, даже славным делом. На это указывают обычаи некоторых материковых жителей (у них еще и поныне ловкость в таком занятии слывет почетной), а также древние поэты, у которых приезжим мореходам повсюду задают один и тот же вопрос — не разбойники ли они, — так как и те, кого спрашивают, не должны считать позорным это занятие, и у тех, кто спрашивает, оно не вызывает порицания».

Время вносило коррективы, и постепенно акценты смешались. Профессия пирата перестала носить статус почетного промысла и начала ассоциироваться с занятием почти уголовным. Система морского разбоя, получавшая государственную поддержку и овеянная ореолом романтики, была и средством международной политики, и выгодным предприятием для деловых кругов, приносящим баснословные прибыли, и делом авантюристов-одиночек, бросивших бунтарский вызов всему миру и вступивших с ним в яростное противоборство.

Пиратство особенно процветало в тех районах, где не было установлено четких разграничений на сферы влияния, отсутствовал жесткий контроль за морской зоной и сталкивались интересы различных государств. Морской разбой рос в этих регионах как на дрожжах, а влияние его становилось столь могущественным, что

местные власти опасались затрагивать интересы грабителей и дорожили дружескими отношениями с ними. Без пиратов было, по существу, невозможно существовать. Дело зачастую доходило до прямой конкуренции губернаторов за отдельных главарей разбойничьего мира. Так, например, Бертран д'Ожерон, правитель острова Тортуга, французского владения в Карибском море, в момент обострения англо-французских противоречий прилагал всевозможные усилия, чтобы заручиться поддержкой разбойников, базировавшихся на острове Ямайка, принадлежавшем Англии. Он заманивал пиратов на Тортугу, обещал им райскую жизнь. В свою очередь, губернатор Ямайки сэр Томас Модифорд был охвачен паникой: «Я не смогу, — писал он в августе 1665 года государственному секретарю графу Арлингтону, — защитить мое владение от французских буканьеров, которые хотят разорить все приморские плантации... а недавно Давид Мартин, лучший человек Тортуги, который держит на море два фрегата, пообещал прийти сюда на обоих». Можно понять страхи Модифорда и то, с какой энергией он старался удержать «своих» пиратов на Ямайке, понимая, что своим присутствием они могут предохранить остров от налета их французских коллег.

Пиратство было не только частью политического механизма, но выступало и как мощный рычаг торговли. Морские разбойники поддерживали тесные связи с купцами и торговцами, которые субсидировали пиратских капитанов и помогали им сбывать награбленное добро, имея часть от прибыли. В 1696 году известный пират Томас Тью прибыл в Нью-Йорк с добычей на сумму 8 тыс. фунтов стерлингов. Его доля составляла 1,2 тысячи фунтов, остальная часть принадлежала его пайщикам — торговцам. Учитывая, что торговля находилась в рамках жестких таможенных: пошлин и купцы были заинтересованы в контрабанде, легко понять тот интерес, который представлял пиратский корабль как возможность извлечь с его помощью и за его счет большие прибыли. Огромный доход шел от торговли с пиратами. Если бочка мадеры в Нью-Йорке стоила 19 фунтов стерлингов, то пиратам о-ва Мадагаскар приходилось выкладывать за нее 300 фунтов, а галлон рома, обходившийся в колонии в 2 шиллинга, перепродавался разбойникам за 50. Несмотря на такие цифры, интерес был обоюдным, так как без торговцев разбой терял смысл. Да и психология многих купцов была самой что ни на есть пиратской. Привыкшее обходить законы, гревшее руки на контрабанде и работорговле, купечество составляло необходимое звено разбойного промысла. «Я не спрашиваю ни Бога, ни черта, ни короля, почему я должен спрашивать нидерландские власти?» — вопрошал некий голландский торговец, и многие купцы могли бы подписаться под этими словами.

Цепочка тянулась дальше, вовлекая в клубок взаимных интересов чиновников государственного аппарата. Вот одно из характерных свидетельств того времени. В 1695 году житель Нью-Йорка писал в Англию: «У нас здесь проживает целая группа пиратов, называемых людьми с Красного моря, которые награбили огромное количество арабского золота. Губернатор поощряет пиратов, сам в них заинтересованный».

Пиратский мир был удивительно разнообразен и самобытен. Он не признавал государственных границ и носил международный характер. Североафриканские пираты плавали в Северном море и у берегов Ньюфаундленда, карибские пираты имели свои базы в Индийском океане и грабили суда где-нибудь в Оманском заливе или у побережья Моллукских островов, а для пиратов Андаманского моря было безразлично, на какое судно они нападают — персидское или китайское. Интернациональный характер носила не только деятельность пиратов. Разношерстный состав разбойничьих шаяк находился вне традиционных национальных рамок. Барбарийский разбой процветал за счет европейцев, составлявших хребет всей пиратской системы Северной Африки; космополитичный мир пиратов Вест-Индии выработал странную разговорную смесь, составленную из нескольких европейских языков; на о-ве Мадагаскар существовала международная пиратская республика Либерталия...

Примечательной чертой пиратства была его постоянная нацеленность на узаконение, придание морскому разбою характера разрешенного правительством промысла. В условиях непрерывных военных столкновений всегда присутствовала необходимость в пиратах как в союзниках. Получая определенный процент прибыли от морского разбоя, государственные структуры преследовали явный финансовый интерес и поощряли своих опасных и независимых «союзников», оказывая пиратам покровительство, предоставляя им базы, защитные документы, помогая сбывать награбленное. Мир средиземноморского пиратства, оказавшийся под крылом могущественной Османской империи, корсары французской короны времен Франциска I и Людовика XIV, знаменитые каперы королевы Елизаветы I Английской, бесчисленные орды грабителей Юго-Восточной Азии, Персидского залива и Аравийского моря, стекавшиеся под защиту разбойничьих княжеств и королевств, рассеянных вдоль побережий, — эти и тысячи других разбойников нашли себе поддержку в лице государства.

Таким образом, пиратский мир представляет неоднозначную, противоречивую систему. Эта система разрослась по всему миру, проникла в самые отдаленные уголки земного шара и питалась богатствами, доставляемыми человеческой цивилизацией. Насыщенный событиями пиратский мир, заполненный удивительными в

своем разнообразии судьбами. интересен нам как одно из проявлений человеческой истории.

Несколько слов о структуре книги. Это не строго научное исследование — скорее, очерки по истории морского разбоя, написанные на основе документальных свидетельств и проверенных исторических фактов. Мы сочли необходимым выделить наиболее характерные и типичные черты морского разбоя, систематизировать и классифицировать его как явление всемирной истории. Хронологическими рамками книги стала эпоха Великих географических открытий (XVI — начало XVIII в.) — время проникновения европейцев в Новый Свет, страны южных морей, Африку и Ост-Индию, время становления единого мирового хозяйственного рынка, время безудержного разгула морского разбоя, не ограниченного еще рамками строгих морских границ, установленных колониальными державами.

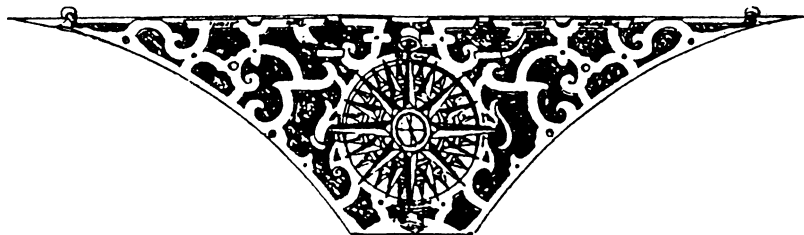
Первая глава носит вводный характер. Она знакомит читателя с морским разбоем как неоднозначным и противоречивым явлением мировой истории и показывает его многочисленные варианты. Во второй главе представлена экономическая география морского разбоя — порты, заливы, торговые трассы, моря, острова, которые были невольными свидетелями грабительского ремесла, указаны главные торговые магистрали; приводится также краткая информация о времени появления основных коммерческих центров и наиболее распространенных товарах. Отдельные подглавы посвящены знаменитым пиратским островам — Джербе, Тортуге и Мадагаскару. Здесь же помещена общая хронология морского разбоя по главным регионам (Средиземное море; Черное, Азовское и Каспийское моря, Атлантический океан и Вест-Индия; Индийский океан и страны южных морей; Тихий океан). Следующая, третья глава отведена политической истории. Она рассказывает о взаимоотношениях и связях морского разбоя с миром государственной политики, исследует значение и роль пиратов, приватиров и корсаров в становлении морского могущества держав, показывает, как правители различных стран использовали «вольных добытчиков» в своих интересах.

Четвертая глава повествует о жизни морских разбойников. Читатель познакомится с должностями, существовавшими на гребных и парусных судах, с тем, как распределялись обязанности между членами экипажа. Пятая глава включает описание законов, обычаев, традиций, нравов разбойников, описывает процесс формирования преступной среды и организации разбойничьих шаек, психологию экипажа, анализирует особую атмосферу, дух пиратского мира. Этот мир вовсе не был изолирован от цивилизации, тысячи нитей неразрывно связывали его с традиционным обществом, внутри которого зрели ростки социального недовольст-

ва, ростки нового восприятия действительности. Это было грозное явление, бросившее вызов современному ему обществу. По материалам шестой главы можно судить об особенностях тактики морского разбоя — на наиболее, на наш взгляд, типичных примерах; таких, как захват портов и судов, прорыв из блокированного района, организация засад на морских трассах и т.д.

Седьмая глава повествует об удивительных метаморфозах, которым была подвержена жизнь морских разбойников; прослеживается, как из простых грабителей пираты поднимались на высокие ступени общественного положения (Г. Морган) или становились всемирно известными путешественниками (У. Дампир). На страницах восьмой и девятой глав рассказывается о жизненных перипетиях и трудностях, неизменно сопутствовавших морскому вольному промыслу, о том, как разбойники попадали в плен, и о захваченных ими пленниках. И наконец, последняя, десятая глава — это собрание удивительных пиратских историй, действующие лица которых — представительницы прекрасного пола.

Некоторые герои книги или описываемые сюжеты, безусловно, знакомы читателю из многочисленных книг или кинофильмов, посвященных пиратству. Однако многие материалы в литературу введены впервые, а ряд эпизодов известен лишь узкому кругу специалистов. Мы попытались обобщить известные и вновь привлеченные материалы и на этой основе систематизировать морской разбой как феномен всемирной истории. Удалась ли нам эта попытка — судить читателю.

ГЛАВА I

МНОГОЛИКИЙ МОРСКОЙ РАЗБОЙ

Мифы рассказывают нам о том, как веселый бог виноделия Дионис кочевал по островам Эгейского моря. Ему нужно было переплыть с острова Икария на остров Наксос. Юноша пришел в порт и нанял судно тирренских моряков. Бог не распознал в них пиратов. Те же, прельстившись юностью, красотой и великолепным сложением молодого человека, решили отправиться в Азию, чтобы продать его в рабство. Не успел корабль выйти из гавани, как предприимчивые моряки уже надели на Диониса кандалы и стали насмехаться над его доверчивостью. Вдруг, к ужасу негодяев, кандалы сами упали с рук юноши. Из досок палубы, оплетая корпус судна, выросла виноградная лоза. Парус покрылся плющом, весла превратились в змей. На борту корабля появились привидения в виде свирепых зверей, а прекрасный юноша принял облик грозного льва. Охваченные паникой разбойники попрыгали в море и превратились в... дельфинов. Возможно, неизвестные нам обстоятельства помешали богу превратить барахтающихся в воде пиратов в кровожадных акул — ведь именно с этим свирепым хищником ассоциировался образ пирата у торговцев, моряков и жителей прибрежных поселений.

А может быть, у всемогущего бога были другие причины так поступить? Вопрос риторический, но позволяет задуматься — однозначен ли мир морского разбоя?

Во введении мы уже обратили внимание на необычное современному человеку понимание древними пиратства как профессии. Профессия бандита — не странно ли это? «Кто ты? — спра-

шивал сапожник встречного в порту. — Кем работаешь?» — «Бандитом, разбойником», — следовал ответ. Если перед тобой заурядный головорез — тогда природа его занятий ясна. Но повернется ли язык назвать пиратом важного правительственного чиновника или самого короля, дающего молчаливое согласие послать эскадры на безжалостный разбой. *«Вы должны лишь постараться захватить богатства этого места, а именно золото и товары, и поскольку мы уверены, что тамошние король и купцы имеют огромные богатства, мы поручаем вам позаботиться, чтобы все это было сохранено, а все, что будет захвачено, должно быть передано нашему фактотуму на борту вашего судна... Вы должны впредь захватывать всех маврских купцов... и все золото и товары, которые при них найдете. Этим вы окажете нам ценную услугу, а этих мавров сделайте невольниками».* Это отрывок из инструкции короля Португалии Мануэла I первому вице-королю Индии Франсишку Алмейде от 5 марта 1505 года. И португальцы активно выполняли завет короля и устроили такое бесчинство в Красном море и Персидском заливе, что даже заставили султана Абу Бекра, правителя Адала, в 1520 году перенести столицу подальше от моря. Пройдет один век, и сами же португальцы не будут знать, как избавиться от официально направляемых в эти воды англичан, которых они теперь, в свою очередь, будут именовать «гнусными разбойниками».

Не иначе как вызовом национальной гордости может быть расценена попытка назвать пиратом героя мусульманского мира Хайрадинна или национального героя Франции Жана Бара. А разве похожи на трепет в ожидании пиратского грабежа те восторженные встречи, которые устраивались возвращавшимся из грабительских походов флибустьерам или донским казакам в городах, где присутствовали все явные «приметы» государственной власти (правитель, или губернатор, армия, судейские чиновники)? Или, не странно ли было наблюдать очевидцам, как в XVI в. на холмах близ Неаполя собирались местные жители (христиане) и при появлении в море кораблей алжирских разбойников (мусульман) радостно махали руками, подбрасывали в воздух шапки и выкрикивали приветствия? Случайность ли, что с пиратом, бандитом, ассоциировался образ независимого человека, осененного неудержимым желанием... помочь бедным и неимущим, или образ борца за веру, праведного защитника мусульман (или христиан), или образ патриота, защищающего от насилия своих соотечественников?

Непостижимый, запутанный мир переплетенных человеческих судеб и страстей, мир конфликтов и противоположностей, мир жестокости, насилия и гуманизма, мир порабощения и свободы. Возможно ли разом, одним взглядом охватить многие лики того явления, которое обобщенно называют морским разбоем? Прежде всего попытаемся выделить специфические черты морского

Галеры барбарийских корсаров
Гравюра XVIII века

разбоя, вытекающие из территориального фактора, ведь в различных регионах земного шара этот разбойный промысел проявлялся в разных формах.

* * *

Одним из главных центров морского разбоя в XVI — XVII вв. было Средиземное море — арена ожесточенной борьбы христианской и мусульманской цивилизаций. Османская империя и европейские католические державы сцепились в затяжной кровопролитной схватке за господство на море. На передний край этого столкновения попали морские разбойники Северной Африки. Пиратские гнезда на побережье оформились в настоящие государства, опиравшиеся на мощь крепостей Алжира, Туниса, Триполи, Бизерты. Галеры мусульманских пиратов наводили ужас на купеческие корабли европейских держав. Их жертвы были беззащитны перед неустрашимыми, хитрыми, ловкими и жестокими грабителями. Конечно, поддержкой турецких султанов и отсутствием единых действий со стороны европейских стран, **барбарийский разбой** процветал.

Название свое барбарийский разбой получил от латинского «barbarus», означающего в переводе «человек, говорящий невнятно, бормочущий». Так древние римляне именовали чужеземцев, обитавших на землях, граничивших с Империей. Затем название трансформировалось в «barbaresque» («берберы») — название этнической группы, составляющей население западной части Северной Африки, т. н. Магриба (Мавритания, Западная Сахара, Алжир, Марокко, Тунис, Ливия). Берберы были покорены арабами в VII в. и обращены в ислам. В европейских странах наименование «barbaresque» получило дополнительный психологический подтекст. Он стал определяющим для всего потенциально враждебного варварского арабо-мусульманского мира Северной Африки и обозначал общество бесчестных, лживых и жестоких громил, живущих в состоянии анархии и занимающихся грабежом христиан на море. Северная Африка в Европе получила название Барбария, или Барбарийский берег.

Не было на земле места ужаснее. Один наблюдатель, отец Пьер Дан, настоятель монастыря Матерен в Фонтенбло, побывавший в барбарийских странах в составе специальной миссии, занимавшейся выкупом невольников, оставил яркое свидетельство об увиденном:

«...очевидно, что когда-то многие нации допускали мелкие кражи, поскольку были достаточно терпимы к подобному. Однако в главных городах Барбарии, какими являются Алжир, Тунис, Сале, Триполи и некоторые другие, считается не только что дозволенным, но и геройством участвовать в пиратстве. Те, кто побывал в этих странах, могут подтвердить мои слова и привести немало примеров того, что все эти барбарийцы не видят никого равного

корсарам, а все потому, что всем своим добром они обязаны их разбойным делам и благодаря им они получили все свои боеприпасы, могущество, богатства, и немудрено, что они считают их единственной опорой, на которой воздвигнуть их государство и их королевство.

Да и в самом деле, без их поддержки эта Барбария ничего бы собой не представляла, ибо населяющий ее народ не ведет почти никакой торговли, живет в лености, бездельничает и не занимается никаким ремеслом, чтобы заработать на жизнь честным трудом. Вот почему они приучились только нахально хвалиться, что нет другого занятия, более выгодного и позволяющего разбогатеть, чем бороздить море, поскольку, как утверждают они, на иностранных судах можно найти все необходимое для жизни. Они с

легкостью их останавливают, в их руки попадают корабли, нагруженные вином и зерном, а для них эти продукты не имеют никакого значения, так как в их странах продовольствия хватает, иногда же они захватывают сукно и ткани, которые везут из Франции в Испанию и Италию, или золотые и серебряные слитки, лекарственные снадобья и пряности из Индии, а то еще несметное количество шелка и хлопка, который ежегодно вывозят из Каира, Смирны¹, Сайды², Александретты³ и других мест Леванта. Выходит, что купцы, рискующие ради получения наживы своим добром, а часто и жизнью, большую часть времени работают на этих безжалостных грабителей, которые в изобилии находят на море

Барбарийский корсар
Гравюра XVII века

¹Совр. Измир, турецкий порт в Эгейском море.

²Порт на юге Ливана, древний финикийский город, известный с IV тыс. до н. э.; до XVI в. назывался Сидон.

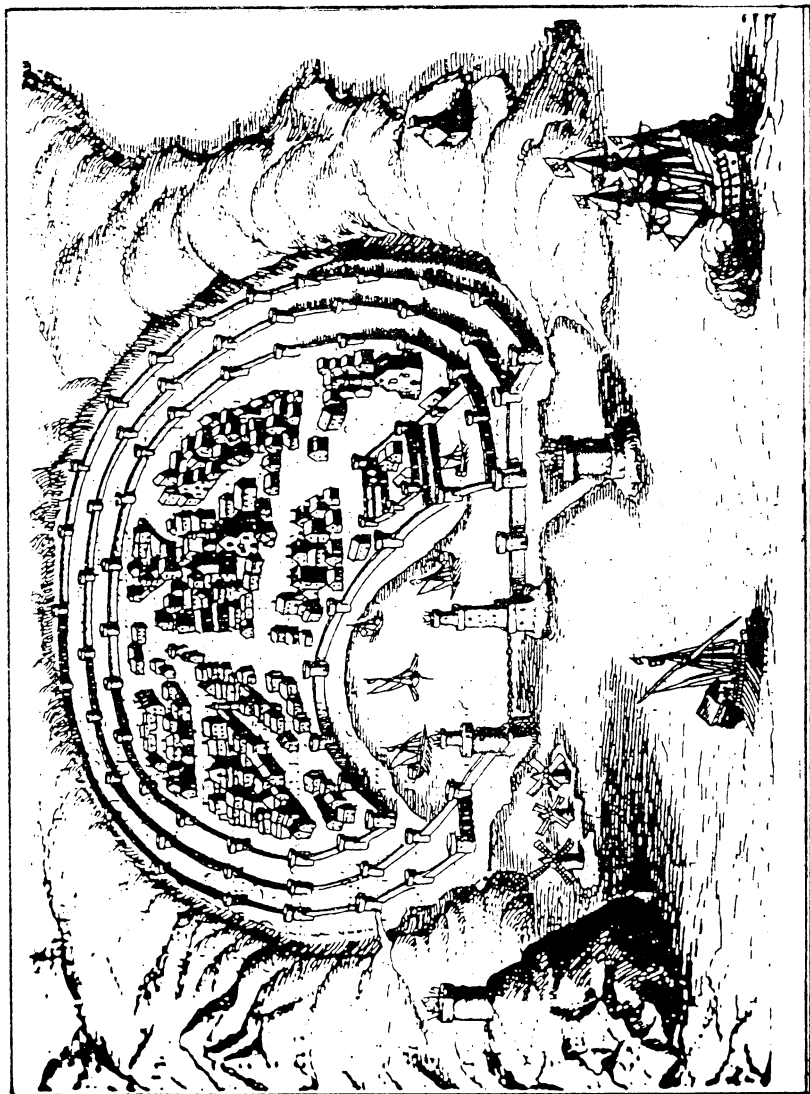
³Совр. Искендерун, порт на юге Турции.

добрую часть богатств, идущих из Индии и Перу, и захватывают их с оружием в руках».

Верхний слой в мире североафриканских разбойников составляли капитаны кораблей — *раисы*. Это было удивительное формирование инициативных, деятельных и беспринципных людей, которые стояли во главе групп корсаров, — этакая акционерная компания, часть доходов которой распределялась между участниками разбоя, а часть уходила в казну Османской империи. Независимые раисы тщательно оберегали свою самостоятельность. Обширные западные кварталы Алжира, в которых жили эти богатые люди, представляли собой дворцы-крепости, наполненные вооруженными слугами, готовыми дать отпор любому нападению. Алжирские раисы группировались в специальную профессиональную корпорацию — *таифа* (taifa). Единство, взаимопомощь и солидарность раисов превратило таифу в могущественнейшую политическую силу, которая диктовала свою волю местным органам власти. Правители Османской империи прекрасно понимали особенности политической ситуации в корсарских обществах, и не случайно правителей Алжира выбирали из рядов наиболее выдающихся раисов, обладающих авторитетом. Арудж, Хайрадин, его сын Хасан-паша, Салах-раис, его сын Мухаммед и наконец Ульдж Али — правители Алжира в ту героическую пору — все были раисами.

В глазах европейского общественного мнения трудно было бы подыскать более омерзительных монстров, чем эти гнусные барбарийские пираты. Стереотипы рисуют образ огромного, обрюзгшего варвара-араба, с черными свисающими усами, всклоченной бородой, в широких цветастых шароварах, вооруженного до зубов тесаками и саблями ужасающей величины. Его краснеющие от ярости глаза под косматыми бровями горят жадной убийства. Страшные мускулистые руки так и стремятся вцепиться в твое горло... Остановимся и усомнимся в реальной достоверности таких кошмарных картинок. Несомненно, что среди раисов находилось предостаточно жестоких убийц и насильников. Однако любопытно, что большинство этих «мусульманских чудовищ» были вовсе не арабами или турками. Почти все они были... европейцами.

Современник писал: *«Ко всем разбойным делам, которыми они (барбарийские корсары. — Д. К.) похваляются, присоединяется бездна всевозможных пороков, безнаказанно царящих в их среде, и можно не сомневаться, что за те сто двадцать лет и более, что они занимаются пиратским промыслом, сия безнаказанность привлекает в их города как в разбойный притон воров, злодеев и подозрительных личностей всех мастей. И если бы мне пришлось проводить параллель с таким же несчастным краем, где поселились и сделались неотъемлемой частью организма самые черные преступления, то не нашел бы я лучшего, как сравнить его с блуд-*

Ролос
в XVI веке

ницей из Апокалипсиса¹, которая, восседая на многоголовом чудище и держа в руке чашу, опьяняет сладостью своих прелестей все народы земли. И в самом деле, не эти ли пороки привлекают каждодневно в проклятые города Барбарии столько злодеев всех наций, будь то магометане и нечестивые христиане, греки, русские, португальцы, испанцы, французы, англичане, фламандцы, немцы и другие, которые, отвергнув веру в истинного Бога, приносят себя в жертву дьяволу и становятся ренегатами? Добавим к этому, что то багряное чудище и те проклятия и богохульства, которые оно изрыгает, являют нам мистический образ жестокости неверных, проявленной к стольким несчастным христианам, в крови которых они умывают руки».

Разными путями оказались в Северной Африке эти люди недюжинных способностей и энергии, привычные к риску и всю жизнь выкручивающиеся из безвыходных ситуаций. Они могли быть захвачены в плен и стать рабами или их пригнала сюда жажда авантюры, а в иных случаях карающий меч правосудия заставлял поспешно скрыться от преследования и затаиться в далеких краях. Так или иначе, но в просторах Средиземноморья они обрели новый образ жизни. Здесь можно было добиться всего — богатства и власти и самых прекрасных женщин, — все зависело от смелости, удачи и беспринципности. Европейцы надевали торбаны, делали обрезание и принимали ислам, отмечая для себя пути возвращения в родные католические страны, для которых они становились «ренегатами» — отступниками. Даже в качестве капитанов торговых кораблей не могли они впредь входить в гавани южноевропейских городов — пылающие костры инквизиции были достаточным основанием для такой осторожности². Сжигая за собой мосты, эти изгои могли заниматься только одним промыслом — разбоем. Большинство ренегатов-раисов были уроженцами Калабрии, Сицилии и Венеции, но корсарский промысел на побережье Магриба объединил также англичан, французов, славян, ирландцев, генуэзцев, корсиканцев, фламандцев, испанцев, шотландцев и много других национальностей. Местные жители были весьма невежественными моряками, и огромная морская практика, широкие тех-

¹ *Блудница из Апокалипсиса* — одно из пророческих видений в Новом завете (Откр. Иоанна Богослова, гл. 17, 18), символизирующее идолопоклонничество и земные богатства.

² Еще в «просвещенном» XVIII в. опасность сожжения преследовала отступников. 27 июня 1752 года английский корвет пришел в Алжир из испанского порта Кадис и принес известие, что на одном алжирском корабле захвачено шесть ренегатов. Четверо из них были возвращены в истинную веру, но двое других — англичанин и уроженец острова Мальорка — по приговору инквизиции погибли в пламени костра.

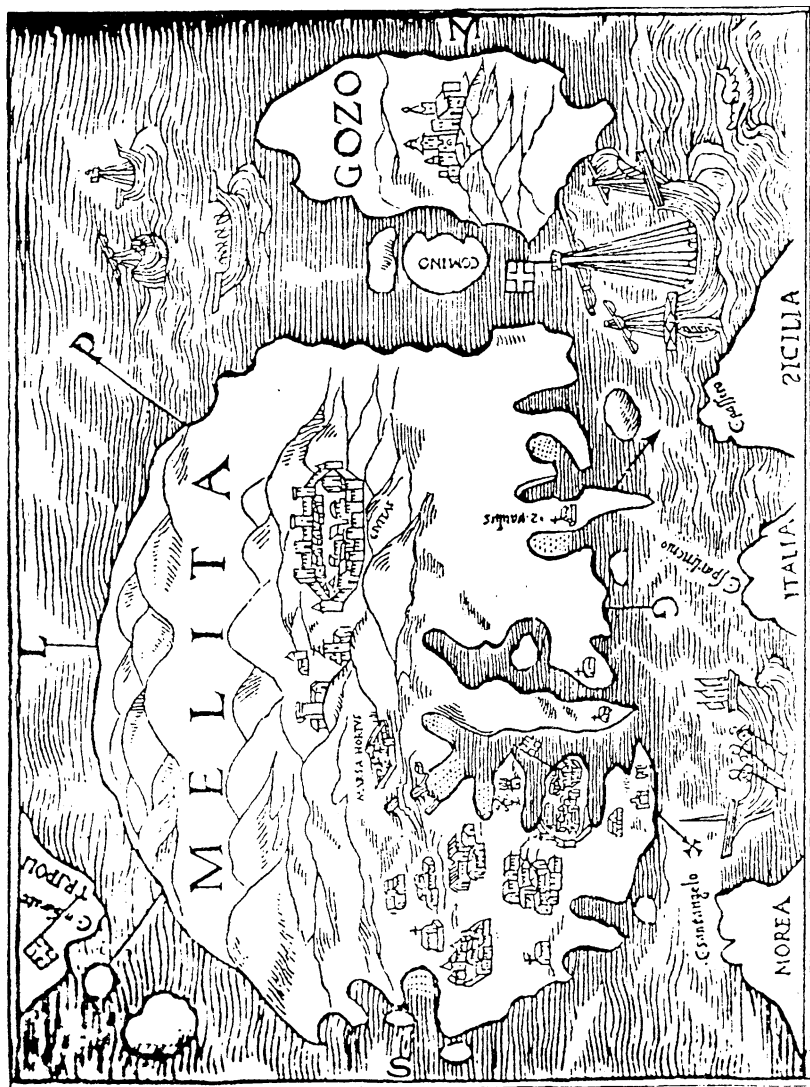
нические знания, компетентность и отчаянная смелость возносили ренегатов на самую вершину корсарского мира.

Их имена остались в истории — венгр Джафар, албанцы Мами и Мурад, венецианцы Мами-ар-раис и Гассан, грек Дели Мами, француз Мурад, испанцы Юсуф и Мурад-ад-раис по прозвищу Мальтрапильо (Бродяга), голландцы Морат-раис (наст. имя Ян Янсон из Гарлема), Сулейман-Буфое (Яков де Хееравард из Роттердама), Салим-раис (Винбор).

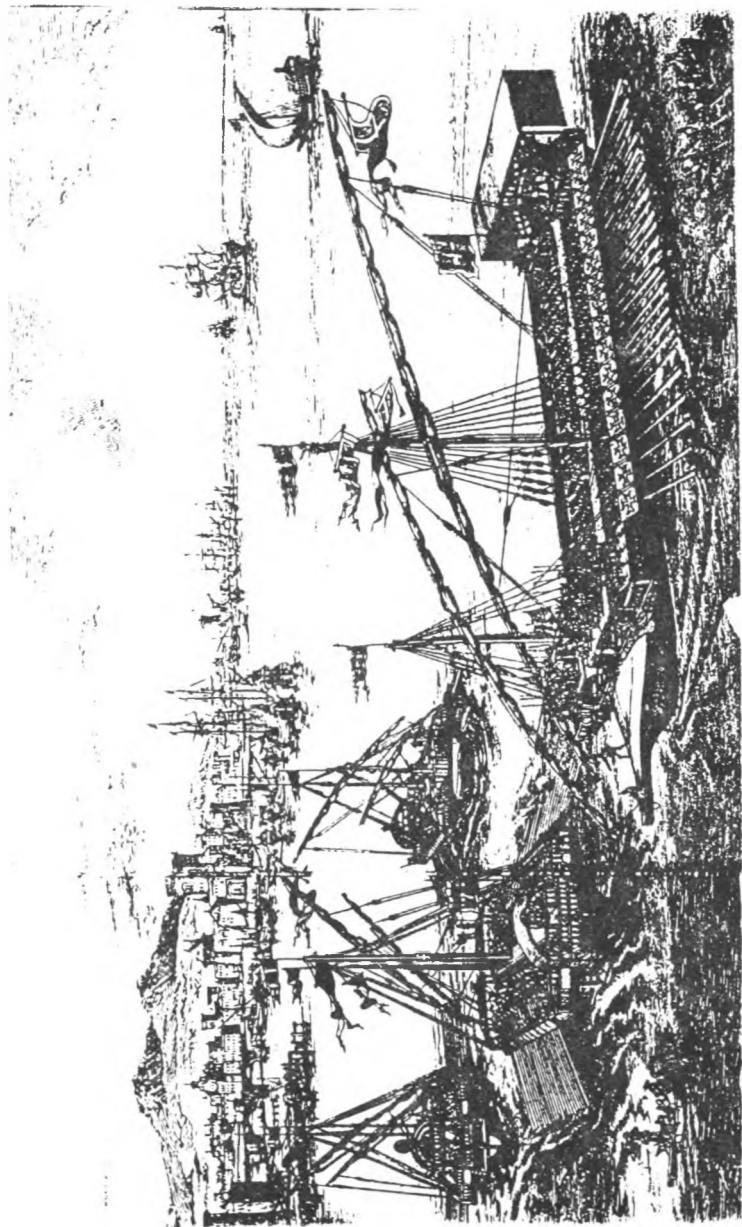
Как видим, средиземноморский разбой был делом рук не одних африканцев или арабов¹. В XVI — XVIII вв. за ним стоял прежде всего религиозный вопрос, так как морской грабеж был взаимным делом последователей и Христа, и Магомета. Антимусульманские центры пиратства базировались на Балеарских островах, Сицилии, Мальте, Корсике, в итальянской Тоскане, во французском Провансе и в испанской Каталонии. Так что в несчастьях, преследовавших средиземноморскую торговлю в XVI — XVII вв., были повинны не одни только арабы. Однако, с точки зрения европейцев, именно грабящие мусульмане являлись пиратами и разбойниками. Если же разбоем занимались христиане, то они выступали не иначе как «борцы за отчизну», «воины Христа» или «защитники от неверных», как, например, **военно-монашеский орден рыцарей-госпитальеров Св. Иоанна Иерусалимского**, или **рыцарей-иоаннитов**.

Орден возник в конце XI в. в Иерусалиме в период Крестовых походов под названием «Госпитальная братия Св. Иоанна». Поначалу он занимался тем, что предоставлял приют и лечение странствующим паломникам, приезжавшим в Палестину поклониться Святому гробу. Со временем орден превратился в один из главных центров военного противостояния христианского и мусульманского миров. Монахи-рыцари прекрасно понимали стратегическую важность опорных баз на Средиземном море, и поэтому центрами ордена в разное время становились острова Кипр и Родос, откуда рыцари преграждали пути торговле мусульман. Эта воинствующая ассоциация представляла собой цвет европейской знати, и прежде всего рыцарей из Южной Франции и Испании,

¹Характерной была ситуация, сложившаяся в так называемом Дальнем Магрибе (включающем территорию Марокко), расположенном на границах Средиземноморья и Атлантики, на перекрестках морских путей, связывающих Старый и Новый Свет. Местное пиратство, очаги которого рассыпались по всему побережью, получило новый импульс к развитию с приходом сюда с начала XVI века морисков — мусульман Пиренейского полуострова, насильственно обращаемых в христианство. Последовавшая в 1609 — 1614 годах серия указов испанского короля Филиппа III об их изгнании вызвала новую волну эмиграции, и сотни мусульман, осев на марокканских берегах, пополнили экипажи местных разбойников. Более того, в портах Рабат и Сале сложились вполне независимые республики, промышленявшие морским разбоем.

Остров Мальта. Фрагмент карты XVI века

Галеры Мальтийского ордена
Гравюра XVI века

располагала огромными богатствами и была одной из могущественнейших сил Европы. Опираясь на прекрасный флот и располагая сетью баз и убежищ, разбросанных по всей акватории Средиземного моря, монахи-корсары охраняли торговые караваны европейских стран и наносили серьезный ущерб мусульманской торговле. В 1522 году турецкий султан Сулейман Великолепный после трехмесячной осады сумел заставить орден покинуть Родос. В 1530 году, после семи лет скитаний, рыцарская братия разместились на острове Мальта и в Триполи, которые пожаловал им император Карл V, и продолжила свою борьбу против мира ислама, став авангардом христиан в борьбе против Османской империи.

Рыцарство представляло грозную силу. Клятва, которую давали рыцари, гласила: *«Никогда не опускать знамя, никогда не просить пощады, никогда не отступать и никогда не сдаваться»*. В 1510 году флот мальтийских рыцарей разгромил мамлюкский египетский флот у крепости Айас в заливе Искендерун. Орден лелеял мечту захватить побережье Сирта и, сделав Триполи столицей, основать христианское государство на севере Африки. Каждый год Мальтийский орден вооружал новые галеры, которые плавали у Сузы, острова Джерба, в устье Нила, наносили удары по судам мусульман и атаковали прибрежные поселения. Широкая военноморская практика, предоставляемая воинствующими монахами-корсарами, стала прекрасной школой навигации, через которую прошли несколько поколений известных европейских флотоводцев — шевалье де Сен-Поль, байи де Вальбель, граф де Турвиль, граф де Грасс, байи де Сюэффрен.

И в конце XVII в. орден продолжал быть центром христианского мореплавания в Средиземноморье. Стольник Петр Андреевич Толстой, один из немногих русских, посещавших Мальту, оставил примечательное описание военной организации ордена: *«В Малтинском острове собирается солдат 60 000 человек, а по нужде и болши. Малтийский гранмайстер (великий магистр. — Д. К.) имеет на Малте 7 галер великих, из которых на одной бывает генерал, а на 6 галерах капитаны тех семи галер. Генералская галера да капитанских 4 по вся годы повинны итти в Левант, то есть на Восток, в Морею, на помощь венецкой гармаде (венецианской флотилии. — Д. К.) и битца с турком; а две галеры капитанские по вся годы повинны останиса в Малте и ходить непрестанно от Малту до Цицилии и от Цицилии до Малту, очишая тое дорогу от турков, чтоб... всяким проезжим людям был путь свободен и безстрашен от сабак-турок. Однако и те проклятые псы усмотря, когда малтийские галеры на Восток уйдут, а в Малте останутца толко две галеры, и они непрестанно в великих и малых судах на Малтинском канале шатаются и христиан побирают, которых могут где поймать, что часто и случается»*.

Не менее ожесточенный размах принял морской разбой на

Кавалер Мальтийского ордена. Байи Мальтийского ордена.
(начало XVIII века)

Черном и Каспийском морях — регионах оживленной торговли между Востоком и Западом. Каждый раз, когда торговым судам предстояло отправиться в плавание в этих водах, мореплаватели знали, что идут на смертельный риск, и поручали себя защите Аллаха или молили Бога о помощи: любой выход в море мог закончиться гибелью. Современники были единодушны — страшнее пиратов на свете нет: *«Ни один корабль, как бы он ни был велик и хорошо вооружен, не находится в безопасности, если, к несчастью, встретится с ними, особенно в тихую погоду».*

В степях Южной Украины, по берегам Днепра и Дона, в их многочисленных притоках, на нижнем течении Буга, за страшными ревущими порогами и в лабиринтах бесчисленных островов, непроглядных камышовых зарослей, топких болотах, на речушках, прогоях скрывались казаки. Их отвагу, безрассудную храбрость, лихую удаль воспевали народные сказания и легенды, а жестокость, коварство и корысть проклинал весь торговый мир Востока.

Слово «казак» — тюркского происхождения и подразумевает человека подвижного, не оседлого, всегда готового к военным

действиям, стычкам, грабежу и разбою. Это удалец, вольный, свободный человек, порвавший со своей средой и удалившийся туда, где не будет помех его свободе. Такие люди — гольтыба, беглые крестьяне, дезертиры, неудачники и преступники, оскорбленные, злодеи — стекались в эти непроходимые дикие места и находили здесь свою вторую родину. И не пугали их зимние стужи и летний зной, тучи саранчи и малярия, страшное половодье и губительные ветры — для них здесь был земной рай.

Запорожские (т. е. находящиеся за днепровскими порогами), донские, волжские казаки хозяйничали по берегам Черного, Азовского и Каспийского морей, и ни одно правительство, ни одна власть — турецкого султана, русского или польского царя, персидского шаха или крымского хана — не были им указом.

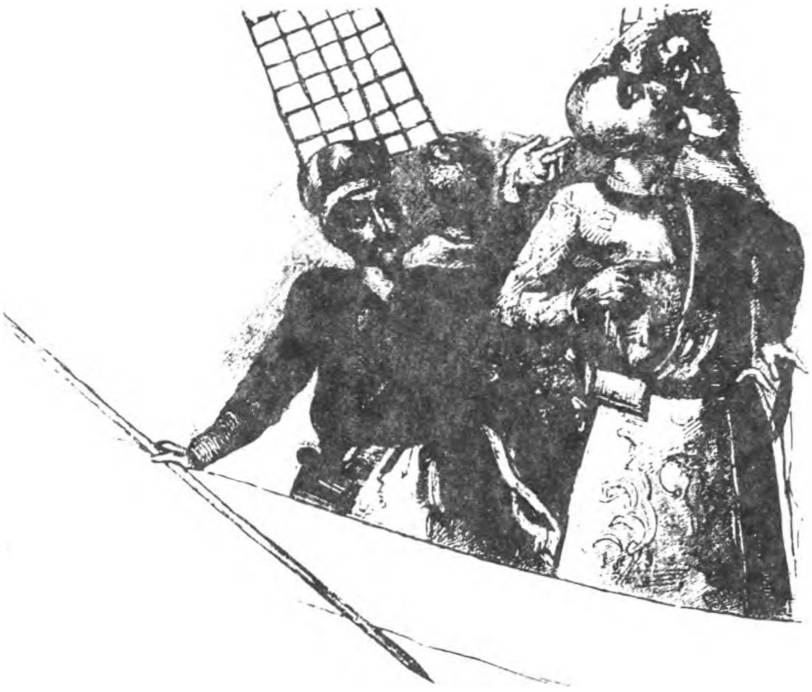
Вот что говорили современники о днепровских казаках. Марцин Бельский, польский летописец XVI в., сообщал, что *«эти люди обыкновенно занимаются на Низу Днепра ловлею рыбы, которую там же без соли сушат на солнце и тем питаются в течение лета, а на зиму расходятся в ближайшие города... спрятавши предварительно на каком-нибудь днепровском острове, в укромном месте, свои лодки и оставивши там несколько человек... Они имеют и свои пушки, частью захваченные ими в турецких замках, частью отнятые у татар»*. Из описания немецкого пастора Иоганна Юстуса Марция следует, что *«люди они очень непостоянные, беспокойные от природы и охотники до разбоя; великому русскому государю они подчиняются не по принуждению, а по своей воле, причем им дарованы большие льготы»*.

«Почти ежегодно они предпринимают опустошительные набеги по Черному морю на турецкие владения, — рассказывал французский инженер, строитель крепости Кодак Гийом Левассер де Боплан. — Обыкновенно они берут в плен детей и подростков, которых оставляют у себя в услужении или дарят вельможам своей страны, но взрослых редко берут в плен, за исключением людей богатых, от которых надеются получить большой выкуп. Свои набеги они всегда предпринимают отрядами от шести до десяти тысяч человек, не более, чудесным образом переправляются через море в плохих судах собственного изделия».

«Воровские казаки» — автономная, независимая сила, выросшая на противоречиях христианского и мусульманского миров, вольница, живущая на рубежах Османской империи. Московского государства и Речи Посполитой, грозный фактор мировой политики — грабили волжские рыбные промыслы, Трапезунд и Синоп, Дербент и Баку, разоряли Румелийское и Кавказское побережье Черного моря, туркестанские и персидские берега на Каспии. Все меры к пресечению разбоя, к тому, чтобы казакам *«воровать не дать и на море не пропустить»*, оказывались безрезультатными. На

Карта Украины де Боплана. Южное течение Днепра. XVII в.

Запорожские казаки

Рисунок со знамени из коллекции Эрмитажа

берегах рек, в их устьях возводились крепости (Кызы-Кермен, Кара-Кермен, Ислам-Кермен, Кодак, Азов, Астрахань); эти устья ограждались толстыми цепями, сторожевые турецкие галеры или царские «есаульные» струги несли караул вдоль берегов, мелкие протоки пересыпали песком и галькой, устраивали показательные казни. Правительства предупреждали друг друга о выходе разбойников на промысел, и государства договаривались о совместных действиях, вели переговоры с казаками, увещевали их, обещали льготы — все безрезультатно.

У казаков выработалось немало способов обходить препятствия, традиционно использовался волок: казаки на себе по суше переносили суда, они обходили Астрахань по бесчисленным мелким речкам — протокам дельты Волги. Они пускали ночью бревна по Днепру и устраивали такой грохот, что турки начинали палить из пушек по реке, думая, что запорожцы идут на прорыв, а те притаивались рядом в тростниковых зарослях, ждали, когда у врага ис-

сякнут боеприпасы, и тогда стремительно летели к морю, проскальзывая на своих утлых суденышках под цепями. «Разрушают, грабят, жгут, уводят в рабство, умершвляют; часто осаждают укрепленные города, берут их приступом, опустошают и выжигают», — ужасались современники.

Впрочем, в этом регионе не только казаки заслужили репутацию морских разбойников. Купцы и торговцы нередко терпели ущерб от нападений горцев Кавказа. Информация об их «деятельности» проникла даже в дипломатическую переписку. В 1683 году глава русского посольства в Испании стольник Петр Иванович Потемкин в отчете доносил: «В тех

Запорожские казаки

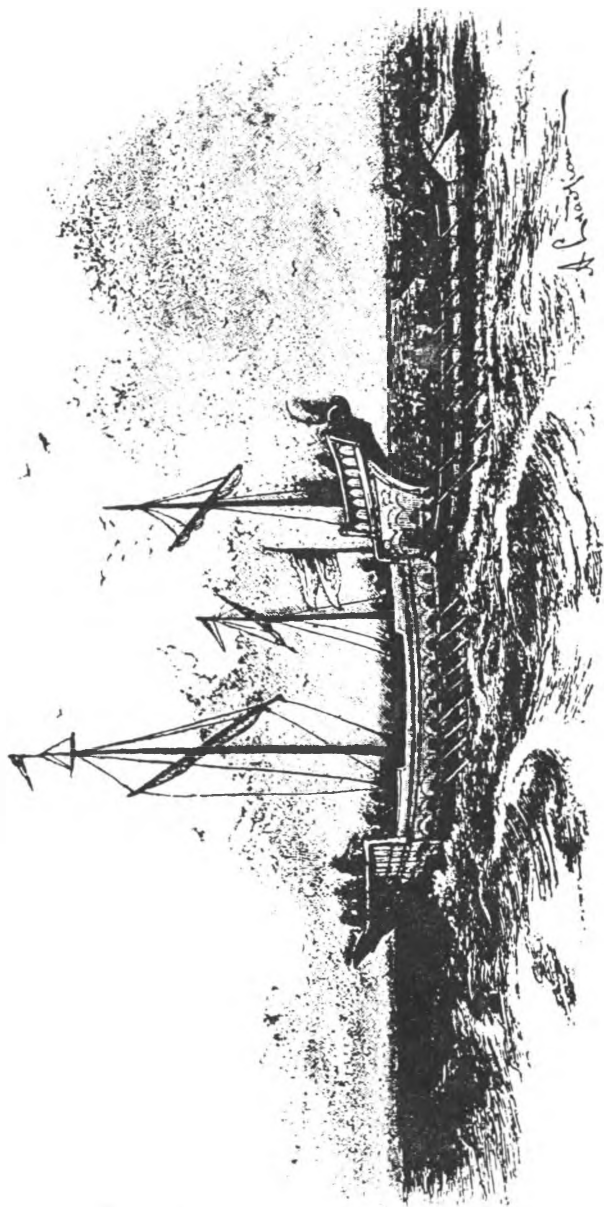
С гравюры на карте Украины, сделанной де Богланом (1650 г.)

же местех живут многие разные народы меж гор и живучи чинят великие разбои, а сыскать их в тех местех за великими горами и за дальним расстоянием отнюдь не возможно. А которые купецкие люди ходят в Персиду царскаго величества ис порубежных городов, которые стоят блиско Хвалынского моря, как из Астрахани, так и ис иных, морем бусами. И тех торговых людей на том море те ж воровские люди выходят из гор, потому ж разбивают и грабят, а самих побивают до смерти и, учиня разбой, уходят в те же горы».

Но морской разбой не ограничивался рамками Старого Света. Драгоценное сияние Эльдorado и сказочные богатства страны золота Мономатапа, «Острова пряностей» и богатства Востока манили европейцев.

В XVI в. Испанское королевство деятельно осваивало богатства новооткрытого американского континента. Однако европейские державы (Англия, Соединенные провинции, Франция) не могли примириться с тем, что колоссальные богатства Америки оседают в сундуках испанских торговцев и обогащают преимущественно казну короля Испании. При покровительстве европейских держав на островах Карибского моря возникали удивительные сообщества независимых морских разбойников, грабивших испанские суда и захватывающих перевозимые на них драгоценные грузы. Эти пираты получили известность как *буканьеры*.

Многочисленные пустынные острова Вест-Индии с конца

Суда запорожских казаков. Реконструкция

Нападение гетмана П. Сагайдачного на Кафу в 1606 году

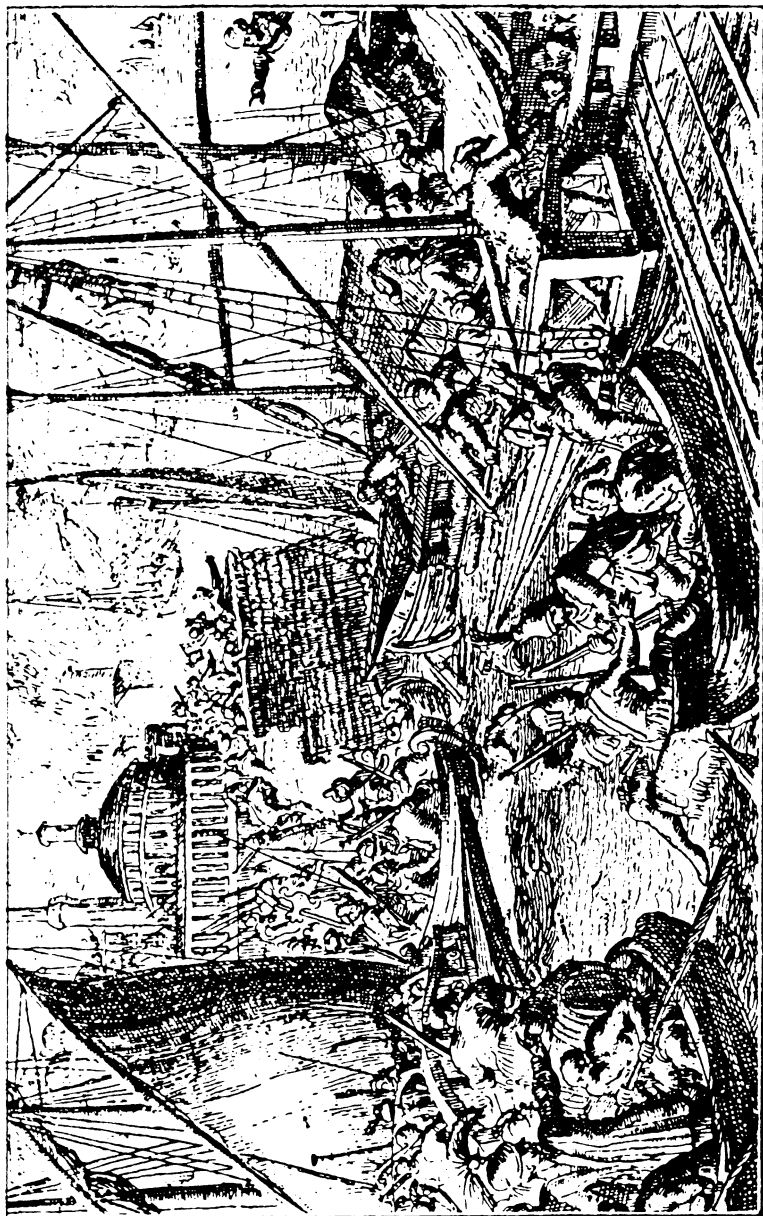
XVI в. заселяли европейские переселенцы. Это были беглые преступники и рабы, солдаты-дезертиры, матросы, нищие, бродяги, разорившиеся торговцы, авантюристы различных мастей — словом, те, кому уже нечего было терять в жизни. Здесь они находили убежище и постоянные занятия: охотились на диких свиней, буйволов и крупный рогатый скот, обрабатывали кожи, рубили лес, выращивали табак. Постепенно за охотниками французского и английского происхождения закрепилось название *буканьеры*.

Происхождение слова неясно. По одной версии, идущей от французского миссионера аббата дю Тертра, *буканьеры* «...названы так от слова «букан» — разновидности деревянной решетки, сделанной из нескольких жердей и установленной на четыре рогатины: на них *буканьеры* жарят своих свиней...» По другой (ее разделяет французский историк Ж. Блон) — «буканом» местные ин-

Америка

Фрагмент «Атласа» Мелкатора. (1569 г.)

Набег запорожцев на Стамбул в начале XVII века. С офорта Ромейн де Хоозе

дейцы называли копченое мясо, нарезанное длинными кусками и приготовленное на решетке, установленной на угли. Существует также мнение, что в основе слова «буканьер» лежит искаженное французское «buffle» — буйвол. Впрочем, наименование «букан» встречается в литературе и как название «мест, где находились их (буканьеров. — Д. К.) небольшие обработанные поля и жилища. Здесь солили и коптили они мясо убитых животных, сушили их шкуры. Жилища эти состояли из больших шалашей, покрытых сверху, но без стен...» Так или иначе, но термин закрепился.

Испанские власти были встревожены появлением в своих владениях непрошенных гостей. Буканьеры не признавали власти испанского короля, не платили никаких податей и вели торговлю с местным населением, нарушая испанскую колониальную монополию. Острова буканьеров (Тортуга, Эспаньола, Сан-Доминго (совр. Гаити), Невис, Сент-Кристофер), эти маленькие республики равенства, находились под постоянной угрозой вторжения карательных экспедиций. Особенно ожесточенный характер приняла борьба испанцев против буканьеров на Эспаньоле, где развернулась настоящая партизанская война. Не сумев сломать сопротивление лесных охотников, испанцы принялись методично истреблять скот, чтобы лишить буканьеров источников существования. Тем самым испанцы еще более укрепили ненависть к себе и сами спровоцировали буканьеров на занятие пиратством.

Вот что сообщал об этих людях в официальном донесении от 20 июля 1665 года правитель Тортуги и французских поселений на побережье Сан-Доминго Бертран д'Ожерон: «...семь или восемь сотен французов рассеяны по берегам острова Эспаньола в недоступных местах, окруженных горами или большими скалами и морем, откуда они могут переходить с места на место в маленьких ботах... Они живут подобно дикарям, не признавая никакой власти и без каких-либо начальников... Они грабят многие голландские и английские суда, чем причиняют много беспокойств. Живут они, питаясь мясом диких свиней и быков и выращивая немного табака, который обменивают на оружие, провизию и одежду...»

Карибские пираты называли себя также *флибустьерами*. В истории слова много неопределенности. Французское «flibustier» и английское «flibuster» обозначают морских разбойников-авантюристов, промышленяющих в Вест-Индии и Центральной Америке и грабящих испанские колонии в течение XVII в. В основе слова отразилось то странное смешение языков, которым пользовался этот пестрый по национальному составу, многоязычный мир. Возможно, что источником было голландское «vrij-buitter», обозначающее вольного добытчика, т.е. того, кто идет на разбой. От него произошло английское «free booty», т.е. добыча, захваченная в разбойничьем промысле. Любопытно, что небольшие маневренные лод-

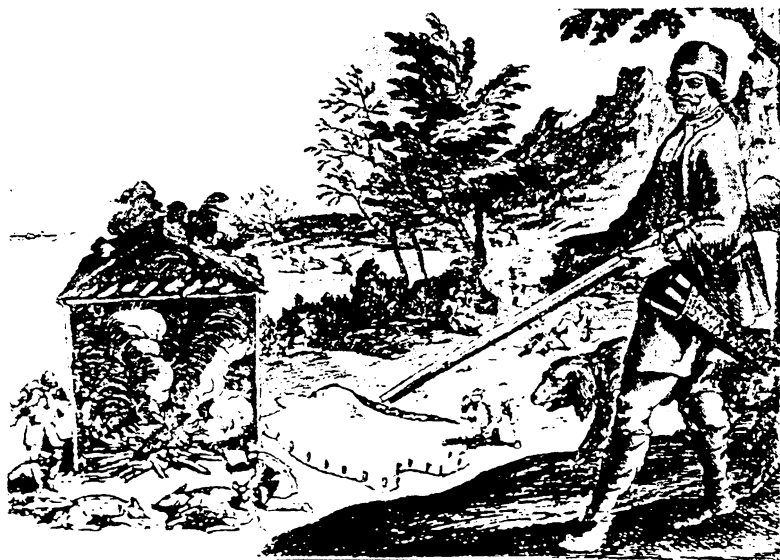
Буканьер

Иллюстрация для французского
издания книги Эксквемелина
«Пираты Америки»

Поселок Буканьеров

Иллюстрация с карты де Фера
(1713 г.)

ки, на которых пираты нападали на прибрежные селения, назывались «флибуты» («flyboot»).

Уникальный пиратский мир Вест-Индии дал еще одно удивительное наименование. Авантюристы, искатели приключений, головорезы и убийцы образовали своеобразный союз разбойников с необычными и суровыми законами и выработанным пиратским кодексом чести. Члены союза именовались *береговые братья* («frère de la côte»).

Безграничные возможности для разбоя таились на Востоке. «Какая собака может быть без блох, а какая торговля — без разбойников», — рассуждал малайский хронист. С этим утверждением трудно не согласиться. Пираты впились в торговые артерии Персидского залива и южных морей, Индии и Китая, Дальнего Востока. Эти богатейшие трассы никогда не обходили вниманием азиатские туземные разбойники, свирепствовавшие в этих широтах. «Пиратский берег», что тянулся вдоль восточного побережья Аравийского полуострова, удерживая под постоянным прицелом торговые трассы Персидского залива, на протяжении веков монополизировало аравийское племя джаваим. Малабарское побережье Индостана находилось под контролем маратхов, построивших здесь крепости Алибаг, Герия, Савандург, таявшие постоянную угрозу торговле Великих Моголов и приводившие в трепет самих англичан. Бесчисленны флотилии китайских пиратов, как мошкара выющихся вокруг изрезанного проливами и устьями рек побережья Китая. Один из них, самый знаменитый, Чжэн Чжи-лун, был адмиралом китайского флота, а его сын Чжэн Чэн-гун (Коксинга), прекрасный организатор и военный руководитель, хозяйничал в китайских водах и отнял у голландцев Формозу (Тайвань).

Дельту Ганга заняло пиратское королевство Аракан, узкой прибрежной полосой растянувшееся вдоль побережья Бенгальского залива. По морям Малайского архипелага сновали на своих юрких прао бесчисленные орды индонезийских пиратов и совершали набеги на Яву, Суматру, Малаккский полуостров и Филиппинские острова. Одними из самых загадочных пиратских формирований Востока были *вако*.

Они появлялись в XIII — XVII вв. у побережья Кореи, Китая и Филиппин откуда-то с моря и, подстерегая купцов, шныряли в узких проливах между бесчисленными островами, разбросанными в Желтом, Японском, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, грабили приморские города и селения, терроризируя местных торговцев. Окрестное население боялось грабителей как огня и, с тревогой вглядываясь в расстилающиеся водные просторы, тешило себя смутной надеждой, что беда пройдет стороной.

Вако всегда действовали внезапно. На своих быстрых судах разбойники врываются в портовые гавани, опустошали приморье, а при

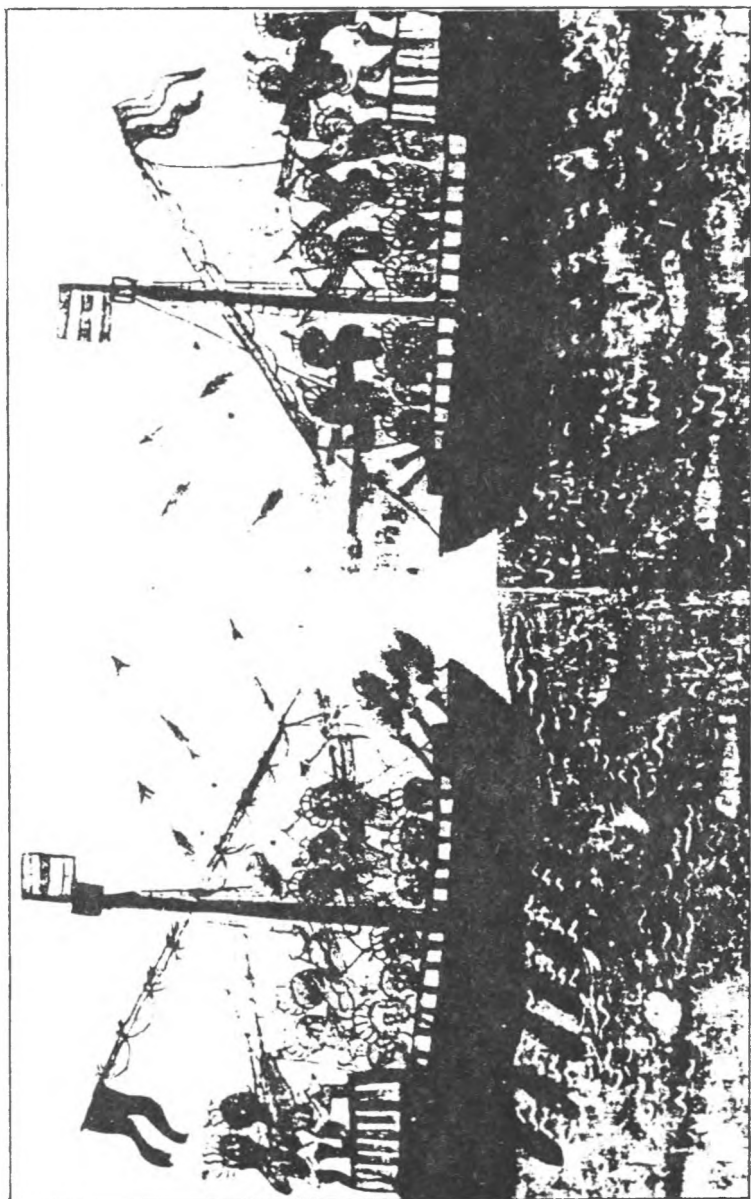

Флибустьер Карибского моря

случае высаживали десант, который уходил в глубь страны на охоту за торговыми караванами. Любопытно, что термин «вако» означает буквально «японский грабитель». Действительно: жители Кореи и Китая, начав употреблять его, отождествляли разбойника, приходящего с моря, с японцем, так как грабители приплывали откуда-то из океана. Однако с течением времени пиратство потеряло выраженный национальный характер. Если в XV в. банды формировались за счет вышедших из Страны Восходящего солнца, то к началу XVI в. разобратся в национальной принадлежности грабителей было уже невозможно, и термин «вако» приобрел собирательный характер. Одежда японцев превратилась в камуфляж, под прикрытием которого разбойничьим промыслом занимались и китайцы, и индийцы, и корейцы, и филиппинцы, а с появлением европейцев в категорию «японских разбойников» попали и португальцы.

Масштабы бедствий, чинимых грабителями, были огромны. От периодических опустошений бандами вако не спасали ни отряды местной самообороны, ни укрепления, возводимые вдоль побережья или при входе в гавани, ни жесточайшие наказания за пиратство, ни создание охранных флотилий, крейсирующих вдоль берегов. Особенно страдали от набегов владения «Поднебесной» Китайской империи — могущественнейшей державы в Азии. В период династии Мин (1368 — 1644) приморские провинции находились под постоянным прицелом разбойников. Так, в 1547 году сто кораблей японских пиратов долго стояли у Нинбо (пров. Чжецзян)... *«Несколько тысяч человек высадились на берег, жгли и грабили»*. Высокопоставленный китайский чиновник докладывал, что *«наиболее корыстные вступили в связь (с японцами) в целях погони за прибылью и тем самым стали проводниками тех, кто попирает наши берега»*. Неспособность японских властей обуздать вако привела к разрыву в том же году отношений Китая с Японией. А вскоре в Японии развернулась очередная война феодалов за власть, и нечего было и думать о том, чтобы положить конец деятельности пиратов. Они буквально заполонили море и действовали совершенно безнаказанно, облепив китайское побережье от Шаньдуна до Кантона. Только в десятилетие 1551 — 1560 гг. источники упоминают о 467 эпизодах разбойных нападений, а в следующее десятилетие прибавилось еще 75. Лишь после прихода к власти правителя Хидзэси Тоётоми (1582 — 1598) был выпущен указ о решительных мерах против пиратов, и их активность резко уменьшилась. Впрочем, окончательно справиться с разбойниками так и не удалось.

Появление европейцев придало новый толчок традиционно развитой разбойничьей индустрии в регионе. С запада наступали португальцы, а вслед за ними шли голландцы, англичане и французы; с востока подступали испанцы. Они хлынули в Индийский океан, и под натиском пришельцев коренным жителям Азии, промысляю-

Туземные пираты Малабарского берега. Акварель, выполненная португальцем, жившим в Гоа (XVI в.)

шим разбоем, пришлось потесниться. Военные корабли, символ европейской мощи, подкрепляли амбиции энергичных выходцев из Старого Света, которые грабили купцов всех наций без разбора. Их наглость, бесцеремонность и уверенность в собственных силах и праве действовать, не считаясь с местными обычаями, граничили с варварством. Деятельность европейских громил ужасала современников, которые были преисполнены негодования от чинимого ими насилия. Вот как описывает Франсуа Бернье, путешественник и придворный врач правителя Великих Моголов Аурангзеба, один из разбойных пиратских притонов — королевство Аракан.

«... в королевстве Аракана, или Мога, жило постоянно некоторое количество португальцев и с ними много метисов, христианских рабов и других франги (букв.: иноземец, пришелец. — Д. К.) из разных мест. Это было убежище беглецов из Гоа, с Цейлона, из Кошина, Малаги и всех других мест Индии, в которых прежде находились португальцы. Расстриги, покинувшие монастырь, люди, женившиеся по два и три раза, убийцы, словом, весь преступный мир встречал здесь самый радушный прием. Они вели омерзительный образ жизни, совершенно не достойный христиан, доходя до того, что безнаказанно убивали и отравляли друг друга, убивали собственных духовных лиц, которые, впрочем, часто бывали не лучше их самих».

Европейцы зачастую сами подталкивали местных жителей к занятию пиратством. Так, например, в ноябре 1667 года голландцы заключили Бонгайский договор с султаном индонезийского государства Макасар. В соответствии с ним, все прибрежные укрепления срывались, а жители лишались права заниматься морской торговлей — вся их деятельность жестко регламентировалась агентами Голландской Ост-Индской компании, и без пропуска от резидента компании они не имели права плавать *«под страхом потери жизни и имущества»*. Тем самым буги — жители Южного Целебеса, — лишённые исконных занятий, тысячами бежали из Макасара и, осев на восточном побережье Явы, занялись морским разбоем и грабили суда Голландской Ост-Индской компании.

Подобную же деятельность, но против испанских поселений и судов, вели народы мусульманского юга Филиппин, т. н. моро, совершавшие в течение почти двух веков нападения на остров Лусон и наносившие серьёзный урон испанским владениям на Филиппинах.

* * *

В классификации морского разбоя наряду с географическим фактором не менее важен фактор правовой. Этот второй момент подводит нас к вопросу о взаимоотношениях морского разбоя и властных структур и связанных с этим понятием каперства, приватирства и корсарства.

Определить род занятий и профессию *капера* помогает история

Нападение Коксинги на голландский форт Зеландия (о. Формоза)

Гравюра XVIII века

самого слова. В древние времена латинское «саріо» означало «завладевать», «захватывать». Собственно, европейское понятие «капер» происходит от голландского «ка́реп», объединительное для глаголов «захватывать», «грабить», «воровать», и «кареп», т.е. «легкое морское судно». Во французском языке глагол «capturer» переводится как «поймать», «захватить». Любопытно, что глагол «sareer» означает буквально «ложиться в дрейф». Необходимость подобного действия ясна для всех, находившихся в засаде в ожидании жертвы. В России понятие «капер» чаще всего употреблялось для определения лиц соответствующего образа деятельности, и его производными стали слова «каперить», «закаперить», «каперствовать», «капершик».

Второй термин — *приватеры* — применяется преимущественно в англоязычных странах. В основе слова лежит латинское

«privatus» («частный», «неофициальный»). Понятие использовалось для определения вооруженного судна, укомплектованного частным лицом, или обозначало капитана и членов экипажа этого судна. Сама же деятельность получила название «приватирство».

Лица, занимающиеся каперством в странах Средиземноморского региона, получили название *корсары*. Происходит слово от латинского «currere» — «бегать», «cursus» — «бег», «плавание»: «cursorius» — «быстрый», «легкий на ходу». В авантюрно-приключенческой литературе часто понятия «корсар» и «пират» не различают, применяя их как идентичные, и называют корсарами разбойников, охотящихся в южных морях. Действительно, тонкая грань, разделяющая термины, привносит немало путаницы. Так, например, знаменитые французские корсары эпохи Людовика XIV были каперами. Невозможно, однако, однозначно оценить характер деятельности морских разбойников Северной Африки. Для европейского мира корсары Магриба являлись пиратами. Однако в исторических реалиях XVI — XVII в. их промысел был не просто морским разбоем, но выступал в качестве одного из звеньев правительственной политики, проводимой мусульманским миром в отношении стран христианской Европы.

Все лица, занимающиеся каперством, приватирством или корсарством, будь то англичане, голландцы, датчане, испанцы, шведы или французы, как зеницу ока берегли специальный документ, который был для них дороже самой жизни, — *каперское свидетельство* («letters of marque» — англ., «lettres de marque» — фр.).

ПОРТУГАЛЬСКОЕ КАПЕРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО, ВЫДАННОЕ ШАРЛЮ ДЕ БИЛСУ

Документ № 1

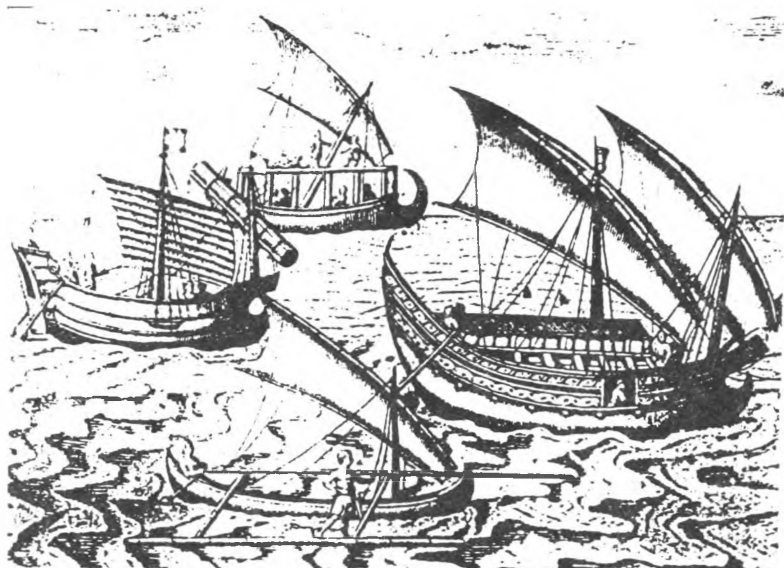
10 февраля 1658 г.

Мы, Афонсу¹, милостью Божией король Португалии и Алгарве... повелитель... мореплавания и торговли Эфиопии, Аравии, Персии и Индии, настоящим объявляем:

Пусть знают все, кому будет предъявлен этот выданный мною патент, что мне угодно выставить корабли для борьбы с морскими разбойниками, совершающими набеги на побережье моих королевств, а также для удобства торговли с этими владениями.

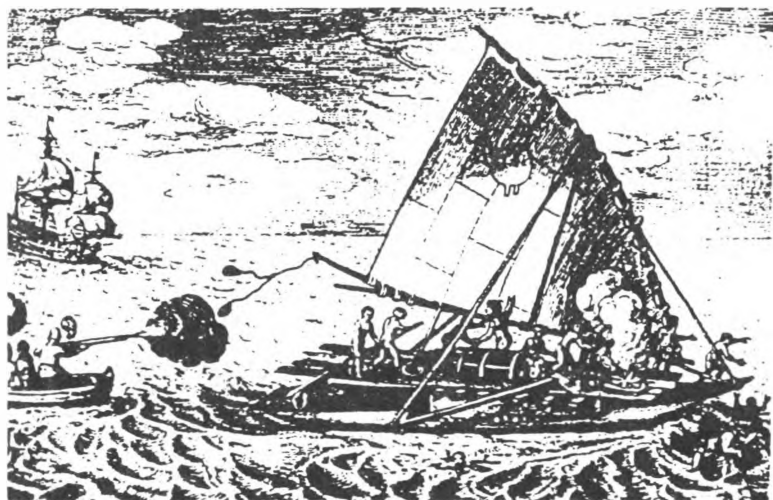
Принимая во внимание достоинства и знания, которые совместились в лице Шарля де Билса, и оказывая ему доверие, надеюсь, что он будет честно исполнять все, что касается порученного ему.

¹ Афонсу VI (1643 — 1683), король Португалии (1656 — 1668), брат Катерины Браганской, супруги английского короля Карла II.

Индонезийские суда

Рисунок 1600 года

Голландцы захватывают судно туземцев

Рисунок 1619 года

В силу вышесказанного мне угодно и приятно назначить его капитаном военного корабля. В соответствии с полномочиями, названными выше, он может оснастить за свой собственный счет корабль в 100 тонн, со всеми необходимыми шлюпками, пушками, экипажем, боеприпасами и провизией, как он сочтет удобным, для того, чтобы вести войну с подданными короля Испании¹, турками, пиратами, морскими бродягами, захватывать их корабли, их товары и добро, отводить их в любой порт королевства. Здесь нужно дать отчет об этих кораблях моим чиновникам; они занесут все полученные сведения в книги, которые ведутся специально для этой цели, и решат, являются ли эти корабли и все найденное на них законным призом. Он может останавливать и обыскивать любые корабли, которые сочтет нужным, если заподозрит, что они нагружены товарами наших врагов; заходить в их порты, но во всех случаях относиться доброжелательно ко всем союзникам нашей короны, платить таможенную пошлину от захваченных призов, согласно размерам, принятым в этом королевстве. Сим я прошу всех королей, принцев и сюзеренных правителей, а также республики, штаты, их наместников, генералов, адмиралов, губернаторов провинций, городов и портов, капитанов и офицеров оказывать вышеозначенному Шарлю де Билсу всяческую помощь и содействие и предоставлять ему право заходить и покидать их порты на своем корабле с людьми, призами и всеми теми вещами, которыми он может владеть. Со своей стороны, я обязуюсь сделать то же в подобных случаях и отдать приказ моим губернаторам, генералам и офицерам позволять союзникам приходить к нам со своими призами на то время, которое они сочтут нужным. В подтверждение чего я приказал послать это каперское свидетельство, подписал его и велел скрепить большой королевской печатью.

Дано в городе Лиссабоне в 10-й день февраля месяца. Писано Антонио Маркесом в год 1658-й от рождества Господа нашего Иисуса Христа.

Королева²

Документ № 2

10 сентября 1662 г.

Поскольку вышеуказанный Шарль де Билс предстал передо мной, заявив, что он потерял патент, и просил меня о милости вы-

¹ Война с Испанией началась в 1640 г. в результате отпадения Португалии от Испанского королевства, в составе которого она находилась с 1581 г. После нескольких неудачных попыток восстановления прежнего положения, Испания была вынуждена признать независимость Португальского королевства (1668 г.).

² Ввиду несовершеннолетия Афонсу VI государством управляла королева-мать, донна Луиза. В июне 1662 г. в результате государственного переворота к власти в стране пришел Афонсу VI.

дать ему другой, я приказал выписать ему копию из регистрационной книги¹.

Дано в Лиссабоне 10 сентября 1662 г. Заверено большой государственной печатью.

Король

Как организованная форма морского разбоя каперство строилось в соответствии с определенными принципами. Если свести их воедино, то можно выделить следующие основные правила.

1. Владельцы каперских грамот не имеют права на владение более чем одним свидетельством. В противном случае они считаются пиратами и подлежат смертной казни.

2. В случае, если капитан желает получить свидетельство от иностранной державы, то он должен получить для этого разрешение своего правительства.

3. Каперские экипажи подсудны военным судам.

4. Капитан каперского судна вооружает судно самостоятельно, на свой страх и риск.

5. При приближении к неприятелю он может действовать под флагом любого государства, однако перед началом боя он должен поднять флаг своей страны.

6. Разрешается захват:

— судов неприятеля;

— судов без судовых документов, скрывающих свою принадлежность;

— судов, отказывающихся подчиняться приказу показать флаг или лечь в дрейф;

— судов нейтральных держав, перевозящих контрабандный товар противной стороны.

7. При захвате судна запрещается его грабить. Все грузы остаются запечатанными и при приводе судна в порт описываются призовой комиссией, определяющей стоимость приза.

8. В случае, если захват судна будет признан правильным, его продают с аукциона. Вырученная сумма, после вычета издержек за выгрузку, охрану, судебные расходы и одной десятой в пользу правительства, распределяется на следующих основаниях:

— одна треть собственнику судна;

¹ Нам неизвестны причины, в силу которых каперская грамота была потеряна. Версии могут быть приняты самые разнообразные — от несчастного случая, в результате которого грамота могла, например, сгореть, до осуществления де Билсом выгодной сделки — продажи ее какому-нибудь авантюристу. Нам представляется, что жизнь слишком разнообразна в своих проявлениях, чтобы при таком ограниченном количестве фактов принимать ту или иную точку зрения. Впрочем, при анализе этой ситуации читатель вполне может полагаться на свой жизненный опыт.

— одна треть поставщику продовольствия, материалов и вооружения;

— одна треть капитану и экипажу судна.

9. В случае, если захват судна будет признан неправильным, капитан считается ответственным за нанесенный судну, экипажу и грузу ущерб.

Каперство и пиратство

«Я уволился и тут же снова нанялся на корабль «Святой Ян», который шел на каперство. Мы отправились в Ливорно; в пути я узнал, что капитан, которого зовут Гармен Беен, идет по трем дорогам и живет одним разбоем, благодаря чему, как только мы прибыли в Ливорно, я покинул капитана и его корабль, тем более что он уже начал грабить и сделал своей добычей добро, вверенное ему некоторыми купцами. Опасаясь того, что придется расплачиваться по его счету, я удрал. Гармен Беен тоже почувал, что плутни его могут открыть, и решил поскорее убраться; но в то время в гавани Ливорно стояли начальник Виллен-фан-дер-Саан и капитан де Вильд, и ему это запретили, по приказу великого герцога он и его корабль были задержаны и заключены под стражу. Простых матросов отпустили, но капитан пробыл некоторое время в заключении, после чего, когда он попал в Голландию, снова был брошен в тюрьму». (Ян Стрейс. Три достопамятных и исполненных многих превратностей путешествия...)

Мы начали этот раздел с рассказа бывалого голландского путешественника, которому пришлось на своем горьком опыте познать разницу между официально разрешенной морской охотой и вольным промыслом. Его история — одна из тысяч подобных жизненных поворотов, один мелкий штрих, проливающий свет на практику каперства.

Один из самых запутанных вопросов в проблеме взаимосвязи каперства и пиратства — отношение власть предержащих к присутствию в своих водах «разбойников». Безопасность и свобода деятельности морских охотников вплотную зависела от нюансов политической политики и проводимого внешнеполитического курса.

Ярким подтверждением подобной связи может служить, например, политика, проводимая Елизаветой I Тюдор в отношении «своих» разбойников. В обстановке постоянной угрозы войны с Испанией королева была заинтересована в пиратах как в опытных военных моряках, потенциальных приватирах. Они были прекрасными рекрутами для флота, и, пока отряды морских разбойников обитали на побережье, можно было не беспокоиться об обороне.

В 1573 году Елизавета послала во Францию графа Уорчестера с подарком (золотым подносом) к крестинам дочери короля Карла IX.

По дороге из Дувра в Булонь на королевского посланника напали пираты. Сам Уорчестер с подносом сумел спастись, но его сопровождающие были убиты, а разбойники захватили добычи на 500 фунтов стерлингов. А что же власти? По приказу королевы район блокировали, выловив сотни разбойников, но только трое из них были повешены, остальные же попали на королевский флот.

Пираты при Елизавете I — это, по сути дела, привилегированная прослойка уголовных преступников. «Кровавое законодательство» конца XVI в. на них не распространялось. Действительно, не оплошностью ли было вешать возможных защитников родины? Когда возникала острая необходимость в наборе людей на флот, следовали указы о строгих мерах против разбойников, и корабли Ее величества пополнялись новыми матросами. Естественно, при таком отношении ни о каком спокойном плавании в английских водах не могло быть и речи. К счастью для отечественных торговцев, пираты брали в основном иностранные суда, что вряд ли радовало голландцев, португальцев, французов и, в особенности, испанцев — шансы на возмещение убытков были ничтожны.

Знаменитые приватиры, «морские волки» Елизаветы I (Ф. Дрейк, М. Фробишер, Р. Гренвилл, Т. Кавендиш), отдали все силы разрушению и разорению испанских торговых трасс, стали пионерами в морской экспансии Англии и по иронии судьбы вписали свои имена на страницы истории пиратства, так как зачастую действовали на свой страх и риск. Так Дрейк, вернувшись в Англию после очередного грабительского рейда по испанским колониям, предпочел не афишировать свои подвиги, так как застал в стране потепление в отношениях с Испанией и опасался, что его выдадут испанским властям в качестве морского разбойника. Фробишер же, не достав в очередной раз каперской грамоты, был посажен в тюрьму за пиратство.

Та же двойственность обнаруживается и в других действиях правительства. Когда в Нидерландах разгоралась борьба против Испании, то главную опору сопротивления составляли так называемые «морские гёзы» (гол. «geuzen», от фр. «gueux» — «нищие», как назвал в насмешку один из придворных наместники Маргариты Пармской бедно одетую группу нидерландских дворян, подавших в 1566 году петицию о преобразованиях в стране) — жители прибрежных районов, ведущие борьбу с испанцами на море. Организовав блокаду портов страны, они грабили испанские торговые караваны, нападали на прибрежные гарнизоны и города, захватывали испанские корабли, т. е. занимались самым настоящим пиратством, но политически окрашенным. С 1568 года принц Вильгельм I Оранский, возглавивший борьбу с испанцами, начал выдавать этим партизанам-пиратам каперские грамоты с разрешением вести войну против испанцев, установив отчисление 1/3 захваченного в пользу освободительных сил. Елизавета I, заинтере-

Английские и голландские моряки XVI века
Гравюра 1581 года

сованная в ослаблении Испании, открыла английские порты для гезов, и до весны 1572 года они базировались на английском побережье. Однако опасение открытого конфликта с Испанией заставило королеву в феврале 1572 года отказать гёзам в убежище.

Символично, что когда испанская «Непобедимая армада» приближалась к Англии, то сообщение о появлении первых испанских кораблей в Ла-Манше пришло от английских пиратов: некий Флемминг пришел с этим известием в Плимут и, готовый сражаться с испанцами, сдался командующему флотом лорду Хоуарду.

Другой сложный вопрос — где проходила грань между официально разрешенным каперством и незаконным пиратством. Дело в том, что каперские грамоты порождали массу недоразумений. Попытки следственных властей, заподозривших судно в грабеже, установить, капер это или пират, часто заходили в тулик. Дело в том, что любой здравомыслящий пират старался раздобыть для себя такое «отпущение грехов» и, обезопасившись с его помощью, действовал безбоязненно.

Как только начиналась новая война, разбойничьи суда устремлялись на военные базы воюющих стран, и главари бандитских шаек, не обременяя себя излишними размышлениями, вступали в договор с местным губернатором и становились добровольцами на службе у какого-нибудь европейского монарха. Пираты Карибского моря знали, что наиболее перспективным местом для получения каперской грамоты была французская Тортуга. От ее губернатора Бертрана д'Ожерона почти всегда можно было получить разбойничью лицензию на грабеж испанцев. Пираты, в свою очередь, выплачивали ему 1/10 часть захваченной добычи. Восторженную оценку этой стороны деятельности д'Ожерона дал доминиканский монах Жан Батист Лаба, путешествовавший по Вест-Индии в 1696 году. *«Мне не приходилось, — сообщает он, — когда-либо видеть правителя более бескорыстного, чем он. Он едва соглашался принять малую долю того, что принадлежало ему по праву каперских грамот, выданных им во время войны. А когда у нас был мир с испанцами и наши флибустьеры от нечего делать могли отправиться к англичанам на Ямайку и повести туда свои суда, он позаботился снабдить их грамотами из Португалии, которая тогда воевала с Испанией, и наши флибустьеры продолжали представлять опасность для испанцев».*

В том случае, если пирату, по тем или иным причинам, было нежелательно заходить на Тортугу, его с распростертыми объятиями встречал губернатор английского острова Ямайка сэр Томас Модифорд, столь же трепетно относившийся к подобным просьбам¹.

¹ Например, в 1665 г. губернатор предоставил грамоту пирату Эдуарду Мансфельду с позволением действовать против голландского Кюросоа. У того же имелась и португальская грамота против испанцев, и он направился в поход на Кубу.

Когда война заканчивалась, пираты не расставались с доверенностью — документ бережно хранили в капитанском сундуке. Он мог всегда пригодиться и поднимал престиж его владельца. Находились среди пиратов и настоящие коллекционеры, в чьих руках оказывались грамоты на разбой, полученные от государств-противников. С такими любителями двойной игры, как правило, не церемонились. Одним словом, с каперскими грамотами было много всякой путаницы и несообразностей. Показательную историю о том, сколь интересные судьбы подчас складывались у каперских грамот, можно почерпнуть из дневников Уильяма Дампира. В 1685 году, находясь в Панамском заливе, он стал свидетелем встречи английских и французских пиратов. *«Капитан Гронье продемонстрировал свое расположение, предложив капитану Дэвису и капитану Свану новую грамоту от губернатора Пти-Гоав. Для последнего было обычным делом давать незаполненные бланки своим капитанам с наставлением передать их тому, кому они посчитают нужным. Таким образом, грамоты губернатора Пти-Гоав предоставляли убежище и приют любому из отчаянных искателей удачи и этим способствовали росту их богатства, силы и репутации. Капитан Дэвис принял грамоту; на руках у него, впрочем, была старая грамота, доставшаяся по наследству от умершего капитана Кука, который, в свою очередь, заполучил ее от капитана Тристьяна вместе с его барком¹. Капитан Сван, однако, отказался взять ее, сказав, что у него есть грамота от герцога Йоркского²... Я никогда не читал ни одной французской грамоты, пока был в здешних водах, и не знаком с их содержанием, но с тех пор я узнал, что истинный смысл их заключается в том, чтобы даровать свободу рыбной ловле и охоте на дичь. Причина подобного в том, что остров Эспаньола, где расположен Пти-Гоав, принадлежит частью французам, частью испанцам, и, когда наступает мир, эта грамота выдается как обоснование каждой из сторон защищать себя от вмешательства противника. В действительности же французы не ограничивают их действие одной Эспаньолой и подобным обманным путем предоставляют возможность опустошать любую часть Америки, на море и на суше».*

Порой же случались и совершенно невообразимые истории. Вот, например, какой случай мог бы рассказать один из очевидцев:

«Сначала чиновник изумленно воззрился на подателя бумаги, а затем контору заполнили раскаты оглушительного хохота. Один Господь Бог знал, да, может быть, еще сам герой этой истории мог

¹ Судно французского пирата Тристьяна было захвачено в 1683 г. Куком на рейде Пти-Гоав, когда Тристьян и его французский экипаж высадились на берег.

² Герцог Йоркский (1633 — 1701) — брат английского короля Карла II, английский король под именем Якова II (1685 — 1688).

бы припомнить, при каких обстоятельствах он получил этот серьезнейший документ. Безграмотный темный мужлан, он горделиво помахивал листком и утверждал, что, прочитав его, все сразу поймут, какой перед ними важный господин. Ведь сам король Дании доверил ему свидетельство о каперстве. Возможно, датский чиновник, выписавший документ этому лихому вояке, пошутил, а может, просто разбойник не сумел добыть другую бумагу с печатью, но бесценная грамота, которой так дорожил хозяин, гласила, что „подателю сего разрешено охотиться на диких коз“».

Не всегда каперская деятельность прекращалась с окончанием войны. Так, в разгар англо-голландских морских войн английские торговцы Эдмунд Тэрнер и Джордж Кэрю получили право на каперские действия в отношении голландских судов. Они могли захватывать торговцев, пока не будет собрана сумма в 151 612 фунтов стерлингов, которая должна была погасить потери от захваченных в 1643 году английских судов. Любопытной была оговорка в тексте свидетельства, разрешающая новоиспеченным каперам продолжать свою деятельность и после заключения мира с Голландией, если к этому времени они не сумеют возместить свой убыток.

Однако каперскую активность подогревали не только войны. Другими важными источниками каперских грамот становились внутриполитические столкновения, вражда правящих группировок, приобретающая масштабы военного конфликта, и, конечно, революции, заявившие в XVI — XVII вв. свои права на переделку мира.

В 1644 году в Англии началась гражданская война. Линия политического противостояния разделила страну на два лагеря — приверженцев короля Карла I и сторонников Парламента. Противоборствующие стороны сражались не только в самой Англии — ожесточенные столкновения охватили самые отдаленные уголки безбрежных морей, дав несколько любопытных примеров каперской практики, например, на стороне короля.

Капитан Джон Макнелл имел веские основания быть недовольным революционными властями. Как-то раз в его доме веселилась компания его друзей, и, изрядно выпив, они прошлись по адресу парламентских властей, за что хозяин был приговорен к штрафу и тюремному заключению. Из развития дальнейших событий становится ясно, что подобные разговоры были не случайны. В августе 1644 года проштрафившийся капитан привел торговый корабль на остров Св. Иоанна в Индийском океане. Во время перехода некоторые из членов экипажа с подозрением присматривались к капитану, и Макнелл решил развеять их сомнения в отношении своей революционности. Он знал верные способы заслужить доверие экипажа и пообещал, придя в порт, устроить знатную пирушку на берегу. На нее он увел своих трех помощников, священника, врача, боцмана, плотника и четырех купцов. чьи товары лежали в трюме его корабля.

Пирушка началась, но вскоре капитан куда-то пропал, и компании пришлось продолжать без него, недоумевая о причинах исчезновения своего собутыльника. Утром, продрвав глаза, гуляки вышли на берег и увидели, что корабль уходит в открытое море.

Ночью на палубе происходили большие дела. Подвыпивший Макнелл явился на борт и, созвав команду наверх, приказал всем поднять руки. Некоторые члены команды были за капитана, и с оружием в руках окружили матросов, заставив их повиноваться.

Капитан, отхлебнув из огромного кубка вина, обратился к экипажу с проникновенной речью: «Джентльмены. Буду краток. Я захватил корабль для короля, и завтра, как только мы отчалим, вы получите по 100 реалов каждый». Капитан знал, что говорить. «На корабле, — продолжал он, — товары купцов. Вы получите 2/3, а король — 1/3 и корабль. Затем пойдем к берегам Красного моря и поищем добычу. А кто против, — меч предупреждающе сверкнул в руках оратора, — так этим «парламентским псам» он быстро голову снимет». Не советовал капитан и вплавь добираться до берега — он сообщил, что прикажет стрелять по плывущим. Запуганной команде пришлось повиноваться, и Макнелл вышел в море. Правда, солидного разбоя не получилось. Капитан не доверял своей команде. Сделав несколько захватов, корабль в январе 1645 года пришел в Бристоль, порт короля. Здесь Макнелл передал все захваченные ценности представителям Карла I и пообещал служить делу монархии до конца, выразив надежду, что сможет собственными руками изрубить в куски некоторых членов Парламента. Но и Парламент не дремал.

В 1645 году к английской крепости Сен-Мэри в Мэриленде (Сев. Америка) подошло купеческое судно «Реформейшн» («Преобразование»). Само название корабля выдавало в его хозяине противника королевской власти. Так оно и было. Капитан Ричард Ингл был прекрасно известен местному губернатору-монархисту. В 1644 году Инглу пришлось бежать из Мэриленда в Англию за непочтительные слова в адрес монарха. Теперь он вернулся с каперской грамотой, полученной от революционных парламентских властей, и был готов наказать подлых аристократов. Гражданская война часто бывает удобным прикрытием для обогащения и сведения личных счетов. Ингл захватил голландское судно, стоящее в акватории, высадил десант и, разогнав гарнизон, занялся грабежом. Погрузив найденные грузы на судно, капер прошелся вдоль берега, разоряя прибрежные поселения, при этом уделяя особое внимание богатым усадьбам мэрилендских аристократов и католических священников. Пример Ингла вызвал цепную реакцию на побережье, превратив его в очаг антикоролевских выступлений.

Наконец, основанием для предоставления каперской грамоты могла стать забота правительства о защите своих границ, своей

торговли от пиратов. Собственно с этого каперство и началось¹. В истории есть немало примеров подобных каперских грамот, самой знаменитой из которых стала грамота, данная Уильяму Кидду.

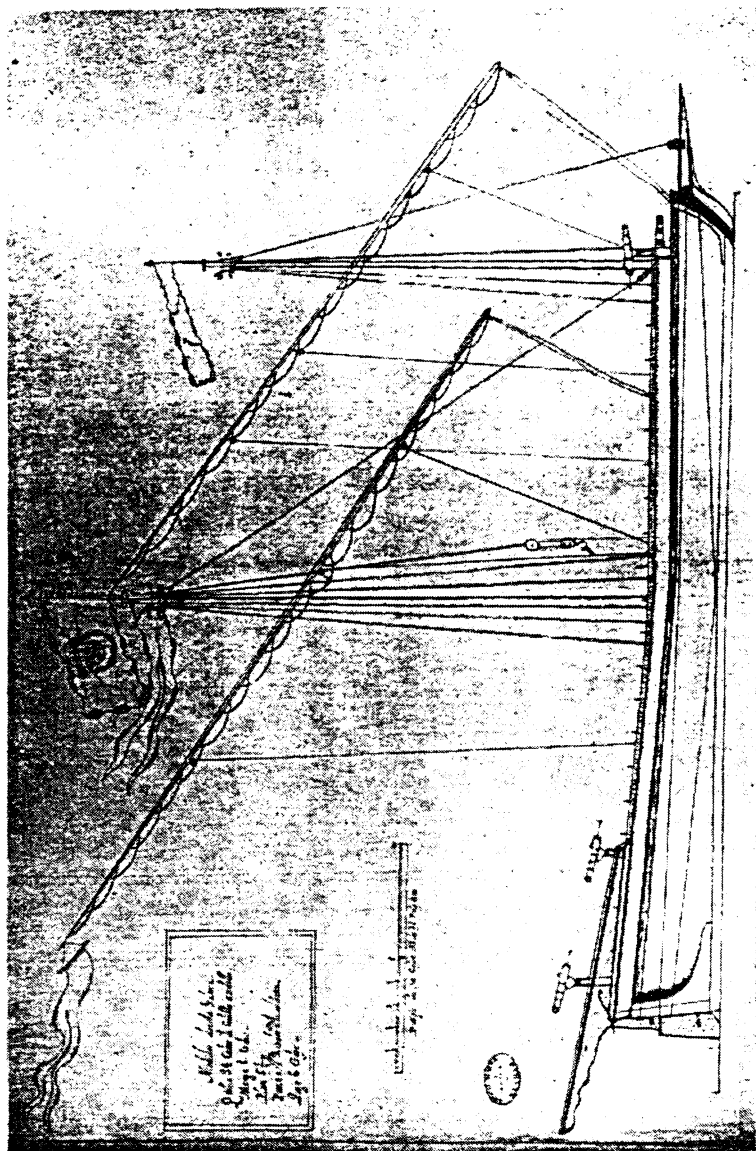
Парадоксально, но факт — до конца XVII в. испанские власти отказывались пускать в обращение каперские свидетельства. Казалось, трудно было бы отыскать более подходящее средство, чтобы отомстить обидчикам — англичанам, голландцам и французам — и силами предприимчивых опытных испанских навигаторов положить конец их разбойничьей деятельности у испанских побережий Старого и Нового Света. Кроме того, привлечение частных лиц привело бы к экономии государственных средств, а быстрые маневренные каперские флотилии могли бы действовать намного эффективнее, нежели королевский флот.

В 1666 году советник одной испанской торговой палаты предложил привлечь для охраны американских вод фламандских приватиров. Через три года похожее предложение последовало от арматоров² Бискайского залива: судовладельцы были готовы отправить восемь — десять кораблей к берегам Новой Испании, однако взамен хотели получить право беспошлинной торговли с колониями. Им было отказано, так как предоставление подобных привилегий означало бы официальную лазейку для контрабанды в обход строго регламентируемого кодекса испанской торговли. Но развал океанских торговых линий и наглое хозяйничание пиратов в Вест-Индии заставили испанские власти пойти на смягчение существующих правил. В феврале 1674 года вышел указ, предоставлявший на выгодных условиях каперские свидетельства. Вскоре в Вест-Индии появились испанские каперские суда — небольшие галеры, приспособленные для плавания на мелководье, с пушкой на носу и четырьмя орудиями на корме, которые сразу превратились в серьезную помеху для пиратов и контрабандистов, особенно в заливе Кампече, побережье которого было известно всему миру как центр добычи и переработки драгоценного кампешевого дерева.

И наконец следующий запутанный вопрос, на который также невозможно получить однозначный ответ, — в какой степени зависели владельцы каперских грамот от политической конъюнктуры. Когда речь идет о Европейском регионе с реально существующей в нем возможностью жестко контролировать приватирскую и пиратскую деятельность, то можно отметить, что правительства

¹ В 1224 г., например, Венеция, терпящая огромные убытки от пиратства, снарядила специальную флотилию в Адриатическом море под командованием капитана Гольфа. В задачи этого отряда входило конвоировать торговые суда, нападать на пиратские суда и производить проверку кораблей, подозреваемых в пиратстве.

² Арматор (фр. «armateur», от лат. «armator» — «вооружающий», «снаряжающий») — судовладелец, снаряжающий судно в рейс, вооружающий его, нанимающий команду и капитана.

Испанское судно береговой обороны (Вест-Индия)
Рисунок 1695 г.

располагали здесь достаточными рычагами давления. В Англии, например, после 1588 года каперские свидетельства выдавались любому купцу, который привел доказательства ушерба, причиненного ему испанцами. Предоставлялись они только на шесть месяцев, но легко возобновлялись. Десятую часть добычи каперы отдавали в пользу королевы (или лорд-адмирала); если они отказывались платить эту «десятину», то против непослушных заводились уголовные дела. С восшествием же на престол Англии Якова I и начавшимся потеплением в отношениях с Испанией, вышел ряд указов, требовавших возвращения каперских грамот. Английские приватиры потеряли свою работу и были вынуждены либо осваивать новую профессию, либо перебираться в другие, более отдаленные районы, например в Средиземное море¹. Другой пример — Война за испанское наследство. С ее окончанием высвободились сотни приватиров, а последовавшая демобилизация флотов еще более расширила рынок свободных рук. Однако взрыва пиратства в европейских морях не последовало.

Совсем иная ситуация возникла в отдаленных колониях, куда и перемешалась волна приватиров и авантюристов, порождая сложный, пестрый и многообразный разбойничий мир, такой, например, как береговое братство флибустьеров Вест-Индии. Как они зависели от перипетий европейской политики, на чьей стороне они сражались?

Мир разбойников Вест-Индии был слишком сложен, пестр и многообразен, чтобы мог быть получен простой ответ. Примем во внимание ряд обстоятельств.

Береговое братство, объединявшее людей, специальностью которых был морской разбой, являло собой многонациональное формирование. Представление о разбойнике вообще как о человеке, с горящими от алчности глазами рыскающем по морям в погоне за добычей, достаточно распространено, но подобное восприятие упрощает действительную картину вещей. Ошибочно думать, что пират-флибустьер был начисто лишен представлений о таких понятиях, как «моя отчизна», «мой король», «наши купцы» и т.п. Национальному происхождению в разбойничьей среде могли до поры до времени не придавать значения и грабить испанские колонии «единым фронтом». Однако и в этот период «интернациональной солидарности» нередко случались конфликты во внутрифлибустьерской среде, например между французами и англичанами.

¹Заметим, что европейским пиратам в этот период особо не повезло. Тот же курс борьбы против морского разбоя проводил король Франции Генрих IV и голландское правительство, которое ввело в 1605 г. строгую регистрацию каперских грамот, а в 1606 г. приняло решение выдавать их после уплаты 20 тыс. флоринов и отдало приказ своим каперам возвратиться в родные гавани.

В 1683 году барк французского капитана Тристьяна, с экипажем из французов, среди которых затесались восемь — десять англичан, стоял на рейде французского порта Пти-Гоав. Англичанам уже давно было не по душе общество французов, и они отважились на смелую акцию. Когда Тристьян отправился с частью команды на берег, англичане устроили так, чтобы за ними последовали и другие французы, — сами же тем временем захватили корабль, срочно набрали экипаж из местных жителей и быстро ретировались, пока известие о захвате не дошло до французского губернатора и Тристьяна.

Постоянные конфликты сопровождали и совместные англо-французские разбойничьи плавания. Яркий пример тому — экспедиция Генри Моргана в Пуэрто-дель-Принсипи в 1668 году, когда убийство француза англичанином фактически раскололо пиратское братство. Та же тенденция обнаружилась во время знаменитого похода буканьеров в Панаму в 1685 году. Когда пиратская флотилия столкнулась в Панамском заливе с испанским военным флотом и оказалась

под угрозой уничтожения, среди запаниковавшего воинства тут же вспыхнули национальные распри: француз капитан Гронье отделился со своими людьми от главных сил и убрался восвояси, предоставив англичанам самим разбираться с испанцами¹.

Когда же в конце XVII в. Франция оказалась в состоянии постоянной войны с Голландией и Англией, национальный вопрос стал барьером, разделившим некогда единое сообщество. Приме-

Вице-адмирал Жан д'Эстре

¹Оставшиеся корабли рассеялись на следующий же день.

ром может служить история, произошедшая в 1689 году, когда корабль англо-французской флибустьерской шайки стоял на якоре у острова Сен-Кристофер. Неожиданно пришло известие о том, что началась Аугсбургская война. Пираты тут же разделились на два лагеря. Англичане, находившиеся в большинстве, избавились от своих собратьев по ремеслу, французов, вышвырнув их на берег. Корабль же они увели в английское владение, к острову Невис, где получили каперскую грамоту, разрешающую действия против французской торговли.

Как мы помним, для разбойника было крайне важно иметь каперское свидетельство. В жилах этих грубых парней в просоленных истрепанных одеждах и с нечесаными космами, потерявших стыд и совесть в погоне за неживой, текла кровь голландцев, шведов, французов, англичан, что часто сдерживало желание принять грамоту враждебного их стране государства, так как тогда они стали бы изгоями среди своих соплеменников. Поэтому, говоря о флибустьерах Карибского моря, мы всегда должны иметь в виду, что для них разбой был разбоем, но разбоем в национальных интересах (читай — с каперской грамотой) всегда отдавалось предпочтение¹. Заметим, что в далекой Европе знали об этих потенциальных океанских союзниках и нередко прибегали к их услугам. Взаимоотношения англичанина Генри Моргана с губернатором английской Ямайки сэром Томасом Модифордом — яркое тому подтверждение. Мы подробнее остановимся на них в главе, посвященной Моргану. Здесь же приведем несколько эпизодов, проливающих свет на сотрудничество пиратов-французов с французской администрацией.

Англо-франко-голландская война (1672 — 1674)

1673 г. — генерал-губернатор французских Антильских островов Жан Шарль де Баас готовит экспедицию против голландского владения — острова Кюросоа. Ему на помощь направился правитель острова Тортуга Бертран д'Ожерон на собственном корабле «Экюель» с отрядом французских буканьеров.

Во время плавания корабль попал в шторм и разбился на рифах к югу от Пуэрто-Рико. Высадившиеся на берег буканьеры были частью перебиты испанцами, а частью (в том числе и д'Ожерон) взяты в плен. В свою очередь, и экспедиция де Бааса не имела успеха.

¹ Не обходилось без исключений. Примером могут служить действия двух голландских приватиров в Карибском море во время Войны за испанское наследство. Один из них, Рейнер ван Тонгерлоо, с полученной от правителя английской Ямайки грамотой благополучно захватил в водах Каракаса не менее восьми судов своих соотечественников, заподозренных им в торговле с врагом. Другой капер, Адриан Кларар, с грамотой, выданной губернатором голландского Кюросоа, также пошел против своих: захватил и затопил в гавани Портобело голландский барк, а взятый груз доставил на Ямайку.

Барон де Пуэнти

Франко-испано-голландская война (1674 — 1678)

1678 г. — флот вице-адмирала Жана д'Эстре готовит экспедицию для захвата того же Кюросао. В ее составе находилось более десятка флибустьерских судов. Самоуверенный адмирал, впервые оказавшийся в местных водах, не воспринял советов опытных офицеров и в один миг потерял всю эскадру, выведя ее точно на рифы у островов Авес. Любопытно, что флибустьеру шевалье де Граммону было поручено остаться на месте крушения и приводить разбитые корабли в порядок.

Война Франции против Аугсбургской лиги (1688 — 1697)

1694 г. — губернатор французской части Сан-Доминго Жан Дюкасс совершает совместный с флибустьерами победоносный опустошительный рейд против Ямайки.

«Ущерб, нанесенный врагу этой операцией, — информирует французский миссионер Ж. Б. Лаба, — составлял более 12 млн, не считая военного 50-пушечного корабля, который они захватили, и множества других торговых судов, которые они увели с собой, поса-

дили на мель или сожгли на берегу. Захваченных и поделенных между собой негров-рабов насчитывалось 19 сотен, но взятых отдельными лицами и не отнесенных к общей добыче было значительно больше. Что же касается денег в отчеканенной монете, мебели, товаров и предметов сахарного производства, то просто невозможно подсчитать точно стоимость всего этого. Достаточно сказать, что захваченного хватило на то, чтобы обогатить порядочное число флибустьеров и обитателей побережья, а Дюкасс и его офицеры сколотили такие огромные состояния, что им могут позавидовать наиболее богатые люди Европы».

Впрочем, французскому правительству не удалось воспользоваться огромной добычей, захваченной на Ямайке, — в декабре 1694 года, возвращаясь во Францию, корабль «Темерэр» с сокровищами на борту столкнулся с англичанами и после ожесточенного боя был захвачен.

1697 г. — капитан 1-го ранга Жан Бернар Луи Дежан, барон де Пуэнти, осуществляет захват испанской Картахены, и вновь на помощь его эскадре приходят Дюкасс и особый флибустьерский отряд с Тортуги. Заметим, что при дележе добычи карибские мастера разбоя были виртуозно обведены вокруг пальца вероломным аристократом, который отсчитал им столь незначительную долю добычи, что чуть было не спровоцировал мятеж. Конфликта среди победителей удалось избежать лишь благодаря вторичному разграблению Картахены, осуществленному уже силами одних флибустьеров.

Война за испанское наследство (1701 — 1713)

1705 — 1706 гг. — эскадры капитан-командора маркиза Анри Луи де Шаваньяка и капитана 1-го ранга Пьера Лемуана д'Ибервиля предпринимают успешный рейд против английских владений в зоне Антильских островов. В составе их отрядов действовали флибустьеры, пришедшие с острова Мартиника.

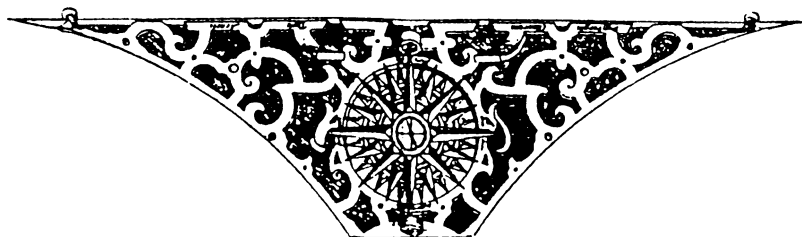
Таким образом, мы видим, что участие французских флибустьеров в войнах Франции было весьма значительным.

Флибустьерская публика была слишком отчаянным и дерзким союзником, чтобы можно было жестко регламентировать и контролировать их действия. Слишком далеко находились Париж и Лондон, чтобы указы, выпускаемые королями, становились обязательными для этих опасных людей. Когда вопрос принимал форму дилеммы — подчиняться приказу свыше и остановить грабеж в связи с изменениями, произошедшими в сферах высокой политики, или продолжить разбой на свой страх и риск, — то флибустьеры часто выбирали второе. Так, в 1678 году в Нимвегене был заключен франко-испанский договор, предусматривающий прекращение враждебных действий с Испанией. Но уже упоминавшийся шевалье де Граммон придерживался на этот счет особого мнения. Зная о запрещении грабить испанцев, он отправился к Кумане, захватил крепость, выве-

сил французское знамя и под лозунгом «Да здравствует король» благополучно разграбил все окрестности, нисколько не смущаясь тем обстоятельством, что полномочия его грамоты закончились. Точно так же в 1685 году никакие усилия французских властей не остановили его поход на Кампече, знаменитый своими богатствами, полученными от торговли драгоценным кампешевым деревом. Когда явившийся в лагерь флибустьеров губернатор Тортуги Тарен де Кюсси пригрозил разбойникам, де Граммон ответил: «Если мои товарищи по оружию согласны отказаться от своих намерений, то я готов сделать то же самое». Ответ товарищей не замедлил себя ждать, и одобрительный крик сотен глоток ясно показал, чего стоит на островах власть «Короля-Солнца». Де Кюсси, естественно, никакой грамоты людям де Граммона не предоставил, но флибустьеры вполне обошлись теми, которые были у них на руках, уже упоминавшимися грамотами для охоты и рыбной ловли.

Кампече был захвачен, и пираты прожили в городе полтора месяца, а окончание их пребывания было отмечено совершенно невиданным увеселением. Шевалье де Граммон решил отметить именины своего короля, Людовика XIV. Утром 25 августа флибустьеры прошествовали торжественным маршем по городу, ружейными и пушечными выстрелами отсалютовали в честь короля и затем прямо на улицах устроили торжественный банкет. Изрядно напившись и всласть повеселившись, они вынесли на берег моря сложенные в портовых складах стволы кампешевого дерева — стоимость собранного дерева приближалась к 200 тысячам пиастров. Пираты поднесли к деревянной глыбе зажженные факелы, и темноту карибской ночи пронзила ослепительная вспышка пламени, осветившая весь берег. Огонь весело охватывал сухие драгоценные стволы, повалил дым, и запах пылающего богатства разнесся по всей бухте, смешиваясь с пряным воздухом тропической ночи. Весь мир был ошеломлен известием о том, как отпраздновали именины короля в Кампече. А герой праздника, де Граммон, торжественно изрек: «Ну разве смогут они в Версале тягаться с нашей затеей? Любая их выдумка покажется сухой чепухой».

Итог можно подвести выдержкой из донесения губернатора Кюросао ван Вика, встревоженного участвовавшими захватами голландских судов их союзниками, англичанами, во время Войны за испанское наследство: *«Крайне необходимо, насколько это возможно, гарантировать себя от нападений наших друзей и союзников англичан»*. (разр. наша. — Д. К.) Он мог бы добавить «и наших соотечественников», поскольку для многих из вольных флибустьеров вопрос о том, на чьей стороне сражаться, в конечном счете означал, как жить сегодня, радуясь тем мгновениям, которые подарила им жизнь, как победить, сражаясь на своей собственной стороне!

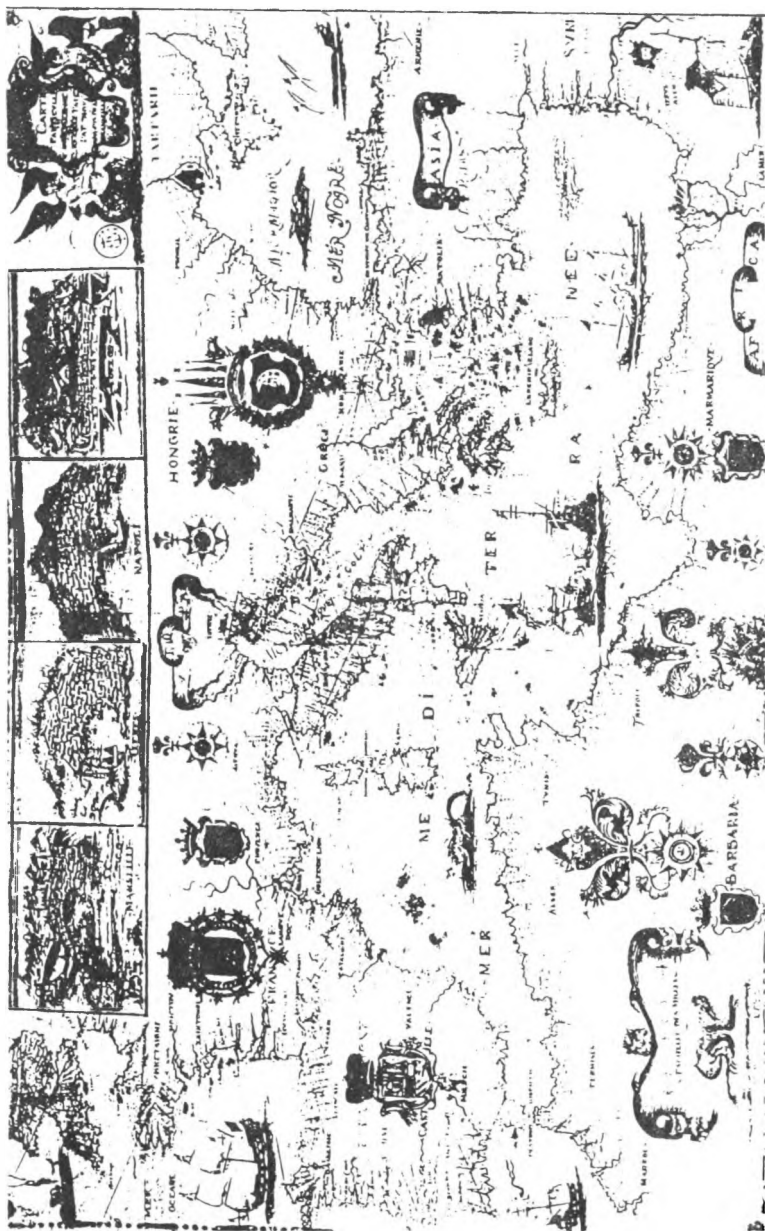
ГЛАВА 2

РЕГИОНЫ МОРСКОГО РАЗБОЯ

Хронологические ориентиры

Средиземное море

- 1492 — падение Гранады. Завершение Реконксты.
1499 — 1502 — венециано-турецкая война.
1505 — 1511 — закрепление Испании на североафриканском побережье. Захват Педро де Наварро Пеньон де Велеса (1508), Орана (1509), Бужи, Триполи (1510).
1511 — неудача испанской экспедиции против Джербы.
1512, 1514 — неудачи Аруджа у Бужи.
1516 — Арудж захватывает власть в Алжире.
1516 — 1517 — захват Османской империей Сирии, Палестины, Ливана и Египта.
1517 — захват Аруджем Тлемсена.
1518 — поражение и смерть Аруджа у Тлемсена.
1518 — переход Хайрадина под сюзеренитет Османской империи.
1520 — потеря Алжира Хайрадином.
1522 — захват Османской империей острова Родос.
1526 — захват Хайрадином Мостаганема и Алжира.
1529 — блокада и захват Хайрадином острова Пеньон.
1530 — рыцари-иоанниты обосновываются на острове Мальта.
1531 — попытка высадки Андреа Дориа в Шершеле.
1534 — 1535 — захват Хайрадином Туниса.
1535 — 1560 — оккупация Туниса испанцами.
1536 — заключение союзного и торгового договора между Османской империей и Францией.

Средиземное море. Карта Оливия, 1662 г.

1538 — 1540 — война Османской империи против Священной Римской империи, Венеции и папы римского.

1538, 27.09 — поражение соединенной эскадры христианских государств у Превезы.

1541 — поражение Карла V под Алжиром.

1543 — 1544 — совместные действия французского флота Франциска I и турецко-корсарского флота Хайрадинна против Карла V.

1548 — захват Драгут-раисом казны Мальтийского ордена.

1551 — захват Триполи Османской империей.

1551 — захват Махдии Драгут-раисом.

1552 — 1554 — совместные действия французского флота Генриха II и турецко-корсарского флота.

1554 — захват Салах-раисом Пеньон де Велеса.

1555 — захват Салах-раисом Бужи.

1560 — неудача испано-венецианской экспедиции у острова Джерба.

1563 — осада Орана и Мерс-аль-Кебира Хасан-пашой.

1565 — осада Мальты флотом Османской империи.

1569 — захват Туниса Ульдж Али.

1570 — 1573 — война Османской империи со «Священной лигой» (Венеция, Испания, папа римский, Мальта, Генуя, Савойя) (Кипрская война).

1571 — захват острова Кипр Ульдж Али.

1571, 7.10 — разгром турецкого флота у Лепанто.

1573 — захват Туниса Испанией.

1574 — установление контроля Османской империи над Тунисом.

1581 — создание французской Левантийской компании.

1607, 1610 — экспедиции великого герцога Тосканского против Алжира.

1610 — алжирский флот Питера Эштона совершает рейд в Бристольский залив и к Ньюфаундленду.

1612 — 1616 — деятельность Генри Мэйнуэринга в Средиземном море.

1620 — 1621 — английская экспедиция адмирала сэра Роберта Мэнсела против Алжира.

1627 — алжирская флотилия Морат-раиса достигает Исландии, разграбление Рейкьявика.

1645 — 1669 — венециано-турецкая война (Кандийская война).

1647 — нападение барбарийских корсаров на побережье Корнуэлла.

1655 — английская экспедиция адмирала Роберта Блэйка против корсаров Алжира, Туниса и Триполи.

1663 — экспедиция герцога де Бофора против Джидтели.

1664 — 1665 — голландская экспедиция вице-адмирала Михеля Адриана де Рюйтера и французские экспедиции герцога де Бофора против североафриканских пиратов.

1667, 1672, 1688, 1693 — наладения алжирцев на Оран.

1672 — английская экспедиция против Алжира.

1681 — французская экспедиция генерал-лейтенанта Авраама Дюкена против Триполи.

1682 — 1683 — экспедиция Дюкена против Алжира.

1683 — 1699 — война Османской империи против «Священной лиги» (1684 — Австрия, Польша, Венеция, Мальта, с 1686 — Россия).

1685 — французская экспедиция вице-адмирала Жана д'Эстре против Триполи.

1688 — экспедиция д'Эстре против Алжира.

Черное, Азовское и Каспийское моря

1-я пол. XVI в. — появление первых поселений казаков на Среднем, Нижнем Дону и в Запорожье.

1502, 1504 — походы казаков на Тавань.

1516 — поход казаков на Белгород (Аккерман).

1523 — нападение на Очаков.

2-я четверть XVI в. — нападения «баловней казаков» на поселения Ногайской Орды.

40-е гг. — создание «на Низу», на острове Томаковка, Запорожской Сечи.

2-я пол. XVI в. — активизация колонизации южных земель («Дикое поле») московским правительством. Строительство Орла, Ельца, Воронежа, Кром.

1552 — присоединение к Русскому государству Казанского ханства.

1556 — присоединение к Русскому государству Астраханского ханства.

1556 — 1558 — походы Дмитрия Вишневецкого и запорожских казаков на Крым.

1561 — нападение запорожцев на Кафу (Феодосия).

60 — 80-е гг. — первые известия о появлении казаков на Волге.

1569 — неудачный поход турецкого султана Селима II на Астрахань. Участие запорожских казаков в освобождении Астрахани.

1570 — строительство казаками Черкаска.

1571 — нападение запорожских казаков на Кафу.

1575 — захват казаками Богдана Ружинского Трабзона, Синопа. Поход на Стамбул.

1576 — захват запорожскими казаками Ислам-Кермена на Днепре.

80 — 90-е гг. — ежегодные набеги казаков на Черноморское побережье Турции.

1580 — возникновение казачьих городков на Яике.

1589 — нападение запорожцев на Газлеви (Евпатория).

1593 — разрушение поляками Сечи на Томаковке. Основание Сечи на острове Базавлук у впадения реки Чертомлык в Днепр.

1595 — захват казацким флотом Синопа.

1602 — разгром турецкой эскадры казаками под Килией и Белгородом.

1603 — сожжение казаками Измаила.

1606 — нападение казаков на Килию и Белгород, захват Варны. Сожжение гетманом Петром Сагайдачным Кафы.

1609 — нападение казаков на Измаил и Килию.

1614 — разгром казаками Синопа.

1615 — уничтожение казаками турецкого флота в устье реки Миус, захват Трабзона, Синопа, разгром турецкой эскадры в устье Дуная.

1616 — победа казаков над двумя турецкими эскадрами, захват Кафы, Синопа, Трабзона.

1617 — поход казаков на Стамбул, разгром турецкого флота.

1621 — прорыв казаков к Стамбулу. *«Гревеликое смятение и страх»* в городе. Поход *«воровских казаков»* под предводительством Тренки-Уса на Каспийское море.

1623 — совместный поход запорожских и донских казаков на Анатолийское побережье Черного моря.

1624 — походы запорожских и донских казаков под Стамбул.

1625 — неудачные операции казаков под Трабзоном. Конфликт казаков. Сражение казаков с турецким флотом капудан-паши Реджеб-паши у Кара-Кермена (Очаков).

1626 — 1631 — переговоры запорожских казаков со шведским королем о борьбе против Речи Посполитой на Балтийском море.

1628 — разрушение казаками Ислам-Кермена. Поддержка казаками претендента на крымский престол Шагин-Гирея, операции против турецких крепостей в Крыму.

1630 — неудачный поход донских и запорожских казаков на Керчь. Разорение греческих поселений на берегах Черного моря.

1631 — 1634 — разбойные рейды по Каспийскому морю донских, запорожских и яицких казаков.

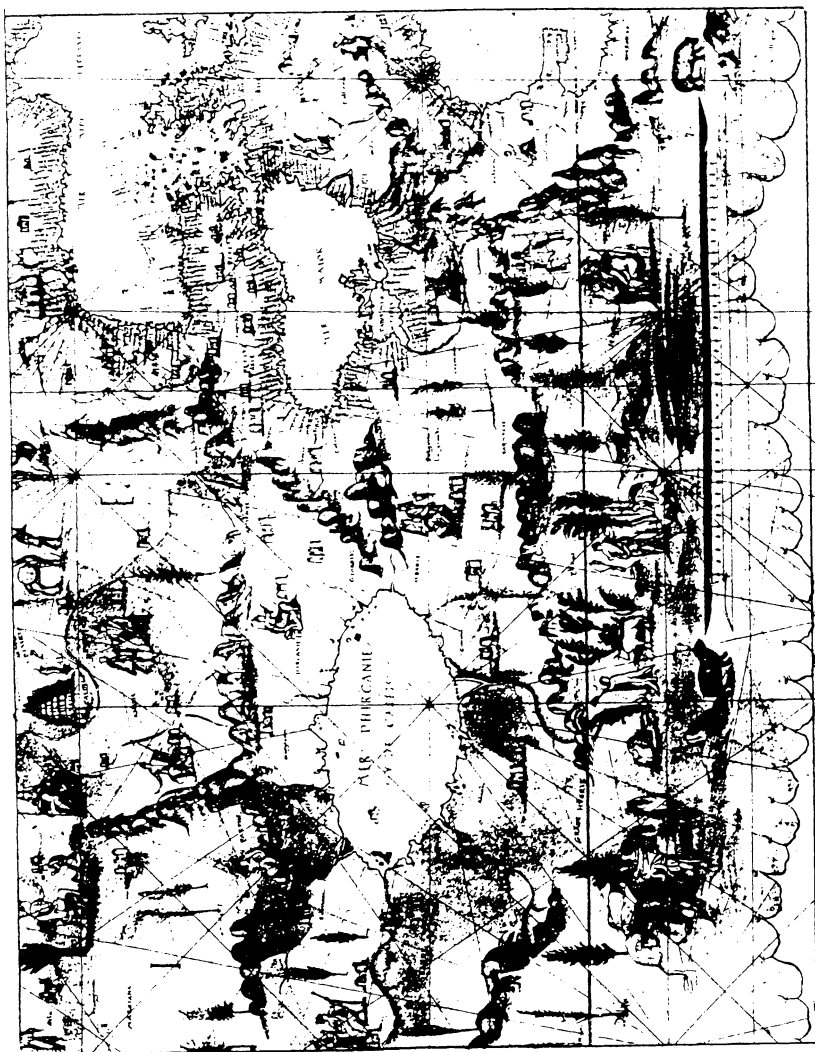
1635 — захват запорожскими казаками Ивана Сулимы польской крепости Кодак.

1636 — разгром казачьим отрядом Ивана Поленова Ферахабада (Персия).

1637 — 1642 — *«Азовское сидение»*.

1644, 1645 — неудачные попытки казаков вновь захватить Азов.

1645 — царский указ о строительстве в устье Яика *«города»*

**Черное,
Каспийское и
Азовское моря**
Фрагмент карты
Десельера
1546 г.

каменного» для обеспечения безопасного плавания по Каспийскому морю.

1649 — торговый договор турецкого султана с Войском запорожским.

1649 — 1650 — действия на Каспийском море отряда атамана Ивана Кондырева.

1650 — набег донского атамана Ивана Богатого на Стамбул.

1655 — захват казаками Тамани, блокада Керченского пролива.

1656 — осада казаками Азова и Очакова.

1659 — основание «воровского» городка Риги для переволоки на Волгу. Разгром казаками Темрюка, Тамани, Кафы, Синопа.

1660 — 1663 — действия атаманов Парфения Иванова и Тимофея Радилова на Волге и Каспии. Их нападение на побережье Гиляна (Персия).

1660 — осада Очакова запорожским атаманом Иваном Сирко.

1667 — поход запорожцев на Крым. Бегство хана в Турцию.

1667 — 1669 — Персидский поход Степана Разина.

1670 — осада Иваном Сирко Очакова, «чтобы Днепр очистить для проезда на морской путь».

1677 — неудачный поход донского атамана Василия Касимова к персидским и туркменским берегам.

1683 — поход казаков к берегам Турции.

1686 — неудачные попытки захвата крепости Лютик донскими и крепости Кызы-Кермен запорожскими казаками.

1687 — I Крымский поход. Неудачный набег казаков на Темрюк.

1689 — II Крымский поход. Разорение донскими казаками атамана Тимофея Долгого устья Кубани.

1694 — захват запорожскими и донскими казаками Чонгарского городка.

1695 — захват запорожцами Кызы-Кермена и Тавани. Неудачная попытка атамана Ивана Гусака захватить Очаков. I Азовский поход Петра I.

1696 — участие запорожских и донских казаков во II Азовском походе.

1696 — 1711 — владение Россией Азовом.

1708 — 1710 — разгром Петром I Базавлуцкой (или Старой) Сечи.

1711 — изгнание запорожцев с реки Каменки.

1734 — 1775 — деятельность запорожцев на реке Подпольной, в 5 — 7 км от Старой Сечи (т. н. Новая Сечь).

Атлантический океан и Вест-Индия

1493 — основание Христофором Колумбом Изабелло первого постоянного поселения европейцев в Америке.

Атлантический океан
Фрагмент карты Санчеса (1618 г.)

1494 — заключение Тордесильясского договора. Установление испано-португальской колониальной монополии.

1500 — открытие Педру Альфонсо Кабралом Бразилии.

1505 — 1519 — подчинение португальцами западного побережья Марокко (Агадир, Сафи, Мазаган).

1508 — 1509 — деятельность пиратской флотилии Мандрагона на атлантических торговых путях и ее разгром португальским флотом капитана Дуарто Пашеку Перейра.

1508 — 1512 — захват испанцами Пуэрто-Рико. Ямайки и Кубы.

1519 — 1521 — завоевание государства аштеков Эрнандо Кортесом.

1523 — захват у Азорских островов французским корсаром Жаном Флери испанской каравеллы с сокровищами аштеков.

1530 — 1531 — «торговая» война Жана Анго против португальцев.

1530 — 1532 — экспедиции Уильяма Хоукина-старшего в Гвинею и Бразилию.

1531 — 1533 — завоевание Перу Франсиско Писарро.

1531, 1538 — первые работорговые плавания из Африки в Бразилию (А. де Соуза, Л. Бишорд).

1536 — 1537 — блокада Португалии корсарами Жана Анго.

1537 — 1538 — открытие трассы «Золотого флота». Плавание эскадры адмирала Бланко Нуньеса де Вела. Захват корсарами Анго нескольких испанских судов у Багамских островов.

1538 — разгром французскими корсарами Гаваны.

1540 — 1550 — завоевание Чили Педро де Вальдивией.

1543 — захват Робервалем Картахены, неудачный штурм Гаваны.

1555 — атака Гаваны французскими корсарами Жаком де Сором и Франсуа Леклерком Деревянная нога. Основание французами поселения у Рио-де-Жанейро.

1558 — разгром де Сором Сантьяго на Кубе.

1559 — набег на Картахену французов Мартина Котьеса и Жана де Бантемпо.

1560 — уничтожение португальцами поселения французов в Бразилии.

1561 — 1564 — экспедиция против французов Педро Менендеса де Авилеса.

1562 — разгром испанцами французского протестантского поселения Жана Рибо во Флориде.

1562 — 1563 — 1-е плавание Джона Хоукинса в Вест-Индию.

1564 — 1565 — 2-е плавание Хоукинса в Вест-Индию.

1567 — антииспанская карательная экспедиция французского корсара Доминика де Гурга во Флориду.

1567 — 1568 — 3-е плавание Хоукинса в Вест-Индию. Разгром англичан в бухте Сан-Хуан-де-Улоа (Мексика).

1572 — 1573 — экспедиция Френсиса Дрейка в Номбре-де-Диос.

1576 — неудачное плавание Эндрю Паркера в Вест-Индию.

1576 — 1577 — экспедиция Джона Оксенхена в Вест-Индию.

1577 — 1580 — кругосветное плавание Дрейка.

- 1578 — неудачная экспедиция португальского короля Себастьяна в Марокко, «битва трех королей».
- 1583 — экспедиция Хемфри Гилберта в Северную Америку.
- 1583 — уничтожение испано-португальцами французской колонии в Параибе (Бразилия).
- 1584 — перенос транспортной гавани «Золотого флота» из Номбре-де-Диос в Портобело.
- 1584 — 1585 — экспедиции Артура Барлоу и Ричарда Гренвила в Америку. Открытие Виргинии.
- 1585 — 1586 — экспедиция Дрейка в Вест-Индию. Захват Сан-Доминго и Картахены.
- 1585 — 1590 — деятельность английских колонистов — на острове Роанок (Виргиния).
- 1587 — захват Дрейком у Азорских островов португальской каравеллы «Сан-Фелипе».
- 1588 — разгром «Непобедимой Армады».
- 1590 — неудачная экспедиция Хоукинса и Мартина Фробишера к Азорским островам в поисках «Золотого флота».
- 1591 — неудачное плавание английского флота адмирала Чарлза Хоуарда к Азорским островам. Героический бой корабля «Рэвендж» с испанским флотом.
- 1592 — захват «Мадре де Диос», каперская экспедиция Джона Бёрга в Карибское море.
- 1594 — 1595 — экспедиция Джеймса Ланкастера в Бразилию. Разгром Пернамбуку.
- 1594 — неудачная попытка графа Камберленда захватить испанские каракку «Синко льягас» и галеон «Сан-Фелипе».
- 1595 — сожжение Эмайсом Престоном и Джорджем Сомерсом Каракаса и Коро.
- 1595 — 1596 — последнее плавание Дрейка и Хоукинса в Вест-Индию. Смерть обоих командующих. Экспедиция Уолтера Рэли на поиски Эльдорадо.
- 1598 — захват графом Камберлендом Пуэрто-Рико.
- 1601 — нападение Уильяма Паркера на Портобело.
- 1604 — нападение голландской эскадры ван Кардена на Байю (Бразилия).
- 1617 — 2-я экспедиция Рэли на поиски Эльдорадо.
- 1623 — появление англо-французского поселения на острове Сент-Кристофер.
- 1624 — захват голландским флотом Питера Хейна Байи.
- 1625 — 1654 — владение Голландией Пернамбуку.
- 1625 — захват англичанами острова Барбадос, нападение Хейна на Пуэрто-Рико.
- 1626 — основание Нового Амстердама.
- 1628 — захват англичанами острова Невис.

1628 — захват Питером Хейном «Серебряного фонда» в бухте Матанзас (Куба).

1630 — уничтожение испанцами поселения на острове Сент-Кристофер. Переселение англо-французских пиратов на остров Тортуга.

1630 — 1654 — голландская колонизация Бразилии.

1632 — захват Англией Антигуа и Монсератта, Голландией — Тобаго.

1634 — захват Голландией острова Кюросао.

1635 — захват Пьером Леграном у мыса Тибурон испанского галиона. Захват Эснамбюком Мартиники и Оливье — Гваделупы.

1637 — захват голландцами Эльмины.

1638 — 1645 — борьба за контроль над Тортугой.

1640 — начало плантационных хозяйств на Барбадосе.

1641 — завоевание Голландией Сан-Томе и других территорий близ Золотого берега.

1654 — овладение испанцами Тортугой.

1655 — захват Ямайки Англией.

1659 — высадка Жереми дю Россе на Тортуге. Уничтожение испанского гарнизона.

1663 — нападение Льюиса Скотта на Кампече и капитана Бернарда на форт Сан-Томе на реке Ориноко.

1664 — разгром Джоном Дэвисом Гранады (Никарагуа) и Сан-Августина (Флорида). Овладение англичанами Новым Амстердамом (Нью-Йорк).

1665 — рейд Морриса и Джекмэна вдоль Мексиканского побережья, захват Трухильо и Гранады, разграбление флибустьерами с Тортуги Санти-Спирита (Куба).

1665 — 1667 — захват Эдуардом Мансфельдом острова Санта-Каталина и неудачная попытка пиратов закрепиться на острове.

1666 — разгром Маракайбо и Гибралтара отрядами Олоне и Мигеля Ле Баска.

1667 — укрепление голландцев в Суринаме.

1668 — захват Мигелем Ле Баском испанского галиота «Сант-Яго». Кубинская экспедиция Генри Моргана. Захват Пуэрто-дель-Принсипе. Разгром Морганом острова Портобело.

1669 — разгром Морганом Маракайбо и Гибралтара.

1670 — 1671 — Панамская экспедиция Моргана.

1678 — захват Кампече Лорансом де Граафом.

1679 — экспедиция де Граммона против Маракайбо и Гибралтара. Захват Коксоном, Соукинсом, Шарпом и Харрисом Портобело; их переход через Панамский перешеек.

1680 — 1681 — поход де Граммона в Куману.

1682 — поход ван Дорна, де Граафа и де Граммона в Веракрус.

- 1685 — захват де Граммоном Кампече.
 1692 — землетрясение на Ямайке. Гибель Порт-Ройяла.
 1694 — разгром Дюкассом Ямайки.
 1697 — захват бароном де Пуэнти, Жаном Дюкассом и флибустьерами с Тортуги Картахены.
 1711 — 1713 — экспедиция Жака Кассара в Вест-Индию. Разгром Монтсеррата, Антигуа, Суринама и Кюросоа.
 1711 — захват Рене Дюге-Труеном Рио-де-Жанейро.
 1716 — 1718 — деятельность Тича Черной Бороды.
 1717 — королевская амнистия пиратам Вест-Индии.
 1721 — казнь Джона Рэккема и Чарлза Уэйна на Ямайке. Дело Анны Бонни и Мэри Рид.
 1722 — смерть Бартоломью Робертса.

Индийский океан и страны южных морей¹

Конец XV в. — выход Португалии в Индийский океан. Начало борьбы Лиссабона с Арабским миром за контроль над торговыми путями в Индию, на Дальний Восток и в страны южных морей.

1497 — 1499 — открытие морского пути в Индию. Приход португальской эскадры Васко да Гамы в Каликут.

1500 — открытие Диогу Диашем острова Мадагаскар.

1500 — 1501 — плавание Педру Алвару Кабрала в Бразилию и Индию. Грабеж и артиллерийский обстрел Каликута.

1500 — 1510 — укрепление португальцев на восточном побережье Африки. Строительство фортов в Мозамбике, Мафии, Сафале, Сан-Лоренсу, Могадишо.

1502 — 1503 — уничтожение В. да Гамой судна с паломниками из Мекки, разгром Каликута и Кочина.

1505 — образование в Индии вице-королевства Португалии.

1509 — разгром вице-королем Франсиско де Алмейдой объединенного флота Египта и султана Гуджарата у Диу.

1510 — захват Афонсу д'Албукерки острова Гоа (Камбейский залив).

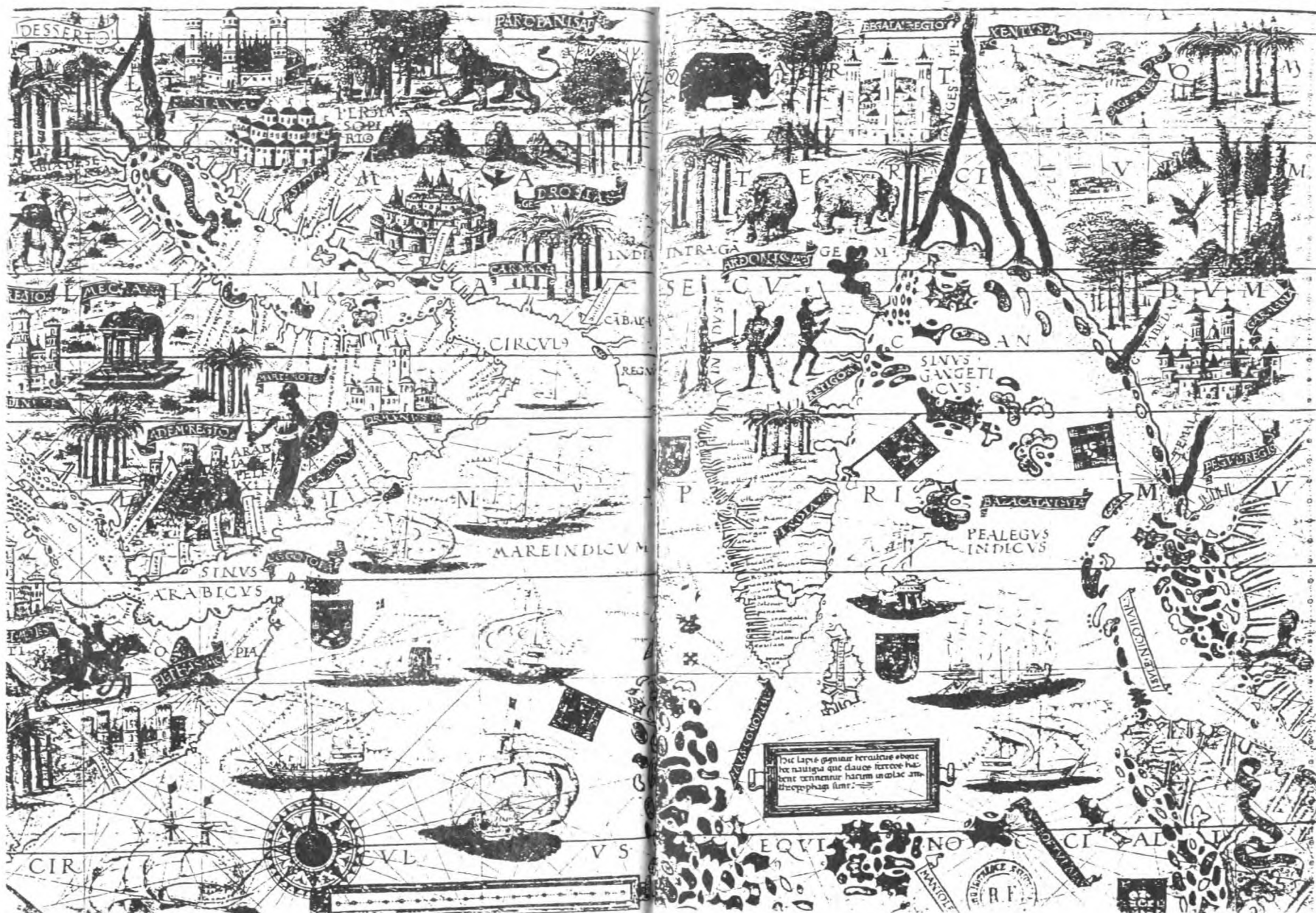
1511 — 1512 — захват д'Албукерки Малакки. Начало борьбы за Молуккские острова.

1513 — разгром флота д'Албукерки у Адена. Первое появление португальцев в Китае.

1515 — захват португальцами Ормуза, укрепление в Омане и в Восточной Аравии.

1516 — 1517 — захват Османской империей Египта, Дамаска и Мекки. Установление турецкого контроля над Красным морем.

¹ Страны южных морей (за исключением Филиппинских островов) и Острова пряностей помещены здесь, в соответствии с разделом сфер влияния по Сарагосскому договору 1529 г., как сфера влияния Португалии.

Индийский океан и Ост-Индия. Фрагмент «Атласа» Миллера (1519 г.)

- 1520 — захват португальцами Массауа (Эфиопия).
- 1521 — выход кораблей экспедиции Магеллана к Молуккским островам. Выяснение существования западного морского пути к Островам пряностей.
- 1528 — захват португальцами Момбасы.
- 1529 — договор в Сарагосе о разделе сфер влияния, установление западных границ испанских владений в 17° к востоку от Молуккских островов.
- 1534 — захват португальцами Бассейна.
- 1535 — захват португальцами Диу.
- 1538 — неудачная осада Диу турками.
- 1544 — строительство португальской фактории в Келимане.
- 1552 — захват капудан-пашой Красного моря Пири-раисом района Маската. Его блокада в Басре португальским флотом.
- 1553 — разгром португальским флотом турецкого флота Мурад-паши в Красном море.
- 1554 — победа португальцев над Сиди-Али у Маската.
- 1557 — переход Северного Судана под контроль Османской империи.
- 1557 — захват Османской империей Массауа. Появление в Китае (Макао) первой европейской (португальской) колонии.
- 1558 — 1559 — захват португальцами Дамана.
- 1579 — 1580 — приход Френсиса Дрейка на Острова пряностей. Заключение торгового соглашения с султаном Тернате. Переход «Голден Хайнд» через Индийский океан.
- 1592 — прибытие в Малаккский пролив английской эскадры Джона Ланкастера и грабеж португальских судов.
- 1595 — 1597 — 1-е плавание голландца Корнелиса ван Хоутмана в Восточную Индонезию. Победа над португальским флотом у мыса Доброй Надежды.
- 1597 — неудачное нападение португальской эскадры Л. де Бриту на Бантам.
- 1598 — 1601 — 1-е голландское кругосветное плавание (Оливер ван Ноорт).
- 1598 — неудачное вторжение испанцев на Тайвань.
- 1598 — 1599 — плавание Яна ван Мека к Островам пряностей, открытие Маврикия.
- 1599 — захват арабами Момбасы.
- 1598 — 1600 — 2-е плавание К. ван Хоутмана. Его смерть в Аче (1599).
- Начало XVII — конец 20-х гг. XVIII в. — борьба англичан и голландцев за торговлю пряностями. Поражение англичан. Утверждение голландцев на Островах пряностей.
- 1600 — крейсерство голландского адмирала Питера ван Кардена у побережья Аче.

- 1600 — 1603 — правление Филиппа де Бриту в Сириаме.
 1601 — 1603 — 2-е плавание Ланкастера в южные моря.
 1602 — образование Объединенной Ост-Индской компании.
 1603 — захват голландцами (Я. ван Хеемскерк) каракки «Санта Катарина» в бухте Макао.
 1605 — гибель Джона Дэвиса в сражении с малаккскими пиратами.
 1610 — экспедиция английского судна «Глоб» в Бенгальский и Сиамский заливы.
 1609 — 1616 — правление Себастьяна Тибана в Сандвипе (устье Ганга).
 1610, 1617 — отражение португальцами нападений голландцев на Малакку.
 1612 — поражение португальской эскадры в сражении с англичанами у Сурата (битва у Сволли).
 1615 — уничтожение португальской эскадры у Гоа в Малаккском проливе.
 1616 — военное столкновение английской эскадры Н. Кортхопа с голландцами на острове Рун.
 1617 — 1618 — экспедиция Уильяма Паркера в Ост-Индию. Его смерть.
 1618 — уничтожение голландцами английской фактории в Батавии.
 1619 — разгром английской эскадры в бухте Патани (Сиам). Соглашение Голландской Ост-Индской и Английской Ост-Индской компаний.
 1620 — разгром англичанами португальского флота в Персидском заливе.
 1622 — захват персидским шахом Аббасом I и англичанами Ормуза.
 1623 — «Амбоинская резня» (казнь голландцами служащих Английской Ост-Индской компании в фактории на острове Амбоин).
 1624 — захват голландцами южной части острова Ява.
 1629 — дело «Батавии».
 1637 — столкновение англичан в Макао с китайскими властями.
 1641 — захват голландцами Малакки. Рейд голландской флотилии принца Морица Нассау в Луанду.
 1645 — блокада Манилы голландским флотом.
 1652 — основание голландцем Яном ван Рибекком Капстада.
 60-е гг. — укрепление Голландской Ост-Индской компании на Малабарском побережье Индии.
 Конец 70-х гг. — начало антиголландской разбойничьей деятельности флотилий бугского государства.
 1676 — 1677 — экспедиция К. Я. Спеелмана против макасарских (бугских) пиратов на востоке Явы.

1683 — неудачное нападение малабарских пиратов на английский корабль «Президент».

1687 — 1688 — разбойничья деятельность буканьерского судна «Сигнит» в Индийском океане (Тимор, Новая Голландия). Приход судна на Мадагаскар.

1688 — 1690 — конфликт Английской Ост-Индской компании с императором Великих Моголов Аурангзебом. Битва за Бомбей. Капитуляция Компании.

1695 — захват Генри Эвери «Великого сокровища» Аурангзеба.

1698 — 1701 — экспедиция Уильяма Дампира на «Роубак» в Новую Голландию и в Новую Гвинею.

1698 — захват Уильямом Киддом «Купдей Мерчент».

1699 — карательная экспедиция коммодора Уоррена в Индийский океан.

Конец XVII — 1-я пол. XVIII в. — деятельность Конаджи Ангрии, командующего флотом маратхов, на Малабарском побережье.

Начало XVIII в. — 20-е гг. — апогей деятельности мадагаскарских пиратов.

1712 — захват Конаджи Ангрией португальской торговой флотилии.

1715 — захват Маврикия французами.

1717 — захват Конаджи Ангрией английских кораблей «Успех» и «Роберт».

1718 — принятие пиратов Мадагаскара под протекцию шведского короля Карла XII. Война англичан и португальцев против Конаджи Ангрии.

1721 — карательная экспедиция коммодора Томаса Мэтьюза в Ост-Индию. Неудачная шведская экспедиция коммодора Ульриха на Мадагаскар. Захват на Реюньоне Тейлором и Левассером португальского судна «Верж дю Кап».

1723 — «Мадагаскарская» экспедиция Петра I.

Тихий океан

1513 — выход испанцев (Васко Нуньес де Бальбоа) через Панамский перешеек к «Южному морю».

1520 — 1521 — переход флотилии Фернана де Магеллана через Тихий океан, открытие Филиппинских островов, гибель Магеллана на острове Мактан.

20 — 30-е гг. — выход испанцев к Островам пряностей с востока.

1525 — 1526 — проход испанской флотилии Гарсии Хофре де Лоайсы — Хуана Себастьяна де Эль-Кано — Торибьо Алонсо де Саласара — Мартино Иньегеса де Каркисано через Тихий океан, достижение островов Минданао и Тидор. Смерть Каркисано.

1527 — 1529 — плавание Альваро де Сааведры к Молуккским островам.

1529 — заключение в Сарагосе испано-португальского договора о разграничении владений в Тихом океане, включающего Филиппинский архипелаг в сферу влияния Испании.

1535 — открытие Т. Берлангой Галапагосских островов, одного из центров пиратства XVII в.

1536 — 1537 — экспедиция Эрнандо де Грихальвы.

1542 — 1545 — экспедиция Руя Лопеса де Вильялобоса. Разгром экспедиции португальцами на Молуккских островах.

1543 — появление португальцев в Японии.

Середина XVI в. — активизация японских «вако» у китайского побережья.

60-е гг. — начало набегов мору, филиппинских мусульман, на христианские (испанские) районы Филиппин.

60 — 80-е гг. — завоевание испанцами Филиппинских островов.

1567 — 1-е открытие испанцами Соломоновых островов (Альваро Менданья де Нейра).

1571 — основание Мигелем Лопесом де Легаспи Манилы.

1572 — открытие маршрута галионов Манила — Акапулько.

1574 — нападение кантонских пиратов на Манилу.

1579 — выход Френсиса Дрейка в Тихий океан. Захват галиона «Какафуэго».

1584 — возведение форта Иисуса в Магеллановом проливе (Педро Сармьенто де Гамбоа).

1587 — захват Томасом Кавендишем галиона «Санта-Анна».

1593 — действия Ричарда Хоукинса у побережья Чили. Его пленение испанцами.

1596 — 1598 — провал попыток испанцев полностью захватить Минданао.

1600 — 1601 — атака Манилы голландскими военными кораблями Оливера ван Ноорта.

1602 — 1603 — экспедиция Санчеса Бискайо вдоль западного побережья Калифорнии. Основание Монтерея.

1602 — 1718 — «войны мору».

1606 — открытие Педро Фернандесом де Кирсом группы Ново-Гебридских островов, части побережья Новой Гвинеи и пролива Торреса.

1609 — 1610; 1616; 1617 — отражение испанцами атак голландского флота под Манилой.

1616 — переход через Тихий океан голландцев Виллема Корнелиса ван Схоутена и Якоба Ле-Мера.

1620 — 1640 — деятельность Чжэн Чжи-луна, китайского пирата.

1624 — нападение голландской эскадры Лермита на Кальяо.

Тихий океан. Фрагмент «Атласа» Ортелиуса (1589 г.)

- 1628 — захват испанцами Холо, столицы султаната Сулу.
 1630 — поражение испанцев под Холо.
 Начало 30-х гг. — 1663 — борьба правителя Минданао султана Кударата против испанцев.
 30-е гг. — оформление процесса изоляции Японии от внешнего мира.
 1639 — 1643 — испанская карательная экспедиция на Сулу.
 1640 — 1664 — деятельность Чжэн Чэн-гуна (Коксинги) в Китайском море, его борьба против маньчжуров на Тайване.
 1642 — захват голландцами Тайваня.
 1645 — блокада голландцами побережья острова Лусон.
 1654, 1659 — нападения Коксинги на Нанкин.
 1662 — изгнание Коксингой голландцев с Тайваня. Смерть Коксинги.
 1663 — потеря испанцами Замбоанги (о. Минданао).
 1680 — 1682 — первая волна карибских буканьеров в Тихом океане (Коксон, Соукинс, Шарп, Харрис) через Панамский перешийк к Тихоокеанскому побережью. Неудачный штурм Панамы.
 1684 — 1688 — вторая волна буканьеров в Тихом океане.
 1685 — поражение буканьерского флота (Дэвис, Сван, Харрис, Таунли, Гронье, Лесаж, Лекюйе) в сражении с флотом из Лимы в Панамском заливе. Сожжение буканьерами Леона (Новая Испания). Первый переход карибских пиратов (Итон на «Николаесе») через Тихий океан.
 1685 — 1686 — пиратские рейды Свана, Таунли и Гронье на побережье Новой Испании.
 1686 — переход «Сигнита» Свана через Тихий океан. Нападение Гронье и Таунли на Гранаду. Захват Лавельи.
 1687 — захват Гуаякиля Гронье.
 1704 — 1705 — плавание Уильяма Дампира на «Св. Георге» у Тихоокеанского побережья. Его охота за манильским галионом.
 1708 — 1709 — плавание Вудса Роджерса у Тихоокеанского побережья. Захват Гуаякиля и манильского галиона.
 1709 — снятие Роджерсом Александра Селкирка с необитаемого острова (о. Мас-а-Тьерра, острова Хуан-Фернандес).
 Начало 20-х гг. — восстановление испанского форта в Замбоанге. Эскалация нового конфликта с мусульманским миром южных султанатов.

Центры коммерции и морского разбоя

Море — необъятная криминогенная зона, и не найдется в истории такой торговой трассы, даже самой забытой и заброшенной, где бы купцам не преградил путь пиратский корабль. Те, кто выходил в

море на разбой, прекрасно знали, в каком районе и в какой сезон можно найти наибольшую добычу: грабеж купцов, работоторговля, контрабанда — источников получения дохода было достаточно.

Торговые центры и пиратские базы мировых океанов

Аден

главный порт и крупная крепость при входе в Красное море; в 1513 г. взят под контроль португальцами, но вскоре захвачен Османской империей, под властью которой находился до 1646 г.

Акапулько

небольшой порт в естественной бухте на Тихоокеанском побережье Мексики; перевалочный центр «азиатской дороги», с приходом галеонов из Манилы превращавшийся в крупнейшую ярмарку Новой Испании.

Антигуа

(Наветренные острова)

открыт Х. Колумбом в 1493 г., колонизован французами (1629), англичанами (1632); культивировалось разведение табака и сахарного тростника; по Бредскому миру перешел во владение Англии.

Арген

остров у побережья Сахары, главный центр работоторговли XV в.; с 1638 г. — в руках у голландцев, в середине XVII в. перешел к французам.

Арекипа

важнейший испанский центр в Южном Перу; основан Ф. Писсаро в 1540 г. на месте древнего города инков.

Арика

морской порт Перу, связывающий рудники Потоси с системой мировой торговли.

Асунсьон

столица провинции Парагвай; основан испанцами на реке Парагвай 15 августа 1537 г. в день Успения (отсюда название — исп. Asuncion — Успение); центр испанских колоний в районе Ла-Платы.

Аче

султанат на севере острова Суматра; опорный пункт в борьбе против португальцев, торговый и политический противник Малакки; фактории голландцев (1601), англичан (1602); французов (1602), после разгрома флота Аче португальско-малайским флотом в 1629 г. султанат начал приходить в упадок; в 1667 г. занят голландцами и постепенно лишился влияния.

Аютия

столица Сиам на реке Менам; в XVI — XVII вв. — крупнейший центр международной торговли в Юго-Восточной Азии. один из

каналов торговли с Китаем и Японией; голландские (1610), английские (1613) фактории.

Багамские острова

архипелаг в Вест-Индии; один из островов — Сан-Сальвадор — первый остров Нового Света, на котором 12 октября 1492 г. высадился Х. Колумб; испанцами не заселялся; первые поселения англичан возникли в начале XVII в. на острове Нью-Провиденс, ставшем одним из крупнейших центров пиратства.

Баия

(Сан-Сальвадор-де-Баия)

центр работоторговли Бразилии; основан Т. де Соузой в 1549 г. на берегу залива Тодус-ус-Сантус; столица генерал-губернаторства; подвергался неоднократным нападениям голландцев (1599, 1600, 1604, 1624).

Бантам

порт на западе острова Ява, столица мусульманского султаната, основанного в 1568 г.; крупнейший центр индонезийской торговли (преимущественно перцем), один из главных соперников голландской Батавии; первый голландский флот (К. ван Хоутман) прибыл в 1596 г.; после прихода Д. Ланкастера создана английская фактория (1603), ставшая главным центром английской торговли в Юго-Восточной Азии; французская фактория (1671); покорен Голландией в 1682 г.

Барбадос

остров в группе Малых Антильских островов; открыт европейцами (испанцами или португальцами) в начале XVI в.; с 1625 г. появились английские поселения, и в 1665 г. перешел под власть Англии.

Басра

порт на правом берегу реки Шатт-эль-Араб в глубине Персидского залива, центр торговли Арабского Востока со странами южных морей; в 1550 г. захвачен турками и превратился во вторую после Суэца военную базу Османской империи в южных морях; место сосредоточения судостроительных верфей и арсеналов; в конце XVII — начале XVIII в. перешел под контроль Персии, но с 1701 г. вновь оказался в руках империи.

Батавия

(Джакарта)

центр Голландской империи в Ост-Индии; крупный порт и крепость, расположенный на острове Ява на берегу бухты, защищенной с севера коралловыми островами; основан в 1600 г. на месте старого индонезийского города; укреплен генерал-губернатором Я. П. Куном и превращен А. ван Дименом в город, заслуживший название «Королева Востока».

Бендер-Аббас

порт в Персидском заливе; расположен в великолепной га-

вани напротив острова Ормуз; португальский форт Коморан (Гомрун); после изгнания португальцев здесь сосредоточилась торговля, переведенная с Ормуза, и три-четыре месяца в году (декабрь — февраль) служил местом крупнейшей международной ярмарки.

Бенкулу

основное владение англичан на Малайском архипелаге (после изгнания из Бантама); расположен на юго-западном побережье острова Суматра; крепость Мальборо (1714).

Богота

(Санта-Фе-де-Богота)

город на западном склоне Анд, столица (с 1598 г.) Новой Гранады; основан в 1538 г. Г. Хименесом де Кесадой.

Бомбей

порт на острове близ Аравийского побережья Индостана; находился под контролем мусульман Гуджарата, с 1532 г. — в руках португальцев; в 1661 г. передан Карлу II в качестве приданого его жены, португальской инфанты Екатерины Браганской; в 1668 г. отдан в аренду Ост-Индской компании и превратился в центр английской торговли в Индийском океане.

Бурбон

(Реюньон)

остров в группе Маскаренских островов; открыт португальцами в XVI в., с 1638 г. занят французами; заселялся «Компанией Восточных Индий», но колонизация проходила медленными темпами; в начале XVIII в. стал центром возделывания кофе.

Буэнос-Айрес

главный порт Испанской Америки на Атлантическом побережье, с 1776 г. — столица вице-королевства Рио-де-Ла-Плата; основан в 1536 г. П. де Мендосой на западном берегу Рио-де-Ла-Платы под названием Пуэрто-Санта-Мария-де-Буэнос-Айрес (Порт Богоматери Добрых Ветров); сожжен под натиском индейцев в 1541 г., но восстановлен в 1580 г. Х. де Гараем.

Веракрус

главный порт Новой Испании, первый город, основанный испанцами в Мексике, на месте высадки Э. Кортеса (1519); расположен в нездоровой приморской местности, на сухой безводной открытой равнине; перед гаванью — форт Сан-Хуан-де-Улоа; перевалочный пункт на маршруте «Золотого флота».

Гавана

сильно укрепленный порт на острове Куба; находится в прекрасной, почти закрытой бухте, считающейся лучшей гаванью в Америке; основан Д. Веласкесом в 1519 г.; главный торговый центр Антильских островов, место ежегодного сбора испанских торговых флотов.

Галапагосские острова

группа из 16 крупных и множества мелких островов близ экватора, примерно в 1000 км от побережья Южной Америки; название от исп. «galapago» — «черепаха», база пиратства в XVII — XVIII вв.

Гвадалахара

город на западе Новой Испании, основан в 1531 г.

Гваделупа

остров в группе Малых Антильских островов; открыт Х. Колумбом в 1493 г., но испанцами не колонизовывался; в 1635 г. на острове высадились 550 французов и основали колонию, ставшую собственностью Французской короны в 1674 г.

Гоа

островок у западного побережья Индостана в центре Малабарского берега; опорный пункт Португалии в Ост-Индии, резиденция вице-короля; был захвачен А. д'Альбукерки в 1510 г.

Горе

островок на Атлантическом побережье Африки с одной из лучших якорных стоянок; важнейший перевалочный пункт работорговли; был захвачен голландцами в 1588 г., но отбит англичанами в 1664 г.; восстановлено голландское владение, но в 1677 г. захвачен французами; с 1678 г. по Нимвегенскому миру стал владением Франции.

Гуанчжоу

(Кантон)

единственный открытый для европейцев китайский порт (с 1637 г.).

Гуаякиль

порт Кито, основанный в 1537 г. Ф. де Орельяной; главный центр торговли на Тихоокеанском побережье Южной Америки.

Гуджарат

индийское прибрежное купеческое государство на северо-западном побережье Индостана; основные порты — Бхаруч, Сурат, Камбей и Окха; один из главных центров торговли, связывающий Ближний Восток, Восточную Африку и Индонезию; центр текстильного производства.

Джидда

порт на Красном море, торговые ворота Мекки.

Диу

островная, хорошо укрепленная база на Малабарском побережье Индостана; с 1535 г. по договору с правителем Гуджарата стала португальским владением.

Каликут

(совр. Кожикоде)

порт на Малабарском побережье Индостана, складочный пункт арабской торговли пряностями; первый индийский город,

посещенный португальцами (Васко да Гама, 1498 г.), разгромлен и захвачен ими в 1503 г.

Калькутта

порт в дельте Ганга на реке Хугли, опорный пункт Англии в Бенгалии; территория будущего порта принадлежала последовательно португальцам и Великим Моголам; основан в 1690 г. с заложением англичанами у входа в реку крепости Форт-Уильям.

Кальяо

морские ворота Лимы.

Кампече

город на побережье Юкатана в маленькой гавани в заливе Кампече; основан в 1540 г.; центр добычи и транспортировки кампешового дерева.

Капстад

(совр. Кейптаун)

центр Капской колонии; основан Я. ван Рибекком в 1652 г.

Каракас

город у гавани Ла Гуайра, в горной долине Анд; основан в 1567 г. Д. де Ласадой на месте поселения индейского племени каракас; в 1595 г. был сожжен англичанами.

Картахена

сильно укрепленная военная база испанцев, административный центр и порт в Новой Испании; основан в 1533 г. П. де Эредией на узкой косе восточного берега залива Дарьен; сожжена Ф. Дрейком (1585 г.), бароном де Пуэнти (1697 г.).

Кито

центр торговли Перу; основан в 1534 г. С. де Белалькасаром на месте разрушенного индейского поселения.

Коломбо

торговый центр острова Цейлон; оккупирован португальцами в 1517 г.; укреплен в 1520 г.; захвачен голландцами в 1656 г. после семимесячной осады; перевалочный пункт в торговле пряностями (в особенности корицей) и драгоценными камнями.

Кочин

порт на Малабарском побережье, центр торговли перцем, торговый противник Каликута; португальская фактория, укрепленная при Ф. Алмейде и А. д'Альбукерки; захвачен голландцами в 1662 г.

Кумана

порт в заливе Карьяко; основан под названием Нуэва-Толедо в 1520 г. С. де Окампо, одно из первых поселений испанцев в Южной Америке. (Настоящее название — с 1569 г.)

Куско

древняя столица инков, захваченная Ф. Писсаро в 1533 г.

Кюросао

сухой скалистый остров в Карибском море в группе Подвет-

ренных островов; открыт в 1499 г. А. де Охедой, занят испанцами в 1527 г., а впоследствии стал владением Голландии (1634); один из центров работорговли.

Ла Вака

пустынный остров в Карибском море у побережья Кубы, не раз упоминаемый как место раздела захваченной пиратами добычи.

Лима

столица вице-королевства Перу; основана в 1535 г. Ф. Писсаро на берегу реки Римак.

Луанда

приморское поселение в Анголе с великолепным рейдом; основана в 1576 г. португальцами; в 1641 — 1648 гг. находилась в руках голландцев, но португальцы восстановили положение; центр работорговли.

Маврикий

(Иль де Франс)

остров в группе Маскаренских островов; назван голландцами в честь штадгальтера Морица Нассауского в 1598 г.; занят французами в 1715 г. и переименован; после падения Пондишери превратился в центр французских владений в Индийском океане.

Мадрас

крупный порт на Коромандельском побережье Индостана; расположен на территории, арендованной Британской Ост-Индской компанией у раджи Чандрагири (1639 — 1640 гг.) где был возведен форт Сент-Джордж, вокруг которого и вырос Мадрас.

Макао

(совр. Аомынь)

порт на острове на юге Китая; был получен в аренду португальцами в 1557 г.

Макасар

(совр. Уджунгпанданг)

центр султаната Гова на острове Сулавеси (Целебес), рынок риса и пряностей; голландская (1603 г.), английская (1613 г.) фактории; одно время был главной базой Британской Ост-Индской компании; по Бонгайскому договору 1667 г. признал верховную власть Голландии. с 1669 г. — владение Голландии (центр — форт Роттердам).

Малакка

центр торговли пряностями в Юго-Восточной Азии; захвачена А. д'Альбукерки в 1511 г.; после неоднократных попыток захвата голландцами (1606, 1615, 1623 — 1627 гг.) в результате длительной осады (1640 — 1641 гг.) подпала под власть Голландии и постепенно утратила торговое значение.

Манила

столица Испанских Филиппин; основана на острове Лусон в

устье реки Пасига М. Л. де Легаспи в 1571 г. и превратилась в главный коммерческий порт азиатско-американской торговли, связанный посредством ежегодных рейсов галионов в Акапулько.

Мартиника

остров в группе Малых Антильских островов; открыт Х. Колумбом в 1502 г., но испанцами не заселялся; в 1635 г. на острове высадились французы с острова Сент-Кристофер, и в 1674 г. остров перешел под власть Франции.

Маскат

порт на северо-востоке Аравийского полуострова, в глубине окруженной холмами бухты; в начале XVI в. перешел к португальцам (до 1648 г.), один из центров арабского кораблестроения.

Массава

(совр. Массауа)

порт на Красном море, северные морские ворота Эфиопии.

Матарам

мусульманский султанат в центральной и восточной частях острова Ява, главный противник голландской Батавии на острове в 1-й половине XVII в.

Мерида

порт на полуострове Юкатан; основан Ф. де Монтехо-сыном на месте древнего города майя в 1542 г.

Мехико

столица Новой Испании, центр внутренней торговли, важнейший транспортный узел, связывающий Тихоокеанское и Карибское побережье; построен на месте древней столицы ацтеков Теночтитлана.

Мозамбик

опорный пункт португальцев на восточном побережье Африки; основан в 1507 г.

Молуккские острова

расположены в восточной части Малайского архипелага; центр экспорта гвоздики, перца, кардамона, мускатного ореха; в начале XVI в. частично перешли под контроль Португалии; с начала XVII в. — объект постоянного давления со стороны Голландии (в 1605 г. захватили Амбон, в 1610 г. — Тернате).

Момбаса

порт на коралловом острове в Индийском океане у побережья Африки; захвачен португальцами в 1505 г. и превращен в крупную военно-морскую базу (форт Иисуса); отбит арабами в 1599 г.

Монтсеррат

остров в гряде Малых Антильских островов; открыт Х. Колум-

бом в 1493 г., но испанцами не колонизовывался; с 1632 г. возникли поселения англичан, и в 1668 г. был закреплен за Англией.

Моха

(Мокка)

порт на Красном море, место крупнейшей восточной ярмарки, связывающей Индию, Индонезию, Арабский Восток и страны Африканского побережья; один из крупнейших рынков кофе; перевалочный пункт на маршруте Флота пилигримов, идущего из Индии в Мекку.

Мрохаунг

порт в Бенгальском заливе, столица Аракана; один из центров работорговли и пиратства в Юго-Восточной Азии.

Нагасаки

порт в Японии на западе острова Кюсю; при входе в бухту, на маленьком островке Дэдзима в XVII в. в строгой изоляции и под контролем усиленных ограничительных правил велась торговля с иностранцами, и два раза в год сюда был разрешен заход торговых кораблей.

Невис

остров в группе Наветренных островов; открыт в 1493 г. Х. Колумбом; с 1628 г. заселялся англичанами с острова Сент-Кристофер.

Негапатнам

(совр. Нагапаттинам)

порт на Коромандельском берегу Индостана, захвачен в 1658 г. голландцами.

Номбре де Диос

поселение на Атлантическом побережье Панамы; основан Д. Никуэса в 1508 г.; перевалочный пункт на маршруте «Золотого флота», где разворачивалась ярмарка, связывающая Испанию с вице-королевством Перу; функционировал до конца XVI в., после чего центр конвоев был перенесен в Портобело.

Олинда

крупный порт в Бразилии; основан в 1537 г.

Ормуз

безводный остров в Персидском заливе, крупнейший центр восточной торговли, называемый «жемчужина на кольце земли»; захвачен в 1507 г. и окончательно в 1514 г. А. д'Альбукерки, отбит шахом Персии Аббасом I при помощи англичан в 1622 г. (попытка португальцев вернуть Ормуз в 1631 г. успеха не имела); постепенно утратил значение центра международной торговли, переместившегося в Бендер-Аббас.

Панама

порт на Тихоокеанском побережье в глубине Панамского зали-

ва; основан в 1519 г. близ индейской деревни; транзитный пункт при транспортировке товаров из вице-королевства Перу.

Пернамбуку

центр работорговли и сахарных плантаций в Бразилии, с XVIII в. — район добычи алмазов.

Пинос

(совр. Хувентуд)

знаменитый остров, в 65 км к югу от Кубы, запечатленный в романе Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ». Открыт в 1494 г. Х. Колумбом и назван испанцами «Isla de Pinos» — «Остров сосен»; остатки сосновых лесов сохранились в северной части острова; южная часть Пиноса — низменность, покрытая тропическими лесами.

Пондишери

(совр. Путтуччери)

французская колония на Коромандельском берегу Индостана: основан в 1673 г. на месте небольшого рыбацкого поселка; центр Французской Индии; временно был захвачен Голландией (1693 — 1699 гг.), потерял значение после 1761 г., когда в результате годичной осады был взят англичанами.

Портобело

центр испанской торговли на побережье Карибского моря, пункт прибытия испанских галионов и караванов из Перу.

Потоси

город у подножия горы Потоси, крупнейшее месторождение серебра, превращенное испанцами в центр добычи серебра вице-королевства Перу; один из крупнейших городов Испанской Америки (120 тыс. чел. в 1600 г.).

Порт-Ройял

порт на острове Ямайка; основан в 1655 г. англичанами, превратившими его в один из главных центров пиратства в Вест-Индии; разрушен землетрясением 7 июня 1692 г.

Рио-де-Жанейро

город и порт на юго-востоке Бразилии на западном берегу бухты Гуанабара; основан португальцами в 1565 г. и назван букв. «Январская река»; в 1531 и 1555 — 1567 гг. бухтой Гуанабара владели французы; значение как порта резко возросло с открытием в Минас-Жерайс месторождений золота и алмазов.

Сакатекас

центр добычи серебра в Новой Испании.

Сан-Жоржи-да-Мина

(Эльмина)

форт на Золотом берегу, центр переправки золота из Ашанти и работорговли; основан португальцами в 1481 г. и превратился

в первое по значению португальское владение в Африке; в 1637 г. захвачен голландцами.

Сантьяго

столица Чили; основан в 1541 г. П. де Вальдивией и назван в честь Св. Якова, покровителя Испании.

Сент-Августин

небольшая испанская крепость во Флориде, основанная в 1565 г. для защиты испанских торговых флотов.

Сент-Кристофер

(Сент-Китс)

остров в группе Наветренных островов; открыт Х. Колумбом в 1493 г., но испанцами не заселялся; колонизован англичанами (первое поселение — в 1632 г.), объект острого соперничества Англии и Франции.

Сент-Люсия

остров в группе Наветренных островов; открыт Х. Колумбом в 1502 г., но испанцами не колонизовывался; в 1605 — 1638 гг. был заселен английскими переселенцами; объект борьбы Англии и Франции.

Сокотра

остров в Индийском океане, в 250 км от восточной оконечности Африки, мыса Гвардафуй; захвачен д'Альбукерки в 1508 г.; важный стратегический центр на торговых путях Индийского океана, ставший в XVII — XVIII вв. одним из пиратских центров.

Софала

самый южный африкано-арабский порт; захвачен португальцами в начале XVI в. и превращен в главный центр по вывозу золота из страны Мономатапа и оборонительный форпост против арабов; в нем осуществлялись торговые операции по продаже золота, слоновой кости, серой амбры и рабов; с перемещением торговых трасс на реку Замбези в конце XVII в. пришел в упадок.

Сурат

главный порт Империи Великих Моголов, морские ворота Индии; расположен на Камбейском берегу Индостана в устье реки Тапти; центр крупных английских (1609 г.), голландских (1616 г.) и французских (1668 г.) факторий.

Суринам

голландское владение в Новом Свете, приобретенное в 1667 г. по Бредскому миру у Англии в обмен на Новый Амстердам (совр. Нью-Йорк), территория впервые обследована А. де Охедой в 1499 г.

Суэц

главный центр арабской торговли, порт на Красном море.

Тернате

мусульманский султанат в Восточной Индонезии, самый плодородный из Островов пряностей. В период расцвета включал в состав острова Амбон, Банда, Буру, Серам, часть Сулавеси и Минданао; португальская фактория с 1513 г., голландская — с 1598 г.; в XVII в. — объект острого соперничества Голландии и Испании; в 1683 г. покорен Голландией.

Тидоре

главный центр гвоздичного производства в Восточной Индонезии, главный противник Тернате в борьбе за рынок пряностей; португальская фактория с 1515 г.; в 20-х годах XVII в. подвергся испанскому наступлению; с 1661 г. — под контролем Голландской Ост-Индской компании. С 1680 г. — окончательно покорен Голландией.

Тимор

остров в Индонезии в группе Малых Зондских островов; открыт португальцами в 1520 г.; центр вывоза сандалового дерева.

Тобаго

остров в Атлантическом океане, открыт Х. Колумбом в 1498 г.; с 1632 г. заселялся голландцами.

Тринидад

остров в Вест-Индии, открыт Х. Колумбом в 1498 г.; один из немногих островов, на которых испанцы пытались устроить поселения; в 1704 г. объявлен нейтральной территорией и стал одним из центров пиратской деятельности.

Формоза

(совр. Тайвань)

остров в Тихом океане у юго-восточного побережья Азии; в XVI — XVII вв. — один из центров японского пиратства; с 1590 г. появились португальцы; захвачен голландцами (1642 — 1661 гг.), отбит Коксингой.

Хуан-Фернандес

группа островов в Тихом океане, в 450 км от побережья Южной Америки; неоднократно делались попытки колонизации испанцами и голландцами; с конца XVII в. превратились в одну из важнейших баз буканьерства, центр пиратского присутствия в Тихом океане; с островами связана история шотландца Александра Селкирка, положенная в основу романа Д. Дефо «Робинзон Крузо».

Читтагонг

порт на реке Карнапхули близ устья Ганга; с захватом его Араканом превратился в центр пиратства в Бенгальском заливе; оккупирован Великими Моголами в 1665 г.

Шандернагор

порт в Бенгалии, центр французской торговли.

Эспаньола
(совр. Гаити)

остров в Вест-Индии, открыт Х. Колумбом в 1492 г.; центр бучаньеров и флибустьеров; в 1697 г. разделен на две части — западная (Сан-Доминго) принадлежала Франции, а восточная (Санто-Доминго) — Испании.

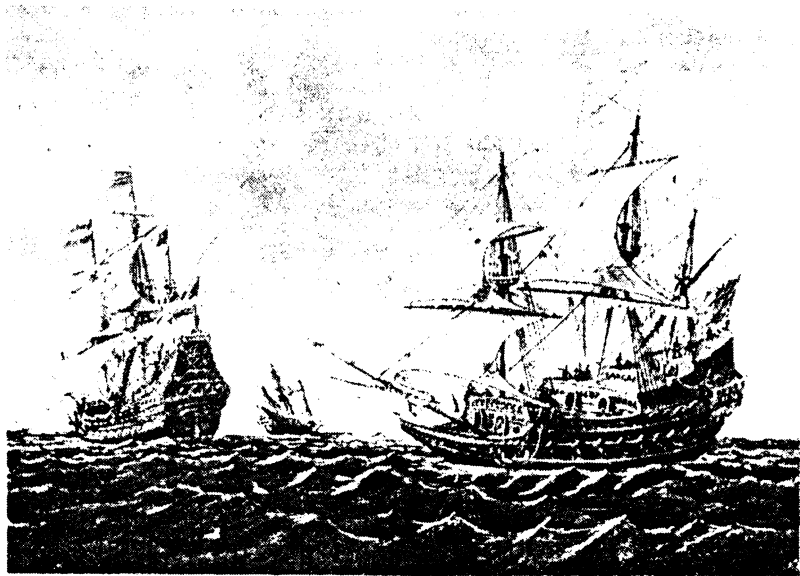
Ямайка

остров в Вест-Индии, открыт Х. Колумбом в 1494 г.; захвачен англичанами в 1655 г., а с 1670 г. официально признан владением Англии; в XVI — XVII вв. — крупный центр рабовладения, сахарных плантаций, приватирства и пиратства.

Океанские торговые трассы

Трассы «Золотого» и «Серебряного» флотов

Транспортировка сокровищ Нового Света была удивительно организована даже по масштабам сегодняшних дней. Строго централизованный, четко работающий механизм в течение столетий приводил в движение экономику всего мира.

Испанский и голландский галионы. Рисунок XVII века

Масштабы ввоза американских драгоценных металлов в Европу можно представить, обратившись к цифрам. Американский экономист Е. Гамильтон подсчитал, сколько золота и серебра вывезли из Америки за период с 1521 по 1600 год (в гр.).

Годы	Золото	Серебро
1521 — 1530	4 889 050	149 739
1531 — 1540	14 446 360	86 193 876
1541 — 1550	24 957 130	117 573 164
1551 — 1560	42 620 080	303 121 174
1561 — 1570	11 530 940	42 858 792
1571 — 1580	9 429 140	1 118 591 954
1581 — 1590	12 101 420	2 103 027 689
1591 — 1600	19 451 420	2 707 626 528
Итого:	139 тонн	7439 тонн

Как же была организована транспортировка драгоценных металлов?

Центром всей системы была испанская Севилья и ее Торговая палата (Casa de la contratación), монополизировавшая в своих руках всю торговлю с Новым Светом¹. Ни один купец, ни одно судно не могло прийти в порт Америки, избегнув подозрительных глаз ее чиновников. Отделения палаты размещались во всех портах, вездесущие агенты «ведоры» (букв. «имушие глаз») без конца проверяли, подсчитывали, регистрировали, описывали товары, собирали пошлины и сборы (напр. «аверию» — сбор на борьбу с пиратами, «алькабалу» — налог с оборота).

В тайниках палаты хранился «Королевский чертеж» — «Карта морей и берегов Индии», и только кормчие палаты знали особенности трассы и могли привести корабли Армады в пункты назначения.

Система флотов опиралась на три главных принципа.

1. Наличие укрепленных баз в Вест-Индии.
2. Принудительность конвоев.
3. Сопровождение военных эскадр.

Все движение строжайше регламентировалось (сигналы, рацион питания, набор пассажиров, распорядок церковных служб), график должен был неукоснительно соблюдаться.

Флоты отправлялись из Испании два раза в год.

1. Флот Новой Испании (Flota) шел мимо Канарских островов в Веракрус или Сан-Хуан-де-Улоа (Мексика). Он выходил из Сан-Лукар де Баррамеда (порт Севильи) в апреле — мае, сопровождаемый двумя военными кораблями; в феврале он покидал Веракрус с грузом испанских товаров и серебра из Перу.

¹В 1717 — 1718 гг. Торговая палата была переведена в Кадис.

2. Галионы для Панамы (galleons) выходили из Севильи в августе с более сильным сопровождением (6 или 8 кораблей), проходили Канарские острова, делали остановку в Картахене, а затем направлялись к Панамскому побережью в Номбре де Диос (с 1584 г. — в Портобело)¹. Сюда же доставляли сокровища из Перу (вина, серебро, золото, драгоценности, шерсть) — сначала на судах Тихоокеанской (Перуанской) флотилии они прибывали из Кальяо в Панамский залив, а затем, на караванах мулов, перевозились через перешеек.

Оба флота встречались в марте в Гаване, запасались провизией и через Багамский пролив, минуя Азорские острова, приходили в Испанию².

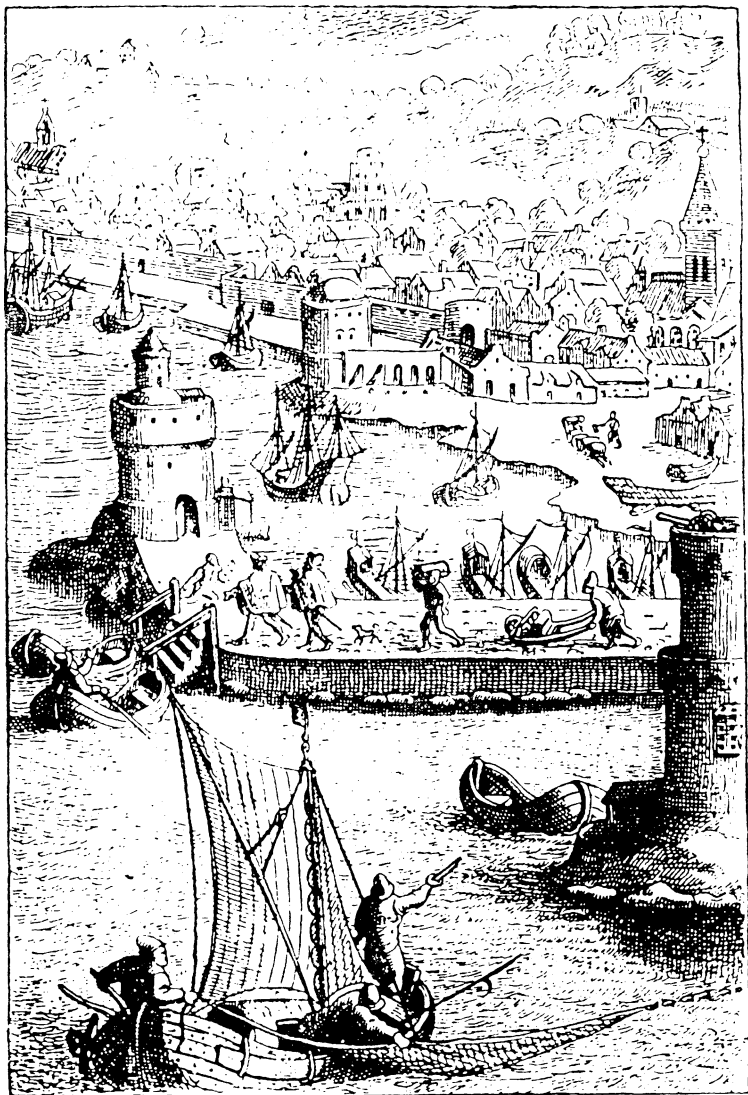
В пути караваны подстерегало немало трудностей, из них пираты не всегда были самыми опасными. Во флотах собирались самые разные корабли, с разными тоннажем,

Во время плавания галионы охранялись солдатами испанской пехоты
Рисунок Тициана. XVI в.

¹Плавание Сан-Лукар — Веракрус с 1550 по 1650 г. совершили 40 конвоев, примерно 2 тыс. судов, в среднем оно занимало 91 день. Самые короткие плавания потребовали 70 — 73 дня (1652 г. — 72; 1576 г. — 70; 1586 г. — 73; 1615 г. — 73); самые длительные заняли от 132 до 179 дней. В ходе плаваний были установлены следующие «рекорды»: самые быстрые плавания (Сан-Лукар — Портобело) — 43 дня (апрель — май 1615 г.); (Кадис — Портобело) — 39 дней (февраль — апрель 1609 г.). Самые продолжительные плавания (Кадис — Номбре де Диос) — 120 дней (октябрь 1586 — февраль 1587 г.); (Сан-Лукар — Портобело) — 175 дней (февраль — август 1633 г.). В среднем путь из Сан-Лукара до Панамского перешейка занимал 92 дня; из Кадиса до перешейка — 75 дней.

²На всем пути движение флотов контролировали и защищали морские флотилии: в Атлантическом океане — Armada del Mar Oceano; в Карибском море — Armada de Barlovento, а непосредственное прикрытие обеспечивала Armada de la Guardia de las Indias. После рейдов Ф. Дрейка и Т. Ковендиша в Тихом океане, для охраны трасс в Южном море испанцы организовали Флотилию Южного моря (Armada de la Mar del Sur), опирающуюся на Кальяо, Акапулько, Панаму и Вальдивию.

Порт Испанской Америки

Гравюра XVII века

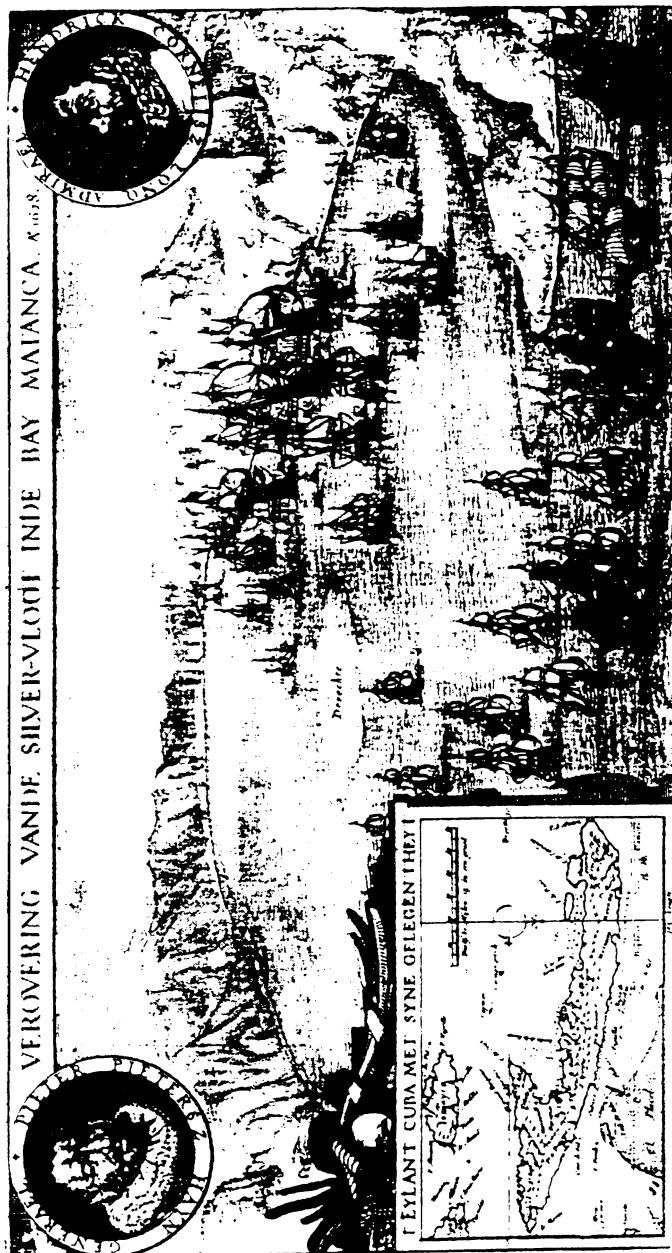

Порт Испанской Америки

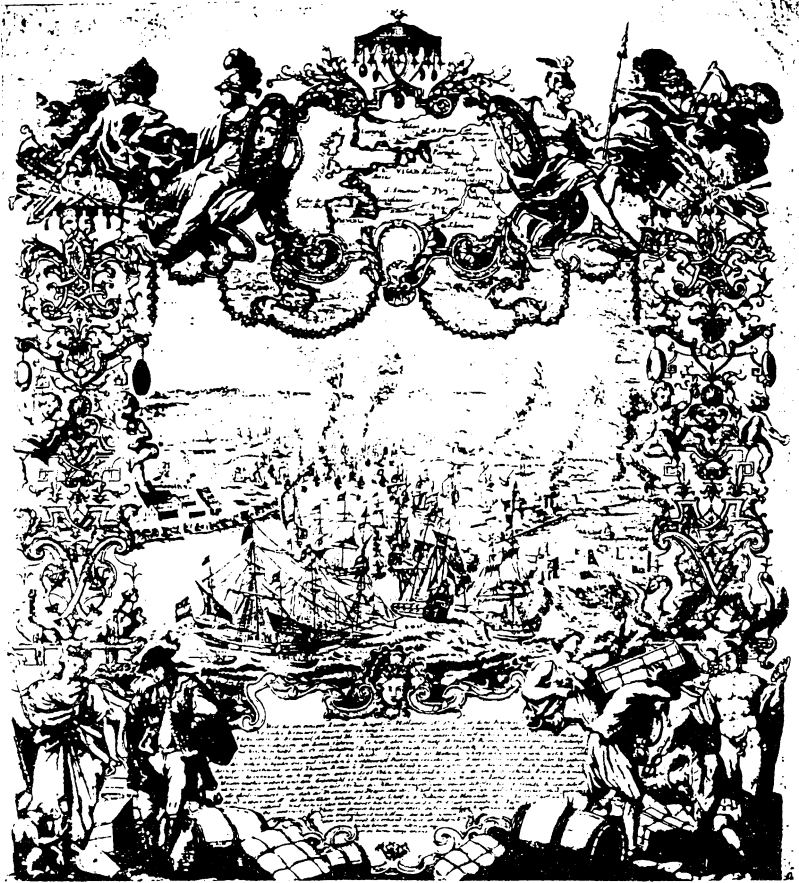
Гравюра XVII века

скоростью, плохо управляемые из-за грузов; они растягивались в пути, терялись в море, более быстрым судам приходилось дрейфовать и дожидаться отставших и т. д. Огромную опасность представляли штормы: в 1563 году было потеряно пять кораблей, в 1567-м утонул почти весь флот; в 1581 году жертвой стихии стал сам адмирал с восемью кораблями; в 1628 г. во время урагана во Флоридском проливе погибло одиннадцать галионов стоимостью в 1 млрд 200 млн песет; в 1715 году в районе Лонг-Ки (зап. побережье Флориды) затонуло 14 испанских галионов с золотом и серебром на сумму 2 млрд 800 млн песет.

Не меньшую опасность таили встречи с вражескими эскадрами. Так, в 1628 году голландский флот под командованием Питера Питерсона Хейна атаковал в бухте Матанзас на кубинском побережье «Серебряный флот» Хуана де Бенавидеса Базана и захватил восемь судов. В 1702 году англо-голландский флот Джорджа Рука и Филиппа ван Алмонда разгромил галионы с серебром Мануэля де Веласкеса, пришедшие в бухту Виго (Испания) под охраной французской эскадры графа де Шато-Рено: были взяты шесть линейных кораблей, пять галионов, а остальные суда сожжены или пушены на дно.

Захват Питером Хейном испанского флота с грузом серебра в бухте Матанзас (8 сентября 1628 г.).
Эстамп Вишера

Захват испанских галионов англо-голландским флотом в бухте Виго (23 октября 1702 г.) Гравюра Августа Корвинуса

Манильский галион

Огромный интерес для морских разбойников представляла знаменитая торговая трасса в Тихом океане, связавшая Филиппинские острова с Мексикой. Регулярное движение по ней было открыто в 1572 году. Всего один корабль в год, огромный галион, обслуживал трассу, и все ценности, скопившиеся в портах обеих стран, грузили в его трюмы. Сегодня нам нелегко представить себе масштабы перевозок этого чудовищного корабля. Он выходил в середине июня из Манилы, набитый доверху со-

кровищами Востока. Здесь были китайские шелка и фарфор, алмазы и жемчуг с Цейлона, пряности Малайского архипелага, слоновая кость и буйволодые шкуры из Сиам, золото, серебро, пальмовая и эбеновая древесина. Двигаясь на север, он попадал в течение Курисио и поворачивал на восток. Плавание через океан продолжалось от четырех до семи месяцев, и лишь поздней осенью галион торжественно входил в бухту Акапулько, где немедленно разворачивалась одна из крупнейших ярмарок Новой Испании. Весной следующего года галион отправлялся в обратный путь — только теперь на него грузили сокровища Америки; кроме того, корабль перевозил официальную испанскую корреспонденцию, вырученные от торговли в Акапулько деньги, годовое жалованье государственных служащих, офицеров и солдат, находящихся на Филиппинах, почту. На борт судна поднимались многочисленные чиновники, священники, солдаты, служащие — словом, те, кому предстояло служить в Маниле.

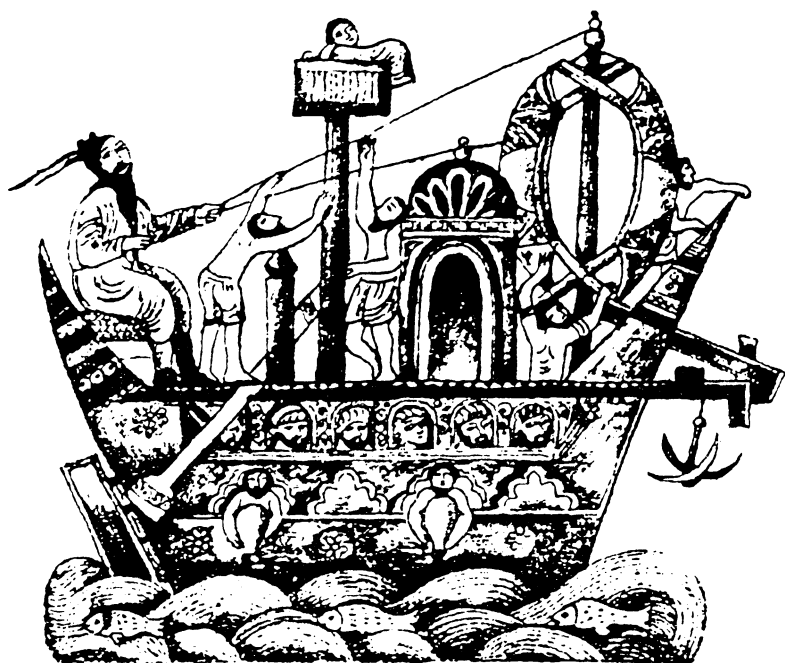
В ноябре 1587 года англичанину Томасу Кавендишу посчастливилось захватить у побережья Калифорнии манильский галион «Санта-Мария». Страшный бой за сокровища Востока продолжался несколько часов, и только после того как огромный испанский корабль с пробитым бортом начал медленно тонуть, капитан сдался. Кавендиш забрал с корабля все ценности, какие смог загрузить на свое судно, команду и торговцев с галиона высадил на ближайший берег, а сам галион с несколькими сотнями тонн товаров приказал поджечь. Лишь по счастливой случайности испанцы спасли судно — огромный горящий корабль прибило к берегу, им удалось потушить огонь, произвести ремонт и на развороченном галионе добраться до Мексики.

Торговые трассы Индийского океана

Когда европейцы вошли в Индийский океан, то они застали здесь высокоразвитую систему торгового и каботажного плавания, охватывающую арабские страны Персидского залива и Красного моря, Восточную Африку, Индию, Китай и страны южных морей.

Торговый механизм функционировал на основе благоприятных климатических условий, создаваемых тропическими муссонами — постоянными океанскими сезонными ветрами, превратившимися в центральный фактор, обеспечивающий цикличность морской коммерции на Востоке. С октября по апрель (иногда май, июнь) дул северо-восточной зимний муссон: сменяемый в июне — сентябре влажным летним юго-западным. В соответствии с ветрами строились и торговые плавания — нужно было только поймать благоприятный ветер.

С началом зимы арабские купцы несколькими путями направ-

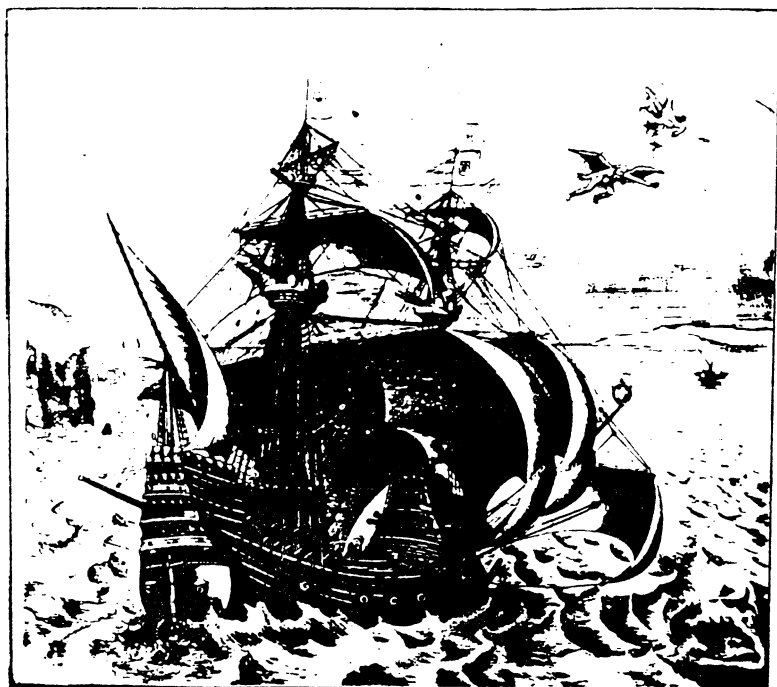
Арабский торговый корабль позднего средневековья

С миниатюры из коллекции Парижской Национальной библиотеки

лялись к Индии. Первый путь проходил вдоль северного побережья Индостана, захватывая порты Камбей, Каликут, Кананор, Дабул, Сурат. Затем трасса огибала Локкадивские и Мальдивские острова и подходила к южной оконечности Индостана, мысу Кумари (Коморин). Сюда же приводили и дороги, шедшие к портам Малабарского берега из Персидского и Аденского заливов через Аравийское море.

Далее суда шли к богатейшему Цейлону, а оттуда трасса вновь разделялась: одно направление уходило к северу и направлялось вдоль Коромандельского берега Индостана и бенгальских портов Индокитая к Малаккскому проливу; второе достигало Малакки через Никобарские острова, где пополнялись запасы воды и провизии.

Малакка — важнейший транзитный узел восточной торговли, центральный пост между Тихим океаном, Востоком и Европой. Отсюда открывалась дорога в Южно-Китайское море, на Дальний

Португальская каракка

Гравюра XVI века

Восток, в Китай, к Гуанчжоу; отсюда шли пути к перцу, пряностям и золоту Островов пряностей.

Восточные купцы освоили и трассы, связывающие арабские страны (а значит, и весь Восток) с Африкой. Шейхи отправляли своих торговцев к восточным берегам «Черного континента», которые везли оттуда слоновую кость, золото, рабов, серую амбру и черепах.

С приходом португальцев началась яростная схватка за овладение местными восточными рынками. Товары, привозимые европейскими купцами, не пользовались оживленным спросом у богатейших восточных правителей и купцов; более того, дары, преподносимые европейцами, поражали местных богачей скудостью и невзыскательностью. Тогда вопросы коммерческие стали рассматриваться европейцами с позиции военной силы — мощь европейских кораблей, артиллерия и вымущтрованная военная система Европы превратились в гарант успешной «торговли». Европейцы закрывали арабо-восточные порты, монополизировали торгов-

лю, создавая военно-экономические плацдармы, подминающие местные коммерческие интересы (Гоа, Малакка, Батавия), организовывали посылки купеческих флотов и военных эскадр и, шаг за шагом, подчиняли Ост-Индию.

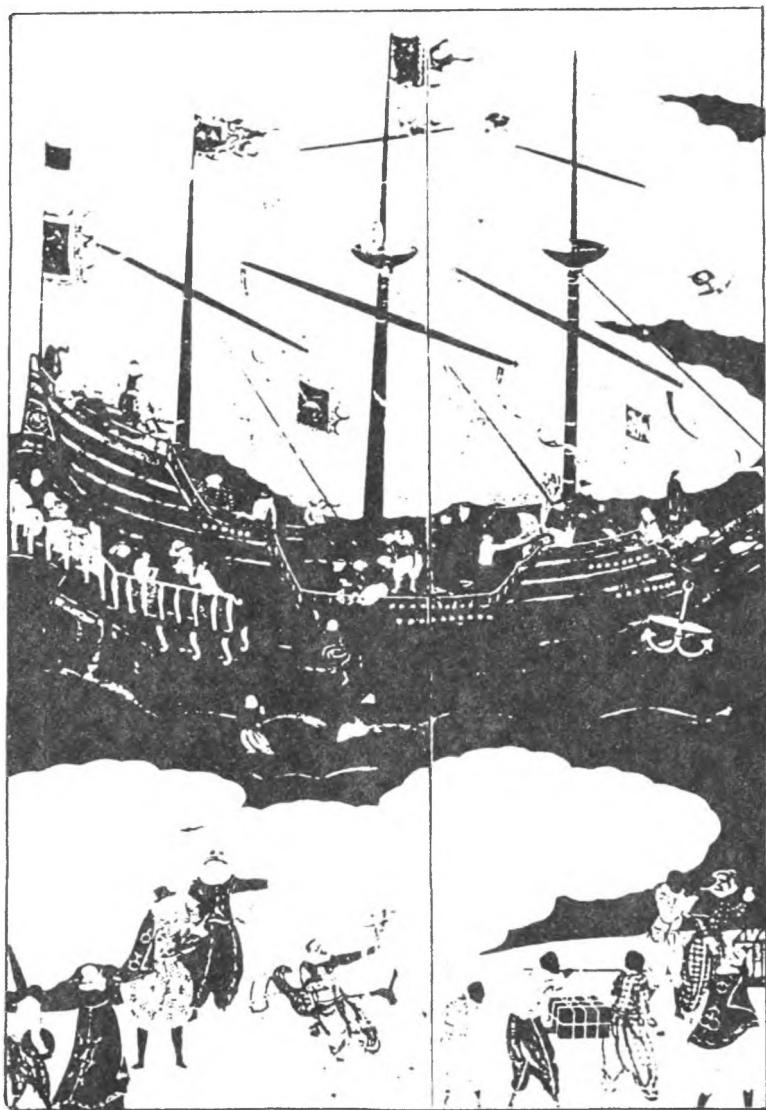
Морские дороги в Индийский океан, открытые португальцами, функционировали следующим образом. Огромные каракки двигались из Европы с северным пассатом, а затем, под воздействием южного пассата, смещались к Бразилии. Пройдя экватор, они поворачивали на юго-восток и огибали южную оконечность Африки. Далее путь шел вдоль восточного побережья Африки по Мозамбикскому течению и, используя благоприятный муссон, корабли подходили к Индии.

Суда покидали Лиссабон в феврале; в марте или в апреле (до июня) они пересекали экватор и в мае — июне прибывали в Сан-Сальвадор (Байю). Подготовка к обратному возвращению начиналась осенью. Торговые суда покидали Кочин или Гоа с благоприятным северо-восточным муссоном в конце декабря — начале января. Пройдя вдоль африканского побережья, они огибали ранней весной мыс Доброй Надежды и направлялись либо к Бразилии, либо прямо к Португалии. Более поздняя отправка судов из Индии — в феврале или в марте — таила крупные неприятности из-за тяжелой штормовой погоды в мае — июне в районе мыса Доброй Надежды. Эти плавания были весьма длительными. На дорогу Лиссабон — Гоа — Лиссабон уходило в общей сложности около восемнадцати месяцев.

Голландцы плавали в Индийском океане по другим, более южным маршрутам. Они огибали с юга остров Мадагаскар и пересекали Индийский океан, используя западные ветры Южного полушария, и далее, через Зондский пролив, попадали в Индонезию.

«Большая каракка»

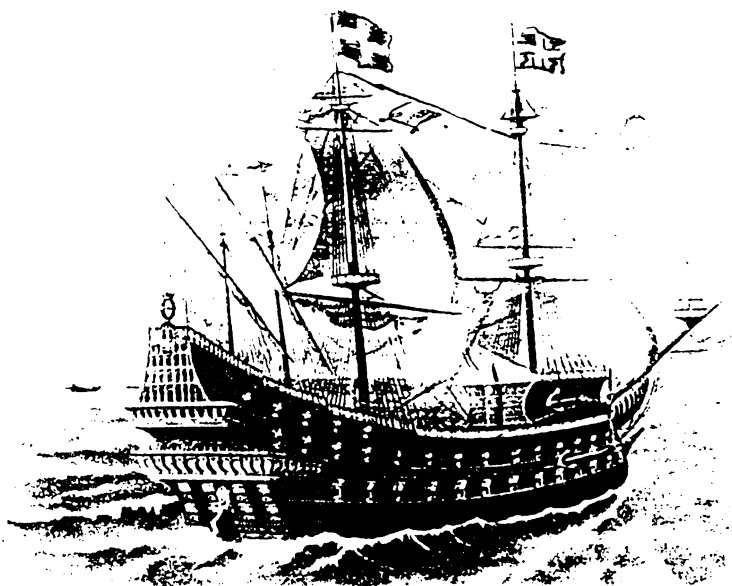
Одним из самых знаменитых кораблей XVI — XVII вв. была «Большая каракка» из Макао. Эти огромные четырехпалубные корабли, окрашенные в черный цвет (японцы называли их «черными кораблями»), медлительные, но хорошо устойчивые в шторм, перевозили в своих трюмах колоссальные богатства. В конце весны корабль выходил из Гоа и шел в Макао, где становился на длительную стоянку (иногда до одного года). Здесь происходил обмен товаров, привезенных из Индии, на продукцию Китая, Островов пряностей и стран Индокитая. Одним из самых ценных и необходимых грузов был китайский шелк, с которым каракка уходила в японский порт Нагасаки, куда прибывала в конце августа. Через два-три месяца корабль отправлялся в обратный путь — в Макао — с японскими товарами (серебро, мебель, ширмы, мечи и т.д.).

Разгрузка европейского судна в Нагасаки

Фрагмент парной ширмы. XVII век

Городской художественный музей Кобе

Большая каракка

Рисунок XVII века

Флот паломников

Одним из самых притягательных мест в мире для искателей приключений являлись транспортные артерии, проходившие по Аравийскому морю. Здесь переплетались и сходились в единый узел могущественнейшие центры торгового мира. Через Красное море и Персидский залив в систему аравийской торговли включались арабские, европейские и индийские товары, порты Ближнего Востока и Китая, богатства караванов Аравии и сокровища Островов пряностей. Важнейшим перевалочным пунктом этого всемирного транзита была Моха — крупный порт, располагающийся у выхода из Красного моря в районе Баб-эль-Мандебского пролива. Пираты не могли обойти своим вниманием это средоточие сокровищ и неустанно крутились в зоне пролива, следя за движением торговых караванов и отдельных судов. Здесь предоставлялась редкая возможность разбогатеть за один день — только захвати одну из этих плавающих сокровищниц, набитых доверху драгоценностями: золотом, жемчугом, кораллами, тончайшими шелками, страусовыми перьями, фарфоровыми изделиями и пряностями. Вождельной целью любого разбойника было поживиться за счет знаменитого флота, регулярно плавающего в этих водах от Сурата от Мохи. На нем

перевозились мусульмане, совершающие паломничество к святыням в Мекку. Этот флот пользовался специальным статусом, полученным от Великого Могола, и вместе с кораблями паломников шли суда самого императора. Таким высоким покровительством старались воспользоваться богатые торговцы, и их суда также входили в состав флота. Встреча с возвращающимися из Красного моря кораблями обещала сказочные барыши.

С трассой паломников связаны два знаменитых эпизода морской истории. Об одном из них — захвате в 1695 году пиратом Генри Эвери корабля «Великое сокровище», принадлежавшего самому Аурангзебу, императору Великих Моголов, — мы расскажем в главе «Тактика морского разбоя». «Героем» другой истории, ставшей страшным свидетельством варварского поведения европейцев в здешних водах, был знаменитый португальский мореплаватель Васко да Гама — одна из наиболее крупных и одиозных фигур молодой тогда европейской экспансии. В 1502 году у Кананура эскадра под его командованием захватила и разграбила судно с 400 паломниками, возвращающимися из Мекки. Свезя всю добычу с корабля, португальцы заперли в трюме пассажиров и подожгли судно. Отойдя на безопасное расстояние, они остались наблюдать за тем, как горит корабль и сотни брошенных на нем людей. Однако несчастным удалось вырваться на волю, и они начали тушить огонь. Им удалось сбить пламя, и тогда Васко да Гама приказал стрелять по кораблю из пушек. Страшная бойня продолжалась четыре дня; обреченные смертники, обожженные и изувеченные, бросались в воду и тонули, добываемые с лодок, спущенных с кораблей португальцев; по палубе горящего корабля металась женщины с детьми, взывая о пощаде, но ядра, летящие с христианских кораблей, методично добывали корабль неверных... *«После столь продолжительной борьбы адмирал поджег это судно с великой жестокостью и без малейшей жалости, и оно сгорело со всеми, кто был на борту»*, — констатировал наблюдатель.

Пиратские острова

Средиземноморский оазис

Остров Джерба обладал колдовской притягательной силой. Его чарующая атмосфера, выгодное расположение и огромные богатства на протяжении многих веков привлекали внимание путешественников, купцов, моряков. Древние легенды поселили на острове племя лотофагов — мирных гостеприимных людей, питавшихся сладким плодом забвения — лотосом. Те, кто отведал его сладкой мякоти, забывали свое прошлое, свою родину, своих

близких и навсегда оставались на райском острове. Когда корабль Одиссея носило по Средиземному морю, он, как повествуют мифы, встал близ острова на якорь. Дозорные, отправленные на берег за водой, были радушно встречены лотофагами и вкусили лотоса, после чего не пожелали возвращаться на корабль. Осторожный Одиссей избежал опасности, так как отказался попробовать плодов забвения и, приказав силой доставить на судно соотечественников, немедленно вышел в открытое море.

Остров находится в южной части залива Габес (Малый Сирт) у берегов Туниса, на оживленной торговой морской магистрали, связывающей Ближний Восток с побережьем Северной Африки. Неутомимые караваны верблюдов Судана и Аравии, плодородный Нил, богатейшие торговые базары Каира, Александрии, Дамаска и Багдада, оживленные порты Магриба — Сфакс, Махдия, Монастир, Тунис, Алжир, Бизерта, оживленная коммерция островов Архипелага — этот пестрый многонациональный клубок взаимосвязанных экономических интересов раскручивался вокруг Джербы. Остров играл роль своеобразного моста между различными цивилизациями.

Лев Африканский оставил описание этого райского уголка: *«Джерба — это остров, расположенный по соседству с материком, примерно в одной миле от него, весь плоский и песчаный. На острове находятся бесконечные владения с финиковыми пальмами, виноградом, оливковыми и другими плодовыми деревьями. Его окружность равна почти 80 милям. Жилища на острове — это дома, удаленные друг от друга, т. е. в каждом владении есть свой дом, где живет отдельная семья. Однако есть много поселков, где дома стоят группами. Земли там скудные, так что лишь с большими трудами как по обработке, так и по орошению, черпая воду из глубоких колодцев, жители с трудом получают немного ячменя. Из-за этого здесь возникает постоянная нехватка зерна... Мясо также очень дорого. На острове есть крепость, построенная на берегу моря, где живет синьор и его семья. Рядом с крепостью находится большое поселение, в котором размещаются иностранные купцы: мавры, турки и христиане. Раз в неделю в этой деревне бывает базар. Он похож на ярмарку, потому что там собираются все жители острова и туда приходят также много арабов с материка, приводя свой скот и привозя в большом количестве шерсть. Островитяне живут по большей части от торговли шерстяными тканями, которые изготавливаются на острове. Они доставляют их в Тунис и Александрию. Они вывозят также сушеный виноград».*

Благословенный остров одаривал сказочным климатом и обильными природными богатствами. Арабский путешественник писал, что он *«весь покрыт пальмовыми рощами, дающими нескончаемое число фиников, из плодов оливковых деревьев выделява-*

Восточная часть Барбарийского побережья и остров Джерба
Фрагмент карты д'Аввиля (1655 г.)

ется немало масла, а плоды обширных виноградников используются скорее для изготовления изюма, чем в виноделии. Здесь среди дикорастущих пород растений также есть фиговые, груши, яблоки, сливы, абрикосы, цитроны, апельсины... Кроме этого, на Джербе выращивают ячмень, сорго, чечевицу, бобы, нут и другие овощи. Скот, и крупный, и мелкий, привозят с материка. Впрочем, на острове держат много верблюдов и ослов. Есть зайцы и хамелеоны. У жителей очень мало лошадей...»

Занимались островитяне земледелием, торговлей, контрабандой, выращиванием фруктов и овощей. Предметом особой гордости было местное производство шерстяных тканей, в особенности «бараканов», тончайших, изумительно красивых покрывал, высоко ценимых на базарах Востока.

Джерба — остров корсаров

Джерба как магнит притягивала самых разных людей и стала центром изгнанников и оппозиционеров самого различного толка, нашедших убежище среди ее тенистых пальмовых рощ и фруктовых садов. Здесь скрывались от правосудия уголовные преступники, интриганы, потерпевшие неудачу в перипетиях политических дряг, мошенники-торговцы, посчитавшие необходимым выйти на время из оживленной коммерции. В этой среде роились заговоры и рождались планы государственных переворотов, кипели интриги и делились сферы интересов.

Среди подобной публики корсары Магриба играли далеко не последнюю роль. Они особенно жаловали остров в зимний сезон, когда после изнурительных морских блужданий и преследований было так приятно отдохнуть в спокойствии и расслабленности. Корсары обзаводились семьями, приобретали уютные домики и проводили в умиротворяющем семейном кругу сезоны отдыха. Впрочем, остров служил не только местом отдохновения. Это была штаб-квартира корсаров, где они строили планы на будущее, выработывали проекты морских операций и приобретали полезные знакомства. В случае неудачи разбойники уходили на Джербу, и здесь, как в засаде, внимательно следили за событиями в Средиземноморье, выжидая благоприятного случая, чтобы вновь включиться в погоню за удачей. В разное время остров становился пристанищем для Аруджа и Хайрадинна, Синан-раиса, Драгут-раиса и многих других «звезд», сверкавших в корсарском обществе.

Раисы находили на острове все, что требовалось им для продолжения своего дела, — отдых и уединение, людей, готовых отправиться в разбойничьи экспедиции куда-нибудь в Эгейское море или к берегам испанской Каталонии, многочисленных ремесленников, которые чинили снаряжение и ремонтировали корпуса судов, и, наконец, местное население, дружелюбно относящееся к ним. Неза-

висимые, самостоятельные и неукротимые островитяне всегда были готовы биться до конца с пришельцами-захватчиками, если те посягали на их независимость, однако поддерживали в трудные минуты тех, кому доверяли. На страницах этой книги мы встретимся с удивительным образцом помощи, оказанной населением Джербы знаменитому Драгут-раису в 1551 году, в тяжелый для него час.

Остров был важным стратегическим центром на Средиземноморье. Обладание им давало серьезные преимущества в политическом и экономическом контроле над регионом. Поэтому взгляды королей, шейхов, султанов, князей и других правителей самого разного уровня и национальной принадлежности обращались к этому острову в надежде закрепить на нем свое владычество. На Джербе было полным-полно разных соглядатаев, шпионов, заговорщиков. Сюда сходилась ценная информация о мусульманских и христианских силах, здесь плелись интриги и блестили на солнце клинки. Тогда райский остров становился полем сражения, на котором бились не только местные правители, но и мировые державы.

«Джерба приносит 80 тысяч дублей таможенных пошлин и сборов благодаря большой торговле, которая там производится, и благодаря тому, что туда приезжает много александрийских, турецких и тунисских купцов, — отмечал Лев Африканский. — Но люди, которые в настоящее время управляют островом, ради обладания властью прибегают в отношении друг друга к величайшим предательствам, и сын убивает отца, брат убивает брата, так что за 15 лет было убито 10 синьоров».

Благословенная Джерба вовсе не была беззащитна. Пересечение на острове интересов влиятельных политических сил, воинственный нрав его жителей, постоянное присутствие корсаров превращали его в крепкий орешек для тех, кто пытался его захватить.

Да и география острова таила в себе секреты, которые помогали избавляться от непрошенных гостей. Страшные мели, рифы, меняющиеся ветры, неожиданные отливы превращали Джербу в ловушку, в которой гибли опрометчивые храбрцы. Испанцы неоднократно организовывали экспедиции на Джербу, мальтийские рыцари держали его под постоянным прицелом, генуэзцы и сицилийцы отправляли на остров свои военные галеры — все было безуспешно. Показательно, что знаток острова, генуэзский адмирал Андреа Дориа, досконально знавший особенности Джербы, никогда не предпринимал сюда лихих рейдов, прекрасно понимая, что для захвата острова требуется основательная подготовка. Впрочем, даже тщательно продуманные операции и осмотрительность не становились гарантией успеха. Два эпизода из военной истории Джербы наглядно демонстрируют коварство острова и то, сколь опасно было посягать на него.

1510 год

Экспедиция под командованием герцога Гарсиаса Альбы де Толедо на Джербу стала первым пробным камнем для испанцев. Знакомство завершилось катастрофой. Вот описание событий, оставленное Львом Африканским.

«Поскольку тот (герцог Альба. — Д. К.) не был знаком с островом, он приказал выгружать свои войска в нескольких милях от берега. Остров храбро защищали мавры, и испанцам пришлось отступить. Они ужасно страдали от сильной жары и жажды, так как у них не было питьевой воды и они высадились в то время, когда прилив достиг высшей точки, а при их возвращении вода отступила, и корабли, чтобы не остаться на суше, отошли вместе с морским отливом, так что открылось пространство в 4 мили, которые вместе с теми, что оставалось пройти, подвергли солдат такой опасности и страданию, что они безо всякого порядка отправились к кораблям. Их преследовали мавританские всадники, так что большая их часть погибла или была взята в плен, за исключением немногих, которые направились вместе с флотом на Сицилию».

1560 год

В декабре 1559 года на острове Мальта собралась огромная экспедиционная армада. 54 галеры и 30-тысячная армия, состоявшая из подданных Испанского королевства, Королевства Обеих Сицилий, германских княжеств и рыцарей Мальтийского ордена, — такие силы не соединялись в Средиземном море со времен провала алжирской операции 1541 года. Ненастье продержало в мальтийских гаванях экспедиционный корпус под командованием герцога Медины Кёли несколько недель. Наконец погода улучшилась и флот отплыл к острову Джерба. Настал час мщения ненавистным корсарам-мусульманам, базирующимся на острове!

В феврале 1560 года войска высадились на Джербе и быстро овладели островом. Однако в легкости победы таилась катастрофа. Ликующие солдаты не подозревали, какие тучи собираются над ними. Флот Османской империи под командованием Пиали-паши и корсары Драгут-раиса и Ульдж-Али внезапно подошли к побережью, захватив экспедиционный флот врасплох. Морское сражение закончилось разгромом христианских сил, а разбушевавшийся шторм завершил катастрофу, превратив их отступление в паническое бегство. 28 галер и 27 транспортных судов остались в руках мусульман, тысячи солдат погибли в бою или утонули. Армия герцога Медины Кёли оказалась запертой на враждебном острове. В течение последующих месяцев ее методично уничтожали. Защитники последнего укрепленного пункта были, по приказу Драгута, перебиты. Из их черепов и костей была сложена пирамида (бордж ар-рус), просуществовавшая до 1846 года как страшное напоминание о катастрофе, произошедшей на острове в 1560 году.

Испанская экспедиция на Джербу в 1560 г.
Фрагмент карты Джакомо Гастальди

Драгут-раис

Этот корсарский капитан был одной из ярчайших фигур мира Средиземноморья XVI века. Турки называли его Тургутум, по-арабски он именовался Доргут, а для европейцев он был Драгут. Какие только характеристики он ни заслужил! Французский король Генрих II назвал его *«блестящим повелителем морей»*. Итальянский писатель Горацио Нукула признавал в нем *«изумительного архипирата»*. А историку нашего времени Шарлю Моншикуру он напоминал *«хитроумного и коварного Улисса»*. Предприимчивый, находчивый и отчаянно-дерзкий человек, Драгут провел всю жизнь в бесконечных авантюрах, плаваниях, сражениях, побывал в плену, был гребцом на галерах, достигал высшего величия, купался в славе и пропадал в неизвестности. Он прославился своей невероятной изворотливостью и ловкостью, что позволяло ему выпутываться из самых безнадежных ситуаций.

Драгут родился около 1485 года в анатолийской деревушке Сарабалаз (Турция) в бедной крестьянской семье. Когда ему было двенадцать лет, он отправился юнгой в плавание. Карьера его была довольна быстрой. Драгут прошел все ступени морского ремесла — от матроса, канонира и лоцмана он поднялся до капитана бригантины, а затем стал командовать небольшой эскадрой, во главе которой охотился за христианскими торговцами и защищал мусульманских торговцев от рыцарей-иоаннитов.

Драгут-раис

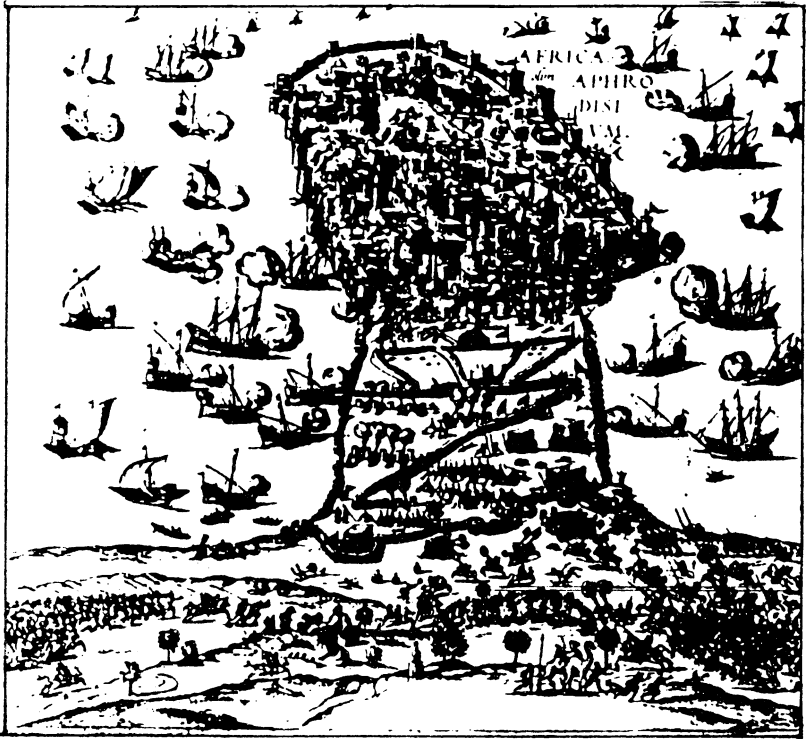
Он быстро убедился в преимуществах Джербы и превратил остров в свою главную базу. По-видимому, здесь Драгут встретился с Хайрадином, который много слышал о ловком пирате. Отныне их пути пролегли рядом. По мере того как могущество Хайрадина возрастало, упрочивалось и положение Драгута, игравшего важную роль при правителе Алжира. Раисы Хайрадина имели каждый свою «специализацию» и предпочитали действовать в излюбленных, досконально изученных районах. Зонай пиратских действий Драгута был оживленнейший район, охватывающий области Тирренского, Ионического и Ад-

риатического морей, Сицилию, Мальту, Корсику, Сардинию, итальянские Кампанию, Калабрию и Апулию. Хайрадин доверял своему помощнику и оставлял за ним свободу действий. Слава Драгута росла. В 1538 году он командовал правым флангом флота Хайрадина в сражении у Превезы, тогда как будущий правитель Алжира Салах-раис руководил левым флангом. В 1539 году Драгут во главе специального отряда обследовал берега Долмации, и по его следам сюда вошел флот Хайрадина, захвативший Кастиельнуово. После того как османский флот ушел на зимовку в Стамбул, Драгут продолжил самостоятельные действия, но в 1540 году оступился и попал в плен к генуэзцам. Стараниями Хайрадина через несколько лет он был выкуплен и с еще большим ожесточением принялся оправдывать доверие своего покровителя. Его положение при Хайрадине было настолько прочным, что в 1543 году тот доверил Драгуту власть в османских владениях в Западном Средиземноморье. После смерти Хайрадина в 1546 году Драгут решил вести самостоятельную игру и со всем пылом авантюриста принялся за сколачивание своего княжества. Джерба была штаб-квартирой, где Драгут составлял свои планы, и его военно-морской базой.

В 1546 году флотилия Драгута высадила десант на остров Гоццо и опустошила его; в 1547 году Драгут напал на Мальту, оплот его заклятых врагов — мальтийских рыцарей; в 1548 году он завладел казной ордена (20 тыс. золотых дукатов). Решающий удар он нанес в следующем, 1549 году, когда внезапным броском захватил сильную крепость Махдию, создав болезненный нарыв в испанских владениях в Африке. При этом он не посчитался с тем, что между императором Карлом V и султаном Сулейманом II был недавно заключен мир, и действовал на свой страх и риск. Флаг Драгута — красно-белое полотнище с синим полумесяцем посередине — взвился над стенами Махдии.

В Мадриде переполошились. Вице-король Сицилии впал в настоящую панику и в послании Карлу V заверял императора, что появление в Махдии корсаров, находящихся под покровительством Османской империи, станет еще опаснее, нежели их присутствие в Алжире. Карл V отправил султану ноту, осуждающую действия Драгута, в которой дал понять, что расценивает ситуацию как разрыв мира 1545 года. Не давая времени Драгуту укрепиться в крепости и собраться с силами, император организовал военную экспедицию в Северную Африку.

На исходе июня 1550 года мощный флот Андреа Дориа (52 галеры) встал на якорь к востоку от крепости и высадил на побережье четырехтысячный корпус под командованием вице-короля Сицилии дона Хуана де Веги и сына неаполитанского короля дона Гарсиа де Толедо. Войска подступили к крепости, и 28 июня на-

Осада Махдии испанцами в 1550 г.

чалась осада. Но крепость была твердым орешком, разгрызть который оказалось непростым делом. Первый яростный штурм не принес успеха, и Хуану де Веге пришлось перейти к затяжным осадным действиям. обороной Махдии руководил племянник Драгута Хезар-раис. В его распоряжении находился сильный гарнизон из 500 турок, и оборонявшиеся очень рассчитывали на помощь извне. Она подоспела 23 июля. Драгут с многочисленным отрядом прибыл на выручку с острова Джерба и высадился неподалеку от города. Он отправил в город пловцов, которые ночью доплыли до морской крепостной башни и сообщили Хезару план совместных действий, разработанный его дядей.

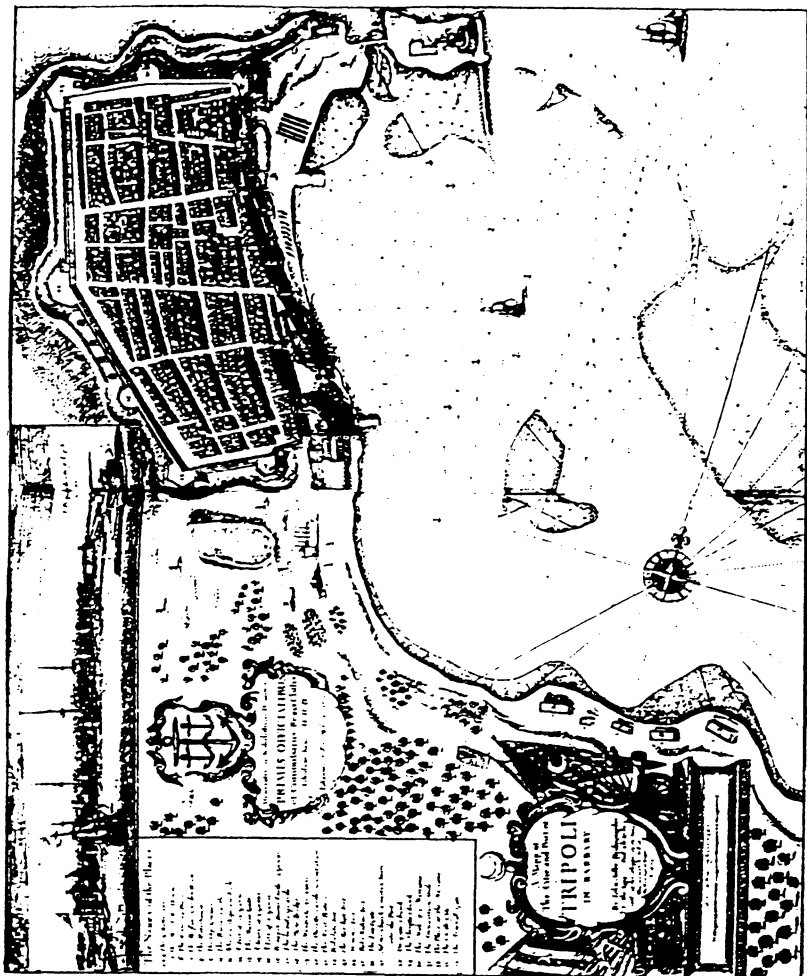
25 июля Драгут завязал сражение с испанцами; одновременно Хезар сделал вылазку. Несколько часов у стен крепости происходила страшная резня, но поле боя осталось за испанцами, и защитники крепости укрылись за стенами. Драгуту также пришлось от-

Триполи

ступить. Вначале он расположился вблизи испанского лагеря, но атаки противника заставили корсарского вождя уйти обратно на Джербу. Преследуемый на море флотом Дориа, Драгут отказался от попыток освободить крепость. В свою очередь, испанцы организовали убийственную бомбардировку города, выискивая слабые места в оборонительном поясе укреплений. Наконец выяснилось, что наиболее уязвимой является часть стены, примыкающая к морскому берегу. Испанцы связали две старые галеры и, установив на них деревянную платформу, организовали обстрел Махдии с этой, неожиданной для защитников стороны. Бомбардировка увенчалась успехом, и в стене была пробита брешь. После этого был намечен генеральный штурм, задуманный как одновременная комбинированная атака с запада и востока, с нанесением решающего удара с моря.

10 сентября испанские части пошли на штурм. *«Турки и христиане нападали и защищались с одинаковым мужеством, воздух наполнялся криками и стонами раненых, брешь покрылась убитыми, кровь насыщала песок... Наконец храбрые испанцы, которых не могли остановить ядра и картечь, опрокинули турок, овладели*

Карта Триполи
 Селлер, 1675 г.

башней и водрузили свое знамя на месте сброшенного мусульманского павильона». Весь оставшийся день шла яростная схватка внутри города, пока наконец запершийся в цитадели Хезар не капитулировал. При получении известий о падении Махдии султан пришел в ярость и потребовал вернуть крепость, но события наступившей войны отодвинули эту проблему на второй план. Впрочем, не прошло и четырех лет, как в 1554 году испанцы были вынуждены эвакуировать свой гарнизон из крепости.

После этой неудачи, оставшись с несколькими галерами, Драгут пришел к выводу, что путь его бывшего покровителя Хайраддина был самым верным и надежным, и решил отдаться под покровительство Османской империи. Он предложил свои услуги Сулейману, и его тотчас приняли на службу. Престиж Драгута был так высок, что в 1551 году ему поручили командовать эскадрой в Адриатике. В течение этой кампании Драгут был советником великого адмирала Синан-паши и командовал авангардом флота при захвате Триполи (14.08.1551); через несколько лет он получил от султана этот город в управление и распространил свою власть на все побережье Сирта. В 1552 году галеры Драгута основательно потрепали отряд адмирала Дориа, его заклятого врага, и захватили несколько галер и груз серебра. В 1553 году Драгут-раис был назначен капудан-пашой¹, великим адмиралом Османского флота, сменив самого Синана, брата великого визиря Ростема, и командовал турецким флотом в совместных кампаниях с французами.

Еще несколько лет сияла звезда Драгут-раиса. Но в 1570 году пробил смертный час корсара — при осаде острова Мальта — время рекогносцировки форта Сент-Эльм его сразил случайный снаряд. Останки Драгута с величайшими почестями перевезли в Триполи и похоронили в мечети, получившей его имя.

Черепаший остров

«Вздываясь над пронзительно голубым морем. Тортуга казалась спящей под солнцем черепахой. Колумб окрестил этот остров Черепахой из-за его формы, напоминавшей издали гигантскую черепаху, повернутую головой на запад, а маленьким «хвостиком» — на восток. Если бы великому открывателю довелось подойти ближе, он был бы очарован нежной прелестью этой земли и вполне мог бы назвать остров Изумрудом или Парадизом (Раем).

Да, глядя на его южный берег, вы бы согласились, что природа немало постаралась над этим созданием; террасы поднимались к

¹ Капудан-паша (тур. интерпретация итал. «capitano» — «капитан») — главнокомандующий всеми военно-морскими силами Османской империи.

вершине уступами, и на них сменяли друг друга купы пальм, манцилл, фиговых и банановых «деревьев»; здесь росли... крупные деревья, целые леса, напоминающие красотой Корсику».

Возможно, автор этого поэтического описания, французский историк Жорж Блон прав, предположив, что название острова Тортуга было бы иным, доведись Христофору Колумбу высадиться

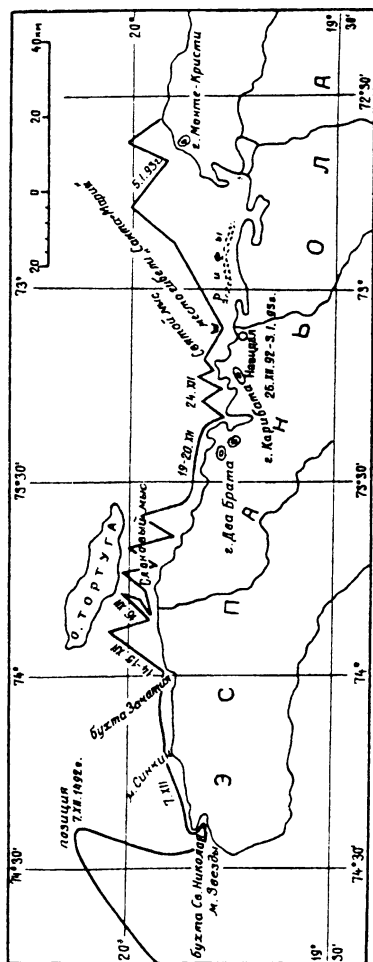
на его побережье. Но испанский адмирал проплыл мимо Тортуги и ограничился тем, что дал новооткрытой земле это название.

В начале декабря 1492 года корабли Колумба, блуждая в пространствах Карибского моря, медленно шли в Наветренном проливе от Кубы к Гаити.

ИЗ ДОКУМЕНТА ЭПОХИ Дневник первого путешествия Х. Колумба

«Четверг, 6 декабря. На рассвете адмирал находился в четырех лигах от бухты, которую он назвал «Бухта Марии». В направлении на юг... виден был красивый мыс, который он назвал «Мыс Звезды» («Cabo de Estrella»). Адмирал предположил, что мыс этот был крайней южной оконечностью острова южной окончательностью острова Гаити (Эспаньолы. — Д. К.). До мыса Звезды оставалось 28 миль. На востоке, милях в 40, показалась другая земля — видимо, небольшой остров. В 54 милях на восток... виднелся очень красивый мыс, названный адмиралом «Слоновый» («Cabo de Elefante»). Еще один мыс, которому было присвоено наименование «Мыс Синкин», лежал... в 28 милях от кораблей.

На юго-востоке берег прерывался; возможно, то была

**Плавание Колумба у берегов
Эспаньолы**

река, и казалось, что милях в 20 от этого места, между мысами Слоновым и Синкин, открывался широчайший проход. Некоторые моряки различали на его противоположной стороне нечто вроде острова, который адмирал назвал «Тортуга» («Черепаша»).

Вторник, 11 декабря. Адмирал не мог выйти из бухты, так как все еще удерживались северо-восточный и восточный ветры. Как раз против бухты расположен был остров Тортуга. Он казался очень большим, почти таким же, как Эспаньола...

Пятница, 14 декабря. ...Тортуга высокий, но не гористый остров. Этот остров очень красив и населен точно так же густо, как Эспаньола. Земли везде на нем возделанные и напоминают они долину Кордовы...»

Мог ли предполагать знаменитый путешественник, проплывая мимо, что через полтора века эта маленькая земля превратится в один из центров развала могущества испанской короны в Вест-Индии? Оказалось, что крохотный островок обладал удивительно полезными особенностями: высокопоставленные государственные чиновники в далеких европейских столицах, просчитывая дипломатические и военные комбинации, делали ставку на затерявшуюся в океане Тортугу; моряки и разбойники, потрепанные жестокими штормами и бесконечными перипетиями морского разбоя, стремились на Черепаший остров, зная, что смогут продать там награбленную добычу и развеять усталость, предавшись застольному веселью в компании лихих собутыльников и доступных красоток. В середине XVII в. Тортуга совершила неожиданное превращение из забытого уголка в райское прибежище для пиратов.

Пиратский рай

Здесь воды давно уже привлекали вольных морских добыччиков. Уже в середине 20-х годов XVI в. испанцы, обеспокоенные появлением в зоне Антильских островов нежелательных пришельцев, начали укреплять северное побережье Эспаньолы. Однако время от времени европейские корсары наносили удары. В 1539 году французы напали на Пуэрто-Рико, в 50-е годы некий гасконский капитан захватил в этом районе несколько кораблей, принадлежавших мадридским купцам, в 1572 году капитан Майар из Фекана удачно поохотился за торговыми судами в заливе Сан-Доминго. В 1599 году знаменитый французский путешественник Самюэль де Шамплейн совершал плавание по Вест-Индии на испанском корабле «Сен-Жюльен» и видел у берегов Сан-Доминго два дьеппских корабля. Он заметил также тринадцать «больших французских, английских и фламандских вооруженных кораблей».

Но главные хлопоты ожидали испанцев в XVII в.

Американский континент на карте Мюнстера (1544 г.)

В 1631 году на южном побережье Тортуги высадилась странная компания из ста пятидесяти буканьеров, флибустьеров и английских колонистов, оставшихся в живых после того, как испанская флотилия в 1629 году разгромила английские и французские поселения на островах Сент-Кристофер и Невис. Каким они нашли остров? Прочтем описание Тортуги, оставленное Александром Оливье Эксквемелином. — хирурга, состоявшего на службе Французской Вест-Индской компании и побывавшего на островах Антильского архипелага в конце 60-х и в начале 70-х годов XVII в., автора знаменитой книги «Пираты Америки».

«... Весь остров в скалах. На нем везде большие деревья, которые растут прямо среди камней; земли там почти нет, и их корням деваться некуда. Северная часть острова необитаема и очень неприветлива, там нет ни гавани, ни отмелей, разве что небольшие площадки между утесами. Поэтому заселена лишь южная часть острова, где есть гавань и куда могут приставать корабли.

*Обитаемая сторона делится на четыре части: самая лучшая из них — *Ля бас тер* (Низменная земля), именно туда пристают корабли. Там есть селение *Кайон*, в котором живут богатые плантаторы. Другая, *Ле Миль плантаж*, обжита совсем недавно и славится табаком. Самая западная часть острова называется *Ля Ринго*. В четвертой части, а называется она *Ля Монтань*, находятся самые древние плантации этого острова. Гавань хорошая, она защищена от рифов, и к ней ведут два прохода. На дне тонкий песок. В нее могут заходить и семидесятипушечные корабли.*

*Растительное же царство острова Тортуги необычайно разнообразно. Здесь растут бразильское дерево¹, красный, белый и желтый сандал. Желтое сандаловое дерево здешние жители называют *буа де шандель* (свечное дерево), потому что горит оно ярко, словно свеча. Когда ночью идут на рыбную ловлю, из него делают факелы. Растет на острове и лигнум санктум, в других странах его называют *покхаут*², а также деревья, которые постоянно гноятся какой-то особой смолой, и китайский корень³... Он мягкий и белый, и его охотно едят дикие свиньи, которые вообще ничем не питаются, кроме него. Встречаются здесь алоэ и другие лекарственные растения, а также деревья различных пород, пригодные для постройки кораблей и домов. На острове есть все плоды, которые можно найти на Карибских*

¹Бразильское дерево, или фернамбуковое дерево (семейство бобовых), — дает ценную древесину красного цвета и краску.

²Покхаут, или французское дерево — разновидность *Lignum Sanctum L.*, — кустарник, из сока которого изготавливали лекарство от венерических болезней.

³Китайский корень — у Эксквемелина *Radix China*, — растение, принимаемое в Вест-Индии за женьшень.

островах: маниок¹, батат², иньям³, арбузы, испанские дыни, папайя⁴, карасоль⁵, мамай⁶, ананасы, плоды акажу⁷ и другие, которые я перечислять не стану, чтобы не отвлекать внимание читателей. Сверх этого, там множество различных пальм, из мякоти которых можно готовить вино, а листьями покрывать дома».

Население небольшого острова в середине XVII в. было достаточно многочисленным. По испанским оценкам, в 1653 году на Тортуге находилось семьсот французских колонистов, двести негров и двести пятьдесят индейцев с женами и детьми. Очевидец свидетельствовал, что жители острова по своим занятиям делились на четыре разряда:

- буканьеры, охотившиеся на острове или соседней Эспаньоле;
- флибустьеры, промышлявшие грабежом на море;
- оседлые жители, располагавшие небольшими земельными участками и занимавшиеся земледелием;

— кабальные слуги, или «завербованные», т.е. люди, работавшие по зарегистрированному контракту. Как правило, ими становились европейцы, прибывшие в Америку за счет какой-нибудь торговой компании и проданные во «временное» рабство в возмещение затрат на перевозку через океан. По истечении срока контракта эти люди обычно пополняли ряды буканьеров и флибустьеров.

Вот как рисует Эксquemелин занятия жителей Тортуги:

«На острове много диких свиней, но охота с собаками на них запрещена, ибо остров мал, а свиней надо беречь на случай, если нападут враги и жителям придется укрываться в лесах. Охота там очень опасна из-за утесов, поросших мелким кустарником. По неосторожности можно с них легко свалиться. Там уже погибло множество людей. На дне между скалами немало скелетов, и никто не может сказать, сколь долго они здесь лежат...»

...Когда французы основали колонию и укрепились на острове, они начали ходить на Большую землю (Эспаньолу. — Д. К.) на охоту, добывать шкуры: те же, кто не имел к этому склонности, повадились грабить испанские берега, что, впрочем, они делали и раньше. А у

¹Род растений семейства молочайных — кустарники, травы или небольшие деревья.

²Сладкий картофель, многолетнее травянистое растение семейства выюнковых.

³Вьющиеся травы со съедобными клубневидными корнями, семейства диоскорейных.

⁴По-видимому, плоды папайи, плодового тропического дерева.

⁵Растение с плодами грушевидной формы, мягкость и аромат которых напоминают сливки.

⁶Маммией американский или абрикос из Сан-Доминго.

⁷Плоды красного дерева.

кого на руках были женщины, остались на острове, некоторые из них занялись разведением табака, другие — сбором древесного сока, и каждый добывал себе такими способами пропитание».

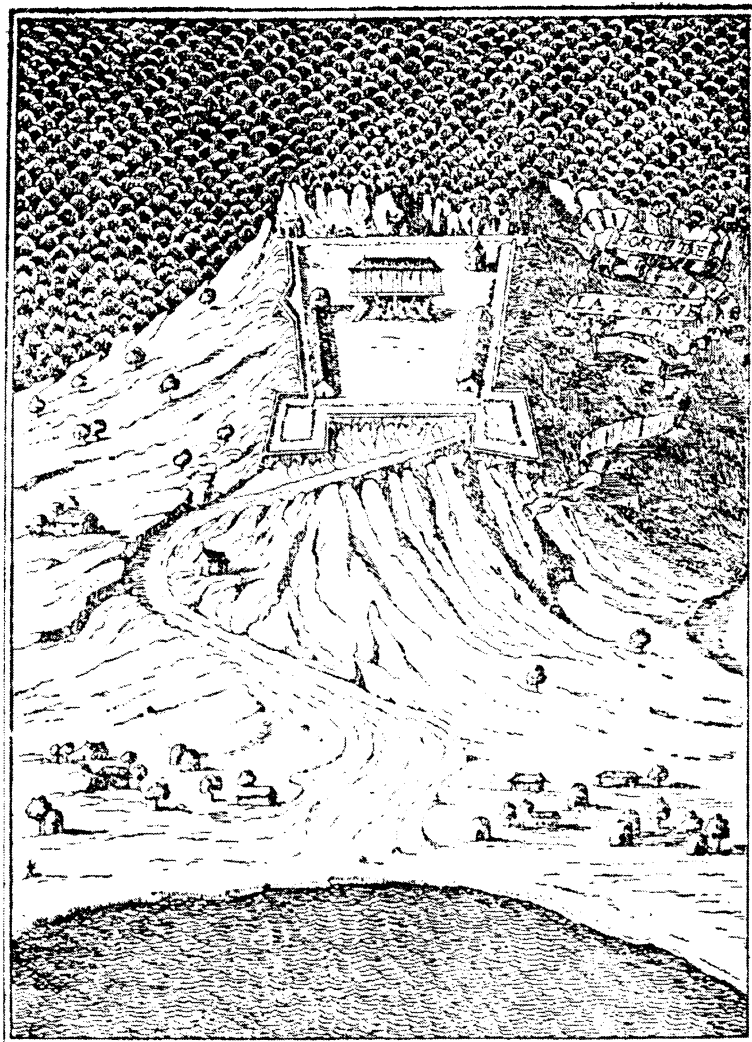
Появление прямо на маршруте «Золотого флота» вольного сообщества буканьеров и флибустьеров всерьез обеспокоило королевскую администрацию. Гнездо разбоя, образовавшееся на Тортуге, превращалось в серьезнейшее препятствие для доставки американского золота и серебра в Испанию и таило в себе постоянную угрозу для владений короля на Кубе, Пуэрто-Рико и в Южной и Центральной Америке. Пираты с Тортуги располагали широкой сетью тайных прибежищ, разбросанных на мелких островах по всей акватории Карибского моря, — от пустынных заливов южного побережья Кубы до лабиринтов Багамских и Наветренных островов. Оттуда устраивались засады на торговые корабли, вылавливались отставшие и сбившиеся с курса испанские суда с сокровищами Америки.

Тортуга имела и собственную продовольственную базу, располагавшуюся на соседней с островом «Большой земле», Эспаньоле. Ее отделял от Тортуги небольшой, 10-километровый залив. Буканьеры, отправлявшиеся на Эспаньолу для охоты на диких свиней и крупный рогатый скот, превратили остров в центр мясозаготовок. Испанцы неоднократно предпринимали попытки избавиться от непрошенных соседей и проводили карательные экспедиции на Тортуге и Эспаньоле. Они уничтожали буканьерские поселки, сжигали лесные хижины и организовывали поголовное истребление скота на островах, но все старания изгнать опасную публику с Черепашьего острова были тщетны.

В 1640 году власть над Черепашьим островом захватил француз Левассер. Новый правитель прежде всего решил укрепить остров. Его внимание привлекла большая отвесная скала, возвышавшаяся над гаванью Бас-Тер на южном побережье Тортуги. Левассер построил на ее вершине небольшой форт, установив в нем несколько пушек. В пещере на склоне горы был размещен склад боеприпасов и продовольствия. Вырытый колодец, питаемый подземными ключами, снабжал гарнизон форта водой. К крепости вела узкая тропа, окруженная небольшим леском, фруктовыми и табачными плантациями. Подобраться по ней к форту было едва ли возможно, так как на тропе с трудом могли разойтись два человека.

Казалось, что форт в Бас-Тере стал непреодолимым препятствием для врага. Под прикрытием крепости Черепаший остров вступал в эпоху процветания. Здесь поселились торговцы, возникли трактиры, и береговая жизнь стала приобретать черты, характерные для «цивилизованного» пиратского поселения.

Однако уязвимые места нашлись и на Тортуге. Левассер, установивший жестокий тиранический режим, вызвал недовольство вольного флибустьеро-буканьерского общества. В 1652 году со-

Крепость на Тортуге
Гравюра XVII века

зрел заговор против губернатора, и француз был убит своими приближенными.

Последовавшая за этим чехарда правителей была на руку испанцам. В январе 1654 года они осуществили хитроумную и рискованную военную операцию, высадившись на побережье к востоку от Бас-Тера и каким-то чудом взобравшись с артиллерией по скальным утесам на соседнюю с фортом гору. Разбив на ней батарею, они подвергли крепость с тыла артиллерийскому обстрелу, в то время как испанская эскадра вошла в гавань и начала бить по форту из бухты. После ожесточенного сопротивления защитники капитулировали. На Тортуге водворились испанцы.

26 ноября 1656 года правителем острова был назначен Жереми Дешам дю Россе. Сложность положения нового правителя заключалась в том, что назначение он получал в Париже, а Тортуга продолжала оставаться в руках испанцев. Предприимчивый дю Россе прибыл в Вест-Индию и первым делом получил согласие на занятие должности правителя Тортуги от... английского губернатора Ямайки. Заручившись поддержкой Франции и Англии, дю Россе принялся за подготовку налета на Черепаший остров. Набрав многочисленное войско головорезов, он провел молниеносную операцию по захвату острова. На нескольких десятках пирогах отряд дю Россе незаметно подобрался к северному побережью Тортуги. Высадившись ночью на побережье, он двинулся в глубь острова и к вечеру расположился вокруг форта и горы, сыгравшей столь роковую роль в событиях 1654 года. Дождавшись ночи, смельчаки вскарабкались по отвесной скале на вершину, где располагалась батарея, разоружили гарнизон и овладели орудиями. Форт тут же подвергся обстрелу. Ошеломленный испанский гарнизон решил исправить положение и двинулся в атаку на батарею, где и попал в засаду, расставленную флибустьерами, расположившимися вокруг крепости. В ходе яростной схватки испанцы были уничтожены. Остров вновь попал в руки прежних хозяев — буканьеров и флибустьеров, а над крепостью Бас-Тера взвился французский флаг.

В октябре 1662 года авантюрист дю Россе, сдав полномочия своему племяннику, Фредерику де Ла Пласу, отплыл в Европу, где затеял операцию по продаже острова англичанам. В ходе этой рискованной игры дю Россе очутился в тюремной камере Бастилии, где просидел два года, и в конце концов уступил свои «законные» права на Тортугу за 10 тыс. ливров Французской Вест-Индской компании.

Правителем Тортуги и французских поселений на побережье Сан-Доминго был назначен Бертран д'Ожерон, младший отпрыск анжуйской дворянской семьи. На годы его правления пришелся «классический период» развития флибустьерского общества Черепашьего острова, тогда же проявились зловещие симптомы будущего угасания.

До своего назначения на этот пост д'Ожерон прошел непростой жизненный путь. Он начал военную службу как офицер французских военно-морских сил, а затем занимался каперством. Позже д'Ожерон попытался приобрести сахарные плантации на острове Мартиника, потерпел неудачу и присоединился к флибустьерам — коммерческой деятельности он при этом не оставлял. Этот энергичный и ловкий предприниматель был замечен в Париже и рекомендован генеральному контролеру финансов Жану Батисту Кольберу как человек, хорошо ориентирующийся в хитросплетениях бурной жизни Вест-Индии. На посту правителя Тортуги д'Ожерон находился с 1665 до 1675 г. *«Он старался также сколько возможно скрасить вредный доброй славе флибустьеров вид разбойничества, какой принимали их подвиги, извлечь из мужества их пользу для государства и смягчить нравы их. При этом он благоразумно терпел то, что не мог переменить, не подвергая французские колонии и острова еще большему злу»*, — охарактеризовал деятельность губернатора историк пиратства Ф. Архенгольц. *«Я являюсь губернатором необузданных людей, которые не ведают кабалы...»* — писал д'Ожерон Кольберу. И действительно, уклад жизни на острове не вмещался в четкие инструкции и тесные ограничения, с помощью которых французская администрация пыталась контролировать экономическую деятельность, поэтому за годы его губернаторства у д'Ожерона возникало немало трудностей и проблем. В 1670 году дело дошло до открытого мятежа. Его удалось подавить благодаря присутствию французской военной эскадры и ряду уступок, сделанных правителем Тортуги.

По мере усиления вмешательства парижских властей в экономическую ситуацию на острове, купцы и торговцы покидали Черепаший остров. При преемниках д'Ожерона Тортуга, лишенная притока товаров, измученная штрафами и твердыми ценами на продукцию, погружалась в состояние запустения. Население также постепенно перебралось с острова на «Большую землю», где возникло несколько французских поселений — Пти-Гоав, Леоган, Пор-де-Пе, Кап-Франсе. Небольшая же по размерам Тортуга — каменистый клочок земли, усеянный скалами и утесами, — стала слишком тесна для колонистов, стремившихся к возделыванию полей и расширению земельных участков. Основа экономики острова — тотальная охота за призами — не могла сделаться опорой для мирного процветания.

Феномен Тортуги — вольное флибустьерское сообщество — был слишком обременительной ношей.

Когда новый губернатор Тортуги Пьер Поль Тарен де Кюсси прибыл в 1684 году на остров, оказалось, что примерно половина белого населения подвластных ему территорий так или иначе связана с вольным промыслом. В рапорте Жану Батисту Кольберу де

Сеньелз¹ он приводит список флибустьеров, обосновавшихся в его владениях.

П. П. Тарен де Кюсси — Ж. Б. Кольберу де Сеньелз.

24 августа 1684

Список флибустьеров и их кораблей

		Пушки	Людей
<i>Господин де Граммон</i>	<i>командир «Арди»</i>	52	300
<i>капитан Лоран Граф</i>	<i>датчанин, командир «Нептуна»</i>	54	200
<i>капитан Мишель</i>	<i>командир «Мютины»</i>	44	280
<i>капитан Жонке</i>	<i>голландец, командир «Дофины»</i>	30	180
<i>капитан Ле Саж</i>	<i>командир «Тигра»</i>	30	130
<i>капитан Деденан</i>	<i>командир «Шассера»</i>	20	120
<i>господин Дюмениль</i>	<i>командир «Тромезы»</i>	14	100
<i>капитан Фокар</i>	<i>командир «Ирондели»</i>	18	110
<i>капитан Бреа</i>	<i>командир «Фортьюны»</i>	14	100
<i>приз капитана Лорана</i>		18	80
<i>капитан Бернанос</i>	<i>командир «Сети»</i>	8	60
<i>капитан Кашимаре</i>	<i>командир «Святого Иосифа»</i>	6	70
<i>капитан Бло</i>	<i>командир «Куаньона»</i>	8	90
<i>капитан Вишьерон</i>	<i>командир барка «Луиза»</i>	4	30
<i>капитан Пти</i>	<i>командир судна «Рюзе»</i>	4	40
<i>капитан Лагард</i>	<i>командир «Сюбтили»</i>	2	30
<i>капитан Верпре</i>	<i>командир «Постийона»</i>	2	25
		328	1945

¹ Кольбер, Жан Батист, маркиз де Сеньелз (1651 — 1690) -- сын «Великого» Кольбера, статс-секретарь по морским делам, фактический руководитель военно-морскими силами Франции.

Вот, монсеньор, все флибустьеры, сколько есть, без исключений, половина из них живут здесь, так как наибольшая их часть не без пользы для себя купили жилища, в которые они удаляются и живут без забот. Таким образом число жителей увеличивается без сокращения количества флибустьеров, которые хотят время от времени выходить в море, оставляя хлопоты по содержанию в порядке жилищ своим товарищам».

Однако население покидало Тортугу, и лихие флибустьеры не могли чувствовать себя на «родном» острове столь же вольготно, как раньше. Итог можно подвести словами знаменитого французского моряка Жана Дюкасса, сменившего в 1691 году де Кюсси на посту правителя. *«Остров Тортуга являет собой недоступный утес, где торговли происходит едва на семь тысяч экю в год. Этот остров был первым французским владением, а засим сорок лет — прибежищем флибустьеров. Сейчас же он ни на что не пригоден».*

Пиратская вольница на Тортуге подошла к концу.

Правители Тортуги

1. Левассер (1640 — 1652).
2. Шевалье Анри де Фонтене (1653 — 1654).
3. Жереми Дешам дю Россе (1656 — 1662), первый правитель, назначенный королем с титулом *«Правитель и королевский наместник острова Тортуга»*.
4. Фредерик Дешам де Ла Плас, племянник предыдущего (1663 — 1665).
5. Бертран д'Ожерон де Ла Буэр — назначен 07.10.1664; прибыл на остров 06.06.1665, умер в Париже 31.01.1676.
6. Жак Непвё де Пуансэ — назначен 16.03.1676; умер в конце 1682.
7. Пьер Поль Тарен де Кюсси — назначен 30.09.1683; убит в сражении на острове Сан-Доминго (1690).
8. Жан Дюкасс (1691 — 1700).
9. После отъезда Дюкасса во Францию временно функции правителя острова исполнял Буасси-Раме.
10. Ожер (1703 — умер 1707).
11. Граф Франсуа Жозеф I де Шуазель, барон де Бопре — назначен в 1707 — умер 18.05.1711 в Гаване после ранения, полученного в морском сражении. Последний правитель Тортуги.

Некоронованные короли Тортуги

МОНБАР ИСТРЕБИТЕЛЬ

Среди пиратского общества Вест-Индии фигура шевалье де Монбара стоит особняком. За свои жуткие деяния, получившие широкую известность в Карибском море, он заслужил прозвище

Зверства испанцев в Америке

Гравюра 1542 г. к немецкому изданию Б. де Лас Касаса

Истребитель. Он не гонялся за богатством, был совершенно равнодушен к женщинам, ничего не пил, кроме воды, не участвовал в пьяных оргиях и не играл в азартные игры. Де Монбар не искал связей в пиратском мире и был флибустьером-одиночкой. Экипаж его корабля состоял из... индейцев. Изничтоженные испанцами коренные жители Америки ненавидели всей душой жестоких захватчиков и, будучи изощренными в технике истязаний, платили врагам страшную дань отмщения. Команда аборигенов шевалье де Монбара была безраздельно предана своему капитану, который слыл самым страшным для испанцев человеком.

Он родился в почтенной семье в провинции Лангедок на юге Франции около 1645 года. Рассказывают, что ненависть ко всему испанскому зародилась у де Монбара еще в детстве, когда он прочитал книгу испанского священника Бартоломе Лас Касаса о зверствах испанцев в Америке. По одной из легенд, маленький де Монбар во время школьного спектакля едва не задушил своего одноклассника, которому было поручено исполнять роль испанского кавалера. Ко-

гда в 1667 году началась Деволуционная война¹, де Монбар покинул дом и поехал в Гавр к своему дяде, который командовал военным кораблем. На нем юноша прибыл в Вест-Индию. Существует рассказ о том, что осторожный дядя, оберегая пылкого племянника от смерти в случайной схватке с испанцами, запер его в каюте. В разгар боя дверь разлетелась на куски, и де Монбар со шпагой в руке ринулся в самую гущу сражения. Это было началом страшного пути. Сильный, проворный, бронзовый от загара гасконец де Монбар имел устрашающий вид лихого вояки. Его кустистые черные брови и пронзительный взгляд подавляли врага. Неудивительно, что облик этого мстителя за индейцев вдохновил авторов многих

Монбар-истребитель

мелодраматических пьес, гремевших на подмостках парижских театров. Со своими индейцами де Монбар подстерегал испанские корабли у берегов Юкатана и у Кубинского побережья и уничтожал на своем пути все — военнопленных и захваченных гражданских чиновников умерщвлял и выбрасывал за борт, а товары и суда сжигал. Рассказывали, что, когда де Монбар захватывал «испанцев», он приказывал вздернуть на рею труп шкипера ограбленного судна. С таким «флагом» он выходил на поиски новой добычи. Счастьем было для испанца, попавшего в руки Истребителя, умереть быстро. Испанские хронисты подробно описывают безумные истязания, которые придумывал этот пират. В свою очередь, французские современники отмечали рыцарственность де Монбара в обращении с пленными. Где легенда, а где правда — сказать невозможно. Фигура де Монбара превратилась в некий собирательный фантом, тень флибустьера, вобрав в себя правдивые рассказы и ложные измышле-

¹ *Деволуционная война* (1667 — 1668) — война Франции против Испании, основанная на «деволуционном праве» — праве детей на общее имущество родителей после смерти одного из них. — ставшем предлогом для Франции требовать Испанские Нидерланды (король Людовик XIV был женат на испанской инфанте Марии Терезе).

Рок-Бразилец

ния из пиратской жизни. В один прекрасный день де Монбар пропал столь же неожиданно, как и появился. Со своими индейцами он ушел с Тортуги и растворился в просторах Атлантики.

РОК БРАЗИЛЕЦ

Герой этого небольшого рассказа, Рок Бразилец, появился на Тортуге, уже приобретя известность своей деятельностью на Ямайке. О его ранних годах известно очень немного. Эксквемелин сообщал, что *«хотя он и был родом из Гронингена (Нидерланды. — Д. К.), но долгое время прожил в Бразилии. Когда Брази-*

Франсуа Олоне

лия снова стала португальской¹, некоторые семьи покинули насиженные места и переселились кто в Голландию, кто на французские или английские острова и даже в Виргинию. Он отправился на Ямайку и, не зная, чем заняться и как добыть себе пропитание, подался к пиратам. Вскоре он стал известен под кличкой Рок Бразилец... Перед ним стала трепетать вся Ямайка. Он был груб, нетесан и вел себя словно бешеная фурия. Когда он напивался, то

¹ Автор имеет в виду 1640 г., когда Португалия отделилась от Испании.

как безумный носился по городу и немало перекалечил людей, которым довелось попасть ему под руку. Никто не осмеливался ему ни в чем перечить, только за глаза говорили, что он дурной человек. А у испанцев Рок стал известен как самый злой насильник и тиран. Однажды он посадил несколько человек на деревянный кол, а остальных связал и бросил между двумя кострами. Так он сжег их живьем, как свиней. А вина этих людей заключалась лишь в том, что они пытались помешать его черному делу и спасти своей свинарник, который он намеревался разграбить...»

Он был повешен в Мериде, после того как попал в плен к испанцам во время рекогносцировки накануне готовящегося пиратами нападения на город.

ПИРАТ-МОНСТР

Знаменитый флибустьер Олоне¹ заслужил страшное прозвище Бич испанцев. Ужас охватывал жителей Вест-Индии, когда им становилось известно, что где-то рядом промышляет Олоне. Попавшие в руки этого изувера проходили через дикие истязания и кошмарные психологические муки.

Французский историк Жорж Блон, в своей книге о пиратах Вест-Индии, начиная повествование о нем, пишет: «Полицейская карточка в досье этого человека могла бы выглядеть следующим образом: „Но, Жан-Франсуа, по прозвищу Олоне, родился в 1630 году во Франции в местечке Сабль д'Олоне, провинция Пуату. Глаза — голубые, волосы — каштановые, рост — средний, особых примет нет. Завербовался в возрасте двадцати лет в Ла Рошели на три года в Вест-Индию. Точное местонахождение и характер работы в означенный период не установлены. Затем буканьер на Санто-Доминго, где неоднократно участвует в стычках с лансеро (испанскими кавалеристами). В 1665 году перебирается на Тортугу, выходит на морской промысел, где зарекомендовал себя положительно. В 1662 году получает от губернатора Жереми Дешама дю Россе жалованную грамоту и судно... В 1664 году получает еще одно судно — от временно исполняющего обязанности губернатора Дешама де Ла Пласа...”»

Как-то раз с двумя десятками отъявленных негодяев он объявился у северных берегов Кубы. Местные рыбаки, в смятении и ужасе, отправили посыльного в Гавану с сообщением о появлении пирата на побережье. Губернатор немедленно выслал 10-пушечный фрегат с 90 солдатами на борту с приказом истребить флибустьеров. Получив известие о готовящейся испанцами акции, Олоне решил заманить их в ловушку и захватить судно. Он укрыл барк

¹ В литературе можно встретить разные написания — Олоне, Олонуа, Лоллонуа, Лолоне.

за мысом, а своих людей расставил вдоль берегов узкой реки, куда должно было прийти судно. Ночью в устье тихо вошел испанский фрегат. Капитан рассчитывал неожиданно напасть на пиратов, но, к своему удивлению, никого не обнаружил. Он приказал встать на якорь в тесном проходе, ведущем в море. Окликнув рыбаков, офицер спросил их, где разбойники. Надо думать, не по доброй воле ответили рыбаки, что устье свободно. Олоне всегда находил убедительные доводы, под угрозой кинжала заставляя говорить то, что он требовал. Испанцы успокоились и безмятежно провели остаток ночи, а когда рассвело... Пираты, спрятавшись за деревьями, начали в упор обстреливать фрегат, а затем на лодках бросились на абордаж. Пока захваченные врасплох испанцы поднимали якорь, чтобы убраться подальше в море, флибустьеры облепили борта и влезли на палубу. Они загнали солдат в трюм, и Олоне устроил садистскую оргию. Захваченных пленных выпихивали по одному на палубу, где главарь пиратов рубил им головы. Он уже впал в совершенное неистовство, когда из трюма показался дюжий негр и, моля о пощаде, поведал о приказе, данном губернатором: всех захваченных пиратов казнить без пощады. Зверства Олоне продолжались до тех пор, пока никого из испанцев не осталось в живых. Негра он отправил с письмом к губернатору, в котором сообщал, что надеется когда-нибудь захватить его самого. Ярость испанца не знала границ, была организована карательная экспедиция, но поймать Олоне не удалось.

В мае 1666 года флотилия Олоне вошла в залив Маракайбо, захватила крепость при входе в лагуну и нацелилась на город. Жители обратились в паническое бегство и скрылись в чашах сельвы и ущельях окрестных гор, оставив Маракайбо в руках головорезов. Пустой безмолвный город был набит товарами и провизией. Пираты, соскучившиеся по хорошим еде и питью, смогли развернуться вовсю. Однако Олоне мучил вопрос — куда жители попрятали сокровища? Были организованы поисковые партии. Пираты приволокли в Маракайбо несколько захваченных несчастных и «...стали пытать пленных, стараясь узнать у них об остальном имуществе. Но никто не признавался. Олоне, для которого смерть десяти или двенадцати человек ровным счетом ничего не значила, выхватил саблю из ножен и на глазах у всех остальных изрубил одного испанца в куски. При этом он кричал, что, если они будут упорствовать, он перерубит их всех без всякой пощады. Ему удалось напугать одного из испанцев, и он согласился повести пиратов туда, где скрывались все горожане. Но те, опасаясь, что попавшие в плен могут их выдать, успели закопать часть сокровищ и все время переходили с места на место. Беглецы так боялись друг друга, что отец не доверял сыну». Между тем зверские пытки Олоне в Маракайбо результата не приносили. Тогда гла-

варь пиратов решил отправиться на противоположный берег лагуны — в Гибралтар.

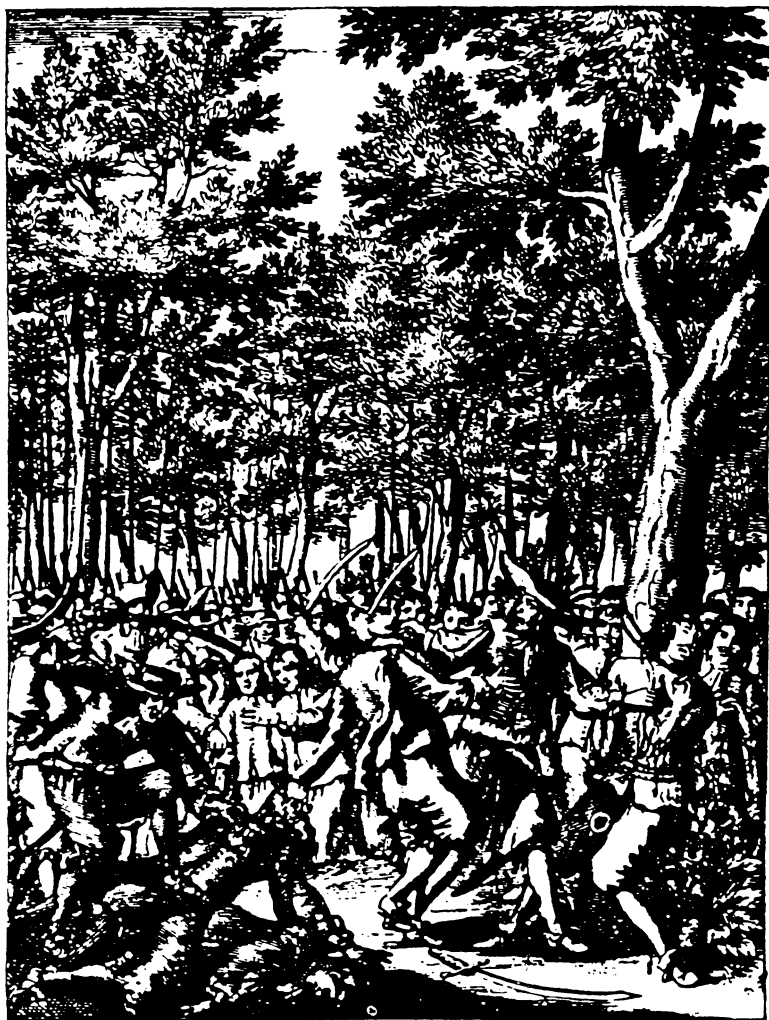
Произошла яростная рукопашная схватка у редутов города, и на плечах отступающих испанцев пираты ворвались в Гибралтар.

Отлично развитый инстинкт самосохранения заставил Олоне прежде всего очистить город от нескольких сотен трупов, так как в сыром воздухе лагуны мигом могла распространиться заразная эпидемия. Трупы были собраны на две старые барки и затоплены в лагуне. А затем началась вакханалия грабежа, продолжавшаяся почти месяц. Пираты рыскали по окрестностям и тащили в город все, что представляло ценность, складывая добычу в общий котел. Но зная, что главные богатства спрятаны по укромным местам и до них не добраться, Олоне обложил город данью, потребовав от убежавших жителей выкуп в 10 тысяч реалов и угрожая в случае отказа сжечь город. Деньги не успели собрать вовремя, и пираты начали поджигать дома.

«Когда испанцы увидели, что пираты действительно намерены все обратить в пепел, они решили выдать требуемые деньги». Пираты помогли потушить пожар. Затем, получив выкуп, они двинулись с толпой пленных обратно в Маракайбо. Город разграбили вторично, а затем провели ту же операцию с выкупом, что и в Гибралтаре. Правда, в Маракайбо они получили откуп в 20 тысяч реалов и 50 коров. «Получив выкуп, пираты ушли... Но спустя три дня... вернулись снова и стали творить всяческие бесчинства. Оказалось, что причиной возврата было торговое судно, захваченное пиратами, которое они не могли провести через отмель в устье лагуны. Поэтому они были вынуждены вернуться и взять лодмана. Испанцы подыскали им лодмана очень быстро, дабы поскорее отправить их в море...»

Огромная добыча, захваченная Олоне¹, была в несколько недель спущена в трактирах Бас-Тера на Тортуге, и пират организовал новую разбойничью экспедицию. Отряд высадился на побережье Гондураса, захватил пленных и двинулся в глубь континента в поисках города Сан-Педро. Хронист с ужасом повествует о садизме этого головореза. *«Уж если начинал пытать Олоне, и бедняга не сразу отвечал на вопросы, то этому пирату ничего не стоило раззать свою жертву на части, а напоследок слизать с сабли кровь. Он готов был убить любого испанца. Если кто-либо из них, убоявшись пыток или не выдержав их, соглашался провести пиратов к своим соотечественникам, но по растерянности находил путь не сразу, его подвергали адским мучениям и забивали до смерти».* Отряд Олоне медленно продвигался к Сан-Педро, так как испанцы, чтобы измотать противника, расставили по дороге засады. Олоне был

¹Общий ушерб. нанесенный испанцам, оценивается суммой в 1 млн эску.

Зверства Олоне на пути к Сан-Педро

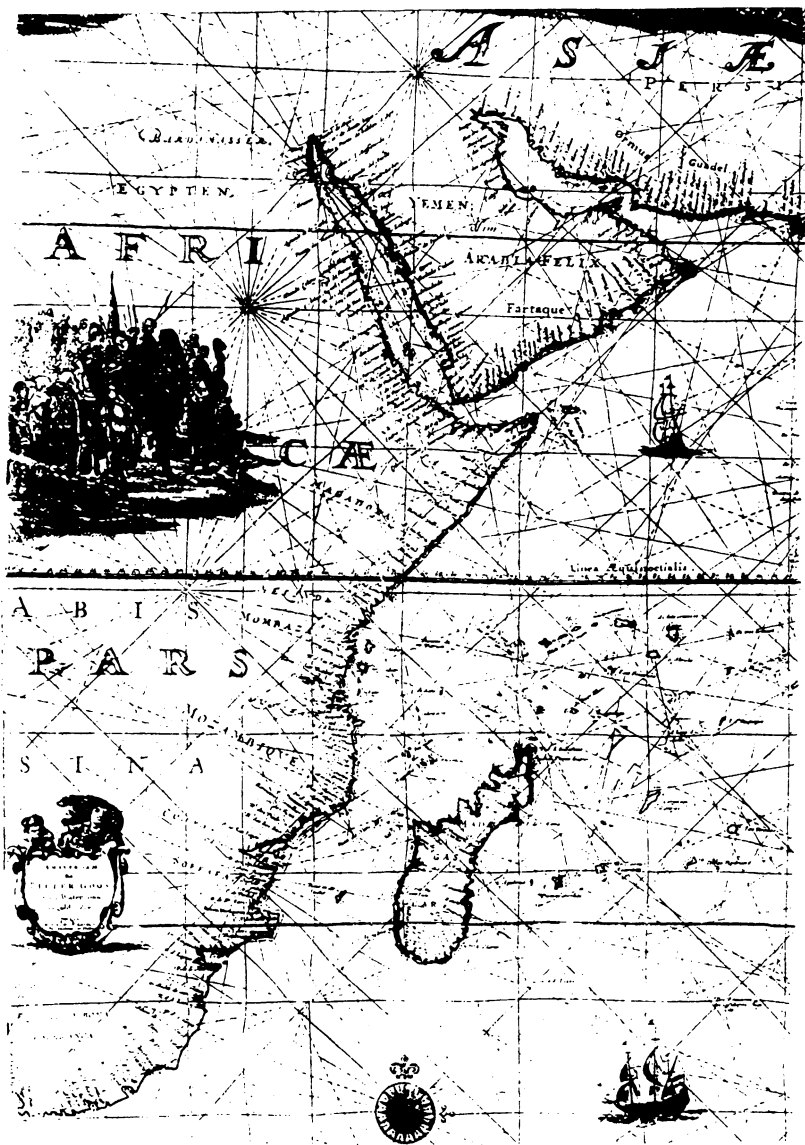
в бешенстве. Захваченные в плен раненые испанские солдаты ничего не сказали ни о силах, собранных для обороны, ни о местах расположения засад. *«Тогда Олоне, вне себя от ярости, кинулся на одного из них, вспорол ему саблей грудь, вырвал оттуда сердце и вонзил в него зубы на глазах у остальных пленных. Те выдали*

тайну». По другой версии, переданной Эксквемелином, пират «... вырвал сердце и, показав это сердце пленникам, сказал: „Если вы мне не покажете другой дороги, я сделаю с вами то же самое“». Ужас этой истории ошеломляет еще и тем, что никакой второй дороги и в помине не было. В конце концов Олоне удалось пробиться через засады в Сан-Педро, преодолеть кактусовый частокол, прикрывающий город, захватить его и разграбить. Но это была последняя «удача» монстра. Ужасная смерть подстерегала его.

Олоне вышел в море — пройдя вдоль побережья Гондураса, он двинулся на юг и обогнул мыс Грасьяс-а-Диос. Его корабль уже проходил мимо мыса Перлас, когда попал на рифы островов Корн (Маис) и разбился. Флибустьеры сумели спастись и несколько месяцев прожили на пустынном берегу, огородничали, выращивали бобы и ловили рыбу. Но сидеть на безлюдном островке длительное время было невозможно — пираты разобрали разбитое судно и построили небольшой барк, на котором решили отправиться до устья реки Сан-Хуан и вернуться на Тортугу. Их снова подстерегала неудача — испанцы с местными индейцами напали на отряд Олоне и заставили разбойников спасаться в море. Несколько недель барк Олоне бесцельно ходил вдоль берегов Панамы. У пиратов не было ни продовольствия, ни пресной воды, и они были вынуждены держаться поближе к берегу, чтобы пополнять запасы. Когда же, находясь южнее Картахены, Олоне сделал очередную вылазку на берег, местные индейцы-каннибалы напали на его отряд и убили флибустьеров. Сам Олоне попал в плен и был съеден.

Остров-легенда

Огромный остров Мадагаскар, раскинувшийся к востоку от Африканского континента, поражает воображение. Его гигантские размеры не вписываются в рамки расхожих представлений о пиратском острове как о небольшом участке суши, затеряншемся в морских пространствах. Такие традиционно-маленькие опорные разбойные точки во множестве разбросаны вокруг Мадагаскара, они окружают этого исполина, как свита своего монарха. Историю острова-гиганта и его «свиты» украшают бесчисленные легенды и тайны. Преданиями овеяны песчаные пляжи крохотных островков, затаившихся в глубине безмолвных заливов побережья, гранитные скальные вершины в долинах и необъятные тропические болота, раскинувшиеся в непроходимых чашах девственного леса. Где-то в глубине тропических джунглей деревья-людоеды стерегут несметные богатства, спрятанные пиратами подальше от человеческих глаз. Они пожирают любопытных, подбирающихся к тайнам, скрытым под их корнями, и сохраняют секреты, доверенные им сотни лет назад. Остовы разбойничьих судов и шлюпок закопались глубоко в песок, и их сгнившая деревянная обшивка

Восточная часть Индийского океана и остров Мадагаскар
Фрагмент «Атласа» Гооса (1660 г.)

напоминает о людях, которые когда-то высаживались в этих бухтах. Могилы пиратов затерялись среди пальмовых и эвкалиптовых рощ. Они заросли густым кустарником, и только ядовитые змеи и скорпионы охраняют покой разрушенных надгробий с выбитыми на них черепами и костями. Остров-легенда продолжает скрывать свои тайны.

Мадагаскар знаменит как один из крупнейших островов в мире. Только Гренландия, Новая Гвинея и Борнео превосходят его по размерам. Удивительно разнообразна география многоликого острова. Саванны, тропические леса, долины и горные хребты уживаются вместе на его нескончаемых просторах. Европейцы ступили на берега Мадагаскара в 1500 году. Первыми были португальцы, пробивавшие дорогу в Индию. В день Св. Лаврентия, 10 августа, капитан Диогу Диаш из экспедиции Педру Альвариша Кабрала высадился на побережье и дал название открытой им земле в честь этого святого. Через несколько лет, в 1506 году, другой португалец — капитан Руй Перейра Кутиньо из отряда Триштана де Кунья — сделал остановку у западного побережья. Началась медленная колонизация острова. По следам португальских каравелл в Индийское море просачивались голландцы, англичане и французы. В течение XVII в. на побережье возникали очаги будущих поселений — торговые фактории. Их представители завязывали контакты с многочисленными туземными племенами мальгашей, жившими на острове. Впрочем, торговая активность агентов, как правило, ограничивалась точками на побережье, так как в глубь острова колонистам проникнуть не удавалось.

«Мадагаскар делится на различные провинции и владения, отделенные большей частью реками, — описывал увиденное здесь голландский путешественник Ян Стрейс. — Это очень плодородный остров, где много риса, ячменя, разных бобов, бананов, ананасов, дынь и всяких других плодов. Там произрастают также сладкие и кислые гранаты, померанцы, лимоны, миндаль, финики, груши и т. д.

Помимо этих плодов, также много там разных съедобных корней. Там собирают прекрасный мед, каучук, целебные корни и травы; помимо того, по всему острову много минералов и металлов, главным образом железа. Золото, которое находят там, гораздо хуже, чем в Перу... Также встречаются там различные породы драгоценных камней: топазы, аметисты, смарагды, сапфиры, гиацинты, яшма, агат и другие, также много красного железняка. Животные водятся там в изобилии: коровы, дикие и домашние, козлы и козы, которые четыре раза в год дают приплод. Овцы весьма жирны, их хвосты весят до 25 фунтов и больше; также дикие и домашние свиньи, у которых превосходное и вкусное мясо и сало, не такое противное, как в Европе. Также водятся там ка-

баны... весьма нежные на вкус, мясо у них мягкое и волокнистое... Собаки большей частью малы, с короткими мордами и ушами. Стадами по 50, 60, даже по 100, бегают здесь дикие обезьяны или мартышки... Здесь тысячи белок, ласок, вивер и других неизвестных зверей; но здесь нет лошадей, слонов, тигров, медведей, львов и других четвероногих хищников. Птиц и насекомых — несчетное множество. Скорпионы, ядовитые пауки, сороконожки и другие гады во множестве приносят вред человеку...»

Европейцев на Мадагаскаре называли «вазах» (букв. «белый», «иностранец»). Примечательно, что это слово произошло от старомалайского «баджах» — «пират», «морской разбойник». Даже некоторые европейцы считали, что у туземцев были все основания для подобных ассоциаций. Вот, например, к каким выводам пришел англичанин Друри, наблюдая за поведением европейцев на острове:

«Действительно не приходится говорить о доброте европейцев по отношению к туземцам, ибо везде, где европейцы были сильнее... они обращали туземцев в рабство и разоряли страну. В большинстве случаев те, кто подобным образом навязывал свою власть, были грубыми моряками, безнравственными и некультурными. Они нарушали обычаи, не делая различия между отдельными лицами, смешивая все сословия и обращаясь со всеми туземцами, как с животными... По их мнению, убить негра было все равно, что убить животное. Впрочем, я бросаю здесь упрек не только французам, хотя они и совершили много чудовишных деяний, даже если верить только половине того, что рассказывают мальгаши. Подобный же упрек можно сделать моим соотечественникам, ибо поведение англичан-пиратов и других, посещавших Мадагаскар, было исключительно варварским».

Впрочем, и сами представители колониальных властей с тревогой относились к напряженности во взаимоотношениях с местным населением. Вот какой рассказ поместил в книге по истории Мадагаскара один из лидеров французской колониальной политики на острове, Этьенн де Флакур¹. Речь в нем идет о событиях, произошедших во французском поселении на юго-востоке острова, Форт-Дофине, в 1646 году, когда представитель Ост-Индской компании Прони² продал голландскому губернатору острова Маврикий 73 малагасийца, пришедших в поселение для торговли.

«После того как негры и негритянки вернулись с работы, господин Прони велел им сказать, чтобы они шли на бойню за мясом. Там он запер около сорока человек, велел связать их попарно и

¹ Этьенн де Флакур (1607 — 1660) — правитель Мадагаскара (1648 — 1654, 1660). Погиб в морском сражении с корсарами у Лиссабона по дороге из Франции в Форт-Дофин.

² Прони — основатель Форт-Дофина.

отправить на корабль. Остальные бросились бежать. Прони послал за ними погоню и велел отслеживать на дорогах мужчин и женщин и захватывать их, пока голландцы не скажут, что им больше не нужно. Это было причиной того, что с тех пор ни один негр не оставался дома, лишь только какой-либо корабль бросал якорь; жившие здесь негры возненавидели французов... Андриандратр (в то время король Ануси¹) уже не раз с тех пор упрекал меня за это и угрожал, что ни мне, ни французам это не пройдет даром. Он говорил, что среди увезенных в рабство было шестнадцать сыновей люхавухитров (грандов, знатных людей страны) и что так гнусно продать людей, дать увезти их в море, далеко от своей страны, без надежды когда-либо возвратиться, — чудовищное вероломство по отношению к бедным людям, служившим господину Прони. Большинство этих бедных негров и негритянок умерли, не доехав до Маврикия».

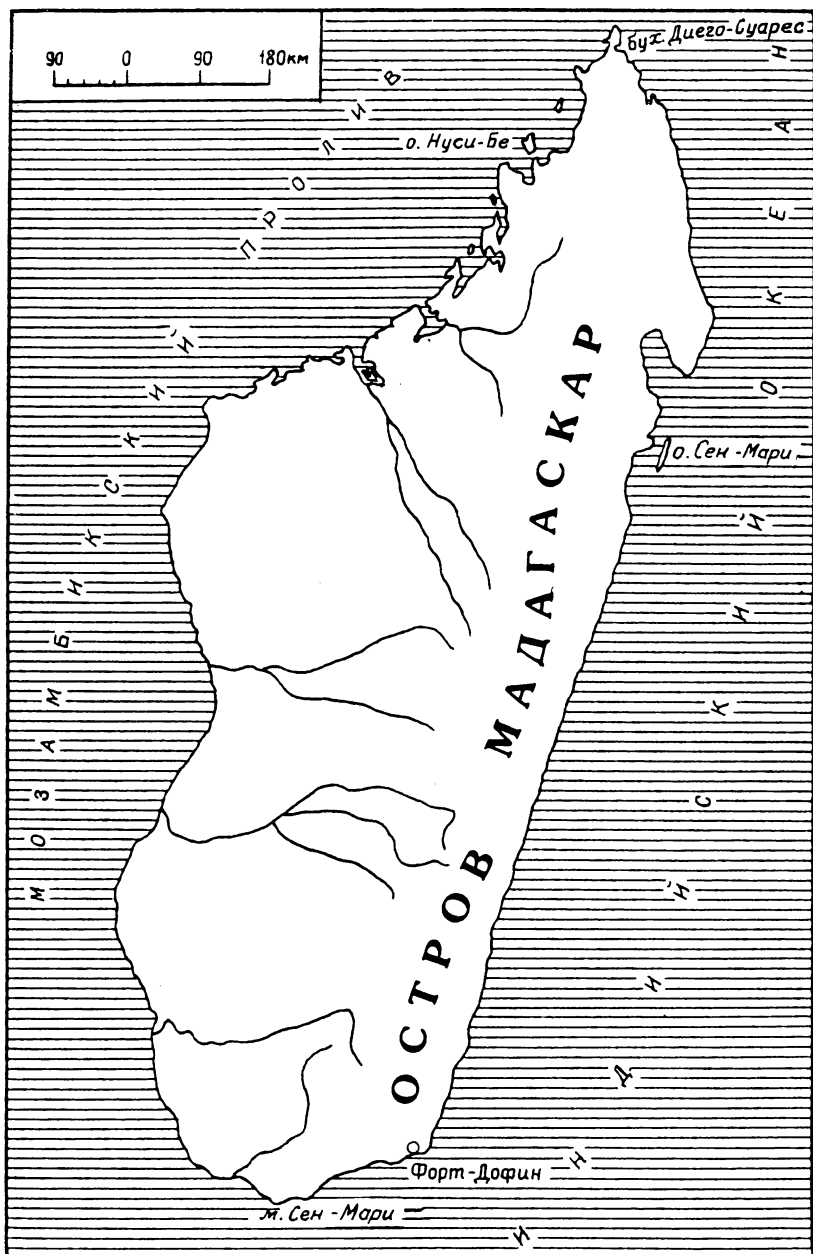
Нет ничего удивительного в том, что пройдет несколько лет, и «аборигены разрушат Форт-Дофин».

Мадагаскарские пираты

Пираты проникали в Индийский океан вслед за торговыми судами. Они нащупывали уязвимые точки на транспортных магистралях и осваивали опорные пункты для грабежа. Ими становились Коморские и Сейшельские острова, Сокотра и Масира, но Мадагаскар представлял такие безграничные возможности, что сделался излюбленным местом для пиратов. Его пустынное побережье, безлюдные островки-стоянки, запрятанные в заливах, изобилие съестных припасов и выгодное стратегическое положение превратили остров в прекрасную базу. Мадагаскар контролировал две важнейшие торговые трассы того времени — одна связывала арабский мир с Индией, начинаясь в Красном море и Персидском заливе; вторая шла из Европы и, огибая мыс Доброй Надежды, проходила Мозамбикским проливом, где разделялась, уходя в направлении к Красному морю и к Индии. Остров был нацелен на побережье Сомали и Малабарский берег, и пиратские парусники, контролируя зоны Аденского и Оманского заливов, перехватывали торговые караваны, груженные богатыми товарами.

К началу XVIII в. пираты Мадагаскара являли собой страшную угрозу для всех, кто плывал по морям. Европейские державы к этому времени навели относительный территориальный порядок в Вест-Индии и предприняли меры для борьбы с пиратами в Испанском Мейне, стремясь более жестко контролировать пиратский промысел. Это заставило пиратских вожakov искать новые регионы для «охоты», и они стали перебираться поближе к зонам ожив-

¹Ануси — область на юго-восточной оконечности Мадагаскара.

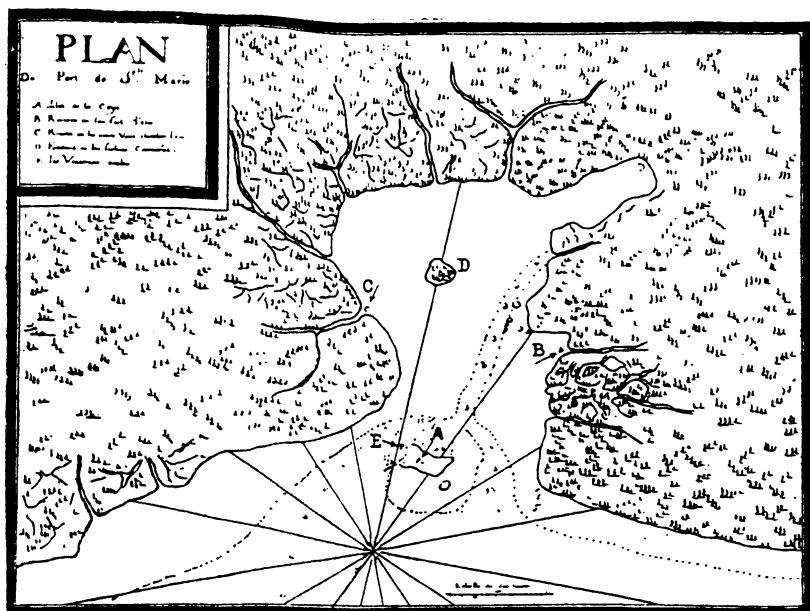

ленной арабо-индийско-европейской торговли. Процесс активизировался после окончания Войны за испанское наследство. Пиратская иммиграция проходила с разбоем вдоль западного побережья Африки и попадала в воды Индийского океана. Сонмища разбойников оседали на Мадагаскаре и островах вокруг него.

Особенной известностью пользовался знаменитый «остров разбойников» Сен-Мари. Он протянулся тонкой 63-километровой линией вдоль восточного побережья Мадагаскара и отделен от него небольшим проливом. Вход в бухту Сен-Мари охраняли два острова — Мадам и остров Корсаров. Пираты возвели на берегу небольшое укрепление, оснастили его пушками и под их защитой чувствовали себя в относительной безопасности. Без лощмана ни одно судно не могло пройти в узкий фарватер, и поэтому, приблизившись к бухте, оно вставало на якорь, ожидая представителей пиратов. Те вскоре появлялись и, поднявшись на борт, проводили своеобразную инспекцию. Если корабль и экипаж не вызывали подозрений, лощман вводил судно в гавань. Работоторговцы, купцы, контрабандисты прекрасно знали бухту как место, где можно провернуть самые выгодные сделки, а в случае опасности, всегда найти приют.

Впрочем, оговоримся. Дважды разбойникам пришлось иметь дело с военными эскадрами, отправленными английским правительством для прекращения разбоя в Индийском океане. В первом случае, в 1699 году, когда к Сен-Мари подошла эскадра коммодора Уоррена, пираты затопили свои суда при входе в бухту, сняли пушки и убралась подальше в горы. Через несколько лет, в 1721 году история повторилась, и на якорь у Сен-Мари встала эскадра — на сей раз эскадра коммодора Томаса Мэтьюза. Но когда отправленный бот подошел к берегу, выяснилось, что остров пуст. На пляже валялись в беспорядке лекарства, разбитая фарфоровая посуда, пряности — словом, все говорило о том, что пиратские корабли в спешке уплыли с Сен-Мари. Видимо, когда у разбойников был шанс исчезнуть, они старались не упустить его, не помышляя о схватках с военными судами, даже под защитой своих укреплений.

Впрочем, по мнению американского исследователя Патрика Прингла, подобное поведение можно объяснять и другими причинами. Не следует забывать, что пираты были «морскими волками», и участь «сухопутных крыс», вынужденных сражаться на суше, вряд ли их устраивала. Кроме того, порядок и условия внутренней жизни пиратского общества до сих пор остаются загадкой. Вполне вероятно, что, связанные на море определенными жесткими соглашениями, на берегу пираты не подчинялись ни капитану, ни Богу, ни дьяволу, и захватить лидерство вне корабля никому не удавалось, что снимало вопрос о действенном, организованном сопротивлении.

А. Островки подводных мелей и камней

Д. Островок, где проходит килевание судов

В. Река, где запасаются водой

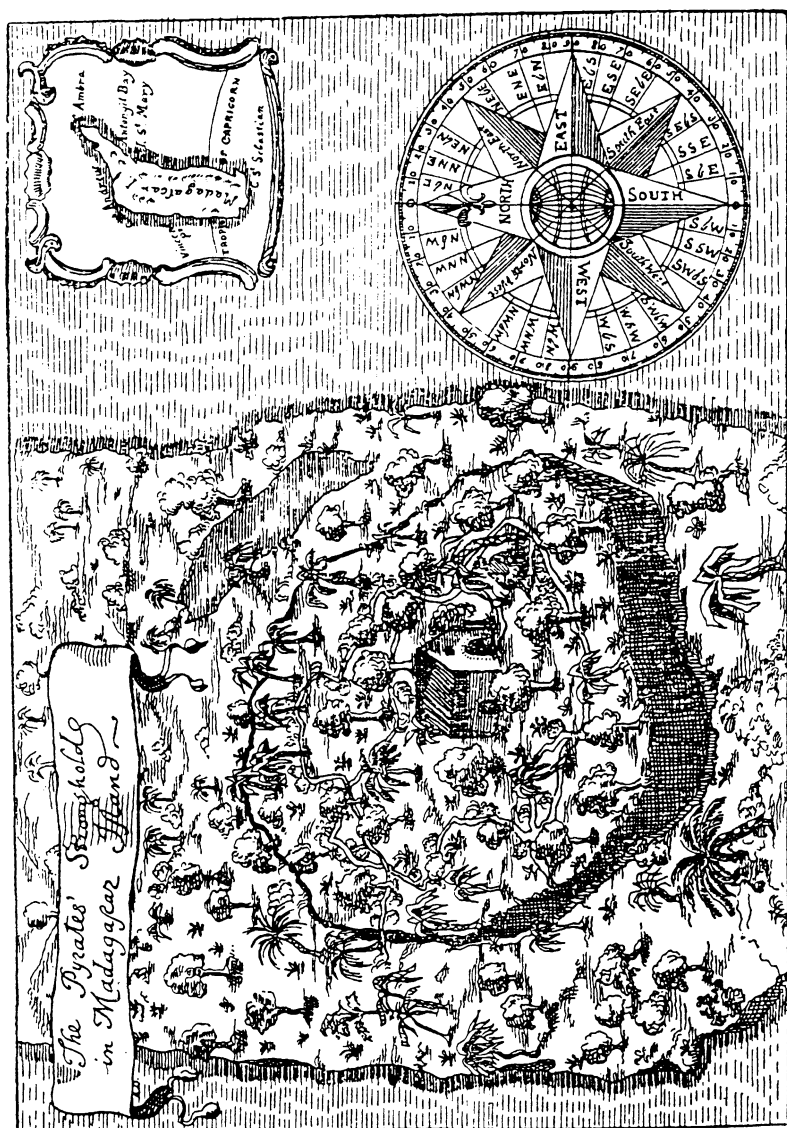
Е. Стоянка кораблей, давших течь

С. Река, куда ходят за водой негры

Береговое братство Сен-Мари знали во всем мире. Среди его главарей — немало знаменитых разбойников. Роберт Каллифорд. Томас Уайт, Томас Тью, Ховард, Тэйлор, Самюил Берджесс и, наконец, скандальная «звезда» пиратского мира капитан Кидд повергали в ужас купцов всех национальностей и составили печальную славу острову Сен-Мари как главного вертепа разбоя в Индийском океане¹.

Сен-Мари был не единственным местом сбора разбойников. Недалеко от него, в заливе Антонжиль, располагалась резиденция

¹ Впоследствии (в 1750 г.) Сен-Мари стал владением Франции. Это произошло при весьма примечательных обстоятельствах, о которых рассказывает легенда. По сей день живущая на острове. Дочь местного короля, Бетти, внучка английского пирата Томаса Уайта, полюбила некоего француза Форваля и, выйдя за него замуж, передала остров Франции, а сама переехала на остров Бурбон (Маврикий).

Пиратский форт на Мадагаскаре

Рисунок начала XVIII века

Пираты на тропическом острове

Рисунок начала XVIII века

го пером Даниэля Дефо. Несколько стоянок приютились в лабиринтах изрезанных северных берегов Мадагаскара.

Среди них выделяется остров Нуси-Бе. Коралловые пляжи, живописные, покрытые манграми берега, пряные ароматы тропических джунглей, прозрачные родники снискали ему славу «Таити Индийского океана», «Острова благоуханий». Легенда связывает остров с несметными сокровищами, зарытыми в одном из его тайников французом Оливье Левассером, известным как Ла Бюз. Предание гласит, что приговоренный к смертной казни и уже возведенный на эшафот Ла Бюз внезапно выхватил какой-то листок и, бросив его в толпу собравшихся, прокричал: «Вот мои сокровища. Пусть достанутся тому, кто до них докопается». Так до сих пор и разыскивают клад Ла Бюза искатели сокровищ.

Неподалеку, на северной оконечности Мадагаскара, находится бухта Диего-Суарес. Сегодня в этой прекрасной закрытой гавани раскинулся крупный порт Анцеранана, а когда-то в здешних пустынных местах ютилась забытая якорная стоянка, окруженная со всех сторон высокими скалами. На берегу бухты стоял поселок, основанный пиратами, — центр республики Либерталия, воплотившей идеалы разбойников о «справедливой» жизни. Отсюда выходил парусный пиратский флот и гонялся по Индийскому океану за торговцами, в то время как идеологи Республики — Миссон и

Каррачиолли — проповедовали освобождение человечества от неравенства и власти золотого тельца. Другие разбойники, не столь честолюбивые и менее пылко любившие человечество, находили условия на Мадагаскаре более подходящими для других занятий. Так, например, пират Джеймс Плантэйн, обосновавшийся в заливе Рантер-бей, стал местным королем и, окружив себя гаремом туземных красавиц, наслаждался жизнью. Поистине фантастический поворот судьбы произошел в биографии другого пирата, Абрахама Самюэля, который назывался королем Форт-Дофина. Бывший раб на французской Мартинике, он удрал с плантации и принялся разбойничать, поднявшись до квартирмейстера на корабле «Джон и Ребекка». Пограбив в Аравийском море, корабль пришел на Сен-Мари, где местные туземцы внезапно атаковали высадившийся на берег экипаж. Потеряв около тридцати человек, пираты убралась восвояси. Они поплыли вдоль восточного побережья Мадагаскара и добрались до района старого Форт-Дофина, когда-то бывшего поселением французов, а теперь заброшенного. Неудачи преследовали пиратов: корабль разбился на рифах и затонул, а оборванный и утомленный экипаж с трудом выбрался на берег. В скором времени объявились туземцы, что не внушало радужных надежд: местные жители слишком хорошо знали европейцев, чтобы встречать их доброжелательно. К счастью для пиратов, свершилось чудо. Местная королева внезапно признала в Самюэле своего сына, прижитого от француза, некогда обитавшего в Форт-Дофине. Отец и ребенок пропали в те дни, когда было разрушено поселение, и долгие годы королева не знала, как сложилась их жизнь.

По одной ей известным приметам она догадалась, что бандит — ее сын, и Абрахам немедленно превратился в принца королевской крови. Окружив себя телохранителями, новоиспеченный принц обосновался в нескольких километрах от побережья, превратив бухту в базу контрабандистов, пиратов и работорговцев. Он правил в Форт-Дофине до 1706 года, после чего исчез. Возможно, до него добрались соперники и убили «короля», а может быть, неистребимое желание грабить опять поманило Абрахама в море...

Но, конечно, самым знаменитым из пиратов, посещавших Мадагаскар, был Уильям Кидд.

Капитан Кидд — пиратская легенда

Печальную балладу о капитане Кидде знали во всех портовых городах мира. Вечерами заунывный хор подвыпивших матросов разносил ее над темными безлюдными набережными. Тоска, гордость, удадь, печаль и безысходность — с какими бы чувствами ни пели это эпическое предание матросы, оно всегда звучало неподдельно искренне.

Баллада капитана Кидда¹

Я капитан по имени Кидд, я бороздил моря,
Я капитан по имени Кидд, я бороздил моря,
Я капитан по имени Кидд,
И все, что закон творить не велит,
Я сполна изведаль себе на беду, когда бороздил моря.

В океане далеко от берегов, когда я бороздил моря,
В океане далеко от берегов, когда я бороздил моря,
В океане далеко от берегов
Я повсюду грабил без лишних слов,
И смиренья не знал и спокойно спал, когда я бороздил моря.
Я был со своими грехами в ладу, когда бороздил моря,
Я был со своими грехами в ладу, когда бороздил моря,
Я был со своими грехами в ладу,
У людей и Господа на виду.
Я слезной мольбой не тревожил небес, когда бороздил моря.

Отходил я от суши на много лиг, когда бороздил моря,
Отходил я от суши на много лиг, когда бороздил моря,
Отходил я от суши на много лиг —
Уложил я Мура в единый миг,
Я череп Уильяму Муру разбил, когда я бороздил моря.

Оттого, что он слово мне молвить посмел, когда я бороздил моря,
Оттого, что он слово мне молвить посмел, когда я бороздил моря,
Оттого, что он слово мне молвить посмел,
Я ведром корабельным его огрел,
С одного удара пробил висок, когда я бороздил моря.

Да, славный удар я ему нанес, когда бороздил моря,
Да, славный удар я ему нанес, когда бороздил моря,
Да, славный удар я ему нанес!
Убит канонир, как поганый пес,
И помнили все суровость мою, когда я бороздил моря.

Я запомнил еще из Куиды купца, когда бороздил моря,
Я запомнил еще из Куиды купца, когда бороздил моря,
Я запомнил еще из Куиды купца,
Десять сотен я вытряс из молодца,
Десять сотен в тот раз поделили на всех, когда я бороздил моря.

Рыболова-француза с его кораблем, когда я бороздил моря,

¹Перевод А. П. Ефремова.

Рыболова-француза с его кораблем, когда я бороздил моря,
 Рыболова-француза с его кораблем
 Понесла нелегкая нашим путем.
 Перед нами он плыл, я его захватил, когда я бороздил моря.

Я видел четырнадцать добрых судов, когда бороздил моря,
 Я видел четырнадцать добрых судов, когда бороздил моря,
 Четырнадцать разом, купшы — на подбор,
 Мы их сосчитали, и весь разговор.
 Хоть и лих я бывал, но таких пропускал, когда я бороздил моря.

От пролива к проливу мы вели корабли, когда я бороздил моря,
 От пролива к проливу мы вели корабли, когда я бороздил моря,
 От пролива к проливу мы вели корабли,
 Как-то раз мавританца углядели вдали.
 И связавши живых, мы ограбили их, когда я бороздил моря.

В океанские воды мы ходили далеко, когда я бороздил моря,
 В океанские воды мы ходили далеко, когда я бороздил моря,
 В океанские воды мы ходили далеко,
 И тогда португалец нас отделал жестоко.
 Позабыть было трудно португальское судно, пока я бороздил моря.

К Малабару направить корабль довелось, когда я бороздил моря,
 К Малабару направить корабль довелось, когда я бороздил моря,
 К Малабару направить корабль довелось,
 Там незванный надолго запомнится гость,
 Брали мы все подряд, чем туземец богат, когда я бороздил моря.

А потом мы гнались, не шадя парусов, когда я бороздил моря,
 А потом мы гнались, не шадя парусов, когда я бороздил моря,
 За армянским купцом, не шадя парусов,
 Для сокровищ его не отыщется слов!
 Он в объятых моих отдохнул от забот, когда я бороздил моря.

Мавританских судов, что мы взяли, не счесть, когда я бороздил моря,
 Мавританских судов, что мы взяли, не счесть, когда я бороздил моря,
 Мавританских судов, что мы взяли, не счесть,
 Позабыли про совесть, оставили честь,
 Лишь добычи искали ненасытною стаей, когда я бороздил моря.

Я недаром зовусь капитан Каллифорд, я водил свой корабль
 морями,
 Я недаром зовусь капитан Каллифорд, я водил свой корабль
 морями,
 Я недаром зовусь капитан Каллифорд —

За купцами по морю я гонялся, как черт,
И сокровищ немало мне тогда перепало, когда правил своим
кораблем.

И золота слитки, две сотни числом, когда я бороздил моря,
И золота слитки, две сотни числом, когда я бороздил моря,
И золота слитки, две сотни числом,
А риксдалеров столько, что век не пропьем,
Мы без меры и срока брали в схватках жестоких, когда я бороздил
моря.

И корабль «Сент Джон» знаменитый, когда я бороздил моря,
И корабль «Сент Джон» знаменитый, когда я бороздил моря,
Тот «Сент Джон», что себе на горе
Подошел к нам в открытом море,
До киля обобрали, но клянусь, что едва ли я сочту, что на нем
добыто.

Но кончилась наша потеха, и смерть нам не обмануть,
Но кончилась наша потеха, и смерть нам не обмануть,
Но кончилась наша потеха —
Молодцам в тюрьме не до смеха.
Здесь не вольное море, с приговором не спорят, и смерть нам
не обмануть.

Хоть над морем свой срок мы царили, но теперь должны умереть,
Хоть над морем свой срок мы царили, но теперь должны умереть.
Хоть над морем отпущенный срок мы царили,
И фортуна вела нас за милею милою,
Но на острове британский вернулись в оковах и теперь должны
умереть.

Так прощай же, мэйн океанский, нынче мы должны умереть,
Так прощай же, мэйн океанский, нынче мы должны умереть,
Так прощай же, мэйн океанский,
Берег Франции, берег испанский.
Нам не видеть их боле, такова наша доля, нынче мы должны умереть.

И вот из Ньюгейта в повозках мы должны отправиться в путь,
И вот из Ньюгейта в повозках мы должны отправиться в путь,
И вот из Ньюгейта в повозках
С тяжким сердцем, на голых досках
Мы поедem в молчанье за своим воздаяньем, потому что должны
умереть.

И стекуются зеваки в тот горький час, когда мы должны умереть,

И стекутся зеваки в тот горький час, когда мы должны умереть,
 И стекутся зеваки в тот горький час,
 В доке казней сойдутся глазеть на нас.
 И последний удар нанесет нам судьба, и придет наш час умереть.

Нет в американской истории пирата более знаменитого, чем капитан Уильям Кидд. Возможно, он сам сложил незатейливые строки баллады о себе, тем более что в Ньюгейтской тюрьме времени у него было предостаточно: 9 мая 1701 года ему вынесли смертный приговор, а казнь была назначена на 23 мая.

По происхождению Кидд был шотландцем, но точная дата и место его рождения документально не установлены. По-видимому, он родился в 1654 году в Гриноке или в Данди. Воспитанный для морской службы, будущий главарь пиратов прошел через все тяготы корабельной жизни и несколько лет плывал в Карибском море в составе флибустьерских экипажей. В 1689 году, когда началась война Англии против Франции, его судно стояло на якоре около острова Сент-Кристофер. Английские пираты, поссорившись со своими французскими собратьями, увели корабль на остров Невис, бывший английской колонией. Кидд стал капитаном захваченного судна и отличился в военных действиях против французов у острова Мария-Галанте. Его командир на будущем судебном процессе подтвердил доблесть своего бывшего подчиненного. Однако Кидду не повезло. Команда его судна, также занимавшаяся до войны пиратством, увела корабль и отправилась разбойничать в Индийский океан. Капитан остался не у дел. Он поселился в Нью-Йорке, где вскоре женился на богатой вдове (16.05.1691) и вступил во владения солидным имуществом, домами и землей. Называли его теперь *«Уильям Кидд, джентльмен»*.

В 1695 году, когда каперская война Франции против английской торговли достигла апогея, в английских правящих кругах созрела идея об организации приватирской экспедиции в Индийский океан против французов. По мысли организаторов, она должна была защитить интересы англичан и, параллельно, нанести удар по пиратам, которые совершенно безнаказанно действовали в этих районах. Впрочем, инициаторы предприятия питали большие сомнения относительно того, субсидирует ли парламент подобную экспедицию. Высокопоставленные англичане решили вести дело за свой счет. Душой предприятия стал Ричард Кут, граф Белломонт, недавно назначенный губернатором Нью-Йорка, в числе четырех участников оказались первый лорд Адмиралтейства адмирал сэр Эдуард Руссель, граф Орфорд, статс-секретарь герцог Шрюсбери, хранитель большой печати сэр Джон Сомерс и другие важные особы. Кидд попал в их общество случайно. Он находился в Лондоне, и ему поручили командование 34-пушечным судном «Эдвенче-Галей» («Галера-приключение»).

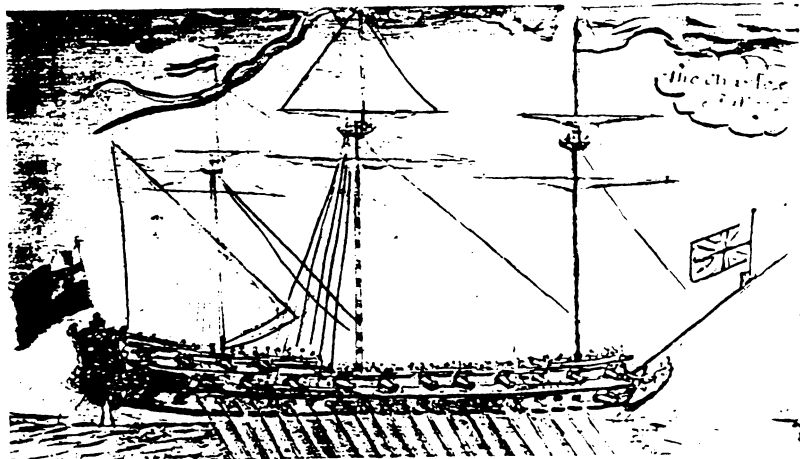

Капитан Уильям Кидд

*С наброска, сделанного в зале
судебного заседания (1701 г.)*

Каперская грамота была выдана ему 11 декабря 1695 года. В соответствии с ней он был уполномочен брать французские суда в Индийском океане. 26 января 1696 года к этому документу добавилось другое свидетельство, дававшее право захватывать пиратов, но при этом не причинять вреда никому из «друзей короля, его подданных или союзников».

Плавание Кидда было деловым предприятием. Пятьдесят процентов захваченной добычи шли в пользу организаторов плавания, десять — в пользу короля, пятнадцать — причитались самому Кидду, а двадцать пять процентов — команде. 23 апреля 1696 года

Таким изобразил свое судно «Чарлз-Галей» капитан Джереми Роч. По-видимому, такую же конструкцию имела и «Эдвенче-Галей» Уильяма Кидда

Акварель. Национальный морской музей в Гринвиче

«Эдвенче-Галей» вышла из Плимута и направилась в Нью-Йорк.

В мае Кидду встретился маленький французский корабль, который с грузом соли и рыболовным снаряжением направлялся к острову Ньюфаундленд. Его захват стал первым успехом приватира. 4 июня 1696 года «Эдвенче-Галей» вошла на Нью-Йоркский рейд. Здесь и произошли события, ставшие ключевыми во всей истории. У Кида были серьезные проблемы, связанные с набором команды. Для обслуживания судна полагалось сто пятьдесят человек, в то время как к моменту выхода из Англии на корабле было лишь семьдесят. В Нью-Йорке численность экипажа довели до ста пятидесяти пяти. Однако завербованные представляли собой весьма опасную публику. Губернатор Нью-Йорка Бенджамин Флетчер доносил, что *«пока он (Кидд. — Д. К.) был здесь, к нему со всех сторон шли люди, жаждущие обогатиться, пограбить, охотники легкой наживы. Он поднял якорь и отплыл со ста пятьюдесятью матросами на борту... Многие считают, что он столкнется с большими трудностями... поскольку не сможет командовать этими людьми, если не будет им платить»*.

6 сентября Кидд вышел из Нью-Йорка и направился к острову Мадагаскар. Началось плавание вполне благополучно. Первой была встречена разбитая бригантина с острова Барбадос, которой Кидд помог, предоставив парусину и такелаж. Затем увидели корабль, за которым «Эдвенче-Галей» гналась три дня. Поравнявшись, обнаружили, что корабль португальский и плывет из Бразилии на остров Мадейра. Капитан судна презентовал Кидду бразильского табака и сахара. В ответ приватир послал ему чеширского сыра и печенья.

Плавание продолжалось по маршруту Мадейра — острова Зеленого Мыса — Мадагаскар. За эти несколько месяцев Кидду довелось узнать и разочарование, и отчаяние, и опасность — команда все-таки взбунтовалась. Дело вступило в решающую стадию. Кидд отправился к Красному морю. Выбор был сделан. Подойдя к Баб-эль-Мандебскому проливу, Кидд встал на якорь южнее входа и отправил баркас с квартирмейстером Джоном Уолкером к Мокской гавани для выяснения обстановки. Возвратившись, Уолкер рассказал, что видел в гавани 17 судов на якоре, готовящихся к выходу в море. Оставалось только ждать...

11 августа 1697 года флот покинул Мокку и под защитой трех европейских судов (2 голландских и 1 английское)¹ отправился в путь. Уолкер не разглядел в гавани европейских кораблей, и их присутствие стало неприятным сюрпризом для Кидда. Тем не менее он решил напасть на флот и, воспользовавшись слабым прерывистым ветром, на веслах подобраться к большому малабарскому

¹ После того как в 1695 г. пират Г. Э. Авери захватил один из кораблей Мокского флота, султан Великих Моголов Аурангзеб потребовал от европейских держав (Голландии, Англии, Франции) ежегодного предоставления судов для конвоя.

кораблю, захватить его и убраться раньше, чем подоспеет помощь. Однако его план провалился, и пришлось уносить ноги.

«Эдвенче-Галей» направилась к берегам Индии. До сих пор Кидд не преступал закон и, даже несмотря на свое угрожающее поведение в Баб-эль-Мандебском проливе, не сжег за собой мостов и оставлял шанс сохранить репутацию честного человека. Но у Малабарского берега он «перешел Рубикон». В речи на судебном процессе адвокат Адмиралтейства доктор Ньютон привел перечень его дел у Индийского побережья. Он *«совершил множество морских разбоев и грабежей, захватывая в море суда и имущество индийцев, мавров и христиан¹, и жестоко пытал их самих... на берегу он зверским образом убивал туземцев, сжигал их дома и был одинаково жесток, страшен и ненавидим как на море, так и на суше»*.

Репутация Кидда могла вот-вот лопнуть, но не только и не сколько в глазах общественного мнения² — главные события происходили на корабле.

Дела складывались из рук вон плохо. Во время одной из очередных ссор в октябре 1697 года произошло событие, впоследствии ставшее для Кидда роковым. Канонир Уильям Мур, рьяно отстаивавший права команды на пиратство, нагрубил капитану. Кидд в ответ назвал его «вшивой собакой».

— Если я собака, так это ты меня таким сделал. Ты погубил меня и многих других тоже, — последовал ответ.

Взбешенный капитан с криком: «Ах, так это я погубил тебя!» — схватил деревянное ведро, обитое железными обручами, и ударил Мура в правый висок. На следующий день канонир скончался...

В конце января 1698 года Кидду попало судно «Куидей Мерчент» («Кедахский купец»), шедшее с грузом из Бенгалии в Сурат. После его захвата он приобрел известность как пират и «общий враг всего человеческого рода». Грань, которая отделяла приватирство от пиратства, была перейдена.

На взятом «Куидей Мерченте» Кидд отправился к острову Сен-Мари, куда прибыл в апреле 1698 г. Никаких мер против разбойников он не предпринимал. Наоборот, он провел около шести месяцев на разбойничьих стоянках и свел знакомство с главарями пиратского мира, осевшими здесь. Некоторые из них были знакомы ему еще по Карибскому морю (например, Калиффорд).

Разбитую «Эдвенче-Галей» он сжег, а сам перебрался на «Куидей Мерчент». Впрочем, команда, недовольная своим капитаном, покинула его и разбрелась по другим судам.

С августа же 1698 года в Адмиралтейство стали поступать жа-

¹ У Бомбея Кидд взял малабарское торговое судно под английским флагом.

² Информация о «подвигах» Кидда докатилась до Лондона лишь к лету следующего, 1698 г.

лобы от индийских купцов на действия Кидда. Осенью было приказано задержать его как пирата, где бы он ни появился. Однако когда английская военная экспедиция, направленная к Мадагаскару, вошла в пиратскую гавань Сен-Мари, корабля Кидда на стоянке уже не было. События между тем приобрели все более неприятную окраску. Власти Империи Великих Моголов, под давлением жалоб купцов, возмущенных действиями пиратов, начали угрожать санкциями против английской торговли. Одновременно в самой Англии активизировалась парламентская оппозиция, обвинившая правительство в попустительстве и поддержке морских разбойников. Разразился громкий скандал. Дело Кидда разрослось в громкий политический скандал. Газеты создали не слишком удачливому приватиру репутацию короля пиратов.

Тем временем Кидд на купленном шлюпе уже находился в Вест-Индии. Точно неизвестно, когда он покинул Сен-Мари, но очевидно, что у него был разработан план дальнейших действий. Понимая трудность и двусмысленность своего положения, Кидд все же решил вернуться в Америку. В оправдание своих действий он подготовил защитную версию: заниматься незаконной деятельностью он якобы был вынужден под давлением своей команды. В июне 1699 года пришел в Бостон и вступил в переписку с губернатором Нью-Йорка графом Белломонтом. Успокоенный заверениями в личной безопасности, он явился в Нью-Йорк, где был арестован.

По местным законам, Кидда не могли осудить на смерть за пиратство, и поэтому весной 1700 года его перевели в Англию. Судебное разбирательство продолжалось целый год. Кидд был обвинен в убийстве одного из своих людей (Мура) и пиратском нападении на «Куйдей Мерчент». Несмотря на недостаточность материалов по обвинению, Кидд был приговорен к смертной казни.

23 мая 1701 года Кидд и шесть членов его экипажа были повешены в Уоппинге на берегу Темзы. Казнь состоялась в период *«между уровнем полной воды и низшей точкой отлива»*, в соответствии с традициями Адмиралтейства. Труп Кидда, опутанный цепями и просмоленный, долгое время висел на набережной в назидание морякам, а потом еще несколько веков беспокоил живых, являясь им по ночам.

Как закончилась мадагаскарская эпопея

Сложное время для морских разбойников наступило, когда начали заканчиваться широкомасштабные европейские войны. Несмотря на то, что демобилизация личного состава флотов и окончание приватирского промысла расширили пиратские ряды, положение сложилось угрожающее. Донесения с торговых путей о бесчинствах грабителей переполнили чашу терпения европейских властей, а слухи о моши и численности пиратов заставили их ответственно подойти к решению этой проблемы и приложить максимум усилий для ис-

коренения разбоя. В 1721 году, как упоминалось выше, карательная эскадра Мэтьюза прошла вдоль Мадагаскарского побережья, но пираты растворились в просторах океана. Свои брошенные поселки они не восстанавливали, так как, столкнувшись с твердым намерением погасить разбой в Индийском океане, вновь перебирались в Атлантику. Впрочем, пиратское братство попыталось открыть предохранительные клапаны для спасения. Их тайные посланцы отправились в Европу и вступили в переговоры с представителями шведского и датского королей, российского царя и султана Османской империи о принятии их под покровительство. Частично им даже удалось добиться своих целей, так как рассказы о невероятном могуществе и несметных богатствах мадагаскарских пиратов воспламеняли воображение правителей Европы и создавали у них иллюзии получения политических дивидендов на Востоке с помощью разбойников. В 1718 году посольство пиратов прибыло в Штротштадт и пообещало шведскому королю Карлу XII полную власть над Сен-Мари в обмен на предоставление им защиты. 24 июня Карл XII подписал охранное письмо и начал снаряжать экспедицию к Мадагаскару. Однако в ноябре 1718 году король погиб у стен крепости Фридрихсхальд, а государственный секретарь барон Герц, занимавшийся этим делом, через год был повешен по обвинению в государственной измене. О пиратах на время забыли, но спустя три года, в 1721 году, была подготовлена новая экспедиция. Ее командующий, командор генерал-адъютант Карл Густав Ульрих, с эскадрой под купеческими флагами добрался до Кадиса (Испания), где была назначена встреча с пиратскими представителями, которые должны были сопровождать эскадру до Сен-Мари. Экспедицию ждала неудача. Несколько месяцев Ульрих простоял на рейде, эмиссары пиратов не появились, среди офицеров начались раздоры. Ульрих был вынужден вернуться в Швецию, где был отдан под суд за срыв экспедиции. Тогда же в события попыталась вмешаться российская сторона¹.

Секретная экспедиция

Ранней зимой 1723 года по укутанному санному пути среди однообразных снежных пустынь и глухих безмолвных лесов Эстляндии скользил санный караван. Это были самые обычные транспорты, ничем не отличавшиеся от сотен других, пробиравшихся по широкому тракту, проложенному крестьянскими и почтовыми санями.

Неделя прошла с того раннего декабрьского утра, когда караван выехал из столицы Российской империи Санкт-Петербурга. 12 декабря зимнее путешествие закончилось, и санный обоз въе-

¹ Впрочем, к этому моменту присутствие пиратов на Мадагаскаре было чисто условным. По расчетам французского исследователя Ю. Дешана, к 1724 г. их вряд ли было более двухсот человек. Мадагаскарское гнездо разбоя развалилось.

хал в новостроившийся порт Рогервик (совр. Палдиски, Эстония). Расположенный в небольшой бухте к западу от Ревеля, он привлек внимание императора Петра I, решившего построить здесь главный порт на Балтике.

С караваном прибыл прокурор Адмиралтейской коллегии капитан-лейтенант Иван Козлов, представивший свои документы полковнику Евгению Маврину, осуществлявшему руководство строительством в Рогервической гавани. В тот же день он появился на квартире полковника, но не один, а в сопровождении неизвестного господина, прибывшего вместе с ним из Санкт-Петербурга. Незнакомец был одет в черный камзол без знаков отличия. Его поселили «...тайно в особливых покаях» и в течение следующих дней его... *«не токмо другим кому видеть, но и означенный полковник Маврин не видал».*

Ни с кем не общаясь, таинственный постоялец прожил у Маврина три дня, а 15 декабря покинул квартиру так же внезапно, как и появился. Накануне в гавань прибыл из Ревеля фрегат «Декронделивде» и стал на якорь. Утром неизвестный господин в черном и его багаж были переправлены на фрегат. Через несколько часов в гавань вошло другое судно — фрегат «Амстердам-Галей», — также пришедшее из Ревеля. Вечером в капитанской каюте «Декронделивде» состоялось совещание, на котором присутствовали Козлов, таинственный незнакомец, капитаны «Амстердам-Галей» и «Декронделивде» Данило Мясной и Джеймс Лоренс, а также офицеры с обоих фрегатов.

Козлов объявил собравшимся, что они поступают в распоряжение незнакомца, и предупредил, *«чтоб они были сему господину во всем послушны...»*

В течение следующих дней на фрегатах в беспорядочной суматохе шли торопливые приготовления к отплытию. Никто в порту не знал, куда должны отправиться корабли. Тайна нависла над Рогервиком. Явно шли приготовления к дальнему плаванию: грузили доски и крючья для абордажного боя, продовольствие заготавливали на несколько месяцев, а днища кораблей приспособлялись для защиты от моллюсков южных морей.

К тому же и время для выхода в море было выбрано неподходящее, и от этого дело приобретало еще большую загадочность. Стояла промозглая холодная погода, дул сильный ветер с дождем и снегом, и на Балтике гуляли шторма. Офицеры кораблей отчетливо видели погрешности, допущенные в подготовке, капитаны жаловались руководителю плавания. Да и он сам находил массу недоработок. Однако чья-то высшая воля нависла над всеми, и мнение участников плавания, по-видимому, никого не интересовало.

В субботу, 21 декабря, в 6 часов утра фрегаты подняли якоря и пошли в открытое море. Но куда?

Единственным, кто знал о целях и маршруте плавания, был человек, назначенный руководителем экспедиции, — загадочный незнакомец, проживавший в строгой изоляции у полковника Маврина. Станным и таинственным было его поведение в Рогервике. Он не выходил из дома и ни с кем не разговаривал. Даже когда он появился на причале порта, никто не услышал от него ни одного слова.

О том, кто скрывается инкогнито, знали только в столице империи, где приняли самые серьезные меры во избежание огласки. Сохранение в тайне личности руководителя составляло один из главных моментов, обеспечивающих секретность дела. Его обнаружение означало крах всего предприятия.

Под маской неизвестности скрывался вице-адмирал русского флота Даниэл Якоб Вильстер, датчанин по происхождению. В составе молодого петровского флота оказывались иностранцы самых разных мастей — от заурядных пьянчуг и буйных сумасбродов до законопослушных исполнителей и талантливых руководителей. Среди множества иностранцев, служивших на флоте, Вильстер выделяется как одна из колоритнейших фигур. Сын интенданта, он родился в декабре 1669 года в Копенгагене. Став морским офицером, плавал в Вест-Индию и Ост-Индию, служил на голландском и датском военных флотах, дослужившись до контр-адмиральского чина (17.04.1711), и занимал важные административные посты. Храбрый и знающий офицер, он сражался против французских корсаров и шведских военных кораблей в Ла-Манше, Северном море, у побережья Германии и Норвегии. Однако характер у Вильстера был тяжелый. Независимый и своенравный контр-адмирал постоянно ссорился со своим начальством и то и дело вызывал жалобы и обвинения в несоответствии должностям и в оплошностях, которые направляли в высшие инстанции его обиженные подчиненные. Вильстер дважды преследовался законом: первый раз из-за участия в незаконном совершении процедуры бракосочетания своей родной сестры (1698 — 1699); второй — как признанный «негодным» к службе в связи с допущенными ошибками при ведении военных действий против шведов (1712 — 1714), после чего попал в тюремное заключение в крепость Гаммельсхольм и был отправлен в отставку (25.08.1714). В поисках нового места службы он приезжал в Россию, но пробыл здесь недолго и вскоре объявился в качестве контр-адмирала на службе у шведов. Он был назначен командовать кораблем «Стокгольм» и участвовал в сражении против датского флота у острова Рюген (09.08.1715), в котором потерял ногу. Произведенный в вице-адмиралы, Вильстер командовал шведскими эскадрами на Балтике, но к моменту окончания Северной войны происходит новый поворот в его судьбе. В 1721 году он неожиданно появился в Гамбурге, где скрывался от шведских властей и вел какие-то сек-

ретные переговоры с русской стороной. В том же году он поступил на русскую службу в чине вице-адмирала и, как «зело искусный» в морском деле, стал членом Адмиралтейств-коллегии. Вскоре его нрав дал себя знать, и заседания Адмиралтейств-коллегии стали свидетелями адмиральских склок, превратившись в арену настоящих потасовок между морскими руководителями. Дело в том, что новоиспеченный российский вице-адмирал, в недавнем прошлом представлявший враждебную шведскую сторону, насмерть рассорился с другими членами коллегии. Ко всему добавим, что Вильстер был не в ладах с русским языком и нуждался в помощи переводчика. Возможно, этим объясняется его упорное молчание в Рогервике, молчание человека, так как известие о появлении в порту неизвестного иностранца могло распространиться и придать операции нежелательную огласку. А российской стороне было что скрывать, так как намеченное плавание имело весьма двусмысленный подтекст, чреватый серьезными дипломатическими осложнениями¹.

В декабре 1722 года в дипломатических кругах Лондона муссировались слухи о появлении в английской столице некоего шведа Наркроса. Российский посланник доносил Петру I, что его появление связывается с осуществлением тайной миссии, заключающейся о том, чтобы найти контакты с пиратами. Поговаривали о том, что русское правительство готово оказать покровительство пиратам Индийского океана и предоставить им порт Архангельск в качестве морской базы. Появление Наркроса в Лондоне вызвало интерес шведских агентов, которые приняли контрмеры. Они, по-видимому, сумели «убедить» Наркроса действовать в своих интересах. Любопытно, что для расстройства «планов» России была пущена информация о некоторой разнице, существующей между жарким климатом Экваториальной Африки и холодом русского порта на Белом море.

Одним из «виновников» истории, разыгравшейся в Лондоне, был Вильстер. Поступив на русскую службу, он поведал русскому правительству о тайнах шведов, которые еще с 1713 года вели секретные переговоры с пиратскими эмиссарами, прибывшими из районов Мадагаскара. Речь шла о поисках пиратами покровитель-

¹Осторожный и подозрительный император обезопасился и от неожиданностей со стороны Вильстера. В специальном указе от 5 декабря, посланном русским офицерам — командиру «Амстердам-Галеи» капитану Данило Мясному и офицеру «Декронделивде», капитан-лейтенанту Михаилу Киселеву (заметьте, ему, а не командиру «Декронделивде» иностранцу Джеймсу Лоренсу), — прилагалась копия с инструкций, данных вице-адмиралу. Офицеры должны были распечатать пакет с инструкциями после прохода Зунда: «...прочтите токмо вы двое, а вице-адмиралу Вилстеру и другим офицерам... отнюдь не объявлять, но содержать в таком крепком секрете, чтоб кроме Вас никто про оную не знал», и потом «...требовать у помянутого вице-адмирала аригинальной его инструкции и что повелено исполнять...»

ства одной из великих держав, не связанных широкомасштабной торговлей со странами Востока. При получении информации русская сторона начала действовать в том же направлении. В феврале 1723 года в апартаментах императора состоялось совещание, на которое был вызван Вильстер. Ему поручили подготовить записку о шведских планах, связанных с Мадагаскаром. Она была подготовлена к лету 1723 года и легла на стол императора в виде «экстракта», в котором Вильстер рассказывал о конкретных действиях шведов, проанализировал причины их неудач и высказал соображения по поводу необходимых мероприятий.

Прошло несколько месяцев. В начале ноября 1723 года, когда флот уже закончил кампанию и суда готовились к зиме, Петр I внезапно дал делу ход. Скрытно, поспешно и в необычное время года — глубокой осенью — началась подготовка к плаванию. Для экспедиции были выбраны два фрегата голландской постройки — «Амстердам-Галей» и «Декронделивде», входившие в состав Ревельской эскадры. Было приказано их «удовольствовать лучшими людьми, как матросами, так и солдатами и гардемаринами, и прочими служителями и чтоб оные всеконечно вооружены были не более как в 10 дней...», а «указ содержать секретно...». Вильстер был назначен командовать экспедицией и получил специальные инструкции, датированные 5 декабря 1723 года. Он должен был прибыть в Рогервик, сесть на один из приготовленных фрегатов и отправиться в «назначенный... вояж». Плавание было подготовлено таким образом, чтобы «...не дать никому никакого подозрения». Корабли замаскировали под торговые суда. Им предписывалось плыть без вымпелов и «от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большом) удаляться...» Указанный маршрут пролегал в стороне от оживленных морских трасс. Пройдя Зунд, фрегаты выходили в Северное море, но продолжали свой путь в Атлантику не через Ла-Манш, а вокруг Шотландии и Ирландии. В инструкции было приказано «никуда в гавани не входить, разве что паче чаяния какое несчастье постигнет... и исправя нужное паки в вояж вступить немедленно». Прибыв к месту назначения, в район пиратской базы на Мадагаскаре, Вильстер мог поднять российский флаг и «объявить о себе владеющему королю, что вы имеете от нас (Петра I. — Д. К.) к нему комиссию посольства и верящую нашу грамоту...»

Грамота королю Мадагаскарскому

9 ноября 1723 г.

Божиею милостью мы Петр Первый Император и самодержец всероссийский и проч. и проч. и проч.

Высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского наше поздравление. Понеже мы заблагоразсудили для некоторых дел отправить к вам нашего вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами, того ради вас просим дабы оных склонно

к себе допустить, свободное пребывание дать и в том, что они именем нашим вам предлагать будут, полную и совершенную веру дать, и с таким склонным ответом их к нам паки отпустить изволили, какого мы от вас уповаем и пребываем вашим приятелем».

При переговорах с руководителями пиратов¹ следовало добиваться «...оного короля склонить к езде в Россию». В случае успеха миссии «...ежели объявленный король по склонности своей пожелает персоною своею ехать в Россию с некоторыми кондициями, то вам (Вильстеру. — Д. К.) надлежит в наши порты пристать, ежели зимою, то в Колу, понеже там никогда не мерзнет, а ежели летом, то в Архангелогороцкой порт; а буде без него (но только посланные от него будут), то вам возвратиться через Зунт...»

Замысел Петра не исчерпывался осуществлением «протекции» пиратам Мадагаскара. По плану императора, Вильстеру следовало плыть дальше, в Индию. Инструкция гласила: «...явитесь там Великомочному Моголу и всякими мерами старайтесь его склонить, чтоб с Россиею позволил производить коммерцию, и иметь с ним договор, которые товары потребны в Россию, также и какие в его областях товары из России надобны суть...» В случае успеха предприятия пиратские заливы Мадагаскара становились отправной базовой стоянкой России на торговых путях в Индию. Вспомним, что в сентябре 1723 года, накануне отправления экспедиции Вильстера, в Петербурге был подписан русско-персидский мирный договор, заключение которого стало итогом Персидского похода 1722 — 1723 годов. В соответствии с ним, к России отходили прикаспийские области Дагестана, Ширвана с городами Дербент и Баку, а также Гилян, Мазандеран и Горган — области на юге Каспия. Россия вплотную подступила к границам Востока. Теперь Петр I, расширяя масштабы русского проникновения в Азию, направляет в ноябре 1723 года тайную экспедицию в Империю Великих Моголов, одновременно пытаясь вступить в альянс с пиратами Индийского океана, чреватый труднопрогнозируемыми дипломатическими и военными последствиями. Однако широкомасштабный проект Петра не был осуществлен. Экспедицию ожидал плачевный финал.

Плавание было недолгим. На рассвете 21 декабря фрегаты вышли из Рогервика. Через несколько часов они попали у Дагерорда в такой сильный шторм, что флагманский «Амстердам-Галей» едва не затонул. Близость берега спасла корабли, и в плачевном состоянии они вынуждены были вернуться в Ревель для ремонта.

¹В Петербурге вряд ли имели представление о демократическом устройстве и принципах организации пиратской братии. Поэтому инструкции и грамоты были написаны в адрес некоего «короля Мадагаскарского». Можно предположить, что по прибытии на остров русскую делегацию ожидало бы немало сюрпризов, не предусмотренных политиками.

Поспешность, проявленная при подготовке судов, наказала организаторов дела. Боязнь ответственности в случае невыполнения приказа, страх перед гневом императора заставили власти Ревеля и Рогервика выдать желаемое за действительное. Фрегаты Мадагаскарской экспедиции были отправлены торопливо, в «конфузии». Корабли выходили в море в таком состоянии, что трудно было «поверить, что морской человек оные отправлял», жаловался Вильстер Петру I после катастрофы, стараясь отвести от себя недовольство государя.

В донесениях руководителя плавания, написанных из Ревеля, показана жалкая картина готовности судов. Так, например, перед отправлением не были осмотрены и отремонтированы днища фрегатов, отчего «Амстердам-Галей» дал течь; грузы размещались произвольно; «...и большая часть матросов обносилась».

Не лучше обстояло дело с подготовкой провианта. Вильстер доносил, что «...на фрегате «Амстердам-Галей» по большей мере хотя бы все пивные и водяные бочки были налиты водою, тогда б на 204 человека более не стало питья как на 10 недель и три дня; на «Декронделивде» пива и воды тож слово в слово, считая по кружке в сутки... а хотя добрая и попутная погода и ветр нам будет, то однакож по последней мере недель 14 или 15 или больше до Сант-Яго в пути пробудем... Дров таж дано только на 15 недель...».

Ревельские власти оказались в сложном положении и предприняли экстренные меры для исправления положения. Тем более что из Петербурга приходили грозные послания с требованием ускорить дело и предупреждениями о «жестокой ответственности за нерадение». «Сие все старайтесь исправить в таком поспешании, — писал посвященный в тайну генерал-адмирал флота граф Федор Матвеевич Апраксин, — чтобы вам убежать от его императорского величества жестокаго гнева... А ежели (от чего Боже сохрани) вашею неповоротливостью от вояжа своего они остановятся, то можете понести немалое ответство...» Вильстеру было велено выехать в Рогервик и «...под тем образом, чтоб при Ревеле никто об вас не ведал, таж и по прибытии туда содержите себя (пока оные фрегаты придут) инкогнито, чтоб и там об вас никто не ведал, понеже ежели при таком продолжении кто сведает, то немалая будет опасность о вашей комиссии». Вильстер не поехал в Рогервик, а остался в Ревельской гавани на «Декронделивде» наблюдать за ходом ремонта. В объяснительном донесении Апраксину (1 февраля 1724 г.) он писал, что «... неотлучно на корабле из каюты не выхожу и содержусь почти под мягким арестом, и выходу имею только когда уже темнота ночная настает и меня б никто не видал. Токмо я человек не таков, чтоб мне дело поверенное оставить и не смотреть; ныне я сам вижу, что и при мне работою зело

мешкотно отправляются, а ежели бы мне быть в Рогервике наипаче бы мешкота явилась».

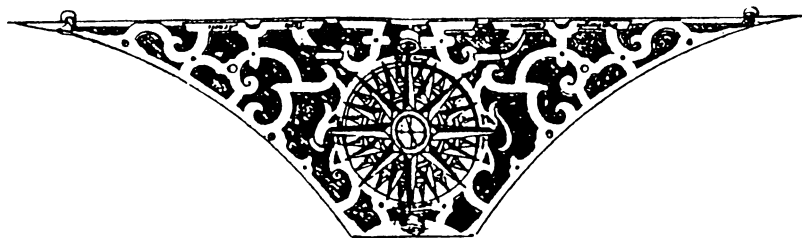
Однако кораблям так и не пришлось выйти в море. Еще 21 января при килевании «Амстердам-Галей» перевернулся, в открытые пушечные порты хлынула вода, и фрегат затонул, причем *«...в палубах погибло 16 человек матросов, не успевших выбежать наверх».*

Все, что произошло в дальнейшем, вполне характерно для русской жизни. Из Петербурга поступило распоряжение главному командиру Ревельского порта готовить новые суда и выйти в море *«как возможно наискорее, понеже медленность их ни на коим ином так жестоко не взыщется как на вас».* Было повелено, чтоб фрегаты были обшиты *«досками с шерстью»*, то есть коровьими шкурами, которые предохраняли днища судов от моллюсков в южных морях. Но шкур на ревельских складах не нашлось, так же как и досок и гвоздей, которые необходимо было выписывать из Санкт-Петербурга.

Началась переписка о поставках. Обстановка в Ревеле накалялась, все висело на волоске, в том числе и судьбы конкретных руководителей. Брань, угрозы, препирательства, угрозы ареста и взаимные упреки сыпались, как из рога изобилия, когда 4 февраля 1724 года Вильстеру было направлено письмо Апраксина, в котором сообщалось, что *«его императорское величество указал намеренную вашу экспедицию удержать до другого благополучного времени»* и ему предписывалось ехать в Петербург.

Так неожиданно закончилась история, связанная с организацией экспедиции на Мадагаскар. Многие вопросы так и остаются невыясненными до сих пор. Один из них — вопрос о внезапной отмене плавания. Что изменилось в Петербурге к февралю 1724 года? Может быть, в столице пришли к выводу о технической невозможности организации плавания в нужные сроки или на основе новых полученных данных убедились в бесперспективности попыток найти опору на Мадагаскаре в лице пиратов? Или возможность раскрытия тайны Петра и дипломатические осложнения с морскими державами, вызванные подобными разоблачениями, повлияли на решение императора?

Так или иначе, но плавание было отменено. В скором времени Петр I скончался, унеся с собой тайну секретной экспедиции.

ГЛАВА 3

МОРСКОЙ РАЗБОЙ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Тордесильясский договор и «закрытое море»

Вторая половина XV в. ознаменовалась в истории мировой цивилизации грандиозными свершениями. Наступила эпоха Великих географических открытий. В поисках богатств «Индий» — вожделенной цели правителей Европы — были обнаружены морские пути в Америку и вокруг Африки. Успешные плавания Диегу Кана, Бартоломеу Диаша, Христофора Колумба и Васко да Гамы определили на весь XVI в., какие державы будут первенствовать в открытиях. Ими оказались мощные морские королевства Пиренейского полуострова — Португалия и Испания. Правящие круги этих стран пытались разрешить вопрос — как разделить открываемые земли, о которых никто в Европе определенного представления не имел. Испанские и португальские власти столкнулись с серьезнейшей проблемой: не был отрегулирован механизм закрепления вновь открываемых территорий. Первооткрывателями вполне могли объявить себя конкуренты, которые в недалеком будущем неминуемо должны были появиться, и обе стороны действовали решительно и жестко, торопясь закрепить за собой новые владения.

Вторая половина XV в. прошла в остром соперничестве двух корон. Предъявляя друг другу взаимные претензии — в их числе владение Канарскими островами, право плавания в атлантических водах, — державы шли на любые меры, чтобы избавиться от потенциальных конкурентов. При посредничестве папы римского, выступавшего в роли арбитра споров, была проведена демаркационная линия, так называемый «папский меридиан», распреде-

лившая территориальные рубежи между Португалией и Испанией (буллы папы Александра VI 4.05 и 23.09.1493). Это предотвратило возможную войну, но не решило всех проблем. Открытия продолжались, и стороны вновь были недовольны. Наконец в 1494 году в пограничном испанском городе Тордесильясе состоялись испано-португальские переговоры. Они завершились однозначным волевым решением: отныне моря переставали быть открытыми для других европейских держав — за королями Португалии и Испании признавались исключительные права на владение всеми внеевропейскими морскими пространствами. С этой целью проводилась новая демаркационная линия в 370 лигах (свыше 2 тыс. км) к западу от островов Зеленого Мыса. Земной шар разделялся на две половины — все, что располагалось к западу от линии, принадлежало Испании, к востоку — Португалии.

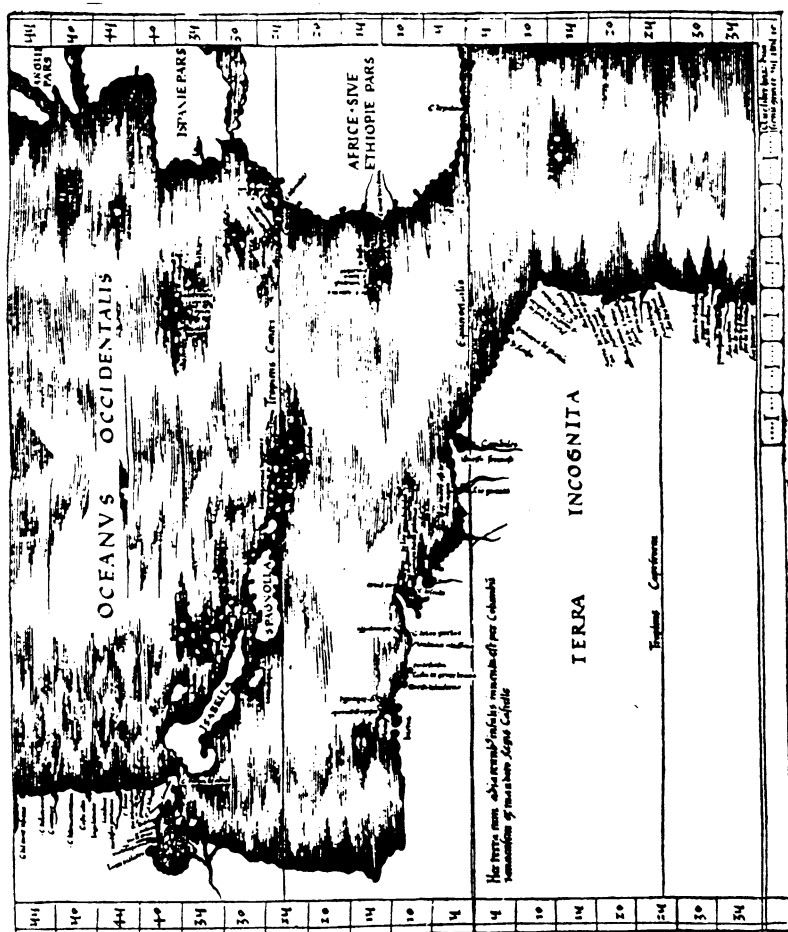
Логика подобного решения вполне объяснима, если вспомнить слова португальского короля Жоау III, сказанные через несколько десятков лет после Тордесильяса: *«Моря, в которых должны и могут плавать все, это моря, которые всегда были известны и являются общими; те моря, которые никогда не были известны и не считались пригодными для мореплавания и были открыты ценой столь значительных усилий с нашей стороны, должны быть исключены из общего правила. Раз и навсегда!»*

Тордесильясский договор

7 июня 1494 г.

«Высокие договаривающиеся стороны... условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель, уже открытых, или тех, которые будут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса... и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материки к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору королю Португалии и его преемникам на веки вечные и чтобы все острова и материки, как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге принадлежало означенным сеньорам королю и королеве и их преемникам на веки вечные.

...Далее: высокие договаривающиеся стороны заверяют через своих представителей, что отныне и впредь не будут они отправлять никаких кораблей — названные король и королева Кастилии и Арагона — в моря, что находятся к востоку от названной линии и принадлежащие королю Португалии, а король Португалии — в моря по другую сторону линии к западу от нее, которые считаются принадлежащими королю и королеве Кастилии...»

Атлантика

Фрагмент карты Вальдземюллера (1513 г.)

Франциск I и концепция «открытого моря»

Заключение испано-португальского договора заложило мину замедленного действия под международные отношения в Европе. Другие державы не могли согласиться с решениями в Тордесильясе. Не прошло и нескольких лет, как доктрина «закрытых морей»

зашаталась под натиском новых государств, заявляющих о своих претензиях на владение новыми землями.

Первыми нанесли удар англичане. В год заключения Тордесильясского договора бристольтские купцы Роберт Торн и Хью Эллиот добрались до острова, впоследствии названного Ньюфаундлендом. Плавания Джона Кабота и его сына Себастьяна, искавших Северо-западный проход в Индию и Китай, продолжили серию английских попыток проникновения в Атлантику.

Однако лидером в пересмотре доктрины «закрытых морей» выступило Французское королевство.

В 1515 году на французский престол под именем Франциска I взошел 16-летний герцог Ангулемский, двоюродный племянник умершего короля Людовика XII. Гордясь своим рыцарем-королем, французское дворянство называло его «первый дворянин Франции». Молодой, энергичный и ловкий честолюбец, Франциск I был полон политических амбиций и начал действовать решительно и бесцеремонно, сочетая в своей политике доблесть и рыцарскую честь со всеми недостатками эпохи. Несмотря на свою репутацию короля-любовника, гонящегося за наслаждениями, любящего роскошь и помпезность, и короля — покровителя искусств, Франциск I был прагматиком до мозга костей. Начало его правления ознаменовано широкомасштабными действиями, сразу поставившими его в число могущественнейших владык. Первый успех не замедлил прийти в Италию, где французские войска, преодолев Альпы, разгромили непобедимых швейцарцев у Мариньяно. Положение французской короны в Италии упрочилось, и Франциск I приступил к осуществлению другого, совершенно титанического проекта — организации крестового похода против Османской империи. Параллельно с действиями на востоке в широкие планы короля входило и закрепление на западе — в Атлантике, там, где властвовали португальцы и испанцы. Но в 1519 году в планы короля вмешались непредвиденные обстоятельства. После избрания императором Священной Римской империи испанского короля Карла I политика Франциска I сфокусировалась на проблеме сохранения национального суверенитета Франции. Под угрозой создания антифранцузского союза в составе Испании, Империи и Англии Франциск I мобилизовал все силы на защиту страны. Одним из направлений стало осуществление широкой морской политики, борьба за «открытые моря». *«Солнце светит для меня так же, как и для других, — заявил монарх, — и я хотел бы видеть тот пункт в завещании Адама, в силу которого Новый Свет должен быть разделен между моими братьями, королями Испании и Португалии, а я должен быть лишен своей доли наследства».*

**Нормандское судно
середины XVI века**

Рисунок Жана Жюливе «Генеральная карта Нормандии». 1525 г.

Французские корсары

Взгляды короля на суть проблемы в полной степени разделяли французские торгово-финансовые круги, купцы и моряки. Бессмысленность и гибельность «закрытого моря» для торговли, потеря колоссальных прибылей, конкурентная борьба толкали на борьбу с испанской и португальской морской монополией.

Французские моряки-корсары стали той силой, чьими руками должна была быть разрушена стена «закрытого моря». Собственно говоря, корсары Руана, Ла Рошели, Нанта, Онфлера, Дьеппа действовали в этом на-

правлении уже задолго до исторических слов, произнесенных Франциском I. Теперь они получили неофициальное подтверждение своих «полномочий», но остались, как всегда, самостоятельными и не желали, чтобы ими командовали.

Корсарство процветало у Атлантического побережья Франции долгие годы. Бесперывные военные конфликты, с помощью которых французские короли решали проблемы объединения государства, не оставляли корсаров без работы, а огромные прибыли, приносимые в приморские казначейства, торговые дома и арматограм, с лихвой компенсировали затраты на снаряжение судов. Проходить у берегов было небезопасно. Так, в 1496 году некий Робер Дюфур захватил два судна, проходивших у Бордо. В 1513 году дьеппские корсары взяли амстердамское судно и привели его в Онфлер. В 1514 году были перехвачены два фламандских судна (27.05), а в 1515-м — еще три (23.02).

В качестве реальных действующих лиц в событиях, происходящих у берегов Франции, упоминаются дьеппские корсары Тома Обер и Николя дю Жарден. Дело не ограничивалось европейскими морями. Достаточно вспомнить то, что произошло с адмиралом Христофором Колумбом во время его третьего путешествия. Вот как описывал события Бартоломе Лас Касас.

«Итак, наш первый адмирал вышел... из гавани Сан-Лукар де Баррамеда в среду, 30 мая 1498 года, с намерением открыть новую землю, донныне еще не открытую, имея шесть кораблей, достаточно утомленный своим (прежним) путешествием, ибо «когда я

отправился из Индии, — говорил он, — моя кручина возросла вдвое», а так как в то время разразилась война с Францией¹, то ведомо было, что французская флотилия подстерегает у мыса Сан-Висенте адмирала, желая захватить его в плен. Поэтому, желая избежать опасности, он сделал крюк и направился прямо к острову Мадера.

7 июня он прибыл на остров Пуэрто-Санто, где задержался, чтобы взять воду, дрова и припасы, и там отслужил мессу. Остров застал он охваченным тревогой. Все было поднято на ноги, вывозилось имущество, угонялся скот — жители опасались прихода французов.

В ту же ночь он отправился к острову Мадера и прибыл к его берегам в следующее воскресенье, 10 июня...

... В субботу, 16 июня, покинул он остров Мадера и в следующий вторник прибыл на остров Гомера. Здесь застал он французский корсарский корабль, который сопровождало еще одно французское судно, и два корабля, захваченные у кастильцев.

Когда французский корсар заметил, что к нему приближаются шесть кораблей адмирала, он снялся с якоря и, оставив одно из захваченных в плен судов, обратился в бегство, увозя с собой второй кастильский корабль. За оставленным судном корсар выслал корабль, а затем, когда увидел, что шесть испанских кораблей идут к плененному судну, чтобы отбить его, он призвал на помощь шесть французских кораблей, которые стояли на страже, и, силой загнав экипаж кастильского судна в трюм, увел этот корабль с собой».

Имя этого француза, деятельность которого оказалась занесенной на страницы эпопеи открытия Америки, осталось неизвестным. Однако имя другого француза сохранено в анналах исторической памяти.

Знаменитый корсар Мандрагон расположился на путях в Новый Свет и сильно вредил португальской торговле. Дело дошло до того, что на его поимку снарядили целую эскадру. Она настигла Мандрагона и захватила его (18.01.1509). Любопытно, что плененного корсара отпустили, взяв с него честное слово, что он никогда больше не нападет на португальцев.

Но все это произошло прежде, чем король Франции решил разобраться с правами своих августейших братьев на владение Новым Светом. Теперь ситуация изменилась. Бесконечные испано-французские войны резко увеличили число корсаров, промышляющих в Атлантике, их активность возросла, и испано-португальской торговле пришлось иметь дело с серьезными врагами.

Дерзость, наглость и отвага этих людей не знали границ. Мила-

¹Серия т. н. Итальянских войн Франции и Испании, начавшихся в 1494 г. походом короля Карла VIII на Неаполь и продолжавшихся с перерывами до заключения мира в Като-Камбрези (1559).

**Захват французскими корсарами населения
в Испанской Америке**

Гравюра XVI века

нец Джироламо Бенцони, совершавший плавания у берегов Нового Света в 1541 — 1556 годах, рассказывал о некоем безвестном французском капитане. Придя на рейд Гаваны, он, угрожая нападением, вытребовал у испанских властей выкуп в 700 золотых дукатов, затем вышел в открытое море и погнался за тремя испанскими судами, которые и взял, после чего возвратился в Гавану и в качестве возмещения за причиненный во время погони моральный ущерб вымогал новый выкуп.

Имена некоторых из этих корсаров дошли до нас. Среди них встречаются крайне интересные люди — прекрасные географы и гидрографы, люди научного склада ума и лихие моряки, храбрость которых была беспримерна. Например, капитан Пьер Криньон — известный знаток астрономии и гидрографии, который носил почетное прозвище Великий капитан.

Знаменитыми на весь мир стали братья Жан и Рауль Пармантье, в 1529 году пересекшие экватор и придумавшие ту веселую процедуру, которой до сих пор сопровождается это событие. Но они, кроме этого, впервые после португальцев нащупали скрываемую последними дорогу к Островам пряностей, и только смерть обоих от тифа на острове Суматра помешала их дальнейшему походу.

Два других брата — флорентийцы Джованни и Джероламо Веррацчани. Один из них, Джованни, — блестящий мореплаватель, искавший Северо-западный проход и впервые в истории проплывший вдоль восточного побережья Северной Америки. Он погиб ужасной смертью на реке Ла Плата в Южной Америке во время своего второго плавания в Бразилию в 1528 году — его съели местные каннибалы.

Храбрецы Сильвестр Билль, Жак де Сен-Морис, Жан Фэн прославились рейдами по торговым артериям Атлантики и сделали известными свои имена в прибрежных городах. Но, конечно, первым среди бравых корсаров был знаменитый Жан Флери, или Флорин.

Имя этого удачливого корсара стало известным всему миру после 1523 года, когда в его руки попали сокровища ацтекских правителей, отправленные Эрнандо Кортесом королю Испании. Однако и в последующие годы великолепный корсар не оставался без дела. Весной 1524 года с эскадрой из восьми кораблей он появился у берегов Испании; а в мае оказался в районе Канарских островов, после чего вернулся к Кадису. Летом его видели у побережья Алгарвы, затем у Агадира и опять у португальского побережья, где Флери пробыл до поздней осени. График плавания очень насыщенный, но и добыча стоила затраченных трудов. Корсар захватил более тридцати испанских и португальских судов, в основном с грузами сахара. Но настоящее состояние представляли два захваченных корабля — одно шло из Каликута с шелком, гвоздикой, перцем, шафраном, веерами и тафтой, а второе, идущее от Островов пряностей, португальцы оценили более чем в 400 тысяч золотых дукатов.

Но прошло время, и фортуна отвернулась от счастливого. Во время очередного рейда испанская эскадра настигла лихого корсара и захватила его корабль. Пленника доставили в Севилью.

Император Карл V придал огромное значение поимке храбреца и, высоко оценивая роль этого человека в Атлантике, отдал личный приказ о смертной казни. Счастье Флери закончилось; он был повешен как «пират» в 1527 году, а экипаж его судна остался в плену до заключения мира (1529).

Как мы видим, жизнь многих знаменитых корсаров эпохи Франциска I закончилась драматически. Сладость победы сменяла горечь неудач, за фантастическими взлетами, когда в руках оказывались баснословные сокровища, следовали падения с вершин, трагедии изломанных судеб. Великие цели и грандиозные планы

обращались в прах. И нет более наглядного примера такого странного излома жизненного пути, как потрясающая история того человека, который стоял за спинами Флери, братьев Пармантье, Великого капитана, Верраццани — человека, который осмелился бросить вызов всемогущему императору и могущественному португальскому королю и... проиграл.

Король корсаров

Как будто мановением волшебной палочки был перенесен этот изящный итальянский отель в пески суровой Нормандии. Перенесен и забыт здесь — под серым пасмурным небом, среди покатых негостеприимных дюн побережья, обдаваемых холодными океанскими волнами, бесконечными ветрами и дождями. Но когда холодное нормандское солнце пробивалось сквозь белесый утренний туман и согревало своими лучами здание, то его элегантные линии, стройные аркады создавали иллюзию флорентийского палаццо.

Много удивительного происходило в чудесном поместье Варенжевил, расположенном в окрестностях порта Дьепп. Здесь располагался мозговой центр крупнейшей коммерческой фирмы Франции. Сюда стекались финансовые сводки, деловая информация, шпионские сведения и политические отчеты от агентуры, разбросанной по всему миру. В кабинетах дворца ее проверяли, обрабатывали, после чего она попадала на стол к хозяину — купцу-арматору Жану Анго.

Жан Анго продолжает оставаться в тени истории. Его известность не идет ни в какое сравнение с популярностью таких грандов морского разбоя XVI в., как владыка Средиземного моря Хайрадин или великолепный корсар королевы Елизаветы Английской сэра Френсис Дрейк. Возможно, такое чудовищное недоразумение связано с тем, что Анго оказался в проигрыше и закончил жизнь разочарованным измученным человеком, проклинавшим свою судьбу, равнодушие властей и всемогущие врагов. Однако, как знать, — сложись обстоятельства благоприятнее для дьеппского купца и будь фортуна благосклоннее к нему, имя Анго оказалось бы вписанным на страницах истории не менее крупными буквами, чем имена его более известных собратьев по ремеслу.

На протяжении почти тридцати лет Анго с горсткой храбрецов, действуя на свой страх и риск, бросал вызов могущественным правителям Европы, рассылал свои корабли в Северную Америку, Бразилию, Африку, Индию, открывая новые земли и прокладывая транспортные магистрали в не известных дотоле районах мира.

Испанский шпион в донесении императору Карлу V (08.04.1541) представлял Анго как *«богатейшего человека, который живет в этом месте (Дьепп. — Д. К.) и занимается оснащением кораблей и коммерцией с владениями Вашего Величе-*

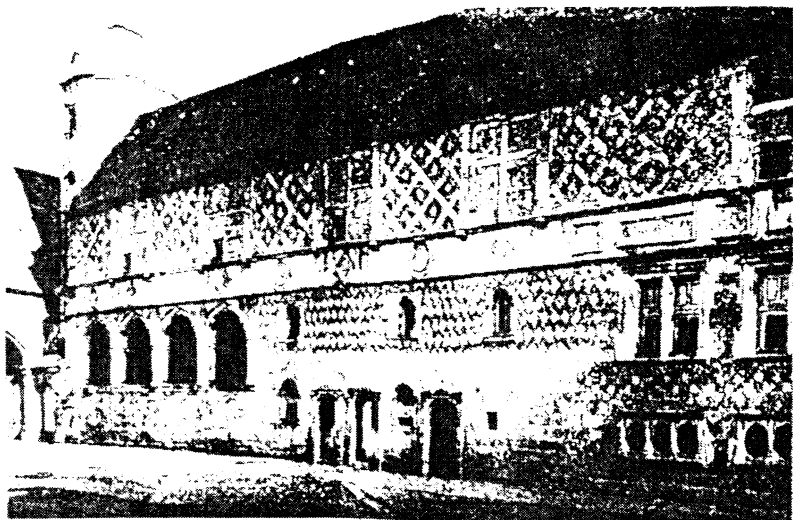
ства, а также с Фландрией и Англией; вследствие огромного размаха своей торговли, богатства и влияния в обществе, он известен как виконт Дьеппа».

Анго был необычным купцом. Выходец из семьи руанских negociантов (он родился около 1480 г.), унаследовал жесткий расчет и практичность своего отца, привнеся широту понимания проблем, необыкновенную деловую хватку, способность вести рискованную игру. Это был один из влиятельнейших торговых людей Франции. Банкир, финансист, судовладелец, он контролировал торговую и коммерческую жизнь в портах Франции. Любитель пожить на широкую ногу, вдохновенный и щедрый покровитель искусств, Анго любил роскошь и проводил много времени в обществе одаренных людей: скульпторов, художников, литераторов. Этот сказочно богатый человек был посвящен в секреты французской короны, находился в центре корсарской паутины, свитой во Франции в первой половине XVI в., охватившей европейские моря и достигавшей Бразилии, Лонг-Айленда и Индии. Он играл ведущую роль в финансировании и стратегической разработке военно-морских операций и сформировал целую плеяду прекрасных моряков, бросившихся завоевывать новые моря для короля Франции. Анго действовал в соответствии с принципом «свободы морей» и не считался с претензиями испанцев и португальцев на единоличное владение океанами — действовал с потрясающей смелостью, часто не имея за своей спиной поддержки могущественного Франциска I и не опираясь на убежденность нации в необходимости завоевания моря, — и потерпел крах, так как опередил свое время и оказался непонятым.

Суда Анго, объединенные в эскадры по пять — восемь кораблей, держали под контролем морские трассы Атлантики. Но магнат расширял свои претензии и замахнулся на заморские владения Испании и Португалии.

В 1526 году португальский агент в Париже установил, что Анго собирается внедриться в зоны торгового влияния португальских компаний. С этой целью была основана фирма для добычи бразильского дерева. Суда Анго с грузами пошли в Европу. Король Португалии Жоау III отдал приказ топить французские корабли. Схватка началась.

За повешенного Флери Анго отомстить не мог — император Карл V был ему не по зубам, да и действия финансиста шли вслед политической конъюнктуры и зависели от взаимоотношений Франции и Империи. А вот Жоау III пришлось туго, и перед кем — мужиком, руанским торговцем! Правда, аргументы у того в руках были серьезные — военные корабли и пушки. А за спиной Анго стоял король Франциск I. Купец поехал в Париж жаловаться на действия Жоау III. По рекомендательному письму сестры коро-

Дворец Жана Анго в Варенжевиле (Нормандия)

ля и с помощью взятки в виде роскошного бриллианта стоимостью 3 тыс. золотых экю, данного командующему морскими силами Франции адмиралу Филиппу Шабо де Бриону, он 27 июля 1530 года получил каперскую грамоту, разрешающую захват португальских судов.

Анго действовал жестко. Его корабли блокировали побережье Португалии и захватывали все суда, идущие в гавани Жоау III. Король был в ярости, но победить не мог — он обратился к Франциску I с жалобой на дерзкие действия его подданного. Легенда гласит, что ответ короля был лаконичным: «Не я шел на Вас войной. Вы должны просить мира у Анго». Однако, как это часто случается, легенда несколько приукрасила события. Чтобы утихомирить разбушевавшегося короля корсаров, Жоау III использовал различные средства давления на Франциска I — от дипломатического, осуществляемого при поддержке Карла V, до дачи крупных взяток ближайшему окружению Франциска I, тому же адмиралу Шабо де Бриону, с тем чтобы они могли повлиять на решение короля¹. Ску-

¹Через несколько лет во Франции начался процесс о злоупотреблениях, допущенных адмиралом Шабо де Брионом. По вердикту (08.02.1541), адмирал бы смещен с должности с конфискацией имущества и запрещением занимать государственные должности, был посажен в Венсеннский замок и умер в 1543 г.

питься не приходилось — речь шла не более и не менее как о торговой войне.

В сложной борьбе король Жоау III выиграл — 11 июля 1531 года каперская грамота Анго была аннулирована.

Торговая война закончилась, но конкуренция продолжалась. Трагедия Анго заключалась в том, что его грандиозные планы оказались зажатými в узких рамках реальности. Какими бы верными и храбрыми ни были его люди, сколь бы ни велики были его финансовые возможности — он не мог выйти за эти рамки. Его попытки самостоятельно закрепиться на новых территориях потерпели крах, а король Франциск I, скованный политическими трудностями, опасался поддерживать своего подданного. Борьба за «открытое море» привела бы к новым крупным проблемам, а их у Франциска I было и без того предостаточно. Инерция властных структур, зависть к богатству Анго, злые языки — все это построило ту стену, пробиться сквозь которую было невозможно. Для Анго же простой грабеж был слишком мелок — ему было нужно господствовать на морях. Он проиграл свою партию...

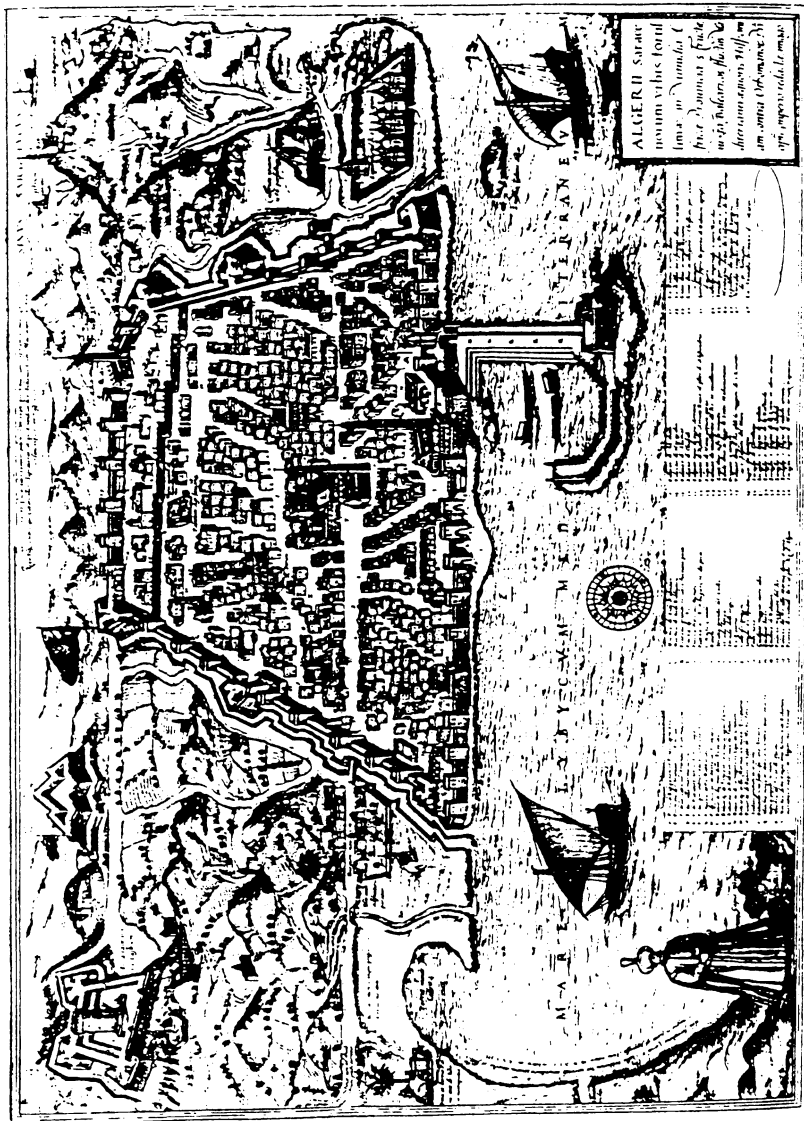
Последние годы магната были тяжелыми и унижительными. В 1544 году, когда напряжение в отношениях между Францией и Англией достигло пика и обе стороны готовились к войне, Франциск I замыслил организовать высадку крупного десанта под Лондоном. Материальная подготовка проекта велась во многом за счет средств Анго. Отказать королю в субсидиях он не мог, а средства утекали рекой. В делах образовалась чудовищная брешь, и Анго стал банкротом. До конца своей жизни он так и не расплатился со своими кредиторами, допекавшими его со всех сторон, и умер (в 1551 г.) в нищете, презираемый, забытый и непонятый.

Османская империя и герои Алжира

Алжирский вызов

К началу XVI столетия берега Северной Африки превратились в яблоко раздора, ввергнувшее страны Средиземноморья в непрекращающиеся военные столкновения. Эта полоска земли, протянувшаяся тысячу километрами скалистых побережий, зажатая между водами Средиземного моря и необъятными песчаными пространствами Сахары, обладала исключительно важными стратегическими преимуществами, так как располагалась на транспортных магистралях, пронизывающих юг Европы.

Североафриканские территории испытывали двойной натиск. Первый шел с востока, где Османская империя, закрепляя

Алжир
 корсаров
 в 1574
 году

позиции, завоеванные в Восточном Средиземноморье, нащупывала союзников в Триполи, Алжире и Тунисе. В противовес Империи Великого турки, контрмусульманское движение католических сил Европы, питаемое воинственностью испанских идалго, выплескивалось кровавыми экспедициями на приморскую полосу Северной Африки. Испанцы создавали на побережье опорные базы, а глобальная идея превращения Средиземного моря во внутреннее море католической империи стала болезненным обоснованием этой активности. Мир воинствующего христианства, опиравшийся на могущество Испанского королевства и Священной Римской империи, ставил задачу «вырвать с корнем магометанскую опасность».

«Крестовый африканский поход» обрушился на побережье, и под натиском великолепного испанского воинства одна за другой пали крепости Северной Африки. Первой в 1505 году попала в руки испанцев Мерс-аль-Кебир — лучшая якорная стоянка алжирского побережья. В течение пяти следующих лет блестящий испанский полководец Педро де Наварро, прошедший школу корсара на христианских и барбарийских судах, присоединил к Испании Пеньон де Велес, Бужи, Триполи и заставил платить дань правителей Шершеля, Мостаганема и Тенеса. Ответный натиск ислама под знаменем пророка превратился в «священную войну» мусульман против христианских врагов Османской империи, в особенности против испанцев.

Две волны схлестнулись в ожесточенной дуэли и породили корсарские государства Магриба — удивительный результат слияния африканской, европейской и азиатской культур. Этот мир представлял собой коммерческое общество, воздвигнутое на торговле награбленным добром и человеческих жизнях. Его благосостояние зависело от морского разбойничьего промысла, и если бы корсарские набеги вдруг прекратились, все бы умерли с голода.

Центром этого мира являлся Алжир, город, бросивший вызов испанскому могуществу. Поселение, воздвигнутое в X в. на развалинах римского порта Икосиум, получило название Аль-Джазаир. К концу XV в. Алжир разросся до большого порта и приобрел известность крупного торгового центра и корсарской гавани. Вот как описывал город Лев Африканский:

«Он очень велик и насчитывает около 4 тыс. очагов. Его стены красивы и необычайно прочны. Они построены из крупных камней. В городе красивые дома и удобно устроенные базары, где для каждого ремесла отведено особое место.

Много гостиниц и бань. Среди других построек бросается в глаза великолепный храм огромных размеров, расположенный у берега моря; между храмом и морем находится чудесная площад-

ка, устроенная прямо на городской стене, в основание которой бьют волны. Алжир окружают многочисленные сады и земли, засаженные плодовыми деревьями.

Вблизи города с западной стороны протекает река, на которой расположены мельницы. Она же служит для удовлетворения нужд города в питье и для других нужд».

Барбаросса I и Барбаросса II

Героическая эпоха истории Алжира неразрывно связана с именами двух братьев-корсаров — Аруджа и Хайраддина, известных как Барбаросса I и Барбаросса II. Они родились в семье грека гончара Якуба на острове Лемнос. Этот христианский переселенец обосновался на острове накануне его захвата турками в 1462 году. Он принял ислам и смог продолжать заниматься своим ремеслом, совмещая его с торговлей и разбоем на море. Его жена Екатерина — вдова православного священника — была образованной женщиной и, помимо арабского и турецкого, знала итальянский язык. У Якуба было четверо сыновей — Хорук, Элиас, Исхак и Ацор. Все они стали морскими разбойниками и действовали сообща. Прославились двое — Хорук, известный как Арудж, и Ацор, сделавшийся знаменитым под именем Хайраддин. Элиас же погиб в морском сражении против рыцарей-иоаннитов на заре своей разбойничьей карьеры, а Исхака разорвало пушечным ядром во время одной из военных операций.

Имена Аруджа и Хайраддина были хорошо известны в портах Средиземноморья.

Братья пиратствовали, избрав своей базой крепость Ла Гулетта. Они были связаны договором с султаном Туниса и запасались всем необходимым в его портах, отдавая за покровительство часть добычи.

Европейцы называли братьев-корсаров Барбаросса I и Барбаросса II. Эти прозвища они получили из-за рыжего цвета своих бород. Когда старший брат, Арудж, оказался в плену у христиан, он притворился немым. Его хозяева, рыцари-иоанниты, чтобы отличить его от других галерных рабов, дали его прозвище Рыжая Борода, Барбаросса. Пока Арудж греб на галерах, его брат Хайраддин продолжал грабить в море, собирая необходимую сумму для выкупа брата. После возвращения Аруджа из плена, Хайраддин, как младший, держался в тени. Когда Арудж погиб, Хайраддин вышел на авансцену и достиг таких высот, которые и не снились Барбароссе I. При этом он решил не нарушать семейную традицию и сохранить реноме, завоеванное Аруджем и его рыжей бородой. Трудность заключалась в том, что у Хайраддина была черная борода. Тогда он выкрасил свою бороду в рыжий цвет и продолжал поддерживать ее в соответствующем виде при помощи

хны. И дело стоило того. Вместе с цветом бороды Хайрадин унаследовал страшную репутацию Аруджа — Барбароссы I и стал известен как Барбаросса II. При упоминании его имени вся христианская Европа дрожала от ужаса...

Корсарские подвиги Аруджа

Особенно ужасала мрачная слава старшего брата, Арудж-раиса. Этот авантюрист был жесток, дерзок и бесстрашен, обладал твердой хваткой, решительным характером и железной волей. Твердо решив закрепиться в какой-нибудь крепости на побережье Магриба, он никогда не оставлял попытки добиться этого. В 1512 году с флотилией из двенадцати кораблей он попытался захватить Бужи.

Во время осады ему ядром раздробило руку. Операцию пришлось делать прямо под стенами крепости. Руку ампутировали, и корсар остался калекой. Искусные врачи сделали ему серебряный протез на шарнирах, что позволило разбойнику продолжить свою деятельность. Через два года Арудж повторил попытку захватить Бужи, но вновь потерпел неудачу.

«Он (Арудж. — Д. К.) пришел туда, расположился лагерем с 1000 турецких солдат и принялся атаковать старую цитадель, которую он взял и укрепил, — повествует Лев Африканский. — Все народы соседних гор пришли на помощь Барбаруссу и возымели желание захватить вторую цитадель, что находится близ пляжа. Однако в первой же битве было убито 100 турок из числа самых храбрых и 400 горцев, и горцы не захотели больше туда возвращаться. Все жители гор, которые пришли к нему на помощь, ушли, не спрашивая его разрешения, когда наступило время посева, и много турецких солдат поступили так же. Таким образом, Барбаруссу пришлось бежать от осажденного города...»

В 1516 году галеры Аруджа были заблокированы в Бизерте христианским флотом под командованием французского флотоводца Прежана де Биду. Арудж потерял пятнадцать судов, но сумел вернуться из опасного положения и уйти от разгрома, чем поверг француза в отчаяние, чуть не закончившееся самоубийством.

Арудж хорошо освоил технику избавления от противников в борьбе за власть. Он был беспощаден, а его коварство не знало границ. Жизнью своей заплатили те, кто рискнул использовать его в своих целях, не распознав вовремя в этом человеке властолюбивого и циничного противника. В 1516 году Арудж со своими людьми был приглашен алжирским шейхом Салим-ат Туми для противодействия испанцам. Прибыв в город с большим вооруженным отрядом, корсар думал не столько о том, как заставить потесниться испанцев, сколько искал возможность захватить власть. Удобный момент наступил, когда его лазутчики собрали сведения о заговоре, подготавливаемом частью алжирской аристокра-

Арудж

жественное моление в главную мечеть Алжира представителей знати, недовольных новым порядком. Внезапно в разгар службы закрылись ворота мечети, и по приказу корсара все собравшиеся заговорщики были казнены — их отрубленные головы выставили на улицах города.

Не менее круто действовал Арудж в Тлемсене, захваченном в 1517 году. Местного султана Абу Зайян Ахмада он повесил вместе с сыновьями на холстах их чалм, а остальных членов семьи — утопил. Несколько десятков знатнейших жителей были собраны во дворце якобы для обсуждения вопросов о будущем устройстве и убиты.

История Средиземноморья вступила в новый этап. Султан Селим I захватил Каир, Карл V вззошел на испанский престол, и Арудж, шаг за шагом, возводил фундамент своего могущества. В Стамбуле благосклонно наблюдали за его «подвигами». Не случайно, что когда Арудж-раис появился в Алжире, вместе с ним в город вошли турецкие солдаты. Однако первая попытка Османской империи укрепиться на побережье с помощью этого корсара не удалась. В мае 1518 года он погиб. Полгода осаждал экспедиционный испанский корпус крепость Тлемсен, в которой укрылся Арудж. Оставшись с горсткой солдат, однорукий корсар вырвался ночью из блокированного города. Согласно легенде, пытаясь уйти от погони, он разбрасывал по дороге золото и драгоценности, рассчитывая отвлечь преследователей. Однако оторваться не удалось, и отряд Аруджа был настигнут. Видя, как гибнет его эскорт, корсар бросился на помощь

тии. Они намеревались, войдя в соглашение с испанским гарнизоном, расположенным на острове Пеньон при входе в алжирскую гавань, избавиться от Аруджа, уже порядком напугавшего властителей города.

Корсар решил действовать...

В сентябре, отразив нападение на Алжир испанского отряда под командованием Диего де Вера, Арудж предпринял попытку захватить власть в городе. Он внезапно явился во дворец шейха, который принял его в банных покоях. Арудж воспользовался подходящим случаем и утопил его (по другим сведениям — зарезал) в бассейне. После этого в городе начался террор. Арудж пригласил на тор-

и погиб в неравной схватке. Голова страшного разбойника была отправлена как трофей в Испанию, где, выставленную на шесте, торжественно носили по городам, а окровавленный кафтан корсара был помещен в монастырь в Кордове.

Корсарские подвиги Хайрадина

Хайрадин оказался мудрее и проницательнее старшего брата. Пока тот был жив, Хайрадин держался в тени. Теперь настал его час, но игру он повел иначе. Талантливый флотоводец и тонкий политик, он дальновидно просчитал, что будет не более чем простым авантюристом, если не обеспечит себе надежного покровителя в лице Османской империи. Несмотря на то, что в 1519 году ему удалось отбить нападение испанцев под командованием вице-короля Сицилии Уго де Монкады под Алжиром¹, Хайрадин в следующем году под натиском противников вынужден был покинуть город. Он обосновался в Джиджелли и несколько лет пиратствовал, совмещая это с борьбой против своих врагов в Алжире.

Хайрадин понимал недостаточность своих сил и помнил о судьбе своего брата. Опасаясь быть раздавленным врагами, он отправил турецкому султану Селиму I просьбу о принятии его в число подданных империи. Султан направил в распоряжение корсара пушки, двухтысячный артиллерийский отряд и четыре тысячи янычар. Такая поддержка позволила Хайрадину с течением времени вернуться в Алжир и перейти к крупным военным операциям, очистив от испанского присутствия несколько портовых городов. Вскоре Алжир превратился в главный штаб корсарских операций в Северной Африке, в самый страшный порт Средиземноморья, а сам Хайрадин, пожалованный в апреле 1534 года титулом бейлербея² Алжира, — в его полновластного владыку.

«...у него были лохматые брови, густая борода и толстый нос. Его толстая нижняя губа пренебрежительно выступала вперед. Он был среднего роста, однако обладал богатырской силой. На вытянутой руке он мог держать двухгодовалую овцу до тех пор, пока та не погибала... Поистине необычайное влияние, оказываемое им на своих командиров и простых пиратов, поклонники его объясняют огромной храбростью и ловкостью этого человека, а также тем, что даже самые отчаянные его предприятия всегда оканчивались успехом. Ум и храбрость в нападении, прозорливость и отвага в обороне, огром-

¹ Предание говорит, что было взято в плен 3 тыс. испанцев. Когда Хайрадину предложили большой выкуп за знатных пленников, он не принял его и приказал всех казнить.

² Бейлербей (дословно: бей над беями) — официальный титул правителя крупной провинции Османской империи, командующий ее войсками.

Хайрадин

ная работоспособность, непобедимость — все эти похвальные качества заслонялись приливами неумолимой и холодной жестокости...

Наблюдатели подчеркивают знание Хайрадином нескольких языков, отмечают его большую популярность в различных слоях общества и умение располагать к себе людей. В мусульманских кругах он завоевал репутацию защитника угнетенных, благочестивого «хранителя веры», проводящего долгие зимы в молитвах и богословских беседах.

Первая проблема, которая встала перед Хайрадином после того, как он захватил Алжир, заключалась в наличии внутри алжирской гавани испанского гарнизона.

Еще в начале века (1510 г.) испанский полководец Педро де Наварро сумел выбить у алжирских правителей право на владение небольшим островком Пеньон, расположенным при входе на алжирский рейд. Испанцы возвели на нем крепость, построили бастионы, и нависшие над городом пушки сделали успех корсара эфемерным. Всего около трехсот метров отделяли Пеньон от материка, и пираты не могли чувствовать себя уверенно до тех пор, пока испанский гарнизон стоял на острове. «Шипом, вонзившимся в сердце» назвал Пеньон Хайрадин, Барбаросса II, и приложил максимум усилий, чтобы уничтожить препятствие. Ему удалось осуществить свое предприятие после ожесточеннейшего штурма в мае 1529 г. Пеньонский шип был вытасен, а Хайрадин распорядился из остатков крепости построить мол, который соединил Алжир с островками бухты. Теперь алжирская гавань, усеянная подводными камнями и открытая всем ветрам, была защищена и стала лучшим убежищем корсаров Западного Средиземноморья.

Деятельность Хайрадина поражает своим невероятным масштабом. Он запускал своих райсов во все самые отдаленные уголки Средиземноморья. Его флотилии были вездесуши, быстры и неуловимы, а капитаны ни в чем не хотели уступать своему предводителю. Но до короля алжирских корсаров им все-таки было далеко.

В 1533 году Хайрадин был вызван султаном Сулейманом в Стамбул и назначен капудан-пашой, великим адмиралом турецко-

го флота, для руководства операциями против Карла V. Ядро флота составили корсарские флотилии.

В 1534 году он прошел Мессинским проливом, захватил Реджо в Калабрии и прочесал итальянское побережье до Генуи, повергнув в панику жителей Неаполя и Рима. Затем, 15 августа, с 84 галерами, 1800 янычарами и 6500 солдатами (турками, албанцами и греками) Хайрадин появился перед крепостью Ла Гулетта и захватил ее. 19 августа его войска овладели Тунисом, свергли султана Мулай Хасана, упрочив положение Империи и корсаров-мусульман в Восточном Средиземноморье. Ответный удар христиан не заставил себя долго ждать. В следующем, 1535 году объединенная мощь Испанского и Португальского королевств, вице-короля Сицилии, папы римского, Мальтийского ордена и Генуи под командованием самого императора Карла V (400 судов, 30 тыс. чел.), собранная в Кальяри (остров Сардиния), обрушилась на побережье Туниса. Ключом обороны была Ла Гулетта, прикрывавшая вход в Тунисский залив. Однако корсарский правитель был заведомо предупрежден о готовящейся высадке. Известие поступило из Парижа, через агентуру французского короля Франциска I, главного противника Карла V в Европе. Ла Гулетта держалась почти целый месяц, но в конце концов сказались численное превосходство и лучшее материальное оснащение христиан, и твердыня пала; имперская армия подошла к самому Тунису.

В ярости Хайрадин приказал сжечь в городе темницы с христианскими невольниками, рассчитывая обезопасить себя с тыла. С большим трудом удалось приближенным отговорить корсара от исполнения страшного замысла.

Во время упорного сражения на подступах к городу, в Тунисе вспыхнул мятеж против Хайрадина и турок. Корсар оказался зажатым в тиски, но прорвался с четырьмя тысячами человек сквозь ряды христианских воинов и ушел в горы, откуда добрался до Алжира. Войска Карла V ворвались в Тунис, город был отдан на разграбление разъяренным солдатам, и началась самая настоящая бойня.

«...вторжение христиан было страшно, они убивали всех, встречавшихся им, не разбирая ни лет, ни пола, улицы были наполнены трупами, пороги домов загромождены ими, и полы мечетей залиты кровью... Грабеж продолжался три дня и три ночи, но так как заметили, что солдаты, в надежде найти зарытые сокровища, срывали дома, то им приказали выйти из города...»

Однако уже через несколько месяцев Хайрадин возглавил разбойничий рейд на Балеарские острова, разграбил форт Маон на Менорке и увел четыре тысячи жителей в рабство, показав, что взятием Туниса проблема корсаров не уничтожена.

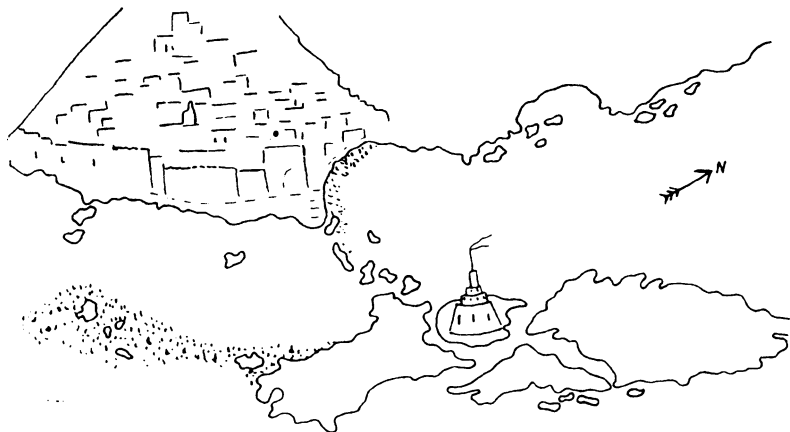
Захват крепости Бизерта был одним из крупных успехов в 1536 году. В следующем году Хайрадин во главе 135 галер разо-

рил побережье Апулии и увел в рабство около 10 тысяч итальянцев. Затем высадил 25-тысячный экспедиционный корпус на остров Корфу, но здесь он потерпел неудачу.

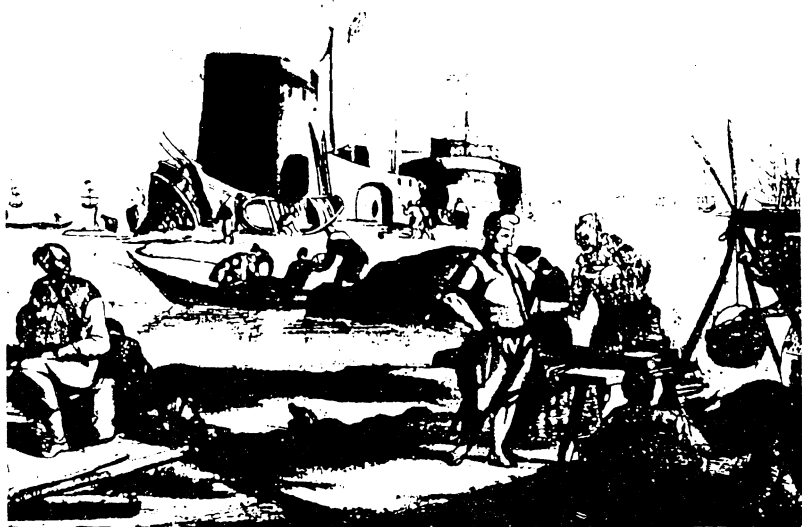
Восточная часть Средиземного моря также не была обойдена вниманием неукротимого корсара. Его корабли хозяйничали в лабиринтах Архипелага. Хайрадин захватил острова Сирос, Патмос, Эгину, Наксос, Парос и многие другие, разграбил Крит и совершенно расстроил венецианскую торговлю. 27 сентября 1538 года в морском сражении в заливе Превеза (Ионическое море) флот Хайрадина наголову разгромил объединенный флот Испании, папы римского и Венеции под командованием адмирала Андреа Дориа. Только спустившаяся ночь спасла соединенные силы от полного истребления.

Христиане готовили месть Хайрадину. Удар было решено нанести в сердце владений корсара — по Алжиру.

«Мы не можем проиграть», — заявил император Карл V, отправляя в 1541 году военную экспедицию против этой крепости. Разве мог предугадать могущественнейший из европейских правителей катастрофу, которой закончился его план «выгнать пиратов из их логова». Огромный имперский флот из 516 судов с 12 330 моряками и мощным многотысячным десантом (7 тыс. испанцев, 6 тыс. немцев, 6 тыс. итальянцев, 3 тыс. крестоносцев из других стран, 400 мальтийских рыцарей) вышел осенью 1541 года на покорение крепости мусульманских корсаров, которая костью в горле застряла в материковых и морских владениях Империи. Карл V не сомневался в успехе операции. Проверенные в военных кампаниях ветераны, опытные моряки, первоклассные командующие

Алжирская гавань и остров Пеньон. 1510 г.

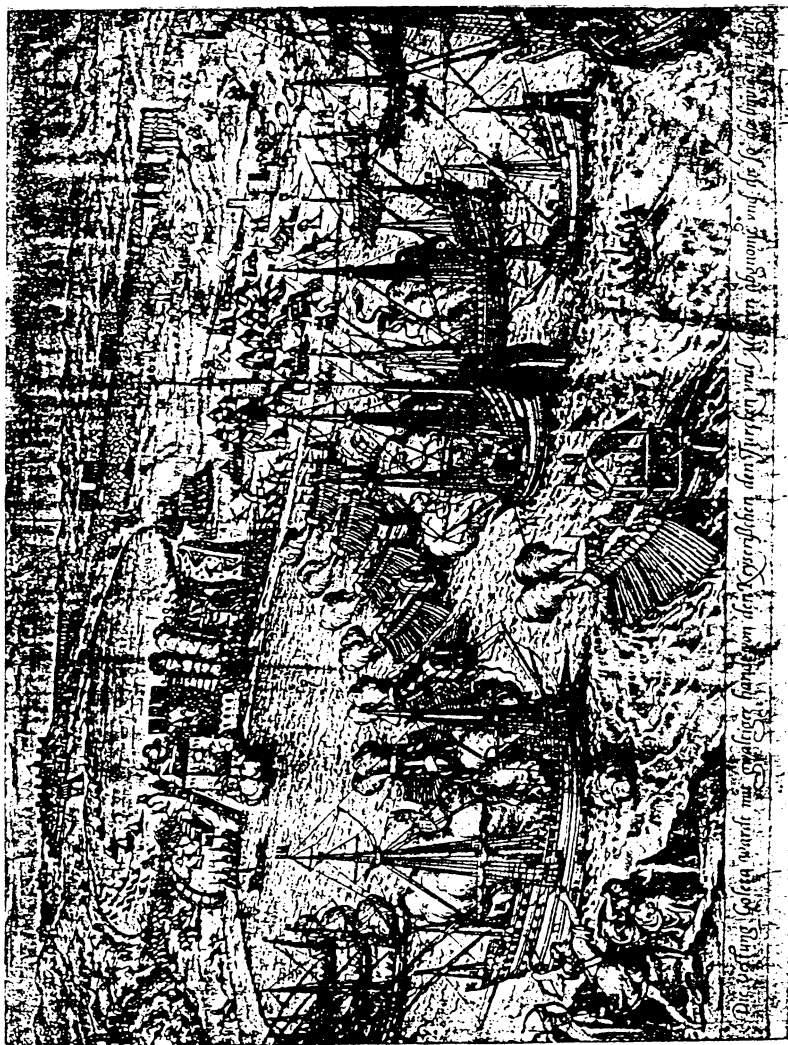

Пеньон. Гравюра XVI в.

(флотом руководил Андреа Дориа, а сухопутным корпусом — герцог Альба) — все это обещало полный успех. Более того, экспедиция превратилась в странное подобие показательных маневров, на которых имперская армия должна была продемонстрировать свою мощь на глазах у знатных испанских дам, отправившихся с армией, чтобы посмотреть, как оружие Христа сразит варваров. Правда, осторожный Дориа предостерег императора, указав, что осеннее ненастье может серьезно вмешаться в события и перекрыть все замыслы. Карл V только отмахнулся. Слишком удачно складывалась международная обстановка, и такого благоприятного стечения обстоятельств могло больше не представиться — размышлял, наверное, всемогущий правитель. Султан Сулейман сражается в Венгрии: турецкий флот расположился где-то на юго-востоке Средиземного моря; его противники — протестантские князья — успокоились, и в германских владениях царит покой, а с главным противником в Европе — Францией — уже два года продолжается мир.

Бросок с Мальорки — и 25 октября имперский флот приблизился к побережью. Отбросив арабов, великолепная испанская пехота обеспечила высадку всей десантной армии, которая подступила к крепости Алжир и обложила город со всех сторон.

Не успели солдаты приступить к осадным работам, как в дело вмешалась погода. Ураганный северо-восточный шквал и холодный

Турецко-
корсарский
флот атакует
Ла Гулетту
Гравюра
XVI века

проливной дождь обрушились на войска Карла V. Страшную ночь пережили солдаты. В открытой местности они нигде не могли укрыться от разбушевавшейся стихии. Яростный ветер срывал и опрокидывал палатки, ливень превратил в непроходимое месиво все подступы к городу. Он смешал порох с дождевой влагой и сделал бесполезными игрушки тяжелые мортиры, пищали и мушкеты...

Пасмурным утром турецкие янычары и корсары сделали вылазку, и только каким-то чудом продрогшие и измученные христиане сумели отбиться от их натиска и даже загнали противника обратно в крепость. Битва шла в воротах крепости, но защитники, теснимые европейцами, все же успели опустить ворота. Сохранилась легенда о мальтийском рыцаре, шевалье де Савиньяке, который в ярости вонзил свой кинжал в захлопнувшиеся перед ним Баб-Азунские ворота. Символично, но и берега Северной Африки оказались закрытыми для христианского воинства. Буря не унималась. Ужасный шторм срывал корабли с якорей, выбрасывая их на песчаное побережье или рассеивая по морю; невольники на галерах подняли мятеж и перебили экипажи судов¹. Несколько ужасных дней господства свинцовых ливней добились имперскую армию. Она потеряла всю артиллерию и запасы продовольствия. Измотанные непогодой, замерзшие и голодные, деморализованные солдаты проклинали тот день, когда оказались на этом негостеприимном берегу. И началось самое страшное — отступление к месту высадки. Мелководная река, которую в начале похода легко преодолели, теперь превратилась в широкий поток; она вышла из берегов и затопила окрестности. Пришлось строить мост, а время шло. Турки и арабы наседали, и только мужество мальтийских рыцарей, прикрывших армию от преследователей, спасло войско и дало ему возможность добраться до гавани, где стоял флот. Посадка на потрепанные бурей суда шла полным ходом, когда налетел новый шквал, еще страшнее первого. Он довершил разгром. Все было кончено...

Только неожиданный приход кораблей с Сицилии спас остатки оборванной, изможденной армии и самого императора, который на исходе ноября добрался до Мальорки. 150 потерянных судов, тысячи убитых солдат, толпы взятых в плен, ошеломляющее падение престижа Империи и пропорционально выросшая активность корсаров — таковы плачевные итоги алжирского погрома 1541 года. Долго еще на невольничьих рынках Туниса, Алжира, Триполи будут вспоминать последствия разгрома, так как цена на рабов резко упала, и за них *«нельзя было получить даже луковицы»* — так

¹ В ночном сражении едва не погиб Эрнандо Кортес, покоритель Мексики. Он потерял свой корабль и три огромных изумруда, стоявших, по его словам, целого королевства. Он настаивал, чтобы император предоставил ему возможность продолжить штурм Алжира и взялся захватить его, но Карл V отклонил просьбу.

Гибель флота
Карла V

рынок, захлебнувшийся от потока невольников, отреагировал на разгром Карла V.

В 1544 году неутомимый адмирал-корсар отправился в очередной рейд вдоль итальянского побережья, закончившийся опустошением Тосканского архипелага, Липарских островов и берегов Кампании и Калабрии. На Липари в руки Хайраддина попало 8 тысяч невольников, сотни несчастных он захватил на Эльбе, около тысячи пленных — на Искье, 4 тысячи — в Чириатти; всего же Хайраддин заковал в цепи около 20 тысяч человек.

Умер всемогущий разбойник в зените славы 4 июля 1546 года в своем стамбульском дворце. Он был похоронен в мавзолее в Бе-

**Шевалье де
Саваньяк у
Баб-Азунских
ворот**

шикташе как национальный герой, и еще долгое время каждый турецкий корабль, входя в бухту Золотой Рог, отдавал салют могиле великого средиземноморского корсара...

Салах-раис

После смерти Хайрадина бейлербеем Северной Африки стал его сын Хассан-паша. Однако через несколько лет султан, недовольный политикой Хассана, сместил его и назначил бейлербеем Салах-раиса. Араб по происхождению, он родился в Александрии. Получив воспитание среди турок, Салах перебрался в Маг-

риб, где сражался под руководством Хайраддина и был одним из его доверенных лиц. В период его правления (1552 — 1556) алжирские корсары активно действовали в интересах Османской империи. Эскадры Салах-раиса плавали у испанского побережья и Балеарских островов и доставляли серьезные неприятности испанской короне. Но основной удар был нанесен интересам Испании в самой Африке, где Салах-раис сумел овладеть несколькими важнейшими пунктами на побережье, распространяя все дальше на запад власть Османской империи.

Первым успехом стал захват крепости Пеньон де Велес (1554). В следующем году Салах-раис покорил Бужи. Всего двадцать две галеры смог направить корсарский правитель под стены этой крепости. Тем не менее совместные действия флота и сухопутной армии увенчались полным успехом. Испанский король Филипп II, не имея возможности организовать ответную экспедицию, для успокоения общественного мнения приказал казнить губернатора крепости, превратив его в козла отпущения. Но Бужи этим было не вернуть, и с его потерей испанское давление на Алжир серьезно ослабло. Тем временем Салах-раис начал готовить экспедицию против следующей цитадели Испании в Африке — крепости Оран. Но чума сразила энергичного раиса в самый разгар приготовлений.

Следующие годы истории Алжира наполняют смуты, мятежи и заговоры. Раисы-капитаны враждуют с турецкими янычарами, устраиваются перевороты, один за другим свержаются правители: один распят у ворот Алжира, другой зарезан, третий (уже упоминавшийся сын Хайраддина Хассан-паша) в цепях отправлен в Стамбул¹. Однако Алжир ждет новый звездный час — правление Ульд-Али.

Сказочная судьба Ульд-Али

В 1568 году бейлербеем Алжира стал бывший пастух и галерный раб Ульд-Али-раис, или Оччали, как называли его европейцы. До самой своей смерти великий Ульд-Али, ренегат, герой мусульманского мира и великий адмирал турецкого флота, был вторым после султана человеком в Империи. Многие считали его самым грозным из ренегатов-моряков, самым могущественным из алжирских пашей, самым выдающимся из корсаров и адмиралов ислама.

Его жизненный путь фантастичен. Ульд-Али родился около 1508 года в Калабрии, в маленькой приморской деревушке. Его

¹ Это, впрочем, не помешало ему вновь стать бейлербеем (1562), а затем и капудан-пашой.

Ульдж-Али

отец был рыбаком, и, по-видимому, пришлось бы мальчику (его христианское имя неизвестно) всю жизнь ходить на рыбный промысел, продолжая занятие своего родителя, если бы не галера Хайраддина: В 1520 году корсар кружил у итальянского побережья, и его люди захватили маленького Ульдж-Али. Четырнадцать долгих лет провел раб на галерах, прикованный кандалами к банке гребца. На корабле его презирали: он весь был покрыт лишаями (его прозвали Шелудивый) и отличался молчаливым, угрюмым и мстительным нравом. Недоброжелатели поговаривали даже, что он

принял ислам только для того, чтобы отомстить одному турку, ударившему его. Впрочем, подозрения в неискреннем отношении к вере и в склонности к интриганству преследовали Ульдж-Али до конца жизни.

Этот угрюмый человек, всегда появлявшийся в черных одеждах, вселял в окружающих страх. Но он был храбр в сражениях и неуклонно поднимался по ступенькам карьеры — от гребца к солдату, потом стал помощником капитана; еще через несколько лет командовал бригаantinoй, затем стал хозяином галиота и приобрел известность на Барбарийском побережье своей удачливостью. На него обратил внимание и приблизил всесильный тогда Драгут-раис. В 1560 году, когда христианский флот обрушился на Джербу, Ульдж-Али был послан за помощью в Стамбул и вернулся с флотом Пиали-паши. После смерти Драгута при осаде Мальты в 1565 году Ульдж-Али стал его преемником, и долгие годы одно его имя бросало в дрожь христиан.

Управляя Триполи (1565 — 1568) и Алжиром (1568 — 1571), он организовал несколько опустошительных рейдов на Сицилию, Калабрию и Кампанию. При разгроме турецкого флота у Лепанто в 1571 году Ульдж-Али выступил как один из героев мусульманской стороны. Командуя левым флангом, он обрушился на галеры мальтийцев и захватил флагманский адмиральский корабль со знаменем Мальтийского ордена. Этот ценнейший трофей был выставлен в храме Святой Софии, а спаситель славы турецкого флота получил громкое прозвище — Кылыч (Меч), был осыпан милостями султана и пожалован званием капудан-паши.

Ульд-Али произвел реорганизацию военно-морских сил мусульман и превратил флот в мощное орудие имперской политики. Уже через три года, в 1574 году, он захватил Тунис, Ла Гулетту и крепость Аль-Бастиун. По поводу побед адмирала-корсара визирь султана Селима II, беседуя с венецианским послом, ехидно заметил: «Вы нам отрезали бороду у Лепанто, мы вам — руку в Тунисе; борода отрастет, рука — никогда».

В своем дворце на побережье Черного моря (в нескольких километрах от Стамбула) Ульд-Али, по примеру Хайрадина и Салах-раиса, лелеял замыслы захвата марокканских портов и объединения всей Северной Африки. Однако воплотить в жизнь свои планы ему не удалось. Он умер 27 июня 1587 года в момент подготовки к завоеванию Марокко.

Независимый Магриб

При Ульд-Али Стамбул контролировал корсаров Алжира, Триполи и Туниса. Но после его смерти Великая Порта начала постепенно утрачивать власть над североафриканскими пиратами. Зависимость отдаленных магрибских провинций от Османов ослабевала и приобретала все более номинальный характер. Возросло влияние местных правящих структур, и корсарские провинции превращались в самостоятельные «африканские республики». Турецкий флот, лишенный морских баз в Северной Африке и теряя опытных корсаров-союзников, приходил в упадок. Это подтверждают описания очевидцев тех лет. Героическая эпоха Хайрадина и Ульд-Али, когда корсары Магриба были ядром военно-морской мощи империи, осталась в далеком прошлом.

«На Белом море¹ вот уже несколько лет не могут снарядить более 56 галер... Галеры плохие, оснащены очень скверно. Ни на одной из них, кроме галеры капудан-паши, нет даже 100 воинов, в основном — 60 — 70, да и тех либо насильно завербовали, либо они отбывают повинность. На вооружении (галеры) не более 50 — 60 ружей. Таково (положение) на Белом море, на Черном — еще хуже. Военному делу не обучают уже более 100 лет. На побережье воины столь «мужественны», что едва не умирают (от страха), когда должны идти против казаков, которых полно на Черном море. Те же, что на Белом море, такую «храбрость» обнаружили, что их 50 галер не решились сражаться с флорентийскими и едва спаслись от них бегством... Происходит это все оттого, что во флоте полно всякого отребья...»

(Из отчета польскому Сейму князя К. Збаражского, великого посла в Турции (1622 — 1623))

¹Средиземное море. Турки называли его Акдениз (досл. — Белое море).

Алжир в начале XVIII века

«Морской флот очень плох, и даже если снаряжены галеры, не найдется людей ни для того, чтобы командовать, ни для того, чтобы воевать».

(Из донесения графа Ф. де Сези, французского посла в Стамбуле (1616 — 1631.)

XVII в. был временем расцвета могущества корсарских государств Северной Африки. Практически выйдя из-под зависимости Великой Порты, правители магрибских стран лишь время от времени посылали подарки в Стамбул, а огромные прибыли от морского разбоя оседали на побережье. Действия барбарийских корсаров не ограничивались Средиземноморьем. Их корабли выходили в Атлантику и могли появиться в самых неожиданных местах, вплоть до острова Ньюфаундленд.

В 1610 году алжирский флот из сорока кораблей под командованием англичанина Петера Эштона разбойничал в Бристольском заливе, а затем, перебравшись к Ньюфаундленду, грабил французов, португальцев и фламандцев, захватил пять судов, несколько десятков пушек и огромную добычу (около 10 тыс. фунтов стерлингов) и пополнил свои команды, завербовав около пятисот англичан.

В 1616 и 1627 годах алжирские корсары появились у берегов Исландии. В 1647 году семь барбарийских кораблей подобрались к западному побережью Англии и высадили десант в Корнуолле, собрав богатую добычу. Корсары проникали внутрь Ла-Манша и грабили европейцев на их транспортных магистралях. В 1650 и 1654 годах они захватили несколько торговых кораблей у Плимута.

XVII в. дал и своих героев. Один из самых знаменитых пиратов — Али-Бичин, итальянский ренегат. Его настоящее имя было Пиканино. Этот обаятельный и умный человек возглавлял таифу алжирских раисов с 1621 по 1645 год.

Другая знаменитость того времени — французский корсар Симон де Дансер, развернувший активную деятельность в Алжире с 1606 года, куда был приглашен деом. Под его руководством корсарский флот претерпел значительные изменения, а суда стали строиться на основе европейских стандартов.

Но совершенно особое место в истории алжирского корсарства XVII в. занимают английские ренегаты. Самым знаменитым из барбарийцев-англичан был сэр Генри Мэйнуэринг — *«благоразумный и знающий джентльмен, достойный самого лучшего применения»*, по оценке короля Англии Карла I. Выходец из старинной фамилии графства Чешир, он закончил Брейзнос-Колледж (колледж Оксфордского университета) и занимался юриспруденцией. Адвокатская практика, по-видимому, не приносила ему должного удовлетворения, и в 1611 году он получил каперскую грамоту на поимку пирата Петера Эштона в Средиземном море, но, как гово-

рят, потерпел неудачу. Впрочем, отметим, что в списках капитанов английского флота до 1613 года его имя не появлялось, а сам Мэйнуэринг, возможно, готовился сделать карьеру на дипломатическом поприще (он рассчитывал отбыть со специальной миссией в Персию). Но так сложилось, что молодой человек пошел по другому пути. Получив каперскую грамоту от лорд-адмирала с позволением захватывать испанские суда в Вест-Индии, Мэйнуэринг вышел на маленьком судне «Резистэнс» («Сопротивление») к берегам Нового Света. Пройдя Гибралтар, он собрал команду на палубе и предложил обосноваться на Барбарийском побережье, где испанских судов хватало. Команда согласилась, и «Резистэнс» пошел в Мормору, ставшую главной базой Мэйнуэринга.

Капитан был принципиальным человеком и поставил перед командой условие — ни при каких обстоятельствах не захватывать английские суда (что, впрочем, не было большой жертвой, так как испанские, португальские и голландские суда представляли неизмеримо большую ценность). За короткое время он захватил около тридцати испанских судов и добился такого авторитета на побережье, что, согласно легенде, запретил барбарийским корсарам трогать английских купцов. Более того, он заключил с местным султаном договор, включающий пункт об освобождении всех захваченных англичан.

В родной Англии популярность Мэйнуэринга быстро росла — тем более что пират-патриот отклонил предложения о сотрудничестве тунисского бей, испанского короля, герцога Савойского и герцога Тосканского¹.

В 1616 году Мэйнуэринг вернулся в Англию, был амнистирован (как и члены его команды) и назначен руководить борьбой с... барбарийским пиратством в английских водах. В 1618 году после уничтожения трех алжирских судов в устье Темзы, он был посвящен в рыцари, стал придворным и другом короля. В 1620 году он получил назначение губернатора английских портов на Ла-Манше, а через год был избран членом парламента. Несмотря на обвинения в мошенничестве и пренебрежении обязанностями, он сохранил свои посты и закончил карьеру в чине вице-адмирала.

Но и другие англичане, ставшие ренегатами, были не менее колоритными фигурами. Например, выпускник Тринити-Колледжа сэр Френсис Верней и капитан Гиффорд. Во главе двух сотен англичан они вначале подвизались в Марокко, где вмешались в междоусобные войны, развернувшиеся после смерти султана Мулай Ахмеда. После поражения своего ставленника, они перебазиро-

¹ Бей предложил Мэйнуэрингу равное участие в доходах от грабежа, но потребовал принятия им мусульманства; испанский король — прощение за пиратскую деятельность, 200 тыс. золотых дукатов и пост командующего эскадрой.

вались в Алжир. Через несколько лет их пути разошлись. Верней попал в плен к сицилийцам и стал невольником на галерах. Гиффорд же перешел на службу к герцогу Тосканскому и приобрел печальную известность как организатор неудачного нападения на Алжир, в гавани которого он попытался сжечь галеры своих бывших коллег по ремеслу. Эта операция провалилась, нападавшие понесли большие потери, а алжирский дей поклялся страшно отомстить всем англичанам.

Среди участников «поджога» алжирских галер выделяется некротимый человек, капитан Уард, личность примечательная и весьма характерная для средиземноморского пиратства XVII в. Выходец из семьи рыбака, он жил в Плимуте и служил на различных судах, но главным его занятием было каперство. Когда же при короле Якове I английские власти, заинтересованные в сближении с Испанией, попытались ограничить каперскую деятельность, приказав изъять из обращения каперские грамоты, и обязали всех англичан, находившихся на иностранной службе, вернуться на родину, Уард был крайне недоволен. Еще бы — в старые времена его карманы были всегда набиты монетами, вино лилось рекой, *«мы могли петь, ругаться, бегать за девками и убивать людей так же запросто, как кондитер шелкает мух; тогда все море было в нашей власти, и мы грабили, как хотели, тогда весь мир был для нас райским садом, полным забав и развлечений»*. Этот всегда пьяный мрачный сквернослов, драчливый и вздорный буян, готовый бражничать в пивной круглыми сутками, не мог расстаться со своей разбойной профессией и бежал из страны. Оказавшись в Гавре с большой суммой денег и с драгоценностями, он подбил матросов небольшого барка увести корабль и заняться «настоящим делом» — рецепт Уарда от всех жизненных лишений. Сказано — сделано, и вскоре разбойничий барк пришел в Средиземное море, где Уард сразу ввязался в авантюру Гиффорда. К чести капитана надо отметить, что он выкупил людей из своей команды, попавших в плен к корсарам, но дорога в Алжир была для него закрыта. Он не отчаялся и избрал своей базой другой порт Магриба — Тунис, где и отличился нападениями на корабли венецианцев и рыцарей Мальтийского ордена, разбогател, построил великолепный мраморный дворец и жил в нем *«более похожий на принца, чем на пирата»*, пока не умер от чумы.

Не менее известен был уже упоминавшийся капитан Эштон, прославившийся захватом у Азорских островов одного из судов «Серебряного флота». Когда он решил уйти на покой, то избрал местом проживания Виллафранку, купил здесь дворец, в котором и провел остатки своих дней.

В XVII в. «подвиги» подобных лихих капитанов, корсаров Магриба, представляли существенную и реальную угрозу для европей-

ской торговли. Характерно описание, оставленное испанским бенедиктинским монахом Хаэдо.

«Плаваая зимой и весной, они бороздят море с востока на запад, насмехаясь над нашими генералами, экипажи которых тем временем пируют в портах. Зная, что тяжелые и заваленные всякой всячиной христианские галеры при встрече с их легкими галиотами, тщательно очищенными от ракушек и водорослей, не могут мечтать о какой-либо погоне за ними или помешать им грабить и воровать, как им заблагорассудится, они обычно дразнят их, развертываясь перед ними и показывая им корму».

Неудивительно, что европейские державы, убедившись в том, что нажимом на султана Империи они не смогут ограничить разбой барбарийцев, так как те не собирались подчиняться приказам из Стамбула, пытались своими силами разгромить корсарские гнезда на побережье. Однако неоднократные экспедиции, отправляемые Францией, Англией и Голландией к берегам Африки, не меняли положение дел, барбарийский разбой процветал.

Союз «лилии и полумесяца» и корсары Северной Африки

1535 год. Шла борьба за Тунис. Испанская армия после отчаянного сопротивления Хайраадина завладела крепостью Ла Гулетта и подступила к стенам Туниса. Все средства были использованы Хайраадином для обороны, даже моряки сняты с кораблей для защиты крепостных укреплений. Однако численное превосходство испанцев были очевидным. Огонь их мощной артиллерии разбивал все надежды на отражение нескончаемых натисков осаждающих. Турецкие пушки отвечали на залпы испанцев, но проигрывали перестрелку. Впрочем, турецкие ядра долетали до палатки самого короля Карла V. Испанцы обнаружили на них выгравированные лилии — знаки французского королевского дома. Королевские лилии были и на ядрах, найденных на захваченных корсарских кораблях в гавани Ла Гулетта. Так вот кто, оказывается, вел военные поставки туркам и североафриканским корсарам! Налицо были доказательства тесных контактов, связывающих «христианнейшего короля» Франции Франсиска I с врагами всего континента — мусульманами Османской империи. Прошло несколько лет, и французский посол в Венеции Жан де Монлюк цинично признал: «Если бы мне надо было погубить врага, я бы соединился хоть с дьяволом, не только что с турками».

Франциск I и Сулейман I Великолепный

Французское королевство Франциска I задыхалось, окруженное со всех сторон владениями враждебного дома Габсбургов. Земли Священной Римской империи, Испании, Южная Италия, Нидерланды, Франш-Конте — эти территории, примыкавшие к границам Франции, принадлежали испанскому королю Карлу I, избранному в 1519 году императором Священной Римской империи под именем Карла V. Франция оказалась перед выбором — сопротивляться имперским замыслам Карла и сохранить свою независимость или окатиться поглощенной этим сверхъестественным конгломератом королевств, герцогств и княжеств. Франциск I избрал первый путь и вел четыре войны с Карлом (1521 — 1525; 1527 — 1529; 1536 — 1538; 1542 — 1544). Победы чередовались с поражениями, сменялись союзники, тонкие дипломатические маневры уступали место твердолобым пробивным акциям, противники не гнушались грязной игрой, используя шпионаж, подкуп и измены. После поражения при Павии в 1525 году Франциск оказался в плену у своего противника и почти год провел в Мадриде. Он был выпущен только после подписания условий, продиктованных Карлом. В соответствии с ними, к Испании отходил ряд французских владений, в числе которых была Бургундия. Однако «первый дворянин Франции» и не подумал выполнять подписанные договоренности и продолжал искать союзников в борьбе против Карла. Вскоре он убедился, что нет у того более решительного врага, чем турецкий султан Сулейман I Великолепный. Однако организовать контакты с Османской империей оказалось делом непростым. Следует помнить, что Франциск I, «христианнейший король», был одним из главных инициаторов нового крестового похода против турок и активно содействовал борьбе с мусульманами любыми доступными способами. Об этом свидетельствуют попытки короля сколотить антитурецкий союз, финансовая и военная поддержка ордена иоаннитов, военные эскадры Прежана де Биду, отправленные Франциском I на помощь осажденному турками Родосу, или деятельность эскадры бретонца Шануа против Крита и Бейрута. Но к 1530 году ситуация была уже совершенно иной, нежели на заре правления короля, и Франциск сделал непростой, но весьма прагматический выбор в отношении Стамбула.

Но мешали взаимная удаленность стран, бесчисленные опасности, подстерегавшие посланцев на дорогах, и отсутствие налаженных связей. К тому же посланникам нужно было пробираться через Южную Европу, кишашую лазутчиками и агентами императора Карла V, которые бдительно следили за передвижениями на дорогах и пресекали малейшие возможности для налаживания диалога. Один курьер со своими спутниками был убит в Боснии, другой не сумел доставить личное послание короля. Наконец летом

Карл V

Сулейман Великолепный

1532 года очередной посольный Франциска добрался до лагеря Сулеймана, осаждавшего Вену. Прямые контакты были налажены.

В мае 1535 года в Стамбул прибыл посланник Франциска I Жан де Ляфоре. Он прибыл из Алжира, где провел предварительные переговоры с Хайрадином о совместных действиях против Корфу, принадлежавшего Генуе. Но окончательно вопрос должен был решиться при дворе султана. Задачей дипломатической миссии было добиться привилегий для французской торговли на Востоке, оказания помощи в войне с Кар-

лом V и денежной ссуды в 1 млн золотых экю. Все требуемое, кроме последнего, было получено, когда Сулейман вернулся с Востока, где воевал с Персией. В феврале 1536 году султан Сулейман I и король Франциск I заключили договор о мире, дружбе и торговле, получивший название Капитуляция¹. Он должен был действовать в течение жизни обоих государей. Между странами устанавливались мир и дружба; подданные обоих государств получали право беспрепятственного передвижения и торговли на территориях договаривающихся сторон. Турки и французы отказывались от взаимного захвата в плен и продажи в рабство и обязывались освободить из неволи всех пленников дружественной нации. В секретных статьях договора предусматривались совместные действия обеих держав против Карла V. Французы должны были нанести удар в Северной Италии, а турки — в Южной. В морской войне главная роль отводилась корсарам Хайрадина, который руководил военно-морскими силами Османской империи. В Европе разгорелась новая война².

¹ *Капитуляция* — от лат. *capitulum* — договариваюсь, разделяю на главы; *capitulum* — глава, статья, раздел.

² Любопытно, что после ее начала Карл V вызвал Франциска I на личный поединок. Это был уже второй вызов на дуэль со стороны императора. Первый последовал, когда Франциск I, освободившись из испанского плена, отказался от выполнения условий Мадридского договора (1526 г.) и, по мнению Карла V, нарушил данное им слово. Оба вызова остались без ответа.

Франциск I

Военное сотрудничество: Хайрадин и Драгут-раис

1537 — 1538 годы

1537 год ознаменован первыми военными контактами французских военно-морских сил, флота Османской империи и корсаров Магриба. Тогда 160 турецких галер под командованием самого Сулеймана вышли из Стамбула и направились в Адриатику. С ними вместе двигалась корсарская флотилия (80 судов) Хайрадина. Операции, предпринятые этим соединенным турецко-корсарским флотом у острова Корфу, окончились безрезультатно, но события имели и другую сторону. На широте острова в открытом море в торжественной обстановке состоялась встреча французской галерной эскадры, на одном из судов которой находился чрезвычайный посол короля Франциска I Марийяк, с флотом Сулеймана. Контакты продолжились в январе следующего, 1538 года, когда французский галерный отряд прибыл в Константинополь и получил союзническую помощь в виде необходимого провианта и проведенного в местных арсеналах ремонта. Правда, вскоре между Франциском и Карлом V был заключен мир, и начавшееся военное сотрудничество с Сулейманом прервалось.

Король Испании, император Священной Римской империи, отдавал себе отчет в том, какую опасность таит такой противник, как Хайрадин. Он неоднократно пытался избавиться от талантливого флотоводца. За голову корсара было назначено значительное денежное вознаграждение, но Хайрадин остался недосыгаемым для кинжала наемного убийцы. Тогда Карл решил перекупить Хайрадина. В случае успеха секретных переговоров и измены корсара был бы нанесен серьезный удар по военному альянсу Стамбула и Парижа, так как обе стороны лишились бы поддержки мощного корсарского флота — главной ударной силы морских операций на Средиземном море. Точные условия, предложенные Карлом V, остались неизвестны. По некоторым сведениям, император был готов признать Хайрадина королем Алжира, Бужи, Боны, Бизерты, Туниса и Триполи в том случае, если корсарское государство будет находиться под испанским суверенитетом. Хайрадин должен был сжечь корабли, командиры которых сохраняли верность султану, и перейти с флотом на сторону Испании. Переговоры начались в 1538 году, но закончились безрезультатно. Обе стороны не доверяли друг другу. На протяжении нескольких последующих лет тайные контакты возобновлялись, хотя их секреты так и остались неразгаданными.

1543 — 1544 годы

Франко-турецкое сотрудничество быстро возобновилось. 12 июля 1542 года Франциск I объявил новую войну Карлу V. Не-

удача последнего у стен Алжира в 1541 году заставила мир задуматься о несокрушимости военно-морского могущества Империи, и успешные совместные усилия французского, турецкого и корсарского флотов могли решительно изменить баланс сил на Средиземном море. Но события развивались медленно. В Стамбул был направлен капитан барон Полен де ла Гард, однако прошло восемь месяцев, прежде чем в марте 1543 года из Золотого Рога вышел османский флот в составе ста семидесяти пяти галер под командованием Хайраддина. Мощная армада приблизилась к Сицилии, захватила Мессинскую цитадель и двинулась к устью Тибра. Римляне не успели прийти в себя от ужаса, как стало известно, что капудан-паша Хайрадин держит путь к берегам Южной Франции, к Провансу, в Марсель. По заключенному соглашению, Франциск I обещал снабжать осmano-корсарский флот и усилить его за счет французских судов. Но король не выполнил своих обещаний. Хайрадин пришел в неопишемую ярость, когда обнаружил, что никаких припасов нет, а вместо обещанных шестидесяти судов прибыло только тридцать. Кроме того, ему пришлось спасать от поражения под Нищей эскадру молодого Франсуа де Бурбона, графа Энгиенского, храброго дворянина, ничего не смыслящего в военно-морском деле. Прибытие к городу флотилии Хайраддина кардинально изменило положение, и совместно объединенный флот заставил город капитулировать (22 августа). Правда, цитадель, защищаемую мальтийским рыцарем Полем де Симоном, взять не удалось, но высокопоставленный корсар, по видимому, решил ограничиться достигнутым. Он продолжал выполнять приказ султана, а таскать каштаны из огня для Франциска I не собирался. Поэтому вскоре он дал возможность ускользнуть прямо у себя из-под носа флоту Андреа Дориа, стоявшему на якоре в Виллафранке. Французы негодовали, Хайрадин же остался глух к их протестам.

Тем временем приблизились осенние бури. Король предложил корсару зимовать в безопасной гавани Тулона. Зимовка Хайраддина в Тулоне стала центральным событием кампании. Турецкие и корсарские галеры вошли на малый рейд и расположились в ряд по десять — двенадцать судов по всей бухте. Они представляли изумительное по красоте и величию зрелище. Зеленые, черные, белые, желтые, красные флажки и флаги, расшитые серебром, разукрасили гавань. В центре флотилии на адмиральской галере главнокомандующего развевался большой бело-золотой стяг. Поражало величественное спокойствие, царящее в гавани. На судах поддерживалась железная дисциплина, эксцессов ни на борту, ни на берегу не происходило, турки вели себя вежливо и спокойно. Тишина повисла над городом, и только голос муллы, созывающего на молитву, нарушал спокойствие зимовки. Впрочем, французские власти обезопасились на крайний случай. Население города

было эвакуировано и размещено со всем домашним скарбом и имуществом по окрестностям. В Тулоне оставались только главы семейств, ремесленники и небольшой гарнизон. Власти сделали все возможное, чтобы облегчить пребывание Хайрадина, занявшего рейд, и снабжали его всем необходимым. Зимовка продолжалась шесть месяцев, с сентября 1543 до марта 1544 года.

Испанцы и итальянцы, естественно, и близко не подступали к побережью.

Однако создававшаяся ситуация не могла не тяготить Франциска I. Шок в Европе, вызванный его решением, заставил короля задуматься о психологических, дипломатических и моральных последствиях подобного шага. Кроме того, он сильно опасался своего опасного союзника и не использовал флот Хайрадина ни в каких операциях. Наконец, измучившись содержанием турецко-алжирского флота и заподозрив Хайрадина в ведении переговоров с Карлом V о сдаче Тулона, Франциск решил избавиться от обременительных гостей. Силой решить проблему было невозможно, иначе Южной Франции не удалось бы избежать мести корсаров. Пришлось королю платить за их уход — возратить Хайрадину пленных невольников-мусульман и выплатить огромную сумму как вознаграждение за «услуги». Поговаривали о 800 тыс. экю. Жители Тулона, в возмещение убытков, были освобождены на некоторое время от прямых налогов. 24 марта 1544 года флотилия Хайрадина покинула рейд Тулона и двинулась обратно, в Стамбул.

1553 — 1555 годы

Капитуляции были подписаны только на время жизни Сулеймана I и Франциска I. Однако и после их смерти преемственность в политике сохранялась. Договор неоднократно возобновлялся (1569, 1604). Сын Франциска, король Генрих II (1547 — 1559) продолжил курс отца. В феврале 1553 года он заключил с Сулейманом союзный договор о морской войне против Карла V. В соответствии с обязательствами, султан должен был предоставить Генриху II свой флот на два года. Французский король уплачивал за эту помощь 300 тыс. золотых ливров. Командование турецким флотом было поручено знаменитому корсару Драгут-раису.

Франко-турецкие морские операции были задуманы широко и поэтапно. Для проведения масштабных акций было необходимо первым делом обеспечить надежные тылы и отвлечь внимание противника. Эта задача была возложена на корсаров Алжира. Летом 1553 года Салах-раис с хорошо подготовленной флотилией направился к Балеарским островам и попытался высадиться на Мальорку, но неудачно. Тогда он предпринял крейсерство у испанского побережья, выискивая уязвимые точки в приморской обороне, и вновь осечка — противник был всюду готов к отпору. Такой провал заставил Салах-раиса вернуться в Алжир. Тем временем турецкий флот

Драгут-раиса из шестидесяти кораблей, в сопровождении французской эскадры Полен де ла Гарда, вошел в итальянские воды. Правда, с большим опозданием. Он двинулся к острову Корсика, намеренно как главный объект морских операций. Остров был владением Генуи и господствовал над торговыми путями из Италии и Испании. Захват Корсики позволил бы Франции занять выгодные рубежи в Западном Средиземноморье и контролировать итальянское побережье. Флот Драгут-раиса перевез французский экспедиционный корпус на Корсику и начал военные действия. Они разворачивались быстро, и вскоре все основные центры были захвачены (Аяччо, Бастиа, Порто-Веккио, Бонифачо). В руках Генуи осталась только крепость Кальви. Но сезон кампании был уже на исходе. К тому же Драгут-раис рассорился с французским военным руководством. В результате он отказался продолжать блокаду крепости и в декабре вернулся в Стамбул. Итоги кампании оказались ничтожными, так как островом целиком овладеть не удалось.

В 1554 году помощь Драгут-раиса была еще менее ощутимой. Сначала его флот потерял драгоценное время у берегов Кампани. Боевые операции он вел с такой медлительностью, что французские агенты начали поговаривать о том, что Драгут-раиса подкупили испанцы. Это предположение осталось тайной. Как бы то ни было, репутация корсарского адмирала пострадала, и он был снят с поста капудан-паши. В 1555 году им стал молодой и неопытный Пиали-паша, а Драгут-раис сделался его советником. Но и в этом году дела не продвинулись.

Франко-турецкое сотрудничество оказало огромное влияние на события в Северной Африке. Несмотря на то, что военные операции заканчивались безрезультатно, ситуация в Средиземноморье изменилась. Колоссальная империя Карла V не могла одинаково сильно отвечать на удары, которые наносились в разных точках ее огромной территории. Поэтому, пока она была втянута в изнурительные войны с Францией и Османской империей, средств для организации экспедиций на Африканское побережье не было, и все испанские проблемы в Магрибе отодвигались на второй план. А тем временем алжирские корсары, пользуясь занятостью короля европейскими делами, закрепляли за собой побережье. Потеря Пеньон де Велеса (1554) и Бужи (1555) — пример тому. Однако закономерность прослеживается дальше. Как только вооруженные конфликты с Францией заканчивались и Испания избавлялась от военных забот в Европе, давление на Магриб начинало возрастать.

Однако у Французского королевства к Северной Африке всегда был еще один, не афишируемый интерес — стремление укрепиться на побережье Магриба. Так, идею овладения Алжиром вынашивала супруга Генриха II Екатерина Медичи, и в поисках короны для своего сына, герцога Анжуйского (впоследствии ставшего королем

Польши, а затем и королем Франции под именем Генриха III), она присматривалась к корсарскому государству, лелея мысль сделать последнего алжирским королем. Любопытно наставление, данное потенциальному корсарскому королю и касающееся основ внутренней политики в этом сложном регионе. Его автор, Франсуа де Ноай, безусловно хорошо представляющий особенности местной жизни, писал: *«Смушенно молю вас хранить себя от коварства мавров и править так, чтобы не вызвать неудовольствия турок в том, что касается их мечетей и религии, их самих и их собственности... С ними нужно будет обходиться милостиво, а не с той наглостью, к какой привыкли французские солдаты в любой завоеванной стране»*. Это послание тем более интересно, что, спустя два с половиной века, при оккупации Алжира в 1830 году, французские власти поведут себя прямо противоположно тем инструкциям, которые дал их предшественник в XVII в., чем вызовут многолетнюю народную войну.

Морские рыцари королевы Елизаветы I

В плеяде деятелей Англии времен королевы Елизаветы эти блестящие представители эпохи занимают особое место. Мир окрестил их «морскими волками» королевы. Относились к ним с разными чувствами: испанцы называли их посланниками дьявола, а жители Британии видели в них национальных героев. Они раздвинули границы мира для Англии и, став пионерами морской экспансии, бросили перчатку вызова Испании, разгромили «Непобедимую Армаду» и устремились в Атлантику на поиски богатств, которые насыщали испанскую державу XVI в. Они обогатили государственную казну, королеву, составили образец поведения и предмет гордости для соотечественников. Рискованная жизнь, полная приключений и битв, была их уделом, погоня за испанскими сокровищами превратилась в их профессию, а рыцарское звание и почетное обращение «сэр» стали достойной наградой, пожалованной им королевой Елизаветой I.

Хоукинсы из Плимута

В XVI в. одним из главных центров экспансии Англии был порт Плимут. Его выдающаяся роль в освоении новых морей англичанами не подлежит сомнению. Многовековое господство Британской империи в мире начиналось в торговых конторах и гаванях этого города, где сходились нити, связывавшие Европу, Африку и Вост- и Ост-Индии. Именно отсюда открывались морские ворота в Атлантику, к сокровищам Новой Испании. Но если этот порт для Англии был ключом в Новый Свет, то центральное место в системе предпри-

Елизавета I

мательства и торговли Плимута принадлежало семье Хоукинсов, наиболее почтенной и уважаемой в городе. Три поколения семьи Хоукинсов были образцом смелых моряков, оборотистых бизнесменов-политиков и ловких авантюристов, не побоявшихся поставить на карту свою репутацию вкупе с богатством.

Однако среди представителей дома Хоукинсов встречаются и настоящие законопослушные буржуа, уважаемые и прагматичные торговцы, свои дела они вершили с размахом, но без того авантюрного риска, который поставил бы их в один ряд с «рышарями» морского разбоя.

Таким был глава семьи, плимутский магнат Уильям Хоукинс (1490/1500 — 1554), или, как его прозвали, Капитан Уильям, — бескомпромиссный бизнесмен, твердо защищавший свои интересы. Он начал свою деятельность, ориентируясь на рынки Западной Европы: вывозил ткани и олово и импортировал сахар и перец из Португалии, соль и вино из Франции, мыло из Испании и рыбу с Ньюфаундленда. Одним из первых в Англии Капитан Уильям уяснил выгоду торговли с Африкой и Новым Светом и организовал экспедиции в Гвинею и Бразилию. В родном городе торговец заслужил добрую репутацию и дважды избирался мэром (1532 — 1533; 1538 — 1539).

Его старший сын Уильям, или Уильям-младший (1519 — 1589), продолжал дело отца. Респектабельный бизнесмен и надежный деловой партнер, он не уронил репутацию семьи. Трижды избираемый мэром Плимута (1567 — 1568; 1578 — 1579; 1587 — 1588) и много сделавший для родного города, этот уважаемый человек не оставлял вниманием традиционное приватирство. Снаряжаемые им корабли успешно крейсировали в Ла-Манше и действовали против французов и испанцев. Да и сам Уильям не чурался участвовать в морских экспедициях и в 1568 году возглавил плавание в Бразилию. Но, конечно, его биографию не сравнить с тем калейдоскопом событий, которыми изобилует жизнь его младшего брата, сэра Джона Хоукинса. Последний, как и его сын, представляет «героическо-авантюрное направление семейных традиций», и оба они по праву вошли в историю морского разбоя.

Сэр Джон

Младший сын Капитана Уильяма, Джон, родился в 1532 году. После смерти отца он вел дела совместно со старшим братом. Правда, каждый из них сохранял самостоятельность: Уильям занимался делами в Плимуте, и на плечи Джона легли торговые сделки с Канарскими островами. Здесь молодой человек познакомился с ведением африканской торговли, приобрел полезные связи в кругах испанских торговцев и нащупал «золотое дно», сделавшее его знаменитым, — торговлю черными невольниками. Потребность Новой Ис-

Сэр Джон Холкинс

стей и купцов, заинтересованных в прибылях от контрабандной торговли. Но, кроме того, жизненный дебют рыцаря королевы Елизаветы отмечен и совершенно необъяснимыми вещами — странные отношения связывали Хоукинса с Испанией. Так, есть сведения, что в 1554 году, когда Филипп II прибыл в Англию для женитьбы на Марии Тюдор, он возвел Хоукинса в рыцарский ранг. Что послужило причиной подобной милости, какую услугу мог оказать испанской короне молодой купец и почему именно ему, едва ли не единственному из англичан, удавалось успешно торговать с Вест-Индией? На эти вопросы ответов пока что нет, но несомненно, что Джон Хоукинс был гораздо более сложной фигурой, чем может показаться на первый взгляд.

Хоукинс организовал три невольничьих рейда (1562 — 1563; 1564 — 1565; 1567 — 1568). Для подготовки атлантических работорговых вояжей был создан «синдикат» купцов и политиков, который от плавания к плаванию набирал силу, — если перед первой экспедицией пайщиками компании были главным образом дельцы из Сити, то во второй пайщиками выступили сэр Уильям Сесил — государственный секретарь и доверенное лицо королевы, и фаворит Елизаветы сэр Роберт Дадли, граф Лейстер. Среди кораблей, отправившихся в плавание, было судно, зафрахтованное королевой. Наконец, в третьем плавании Елизавета сама выступила пайщиком и предоставила два корабля. Масштабы плаваний также увеличивались — в первом был лишь один корабль, во втором — три корабля Хоукинса и один королевы, а в третьем — шесть судов.

пани в рабочей силе натолкнула предпринимателя на мысль организовать рейсы от побережья африканской Гвинеи в Вест-Индию и выполнить роль посредника в торговле между Испанией и Португалией. Работорговец понимал, что открытые вояжи к испанским колониям без лицензии Торговой палаты в Севилье, владеющей монополией на ведение дел с Новым Светом, невозможны. Но ловкий делец умел обходить законы. Многие в его биографии остаются загадочным. Тайной покрыты и первые шаги Хоукинса. Несомненно, что все его плавания были организованы при поддержке представителей колониальных испанских вла-

Хоукинс применял следующую «схему» торговли. Прибывая к Африканскому побережью, он покупал рабов у португальцев или проводил торг с местными царьками и в обмен на стеклянные бусы, дешевые ткани и всякого рода безделицы выменивал негров-рабов. На крайний случай на борту находилась вооруженная команда, с помощью которой Хоукинс захватывал людей на берегу. Набив трюм рабами, он отплывал в Испанский Мейн — к Эспаньоле, Кюросао, Ямайке или к Новой Андалузии. Здесь он вступал в переговоры с испанцами. Испанским властям запрещалось торговать с иностранцами, но товары, привозимые Хоукинсом, были намного дешевле испанских; вдобавок англичане продавали рабов, необходимых на плантациях и в рудниках. Поэтому осуществление незаконной сделки принимало характер некоего театрального действия. В некоторых случаях местного губернатора «заставляли силой» покупать рабов, иногда продажа происходила под покровом темноты, на берегу, при «полном неведении» губернатора, а на деле — с его молчаливого одобрения. Выгода была обоюдной. Хоукинс посредничал в португало-испанской торговле, что устраивало обе стороны (португальцы продавали рабов, а испанцы получали рабочую силу), а сам, с вырученным от контрабанды золотом, возвращался в Плимут. Две его первые экспедиции прошли успешно, третья же закончилась провалом после того, как английские корабли были атакованы и уничтожены испанцами в бухте Сан-Хуан-де-Улоа.

Однако, несмотря на эту неудачу, восходящая звезда Хоукинса не угасла. Наоборот, он был избран мэром Плимута (1571), вошел в доверие к королеве, был назначен казначеем флота (1577) и ответственным за его строительство. Стратег морской войны, Хоукинс подошел к разработке вопроса как настоящей торговли. Его привлекала идея морской блокады Испании: казалось, могущество этой державы рухнет, стоит отрезать ее от богатств Вест-Индии. Поэтому задача морских сил Англии — перехватывать товары, идущие в Испанию, что приведет и к дополнительным финансовым барышам. Так купец-работорговец превратился в стратега официально принятой политики морского разбоя.

Когда к берегам Англии подошла «Непобедимая Армада», Хоукинс командовал собственным новопостроенным кораблем «Виктори» («Победа») и состоял третьим по рангу командующим в английском флоте, вслед за адмиралом Чарлзом Хоуардом, лордом Эффингемом, и своим племянником сэром Френсисом Дрейком. Заслуги Джона Хоукинса были вознаграждены. 26 июля 1588 года, когда боевые действия в Ла-Манше были еще в разгаре, на борту флагманского корабля «Ак Ройял» («Королевский корабль») он был возведен адмиралом Хоуардом в рыцарское достоинство.

После разгрома Армады сэр Джон, инициатор идеи морской

блокады Испании, выдвинулся на первый план. В 1590 году он отправился с эскадрой из шести судов к побережью Пиренейского полуострова в надежде заполучить ценную добычу. Король Филипп II, узнав о подготовке эскадры, отдал приказ отменить все плавания из Вест-Индии. Хоукинсу пришлось довольствоваться отдельными призами, и ценность захваченной добычи не покрыла расходы на организацию плавания. Сэрзу Джону пришлось принести извинения королеве за неудачу. При этом он заявил, что на сей раз Бог не даровал ему успеха. «Этот дурак уезжал солдатом, — бросила раздосадованная Елизавета, — а вернулся ханжой, попом». Влияние Хоукинса пошатнулось...

Через несколько лет, в августе 1595 года, сэр Джон совместно с Дрейком отправился в плавание в Вест-Индию. Для пожилого человека с ослабленным здоровьем климат Карибского моря оказался губительным. Хоукинс заразился малярией и лихорадкой. В ноябре 1595 года в море близ Пуэрто-Рико он скончался на борту своего судна и был похоронен в соответствии с морскими традициями.

Сэр Ричард

Самой героической фигурой среди Хоукинсов был, несомненно, сын сэра Джона от первого брака Ричард, родившийся в 1560 году. О ранних годах его жизни известно немного. По-видимому, они прошли в будничной суматохе порта, приобщении к делам отца и к жизни на корабле. В первое плавание он ушел в 1582 году, когда со своим дядей Уильямом Хоукинсом отправился в Вест-Индию. Через несколько лет, в 1585 — 1586 годах, он уже командовал галиотом «Дюк» («Герцог») в экспедиции Ф. Дрейка в Вест-Индию. С ним же он крейсировал у берегов Испании в 1587 году, но нет сведений о том, какие функции он выполнял. В 1588 году в сражении в Ла-Манше он командовал судном «Свэлоу» («Ласточка»), а два его торговых корабля использовались как брандеры при атаке испанцев в Кале. В 1590 году Ричард вместе с отцом охотился за золотыми галионами у побережья Испании, однако масштаб подобных рейдов не устраивал молодого человека. Уже со времени разгрома Армады у него созрел поистине фантастический план. Его реализация затмила бы легендарное плавание Дрейка вокруг света, заложив основы английской империи на Востоке. Ричард намеревался построить судно и отправиться к берегам Южной Америки. Пройдя Магеллановым проливом и войдя в Тихий океан, он предполагал двинуться вдоль побережья Чили и Перу и за счет грабежа испанцев возместить расходы на снаряжение корабля и получить дополнительный доход. В дальнейшем Ричард надеялся добраться до Калифорнии, отремонтировать судно, пересечь Тихий океан и достигнуть стран Восточной Азии.

В соответствии с его замыслом, предполагалось наладить здесь английскую торговлю и начать колонизацию новых территорий.

Построенный корабль первоначально назвали «Рипентэнс» («Покаяние»), но королева настояла, чтобы судно переименовали в «Дэйнти» («Лакомство»). В июне 1593 года корабль вышел из Плимута. Начало плавания складывалось удачно. Пройдя Атлантическим океаном, «Дэйнти» подошло к Фолклендским островам, а затем углубилось в Магелланов пролив. Выбравшись в Тихий океан, Ричард, как и было задумано, направился на север, атаковав испанцев у Вальпараисо. Однако выяснилось, что те не дремлют. Новости о появлении англичан уже достигли вице-короля Перу маркиза де Канете, и на корабль Хоукинса была устроена облава. Шесть кораблей и две тысячи человек вышли под командованием дона Бельтрано де Кастро на поиски «Дэйнти» и семидесяти пяти человек его экипажа. Хоукинс попал в кольцо. От первого столкновения он сумел отбиться, но испанские корабли новой конструкции, маневренные и хорошо вооруженные, вновь настигли его в одном из заливов побережья. Они прижали «Дэйнти» к берегу и принялись методично расстреливать корабль. Англичане сражались до последнего — девятнадцать человек было убито, сорок ранено, иссякли боеприпасы, — и Хоукинс был вынужден капитулировать (22.06.1594). Это было первое судно, взятое испанцами в южных морях и выставленное как трофей в Панаме. По условиям сдачи, принятым Хоукинсом, испанцы обязались отправить захваченных англичан домой — они попали в Англию через три года.

Судьба самого Хоукинса сложилась иначе. Три года он провел в плену в Перу, затем был переправлен в Испанию. Ричард пытался бежать, был пойман и брошен в Мадридскую тюрьму. Испанцы предложили выплатить за него выкуп и назначили огромную сумму в 3 тыс. фунтов стерлингов. Несомненно, семья Хоукинсов располагала требуемой суммой, но сэр Джон к этому времени умер, и делами распорядилась его вторая жена, мачеха Ричарда. Она не спешила расставаться с деньгами, и только в 1602 году выкуп был выплачен и Ричарда освободили.

В следующем, 1603 году при вступлении на престол Якова I Хоукинс-младший был возведен в рыцарское достоинство. Сэр Ричард становится вице-адмиралом Девоншира, мэром Плимута (1603 — 1604) и членом парламента от Плимута. Впрочем, новоиспеченного вице-адмирала вскоре арестовали по подозрению в содействии пиратам, но дело замяли. В 1620 — 1621 годах он участвовал в экспедиции против корсаров Магриба, в результате которой удалось освободить из неволи захваченных мусульманами англичан. Через несколько месяцев после возвращения из похода сэр Ричард скончался.

Сэр Френсис Дрейк

Дебют Дракона

История рассказывает, что придворные испанского короля Филиппа II лишь дважды видели своего мрачного повелителя довольным. Монарх удовлетворенно улыбнулся, когда в 1572 году получил известие о страшной резне гугенотов, устроенной в Париже французскими католиками в день Св. Варфоломея. Второй раз лицо Филиппа II озарилось радостью в 1596 году. В дворцовые покои Эскориала пришло сообщение из Вест-Индии, и мучительно страдавший от болезни король мгновенно почувствовал себя лучше — умер Франсиско Дракес (Дракон). Вместе с королем ликовала вся Испания, и города осветились праздничной иллюминацией. Почему же смерть одного человека преисполнила восторгом целую нацию?

«В 77 году, как в Испании, так и повсюду в Европе, в средней части неба появилась яркая комета, хвост которой был обращен к Магелланову проливу. Что это означало? Только то, что кара, наложенная Всевышним за грехи наши, должна обрушиться через Магелланов пролив. И предвешенное сбылось. Спустя два года, может быть, чуть более, может быть, чуть менее, в гавань Города Волхвов (Лима. — Д. К.) ночью вошел вражеский английский корабль, ведомый капитаном по имени Франсиско Дракес, куда он был послан королевой Елизаветой Английской, лютеранкой и наихудшей и самой жестокой с....., которая когда-либо существовала на свете», — так вешал монах Рехинальдо де Ласаррага. Он провозгласил, что 1579 год — год Кары. Господь Бог избрал страшного англичанина Дракеса и вложил в его руки меч, чтобы наказать гордую Испанию. С этого времени имя Дракес стало для испанцев олицетворением самого темного зла, а человек, носивший его, был не кем иным, как чудовишным драконом. Теперь Дракон умер — умер страшный Френсис Дрейк, так как именно этого человека называли испанцы Дракес, переделав имя на свой манер.

Когда в семье простого фермера Эдмунда Дрейка родился первенец, названный Френсисом, никто не мог и предположить, какая удивительная судьба его ожидает. Произошло это между 1540 и 1545 годами в Кроундейле, около Тэвистока, в Девоншире. В 1549 году семья Эдмунда, фанатичного протестанта, переехала в Плимут, а затем поселилась неподалеку от Чэтема. Детство Френсиса прошло среди кораблей, моряков и протестантов, и мальчик, воспитанный в любви к морю, неприязненно относился к католикам. После нескольких лет плаваний юнгой на торговых кораблях, Дрейк совершил первое плавание в Вест-Индию (1566). На следующий год он в качестве командира судна

Филипп II

«Юдифь» участвовал в третьем плавании своего дяди Джона Хоукинса в Испанский Мейн. Ему посчастливилось выйти невредимым из страшной бойни в бухте Сан-Хуан-де-Улоа, причем многие современники считали, что поведение Дрейка, бросившего Хоукинса, заслуживает расследования и наказания¹. Так или иначе, но эта страница биографии Дрейка всегда бросала тень на его репутацию...

Следующие годы Дрейк посвятил изучению Вест-Индии. В плавании, закончившемся погромом в бухте Сан-Хуан-де-Улоа, он лишь прикоснулся к «сокровищнице мира» — Ис-

Сэр Френсис Дрейк

панской Америке — и ощутил величие богатства: блеск золота ослепил его. В этом регионе таились невиданные сокровища, и юноша с методичностью делового человека начал готовиться к их завоеванию.

В 1569 — 1570 и 1570 — 1571 годах Дрейк дважды отправлялся в Карибское море. Эти разведывательные экспедиции позволили ему поближе познакомиться с испанскими золотыми трассами, уточнить сухопутные и морские маршруты, по которым перевозились богатства, узнать время и порядок их транспортировки. Одновременно он подыскал бухты и островки, которые могли стать базами для будущих действий. Борьба Дрейка за «сокровища мира» началась...

Золотые плавания

Вот как действовал Дрейк. Появившись в Карибском море, он вступил в контакт со своими союзниками маронами — беглыми черными рабами с плантаций и рудников. Они обосновались в гористых неприступных районах в окрестностях Панамы и у Портобело, на трассах, по которым двигались караваны мулов, нагруженных золотом, серебром и драгоценностями. Дрейк и его темнокожие союзники подстерегали испанцев и нападали на караваны. При дележе добычи у англичан оставались золото и драгоценности, а у негров — товары, продовольствие и рабы. Английское

¹ «Юдифь» стояла последней в ряду английских кораблей, и испанцы не успели атаковать ее.

правительство формально всегда оставалось в стороне от деятельности Дрейка и открешивалось от подозрений в контактах с пиратом. Оно выдавало его грабежи за инициативу отдельного лица, не связанного с правительственными кругами. Фактически же властные структуры поддерживали предприимчивого моряка.

Первая попытка Дрейка снять урожай с испанских сокровищ состоялась в 1572 — 1573 годах. Вначале Дрейк неудачно атаковал Номбре-де-Диос — главный перевалочный пункт на маршруте транспортировки серебра и драгоценностей из Перу; затем его ждала сказочная удача — напав в джунглях на караван мулов,двигающийся к Номбре-де-Диосу, он захватил столько добычи, что англичане не смогли унести ее и закопали часть сокровищ до лучших времен. В августе 1573 года Дрейк возвратился в Англию богатым человеком, но предпочел не афишировать свой успех. Он тихо отошел от дел, и в течение двух лет о нем ничего не было слышно. Основания для исчезновения у Дрейка были веские — возвращение на родину совпало с периодом, когда Елизавета I пыталась наладить добрые отношения с Испанией. Это шло вразрез с планами инициатора разбойного рейда по владениям короля в Вест-Индии, так как его могли выдать испанским властям как пирата и грабителя, а попасть на виселицу в Севилье Дрейку не хотелось. Поэтому он исчез.

В 1575 году Дрейк объявился в Ирландии, где служил в армии под командованием графа Эссекса. Тем временем англо-испанские отношения ухудшились. Дрейк прибыл в Лондон и встречался с политиками, выступающими за эскалацию военного конфликта с Испанией. В провоенных кругах он нашел понимание, приобрел влиятельных покровителей и получил финансовую поддержку — был организован синдикат при участии государственного секретаря Френсиса Уолсингема, фаворитов королевы графа Лейстера, сэра Кристофера Хэттона и торговца Джона Хоукинса.

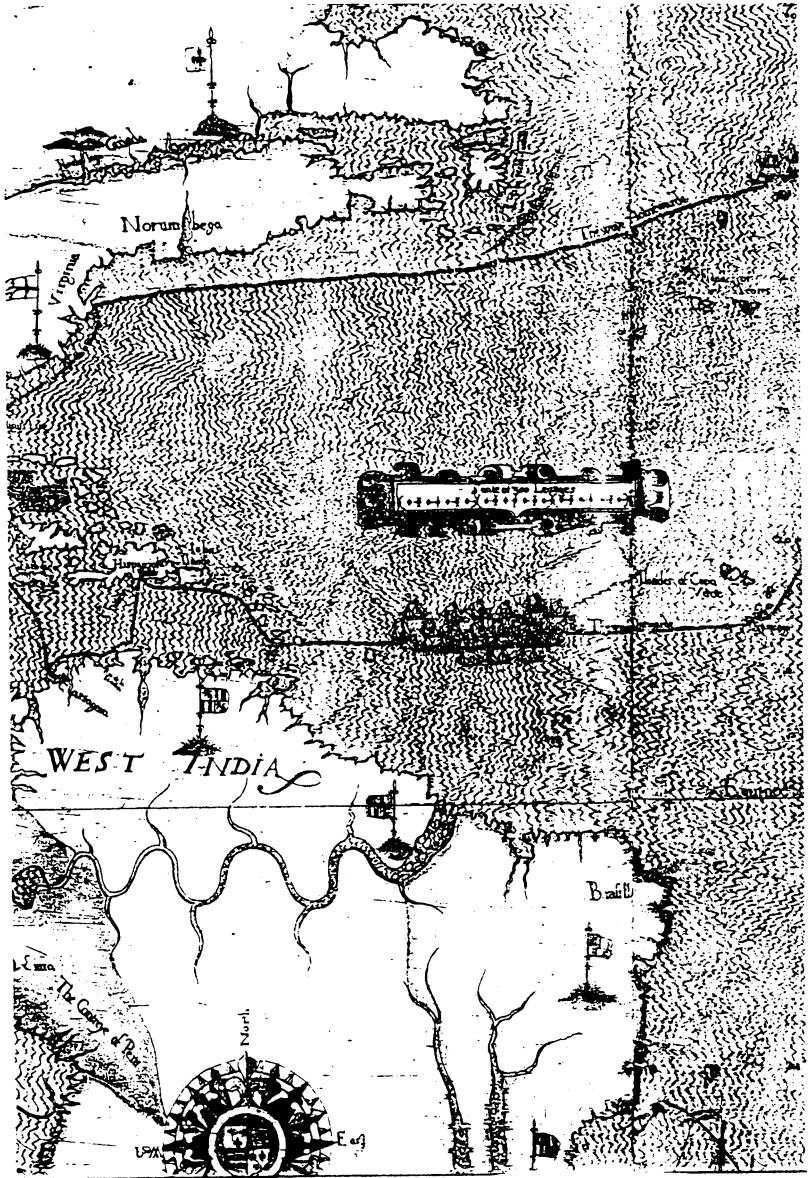
В ноябре 1577 года пять кораблей Дрейка вышли в море. Нанятую команду заверили, что эскадра идет в Египет, и никто из моряков не подозревал, что цель плавания была другая. В августе 1578 года корабли подошли к Магелланову проливу. Здесь флагманское судно «Пеликан» было переименовано в «Голден Хинд» («Золотая лань»), в честь сэра Кристофера Хэттона, герб которого украшала лань. Эскадра Дрейка вошла в пролив, и через двадцать дней он, первым из англичан, вошел в Тихий океан. Пережив страшный шторм и растеряв все корабли отряда, Дрейк тем не менее открыл охоту за золотом. Испанцам в голову не могла прийти мысль, что чужие корабли смогут пробраться в Тихий океан, который они считали своей собственностью. Дрейк прекрасно использовал эффект внезапности. Он прошел с грабежами вдоль западного побережья Южной Америки — результаты были ошеломляющими. В декабре он вошел в гавань Вальпараисо, разграбил город

и захватил испанское судно «Капитан Мориаль» с грузом чилийского вина и золотого песка на сумму около 2,5 тыс. песо. в феврале пришел в Кальяо, где произвел диверсию и захватил судно «Св. Христофор» с грузом шелка. Оторвавшись от испанской погони, Дрейк двинулся дальше на север и в водах Панама овладел богатейшим судном «Какафуэго». Понимая, что вернуться в Атлантику тем же путем, через Магелланов пролив, не удастся — испанцы стерегли его у прохода, — Дрейк направился на поиски северного пролива, который, как считали в ту эпоху, соединяет Тихий и Атлантический океаны. По пути, у Мексиканского побережья, он перехватил еще несколько испанских судов с пряностями, китайским шелком и фарфором. Затем он добрался до берегов Калифорнии, названной им Новым Альбионом. Дрейк объявил эти земли владением королевы Елизаветы. В июне 1579 года он направился в Тихий океан и, преодолев его, первым из англичан вошел в Индийский океан. В июне 1580 года он обогнул мыс Доброй Надежды и 26 сентября вошел в Плимутскую гавань, совершив второе в истории мореплавания кругосветное путешествие.

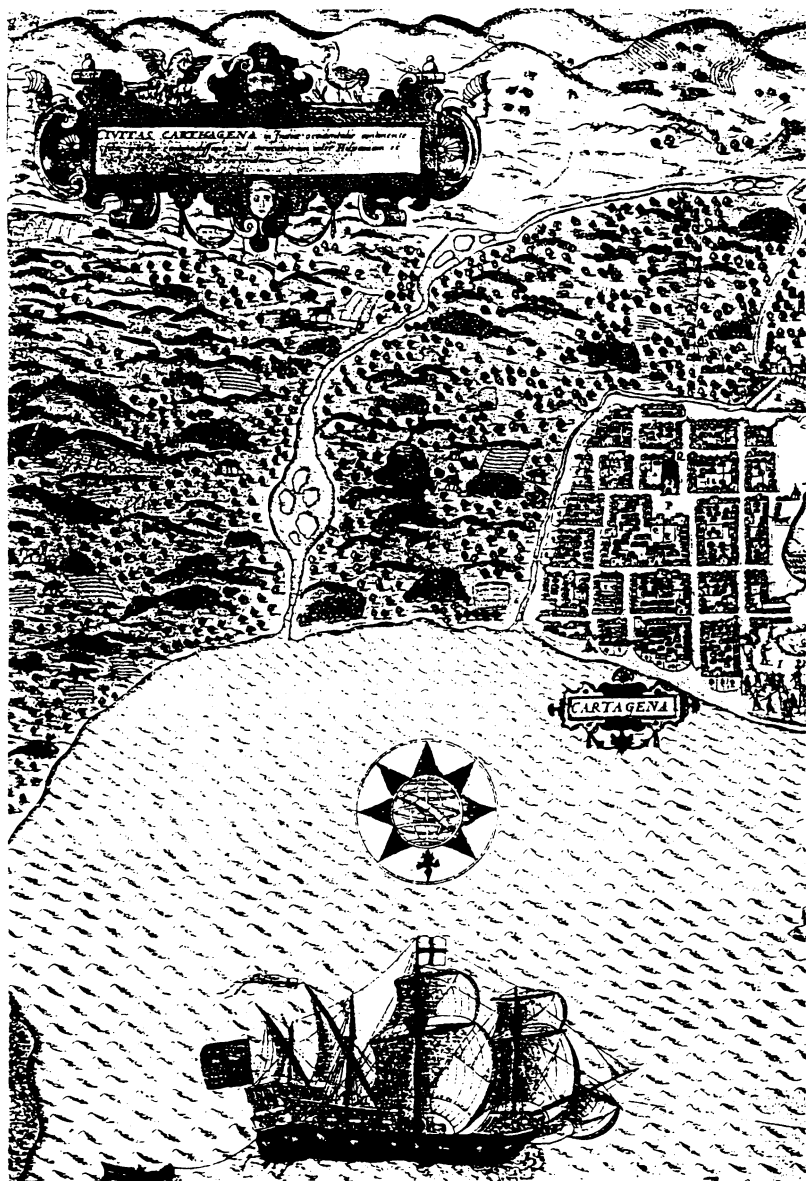
Фантастические богатства, привезенные Дрейком, вызвали шок в Англии. Общая стоимость добычи неизвестна: испанские и английские данные расходятся. Современники сообщали о 400 тыс. весовых фунтов серебра, пяти ящиках золота, каждый из которых был в полтора фута длиной, и огромном количестве жемчуга и драгоценностей, которые вообще никто не считал. Приведем все же примерные цифры: доход пайшиков синдиката составлял 47 фунтов стерлингов с каждого фунта, вложенного в предприятие. Стоимость золота и серебра, сданного в казну, находилась в пределах 500 тыс. фунтов стерлингов, в то время как на подготовку экспедиции затратили всего около 5 тыс.

Дрейк приобрел неслыханное влияние при дворе. «Королевскому пирату» было позволено преподнести подарки своей повелительнице. Испанский посол в Лондоне, дон Бернардино де Мендоса, доносил Филиппу II, что Дрейк подарил Елизавете великолепную корону, оцененную в 20 тыс. эскудо. «...Королева появилась в этой короне в день Нового (1581) года... В этой короне пять изумрудов, и три из них, размером с мизинец, имеют овальную форму и совершенно прозрачны, а два прочих, поменьше, круглые». Спустя некоторое время Дрейк преподнес Елизавете алмазный крест, оцененный в 5 тыс. эскудо. Ловкий царедворец, пират не оставил своим вниманием и влиятельных вельмож — фавориты королевы, канцлер, советники, секретари не были забыты и получили ценные подарки.

4 апреля 1581 года заслуги Дрейка были вознаграждены. Королева прибыла на борт «Голден Хонд», стоявшей в Дептфорде, и возвела героя в рыцарское достоинство. На пирата сыпались милости, словно из рога изобилия, — королева подарила ему свой портрет-

Плавание Дрейка в Вест-Индию (1585 — 1586 г.)
Фрагмент карты Боацио (1588 г.)

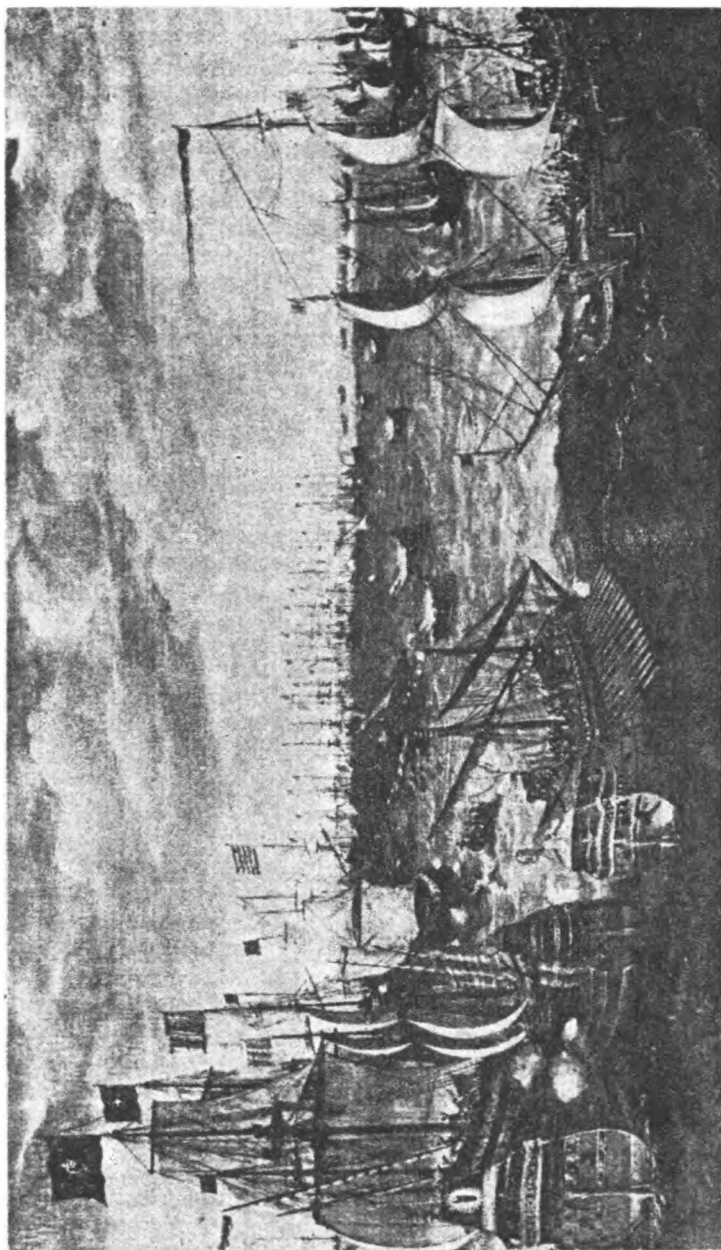
Захват Дрейком Картахены
Карта Боацио (1588 г.)

миниатюру, украшенный драгоценными камнями, одарила шарфом из зеленого шелка с надписью «Пусть милосердие ведет и защищает тебя до конца» и вручила патент на землевладение в Девоншире. Дрейк купил у сэра Ричарда Гренвилла поместье в Букленде, неподалеку от места, где он родился, и повел размеренную жизнь добропорядочного сельского сквайра. Он стал мэром Плимута (1581), был назначен инспектором королевской комиссии по проверке состояния военного флота и избран членом парламента.

Размеренная жизнь продолжалась недолго. В 1585 — 1586 годах Дрейк возглавил новое плавание в Испанский Мейн. Два корабля королевы и двадцать семь других судов вышли из Плимута с целью разграбить испанские владения, перехватить «Золотой флот» и, оставив в Вест-Индии английские гарнизоны, создать постоянную угрозу сокровищам Новой Испании. Прибыв в Карибское море, Дрейк захватил Санто-Доминго и Картахену, получил с городов солидный выкуп и после атаки Гаваны двинулся в Англию, огибая полуостров Флорида. Здесь он наткнулся на испанскую базу Сан-Августин и разрушил ее. Возможно, захват этого маленького городка представлял наиболее важный эпизод плавания, так как в форту было захвачено 240 пушек. Дело в том, что в самой Испании пушки не изготавливались, их покупали в Италии или доставляли контрабандой из Англии, — поэтому накануне англо-испанской войны потеря такого количества орудий нанесла серьезный урон флоту Филиппа II. Когда эскадра возвратилась в Плимут, выяснилось, что плавание не окупило расходов, но влияние сэра Френсиса сохранилось.

В 1587 году над Англией нависла тень испанского вторжения. Война еще не началась, но в портах Испании уже кипела работа по строительству и подготовке судов, предназначенных для морской экспедиции, — создавалась «Непобедимая Армада». Английские правящие круги отчетливо сознавали необходимость всеми средствами оттянуть выход испанского флота. Перед первым моряком Англии, сэром Френсисом Дрейком была поставлена задача — произвести диверсию в пиренейских портах и предотвратить вторжение в Англию в текущем году. Сэр Френсис справился с возложенной на него миссией блестяще, проведя, возможно, самую смелую и до дерзости безрассудную операцию. В апреле Дрейк во главе эскадры ворвался в гавань Кадиса, где сосредоточивались военноморские силы Испании, затопил и сжег несколько десятков испанских кораблей, захватив флагманский галеон испанского командующего¹. После этого успеха он направился к мысу Сан-Висенти, сжег около 60 парусников-тунцеловов и 40 каботажных судов, нагруженных бочарными досками, клепками для бочек и продовольствием.

¹ Современники шутили, отмечая, что Дрейк «подпалил бороду Его католического величества».

Эпизод сражения с «Непобедимой Армадой»: атака брандерами испанского флота в гавани Кале в ночь с 28 на 29 июля

Несмотря на кажущуюся незначительность событий, происшедших у мыса Сан-Висенти, по сравнению с великой операцией, предпринятой в Кадисской бухте, захваты материального снаряжения, жизненно необходимого Армаде, вызвали у испанцев проблемы с хранением воды, провизии и вина, привели к дизентерии на флоте и трудностям с ремонтом. Но Дрейк не остановился на достигнутом — он двинулся к Азорским островам, настиг португальскую грузовую карраку «Св. Филипп», возвращающуюся из Гоа, и захватил ее. Стоимость судна, под подсчетом испанцев, составила 115 тыс. фунтов стерлингов. 17 тыс. достались самому сэру Френсису, 40 тыс. пришлось на долю королевы.

Наступил 1588 год — год «Непобедимой Армады», год последней победы «королевского пирата». Лучший моряк Англии, он был назначен заместителем командующего английским флотом адмирала Чарлза Хоурда, лорда Эффингема.

Английские эскадры, сгруппировавшиеся на рейде Плимута, ожидали появления испанцев. 19 июля пират Флеминг обнаружил огромный флот у мыса Лизард и принес известие об этом на флагманский корабль. При его появлении лорд-адмирал Хоурд, Дрейк и офицеры играли на палубе в шары. «У нас хватит времени, чтобы закончить игру, — заявил сэр Френсис, — а уж потом разобьем испанцев». Страшное сражение в Ла-Манше началось. Оно продолжалось десять дней и закончилось разгромом Армады. Интересно, что даже в разгар битвы Дрейк не забывал о богатой добыче: когда у Плимута разгорелся первый бой с испанским авангардом, испанский галион «Розарио» вышел из боя из-за серьезных повреждений. Дрейк на своем корабле, нарушая диспозицию, погнался за ним в погоню и захватил судно. На корабле оказались крупные ценности, в том числе шпаги, украшенные бриллиантами, — они предназначались английским католикам, поддерживавшим испанцев.

После разгрома Армады против Дрейка велось следствие, но он был оправдан. В 1589 году сэр Френсис командовал английской военной операцией против Лиссабона, но потерпел сокрушительную неудачу. По возвращении в Англию он впал в немилость и отошел от активной деятельности.

Однако Дракон еще заставил говорить о себе. Прошло пять лет, и в 1595 году совместно с Хоукинсом он возглавил сильную эскадру, направленную для захвата Панама и нападения на «Золотой флот». Из этого последнего плавания Дрейк уже не вернулся. Неудачи и разочарования преследовали его на протяжении всего плавания. Его ждали разногласия со вторым командующим — Хоукинсом, провал при попытке захвата острова Лас-Пальмас (Канарские острова), смерть Хоукинса у Пуэрто-Рико, поражение при атаке города Сан-Хуан (о-в Пуэрто-Рико) и, наконец, разочарование, постигшее его у Номбре-де-Диоса, — город давно пере-

стал быть тем золотым перевалочным пунктом, который пират застал много лет назад; добычи там практически не оказалось. Эскадра Дрейка болталась у берегов Панамы: все было впустую, на кораблях началась лихорадка, разразилась эпидемия дизентерии. Командующий заразился и на рассвете 28 января 1596 года скончался на борту своего судна. Свинцовый гроб с телом умершего «королевского пирата» был спущен в море недалеко от Пуэрто-Белло — этим водам Дракон, сэр Френсис Дрейк, был обязан своей всемирной странной славой. Испания могла ликовать...

Сэр Уолтер

Октябрьским днем 1678 года во дворе Старого Вестминстерского дворца в Лондоне был приведен в исполнение смертный приговор. В то утро площадь была заполнена народом. Ничего удивительного в этом не было — масштаб личности приговоренного и высокий пьедестал, с которого он теперь был низвергнут, возбуждали праздное любопытство толпы. Сам осужденный не преуменьшал значения события и знал, что казнь вызовет огромный интерес. Приглашая одного из своих друзей на процедуру собственной казни, он предупредил его о необходимости заранее подыскать удобное местечко. «Что касается меня, — писал приговоренный, — то я себе место уже обеспечил». Он встретил смерть с непреклонной решимостью и твердостью духа. Поднявшись на эшафот, осужденный ошупал лезвие топора и, убедившись, что оно хорошо заточено, с горькой улыбкой произнес: «Это острое лекарство наверняка излечит от всех болезней». Затем, отказавшись надеть на глаза повязку, он хлопнул по плечу палача и с усмешкой обронил: «Неужели ты думаешь, что боится тени топора тот, кого не страшит сам топор? Парень, когда я вытяну руки вперед, руби», — добавил он. Опустившись на колени, приговоренный положил голову на плаху и вытянул руки. Но палач словно оцепенел. «Чего ты ждешь, руби!» — прорезал воздух резкий крик приговоренного. Топор опустился под вздох ошеломленной толпы. Окровавленную седую голову насадили на шест, но палач молчал и не мог выкрикнуть положенной по процедуре фразы: «Смотрите на голову предателя!». И в этот момент в толпе кто-то воскликнул: «Другой такой головы у нас больше не найдется». Эти слова прозвучали как горькая эпитафия — эпитафия сэру Уолтеру Рэли¹, одной из самых ярких фигур елизаветинской эпохи.

Сэр Уолтер Рэли оставил в истории немалый след как государственный деятель, поэт, ученый, географ, философ, историк, при-

¹ Существует множество вариантов написания его фамилии. По-английски она ранее писалась — Raleigh, в современной транскрипции Raleigh, но произносилась и пишется по-русски и Рэли, и Рели, и Райлей, и Роли, и Ралей, и т. д.

Сэр Уолтер Рэли

дворный, солдат, писатель, моряк. Многогранность талантов, кипучая энергия, широкий размах задуманных проектов выдвинули его на первый план мировой истории конца XVI в. Даровитый, ловкий политик-царедворец, он был олицетворением курса на военное столкновение с католической Испанией, организатором морской войны, объявленной англичанами испанской торговле. Рэли вовсе не претендовал на то, чтобы лично командовать кораблями и в поисках испанских призов блуждать по морям. Он руководил действиями из Лондона. Пиратские флотилии, снаряжаемые Рэли, подкарауливали суда «Золотого» и «Серебряного» флотов, нападали на испанские владения в Америке и приносили огромные убытки испанской казне.

Биография Рэли ошеломляет. Выходец из семьи бедного английского сквайра из Девоншира, он родился предположительно в 1552 году. Ни состояния, ни титулов Рэли не имел, был пятым ребенком в семье и рассчитывать мог только на себя. Солдат, он начал свой военный путь как участник гугенотских войн во Франции, сражался при Жарнаке и Монконтуре (1569) и был свидетелем ужасов Варфоломеевской ночи (1572). В 1577 году его забросило в Нидерланды, где вместе с гёзами он бился против испанцев. Затем он вернулся в Англию. Его образ жизни необычен и далек от однообразия. Как человек, тянувшийся к науке, Рэли обучается в университете, постигает древние языки, юриспруденцию, занимается историей, философией, богословием, математикой. Но неотступно присутствует и другая сторона его жизни — жизнь веселого легкомысленного кутилы, завсегда трактиров, неизменно заводилы в веселых кутежах и попойках, баловня судьбы, пользующегося славой заядлого бретера, одного из самых опасных дуэлянтов Англии. Последнее, правда, не мешает ему разрабатывать проекты открытия Нового Света. В 1578 году Рэли отправился в плавание к Азорским остро-

вам и в Вест-Индию. Эту экспедицию организовал его сводный брат, полковник Хэмфри Джилберт, с намерением основать на побережье Северной Америки английские колонии, сокрушить испанское могущество в Карибском море и отобрать у испанцев золотые и серебряные прииски. Дело кончилось плачевно — в первом же морском бою с испанцами англичане были разбиты и вернулись на родину¹. Но счастливая звезда уже светила Рэли. В 1580 году он попал в Ирландию и участвовал в подавлении восстания графа Десмонда, поддерживаемого Испанией. Здесь он познакомился с фаворитом королевы, графом Лейстером, и, оказавшись через год в Лондоне, попал в ближайшее окружение Елизаветы и вскоре стал ее фаворитом. Словно по мановению волшебной палочки делает он головокружительную карьеру. В 1584 году он возведен в рыцарское достоинство, в 1585-м получил пост правителя оловянных рудников, лорд-наместника Девоншира и Корнуолла, чин вице-адмирала; Рэли становится богатым и влиятельным вельможей. В период 1583 — 1589 годов он снаряжает за свой счет шесть экспедиций в Новый Свет, пытается организовать английские поселения на берегах Виргинии, участвует в синдикате, основанном для поисков Северо-западного прохода в Тихом океане, однако все начинания оканчиваются неудачами. Впрочем, благодаря экспедициям, организованным Рэли, в Англию привезли картофель и табак, и не подлежит сомнению, что в распространении этих продуктов велика заслуга сэра Уолтера. Правда, в диковинных американских растениях зачастую ценили тогда совсем не то, что ценим сегодня мы; к примеру, картофель привлекал горожан не клубнями, а своими цветами, и его выращивали в оранжереях, подобно розам.

Сэр Хэмфри Джилберт

В год «Непобедимой Армады» Рэли управляет обороной побережья Западной Англии, в начале 90-х годов он выступает ини-

¹Через несколько лет, в 1583 г., Джилберт организовал экспедицию к Ньюфаундленду и на обратном пути утонул вместе со своим фрегатом «Сквирл».

циатором новой стратегии борьбы против испанского могущества, организуя блокаду Пиренейского полуострова с целью перехвата «Золотого» и «Серебряного» флотов. Однако весной 1592 года, когда во главе флотилии Рэли готовился выйти в море, его арестовали и посадили в Тауэр — таков был приказ королевы, разгневанной тайной женитьбой сэра Уолтера на одной из ее фрейлин. Впрочем, влияние экс-фаворита было еще достаточно велико, и вскоре он вышел на свободу. В 1593 году Рэли предложил направить экспедицию в Южную Америку, к устью реки Ориноко, на поиски сказочной страны золота — Эльдorado. Организовав к берегам Венесуэлы разведывательную экспедицию (1594), Рэли сам отправляется туда в 1595 году, громит испанскую крепость Сан-Хосе-де-Оруна на острове Тринидад и делает попытку пройти по Ориноко. В многочисленных речных протоках и сырых джунглях экспедиция понапрасну растратила силы и вернулась на Тринидад. На обратном пути в Англию Рэли разграбил Сантьяго и Каракас, но привезенная оттуда добыча не могла заменить богатств «золотой страны». Однако влияние сэра Уолтера не уменьшилось. Блеск его красноречия, бесконечные рассказы о фантастических, легко достижимых богатствах и приключениях в тропических лесах Венесуэлы делали его положение все прочнее; он буквально завораживал современников магией своей личности. Королева вновь благосклонна к нему. В 1596 году с военной экспедицией под командованием графа Эссекса Рэли отправляется к берегам Испании и блестяще действует при атаке Кадиса, что еще больше упрочило его позиции при дворе...

В 1603 году, после смерти Елизаветы I, на престол Англии взошел король Шотландии Яков I. Уже через полмесяца Рэли был обвинен в государственной измене: его подозревают в заговоре, цель которого — захватить короля. И вновь Рэли попадает в Тауэр; «исчадие преисподней» — так теперь называли некогда всесильного фаворита. Он приговорен к смертной казни, но казнь не состоялась. Долгих тринадцать лет проведет сэр Уолтер в тюремной камере под Дамокловым мечом неотмененного смертного приговора, его дух не сломлен, он работает с небывалым воодушевлением. Правда, теперь его энергия, стиснутая стенами тюремной камеры, находит иное проявление. Он организывает химическую лабораторию, занимается опреснением морской воды, создает сильнодействующий сердечный препарат, пишет трактат о кораблестроении и морской тактике, работы по политическим и военным вопросам. Вершиной его писательской деятельности станет первый том «Всемирной истории». Наконец в марте 1616 года Рэли освобожден. Еще через год, в июне 1617 года, он отправлен с эскадрой в Эльдorado на поиски золота. Это плавание окончилось полным крахом и

**Захват Рэли Сан-Хосе-де-Оруны и пленение губернатора
Антонио де Беррео. Гравюра конца XVI века**

**Туземцы Гвианы приносят дары Рэли
Гравюра конца XVI века**

стало последним трагическим ударом, сокрушившим Рэли. На этот раз он потерял все. Золотые миражи рассеялись. Никогда не осуществляются планы отыскать Эльдorado: из-за раздоров со своими капитанами Рэли не сможет отправиться в глубь Венесуэлы и будет вынужден остаться в устье реки, чтобы прикрыть ушедшие по Ориноко суда в случае появления испанцев. Корабли вернутся без золота, принеся страшное известие: в безрассудной атаке погиб двадцатилетний сын Рэли. Так и не появится «Золотой» флот, на охоту за которым Рэли пустится на обратном пути. Верные соратники отвернутся от своего командующего, дезертируют из эскадры и отправятся пиратствовать в открытое море. Команда флагманского судна поднимет мятеж. Тот еще полный сил человек, каким был Рэли в начале плавания, превратится в истерзанного жизнью старика, с бессвязной речью, апатичного и безвольного. Крах потерпели и политические амбиции, которые Рэли связывал с этой экспедицией. Несмотря на запрещение короля вступать в схватку с испанцами, люди Рэли атаковали испанский гарнизон форта Сан Томе в Венесуэле. Рэли рассчитывал при поддержке местных индейцев поднять антииспанский мятеж и превратить эти территории в английское владение. По его замыслу, это могло заставить короля Якова I объявить войну Испании. Но капитаны отказались подчиниться своему командующему, и план провалился. К тому же внешнеполитический курс лондонских политиков тяготел к союзу с Мадридом: как раз в то время, когда осуществлялось плавание Рэли, король Яков I вел переговоры о браке своего сына Карла, принца Уэльского, с испанской инфантой. Возвращаясь на родину, командующий знал о том, что его ждет. По прибытии истрепанных бурями кораблей Рэли в Плимут, сэр Уолтер по требованию испанского посла был арестован. Командующему предъявили обвинение в пиратстве. На судебном процессе всплыл не отмененный смертный приговор 1603 года, который теперь, через пятнадцать лет, вступил в силу. Все было кончено. Через несколько дней после суда сэра Уолтера Рэли казнили. Бледный, истерзанный тяжелой болезнью, он нашел в себе силы твердо взойти на эшафот: его дух остался несломленным.

Сэр Мартин Фробишер

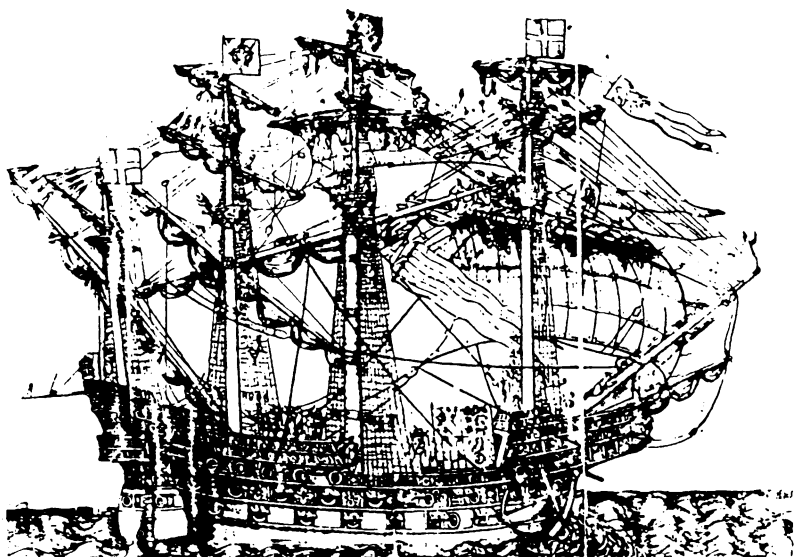
26 июля 1588 года, на борту флагманского судна английского флота «Ак Ройял» адмирал Хоуард посвящал в рыцари моряков, отличившихся в сражении с «Непобедимой Армадой». На палубе, среди удостоенных высокой чести, стоял командир корабля «Триумф», самого крупного корабля королевских морских сил. Этот человек, блестящий представитель когорты «морских волков» Елизаветы, оказался, пожалуй, самой героической фигурой в сраже-

нии. После разделения флота на четыре эскадры, ему было поручено командование одной из них. И вот теперь прежние и нынешние подвиги были оценены по заслугам. Отныне этот человек стал именоваться сэром Мартин Фробишер.

Фробишер — человек грубоватого, неистового нрава, сокрушавший все препятствия на своем пути, был невероятно силен и храбр, как лев. Несмотря на ужасный характер, он снискал огромную популярность среди англичан и добился уважения самой Елизаветы.

Он родился в 1539 году в Йоркшире в уэльской семье, переселившейся в Англию еще в середине XIV в. Его отец, Бернард Фробишер, был одним из наиболее почтенных в округе людей. Мать происходила из семьи сэра Джона Йорка, известного лондонского купца. В 1542 году отец умер, и мальчика отправили в Лондон к деду. Внук пришелся сэру Джону по вкусу, в одном из писем он с удовлетворением замечал, что маленький Мартин обладает *«сильным характером, отчаянно дерзкой храбростью и от природы очень крепок телом»*. Сэр Джон решил сделать из Мартина моряка. С ранних лет мальчик начал выходить в море. Его первые большие плавания состоялись к берегам Гвинеи в 1553 и 1554 годах. Во время второго из них произошли события, позволившие юноше проявить свой характер. Один из туземных вождей перед началом торговли потребовал от англичан оставить заложника. Мартин отправился на берег добровольцем. Скоро он оказался в руках португальцев, которые бросили его в тюрьму. Каким образом он сумел выбраться на свободу — неизвестно, но уже в 1559 году он находился в Англии и совершил плавание в Средиземное море к берегам Магриба.

Второй этап его биографии продолжался около десяти лет и охватывает 1563 — 1574 годы. То, чем в это время занимался Фробишер, можно назвать и пиратством, и приватирством. В сообществе с Хоукинсами и Киллигрю он захватил в море много призов. Когда ему не удавалось достать каперскую грамоту, он действовал на свой страх и риск. В мае 1563 года он привел в гавань Плимута пять захваченных французских кораблей; в 1564-м захватил в Ла-Манше корабль «Кэтрин», который вез в Испанию гобелены для самого короля Филиппа II. По возвращении в Англию, его засадили в тюрьму, но продолжалось заключение недолго. Уже в 1565 году он на свободе и на корабле «Мэри флауэр» вновь выходит на промысел. В последующие годы он грабил на «законных» основаниях. Так, располагая лицензиями, полученными от вождей французских гугенотов принца Конде и кардинала де Шатильона, он в 1566 году захватывал суда французских католиков. В 1569 году Фробишер получил патент на приватирство от принца Вильгельма Оранского. В эти годы его неоднократно арестовывали.

Корабль «Ак Ройял», построенный на средства Уолтера Рэли и ставший флагманом Английского флота в сражении с «Непобедимой Армадой». Рисунок конца XVI в.

ставывали англичане, и правительство отправляло неукротимого разбойника в тюрьму, однако до судебного разбирательства дело ни разу не доходило. Знание и опыт молодого моряка, несомненно, делали его услуги необходимыми правительству, и оно закрывало глаза на его «проступки». В 1570 году Мартин Фробишер уже на службе у королевы. Впрочем, его имя было известно и за пределами Англии. Филипп II в 1573 году зондировал почву по поводу приема моряка на испанскую службу, но точные обстоятельства, при которых это происходило, неизвестны. Во всяком случае бравый моряк, увертливый, как угорь, был замешан в различные заговоры в Англии и в Ирландии в 1572 — 1575 годах и, возможно, приложил руку к их раскрытию.

Третий этап жизни Фробишера знаменателен тем, что удамой пират и приватир превратился в пионера покорения Арктики и поневоле стал одним из знаменитейших мистификаторов эпохи. XVII в. жил надеждой открыть Северо-западный проход в Китай, Японию и Индию. Фробишер, знакомый с географическими данными того времени, полученными им от португальских мореплавателей и английских ученых, зажегся идеей отыскать неизвестные пути в восточные страны. В 1576 году состоялась его первая арктическая экспедиция. Два корабля («Габриэль» и «Михаэль») и пинасса вышли в июле из Дептфорда, прошли Северное море, обо-

Адмирал Чарлз Хоуард, лорд Эффингем

гнули Шотландские и Фарерские острова и добрались до южной оконечности острова Гренландия. Не выдержав трудностей перехода, одно из судов, «Михаэль», вернулось в Бристоль; пинасса погибла в пути. Фробишер на «Габриэле» с командой из восемнадцати человек отважно пробивался во льдах, пока не вышел в залив, названный впоследствии его именем. Отсюда корабль Фробишера повернул обратно и вернулся в Харвич 2 октября. Его возвращение произвело сенсацию в Англии. Дело в том, что на пустынном берегу новооткрытого залива были найдены черные камни с прожилками, очень похожими на золото. Немедленно была организована компания с участием королевы, важных государственных сановников и магнатов Лондонского Сити. Цели следующей, второй экспедиции определялись не столько поисками Северо-западного прохода, сколько освоением открытой «Золотой земли», названной королевой «Мета Инкогнита» («Неведомая цель»), отсюда намеревались вывезти как можно больше руды. Трудностей с финансированием не возникло. Елизавета «пожертвовала» 500 фунтов стерлингов и предоставила военный корабль. Экспедиция вышла в мае 1577 года и вернулась в сентябре. Было привезено около 200 тонн неизвестной черной породы с «золотыми» блестками; прихватили также троих местных аборигенов-эскимосов — мужчину, женщину и ребенка. Если судьба несчастных северных туземцев была печальна, и они вскоре умерли, то шумиха вокруг руды не утихала еще долго. Известный немецкий ученый Бурхард Кренич исследовал новую породу и дал оптимистический прогноз по поводу возможного содержания в ней золота. Все наперебой помещали деньги в сказочно богатое предприятие. Королева вложила в дело 1350 фунтов, а граф Оксфорд — 2 тыс. фунтов. Было решено отправить в следующем году пятнадцать судов с горняками, каменщиками, золотодобытчиками, привезти 2 тыс. тонн камня, на месте находки заложить форт и организовать масштабную добычу руды. Отплыв в мае 1578 года, корабли Фробишера с трудом выдержали тяжелое плавание и в жалком состоянии добрались до Гудзонова залива, однако попытки освоить местность оказались тщетными, и пришлось возвращаться в Англию, загрузив на корабли новую партию «золотых» камней. Но после повторных исследований выяснилось, что никакого золота в руде нет. Компания потерпела полный крах; многие пайшики обанкротились. Горькая участь постигла и инициатора плавания — его арктическая одиссея потерпела фиаско.

Десятилетний период жизни Фробишера, предшествующий борьбе против «Непобедимой Армады», был отмечен несколькими важными событиями. После участия в подавлении Ирландского восстания 1578 года, Фробишер, по-видимому, вновь занялся пиратством. В 1582 году он должен был направиться к Молуккским остро-

Сэр Мартин Фробишер

вам в составе экспедиции Эдуарда Фентона, но из-за разногласий с командующим отказался от плавания. В 1585 — 1586 годах Фробишер в качестве вице-адмирала участвовал в плавании Дрейка в Вест-Индию и сыграл важную роль в захвате Санто-Доминго и Картахены. Накануне битвы с Армадой он командовал флотом Ла-Манша и крейсировал в проливе, охраняя побережье Англии от испанского вторжения. После разгрома испанцев в 1588 году Фробишер продолжал играть ведущую роль в антииспанской борьбе. Будучи приверженцем теории Хоукинса о том, что борьбу против Испании необходимо сосредоточить на ее «золотых» коммуникациях с Вест-Индией, Фробишер участвовал в нескольких операциях у Азорских

островов по перехвату галионов (1589, 1590, 1592, 1593). В 1594 году, когда испанские войска высадились в Бретани и захватили Брест, создав угрозу вторжения в Англию, Фробишера назначили командовать маленькой эскадрой, направленной для помощи французским гугенотам, действующим против испанцев. В ноябре, при штурме форта Крозон в окрестностях Бреста, он был смертельно ранен и вскоре умер.

Граф Камберленд

Едва ли не самой колоритной фигурой в когорте «морских рыцарей» Елизаветы был Джордж Клиффорд, III граф Камберленд. Военный моряк, он во время сражения с «Непобедимой Армадой» командовал кораблем «Елизавета Бонавентура», а в 1596 году участвовал в военной экспедиции против Кадиса. Этот блестящий аристократ по рождению стоял, конечно, несравнимо выше моряков-рыцарей, подобных Дрейку, Хоукинсу или Фробишеру, выходцев из средних слоев.

Жизнь Джорджа Клиффорда выглядит необычной даже на фоне невероятных биографий других героев эпохи Елизаветы. Он родился в 1558 году, обучался в привилегированных Оксфорде и Кембридже, был первоклассным математиком, географом и навигатором.

На первый взгляд перед нами — придворный, шеголь и ловелас. Светский лев, граф Камберленд был рыцарски предан своей королеве и в честь Елизаветы, дамы сердца, носил на шляпе ее перчатку. Королева, в свою очередь, отличала графа среди прочих придворных. Их отношения носили загадочный характер, и эту завесу таинственности современники так и не смогли приоткрыть. По-видимому, не одни личные симпатии связывали королеву и графа. Поклонник Елизаветы выступал ее доверенным лицом в ведении секретных дел, связанных с участием в финансировании экспедиции по захвату испанских богатств.

Но граф Камберленд — это и человек невероятной храбрости, наделенный безграничной энергией, бросавшийся очертя голову в самые отчаянные предприятия; он пользовался большой популярностью в среде простых людей. Его опыт, знания, готовность разделить все тяжкие испытания и лишения заслужили ему уважение моряков.

Жизнь графа — это и история того, как предприимчивый и энергичный человек, баснословно богатый, амбициозный и полный великих планов, по какому-то невероятному стечению обстоятельств растратил все состояние в вихре жизненного потока.

Граф Камберленд снарядил за свой счет двенадцать экспедиций, правда, не слишком успешных. Впрочем, оговоримся — неудачных в финансовом плане. Перед смертью этот некогда богатый человек едва мог расплатиться с долгами, хотя часть состояния он все же со-

хранил. Джордж Клиффорд потерял около 100 тыс. фунтов стерлингов и так и не сумел выравнять баланс за счет удачи в морской охоте за испанскими галеонами. Ему фатально не везло — сказочные богатства были где-то совсем рядом, но овладеть ими никак не удавалось. Так, в 1592 году, когда англичане захватили знаменитый «Мадре де Диос», моряки с кораблей графа первыми взойшли на борт захваченной каракки. Однако при разделе добычи граф мог претендовать на сумму, лишь немногим большую, чем расходы на снаряжение судов.

Самая большая неудача постигла графа в 1594 году. Его корабли наткнулись в море на каракку «Синко льягас», богатствами превосходившую «Мадре де Диос». Весь день корабли атаковали испанца *«подобно трем добрым английским мастиффам, напавшим на испанского дикого буйвола»*. Каракка не сдалась и сумела уйти. Через две недели те же корабли обнаружили в море самый дорогой испанский галеон «Сан Фелипе», стоимостью около 2 млн золотых дукатов. Сражение продолжалось до темноты: капитан испанца отказался сдаться и ночью оторвался от преследователей. Захват одного подобного корабля мог с лихвой возместить графу Камберленду все расходы, однако надеждам аристократа не суждено было сбыться.

Впрочем, в 1598 году граф Камберленд сумел снискать лавры триумфатора — если и не в качестве удачливого вкладчика финансов, то как человек, осуществивший блестящую военную операцию. Сформированная им эскадра из двадцати судов пересекла Атлантический океан и, прибыв в Пуэрто-Рико, захватила Сан-Хуан, свершив то, что не смог сделать сам Дрейк в 1596 году. Однако попытка обосноваться на острове и основать английскую колонию кончилась безрезультатно, как и сама экспедиция. Это было последнее предприятие графа Камберленда, скончавшегося в 1605 году.

Граф Камберленд

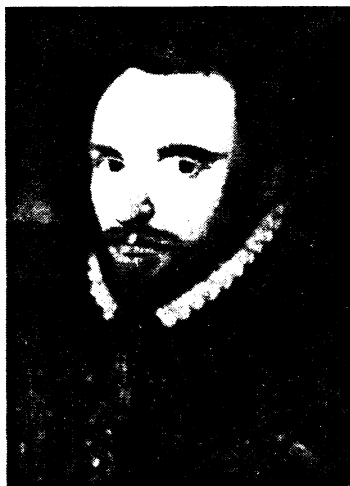
Сэр Ричард Гренвилл

Рыбаки Азорских островов были уверены, что сэр Ричард Гренвилл был самым дьяволом, принявшим человеческий облик. Все, что произошло в море, они видели своими глазами, и это было невероятно. Когда в 1591 году небольшая эскадра из шести судов под командованием лорда Хоуарда и Гренвилла пошла к Азорским островам на перехват «Золотого флота», никто не предполагал, что их поход закончится крупной неудачей и одновременно продемонстрирует миру героизм англичан.

В ноябре 1591 года испанский флот дона Алонсо де Базана перехватил эскадру Хоуарда у острова Флорес. Лорд Хоуард с пятью кораблями успел уйти, а корабль «Рэвендж» («Месть») под командованием сэра Ричарда остался, чтобы прикрыть отступление и забрать раненых с острова. Гренвилл вполне мог успеть вырваться из азорского капкана, но решил не уступать испанцам. Он пошел сквозь флот противника: один против пятидесяти трех. Исход боя был ясен, но англичане сражались, как дьяволы. Целый день, от рассвета до темноты, шел бой не на жизнь, а на смерть. «Рэвендж» отбил все атаки и повредил пятнадцать испанских кораблей, два из которых затонули. Тяжело раненный сэр Ричард, с упорством смертника, был готов взорвать свой корабль, но команда не допустила этого и сдала судно на условиях почетной капитуляции. Вскоре капитан Гренвилл умер от ран, так и не узнав, что произошло у острова Флорес через несколько дней. Здесь сконцентрировались «Золотой» и «Серебряный» флоты, пришедшие из Вест-Индии, и флот дона Алонсо — всего более ста двадцати кораблей. Поднялась ужасная буря, уничтожившая более половины кораблей, в том числе и захваченный испанцами «Рэвендж». Вот какова была «месть» умершего рыцаря — сэра Ричарда Гренвилла. Английский дьявол поднял со дна морского страшных демонов пучины и с их помощью погубил тех, кто убил его. Так думали рыбаки Азорских островов...

Сэр Ричард обладал крутым нравом, был невероятно упрям и славился своей грубостью. Выходец из древней корнуоллской семьи, он унаследовал неукротимый характер своих предков. В английском флоте жила легенда о том, как разъяренный Гренвилл во время обеда, сжав в руке стакан, надкусил его и грыз осколки до тех пор, пока кровь не закапала на скатерть. В 1562 году двадцатилетний Гренвилл, вовлеченный в уличную драку, убил своего противника. Вскоре он был помилован и, задыхаясь в тесных рамках Старой Англии, отправился на континент. В 1566 — 1568 годах Гренвилл сражался в Венгрии против турок. По возвращении из Европы он стал членом парламента от Корнуолла (1571) и тогда же задумал свой проект южных морей. Он решил нанести удар по испанской монополии над Америкой и Тихим океаном — по его замыслу, следова-

ло преодолеть Магелланов пролив, проникнуть в Тихий океан и создать здесь английские поселения. Королева одобрила план, и Гренвилл в 1574 году получил патент на плавание. Однако обстоятельства переменились, и от замысла пришлось отказаться. Через три года другой англичанин, Френсис Дрейк, пройдет маршрутом, предложенным Гренвиллом, и совершит свое знаменитое кругосветное плавание. Но в это время инициатор идеи будет далеко от моря. Назначенный на должность шерифа Корнуолла (1576 — 1577), Гренвилл активно боролся против местных католиков и в награду за эту деятельность был возведен в рыцарское достоинство (1577). Его

Сэр Ричард Гренвилл

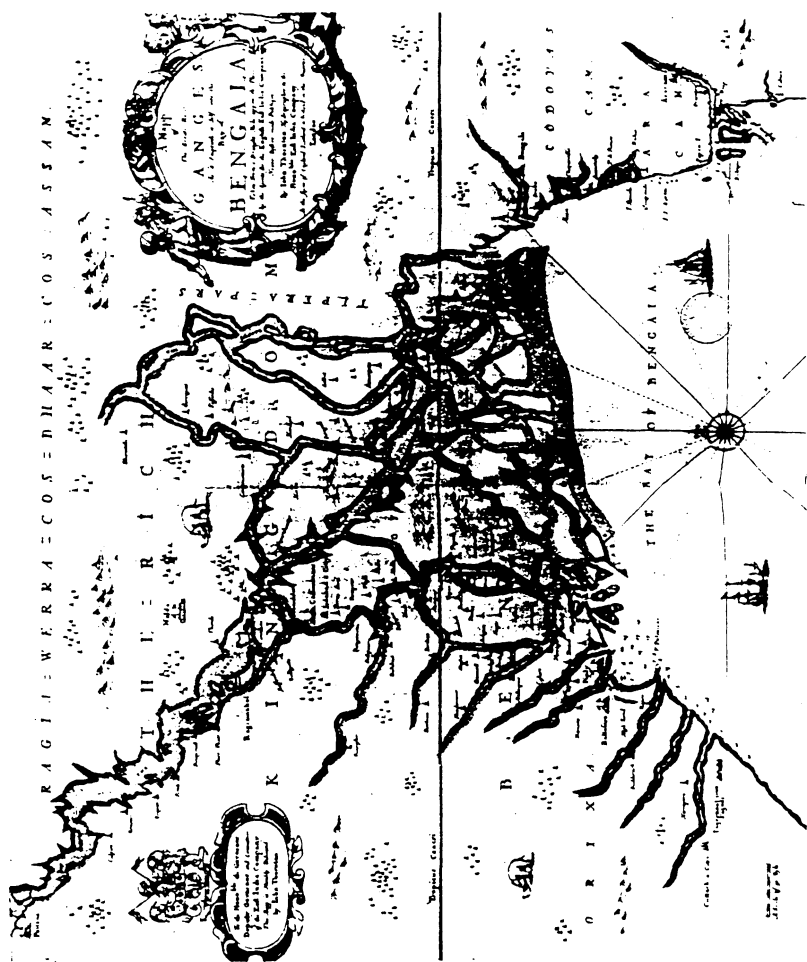
следующее появление на страницах морской истории связано с основанием в Северной Америке на острове Роанок в заливе Албермарл английской колонии. В 1585 году сэр Ричард, двоюродный брат сэра Уолтера Рэли, снарядившего экспедицию на остров, доставил туда 180 колонистов, а возвращаясь домой, перехватил испанское судно «Санта-Мария» с грузом имбиря, сахара, золота, жемчуга и серебра. В следующем, 1586 году Гренвилл с тремя кораблями вновь направился к побережью Северной Каролины, но никаких следов колонистов на острове обнаружить не удалось. Он оставил здесь продовольствие и пятнадцать человек для его охраны, надеясь, что колонисты все же появятся. На обратном пути Гренвилл решил повторить удачу 1585 года и захватить какое-нибудь испанское судно, но его ожидало разочарование — крейсерство у Азорских островов не дало результатов.

Тем временем приближалась открытая война Англии с Испанией. Накануне «Непобедимой Армады», в 1587 году, сэр Ричард занимался подготовкой к обороне приморских районов Запада. В 1588 году его не было в составе английского флота, он руководил войсками в Корнуолле. После разгрома испанцев в Ла-Манше, он был отправлен с небольшой эскадрой на перехват испанских кораблей, которые, огибая Шотландию, возвращались на родину. Следующие два года сэр Ричард провел в Ирландии, пока в 1591 году не стал одним из тех, кому доверили перехват «Золотого флота». И «дьявол» Гренвилл отправил его на дно, заплатив за «победу» собственной жизнью.

Королевство Аракан и португальские пираты

Одним из главных центров пиратства в Юго-Восточной Азии было королевство Аракан. Это независимое государство возвело морской разбой в ранг государственной политики и в течение XVII в. неоднократно демонстрировало примеры своей приверженности этому древнему ремеслу. На берегах Бенгальского залива вырос и расцвел достойный преемник «лучших» традиций древних пиратских стран. «Преславный король Аракана» Сандатудхамма — ловкий, расчетливый и умный политик — возродил правила игры, по которым действовал пиратский владыка античности — тиран острова Самос Поликрат. Сочетая морской разбой с крупной международной торговлей, араканский король в течение долгого времени удивительно ловко балансировал на сходящихся, переплетающихся и противоречащих друг другу интересах своих многочисленных и влиятельных соседей — Империей Великих Моголов, владетелей Сиама и Бирмы, Португальских и Голландских колониальных империй.

Сандатудхамма не был основателем морского разбоя в Аракане. Королевство начало специализироваться на пиратстве задолго до XVII в. и превратилось в настоящее разбойничье гнездо, узкой прибрежной полосой простиравшееся вдоль восточного побережья Бенгальского залива до Читтагонгской области Восточной Бенгалии. Отделенное от Бирмы труднопроходимой цепью высоких гор, королевство было обращено к морю и распоряжалось на торговых путях, пролегающих между Индией и Индокитаем. Одним из удачнейших мероприятий правителей Аракана был захват в 1459 году Читтагонга — важного стратегического рубежа в дельте Ганга. С тех пор могучий флот королевства поставил под свой контроль весь регион. Аракан располагал огромными возможностями для торговли. В его гаванях грузились слоны, шелковые драгоценные ткани, серебро и другие многочисленные товары. Однако главное место в морской жизни королевства занимали пиратство и работоторговля. Удачное переплетение международных обстоятельств и временное ослабление непосредственных соседей-противников сделало это небольшое государство необыкновенно могущественным. Столица Аракана — Мрохаунг — насчитывала в 1630 году около 160 тыс. человек. Авантюристы различных национальностей устремлялись в пиратские гнезда, рассыпанные вдоль побережья королевства, — бирманцы, моны, японцы, китайцы, индонезийцы, индийские мусульмане, афганцы и т.д. В пиратскую элиту входили и европейцы. Многочисленные выходцы из португальских владений, этой некогда могущественнейшей силы в Ост-Индии, теперь, когда держава теря-

Дельта Ганга
и королевство
Аракан
Карта Торнтона.
Начало XVIII
века

Мрохаунг в XVII веке

ла силы, выбрасывались соперниками из разных точек Индийского океана и находили приют на многочисленных пиратских стоянках этого разбойничьего берега и на островах близ устья Ганга. Местные араканские правители поощряли португальских пиратов (ферингов), нанимали их на службу и предоставляли свободу действий под своим покровительством. Отмечая это обстоятельство, Франсуа Бернье, французский путешественник, придворный врач правителя Великих Моголов Аурангзеба, писал:

«Король Аракана, постоянно опасаясь Могола, держал их в качестве стражей на своей границе в порту Читтагонг, дал им земли и предоставил право жить так, как они хотели. Обыкновенным занятием и ремеслом ферингов были разбой и пиратство. На своих маленьких легких галерах, которые называют галеассами, они только и делали, что бродили по морю, заходя во все речки, каналы и рукава Ганга, проходя между всеми островами Нижней Бенгалии, а нередко проникая глубже и поднимаясь до сорока или пятидесяти лье вверх по течению. Они нападали врасплох на целые селения, собрания, базары, праздники и свадьбы бедных язычников и других жителей этой страны; со страшной жестокостью обращали в рабство мужчин и женщин, взрослых и детей и сжигали все, что не могли увезти. Вот почему ныне можно найти в устье Ганга столько прекрасных островов, совершенно пустынных; когда-то они были населены, теперь же здесь не найдешь никаких обитателей, кроме диких животных, в особенности тигров».

Заметим, однако, что араканские короли зачастую были не в состоянии контролировать разрастающуюся активность своих «гостей». Публика, оседавшая на побережье, была очень опасной, отчаянно рискованной и непредсказуемой. Даже правители Аракана, поднаторевшие в интригах, обманах и предательствах, постоянно обжигались на своей уверенности в верности пиратской братии. Два примера, которые приводятся ниже, покажут, сколь опасно было доверять этим разбойникам-авантюристам. Эти лихие искатели золота и удачи прекрасно чувствовали слабые стороны своих «хозяев» и могли затеять совершенно неожиданную дипломатическую и военную игру в собственных интересах.

Хороший человек и Король Сандвипа

Король Аракана Мин Разаджи, наверное, проклял тот день, когда решил воспользоваться услугами некоего господина Филиппа де Бриту. Во время войны с одним из соседних королевств, араканский флот в 1599 году захватил остров Сириам, главный порт на территории поверженного врага. Де Бриту был отправлен на опустошенный остров начальником таможни. Прибыв на место, португалец обнаружил жуткую картину разгрома. Вот как описал увиденное сопровождавший его католический миссионер Бовес:

«Печальное зрелище являли берега рек, обсаженные бесконечными рядами фруктовых деревьев, где теперь лежали в развалинах позолоченные храмы и величественные строения. Дороги, поля были усеяны черепами и костями несчастных пегуанцев, убитых или погибших от голода. Тела сбрасывали в реку в таком количестве, что множество трупов преграждало путь кораблям». Новоиспеченный начальник таможни решил не ограничиваться взятками и казнокрадством. Мелкие чиновничьи масштабы не устраивали энергичного честолюбца. Он ждал несколько лет и наконец, собрав большие средства, привлек на свою сторону несколько сотен португальцев и в один прекрасный день вышвырнул с острова араканского губернатора и прекратил выплату пошлин Аракану. Пиратские флотилии де Бриту крейсировали в Бенгальском заливе и Андаманском море и останавливали все встречающиеся суда. Попавшим в переделку торговцам представляли выбор — или быть пущенными на дно залива, или отправиться торговать на Сириам. Столь необычные методы «поощрения» торговли приносили плоды — остров богател, казна де Бриту пополнялась, а его наемное войско становилось все многочисленнее. Территориальные владения нового правителя в Бирме увеличивались. Беспредельная наглость португальца заставила короля Аракана организовать экспедицию против своего бывшего подчиненного, но дело кончилось плохо для араканцев. Их флот попал в засаду, а принц-командующий стал пленником де Бриту и смог вернуться на родину только за огромный выкуп. Этот печальный опыт заставил Аракан на время примириться с дерзким соседом. Четырнадцать лет правил де Бриту Сириамом, а его деятельность даже принесла ему прозвище Нга Зинга — Хороший человек. Однако постепенно деятельность португальца настроила против него местное население и тех соседних правителей, которые вначале оказывали ему помощь. Де Бриту совершенно перестал учитывать особенности местного уклада жизни и вконец испортил свою репутацию. Он начал крайне неосмотрительно проводить чреватую опасностями религиозную политику — разрушал пагоды, насильно крестил буддистское население, срывал золото со священных храмов и статуй. Зарвавшийся пират, правда, заручился поддержкой португальских колониальных властей и начал вести дело к тому, чтобы обеспечить за Португальской империей территорию Нижней Бирмы. Но новые союзники не смогли помочь де Бриту, когда его база на Сириаме в декабре 1612 года была осаждена войсками бирманцев. Пират отчаянно сопротивлялся, но его флот был уничтожен в морском сражении, а продовольственные запасы в городе закончились. Измена открыла городские ворота, и бирманцы ворвались в город. Де Бриту был схвачен и, как осквернитель пагод, посажен на кол.

Один из его союзников, принц королевской крови, также был казнен — его зашили в мешок и утопили в море.

* * *

В 1607 году, когда шла война между Араканом и де Бриту, король Мин Разаджи решил обезопасить себя от нападений приютившихся в его владениях португальских пиратов. Собирище ферингов, расположившихся в Дианге, находящейся в 30 км южнее Читтагонга, представляло огромную опасность для королевства, так как пираты искали контактов с де Бриту и могли предоставить свои силы в его распоряжение. Внезапным рейдом араканцы захватили Дианг и планомерно перебили своих недавних союзников. Один из спасшихся, Себастьян Гонзалвиш Тибан, бывший торговец солью, решил изменить свою деятельность. В 1609 году, во главе португальцев он напал на остров Сандвип, лежащий в дельте Ганга. Здесь находилась база афганских пиратов. Перебив собратьев по ремеслу, Тибан объявил себя королем острова. Вскоре ему представилась удобная возможность вмешаться во внутреннюю жизнь Араканского королевства. На острове нашел приют брат короля, и Тибан женился на его сестре. Таким образом, бывший торговец стал членом араканской королевской семьи, а после подозрительно быстрой кончины своего шурина (который, по-видимому, был отравлен) забрал несметные богатства этого принца. Между тем королю Аракана, попавшему в сложную ситуацию в результате наступления Великих Моголов, пришлось пойти на союз с «родственником». Выработанные ими планы совместной обороны окончились полным крахом, так как в разгар сухопутной кампании, которую вел Мин Разаджи, Тибан захватил флот араканцев, перерезал его командиров, а команды продал в рабство. После этого, поднявшись вверх по реке, он подошел под стены столицы Аракана Мрохаунга, разграбил окрестности и захватил королевскую барку, отделанную золотом и слоновой костью. Король Мин Разаджи от огорчения умер, не успев отомстить клятвопреступнику, а его преемнику еще три года пришлось бороться с Тибаном, прежде чем одержать победу. Европейцы не остались в стороне от этой схватки. Португальские власти были готовы поддержать Тибана и организовать наступление на Аракан. В свою очередь, голландцы, заинтересованные в торговых факториях в Дианге и опасавшиеся усиления позиций Португалии в регионе, оказали помощь Аракану. В 1615 году, в ходе операций под Мрохаунгом, объединенные силы португальцев и Тибана потерпели поражение. В 1617 году араканцы захватили Сандвип и сожгли пиратские поселения. Судьба самого Тибана осталась неизвестной, но рассказывали, что ему опять удалось спастись.

«Могущественный и преславный король Аракана» Сандатудхамма

Прошло более тридцати лет, и на трон Аракана взошел Сандатудхамма. К этому времени (1652) много событий произошло в Аракане. Сменялись короли, бесконечные мятежи и заговоры сделали политическую обстановку в королевстве крайне нестабильной. Однако военно-морская мощь пиратского государства не уменьшилась. Морской разбой, работоторговля и посреднические торговые услуги приносили постоянный доход, и королевская казна постоянно приумножалась. Аракан начинал представлять все более реальную опасность для могущественной Империи Великих Моголов. В 1633 году шли длительные переговоры с португальской короной о совместном наступлении на Бенгалию. Они окончились безрезультатно, но сам их факт говорил о том, что в лице правителей Аракана Моголы имели достаточно серьезного противника. К тому же, несмотря на сложные взаимоотношения с португальскими ферингами, Аракан совершенно не собирался отказывать им в помощи. Португальцы, как слепни, облепили дельту Ганга и держали Бенгалию под постоянной угрозой нападения. Правда, последние годы для Аракана были наполнены столкновениями с голландцами в результате войны, длившейся восемь лет. Но новый король, придя к власти, укрепил свое положение и предоставил голландцам право беспощинной торговли в своих владениях, к взаимной выгоде, поддерживал с ними самые теплые отношения.

«Король Аракана — генерал-губернатору И. Метсейкеру. 1656 г.

[Это письмо пишет] сильный, счастливый, могучий и победоносный повелитель Аракана, Сенда Судромо Раса, знаменитый император. Я получил письмо и подарки от знаменитого и почтенного генерал-губернатора Иоанна Метсейкера, ядовитого, как рыба в воде, от капитана прибывшего судна и от капитана, живущего в моей тени, — Хендрикса де Дье, и я был очень рад, что генерал-губернатор здоров и признает меня своим господином. Этому я был [даже] больше рад, чем подаркам и товарам. В письме говорится о Дианге. Он [генерал-губернатор] просит разрешения покупать головы [рабов]... я спросил капитана де Дье, хотел бы он приобрести головы здесь, в Аракане, и он ответил, что очень хотел бы. И я приказал моим людям в Дианге покупать и помогать покупать как головы, так и другие товары, нужные голландцам».

Вся деятельность нового владыки пиратского королевства строилась в направлении, враждебном Империи Великих Моголов. В августе 1660 года в Аракан прибыл шах Шуджа, поднявший ранее мятеж против своего брата, нового императора Аурангзеба, и потерпевший поражение в борьбе за власть. В руках у Сан-

датурхаммы оказались крупные козыри в борьбе против Моголов, но, как вскоре выяснилось, использовать их было очень не просто. Шах Шуджа хотел вести свою игру в Аракане, не считаясь с интересами хозяев, и... проиграл ее. В декабре 1660 года он поднял мятеж против Сандатурхаммы, попытался захватить его дворец и свергнуть короля с престола. Попытка провалилась, но Шуджу не казнили, а оставили в качестве постоянной живой угрозы Аурангзебу. В феврале 1661 года, однако, его резиденция была разгромлена, а труп самого шаха, изуродованный до неузнаваемости, был найден на улице. Сандатурхамма завладел сокровищами шаха Шуджи, три сына и дочери шаха Шуджи были доставлены во дворец короля. Они также могли претендовать на престол Великого Могола. Однако принцы в свою очередь попытались захватить власть в Аракане и после неудачи были обезглавлены (июль 1663 г.). Конфликт с Великим Моголом достиг к этому времени кульминации. В начале 1664 года Сандатурхамма направил свою пиратскую флотилию в соседние владения Моголов — Бенгалию. Его корабли разгромили могольский флот, разграбили окрестности Дакки и вернулись с массой захваченных рабов. Разъяренный наместник Бенгалии потребовал от голландцев оказать ему помощь в борьбе против Аракана. Одновременно с подобным заявлением к голландцам обратился Сандатурхамма. Обе стороны грозили закрыть торговые фактории. Голландские власти оказались перед тяжелым выбором... И они его сделали. В ночь на 12 ноября 1665 года голландские агенты в Мрохаунге тайно загрузили имущество своей фактории на четыре корабля и под покровом темноты бежали из Аракана. Вслед за ними в Батавию, резиденцию голландского генерал-губернатора, был отправлен специальный гонец от короля со следующим посланием:

«Сандатурхамма — Метсейкеру. 1665 г.

...капитан Даниэль Сикс со всеми шкиперами, не предупредив меня, тайно покинул мою землю. И я велел моему начальнику [порта] Серка Манорото узнать у капитана Даниэля Сикса, почему он тайно покинул мою землю, на что он ответил, что сделал это по приказу генерал-губернатора. А причина тому то, что Норомсит [губернатор Бенгала] через своего посла просил голландцев оказать ему помощь. А когда генерал-губернатор отказал ему в помощи, посол сказал, что Патсна Норомсит — великий властелин, и он легко может захватить королевство Аракан, и тогда генерал-губернатор приказал закрыть факторию в Аракане, потому что иначе голландцам не разрешат держать факторию в Бенгале. И в этом причина, почему Даниэль Сикс поступил таким образом.

Я всегда думал, что Голландия и голландцы ни от кого не зависят, а теперь из-за посольства Норомсита они так испугались, что убрали факторию из моей страны. Что же я думаю относительно

слов Патсиа Норомсита, что он завоюет мою страну?.. Много легче опрокинуть Вавилонскую башню, чем захватить мое королевство. Пусть об этом знает генерал-губернатор. Он человек осмотрительный и мудрый. Больше мне нечего сказать».

Король Аракана был уверен в своих силах, но позабыл о печальном опыте своих предшественников. Его противники нащупали уязвимое место в обороне пиратского королевства. Им были... португальские пираты, основа военно-морской мощи Аракана. Их подкупили, и феринги, снявшись со своих мест, вместе с семьями перебрались в недавно ограбленную ими Дакку, где им были выделены земельные участки. Побережье Аракана осталось открытым для нападений. В конце 1665 года могольский флот захватил остров Сандвип, в феврале 1666-го пала Дианга, в битве за которую погиб араканский флот. Затем наступила очередь Читтагонга, и Аракан был раздавлен. Сандатудхамма продолжал править в своем королевстве до самой смерти (1684 г.), но положение его государства изменилось. *«Как солнце обходит весь мир, сияя тысячей лучей и даря свет всем в Четырех Концах вселенной, так и я, могучий в своем величии... знаменитый император...»* — так писал когда-то всемогущий пиратский властелин Аракана Сандатудхамма, но эти времена могущества ушли в прошлое; звезда короля разбоя закатилась.

Звездный час французских корсаров

Великий французский король Людовик XIV, Король-Солнце, самый могущественный европейский правитель XVII в., говорил, что война, по его мнению, — самое приятное, самое достойное из занятий, существующих для государей. Многочисленная и боеспособная французская армия прошагала по германским владениям Священной Римской империи, Нидерландам, Италии, Испании, приумножая авторитет великого монарха и утверждая гегемонию Франции в Европе. В бесконечных войнах вырос великолепный французский флот, ставший грозной силой в руках честолюбивого Людовика XIV, стремившегося стать «королем морей» и овладеть водными пространствами Европы, положив конец могуществу Голландии и Англии.

Французское королевство располагало огромными возможностями для давления на военно-морскую ситуацию на континенте. Вдоль его побережья пролегли главные морские торговые магистрали, связывающие Европу, Азию и Америку. Здесь соприкасались основные центры коммерческого мира. Французские порты на Атлантике и в Ла-Манше (Дюнкерк, Сен-Мало, Рошфор, Нант, Бордо, Байонна) таили постоянную угрозу для неприятеля. Но

Людовиг XIV

ужасающий погром флота под командованием вице-адмирала графа де Турвиля в бухте Ла Уг летом 1692 года, казалось, свел на нет все успехи морской политики французского короля. Отсутствие мощного линейного флота сделали берега Франции беззащитными перед английскими и голландскими эскадрами. Погасшая вражеская торговля уже оживала, и безбоязненно начали двигаться вдоль безмолвного побережья бесконечные караваны с войсками, торговые и рыболовные флоты. Изнуряющие войны против всей Европы, постоянный дефицит финансов делали невозможным крупные денежные субсидии в развитие флота, да и восстановление его потребовало бы долгого времени. Был ли выход из кризисного положения? В подобных ситуациях правительство открывало просторы для каперства, рассчитывая этим истощить неприятельскую торговлю и доставить средства в казну. Так поступил английский король Карл II в 1667 году во время второй Англо-голландской войны. Собственно Людовик XIV никогда и не отступал от политики использования корсаров в подрыве морской торговли противника. Однако параллельно с этим велась ожесточенная схватка за море между линейными флотами, которая отвлекала неприятеля от корсарских маневров. Теперь же корсарские операции лишились постоянной поддержки регулярных военно-морских сил.

Ну что ж, в портах полно отчаянных храбрецов. Пусть они, как саранча, нахлынут в Северное море и Ла-Манш, пусть подстерегают, берут на abordаж и приводят захваченные суда в родные гавани. Французский король дарует им на это разрешение и делает в морской войне главную ставку на корсаров¹.

¹ Результаты каперской войны Людовика XIV были весьма ошутимы. В приводимой таблице помешены данные о судах, захваченных корсарами Дюнкерка и Сен-Мало в 1688 — 1694 годах.

Год	Захваченные суда	
	Дюнкерк	Сен-Мало
1688	8	16
1689	82	65
1690	67	118
1691	57	98
1692	153	179
1693	91	110
1694	93	122
Общее число	551	708

Жан Бар — корсар из Дюнкерка

Начало пути

Знаменитый корсар Жан Бар родился 21 октября 1650 года. В огромном людском муравейнике Дюнкерка его предки (французы и голландцы) были известны и пользовались заслуженной репутацией бывалых моряков. Среди членов этой разветвленной фамилии были торговцы, ремесленники, рыбаки, корсары и смелые капитаны. Но благодаря Жану Бару фамилия прославилась не только во Франции, но и далеко за ее пределами.

Мальчик не был избалован и с раннего детства погрузился в суровую повседневность ревуших штормов и познал изнуряющий труд на рыболовных ботах.

Простой рыбак, он сделал блестящую карьеру, пройдя извилистым путем от плебей-моряка и корсара до офицера королевского флота: на закате жизни (1 августа 1697 г.) он был произведен в чин капитан-командора (*chef de l'escadre*).

С двенадцати лет он плавал на корсарских судах и быстро отличился. Когда, в возрасте двадцати пяти лет, во время войны Франции против Голландии и Испании (1672 — 1678) ему поручили командовать галиотом «Руа Давид», Бар уже имел за плечами опыт Второй англо-голландской войны (1665 — 1672), тогда он служил в голландском флоте знаменитого адмирала Михеля Адриана де Рюйтера.

До заключения Нимвегенского мира (1678) под командованием Бара были лишь маленькие суда, но результаты его корсарских рейдов с каждым разом становились все значительнее. Общий счет вражеских судов, захваченных Баром в этот период, 74. На 2-пушечном «Руа Давиде» (команда — 36 чел.) было взято 6 судов (1674); на 10-пушечном «Руаяле» — 26 (1674 — 1675); 18-пушечном «Пальме» — 33 (1676, 1677); 14-пушечных «Дофине» — 7 (1676, 1677 — 1678) и «Марсе» — 2 судна (1678).

Но важны не только количественные данные — на своих суденышках Бар умудрялся захватывать вражеские корабли, намного превосходящие его по силам. Так, например, на «Руа Давиде» он овладел близ Текселя испанским 18-пушечным фрегатом с экипажем в 65 человек; на «Руаяле» в Балтийском море — голландским 12-пушечным фрегатом «Эсперанс» и 18-пушечным кораблем «Бержер»; на «Пальме» — 24-пушечным голландским фрегатом «Сванембург» и 36-пушечным кораблем «Нептун»; на «Дофине» — 32-пушечным голландским военным кораблем «Седэр» и тремя судами остендских корсаров.

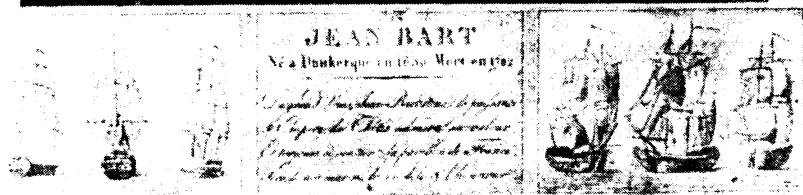
Его имя приобрело известность не только в Дюнкерке, но и в столице — известия о победах отважного корсара доходят до всемогущего Жана Батиста Кольбера.

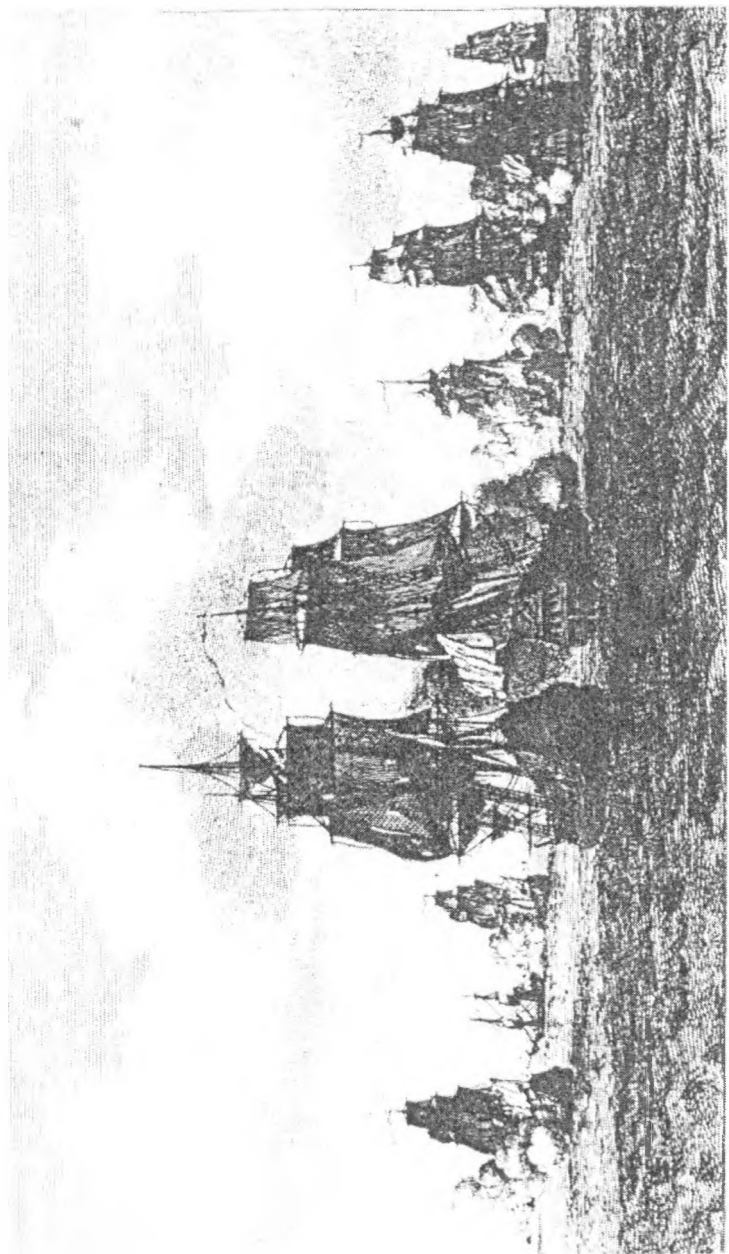
Жан Бар

«Его Величество был очень обрадован известием, что капер из Дюнкерка под командой Жана Бара захватил голландское военное 32-пушечное судно. — писал он 18 сентября 1676 года интенданту королевского флота в Дюнкерке Юберу. — Признавая чрезвычайно важным поощрять этих капитанов продолжать войну, которую они ведут против голландцев, Вы, г-н Юбер, найдете прилагаемую к письму золотую цепочку, которую Его Величество пожелал презентовать капитану Жану Бару в награду за его подвиг. Его Величество мог бы получить огромную пользу от упомянутых дюнкеркских капитанов, составь они из судов своих эскадру... а посему приказываем... тщательно выяснить, согласятся ли они повиноваться избранному ими флагману... в случае, если Его Величество снабдит их для корсарства судами... Его Величество особенно запрещает Вам... г-н Юбер, сообщать обо всем здесь сказанном кому бы то ни было, дабы воля Его Величества не дошла преждевременно».

Капитан Бар превратился в символ Дюнкерка. Огромного роста, с растрепанными волосами и легендарной трубкой в зубах, он

Жан Бар

1676 год. Жан Бар во главе корсарской эскадры (5 кораблей) атакует голландскую флотилию, конвоируемую тремя фрегатами. Гравюра Лелюа

Крейсерство Жана Бара в Балтийском море: нападение на голландскую торговую флотилию
Гравюра / Иегуа

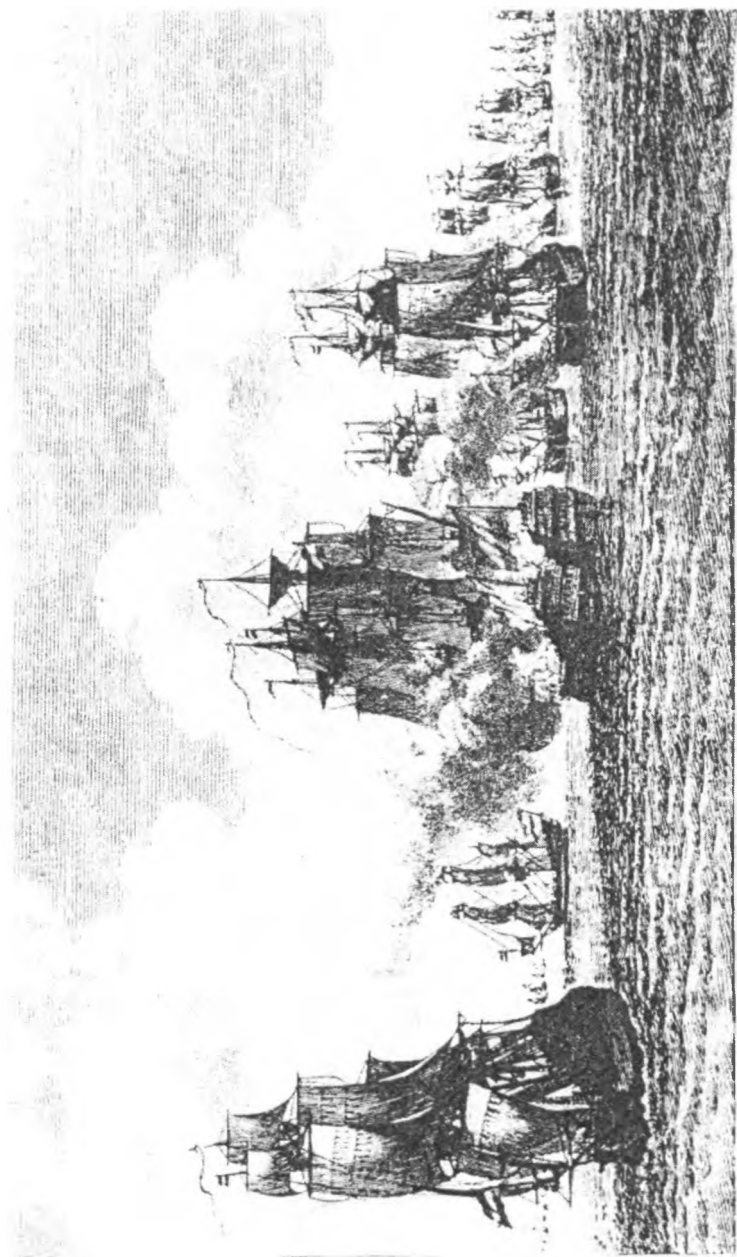
не боялся ни Бога, ни черта и шел в море наперекор бушующим ветрам и, насмехаясь над пенящимися валами, обрушивающимися на его корабль, презрительно кричал им: «С носом остался — англичанин!».

В апреле 1689 года его корабль «Серпан» («Змея») перевозил из Кале в Брест бочонки с порохом. Встретившись с голландским фрегатом, Бар приказал идти на бордаж. «Пороховой склад» подтягивался к изрыгающему огонь судну и от любого попадания мог взлететь на воздух. Мучительно долго шли минуты. Стоя на палубе с бордажной саблей в руке, грозный корсар всматривался в своих моряков, готовых схватиться с противником в рукопашной схватке, как вдруг заметил — бледный двенадцатилетний мальчуган, прижавшись к мачте, с томительным напряжением в глазах ожидал очередного залпа, от которого корабль мог быть разнесен в щепы. «А ну, — рывкнул капитан, — привязать его к мачте. Тот, кто не умеет смотреть опасности в глаза, не заслуживает жизни...» Таковы были методы воспитания в корсарских семьях: напуганный юнга Франсуа-Корниль был сыном Жана Бара и впоследствии стал вице-адмиралом французского флота.

Морской террор

При дворе Короля-Солнце Людовика XIV этикет соблюдался неукоснительно, и его нарушение привело в смятении персонал дворца. Огромный человек, стоявший у окна, явно устал от долгого ожидания, спокойно выташил из кармана внушительную трубку, невозмутимо высек огонь и, попыхивая ею, продолжал ожидать аудиенции. Придворные с любопытством разглядывали этого никому не известного человека и, пряча насмешливые улыбки, недоумевали и удивлялись его дерзости. Служители попытались урезонить гиганта, осторожно намекнув ему, что в апартаментах короля следует подчиняться установленным правилам, но осеклись под пристальным взглядом ясных синих глаз. «Я привык к курению на королевской службе, это стало для меня потребностью, и думаю, что справедливо не менять правил», — безапелляционно прогромыхал странный пришелец. Оставалось последнее средство утихомирить исполина. Когда королю донесли о вызывающем поведении незнакомца, Людовик XIV расхохотался: «Да, наверное, это Бар, пусть себе курит».

Появление корсара в Версале влило в атмосферу дворцовой жизни какую-то новую энергию. Его провинциальные манеры, грубые слова выдавали человека совершенно другого мира. Подшутить над ним, позубоскалить по поводу его странностей — таких смельчаков не находилось, наоборот, старались не противоречить человеку, облеченному высочайшим покровительством. Даже сам король предпочитал резкости Бара превращать в шутку.

29 июня 1694 года. Эскадра Бара вступает в сражение с голландской эскадрой Гилда де Вриеса
Гравюра Лелюа

Так, когда Людовик XIV сообщил Бару о производстве его в контр-адмиральский чин и назначении командовать всеми морскими силами во фландрских водах, то, после положенного по этикету поклона, услышал одобрительное: «Вы правильно поступили, Ваше величество».

Упомянутый разговор Бара с королем состоялся летом 1697 года — в год Рисвикского мира, завершившего Войну Франции против Аугсбургской лиги (1688 — 1697). Эта война вознесла Бара на вершину славы. Его имя гремело по всей Европе, он превратился в национального героя Франции.

Когда война началась, корсар уже почти десять лет (с 1679 г.) находился на службе в королевском флоте и в 1689 году получил очередной чин капитана 1-го ранга. Однако такому человеку, как Бар, честолюбивому, независимому, строптивому и властному, было тесно в рамках субординации и дисциплины — он не умел подчиняться приказам. В 1689 году он представил правительству проект морской войны: составить эскадру из легких фрегатов, укомплектовать корабли отборными людьми и, выйдя в море, уничтожить вражескую торговлю — в Ла-Манше, Северном и Средиземном морях. И, несмотря на то, что его план был принят только через несколько лет, все последующие годы были периодом настоящего морского террора, установленного Баром в европейских водах.

Огромные купеческие и рыболовные караваны не решались выходить в море, чтобы не попасть в руки этому демону, снаряжались эскорты для сопровождения торговых судов, отряды военных кораблей Англии и Голландии ежегодно блокировали Дюнкерк, сторожили Бара там, где он мог появиться, — но все было тщетно. Каждый год дюнкеркский корсар умудрялся вырваться на морские просторы и вступал в смертельную схватку с противником — абдорировал, сжигал и пускал на дно вражеские корабли.

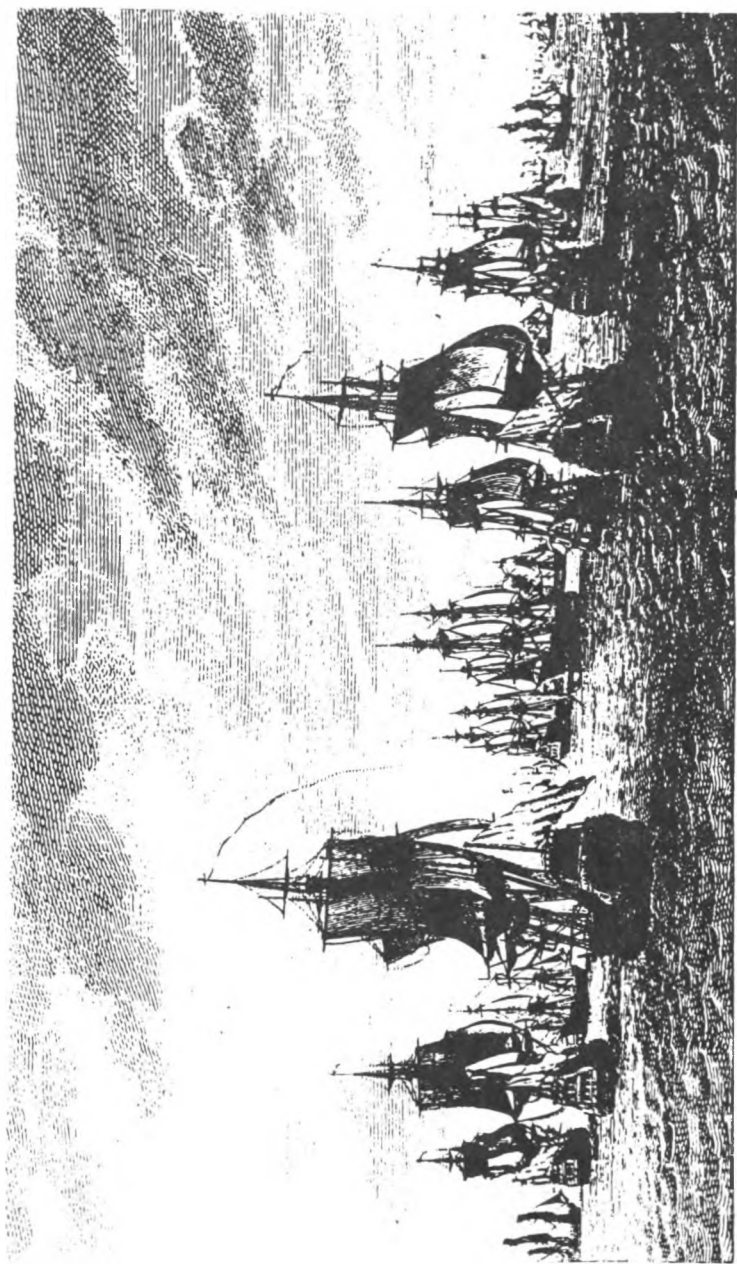
В 1689 году на 24-пушечном «Серпане» он взял два испанских корабля, голландский 14-пушечный капер и три голландских китобоя. В 1690 году, командуя 36-пушечным «Альсьоном» («Зимородок»), он уничтожил голландский рыболовный флот, захватил два корабля с датскими солдатами (450 чел.) и десять торговых судов из Гамбурга. В 1691 году этот гений морского разбоя рассеял английский караван, идущий в Архангельск, сжег восемьдесят шесть голландских рыболовных судов, шесть китобоев. Появившись у английского побережья, он высадил десант у Ньюкасла, разорил окрестности и сжег замок Уодрингтон и двести домов. На исходе 1692 г., Бар на «Комоду» («Граф»), сопровождаемый «Геркулесом» и «Тигром», разгромил голландский торговый флот (16 судов) с пшеницей, рожью и дегтем и захватил военный корабль. В 1693 году, командуя «Глорье» («Блистательный»), корсар отличился при

захвате французским флотом графа де Турвиля Смирнского каравана у Лагуша. Тогда он настиг у входа на рейд порта Фару шесть голландских судов, оторвавшихся от каравана, загнал их на мель и сжег. Затем на «Комте» в сопровождении пяти судов он вышел в Ла-Манш и перехватил англо-голландский хлебный флот.

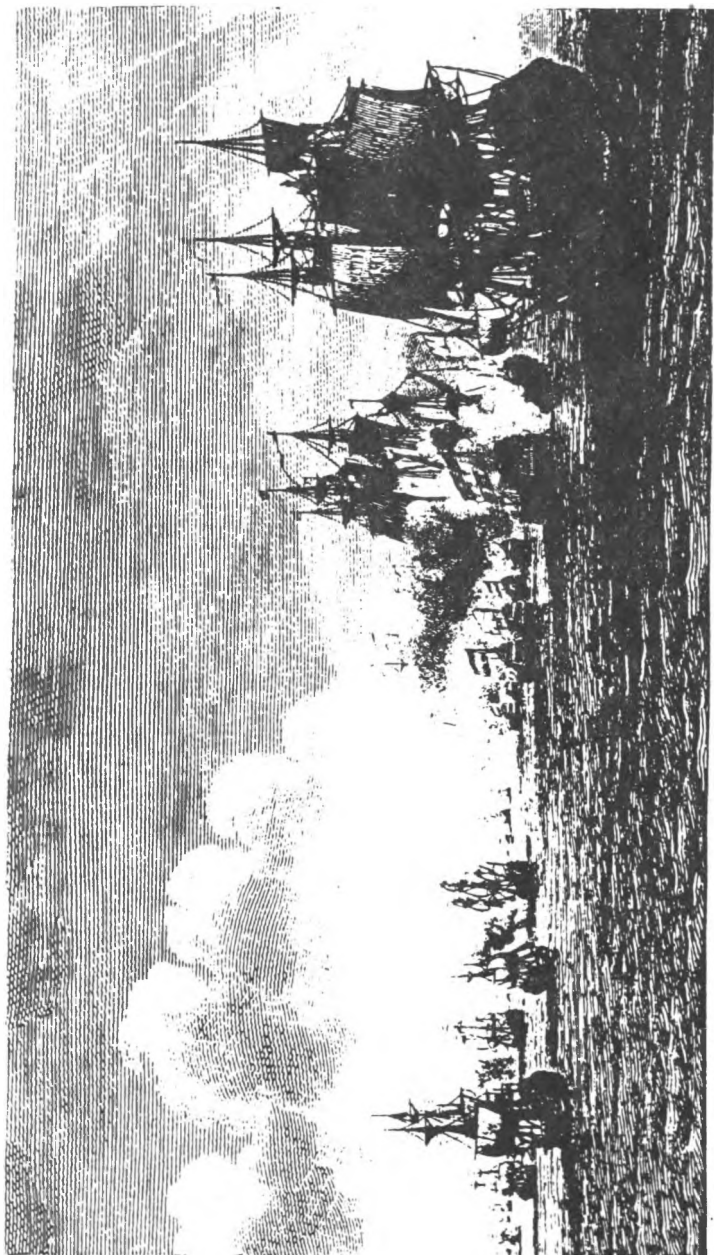
Но звездный час великого корсара настал в следующем, 1694 году. Зима была ужасной. Франция, истощенная войной и неврожаем, голодала. Спасти людей мог огромный караван (более 100 судов) с грузом ржи и пшеницы, стоявший на юге Норвегии. Но как доставить его? Лед уже сошел, а флотилия Бара, которому король поручил операцию, никак не могла покинуть Дюнкерк. Сначала ее удерживали там противные ветры, а затем пришла английская эскадра, чтобы в очередной раз захлопнуть выход из корсарского гнезда. И вот ночью английские дозорные по огням обнаружили шесть судов, идущих вдоль берега к выходу из гавани. Поднялась тревога (ну теперь-то уж Бар будет схвачен!), ведь никто другой, кроме него, не рискнул бы на такую авантюру. Погоня бросилась за судами, но ничего не обнаружила. Утром было получено сообщение, что корабли Бара уже далеко в море. Что произошло в действительности? Англичане повели себя именно так, как рассчитал храбрый корсар. Шесть рыбачьих барок отвлекли внимание флота и, обнаружив за собой погоню, затушили огни и вернулись в порт. А в это время Бар со своими фрегатами уходил из порта в противоположную сторону.

Но его отряд не успел прийти в Норвегию. Хлебный караван, не дождавшись фрегатов, самостоятельно двинулся в путь, где его подстерегла голландская эскадра (8 кораблей, 387 пушек) контр-адмирала Гидда де Вриеса. Никакого сопротивления оказано быть не могло, и захваченный караван повели в Голландию. Вот тут-то у Текселя и появились шесть фрегатов Бара во главе с «Мавром» (312 пушек). Не раздумывая, отчаянный корсар дал приказ идти на абордаж. Выдержав залп орудий, его фрегат сцепился с флагманом голландцев. Развернулась яростная абордажная схватка, в центре которой сражались сам Бар и де Вриес. Наконец три страшных сабельных удара повергли голландца на палубу, и флагманский корабль за полчаса был захвачен. Не сумели избежать подобной участи и два других корабля, а пять оставшихся обратились в бегство. Хлеб был доставлен в порт. Франция была спасена и молилась на своего героя. В честь победы Бара была выбита медаль, он был пожалован кавалером ордена Св. Людовика, возведен в дворянство.

В 1696 году Бар снова прорвал блокаду Дюнкерка, у Догтербанки распотрошил торговую флотилию с грузом хлеба и, несмотря на преследование превосходящей голландской эскадры, сумел доставить перехваченное зерно на родину.

3 июля 1694 года. Жан Бар приводит в Дюнкерк хлебный караван
и три захваченных голландских корабля. Гравюра *Легуа*

18 июня 1696 года. Жан Бар во главе эскадры (7 фрегатов, 1 брандер и 3 арматорских судна) встречает в море голландскую торговую флотилию с хлебом, конвоируемую пятью военными кораблями. В результате боя ему удается захватить 45 торговых судов. *Гравюра Лева*

В том же году умер польский король Ян Собеский, и в Польше наступило бескорольевье. За вакантный престол развернулась острейшая борьба между несколькими влиятельными кандидатами. Одним из главных претендентов был родственник французского короля принц де Конти. Ему было необходимо прибыть в Польшу. Однако в Европе шла война, и сухопутные пути, связывающие Францию с Восточной Европой, проходили по территориям враждебных государств. Было решено сформировать специальную эскадру и доставить принца в Данциг по морю. Выполнение чрезвычайной миссии поручили Жану Бару. В начале сентября 1697 года семь его кораблей выскользнули из заблокированного противником Дюнкерка. Они уже прошли Остенде, когда у английского побережья наскочили на одиннадцать английских судов, стоявших на якоре. Французская эскадра, приготовившись к обороне, прибавила парусов и, не останавливаясь, прошла мимо неприятеля. Противник пытался было организовать преследование, но в спустившихся сумерках потерял французов. Когда опасность миновала, де Конти осведомился у командующего, что он сделал бы в том случае, если бы погоня англичан имела успех и захват эскадры стал бы неизбежен. «Неужели Вы думаете, я сдался бы, — ответил Бар принцу. — Я был готов ко всему и приказал моему сыну стоять с факелом у крюйт-камеры и взорвать корабль по моему сигналу». Де Конти вздрогнул, услышав о такой рецептуре. «Лекарство страшнее болезни, и я запрещаю вам употреблять его, пока я на вашем корабле». В дальнейшем эскадра благополучно добралась до Данцига. Впрочем, де Конти не смог получить польскую корону, но это уже не зависело от усилий героического корсара, который свое поручение успешно выполнил. Это было последнее дело Бара. В самом начале Войны за испанское наследство ему поручили командование Дюнкеркской эскадрой. Ранней холодной весной 1702 года, распорядившись снаряжением кораблей, он подхватил простуду, перешедшую в воспаление легких, от которого и скончался 27 апреля 1702 года.

Когда Бар умер, оказалось, что семья знаменитого корсара находится в бедственном положении, и король, узнав об этом, назначил вдове годовую пенсию в 2 тыс. ливров. А когда-то, на заре своей славы, только за пять дней январского плавания 1578 года, Бар, командуя фрегатом «Дофин», захватил пять судов на сумму 10 тыс. ливров.

Буйный нрав кавалера де Форбена

Всего девятнадцать лет было Клоду де Форбену, когда он попал на Средиземном море на службу на королевские галеры, но это был уже зрелый человек, жизненный путь которого изобиловал самыми разнообразными приключениями. А виной тому был совершенно необузданный характер и неукротимый темперамент

Клод де Форбен

время Форбен перешел на службу в сухопутную армию и стал мушкетером. Однако его горячность не раз становилась причиной ссор, одна из которых привела к дуэли. Форбен убил противника в поединке и был приговорен к смертной казни, но королевское помилование спасло юношу.

С флотом вице-адмирала Жана д'Эстре он отправился в военную экспедицию в Вест-Индию, затем, под командой генерал-лейтенанта Авраама Дюкена участвовал в битвах с барбарийскими корсарами и бомбардировал Алжир (1682 — 1683).

юноши. Потомок древней провансальской фамилии, Клод де Форбен родился 6 августа 1656 года в семье морского офицера, в замке Гарданн. Он был пятым сыном в семье, и его старшие братья уже служили на флоте. Родители обожали позднего ребенка, однако он приносил им бездну хлопот и огорчений. Это был неугомонный и шумный сорванец, самый настоящий «сорвиголова», не знающий, что такое страх. Как-то раз на десятилетнего мальчугана набросился страшный бешеный пес, но маленький храбрец, мгновенно оценив ситуацию, сунул в пасть собаки свою шляпу и, схватив животное за заднюю лапу, распорол ему брюхо. Мальчик был раздражителен, болезненно честолюбив, до бешенства вспыльчив. Его детство было заполнено драками со сверстниками, яростными стычками с родителями и скандальными ссорами с преподавателями, в одного из которых он запустил чернильницей. Кончилось тем, что юноша удрал из дома, оказался в составе Мессинской экспедиции маршала де Вивона и принял участие в Стромболийском сражении и захвате Агосты (1675). Спустя некоторое

Осенью 1685 года судьба забросила его в далекий Бангкок, где де Форбен стал любимцем короля Сиам, который одарил его многочисленными милостями, предоставил ему титул великого адмирала и пожаловал огромный дворец, множество рабов и двух слонов. Но де Форбен покинул Сиам и летом 1688 года прибыл во Францию, подоспев к началу войны Людовика XIV против Аугсбургской лиги, в которой он прославился своими совместными действиями с Жаном Баром, попал вместе с ним в плен и совершил побег. В 1690 году, командуя кораблем «Фидель» («Верный»), он сражался во флоте вице-адмирала де Турвиля при Бичи-Хеде, затем крейсировал в Северном море и взял несколько призов. В 1692 году он командовал кораблем «Перль» («Жемчужина») и в сражении у мыса Барфлер был ранен. На нем же с флотом де Турвиля разгромил в 1693 году у Лагуша Смирнский караван, сжег три судна и взял четыре.

**Де Форбен —
великий адмирал Сиам**

Этот испытанный моряк, возведенный в графское достоинство, крейсировал во всех европейских морях. Суда под его командованием прочесывали Средиземноморье, наводя ужас на жителей Барселоны, Венеции и Триеста; они охраняли французскую торговлю и вылавливали корсаров Северной Африки. Де Форбен сражался против англичан и голландцев в Ла-Манше и Северном море и подстерегал купеческие караваны противника у побережий Норвегии, Голландии, Англии и Португалии. В 1706 году, в разгар Войны за испанское наследство, его направили в Дюнкерк для руководства морской войной на североευропейских магистралах против торговых судов Англии и Голландии. Успехи де Форбена были столь впечатляющими, что при дворе начали поговаривать о пожаловании герою чина генерал-лейтенанта королевского флота. Это могло произойти, если бы не провал в 1708 году десантной операции в Шотландии, которой руководил де Форбен. Трудно представить, к каким последствиям могло привести появление в этой «горячей» точке Английского королевства претендента на престол Якова III Стюарта с французскими войсками. Одна-

ко, благодаря широкой агентурной сети, о подготовке военной акции были хорошо осведомлены в Лондоне. Появление эскадры де Форбена не стало неожиданностью для Английского адмиралтейства. Только сильный шторм и тактическое мастерство графа-корсара позволили избежать губительного столкновения с подстерегавшей французов превосходящей английской эскадрой вице-адмирала Джорджа Бинга и благополучно возвратиться в Дюнкерк. Однако неудача операции запятнала репутацию де Форбена, и он сделался «козлом отпущения», на которого можно было свалить крупный политический, дипломатический и стратегический просчет. Оскорбленный де Форбен вышел в отставку, удалился в свои родовые владения и 4 марта 1733 года скончался в замке Сен-Марсель.

Рене Дюге-Труен — гордость Сен-Мало

Рене Дюге-Труен родился 10 июня 1673 года в семье богатого судовладельца из Сен-Мало. С детства он был привязан к морю и, убегая в порт, пропадал там целыми днями, играя среди гниющих барок и рыбачьих судов арсенала; слонялся по набережным, вдыхая соленый аромат моря, въедливый рыбный дух торговых лавок и теплый запах стружки на верфях. Но строгий, практичный отец решил, что Рене (седьмой из одиннадцати детей) будет священником, и пришлось мальчику отправиться для обучения в колледж иезуитов в Ренне и засесть за латынь и риторику. Однако, когда в 1687 году отец скончался, юноша ощутил себя свободным и быстро распростился с духовной семинарией. Да и о какой карьере священника могла идти речь, если у Рене на уме были только шпaги, вино, женщины, карты и танцы. Он сбежал в Руан, а затем перебрался в Париж (1688). Голубоглазый блондин с ангельской внешностью, смелый, дерзкий пятнадцатилетний рубака лихо проматывал доставшееся ему в наследство состояние и вскоре оказался замешан в серьезном скандале. Беспорядочный образ жизни молодого повесы возмутил его добропорядочную степенную мать, всех почтенных родственников и друзей семьи. Посовещавшись, они нашли способ уговорить сумасброда. Старший брат записнул юного бездельника в почтовую карету и отправил в Сен-Мало, где Рене сразу определили добровольцем (т.е. без жалованья) на корсарский корабль «Трините» («Троица»). Так в 1689 году жизнь Дюге-Труена пошла по другому руслу. Вместо штудирования церковных трактатов и молитв или разгульной бесшабашной столичной жизни его ожидала блестящая морская карьера, сделавшая Рене Дюге-Труена гордостью французских корсаров.

Марс и Венера победили в нашем герое христианское смирение. К тридцати шести годам корсар захватил 300 торговых и 20 военных кораблей. Приведем некоторые цифры, характеризую-

шие масштабы деятельности молодого Дюге-Труена в период Войны Франции против Аугсбургской лиги (1688 — 1697). В восемнадцать лет он уже командовал небольшим 14-пушечным корветом «Даникан». Крейсируя у берегов Ирландии, юный француз отличился при захвате замка Лимерик, взял два и сжег четыре английских купеческих судна (1692). Затем последовали плавания на флейте «Профон» («Глубокий») (1692 — 1693) с захватом торгового корабля и фрегата (1693) и призом в два английских корвета стоимостью 750 тысяч ливров. В 1694 году Дюге-Труен на королевском 40-пушечном фрегате «Дилижант» («Проворная») привел во французские порты два захваченных военных корабля, трех торговцев и брандер. В мае того же года его взяли в плен англичане, но после побега корсар возобновил выходы в море. На королевском 48-пушечном фрегате «Франсуа» (1694 — 1695) он захватил шесть торговых и пять военных английских кораблей, одним из которых был знаменитый «Нон Сач» («Несравненный»), превращенный Дюге-Труеном в собственный корабль и переименованный соответственно в «Сан Парей» («Несравненный»). За эти подвиги корсар удостоился королевского внимания и получил золотую шпагу за военные отличия (1695): В 1696 году добычей «Сан Парей» стали два голландских корабля, захваченных у берегов Испании. На следующий год корсар командовал судном «Сен Жак де Виктуар» и в сопровождении двух других судов отправился на перехват голландского конвоя, идущего из Бильбао под прикрытием трех военных кораблей под командованием вице-адмирала барона Васснера. В кровопролитном сражении погибли четыре двоюродных брата Дюге-Труена и половина экипажей французских судов, но все двенадцать торговых судов были взяты, причем голландские офицеры были убиты, а тяжелораненый Васснер взят в плен. В том же году Дюге-Труен был принят на службу в королевский флот в чине капитана 2-го ранга.

Война за испанское наследство вознесла Дюге-Труена на вершину славы. Французский историк отмечал, что *«он один был бы способен во время войны за испанский престол вернуть французскому флоту славу времен Дюкена и Турвиля, если только подобное чудо могло бы осуществиться»*.

Для подобных высоких оценок есть все основания. Вот краткий перечень действий Дюге-Труена, этого талантливого преемника Жана Бара. В 1702 — 1703 годах его внимание было сосредоточено на китобойных промыслах Шпицбергена. Если 1702 год был неудачным из-за сильных штормов, то в следующем, 1703 году, Дюге-Труена ждали блестящие победы. Командуя «Эклатаном» («Громкий») и отрядом судов, он появился на китобойных промыслах в самый разгар сезона, спалил шесть голландских кораблей, захватил двенадцать других и в придачу к ним взял два торговых

Рене Дюге-Труен

(английское и голландское) судна и с такой добычей вернулся в Нант. В 1703 — 1704 годах на «Эклатане» и «Фурье» («Бешеный») он пополнил список захваченных судов голландским и тремя английскими судами, но особенно примечателен захват «Амазонки» — корсарского судна из Флиссингена. Дело в том, что в бою с этим корсаром у Бреста погиб брат Рене, Николя-Франсуа. В 1704 году, командуя отрядом, составленным из кораблей «Язон», «Август» и «Валер» («Доблесть»), он овладел 72-пушечным кораблем и двенадцатью торговыми судами. На следующий год, крейсирова на «Язоне» у берегов Португалии, он ввязался в бой с португальским флотом, идущим из Бразилии, сражался поочередно с несколькими судами, был ранен, но не сумел овладеть ни одним

призом. Однако на обратном пути в Брест взял на абордаж английский фрегат и захватил девять торговых судов.

Широкий резонанс имело знаменитое сражение 21 октября 1707 года у Лизарда. Дюге-Труен на 74-пушечном «Лизе» («Лилия») вместе с де Форбеном подстерегли здесь большой купеческий конвой, и после ожесточенного сражения в их руки попала часть флотилии и три военных корабля (в том числе 82-пушечный «Камберленд», абордированный Дюге-Труеном). Но командующие сочли добычу не столь внушительной, как ожидалось, и после крупного разговора на предмет ответственности за это каждого из них расстались врагами. Впрочем, характер Дюге-Труена проявился и в другом эпизоде. Когда король за эту операцию назначил корсару пенсию в 1 тыс. ливров, Дюге-Труен обратился с прошением передать награду своему помощнику капитану Сент-Обену, потерявшему в бою ногу. В ответ на это Людовик XIV вознаградил корсара за бескорыстие пенсионом в 2 тыс. ливров.

Неудачным стало крейсерство 1708 года — размеры призов, захваченных у Азорских островов, не покрыли сумм, затраченных на снаряжение судов. В следующем, 1709 году Дюге-Труен, возглавив отряд, состоящий из корабля «Ахилл» и трех фрегатов, взял четыре английских судна стоимостью 300 тыс. ливров.

За подвиги Дюге-Труен был пожалован дворянством, однако в 1710 году не смог должным образом отблагодарить короля за оказанную ему честь — он неожиданно заболел и едва не умер. Зато в 1711-м Дюге-Труен с лихвой возместил все авансы — грандиозная операция по захвату Рио-де-Жанейро принесла ему международную известность. Заслуги Дюге-Труена перед Францией не остались без внимания. Он был пожалован командорским званием ордена Св. Людовика и был введен в высшую военную иерархию французского общества. В 1731 году, уже в чине контр-адмирала, он командовал эскадрой Средиземного моря и, пройдя во главе ее у берегов Алжира, Туниса, Триполи и острова Кипр, вынудил местных пиратских владык принять все условия, поставленные французским правительством. Произведенный в генерал-лейтенанты, он накануне возможной войны с Англией в 1733 году был назначен главным морским командиром в Бресте.

Однако здоровье Дюге-Труена было совершенно подорвано. Когда опасность войны миновала, он отправился в Париж, в надежде, что столичные хирурги сумеют приостановить ход болезни. Усилия врачей были безрезультатны, и они честно признались старому корсару, что жить ему осталось считанные дни. Дюге-Труен и сам чувствовал приближение смерти и обратился с письмом к кардиналу де Флери, прося о покровительстве короля Людовика XV его семейству. В ответном послании Дюге-Труен с успокоением прочел, что может не беспокоиться о будущем семьи. Министр сообщал, что, читая

письмо, король «... был им тронут, и я сам не могу удержаться от слез. Вы можете быть уверены, что Его Величество, если Богу будет угодно призвать Вас к себе, расположен оказать знаки своей милости вашей фамилии...» Через некоторое время, 27 сентября 1736 года Дюге-Труен тихо скончался в Париже. Современник вспоминал:

«По складу своего характера, он [Дюге-Труен] был склонен к грусти или по крайней мере к некоторой меланхолии, не позволявшей ему вступать в какие бы то ни было разговоры. Привычка обдумывать важные планы сделала его равнодушным ко многому тому, что занимало большинство людей. Часто после долгой с ним беседы говоривший вдруг замечал, что он не слушает его и ничего не понимает. Ум его, однако, был живым и пронизательным. Никто лучше него не умел разобраться в том, что необходимо для успеха дела и что может его погубить. Ни одно обстоятельство не ускользало от его внимания. Он никогда не любил вина и был равнодушен к еде. Хотелось бы, чтоб и в других радостях жизни он отличался бы той же сдержанностью, однако ему никогда не удавалось одолеть своей страсти к женщинам. Он только старался избегать сильных и долгих увлечений, которые могли слишком завладеть его сердцем».

Узник замка Гам

Когда Дюге-Труена спросили, что он думает о Жаке Кассаре, корсар ответил: «Это самый великий моряк Франции на этот момент, я отдам все свои боевые операции за одну его». Имелось в виду последнее рискованнейшее дело этого капитана из Нанта, когда тот, командуя отрядом судов, прошелся по английским, голландским и португальским владениям в Вест-Индии и Атлантике и нанес колониям чувствительный ущерб.

Родился Кассар 30 сентября 1679 года. Его отец, капитан небольшого торгового судна, умер, когда мальчику было десять лет. Вдова осталась с тремя дочерьми и сыном на грани нищеты. Помогла помощь старых друзей семьи, которые определили мальчика на рыбачий бриг, отправляющийся на промысел к берегам Ньюфаундленда. С тех пор Кассар не знал жизни без моря. Впервые известность пришла к молодому моряку в 1697 году, после того как он участвовал в экспедиции барона де Пуэнти в Картагену. Кассар отличился при бомбардировке крепости и командовал отрядом флибустьеров. По возвращении во Францию он удостоился аудиенции самого короля, получил назначение в Дюнкерк и до окончания военных действий крейсировал в Ла-Манше. С началом Войны за испанское наследство наступила новая полоса в жизни Кассара; одна за другой следуют блестящие военные операции: разгром английской торговой флотилии (1708), закупка хлеба в странах Леванта и сопровождение пятнадцати купеческих судов во Францию, отмеченное двух-

дневным сражением с английской эскадрой у Бизерты (1709); конвоирование хлебного каравана из Смирны и захват английской торговой флотилии (9 судов) и 24-пушечного фрегата (1710), сопровождение хлебного каравана из Турции в Марсель (1711) и, наконец, в 1712 — 1713 годах состоялась та кампания Кассара, о которой столь высоко отозвался Дюге-Труен. Во главе небольшой эскадры Кассар пересек Атлантический океан (по пути захватив порт Прая на острове Сантьягу) и прибыл на остров Мартиника, откуда и нанес ряд чувствительных ударов по английским и голландским колониям Вест-Индии. В союзе с флибустьерами он разорил английские Монтсеррат и Антигуа (лето 1712 г.), разгромил голландские владения Суринам (осень 1712 г.) и Кюросао (зима 1713 г.). По возвращении в Тулон Кассар был произведен в чин капитана 1-го ранга и пожалован орденом Св. Людовика.

Жак Кассар

Он разорил английские Монтсеррат и Антигуа (лето 1712 г.), разгромил голландские владения Суринам (осень 1712 г.) и Кюросао (зима 1713 г.). По возвращении в Тулон Кассар был произведен в чин капитана 1-го ранга и пожалован орденом Св. Людовика.

Кто мог тогда предсказать трагический финал этой истории? Через некоторое время Кассар подвергся судебному расследованию, темные страницы которого до сих пор остаются загадкой. Обвинения в недисциплинированности, нарушении субординации сочетались с жалобами на его ужасный характер и жестокость. Марсельские торговцы предъявили ему иск о несправедливом распределении денег, полученных от продажи захваченной собственности, и потребовали выплат причитающихся им сумм. Обстановка накалялась не без помощи самого Кассара, отличавшегося сложным характером. Его грубость и вспыльчивость могли быть простительными на галере, но не в торговых палатах и кабинетах методичных сухих юристов. Нелюдимый, угрюмый Кассар сам подливал масло в огонь и способствовал бесплодности всех попыток отстоять свою честь. Не добившись успеха в судебном разбирательстве, он в 1718 году удалился в Нант, оказавшись, после всех своих подвигов, даже без пенсии¹. Через много лет Кассар вернулся в Париж, чтобы попытаться добиться справедливо-

¹ К этому времени относятся закончившиеся неудачей переговоры Кассара о поступлении на русскую военно-морскую службу.

сти. Неизвестно, что произошло на аудиенции, данной ему кардиналом де Флери 7 февраля 1735 года. По-видимому, упрямый вспыльчивый храбрец был весьма холодно принят кардиналом и, в приступе злопамятного гнева, наговорил много лишнего, оскорбив и министра и правительство. Спустя некоторое время он был арестован по «летр де каше» (безымянный королевский указ о заточении без суда и следствия), посажен в замок Гам, где через несколько лет сошел с ума и 21 января 1740 года умер.

Капитан Круазик из Байонны

Господин Жоаннис де Сухигарэйшипи, по прозвищу Круазик (на байонском диалекте — маленький корсар), был уроженцем Байонны. Много лет он проплавал на торговых судах и совершил несколько вояжей в Америку. Когда в 1689 году началась Война Франции против Аугсбургской лиги, он собрал своих друзей и попросил их помочь снарядить фрегат для корсарства. Бравому капитану не было отказано в помощи, и приятели в нем не ошиблись. На фрегате «Лежер» («Легкая») Круазик лихо крейсировал вдоль Атлантического побережья, и его имя вскоре сделалось хорошо известным. Герцог де Граммон, губернатор Байонны, был в полном восторге от капитана. Он не только слал восторженные донесения де Поншартрену и всячески протезировал ему, но и вступил в соглашение с корсаром об участии в снаряжении его корабля и доле в добыче. Герцог не ошибся в выборе — за несколько лет войны Круазик захватил более ста торговых судов. Особенно восхищался герцог де Граммон операцией, проведенной осенью 1691 года. Круазик долго следовал за торговым караваном и наконец дождался своего часа. На глазах у сопровождения он внезапно атаковал транспорт и захватил голландского торговца с грузом железа, вооружения и шафрана. Когда судно привели в Байонну, то стоимость приза была оценена в 100 тыс. франков.

Вскоре Круазик перенес свое деятельность в воды Шпицбергена и Ньюфаундленда. Командуя кораблем «Эгль» («Орел»), он охотился за китобойными судами и ловцами трески. 10 сентября 1694 года его корабль столкнулся с превосходящим противником в одной из бухт Ньюфаундленда. Круазик был тяжело ранен и умер, а «Эгль» затонул. На одной из могильных плит в заброшенной церкви сохранилась надпись: *«Здесь покоится Жоаннис де Сухигарэйшипи, прозванный Круазик, капитан королевского фрегата в 1694 г. Ратуя за честь моего господина, я следовал за ним, атакуя врагов всюду, где их встречал».*

Нам не раз еще придется встретиться с героями этих маленьких очерков. Хотелось бы отметить, что корсары Людовика XIV играли заметную роль в структуре военно-морских сил Франции. Плаванья за призами, совершаемые ими, были чем-то вроде учебного

полигона, на котором будущие офицеры королевского флота получали практические навыки, а абордажные схватки и артиллерийские перестрелки, в которых они участвовали, превращались в школы риска, доблести и отваги.

Русские цари и морской разбой

Иван Грозный и «московитский адмирал» Карстен Роде

В 1561 году развалился Ливонский орден. Вакуум на балтийских берегах, образовавшийся с его исчезновением, быстро заполнили соседи, разделив земли и сферы влияния некогда могущественного ордена. Принадлежавшие ему морские порты в Прибалтике оказались в руках балтийских держав. Швеции достался Ревель, Польше — Рига, а остров Эзель заняла Дания. Не упустило свой шанс укрепиться на Балтике и Русское государство, приложившее максимум усилий для уничтожения своего опасного соседа. Захватив в 1558 году крепость Нарву на левом берегу реки Наровы, в 12 км от ее впадения в море, Москва поставила морские державы перед фактом появления у них на Балтийском побережье серьезного соперника, не скрывающего своих амбиций. Неисчерпаемые ресурсы сухопутной Московии, ее мощный военный потенциал могли послужить толчком в превращении ее в морскую державу. Ближайшие соседи приложили немало усилий, чтобы в зародыше задушить потенциальную возможность появления московского флота.

Ядром противоречий на Балтике стала нарвская торговля, вокруг которой развернулись острые дипломатические, торговые и вооруженные столкновения, — не последнюю роль в них играли польские и шведские каперы. Они отлавливали идущие в Нарву торговые корабли голландцев, датчан, англичан, Любека и загоняли их в свои гавани, не давая возможности Московскому государству напрямую торговать с Западом.

Протесты торговцев, их жалобы на бесцеремонность и неразборчивость каперов в выборе жертв вызывали соответствующие правительственные меры и нередко приводили к острой дипломатической переписке. Так, например, в марте 1568 года правитель Нидерландов герцог Альба направил королю Польскому Сигизмунду II резкое письмо с протестом против действий его «пиратов», захвативших голландское судно. Требование герцога отпустить команду было удовлетворено, но таких захватов было немало, и сомнительно, чтобы в каждом конкретном случае власти могли повлиять на судьбу экипажа и грузов. Впрочем, когда каперы

Иван IV

Портрет работы неизвестного русского художника XVI в.

попадали в руки противника, с ними зачастую не церемонились: в глазах многих каперские грамоты не имели силы официальных документов и не спасали от «правосудия». Так, например, летом 1570 года данцигские каперы напали в нарвском фарватере на английские суда, но потерпели неудачу, были взяты в плен и доставлены в Нарву. Местные власти, приравняв пленных к пиратам, отправили их на виселицу.

Несмотря на активность балтийских противников Москвы и жесточенность каперства, торговля у Нарвы набирала силу. «Легко понять, — с негодованием писал король Сигизмунд II, — как усиливается Московит, враг Польши и всего христианства, по-

ка его поддерживают европейские торговцы; он с каждым днем становится опаснее». Король не случайно опасался восточного соседа. Царь Иван IV Грозный с трудом пробил себе выход на Балтику и не собирался отступать.

Его первым шагом стала подготовка к строительству в Нарве морских судов. Для этого из Холмогор и Вологды — тогдашних центров русского судостроения — были специально вызваны мастера «добрых пропорций» и мореходы. Их направили за границу — «для просмотра, как на западе льют пушки да строят корабли».

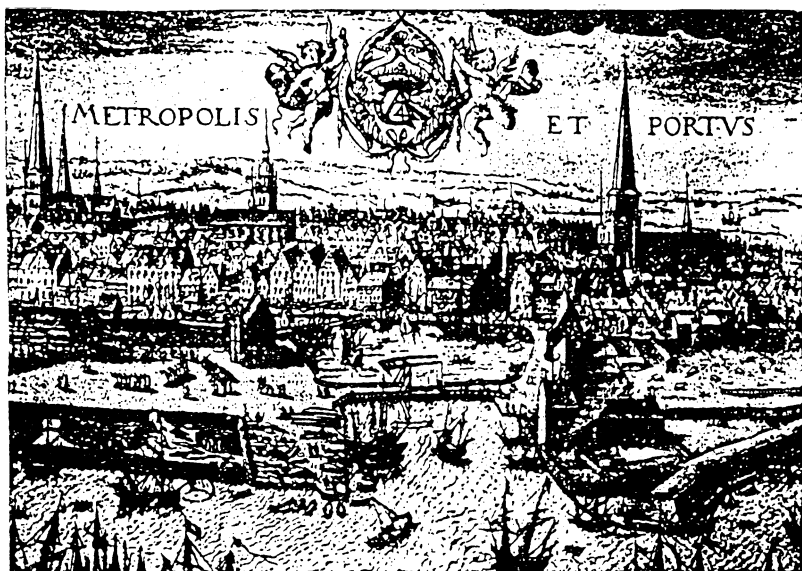
Следующий шаг, предпринятый царем, заставил Европу заговорить о появлении ранее неизвестных «московских пиратов». «Все, что ими делается, делается за его, царя, ведома, с целью вредить подданным польского короля». — с таким обоснованием некий Карстен Роде начал организовывать русское каперство на Балтийском море.

Как и о многих людях, внезапно вышедших из безвестности на страницы истории, о Карстене Роде сведений сохранилось очень мало. Мы знаем, что родился он в Дитмарксене, на юго-западе Ютландского полуострова¹, торговал с Любеком и служил датскому королю Фредерику II. 30 марта 1570 года Карстен Роде получил в Александровской слободе каперскую охранную грамоту, согласно которой он стал именоваться «царским морским отоманом». Ему было предоставлено право действовать против короля Польши, «его подданных и помощников, пособники и друти и всех тех, которые к нему в его городе и земле какой товар и живот запасу или что ни буди привезет и отвезет морем и сухим путем на его пристанище, море, и реки, и земли или где их мочно залести». Царь предоставил Роде широкие полномочия: «Силой врагов взять... и их корабли и людей мечом сыскать, зацеплять и истреблять». По условиям договора, царю поступал каждый третий корабль из захваченных Роде, «десятая деньга» (т. е. 1/10 часть) стоимости захваченного груза и лучшая пушка с каждого взятого судна. Роде получил также право вербовать на каперскую службу и раздавать каперские грамоты. Царские воеводы и наместники должны были помогать каперу всем необходимым, а великий князь обязался выкупить или выменять Роде, если тот попадет в плен.

Роде направился в Аренсбург на остров Эзель², где снарядил одно судно и нанял тридцать пять «немецких людей». Вооружив корабль (3 литые чугунные пушки, 10 небольших орудий, кирки для пролома бортов), он пошел к острову Борнгольм, где захватил сначала судно с селедкой и солью, идущее из Эмдена, а затем еще

¹ Западная провинция Голштинии; вошла в состав Датского королевства в 1559 г.

² Он располагал также каперской грамотой (6.05.1570) от владетеля Эзеля и Курляндии герцога Магнуса, брата короля Дании.

Копенгаген в XVI веке. Фрагмент гравюры Виекса

несколько кораблей. Под его началом уже была небольшая флотилия, с которой «московитский адмирал» пошел к Данцигу и захватил четыре судна с зерном¹. Решительные действия отряда Роде вынудила власти Швеции и Данцига предпринять ответные шаги для поимки «отомана».

Первой их удачей стал захват одного из судов каперской флотилии — пинка «Заяц». Корабль шел с Борнгольма, где захватил двух шведских каперов, в Копенгаген. Ночью пленники освободились от оков, убили вахтенных, ранили командира, заперли команду в трюме и взяли курс на Померанию, где сдали судно властям. Сохранился список команды пинка. Эти имена дают представление о национальной принадлежности первых русских каперов, «подданных» Московского государства: Клаус Тодде из Любека — капитан; Гейнрих Шульце из Гамбурга — помощник; Ганс Гаусман из Дитмарксена — шкипер; Петр Хазе из Травемюнде — штурман; Нильс Гейнрихсен с Борнгольма — боцман; Тевес Бартельшен, также с Борнгольма — боцман; Олоф — сын Хазе, двенадцати лет. На пинке находился и пленник — некто Гейнрих Куль, золотых дел подмастерье.

Самого же Роде взять долго не удавалось. Дважды осторожно датчанина вырубала разведка, и, получив вовремя предупрежде-

¹ Неизвестно, выполнял ли Роде обязательства перед Иваном Грозным.

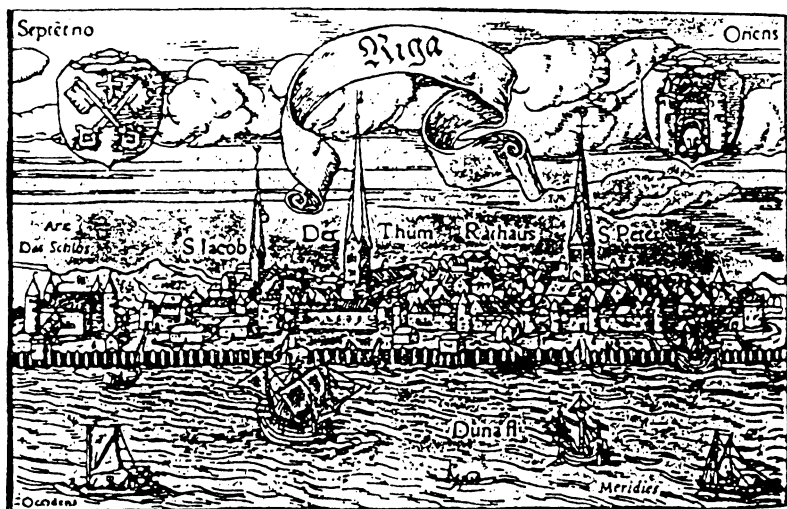
дение об экспедициях, снаряжаемых на его поимку, он успевал скрыться в датских водах. И все же шведам удалось захватить корабли Роде на острове Борнгольм. Правда, сам датчанин вновь ускользнул в Копенгаген. Однако его отряд уже не мог соперничать с превосходящими силами поляков и шведов и был вытеснен с Балтики. Изменилась и международная обстановка — Дания заключила мир со Швецией...

Прошло немного времени, и теперь уже Копенгаген был озадачен известиями о разбое Роде в датских проливах и захвате им судов. Это положило конец его деятельности русского капера. По приказу короля (05.10.1570) Роде был арестован и отправлен в замок Галь, близ Виборга. Коменданту крепости предписывалось отвести для узника комнату и принять все меры к тому, дабы никто не говорил с ним, кроме стражи. Особо оговаривалось требование соблюдать осторожность в общении с заключенным, отрекомендованным «шустрым малым», полагаться на которого нельзя. К Ивану IV был послан специальный гонец с донесением об аресте Роде¹. Суда флотилии Роде конфисковали датчане, а «товарищей его» выдали шведским властям. Через три года, летом 1573 года, Роде перевезли в Копенгаген, предложив ему выкупить свободу за тысячу талеров. Дальнейшая судьба «московитского адмирала» неизвестна.

XVII век

Так закончилась история первого русского капера Карстена Роде и его флотилии. Столь же неудачной оказалась и первая попытка закрепления Российского государства на Балтийском море и ведения им самостоятельной морской торговли с Западной Европой. В 1581 году Швеция захватила Нарву, в 1611 году заняла русское балтийское побережье (Ижорскую землю — Ингерманландию) с берегами Невы и окончательно преградила России выход к морю. Столбовский мир 1617 года подвел конечную черту в катастрофическом падении России. Шведский король Густав II Адольф заметил: *«Великое благодеяние оказал Бог Швеции. Русские — опасные соседи. Но теперь этот враг без нашего позволения не может ни одно судно спустить в Балтийском море, в большие озера Ладожское и Пейпус [Псковское]. Нарвская область — тридцать миль обширных болот — и сильные крепости отделяют нас от него: у России отнято море, и, Бог даст, теперь русским трудно будет перепрыгнуть через этот ручеек»*. Через четыре года, в 1621 году, с занятием шведскими войсками Риги, был положен последний камень в «прибалтийский барьер», разрушенный только

¹ До царя письмо дошло в августе 1571 г., но, по видимому, Иван IV не считал возможным содействовать освобождению своего капера.

Рига. Гравюра 1550 г.

в 1721 году Ништадтским миром, превратившим Россию в морскую державу.

Впрочем, превращение Балтийского моря в «шведское озеро» совершенно не означало уничтожения внешней торговли России. На протяжении XVII в. купцы из Новгорода, Пскова, Тихвина, Олонца, Ярославля ездили торговать в Стокгольм — единственный западноевропейский порт, в который приходили русские суда и где существовал Русский гостиный двор. Другим регионом российской балтийской торговли являлась Прибалтика и, несмотря на то, что Ревель, Дерпт, Рига оказались под властью Шведского королевства, немецкое купечество вело здесь выгодную посредническую торговлю между Россией и Западом. В 1632 году, со строительством в устье Невы шведского города Ниеншанца, возник еще один центр транзитной торговли. По замыслу короля Густава II Адольфа, новый порт, создаваемый в противовес прибалтийским портам, должен был монополизировать внешнюю торговлю России на Балтике и вытеснить из русской торговли прибалтийское купечество.

Вторая торговая магистраль России — беломорская — шла севернее: «по божьей дороге океану-морею». Она огибала Скандинавский и Кольский полуострова и следовала к устью Северной Двины — в «жемчужину державы», в порт Архангельск. Сюда в весенние месяцы в сопровождении военных конвоев стекались нидерландские, немецкие, шведские, датские, французские купцы.

Архангельск. Гравюра XVII в.

На этом пути таилось немало опасностей, были часты нападения пиратов, а в периоды войн — многочисленных каперов. Страдали в основном европейские коммерсанты. Летом 1582 года, например, датские «*пять кораблей... разбойным обычаем на море у Колы и у Колмогор разбили немец, которые к нам в наше государство ехали... и корабль их со всем животом взяли, и их самих взял*». В царской грамоте, направленной королю Дании, было выставлено требование сыскать этих людей, казнить их и вернуть захваченное. В начале 1613 года судно нидерландского купца Г. Кленка, зимовавшее у Тотьмы, разграбили «*литовские люди*». Разбойники захватили имущества на 15 тыс. руб., а самого купца и его людей «*мучили и едва живыми отпустили*». В 1614 году, «*как приходили воры к Архангельску*», воевода и посадские люди жгли склады и товары. В 1639 году два датских корабля захватили у побережья Кольского полуострова четыре голландских судна; в 1643 году испанские разбойники взяли еще нескольких голландцев. Зафиксированы случаи, когда местные жители пользовались привилегиями «берегового права», — в сентябре 1635 года недалеко от Архангельска затонул голландский торговый корабль, и вряд ли жалобы владельцев разбитого судна привели к возвращению товаров, присвоенных «промысловиками» Беломорья.

Нередко торговцам приходилось оставаться на зимовку в Архангельске, как вынуждены были сделать в 1687 году пять гамбургских судов (Гамбург осаждался Данией) или в 1690 и в 1692 годах голландские и немецкие суда, опасавшиеся нападения французских корсаров, оставивших печальную память. Один из них, кавалер де Форбен, не единожды громил северные караваны

ны, направлявшиеся в Архангельск. В северных водах зафиксированы нападения немецких, голландских и даже испанских пиратов. Приходилось сталкиваться с морскими разбойниками и русским людям, причем жертвами нападения, по причине редкости торговых купеческих плаваний, становились дипломаты. Так, например, летом 1580 года немецкие разбойники ограбили в Пернове царских посланников. А в апреле 1654 года немало неприятных минут пришлось пережить у Западных Фризских островов посланному во Францию Константину Мачехнину. Торговый корабль, на котором он шел из Нарвы, оказался в непосредственной близости с «аглинскими воровскими караблями», захватившими на глазах дипломата четыре нидерландских и гамбургских буера. Мелководье спасло русскую делегацию, но каково же было изумление дипломатов, когда шкипер их судна оказался братом шкипера «кабля воровского». Он признался, что «...к ним теперво и сам пошол, а для вас не пойду, чтобы государеву делу какая поруха не учинилась и вас не побили». Неожиданный союзник привел судно в Харлинген, где Мачехнин нанял другое судно и добрался до Гааги. Здесь из-за английских «воинских и воровских кораблей» пришлось простоять до 27 июня, и во Францию делегация прибыла только в октябре.

Иностранные купцы в России. Гравюра XVI в.

Приходилось российским государственным деятелям сталкиваться и с барбарийскими корсарами. В 1697 — 1699 годах с образовательными целями за границу был направлен стольник Петр Алексеевич Толстой (1645 — 1729), будущий посол России в Турции (1702 — 1714), глава Тайной канцелярии и противник светлейшего князя Меншикова. Совершив путешествие по европейским странам (Польша, Силезия, Моравия, Австрия), он прибыл в Италию, где принялся за изучение морского дела. Пятидесятидвухлетний вельможа поступил волонтером на корабль, совершавший каботажные плавания по Адриатическому морю, и, обойдя побережье Далмации, приобрел немалый опыт в навигации, получив похвальный аттестат об успехах в «*навтических науках*». Спустя некоторое время, в июле 1698 года, он отправился в Неаполь и на фелюге обогнул Сицилию, собираясь плыть на Мальту, когда неожиданно были получены известия, что в море ходят три «*корабля турецких великих*». У острова Капо-Пассеро фелюга встретила с двумя мальтийскими галерами, которые уступали корсарам по боевой мощи. «*Однако ж те галеры, — рассказывал Толстой в путевых записках, — от них не побежали, а стояли, ожидая их, блиско помяннаго острова (Капо-Пассеро. — Д. К.); также и я в своей филюге, где был поставлен на стороже, с того места бес повеления капитанскаго не уступил... И так мы тое ночь стояли всю...*»

Утром (17 июля) выяснилось, что корсары ушли в море, и фелюга, с крайними предосторожностями, пошла вдоль побережья Сицилии, а следующей ночью рискнула пойти через пролив к Мальте «*...на веслах, для того что ветру никакого не было...*» Наконец, поймав ветер, фелюга подняла паруса и «*...побежали. А в той ночи зело было пасмурно, и звезд видеть было невозможно... А патрон, то есть начальник филюги нашей, во мраке ночном с праваго пути мало позбился, что я видею, довольно с ним говорил в противность и мнил то, что он делает с лукавства и хочет меня завести в Барбарию, то есть во Арапы. Потом тот патрон познал сам, что не так идет...*», и с помощью московского вельможи вышел на правильный курс. «*На первом часу июля 19-го дня увидели перед собою Мальтийский остров... не доезжая до Веллику за 10 или болши миль италиянских, съехались мы с турецким великим караблем... А тот карабль почал за нами правится и уганять нас, и гнался за нами 3 часа с лишком, перенимая нам дорогу к Мальте. И мы, видею, что тот карабль нас уганяет и к Мальте мы от него уже иттить не можем, вскоре на филюге своей парусы переверотили под ветер, и почали мариеры (моряки. — Д. К.) грести веслами, и пошли к тому караблю в противность, умысля то, чтоб нам тот карабль проплыть вскоре за ветер. И так при помощи Божией, встречу того карабля ехав, проминули его зело в близости. И как увидели турки, что филюга наша прашла против их карабля в меру пушечной стрелбы, начали стрелять ис пушек; а потом, как еще бли-*

же поровнялись мы с караблем их, и они стреляли из мелкого ружья по нас: однако ж Господь Бог нас пощадил: никого не убили и не ранили... А мы, невидимою силою Божиею освободясь от тех псов-босурман, приехали в Мэлт (Валетта. — Д. К.) в добром здравье».

С угрозой каперского нападения пришлось столкнуться и самому Петру I. В июне 1696 года «Великое посольство», в составе которого находился царь, отплыло из Пиллау и направилось морем в Голландию. Датское правительство снарядило для сопровождения военный конвой, но в последний момент предложило отказаться от избранного маршрута и добираться сухим путем. Морское путешествие было признано опасным из-за появления в Балтийском море французской военной эскадры под командованием знаменитого корсара Жана Бара. Он доставил в Данциг принца де Конти, претендента на польский трон, и теперь *«шатался на Варяжском море»*.

Петр I и каперская война

Начало XVIII в. было ознаменовано небывалым размахом каперской активности. Никогда еще многострадальная европейская торговля не была так измучена, как в этот период. Не успел начаться XVIII в., а уже на континенте вспыхнули новые войны, охватившие почти все страны Европы. А с ними с новой силой разрасталась каперская эпидемия, опустошая торговые артерии и неся огромный урон купеческим конторам мира. Два могущественных короля — покровителя каперов зажали континент в плотные тиски узаконенного морского разбоя. Французские корсары Людовика XIV терроризировали регионы Средиземноморья, Атлантику и Северное море. А их шведские собратья по ремеслу, при поддержке Карла XII, подрывали северную торговлю. Молодой честолюбивый король, отстаивая гегемонию Швеции на Балтике, воевал с мощным Северным союзом и раздал такое количество каперских грамот, что северные моря буквально кишели от его поданных, получивших право на захват судов, принадлежащих вражеской стороне. В ответ противники выпускали в моря своих каперов для охоты на каперов и борьбы с торговлей. Мир закрутился в каперском состязании.

Справиться со шведами было невероятно трудно. Эти бравые потомки викингов скрывались в запутанных лабиринтах шведских и норвежских фьордов и были совершенно неуловимы. Они безраздельно властвовали на море и превратили Каттегат и Скагерак, ворота северной торговли, в самые настоящие каперские озера. Датские, голландские, английские, немецкие крейсера не могли переловить каперов среди этих чернеющих скал, бесчисленных островов, рифов, где мели и путаница каналов была надежной гарантией безопасности.

Балтийское море было одной из главных зон деятельности шведов. Они открыли настоящую войну против торговли, без разбора овладевая всем судами, встречавшимися на пути. Страдали не только суда противника, но и купцы, представляющие нейтральные государства. Так, в 1714 году каперы захватили двадцать четыре английских судна, а весной 1715 года в их руки попало уже более тридцати кораблей, принадлежавшим торговцам той же страны. Деятельность шведов заставила Англию и Голландию предпринять защитные меры и ежегодно вводить в пролив Зунд свои флоты, обеспечивая безопасное мореплавание по Балтийскому морю.

Угроза истощения молодой, только встававшей на ноги балтийской русской торговли составила предмет особого беспокойства и царя Петра I. Примером стала история, произошедшая с кораблями предпринимателей братьев Осипа и Федора Бажениных, получивших от царя разрешение (02.02.1700) *«корабли и яхты строить иноземцами и русскими мастерами повольным наймом из своих пожитков»* и вести на них торговлю в Голландии и Англии, противниках Франции. Отправленное ими в Англию транспортное судно *«Андрей Первозванный»* было перехвачено и ограблено французскими корсарами. В ответ на этот захват Петр I направил послание Людовику XIV.

Петр I — Людовику XIV

«4 марта 1705 г.

Пресветлейший, державнейший и велеможнейший княже, великий государь, наш дражайшей брате и совершеннейший друже, Людовику четвертойнадесять, королю Французской и Наварский, и иных и иных и иных.

Мним, что вашему королевскому величеству благоизвестно есть, како пред четырьмя лет в Биржах вашего величества посол, господин маркиз де Гирон нам имянем вашего величества предлагал о желанной вашего величества с нами, дружбы и любви и доброй пересылки и о свободной торговле между обоих стран подданными к государственной прибыли. И на то от нас ответствовано, что мы с вашим величеством добрую дружбу и пересылку иметь усердно желаем и торговле свободной быть соизволяем, и ежели торговые французские карабли ходить станут в наши пристанищи, повелим их иметь в своем зашищении... и что и своим подданным укажем вашего величества в государствах для купечества ходить... Но ныне уведали мы с удивлением, что наших подданных, имянуемых Бажениных, карабль, имянуемый Святого Андрея, 1703-го под нашим флагом и с пасом от ваших каперов взят и в пристанище ваше приведен и со всеми товарами конвискован. И хотя мы оной чрез присланного нашего капитана и тамо обретающагося нашего дворянина Посникова рекламовать указали и

Петр I

Литография Прохорова

ваш адмиралтейский совет оной было приговорил з болшою частью товаров возвратить, но по учиненной апелации до вашего совета оной карабль, не знаемо какой ради вины, противу прав и прежних учиненных обнадеживаний конвискован совсем. Також и потом, прошлого 1704-го году ноября в 23 день и второй наш карабль, от адмиралтейского нашего комисара Избранта отпушенной, Святаго же Андрея Имянуемой, от Дуинкерских вашего величества каперов, под Шведскими флагами сухих, взят и в Дуинкеркен приведен и со всеми товары конвискован. И якоже мы никогда не чаем, дабы то наших караблей взятие и конвискование с соизволения и ведома вашего величества чинилось... дружбно братски просим... взятые карабли и с товары, яко нейтральные и приятельския, немедленно возвратить повелеть и впредь крепкой указ морским своим офицером и протчим добытчикам дать, дабы под нашими флагами и с пасами повсюду ходящим караблям нигде никакой зацепки и вреду не приключали... дабы купечество обонх подданных к ползе множилось...

Реакции на обращение не последовало. Более того, в 1707 году еще один корабль Бажениных, «Апостол Петр», возвращавшийся из Лондона в Архангельск, был захвачен французами и сожжен; товары были конфискованы, команда «обобрана» и высажена на остров Кильдин. В 1712 году Баженины потеряли еще четыре судна — два «пропали от непогоды», а два стали добычей французских корсаров.

Каперская деятельность могла принимать и более серьезный для государственных судеб оборот. В апреле 1714 года, в год Гангутской победы, в канцелярию адмирала Ф. М. Апраксина пришло донесение из Гданьска, податель которого сообщил чрезвычайно важную информацию. «*Доношу, — писал он, — правду, то, что слышу здесь, что шведы нынешнего лета купно с капарами французскими стараться имеют на море Балтийском о п о и м а н и и* (выделено нами) *самого Его царского пресвятого величества, о котором гневом шведы ведомые, что особю своею на море сего лета быть изволит*». Автор донесения направил уже не одно предупреждение и обеспокоен «*беспечностью Его величества*»: он просит довести сообщаемое до сведения государя и «*иметь осторожность*».

Осторожность и безопасность российских подданных могли быть обеспечены только при наличии в балтийских водах боееспособного русского флота. По мере того как крепчала молодая морская держава, активизировались антикаперская деятельность и борьба со шведской торговлей. Одним из первых успехов стало крейсерство русских фрегатов под командованием капитан-поручика Исаака Бранта и капитана Авраама Рейса в Северном море и Каттегате (1711). Первый, на фрегате «Св. Петр» в августе захватил три стокгольмских судна: 6-пушечный «Конунг Давид», 4-

пушечный «Белый медведь» и 2-пушечный «Желтый лев» с грузами соли и патоки. Второй, возглавляя отряд судов, построенных на Соломбальской верфи, совершил в 1710 году переход из Белого моря в Копенгаген и, действуя по указаниям русского посла в Дании князя Василия Лукича Долгорукого, принял участие в каперской войне в проливе. Результатом операций стал захват шведских галиотов с лесом и солью и 11-пушечного шведского капера. Обратимся к документам и восстановим некоторые обстоятельства происшедшего.

Документ 1

А. Рейс — Петру I

«19 октября 1711 г.

Я не сомневаюсь, что господин посол Долгорукой вашему величеству не объявил о моем приезде сюды (во Флекерен. — Д. К.), также, что я взял корабль, нагруженный пенкою и смолою, идущий от города Архангельского, которой з 12 дней взят был от шведов. Говорят, что нагрузка оного его королевскому величеству дацкому принадлежит и около 12 000 ефимков стоит, и что мне ваше величество с тем чинить укажет, буду ожидать. Потом, по прошению барона Левендала¹ согласились мы, три афицеры вашего величества кораблей, проводить в Голландию норской купеческий флот и вышли с ним сего месяца во 2 день на море... Когда с флотом вышли, взял я шведикого капера с 11 пушками и привел сюды. Дацкой капитан Гоер претендует в том участия, однакож понеже он за ним не гнался, ниже по нем стрелял, и моя шлюпка прежде у того корабля была по приложенному свидетельству, и потому оной взятой корабль весь мне принадлежит. Я уповаю, что ваше величество изволит мне и людям некоторую часть из взятых кораблей пожаловать, и еще прошу вашего величества милости о месте капитана командира, которое мне обещать изволили».

Документ 2

Петр I — Рейсу

«25 января 1712 г.

Письмо ваше... я получил, в котором пишешь, что вы шведского капера взяли и датский карабль освободили, за что вам благодарствую и надеюсь, что всегда вы доброва случая пропускать не будете. Что же пишете о перемене чина своего, и то по времени вам исполнено будет...»²

Но этот захват — лишь мелкий эпизод каперской войны в се-

¹ Барон фон Левендал Вольдемар, датский министр, генерал.

² Рейс действительно получил чин капитана-командора, но в 1713 г., по делу о потере корабля «Выборг», был вместе с вице-адмиралом К. Крюсом приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь.

верных морях. Переломить ход событий и перехватить инициативу в военно-морских действиях, а значит, и в крейсерской войне, было делом не одного года, тем более что шведские каперы принимали самое активное участие в военных операциях. Князь Александр Данилович Меншиков, командовавший войсками, действовавшими в Померании, в июле 1712 года докладывал Петру I, что *«шведы в 48 судах. между которыми 33 каперов, атакировали остров Волин и на оном взяли один Швирен-шанец, в котором сидели саксонцы и неприятелю чрез окорд пленными отдались, а из другого волинского шанца саксонцы же ритеровались в Бранденбургю, ис которых с 70 человек французов изменили и к неприятелю пристали...»* Не оставляли шведские каперы без внимания и приморские области Российской империи. *«Как дьяволы... вертелись»* они у побережья Прибалтики и Финляндии, не давая покоя местным властям, на которые сыпались жалобы, протесты и мольбы о помощи в борьбе с этой язвой. Неокрепшие морские силы России должны были продемонстрировать свою боеспособность.

Ранней весной 1715 года Ригу окружили цепью застав и караулов. Несколько дней жители не могли выйти за пределы города. Они недоумевали, не понимая, почему приняты столь чрезвычайные меры. Видимо, происходили события крайней важности, если в порт пожаловал сам граф Павел Иванович Ягужинский, доверенное «око» царя. Секрет сумели сохранить, и шведы не смогли вовремя узнать о том, что в гавани вооружаются три судна для охоты на каперов. В апреле отряд из самых быстрых фрегатов под командованием Питера Бредалья, норвежца на русской службе, вышел в крейсерство к берегам Курляндии. Начало операции было неудачным — корабли разошлись в море. Но Бредаль на фрегате «Самсон» справился с поставленной задачей в одиночку. Ему было известно, что у острова Эзель находятся три шведских капера. 11 апреля он захватил 16-пушечный «Единорог», на следующий день — 12-пушечный «Эсперанс», который сдался без боя, а третье судно, 12-пушечный «Стокгольм-Галлей», было перехвачено 16 апреля у острова Готланд. Петербург откликнется на триумф Бредалья¹ 19-пушечным салютом. Это была первая крупная победа России в каперской войне.

В 1716 году масштаб операций расширился. Речь шла уже о международном сотрудничестве — совместных каперских операциях, предпринятых с каперскими судами прусского короля. Вновь обратимся к документам.

¹ Бредаль Петр Христиан (Петр Петрович) станет впоследствии вице-адмиралом русского флота; он командовал Донской флотилией во время русско-турецкой войны (1735 — 1739) и Беломорской эскадрой в русско-шведскую войну (1741 — 1743).

Генералъ Фёдоръ Матвѣевичъ Апраксинъ

Граф Федор Матвеевич Апраксин
Литография Поля Пети

Документ 1

Петр I — Ф. М. Апраксину

«Данциг, 26 февраля 1716 г.

Понеже в бытность нашу в Риге от шведских каперов определили быть трем судам: «Диане», «Наталии» и взятому (о чем чаю вы чрез г. Шаутбенахта¹ уже известны), а когда я был в Кенигсберге

¹ Шаутбенахт (от голл. Shout bij nacht — букв. «смотри ночью») — первоначальное название военно-морского чина IV класса, соответствующего чину контр-адмирала. По-видимому, происхождение названия связано с обязанностью шаутбенахта, младшего флагмана, контролировать движение эскадры в ночное время.

и там видел, что 4 капера готовят же и ждут комиссии от короля, и просили меня дабы где случится сойтиться с нашими, чтоб помогать друг другу, о чем извольте в наказе командиру написать, также чаю склонить и здешних г.г. что и они несколько поставят же, также буду трудиться у Прусского и Датского, чтоб из Штетина и Стральзунда тож учинили, и сим образом чаю лучше коммерция будет в Ост-зее».

Документ 2

А. Д. Меншиков — Петру I

«15 марта 1716 г.

... Что изволите упоминать, что изволили в бытность Вашу в Риге от шведских каперов определить, чтоб быть трем судам, а именно: «Диане», «Наталии» и взятому, о чем мы известны и к тому по письмам всякое приготовление чинится, что сколь скоро лед пройдет, то оные к Риге пойдут; також будучи в Кенигсберге изволили видеть, что тамо 4 капера готовят и ожидают комиссии от короля, а понеже в том письме не означено, где нашим судам с оными каперами случиться, того ради всенижайше прошу — извольте приказать меня уведомить в которых местах случение быть имеет, в Мемеле, в Пилаве, во Гданске, Кольберге или инде где; zelo бы изрядно чтоб на оныя наши суда могли по свидании Вашего Величества с королями указы получить да бы для всякаго случая ежели неприятель где сильно нападет могли ретировать к которой пристани...»

Документ 3

Указ графа Апраксина капитану Веселю

«13 апреля 1716 г.

По получении сего со врученными Вам двумя шневами «Дианою» и «Наталиею» идти от Кроншлота к Риге и тамо взяв с собою шведский капер, который взят прошлаго года, идти до Готланда и исполнять по нижеписанным пунктам.

1

Крейсовать между Готланда и Данцига и курляндских берегов от Готланда к Эланду.

2

Смотреть в том крейсерстве неприятельских каперов и прочих судов и которыя Вам попадутся под силу — брать и что даст Бог добычи присылать к Ревелю из трех судов, которыя с Вами будут с одним, а с двумя крейсовать непрестанно.

3

Понеже изволил писать ко мне Его Царское Величество из Данцига, что 4 капера прусских против шведов изготовлены в Кенигсберге, и где оные каперы с Вами случатся, иметь с ними доброе согласие и во время нужды друг другу помогать, сколько допустит возможность.

Торговля в Данциге в начале XVIII в.

Гравюра Хомана

4

Ежели неприятельские корабли явятся, против которых Вам стоять будет не можно, то ретираду иметь во время нужды к Данцигу, к Пилау и Мемелю, а ежели ветр будет SSW или W, то к Ревелю».

Документ 4

Указ правительствующего сената о каперах

«22 мая 1716 г.

1716 году мая в 22 день по указу Великого Государя пра-

вительствующий сенат приказали: каперам поручику Лодыженскому, подпоручику Лауренсу Берлогену, которые ныне отправляются на шневах именуемых «Наталия» и «Диана» для каперования в Балтийском море, дать паспорт, в котором написать, что им по данным Его Царского Величества указам каперить неприятельские суда шведскаго государства, и те их суда, которые на море могут получить, держать, и действовать по определенным пунктам из адмиралтейства».

С каждым годом перевес российских военно-морских сил на Балтике становился все более очевидным. Нападение на Готланд в 1717 году, разорение побережья Швеции и Эзельская победа в 1719 году, Гренгамское сражение 1720 года неуклонно поднимали авторитет России как морской державы, укрепляя ее владычество на Балтике. Но блестящие воинские победы флота не заслоняют отдельных операций крейсерской войны.

Одним из офицеров, особо отличившихся в борьбе против шведской торговли, был Франсуа Гийом де Вильбоа, француз на русской службе, именовавшийся Никитой Петровичем. Близкий к царю (он состоял адъютантом Петра I и был шафером на его свадьбе; царь крестил дочь де Вильбоа и его жены Елизаветы, урожденной Глюк¹), он участвовал во многих военных операциях Петровской эпохи и доставил немало вреда неприятельской торговле. В 1716 году Вильбоа участвовал в блокаде Любека, предпринятой с целью не допустить выхода оттуда в Швецию купеческих судов. В 1718 году, возглавляя отряд судов, он крейсировал на Балтике и захватил пять призов; осенью 1719 году был послан к Данцигу, где сосредоточилось более ста торговых судов. Получив приказ остановить вывоз хлеба в Швецию, Вильбоа задержал все суда, стоящие в гавани, и заставил торговцев дать присягу в том, что отправляемый ими хлеб не будет доставлен в Швецию. Для контроля за перевозимым грузом он направил письмо послу в Дании князю Долгорукому с просьбой провести перепись проходящих через Зунд купеческих судов, что позволило бы выявить судовладельцев, нарушивших клятву. На рейде создалась крайне накаленная обстановка, которая еще более обострилась с приходом в Данциг отряда шведских кораблей. Вильбоа был блокирован в гавани. На предложение данцигского магистрата добиться у шведов разрешения на свободный выход корабля Вильбоа из гавани, последовал ответ: выйду, ежели государь повелит, «...а буде повеления не будет, то я рад стоять здесь до последнего человека». Торговцев Вильбоа не выпустил и пригрозил, в случае нападе-

¹ В доме пастора И. Э. Глюка воспитывалась Марта Скавронская, будущая императрица Екатерина I.

ния, затопить суда на Висле, предварительно загрузив их камнем. Шантаж, блеф, угрозы... но Вильбоа удалось избежать нападения. Зимовать пришлось в Данциге. Весной 1720 года Вильбоа сумел выговорить у шведов свободный выход в море с обещанием не преследовать его в течение 48 часов, после чего пришел в Ригу¹.

Ништадтский мир 1721 года и успешное окончание Северной войны подтвердили военно-морскую мощь России. Масштабы проникновения новой морской державы в европейские моря начинают расширяться. Не ограничиваясь акваториями Балтийского и Северного морей, русское правительство попыталось распространить свое влияние на Атлантику и Средиземноморье. Но вопрос о плавании в этих водах возник еще до начала войны на севере.

В 1699 году, когда посольство Емельяна Игнатьевича Украинцева отправилось в Константинополь для ведения мирных переговоров с султаном, одним из вопросов, обсуждаемых с турецкой стороной, стало так называемое *«алжирское дело»*. Возмущение Петра I, овладевшего к тому времени Азовом, манили картины изобилующего богатствами Востока, он уже представлял, как русские корабли, пришедшие из Архангельска, бороздят просторы Средиземного моря. Однако хозяевами здесь были алжирские, триполитанские и тунисские корсары, и царь рассчитывал добиться от Блистательной Порты издания повелительного указа *«к алжирским разбойникам»*, чтобы они *«преходящим или где плавающим кораблям под знаком его царского величества... никакого затруднения и озлобления не чинили и их вольно и свободно пропускали»*. «Дело» началось в январе 1700 года и тянулось полгода, сопровождаясь бесконечными проволочками: *«о пашпорте алжирском указ дан будет в свое удобное время»* (7 февраля); *«везирь взял себе на размышление на несколько дней»* (8 февраля); *«ответ учинен будет в иное время»* (12 февраля); *«близко праздник их байрам и для того дел никаких делать им ныне не мочно и некогда»* (5 марта) и т.д. Предпринятые по повелению Петра дипломатические хлопоты были пустой тратой времени — вряд ли султан располагал действенными рычагами давления на магрибских деев, да и какие русские корабли могли появиться тогда в Средиземном море...

Внимание русской стороны к проблеме магрибского корсарства подтверждает один любопытный документ, обнаруженный нами в фондах Российского архива Военно-морского флота. В рапорте вице-адмирала Корнелия Ивановича Крюйса генерал-адмиралу Апраксину от 12 января 1721 года приводится *«Роспись ал-*

¹Впоследствии Вильбоа станет вице-адмиралом.

жирских турецких капаров, которые намерены итить для разбою в Канале и Норд-зее в 1721 г.

<i>Офицеры</i>	<i>Корабли</i>	<i>Пушки</i>
<i>Пяк пир</i>	<i>Командует одним кораблем или первою властию</i>	<i>54</i>
<i>—</i>	<i>Дефер Гулдер</i>	<i>54</i>
<i>капитан Михемет реис, греческой Ренегард</i>	<i>Де барбазан</i>	<i>54</i>
<i>капитан Мустафа Хоти</i>	<i>Вит парт</i>	<i>54</i>
<i>капитан Пермазия</i>	<i>один корабль</i>	<i>54</i>
<i>капитан Бенамия</i>	<i>Дефе Гулдезон</i>	<i>36</i>
<i>капитан Слизиян Крейс, мальт. — ренегард</i>		<i>34</i>
<i>капитан Казак</i>	<i>один корабль</i>	<i>34</i>
<i>капитан Питер Фан Гованд, галанской ренегард, и ныне ему имя Гамурес</i>	<i>Дефер Гульдерос</i>	<i>10</i>
<i>капитан Стати Таме</i>	<i>Демека</i>	<i>44</i>
	<i>один галанской фрегат, который он взял тако же один галанской фрегат</i>	<i>20</i>
		<i>16</i>
<i>капитан Корали Сицели, янский ренегат</i>	<i>один гамбургской фрегат</i>	<i>30</i>
<i>капитан Али Реис</i>	<i>«шпанская дама»</i>	<i>16</i>

Еще на верфи стояло три карабля. Одним имеет командовать Али реис Данзер, а другим вице-адмирал Кара Мустафа, а на третьей еще не определено кому быть».

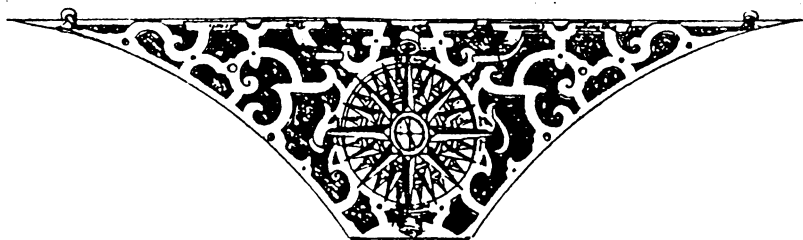
Информированность русской стороны имела вполне конкрет-

ное объяснение. В 1723 году в С.-Петербурге родился проект отправки экспедиции из трех судов в Испанию для организации торговли между двумя странами¹. В инструкциях, данных командующему судами капитану Кошелеву, был предусмотрен специальный пункт, касающийся возможной встречи с корсарами Магриба. *«Буде же ты усмотришь на море 1, 2 или 3 корабля в баталии действуют, тогда тебе прямо на них идти и ежели рассмотришь, что они каперы нации барбарийской или Моры (мавры. — Д. К.) в действе противу какого христианского корабля, тогда такому кораблю от оных каперов вспомогать и освобождать. Ежели за помощью Божию такие барбарские каперы признаешь, что одолеть их можно, тогда все что есть на них, тож людей и каперы взять в приз с собою; буде вышеописанные каперы возьмут какой бы нации ни был корабль и тому минует двое суток, то оный корабль и товары и Моры, буде возьмутся, считать за добрый наш приз».* Составители инструкции вполне реально представляли себе рыночную конъюнктуру в портах Средиземного моря и отметили, что при продаже захваченного корсара не следует рассчитывать на сумму, превышающую 75 — 100 «ефимков» (талеров). Правда, русским военным кораблям не пришлось столкнуться с мусульманскими корсарами, так как экспедиция в Испанию не состоялась².

Через два года, в 1725 году, корабль «Девоншир», фрегаты «Декронделивде» и «Амстердам-Галлей» прошли по портам Средиземного моря, но и им посчастливилось избежать встречи с морскими разбойниками. Это были первые плавания российских кораблей в Средиземное море. Подлинная история проникновения России в эти воды начнется примерно через полвека, когда произойдут героические сражения российских эскадр с алжирскими адмиралами и прославятся «русские корсары», получившие каперские грамоты от графа Григория Орлова, Самуила Гиббса, Федора Федоровича Ушакова и Дмитрия Николаевича Сенявина.

¹Ранее, в 1717 — 1719 гг., в Средиземное море уже ходил русский корабль «Армонт».

²Заметим, однако, что российским морским офицерам пришлось в те годы сражаться против турецко-алжирских корсаров — в составе Венецианского флота, на службу в который были командированы гардемарины, среди которых Иван Неплюев (буд. шаутбенахт галерного флота, впоследствии сенатор), Иван Зиновьев (буд. вице-адмирал), Артемий Толбухин (буд. контр-адмирал), Иван Кайсаров (буд. капитан-командор).

ГЛАВА 4

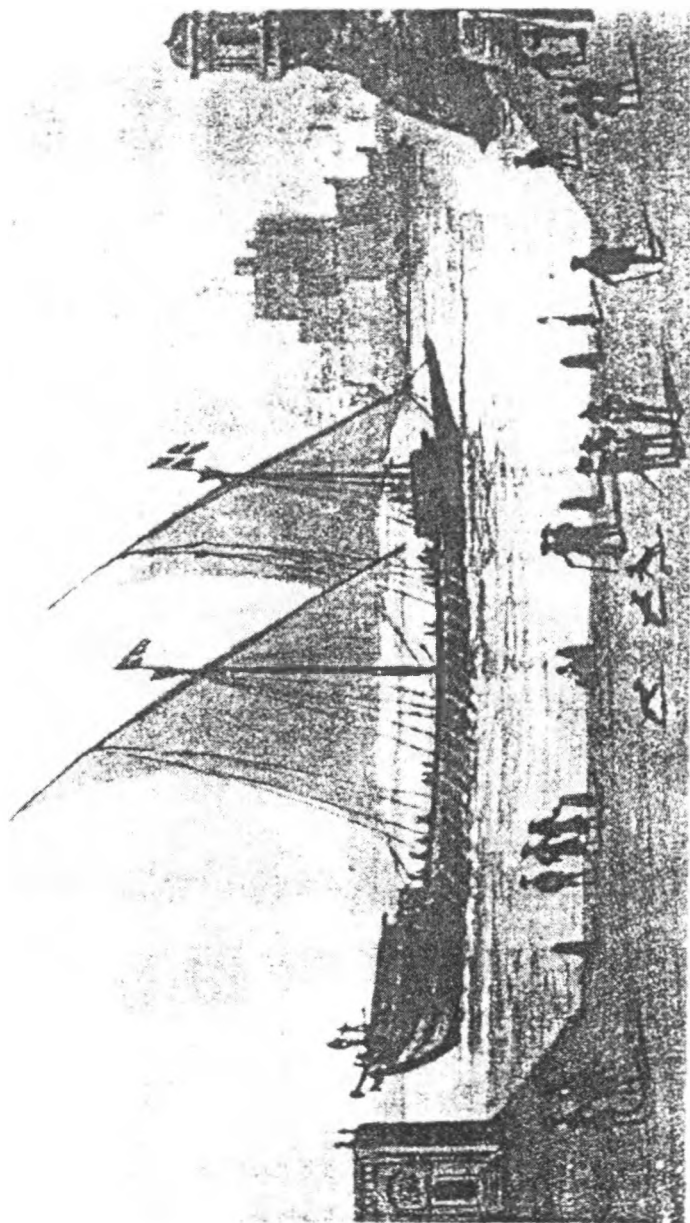
КОРАБЛИ И ИХ ЭКИПАЖИ

Экипаж галеры

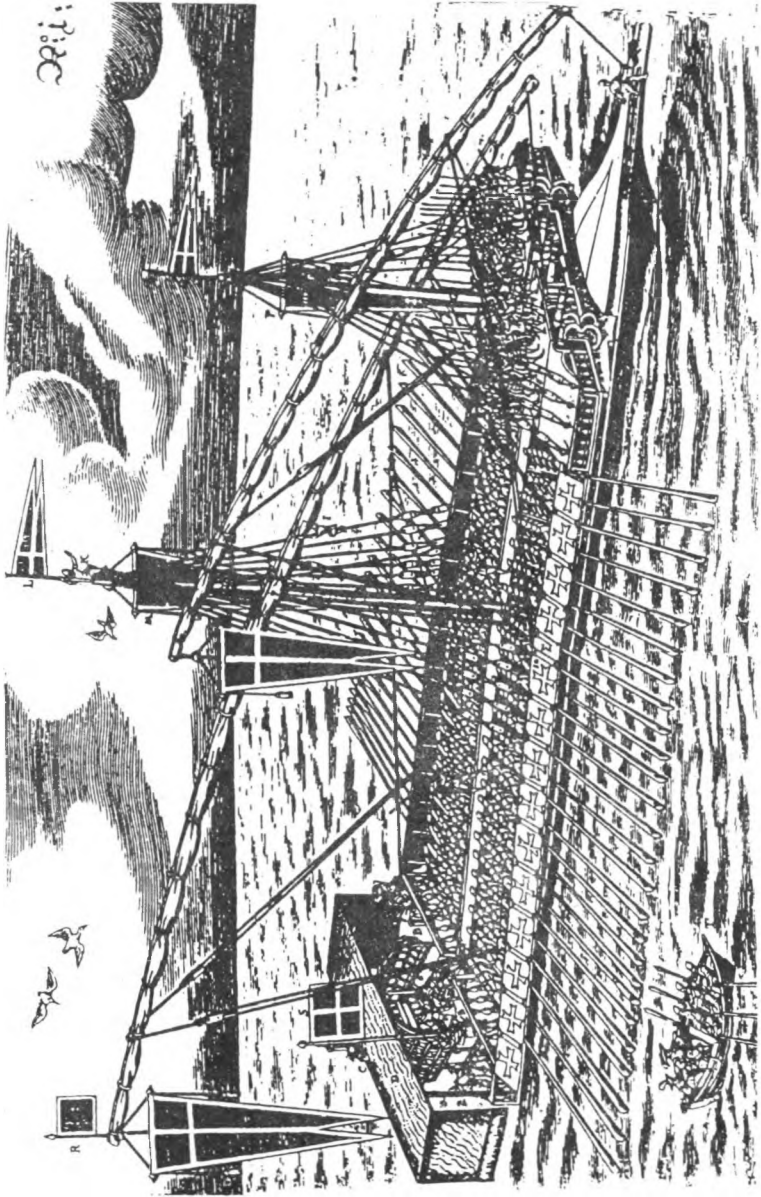
Последние дни на галере перед выходом в плавание проходили в лихорадочной суматохе. Грузчики сновали с берега на судно с ящиками, набитыми всевозможным снаряжением, перетаскивали бочки с вином, пресной водой, грузили бочонки с порохом. Матросы работали с утра до вечера — они чистили палубу, снасти, готовили и чинили паруса. Во всех корабельных службах наводился лоск — зная суровый нрав командира в вопросах дисциплины и содержания корабля, служители старались предусмотреть все.

Наконец пришел день, назначенный к плаванию. Галера блестяла чистотой, была разукрашена вымпелами, штандартами и флажками. С раннего утра взволнованная команда ожидала прибытия командира (*capitaine de galère*). О его появлении на набережной Валетты возвестило пение труб сопровождающих его сигнальщиков. Вся команда выстроилась на палубе, а гребцы приветствовали появление командира тихим горловым возгласом «Хо!»

Командир — выходец из знатного аристократического рода, поседевший в сражениях воин суровой закалки, давший обет безбрачия во имя служения делу Христа. Этот неустрашимый рыцарь, посвятивший всю жизнь борьбе с «неверными», внушал ужас жителям североафриканского побережья и вызывал благоговейный страх у своих подчиненных. Они безмолвно следили за тем, как командир неторопливо поднялся на борт и степенно прошел на корму, где под деревянными дугами, несколько выше носа судна, находилась большая каюта, накрытая тентом, нечто

В гавани Валетты

Галера Мальтийского ордена

вроде специальной беседки. Он удобно расположился в высоком кресле, которое как трон возвышалось над палубой. Здесь был его командный пункт.

На корме, как царедворцы вокруг монарха, расположились офицеры галеры:

— Старший офицер, второй дворянин на галере (*roy de la galère*), в подчинении которого находились караулы, огнестрельное и холодное оружие.

— Дворянин, в ведении которого находилась артиллерия (*cherche-mer*).

— Капитан военной команды (*capitaine de l'étendart*).

— Офицер, надзирающий за галерными гребцами (*capitaine des esclaves*).

— Капитан галеры по морской части (*patron de galère*). От знаний этого человека зависело то, как пройдет плавание судна в море, так как он был профессиональным моряком. Неустрашимый командир галеры был хорош в сражении, но не слишком хорошо разбирался в морских вопросах, и поэтому роль его заместителя по кораблевождению во время плавания была исключительно велика.

Неподалеку от командира находилась группа «защитников кормы» (*retenue de poupe*). Эти юные дворяне поступили на галеру сражаться против магометан. Во время сражения они защищали кормовую часть судна и флаг.

Вся галера предстала перед взором командира как на ладони. Прямо перед ним расстилался длинный невысокий дощатый настил, идущий до самого носа корабля, — куршея. По обе его стороны находились банки гребцов, на которых, лицом к корме, располагалась галерная команда. Ее количественный состав зависел от размеров судна. На галере командира было тридцать шесть банок для гребцов, по восемнадцать с каждого борта. Весла длиной доходили до 15 метров, а весом от 250 до 300 кг. Привести в движение такую махину было, конечно, не под силу одному человеку, и поэтому у каждого весла находилась группа гребцов. В зависимости от конструкции корабля и весла, гребцов было от пяти до девяти человек на каждой банке.

ШИУРМА

Галерная команда называлась шиурма (*chiourme*). Ее составляли из трех разрядов людей:

— каторжники (*forçats, gens de cadène*). Это уголовные преступники, осужденные «на галеры». Они приковывались цепью за ноги к опорному брусу, не могли свободно передвигаться по кораблю и не обладали никакими правами, так как находились вне закона. На галерах Мальтийского ордена и в составе французско-

го королевского флота они составляли большинство галерщиков. Каторжникам брили наголо голову, усы и бороду.

— невольники (*esclaves*). Гребцы-военнопленные. Они набирались на галеру из числа пленников или покупались на невольничьем рынке. По национальности это были, как правило, турки или мавры. Их положение практически не отличалось от положения каторжников. Они также заковывались в цепи и не имели никаких прав. Однако эта категория людей считалась лучшими гребцами. Выражение «силен, как турок» уходит корнями в эту эпоху, когда пленные подданные Османской империи составляли главную гребную силу на корабле. Внешне они отличались от каторжников тем, что на темечке их бритой головы оставляли клочок волос.

— вольнонаемные (*bonne volgie, gens de bonne veulle*). Они поступили на службу по доброй воле, на определенный срок и за установленную плату. Видимо, очень несчастливо сложилась жизнь этих людей, если заставила их по собственному выбору обречь себя на такую адскую работу. Как правило, на галеру нанимались разочаровавшиеся в жизни бедняки, бродяги, нищие, заключенные, выдержавшие срок наказания, но не нашедшие себе места из-за своего прошлого. Вольнонаемных приковывали только ночью, днем же они могли передвигаться по судну, и их использовали в судовых работах. Им брили голову и бороду, но оставляли усы. Заметим, что у владельцев частных корсарских галер не было таких резервов для набора гребцов, которыми располагал, например, королевский флот Франции, формирующий шиурму на базе каторжников или военнопленных. Главной проблемой частных владельцев был набор более чем сотни добровольцев, и средства для этого были самые разнообразные — от добровольного соглашения до обмана. Однако добровольная комплектация приносила ощутимую пользу в абордажных схватках, так как вольнонаемным выдавали оружие и они участвовали в бою.

«Представьте шестерых человек, прикованных цепью к скамье, голых, как при рождении, одна нога на ступеньке, другая — на противоположной скамье, — писал современник. — Они удерживают непомерно тяжелое весло (15 футов длиной), сначала наклонялись вперед, к корме, вытягивая руки над спинами гребцов, сидящих на скамье перед ними и тоже наклонившихся вперед, а затем отбрасывая его назад. Так гребут на галерах, без отдыха, десять, двадцать часов подряд. Время от времени maître de l'équipage или другой моряк сует в рот готовым упасть в обморок несчастным гребцам кусочек хлеба, размоченного в вине, а капитан орет, приказывая сильнее стегать кнутами. Когда один из рабов, безжизненный, падает на скамью (а это порой случается), его до смерти стегают кнутом, после чего бросают за борт».

Шиурма

Шиурма была обречена на смерть. Гибель подстерегала гребцов везде. Кричать и стонать им было запрещено — у каждого на шее висел кусок пробки, который вставлялся в рот и заглушал крик. В сражении страдания невольников шиурмы были беспредельны — они видели схватку, происходящую вокруг них, но ничего не могли предпринять для собственной безопасности. Одержана победа — их положение не изменялось. В случае поражения гребцы, прикованные цепью, погружались на дно вместе с потопленным кораблем. В лучшем случае они становились гребцами на судне победителя. Правда, для военнопленных оставалась небольшая надежда, что они попадут в плен к соотечественникам, но кто мог знать, какая судьба ждет их там.

МАТРОСЫ (mariniers)

Галеру обслуживали три-четыре десятка матросов. Они управлялись с парусами, работали у мачт, поднимали якорь и выполняли другие судовые работы. Особую группу среди них составляли молодые матросы. юнги (gourmettes).

КОМИТ (comite)

Комит — галерный пристав. Он был одной из главных фигур на корабле и выполнял обязанности шкипера и боцмана. В ведении комита и первого его помощника сукомита (sous-comite) находились все службы на галере, в том числе работа гребцов и матросов. На шее комита висел серебряный свисток. Выслушав приказ капитана, он высвистывал сигнал, который повторял первый помощник, и работа начиналась.

АРГУЗИН (argousin)

Аргузин — второй помощник комита. Со своим напарником суаргузином (sous-argousin) он осуществлял надзор за шиурмой. Это были самые страшные для гребцов люди — ведь вся судьба несчастных зависела от них. Аргузин с помощником снимали и заковывали в кандалы, следили, все ли члены шиурмы прикованы и не сможет ли кто-нибудь совершить побег. С плетями из воловьих жил они расхаживали по куршее и наблюдали за ритмом работы гребцов. Страшный удар, обрушивающийся на несчастного, выбившегося из ритма, становился первым предостережением, за которым мог последовать удар саблей по голове, и тело убитого летело за борт.

Артиллерийская команда

До появления на галере артиллерии, ее главная ударная сила заключалась в мощном таране на носу корабля. В XVI — XVII вв. на галерах уже широко использовались артиллерийские орудия, и убойная мощь галеры сильно возросла. Тяжелые бронзовые пушки устанавливались в носовой части и по бортам. Заведовать артиллерийским хозяйством, состоящим из различных типов орудий — пушек, кулеврин, фальконетов, камнеметов, — мог только хороший эксперт, опиравшийся на опыт своих унтер-офицеров (maistre-bombardier и maistre-canonnier) и рядовых канониров (compagnons canonniers). От удачного залпа зависело начало боя, а дальше дело было за абордажной командой.

Военная команда

В распоряжении капитана военной команды были морские солдаты (soldats), мушкетеры (mousquetaire) и специально подготовленная десантная группа матросов, т. н. матросы кормы (proyers). Они цепляли неприятельское судно за борт специальными крюками (grappin — крюк, от которого произошло идиоматическое выражение jeter (или mettre) le grappin — взять власть над кем-либо, подчинить себе кого-либо).

Натренированные люди первыми прыгали на борт противника и секирами, топорами и шпагами прокладывали дорогу остальным. Им нужно было перебраться через траверзы — полосы плотного холста, натянутые поперек галеры, — за которыми их поджидал противник. Но абордажную команду поддерживали со своего судна. На борт врага летели горючие и отравляющие смеси, камни

и горшки с мылом, которые, разбиваясь, превращали палубу в каток, на нем солдаты скользили и падали, напарываясь на небольшие шары с четырьмя иглами, наносящими страшные увечья.

ЛОЦМАНСКАЯ КОМАНДА

Из-за несовершенства конструкции и навигационных приборов галерные суда во время плавания старались придерживаться береговой линии. В этих условиях велика была роль кормчего, лоцмана (pilot) — старого опытного моряка, нанимаемого на период плавания.

Искусство знатока отмелей, прибрежных гаваней и якорных стоянок позволяло судну вовремя укрыться от надвигающейся стихии, не уклониться от курса и не потерять торговые магистрали. Под командованием лоцмана и его помощника (compaignon de pilot) находились четверо рулевых (timoniers).

МУЗЫКАЛЬНАЯ КОМАНДА

Предметом особой гордости командира была специальная команда музыкантов. Флейтисты и скрипачи услаждали слух этого «меломана» и позволяли ему похвастаться своей любовью к высокому искусству перед другими командирами, которые также были не прочь заявить о своем пристрастии к прекрасному. Но помимо услаждения тщеславия командира, часть музыкальной команды выполняла очень важную функцию на галере. Ударные инструменты составляли слаженный ритмичный ансамбль, задающий ритм гребной команде, а трубачи и горнисты подавали команды и сигналы.

БЕЗ НИХ БЫЛО БЫ НЕВОЗМОЖНО ПЛАВАНИЕ НА ГАЛЕРЕ

— Писарь с помощником (ecrivain u sous-ecrivain). В их обязанности входил учет личного состава, ведение бухгалтерских смет и ведомостей расходов, запись грузов и захваченного имущества.

— Корабельный повар.

— Буфетчик (maistre d'hotel) — следил за прохладительными напитками и вином.

— Специальный повар капитана.

— Бочар (barrilleur) — следил за состоянием и сохранностью всех бочек на галере.

— Плотник (maistre d'ache ou charpentier) и конопатчик

Аргузин и галерный каторжник

(*maître calfat*) — проделывали все работы с мачтами и деревянной обшивкой.

— Баталер (*maistre valet*) — распоряжался закупкой и сохранением продовольствия и контролировал размещение грузов и помещения, где они находились.

— Весельный мастер (*remollat ou fabricant de rames*).

— Хранитель-распорядитель пресной воды (*maistre valet d'eau*). Его роль понятна всем, кто читал книги о страдающих от жажды во время плавания.

— Лекарь.

— Цирюльник (*barbier*) и его помощник (*barberot*).

Командир остался доволен состоянием корабля. Теперь надо было проверить, каково судно в деле. Он дал сигнал — раздался свисток комита, и многовесельный живой механизм запустили в ход. Галера вышла из гавани и стремительно направилась в море.

Экипаж пиратского корабля

Для того чтобы читатель полнее представил себе обстановку на пиратском судне и состав его экипажа, мы придумали от начала и до конца вымышленную историю, которая будто бы случилась в 1715 году...

Вряд ли можно найти разгадку произошедшего на борту пиратского брига «Нежданная радость». Только смутные догадки подскажут, что без предательства не обошлось.

Неудачи преследовали «Нежданную радость» и превратили некогда отчаянный экипаж в скопище обреченных людей, живых мертвецов, парализованных страхом перед возмездием. Взаимная подозрительность нагнетала обстановку на корабле, а дисциплина совершенно развалилась. То и дело вспыхивали ссоры, грозящие перерасти в поножовщину и смертоубийство. Приступы яростной враждебности сменялись мутным состоянием безысходности и апатии, которую гасил только ром. В такие часы корабль болтался на волнах, как сарай, и только случайности спасали «джентльменов удачи» от виселицы. То налетевший ветер гасил паруса приближающегося военного фрегата, то легкая осадка брига помогла ему укрыться от погони на мелководье, а однажды внезапный ураган прервал заведомо проигранное сражение с двумя преследователями. Расчеты пиратов на добычу оборачивались крахом. Вместо богатых и беспомощных купеческих судов «Нежданная радость» напарывалась на пушечный огонь военных кораблей. Пиратский бриг оказался в зловещем вражеском кольце, так как все его действия непостижимым образом становились известны властям английских портов от Бриджтауна на Барбадосе до Кингстона на Ямайке. Развязка затянувшейся агонии

наступила в тихой уединенной бухточке маленького пиратского островка, затерявшегося в Гренадинах. Пираты привели сюда «Нежданную радость» для килевания. Прошло несколько дней. Разоруженное судно было посажено на песок, положено на бок, и часть команды очишала его днище от водорослей и ракушек. Оставшиеся без дела разбрелись по острову и охотились на диких коз. Внезапно в гавань вошли два военных фрегата, и для команды «Нежданной радости» все было кончено.

Через две недели с небольшим, 10 декабря 1715 года, на площади Кингстона (о. Сент-Винсент) смертный приговор четверем из захваченных пиратов был приведен в исполнение. Остальных схваченных головорезов правосудие отправило на каторжные работы. Но не весь экипаж «Нежданной радости» постигла столь безнадёжная участь. Несколько членов шайки скрылись от преследования в непроходимых джунглях пиратского острова. Много дали бы они за то, чтобы узнать имя предателя. И теперь, глядя на раскачивающиеся на ветру трупы своих товарищей, они поклялись отомстить. Через девять дней после казни были одновременно взломаны помещения коменданта крепости и начальника порта. Все внутри было перевернуто вверх дном, перерыты и выпотрошены деловые бумаги и документы. Многие из них исчезли. Мертвецки пьяная охрана ничего не могла рассказать, и расследование виновных не нашло.

Прошло еще четыре дня.

Ранним утром караульный на площади продрал глаза, потянулся, вылез из помещения охраны и остолбенел — тела четырех висельников исчезли, а вместо них висел один покойник — новый! Лицо мертвеца было обезображено до неузнаваемости, а в сердце торчал длинный испанский кинжал, пригвоздивший к телу окровавленный листок с надписью «Нежданная радость Джереми Уэттона». Вызванный офицер приказал снять труп, вытащить нож, а бумагу лично доставил губернатору...

Эти документы были найдены в архиве Бристоля в 1955 году. Знакомство с ними позволило раскрыть тайну этой истории. В бумагах находились донесения с борта «Нежданной радости», непонятно какими способами доставляемые английским властям, и секретный отчет, написанный после захвата пиратского брига. Это были те самые документы, пропажа которых из кабинета коменданта Кингстона стоила жизни разоблаченному шпиону. Копии отчетов успели отправить в Англию, но они затерялись в делопроизводстве и всплыли только спустя два с половиной века, рассказав о невидимой войне правительства против пиратов. С их страниц, как под микроскопом, предстала вся жизнь и деятельность пиратского экипажа.

ДЖЕРЕМИ УЭТТОН

Джереми Уэттон был доктором на «Нежданной радости». Английские власти точно продумали, как внедрить шпиона на пиратское

судно, и несколько месяцев ждали результата. Лекарь был необходим на любом корабле, в том числе и на разбойничьем. Недоброкачественная пища, испортившаяся за время плаваний, тухлая вода, и как результат — заразные эпидемии, бесконечные огнестрельные и колотые раны, несчастные случаи, увечья, и бороться с этими недугами мог только профессионал. Но они редко находились среди людей, становившихся пиратами. Поэтому когда капитан «Нежданной радости» узнал, что на борту захваченного у острова Доминика торгового барка есть доктор, он вздохнул с облегчением. Вся команда барка была отправлена восвояси, а лекаря пираты забрали на бриг и «заставили» стать членом экипажа. С его появлением и пришла волна неудач, которая преследовала «Нежданную радость» до самого конца. Мы приведем отрывки из донесений и отчета доктора-шпиона, рассказывающих о составе пиратского корабля и обстоятельствах, предшествовавших его захвату.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (22 сентября 1715 г.)

«...Идет сорок второй день моего пребывания на «Нежданной радости». На бриге полно раненых и больных. Их лечение занимает много времени, но позволяет мне общаться со всеми обитателями верхних и нижних палуб... Я убедился, что общество разбойников вовсе не является миром равных людей. Скорее наоборот — здесь правят грубые неумные желания и страсти, животные инстинкты, и поэтому выдвигаются наиболее откровенные и энергичные носители силы. Главари пиратов продвинулись благодаря особенной храбрости, жестокости, удали и коварству. На бриге сорок три человека, но заправляет всеми делами пиратская верхушка. В ней нет единства — каждый из входящих в управление имеет своих сторонников и противников среди простых пиратов...»

КАПИТАН

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (22 сентября 1715 г.)

«Капитан «Нежданной радости» Арчибалд Баркли — сухой дьявол. Мне не встречались люди, более ужасные. Это огромный грузный человек с красным одуловатым морщинистым лицом, обезображенным оспой. Он носит выцветший фиолетовый кафтан с оборванными пуговицами, великолепную синюю фетровую треуголку с окантовкой, а руки разукрашены перстнями с драгоценными камнями. Его длинные волосы заплетены в две косы с бантиками из черной тафты. Серые глаза злобно сверкают из-под черных кустистых бровей и буравят собеседника подозрительным взглядом. Он очень редко разговаривает и даже почти не ругается, но его молчание носит такой зловещий оттенок, что я содрогаюсь от ужаса, когда остаюсь с ним наедине. Когда он появляется на палубе, все разговоры прекращаются, и самые отчаянные головорезы боятся встретиться с ним взглядом...»

КВАРТИРМЕЙСТЕР

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (22 сентября 1715 г.)

«...Правая рука капитана — квартирмейстер Генри Паркер, по прозвищу Скелет. Тоший вялый верзила с мертвенно-бледным лицом, мутно-зелеными ядовитыми глазами, грязной батистовой красной повязкой на голове и золотой серьгой в левом ухе. Свое прозвище он получил за голый, как колено, череп и совершенную неподвижность туловища при ходьбе. Паркер Скелет руководит всей жизнью экипажа на корабле — следит, чтобы все приказы исполнялись, и наблюдает за матросами. Он же контролирует, чтобы вся захваченная добыча складировалась в определенном месте, и распределяет ее...»

ШКИПЕР

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (22 сентября 1715 г.)

«...У шкипера Патрика Хьюза самая ordinaria внешность. Пожалуй, лишь странное сочетание черных волос и рыжей всклокоченной бороды придают его физиономии необычный вид. Хьюз распоряжается всей хозяйственной частью на корабле. Все имущество, корабельные снасти, такелаж, канаты и другие принадлежности находятся всецело в его распоряжении. Он распределяет, ведет учет, подсчитывает...»

АБОРДАЖНАЯ КОМАНДА

ИЗ ОТЧЕТА (7 декабря 1715 г.)

«Абордажную команду возглавлял французский дворянин, имя которого мне не удалось узнать. Команда называла его Шеголь. Манеры и костюм этого господина сразу бросились мне в глаза. Синий, расшитый серебром камзол с позолоченными пуговицами, кружева на рукавах, белоснежное жабо и роскошная шляпа с золотой фанваронкой, украшенная страусовыми перьями, поддерживались им в безупречном порядке. Длинные каштановые волосы, голубые глаза, белоснежные зубы, нос с горбинкой, усики и изящные руки — как странен вид этого кавалера среди пиратского сброда. Шеголь был единственным на борту «Нежданной радости», кто брился каждый день.

...В сражении француз был страшен. Таких виртуозов клинка мне не приходилось видеть... Он обучал своих помощников фехтованию в крепкий ветер и довел их действия до такого совершенства, что никто не может противостоять им в бою на качающейся палубе. С этими семью головорезами Шеголь первым врывается на борт неприятеля и всегда старается добраться до капитана противника. Мне два раза пришлось видеть, как его рапира пронзала несчастных...

...В бою Шеголя прикрывали два бойца. С правой стороны испанец Маноло — невысокий крепыш с могучей мускулатурой. Он прекрасно владеет необычным и страшным оружием — боевой дубинкой и может справиться сразу с несколькими противниками. С ле-

вой — здоровенный араб Абдул, вооруженный двумя кривыми ятаганами... Я сразу заметил, что абордажная команда держалась особняком и не ладила с капитаном. В дальнейшем Вы увидите, какую это сыграло роль...»

ШТУРМАН

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (3 октября 1715 г.)

«...Штурмана Габриэля Эрроуза никто не называет иначе, как Эль. Немногословный мрачный пьяница, он оживает лишь над морской картой, стаканом рома или эля. Но никто на корабле не сможет проложить курс лучше, чем этот старый морской волк, никто не сумеет определить положение в море по звездам, войти в прибрежную гавань и отыскать якорную стоянку. Говорят, что Эрроуз — бывший офицер королевского флота, но за убийство был разжалован в матросы, затем попал на каторгу, бежал, был приватиром, а теперь пиратствует...»

Артиллерийская команда

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (3 октября 1715 г.)

«Что касается артиллерии на «Нежданной радости», то все вопросы принадлежат ведению канонира и его помощника. Это забавная парочка. Канонир, по прозвищу Колокольня, — длинный, как мачта, высушенный субъект, с длиннющими, словно жерди, руками и ногами. Он самый веселый человек на корабле, вечно рассказывает какие-то истории, постоянно слышен его смех. Колокольня производит впечатление совершенно безобидного человека, но да поможет Бог тому кораблю, который попадет на расстояние пушечного выстрела его орудий. Хладнокровный расчет, точный прицел, меткий выстрел — и противнику с расстрелянными снастями и сбитым румпелем не уйти от абордажа. Колокол — помощник Колокольни — пузатый добродушный маленький толстяк на кривых ногах, с салными глазками, прячущимися между раздутых щек. Это главный эксперт по меди и пороху, он следит за содержанием орудий в чистоте и обучает артиллерийскую команду. Эти двое не опасны — они либо хохочут, либо крутятся возле орудий и перемеряют ядра...»

ПЛОТНИК

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (3 октября 1715 г.)

«Плотник Ричард Нортон. Крепкий жилистый парень. Жесткая хватка его руки, узловатые пальцы и уверенные движения мастера-вого говорят о его профессии. У него очень цепкий внимательный взгляд в том, что касается его ремесла. Пилы, гвозди, затычки, свинцовые бляхи, деревянные доски — кажется, до остального ему нет никакого дела. С тупым безразличием сидит он на палубе и смотрит изо дня в день в небо. Его присутствие незаметно, но состояние корабля безупречно — мачты отремонтированы, а гнилые места вовремя приводятся в порядок. Нортон умеет все исправить, не привлекая внимания. Рассерженным плотника я видел единственный

раз — он не мог найти какой-то из своих инструментов, и вся палуба была поднята вверх дном, но как только пропажа отыскалась, Нортон вновь погрузился в свое привычное состояние».

БОЦМАН

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (3 октября 1715 г.)

«Боцман Гарри Брэйди — основательный моряк. Это белобрысый детина с широченной испитой рожой, низким покатым лбом, тяжелой челюстью и огромными руками. Его низкий сиплый голос постоянно грохочет на палубе. Я не раз видел, как члены экипажа подсакивали на месте и быстро исчезали, как только раздавался боцманский рев... Нет предмета на корабле, которого бы он ни касался. В его ведении находятся все работы палубной команды — от установки парусов, постановки судна на якорь и спуска шлюпок до мытья палубы. Но в последнее время свирепому боцману все труднее добиться четкости в работе от разношерстной команды, собравшейся на «Нежданной радости». А о содержании брига в чистоте говорить не приходится...»

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ (8 октября 1715 г.)

«Что за зверь капитан Баркли. Этому негодяю давно пора болтаться в петле. Сегодня из-за него ужасной смертью погиб один из палубной команды. Погибший не входил в число сторонников капитана и даже осмелился как-то раз перечить ему, и вот поплатился за это. Штурман отправил его очистить снасть под бушпритом. Несчастный был еще слаб после болезни и, не удержавшись, упал в воду. Он успел ухватиться за висевший конец, и его потащило за судном. Он взывал о помощи, но Баркли ударом сабли обрубил веревку, и бедняга утонул...»

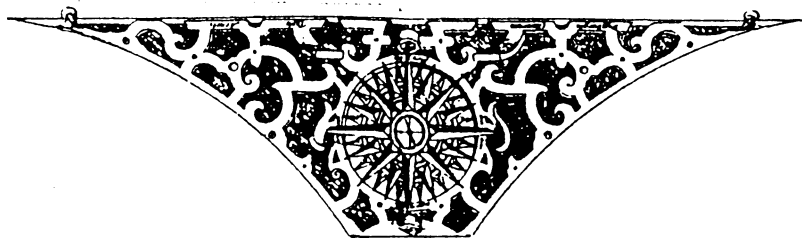
После этой истории дела капитана складываются скверно — команда устала от его бессмысленной жестокости, да и добычи в море давно не попадалось».

ИЗ ОТЧЕТА (7 декабря 1715 г.)

«С Баркли покончено утром 14 октября. «Нежданная радость», к восторгу команды, наконец встретила торговую шхуну. Судно было взято без сопротивления, и капитан торговца вел себя совершенно спокойно. Оказалось, что неделей раньше шхуну уже обчистил пиратский барк и брать нечего. Всю команду шхуну посадили в шлюпки, и Баркли, раздосадованный неудачей, отправил их в море без припасов... День прошел тягостно. Команда о чем-то перешептывалась, и до меня долетали проклятия в адрес капитана и того дня, когда они попали на «Нежданную радость». Баркли стоял у борта и угрюмо глядел в море, когда пробегающий четырнадцатилетний мальчишка из артиллерийской команды споткнулся и, падая, толкнул его. Баркли впал в неопишемую ярость и нанес мальчику чудовишный удар, отбросивший того к борту. Несчастный уткнулся в переборку и упал без сознания, а Баркли, злобно сплюнув, ушел к себе в каюту».

и заперся. Эта история переполнила терпение. Экипаж собрался на баке и устроил совет. Люди долго и яростно спорили, препирались между собой и наконец решили, что пора капитана сбрасывать. Боцман вел себя тихо, как ягненок, не вмешивался в споры, но и не осмеливался приблизиться к каюте Баркли. Было ясно, что в ней находится всего два человека — капитан и квартирмейстер. Но команда испытывала такой страх перед ними, что не нашлось смельчака, чтобы пойти к Баркли парламентом и объявить ему решение сходки. Наконец Шеголь назвал всех жалким трусливым сбродом, отдал свои пистолеты Маноло и направился к капитанской каюте. Абдул что-то предупредительно прохрипел ему на своем непонятном языке, но француз только презрительно ухмыльнулся, подошел к капитанскому логову, распахнул дверь и безоружный вошел внутрь. Несколько минут стояла гробовая тишина. А затем... раздались два пистолетных выстрела. Вслед за ними из каюты выскочили Баркли и Паркер Скелет с обнаженными саблями и кортиками. При виде их команду как парализовало. Все застыли в оцепенении. Еще несколько секунд — и Баркли выиграл бы дело, а мятеж был бы потушен. Но вдруг раздался пронзительный крик Абдула — так кричит раб, потерявший любимого хозяина. Араб стремительно прыгнул вперед, взмахнул клинком, и Паркер с рассеченным черепом покатился по шкафуту и завалился под грот-мачту. Баркли успел уклониться от нападения, но экипаж пришел в себя. Голос капитана, еще пытавшегося подчинить себе команду, захлебнулся в яростном реве десятка глоток. Капитана размазали по палубе, и через несколько минут он, избитый и окровавленный, стоял, привязанный к мачте. Пиратский сбор уготовил своему поверженному главарю страшную смерть. Торговая шхуна еще виднелась в отдалении. На нее отправилась шлюпка с брига, в которую сбросили связанного по рукам и ногам Баркли. Лодка подошла к шхуне. Баркли подняли на борт, перенесли в крюйт-камеру и положили между пороховых ящиков. Оставив все люки открытыми, люди поднялись на борт, зажгли факелы и, спустившись в шлюпку, бросили их на палубу. Шхуну постепенно захватывал огонь, а лодка быстро удалялась. Через несколько минут над океаном прогрехотал оглушительный взрыв».

Как развивались события в дальнейшем, нам доподлинно не известно, так как сохранилась только часть отчета. Скорее всего, оставшись без руководства, раздосадованные неудачами пираты уже не смогли восстановить утраченное единство экипажа. Склоки, дразги и анархия захватили корабль. Но пиратское братство не было бы столь страшной силой, если бы так легко распадалось. Возможно, килевание на Гренадинах могло привести в чувство разгоряченные умы, если бы не извещение о готовящейся акции, вовремя переданное Джереми Уэттоном. Все, что произошло потом, нам известно...

ГЛАВА 5

ЗАКОНЫ ПИРАТСКОГО МИРА

Жизнь пиратского сообщества — это сложное, причудливое сочетание социально-экономических, политических и психологических отношений. Каждый член экипажа привносил в общую атмосферу свой жизненный опыт, свое мировоззрение. Как правило, этот опыт предполагал негативную реакцию на цивилизованное законопослушное общество, с которым пираты, выходящие из недовольных своим существованием слоев, были в постоянном конфликте. Пиратство, таким образом, превратилось в некий конгломерат, который всасывал в себя потенциальных противников современного общества и жил идеей создать новый мир, мир равенства и справедливости.

Психология пиратства

Люди, попадавшие на судно разбойников, в большинстве своем вовсе не были патологическими маньяками с криминальными наклонностями. «Трудовое» ядро команды составлял слой незатейливых грубых мужчин, выходцев из самых низших слоев общества. В своем прошлом они были портовыми рабочими, демобилизованными матросами, недавними приватирами, рыбаками¹. Рядом с

¹ Характерно происхождение некоторых пиратских вожakov начала XVIII в.: Джой Филлипс — из семьи плотника, был тиммерманом на корабле; Джон Эванс из

ними оказывалось множество людей, чья судьба была жестоко искалечена современным обществом, — растоптанные, лишенные жизненных ориентиров сотни бродяг и нищих, уже не рассчитывавших добиться справедливости в жестокой драме жизни. Параллельно с миром «затравленных» и «выброшенных», пиратский корабль принимал и многочисленных представителей «скрывающегося общества» — уголовников, воров, дезертиров с военных и торговых судов. Крепкая нить соучастия в преступлении связывала отныне всех этих людей. Пиратский промысел давал надежду разбогатеть, выйти в люди, вести жизнь «богатого», со всеми ее радостями, или вкупе с такими же неудачниками найти тот идеал справедливости, где не будет законов, защищающих «богача» и превращающего жизнь бедняка в ад.

Пиратский мир, как в миниатюре, воплощал живую картину всего, что видели в прежней жизни люди, вступающие на борт разбойничьего корабля. Выросшие в атмосфере побоев и лишений, вынужденные ежеминутно смиряться с попранием собственного достоинства, они устремлялись в новую жизнь с иступленным желанием реализовать ущемленное самолюбие и ощутить себя свободным.

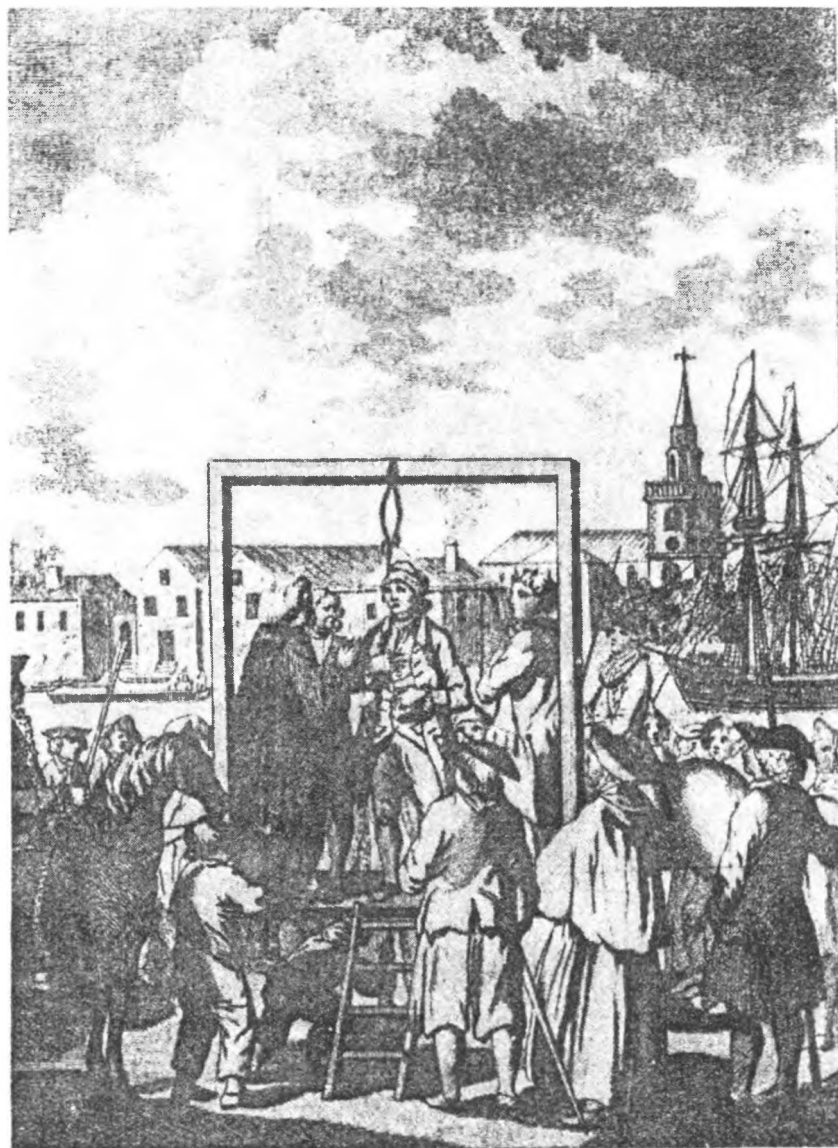
Показательно в данной связи последнее слово приговоренного к повешению Билли Бонса¹, молодого пирата из команды Бартоломью Робертса. *«...Никто не говорил под виселицею такой речи, как он: в ней жаловался на золотую приманку богатства, которая принудила его вступить в пиратскую жизнь, а молодость его не в силах была противиться столь великому искушению. Он весьма печалился об обидах, им нанесенных разным людям, просил прощения у Бога и живейшими словами увещевал зрителей, чтоб никогда не забывали Создателя своего в молодости лет своих, ежели не хотят, чтоб ум испортился слишком рано...»*

(Ф. В. Каржавин. «Жизнеописание пиратов».)

Пиратство предоставляло возможность найти выход сдерживаемой жизненной энергии и проявить себя. Когда разбойники захватывали торговое судно, на его борту разворачивалась сцена.

Уэльса — шкипером купеческого судна, Дэвис из Милфорда — моряком, штурманом; Бартоломью Робертс из Уэльса — моряком; Дэвид Лоутер — подштурманом; Эдвард Инглэнд вышел из семьи ирландских крестьян, служил юнгой на флоте, а затем дезертировал; Томас Куклин был матросом

¹ Любопытно, что он, как и другой персонаж «Острова сокровищ» — злодей Израэль Хэндс, — был реальным историческим лицом. Последний, член экипажа Тича Черной Бороды, счастливо избежал виселицы после захвата пиратского судна «Месть королевы Анны» в 1718 г. Повредив накануне решающей схватки колено, он был отправлен на берег и не участвовал в последнем бою кровавого капитана. Он был приговорен к повешению, но затем амнистирован. Просидев в тюрьме некоторое время, Хэндс был выпущен на свободу, уехал в Англию и проживал в Лондоне, влача нищенское существование.

Казнь пирата в Уоппинге

Рисунок XVIII в. из коллекции Национального морского музея в Гринвиче

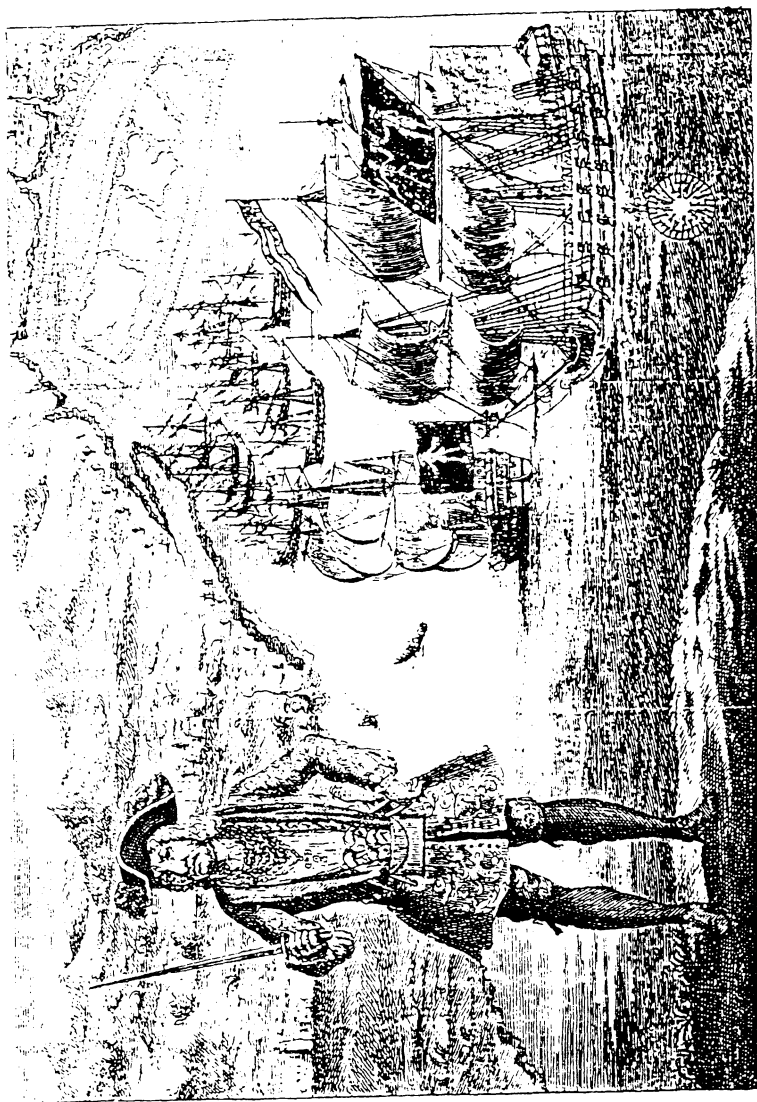

Наказание на флоте в XVI веке. Провинившихся матросов приколачивают к мачте; подвергают килеванию (с помощью каната протягивают от правого борта к левому и обратно — если несчастный не захлебывался, то умирал от тяжелых ран, полученных от острых краев ракушек, выросших на корпусе корабля); подвешивают за борт вниз головой и окунают периодически в воду. Гравюра на дереве 1555 г.

являющая собой кульминацию социальной конфронтации общества. Захваченным морякам предлагалось порвать со старой жизнью. Всего один шаг должны были они сделать из строя — и оказывались в другом мире. И многие делали этот шаг, на который ранее решились их новые товарищи.

Что видели эти морские люди раньше? Какими приходили они в пиратство? Не будем питать иллюзий по поводу жизни матросов на кораблях того времени. Они знали, что о собаке будут заботиться лучше, чем о них. В XVII в. была пословица: «Лучше болтаться в петле, чем служить на флоте». Деспотизм и жестокость капитанов военных и торговых кораблей, зажимавших команды в тиски бесчеловечной тупой дисциплины, превращали корабельную жизнь в страшное испытание. На кораблях царила строжайшая, порой зверская дисциплина, уничтожавшая все попытки возмущения. Широко практиковались публичные порки, килевание, заковывание в кандалы. Скотское обращение с людьми, невыносимые условия труда и быта превращали суда того времени в плавучие тюрьмы. Капитан Чарлз Джонсон¹, автор знаменитой книги «Всеобщая история пиратов», от-

¹ Возможно, что под этим псевдонимом скрывался английский писатель Даниель Дефо.

Капитан Бартоломео Робертс. Гвинейское побережье. Январь 1722 года

мечал, что «*существование на корабле ничем не отличалось от жизни в тюрьме, при добавлении, что на корабле имелся и шанс утонуть. Человек в тюрьме имеет большее помещение, лучшую еду и, как правило, лучшую компанию*». Запертые в тесных помещениях — «клетках», питающиеся отвратительной, грубо приготовленной, лишенной вкуса и витаминов пищей, подверженные частым эпидемиям цинги, изможденные тяжелым физическим трудом, окруженные грубыми раздражительными коллегами, матросы проводили долгие месяцы в длительных рейсах, не видя ничего, кроме моря. В недолгие дни пребывания на суше они захлебывались в алкогольном угаре, а потом все повторялось. Эти люди рано превращались в развалины, а когда физические силы их покидали, остро ощущали свою ненужность. Стоит ли удивляться, что пиратский мир сочетал примитивное мышление необразованных людей с атмосферой духовной грубости, забитости и унылой серости бесцветного существования.

Колорит пиратства

Духовную атмосферу пиратского экипажа питало беспредельное желание грабителей пожить с размахом, так весело и насыщено, как им никогда не удавалось в той, старой жизни. Неудивительно, что бытовые порядки на какой-нибудь пиратской барке не шли ни в какое сравнение с обстановкой на военном корабле или торговом судне и были неизмеримо менее тягостными. Более калорийная и разнообразная пища, отсутствие многих ограничений, меньше время, отведенное на собственно морскую службу, странные и нелепые, с позиции современного человека, увлечения и другие послабления делали пиратство притягательным. Знаменитый разбойник Бартоломью Робертс любил говорить: «Короткая, но веселая жизнь — это мое правило». И, вступив на путь свободной жизни, пираты, каждый на свой лад, пытались себя проявить.

Первым — возможно, наиболее типичным в бытовом плане — вызовом, который бросали пираты обществу, была их одежда. Где, как не во внешности, костюме отражалось неодолимое желание выглядеть, как знатные и богатые? Пираты были крайне требовательны к своему гардеробу и с маниакальной настойчивостью людей, лишенных и тени художественного вкуса, подбирали себе яркое разноцветное платье, обвешивались сверкающими драгоценностями. Если кто-нибудь из разбойников умирал во время плавания, его гардероб тут же распродался с аукциона, и члены шайки, собравшись у грот-мачты, бурно спорили о ценах на ту или иную принадлежность его костюма. Сходя на берег, разукрашенные, как павлины, они гордо вышагивали в своих великолепных нарядах по улицам городков и, загуляв в трактирах, переманивали за свои столы портовых красоток, не оставляя никаких надежд местным франтам. Да и кто в Европе смог бы похвастаться столь

пышными одеяниями? Только сам король и горстка аристократов могли позволить себе шеголять в шелковых рубашках, парчовых штанах, носить такие же крупные бриллианты и роскошные перья на шляпах. Неудержимой удаляю и бахвальством была отмечена казнь двух бандитов в 1615 году. Даже взойдя на плаху, они не удержались и решили «блеснуть» напоследок, разбросав толпе свои умопомрачительные одеяния — бриджи из малиновой тафты, дублеты с золотыми пуговицами и бархатные рубашки, разукрашенные золотыми кружевами. Сохранилось описание костюма, в котором капитан Бартоломью Робертс шел в свой последний бой. Этот шикарный господин носил атласный камзол ярко-алого цвета, богато расшитый золотыми цветами, и шляпу с большим красным пером. На шее у него висели массивная цепь с бриллиантами и огромный алмазный крест. Общую композицию завершали два пистолета, заткнутые за пояс, и абордажная сабля на боку.

То же — и на другом конце света. Парусный мастер голландец Ян Стрейс, находившийся на русской военной службе, указывал, что *«простые казаки были одеты, как короли: в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом; некоторые носили на шапках короны из жемчуга и драгоценных камней, и Стеньку (Разина. — Д. К.) нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали, когда во время беседы с ним становились на колени и склонялись головой до земли, называя его не иначе, как батька...»*

Пираты ликовали, ощущая себя «допущенными», сопричастными к радостям мира, и это чувство побуждало их не только к «творческому» переосмыслению моды. Созиданием отмечены многие сферы их деятельности. Наполненная событиями, бурная жизнь, импровизаторство и свобода превращали пиратский экипаж в сгусток творческой силы. В этой атмосфере постоянного брожения идей рождались новаторские, грандиозные проекты организации своего микромира и переустройства общества в целом.

Пиратский эгалитаризм

Создание пиратского мира и обоснования его принципов было результатом деятельности людей, вышедших из низов. Они были искренне охвачены «добросовестным желанием» всех обитателей трущоб и нижних палуб разделить ответственность богатства между всеми членами общества. Поэтому духовным стержнем экономического устройства пиратского микрокосма был эгалитаризм (от фр. «égalité» — «равенство»). В его основе заложена идея всеобщего равенства, основанного на уравнительном принципе распределения имущества. Не обременяя себя философскими размышлениями,

члены пиратских команд, как радикально мыслящая группа общества, объявили безграничную войну богачам. Чарлз Беллами, один из пиратских главарей начала XVIII в., набросившись на капитана захваченного судна, в гневе кричал ему: *«Черт возьми! Как и все другие, наказанные нами, вы управляете законом, который богачи придумали для собственной безопасности. Эти трусливые собачьи души не имеют смелости каким-либо иным способом защитить то, что они мошеннически нахватали. Проклятия и кровь на имуществе этих проклятых бестий. Между нами единственное различие: они обирают бедняков под покровительством закона, не так ли? А мы грабим богатых, рассчитывая только на свою храбрость».*

Нет ничего странного в том, что характернейшим «обрядом» пиратской группы стало принятие клятвы, в числе прочих положений объявлявшей беспощадную войну всем богачам мира.

Пиратский эгалитаризм был узаконен на корабле и являлся «эффективной» силой, спланивающей весь коллектив. Вот что писал по этому поводу Эсквемелин:

«Тому, у кого ничего нет, сразу же выделяется какое-либо имущество, причем с уплатой ждут до тех пор, пока у неимущего не заведутся деньги».

«После того как корабль захвачен, никому не дается права грабить имущество, посягать на товары в его трюмах. Вся добыча — будь то золото, драгоценности, камни или разные вещи — делится впоследствии поровну. Чтобы никто не захватил больше другого и не было никакого обмана, каждый, получая свою долю добычи, должен поклясться на Библии, что не взял ни на грош больше, чем ему полагалось при дележе. Того, кто дал ложную клятву, прогоняют с корабля и впредь никогда не принимают...»

«Друг к другу пираты относились заботливо. Кто ничего не имеет, может рассчитывать на поддержку товарищей».

«...пираты выгрузили добычу на берег и устроили на свой манер дележ. Разделив все добро, они подсчитали, что серебра и драгоценностей оказалось на шестьдесят тысяч реалов. Кроме денег, каждый еще получил больше чем на сотню реалов шелка и шерстяных тканей, не считая других мелочей... Часть добычи, которая приходилась на долю павших в бою, была передана их товарищам или родственникам».

Пиратский коллектив представлял собой сравнительно немногочисленное сообщество людей, каждый из которых был всегда на виду. Утаить что-либо от своих «коллег» было крайне трудным делом. В практике разбойничьей жизни есть наглядные примеры того, как грабители предохранялись от присвоения незаконной добычи и воровства в своей среде. Во время похода Моргана на Панаму была проведена следующая очистительная акция. Все флибустьеры собрались на сход. Каждый дал клятву, что ничего не

Флибустьеры делят добычу

Рисунок с карты де Фера (1713 г.)

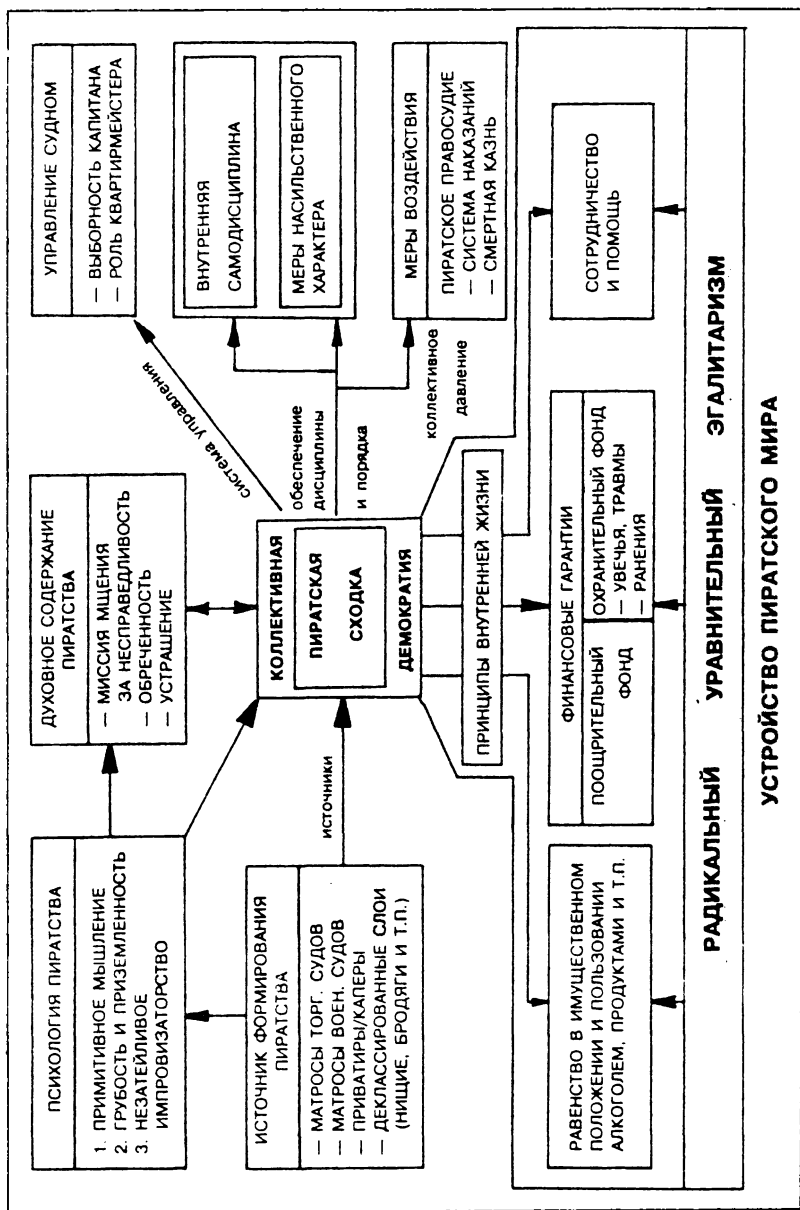
скрыл от остальных. После этого все разделись. Бросив одежду перед собой, флибустьеры терпеливо ждали, пока доверенные от каждого отряда перетряхивали их платье. Той же участи подвергся сам Морган и все командиры пиратских отрядов.

В поисках социальной справедливости разбойники старались в деталях предусмотреть ситуации, которые могли возникнуть в реальной жизни. Так, при распределении добычи руководство полу-

чало большие суммы, нежели простые члены экипажа. Размеры этих сумм изменялись — если капитанам флотилии Моргана полагалось восемь долей, то суммы, получаемые руководителями пиратских шаек в начале XVIII в., колебались от полутора до двух долей. Однако сам принцип вознаграждения из общей добычи оставался неизменным. Особые доли выплачивались квартирмейстеру, доктору, плотнику, боцману, штурману, т.е. мозговому штабу корабля. Члены экипажа выступали как равные перед лицом опасности и были партнерами в той рискованной игре, участниками которой стали. Поэтому, отдавая должное руководителям и специалистам, они вовсе не собирались ущемлять себя при дележе награбленного и отдать что-либо, помимо специально оговоренных сумм. Подобная система выплат из общего котла уравнивала иерархическую структуру, уравнивала материальное положение членов экипажа и снижала напряженность на борту.

Не вся захваченная добыча распределялась внутри экипажа. Часть ее шла в общий фонд по двум направлениям. Предусматривался поощрительный фонд и фонд страхования. Вновь обратимся к Эксквемелину:

«...Была установлена доля для особо отличившихся и пострадавших от врага, а также для тех, кто первым водрузит флаг на укреплении врага... они (пираты. — Д. К.) решили, что за это следует добавить еще пятьдесят реалов. Тот, кто будет подвергаться большей опасности, получит сверх своей доли еще двести реалов. Гренадеры, которые забрасывают крепость гранатами, должны получать по пять реалов за каждую гранату. Затем было установлено возмещение за увечье: кто потеряет обе руки — получит сверх своей доли еще полторы тысячи реалов или пятнадцать рабов (по выбору пострадавшего); кто потеряет обе ноги, мог получить тысячу восемьсот реалов или восемнадцать рабов, кто потеряет руку, безразлично, левую или правую, должен получить пятьсот реалов или пять рабов. Для потерявшего ногу, безразлично, левую или правую, полагалось пятьсот реалов или пять рабов. За потерю глаза полагалось сто реалов или один раб. За потерю пальца — сто реалов или один раб. За огнестрельную рану полагалось пятьсот реалов или пять рабов. За парализованную руку, ногу или палец полагалась такая же плата, как и за потерянную конечность. Сумма, необходимая для выплаты подобных возмещений, должна была изыматься из общей добычи перед ее дележом... если какой-нибудь корабль первым захватит в море или гавани вражеское судно, выделить его команде из общей добычи премию в тысячу реалов, а если добыча на таком судне будет оценена в сумму свыше десяти тысяч реалов, то добавить еще по тысяче с каждых десяти тысяч. Также под страхом телесного наказания или казни было установлено, что никто не смеет, захватив судно, разрушать его, если на нем нет врагов».

Таким образом создавались страховые гарантии на случай травм, увечий, ранений, выделялись суммы на содержание семьи убитого (если она была) и суммы для поощрения тех, кто проявлял большую смелость, ловкость, храбрость и энергию.

Коллективное давление

Власть пиратской сходки

Уравнительная система вознаграждения не смогла бы утвердиться как экономический принцип пиратства, окажись ее практическое осуществление в руках отдельных лиц. Мощный рычаг коллективной ответственности, основанный на сотрудничестве и взаимопомощи, приводил в действие всю систему. Современники, оказавшиеся на пиратских судах, не могли прийти в себя от изумления, сталкиваясь с «дикими», по их понятиям, правилами, царящими на корабле. Чего стоит одно лишь свидетельство капитана торгового судна, попавшего в плен к пиратам. Он негодовал по поводу того, что члены экипажа могут заваливаться спать там, где им вздумается, а самому капитану не дозволяется иметь кровать. Другой наблюдатель был поражен тем, что каждый на корабле может говорить на равных с капитаном. Ничего, впрочем, удивительного для самих пиратов в этом не было. Принцип субординации, носителями которого были эти удивлявшиеся очевидцы, не имел ничего общего с порядками, установленными на пиратских судах. Реальная власть на судне принадлежала пиратской сходке. Члены пиратского экипажа собирались у грот-мачты и в открытом обсуждении решали все возникающие вопросы. Они касались и составления письменного договора об условиях участия в грабеже, и принятия уставов корабельной жизни, и выборов капитана, и осуществления дисциплинарных наказаний¹.

Для иллюстрации сказанного приведем один документ. Его происхождение связано с событиями, разыгравшимися на судне Королевской Африканской компании «Кэмелион». В 1682 году оно отплыло к западному побережью Африки и, приняв груз, черных невольников, перешло на остров Барбадос, а затем к острову Невис.

¹ Демократическая система казачьего схода весьма напоминает изложенное. Вспомним круг: «Круг — это когда казаки по приказу атамана собираются в круг, а посреди круга втыкается головное знамя, около которого становится атаман со своими старшими офицерами, которым он сообщает свой замысел с тем, чтобы те довели его до сведения рядовых сотоварищей и выслушали их мнение об этом. Если рядовым сотоварищам по душе атамановы предложения, то все в один голос выкрикивают: „Любо, любо!“» (Л. Фабрициус. «Записки».)

В июне 1683 года «Кэмелион» двинулся обратно к берегам Англии. Однако команда захватила судно и отправилась пиратствовать. Был заключен соответствующий договор, сохранившийся в связи с обвинительным делом о происшедшем. Содержание этого документа показывает обычаи, принятые на пиратских судах, и проливает свет на предосторожности, принимавшиеся командой на случай, если подобный договор попадет в руки правосудия.

Соглашение о пиратстве

«30 июня 1683 г.

Июня 30 дня 1683 года. Статьи соглашения, принятого между нами на борту «Кэмелион» под командованием Н. Клова, о том, что мы будем совместно распорядиться всеми товарами, которые находятся на борту; каждый должен получить сполна свою законную долю. Один лишь командир получит две с половиной доли за корабль, а тот, кого капитану будет угодно взять в качестве помощника, получит полторы доли.

Подобное, Джентльмены, должно вас удовлетворить, как и то, что доктору полагается полторы доли, и таковы статьи, коих мы все придерживаемся и по отдельности и все вместе.

Это должно уверить вас, что мы намерены торговать с испанцами и не иметь дела ни с одной нацией, которая встретится нам в море.

Итак, Джентльмены, этим мы заявляем, что если кто-либо впредь будет нам противиться, то будет сурово наказан в соответствии с тем, что совершил, и все вы, здесь присутствующие, приняли совместную клятву на святом Евангелии держаться друг друга до окончания жизни.

*Джон Хэллэмор
знак Томаса Диксона
Роберт Кокрэм
крест Джо Дарвелла
крест Артура Дэвиса
крест Д. Моррина
Джон Реналс
знак Роберта Дузина
Ник. Клов
Сэмюэл Хэйнсуорт
Дэниел Келли
Уильям Хис
Джон Гриффин
Генри Микельсон
Альберт Лэзен
знак Саймона Уэбсона
Уильям Строчер
Эдвард Доу*

*Джон Уоткинс
Эдвард Старки
знак Джорджа Пэддиссона
Джон Коплинг
знак Генри Левина».*

Ни один человек, обладай он даже железной волей и решимостью во что бы то ни стало добиваться своего, будь он самым выдающимся организатором и умелым интриганом, не смог бы осуществлять полный контроль за порядком на корабле, где правила диктовало разношерстное сборище независимых и опасных субъектов. Но каждый член экипажа выступал не просто как отдельный индивид — он составлял часть единого организма. Его личные амбиции были скованы тисками коллективной воли.

Таким образом, система коллективной власти на пиратском корабле позволяла «морским людям» на практике применить их жизненный опыт и была направлена на поддержание дисциплины. Она содержала в себе черты демократического устройства, основанного на равенстве рядовых членов команды, их прямом и равном участии в управлении и уравнилельно-распределительном характере экономических отношений. Мятежи, непослушание, бунты подавлялись согласованными действиями большинства команды и капитана.

Принципы дисциплины

Система коллективного давления приносила реальные результаты. И главным в этой связи оказывалась дисциплина на судне, поддержание которой обеспечивало жизнеспособность пиратского экипажа. Дисциплинарные нормы были оговорены в особых «Правилах» — уставе, принимавшемся на каждом пиратском корабле. Приведем два таких документа.

Правила Бартоломью Робертса

I

Каждый член экипажа имеет право на участие в голосовании по насущным вопросам; он обладает одинаковым правом на получение свежей провизии и спиртных напитков, как только они будут захвачены; он может использовать их по собственному желанию, за исключением тех случаев, когда для всеобщего блага станет необходимостью ограничение в их потреблении.

II

Каждый член экипажа должен быть вызван, в соответствии с установленным порядком, на борт призового судна, потому что, свыше причитающейся ему доли захваченной добычи, он может еще взять себе смену белья. Но если кто-нибудь попытается обмануть товарищество и присвоить себе серебряную тарелку, драго-

ценности или деньги, то наказанием ему будет высадка на необитаемый остров.

III

Ни одному члену экипажа не позволяется играть на деньги в карты или в кости.

IV

Огни и свечи должны быть погашены в 8 часов вечера. Если кто-нибудь из команды после этого часа все же захочет продолжать пить, то они должны делать это на верхней палубе.

V

Каждый член экипажа должен держать в чистоте и исправности пушки, пистолеты и абордажные сабли.

VI

Ни одному ребенку или женщине не позволяется находиться на борту. Должен быть казнен тот, кто приведет переодетую женщину на корабль.

VII

Тот, кто самовольно покинет корабль или свое место во время сражения, приговаривается к смерти или высадке на необитаемый остров.

VIII

Никто не имеет права драться на борту судна, но любая ссора может быть разрешена на берегу с применением сабли или пистолета. В случае, если обе стороны не смогли прийти к соглашению, квартирмейстер едет с ними на берег для того, чтобы проследить за правильностью дуэли и поставить противников спиной друг к другу на положенном расстоянии. Когда дается команда, они поворачиваются и должны немедленно выстрелить, иначе пистолет выбивается из их рук. В случае обоюдного промаха в дело идут абордажные сабли, и квартирмейстер объявляет победителем того, кто первым пустил кровь.

IX

Ни один член экипажа не имеет права заговаривать о расформировании братства до тех пор, пока у каждого не будет собрана доля в 1000 фунтов. Если же во время службы кто-нибудь лишился конечности или стал калекой, то из общественного капитала ему передается 800 долларов; в случае меньших повреждений он получает пропорциональную компенсацию.

X

Капитан и квартирмейстер при разделе добычи получают по две доли, шкипер, боцман и артиллерист — полторы доли, оставшиеся лица командного состава — одну долю с четвертью.

XI

Музыканты отдыхают только по воскресеньям, а в другие шесть

дней и ночей не имеют на это права, если не получают специального разрешения.

Правила Филлипса

I

Каждый должен подчиняться установленному правилу: при дележе добычи капитану полагается полторы доли, квартирмейстеру, плотнику, боцману и канониру — доля с четвертью.

II

Если случится, что кто-то удерет с корабля или скроет какую-нибудь тайну от компании, то он должен быть высажен на необитаемый остров с одним рожком пороха, одной бутылкой воды, мушкетом и пулей.

III

За кражу любой вещи у компании или за мошенничество во время игры виновник должен быть оставлен на необитаемом острове или застрелен.

IV

Если мы встретим кого-нибудь из оставленных на необитаемом острове (т.е. пирата) и этот человек подпишется под нашим уставом без согласия всей компании, то его должно наказать, как определяют капитан и плотник.

V

Пока этот устав сохраняет силу, всякий, кто ударит другого, получит по закону Моисея¹ (что есть сорок ударов плетью без одного) по голой заднице.

VI

Подвергнется тому же наказанию всякий, кто гремит оружием, курит табак в трюме, не надев колпачок на трубку, или переносит зажженную свечу без фонаря.

VII

Тот, кто не будет содержать в чистоте и постоянной готовности свое оружие или же пренебрежет этим делом, будет лишен своей доли и наказан по приговору капитана и плотника.

VIII

Потерявшему в бою кисть или стопу полагается 400 реалов; потерявшему конечность — 800.

IX

Если мы повстречаем добропорядочную женщину и кто-то сунется к ней без ее согласия, немедленно будет предан смерти.

¹См. Бытие. Второзаконие. 25:2,3.

2. И если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету.

3. Сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими.

«Кому быть капитаном». *Иллюстрация из книги
«Howard Pyle. Buccaneers and marooners of the Spanish Main»*

Как мы видим, в правилах пиратов Робертса присутствуют два принципа, позволявшие держать судно в боеготовности. С одной стороны, правила связывали членов команды *внутренней самодисциплиной*. Пираты сами принимали устав, и разумные требования порядка в море мобилизовывали разбойников на выполнение этих требований. В бытовом плане момент пиратской самодисциплины нашел яркое отражение в том трепетном чувстве, какое каждый из них питал к своему оружию. С фанатическим рвением пираты следили за состоянием своих сабель, пистолетов, пушек и ружей. За этим скрывались не только шегольство и желание порисоваться, свойственные этим людям. Блеск, красота оружия, пестрые шелковые перевязи — только одна сторона дела. Главное скрывалось в другом. Это были пиратские «орудия производства», столь же необходимые им в грабеже, как пила — столяру, а карандаш — чертежнику. Пират был обязан контролировать свое боевое снаряжение, иначе презрение и издевки товарищей превращали жизнь безответственного головореза в сущий ад.

Но дисциплина была не только результатом ответственного подхода к этому самих разбойников. Порядок поддерживался также при помощи мер *насильственного характера* и контролировался пиратским сходом.

Особенно наглядно демонстрирует это практика дуэли. Из пункта № 8 правил Робертса мы видим, что пираты были озабочены тем, чтобы не допустить конфликтов на судне, и все спорные вопросы решали за его пределами. В случае нарушения кодекса, наказание было безжалостным и каралось смертью. Как-то раз капитан Джон Эванс, деятель пиратского мира второго десятилетия XVIII в., поссорился со своим шкипером. Ни один из них не хотел уступать другому, и тогда капитан повелел своему помощнику немедленно сойти на берег, чтобы решить дело в поединке. Однако шкипер категорически отказался покинуть судно. Разъяренный Эванс накинудился на него и принялся избивать палкой. Защищаясь, шкипер выстрелил из пистолета и уложил капитана на месте. Немедленно был созван корабельный совет, который единодушно решил примерно наказать нарушителя и придумать ему особенную казнь. Несчастного спасло от мучений то, что во время обсуждения способов казни кто-то выстрелил в него и прикончил.

Отдельные случаи нарушения пиратского кодекса чести могли помешать проведению самых продуманных операций. Так, в 1668 году в среде пиратского воинства, находящегося в Пуэрто-дель-Принсипи, разгорелись такие страсти, что английские и французские пираты едва не перерезали друг другу глотки. Причиной конфликта стало вероломное убийство, совершенное одним английским разбойником. Рассорившись с французским пиратом, он выстрелил в него, когда противник повернулся к нему спиной. Фран-

цузы потребовали повесить нарушившего законы, англичане встали на защиту своего соотечественника. Командующий экспедицией Генри Морган сумел урезонить спорщиков, пообещав провести суд над преступником. Вероломного дуэлянта заковали в цепи и посадили в трюм флагманского корабля. Вскоре обвинение в нарушении законов нависло и над самим Морганом. Дело в том, что он решил устроить показательный суд над убийцей и не позволял повесить его во время дележа добычи, на чем настаивали французы. Результатом неуступчивости Моргана стал уход французских экипажей, недовольных, с одной стороны, поведением главаря, а с другой — небольшими размерами захваченной добычи. Правда, по прибытии в Порт-Ройаль судебный процесс действительно состоялся, и англичанин, уронивший честь и достоинство британского джентльмена, был повешен.

Нередко дуэли происходили между главарями пиратов. При чем это были не просто банальные пьяные драки, наподобие той, которую устроили в каюте Ла Буш и Хоуэлл Дэвис, после которой их корабли прервали совместное плавание. Нет, случались настоящие поединки, заканчивавшиеся смертельным исходом.

Самой знаменитой дуэлью главарей была схватка в 1682 году между бельгийцем Ван Дорном и голландцем Лораном де Граафом. Ссора произошла после того, как вместе с шевалье де Граммоном они разграбили Веракрус. Причина ссоры доподлинно неизвестна, но, по-видимому, она произошла из-за дележа пленников. Из Веракруса пираты вывели 1,5 тыс. человек, причем продовольствия и воды в спешке не захватили. Это еще больше накалило ситуацию. Слово за слово, и главари сошли на берег выяснить отношения. Поединок на шпагах закончился резким выпадом де Граафа, ранившим в руку Ван Дорна. Ссора главарей едва не переросла в столкновение между их людьми. Было уже недалеко до серьезного кровопролития. Тогда де Грааф поспешил разделить пленных и уплыл на своих кораблях. Через несколько дней Ван Дорн умер от заражения крови и был похоронен на пустынном берегу полуострова Юкатан. Его корабль перешел к де Граммону.

Капитаны и команда

Своеобразный фокус особых отношений, царивших на пиратском корабле, — это роль, которую доверяли капитану. Широта его власти не сравнима с полномочиями капитанов военных кораблей, торговых и каперских судов. Он избирался всей командой и становился прямой «креатурой» пиратской сходки, действуя в рамках определенных условий. В обществе непосредственной демократии, каковым было пиратское товарищество, в капитаны обычно попадал «неформальный лидер», вынужденный считаться со своим эгалитаристским окружением. В первую очередь это на-

ходило отражение в бытовых условиях жизни. Эксквемелин сообщает, что *«капитан корабля обязан есть ту же пищу, что и вся его команда, до юнги включительно. Если команда желает уважить своего капитана, то ему готовят какое-либо особое блюдо, а подают его непосредственно капитану за общий стол»*.

Главным в деятельности капитана было руководство экипажем во время морских операций и сражений. Пират Уолтер Кеннеди (повешенный в Уопинге в 1721 г.) на судебном процессе заявил: *«Они (пираты. — Д. К.) выбирают капитана из своей среды, но его полномочия несоизмеримо меньше, чем титул, за исключением военных стычек, когда ему беспрекословно подчиняются и он командует безраздельно»*.

Главари выделялись своей храбростью, дерзостью и опытом. Это были прежде всего военные лидеры, способные повести за собой команды. Не расставаться с удачей, идти во главе колонны на штурм крепости, руководить проведением абордажа и врываться на борт неприятельского корабля, внушая страх врагам и гордость команде, — таким видели пираты настоящего капитана, и если дела разбойников шли благополучно и приносили доход, подобные вожаки быстро завоевывали авторитет и получали все больше власти.

В военных вопросах роль капитана было опасно оспаривать. Его опыт и решительность служили залогом успеха. Эксквемелин рассказывает, как повел себя пиратский вождь Олоне накануне штурма крепости Гибралтар во время похода в Венесуэлу (1667 г.).

Он *«как вожак всех пиратов, посоветовался с другими командирами, потом со всеми, кто окружал его, и дал понять, что отступить не намерен, — хотя испанцы и узнали об их приближении и собрали большие силы. Его мнение было таково: «Они сильны, так тем больше мы захватим добычи, если победим их». Все единодушно поддержали его и сказали, что лучше биться, надеясь на добрую добычу, чем скитаться неведомо сколько без нее. Олоне закончил так: «Я хочу предупредить вас, что того, кто струсит, я тотчас же зарублю собственной рукой...» На следующее утро задолго до восхода солнца Олоне высадил людей на берег... Все взяли друг друга за руки и поклялись стоять друг за друга до самой смерти. Затем Олоне рванулся и закричал: «Вперед, мои братья, за мной и не трусьте!» И пираты бросились в атаку...»*

Образцами подобных лидеров в казачьей среде 3-й четверти XVIII в. были запорожский атаман Иван Сирко и донской вожак Степан Разин. В дошедших до нас портретах действительность и легенда неразделимо слиты, нередко психическая неуравновешенность, люто́сть, лихачество и безрассудная жестокость парадоксальным образом определяют масштабы реальной власти, укрепляют авторитет главара, способного подчинить и повести за собой разбойников.

Иван Сирко — олицетворение казачьей угрозы, «русский черт», человек, за гибель которого по фирману султана молились в турецких мечетях, чьим именем турчанки и татарки пугали своих детей. С рождения и долгое время после смерти вокруг страшного атамана витала легенда. Так, сказывали, что родился он уже с зубами (чтобы всю жизнь грызть врагов православной веры); когда же повивальная бабка несла его по хате, она и оглянувшись не успела, как новорожденный герой схватил со стола пирог с начинкой и мигом его проглотил. Когда же умер Сирко, запорожцы положили его кости в гроб и возили с собой в заморские походы, а отрезанную руку своего главаря засушили и выставляли перед боем на страх врагу.

Бесшабашность, молодечество, удалство, безрассудная храбрость, казачий задор — вот что отличало Сирко. Кроме того, по народному преданию, он «побеждал нечистых чертей» — как-то раз прогуливался атаман по берегу реки Чертомлык, а в ней черт плескался, так «он только млыкнул (мелькнул. — Д. К.) вверх ногами, когда Сирко луснул его из пистоля».

Другой казачий вожак — Степан Разин, знаменитый предводитель крестьянской войны в России, «народный» атаман, защитник сирот и обиженных — выступает как настоящий мифологический персонаж, богатырь. Он предстает всемогущим чудотворцем, связанным какими-то непонятными тайными отношениями с божественными силами, неуязвимым чародеем, заговоренным от пуль и ядер, убивающим врага из незаряженного ружья, таинственным волшебником, магическая сила которого не знает границ, — с помощью заклинаний он освобождает город от комаров, превращает ядовитых змей в безобидные существа, может улечься из тюрьмы в нарисованной лодочке, пускает свои корабли «по суше и по воде», а когда потребуется собрать войско, то берет липовую шепку да бросает ее в Волгу, и гляди ж — уже по реке плывет корабль с казаками. С таким голошником, т.е. предводителем, и разбой-то не разбой, воровство не воровство, гульба не гульба — а все дело благородное, честное, справедливое, «святое» для вольных свободных людей.

Однако легенды не возникают на пустом месте. Из замечаний современников вырисовывается образ предприимчивого храброго человека недюжинной энергии, больших способностей, предводителя сильного, властного, умеющего вести за собой людей, «...человека хоть и безродного, но на редкость искусного и ловкого, готового на любое дело... Я его несколько раз видел в городе и на струге. Это был высокий и степенный мужчина крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью», — вспоминал Ян Стрейс. Другой голландец, Людвиг Фабрициус, состоявший артиллеристом на русской службе и попавший в плен к разинцам, рассказывал: «Если же кто-

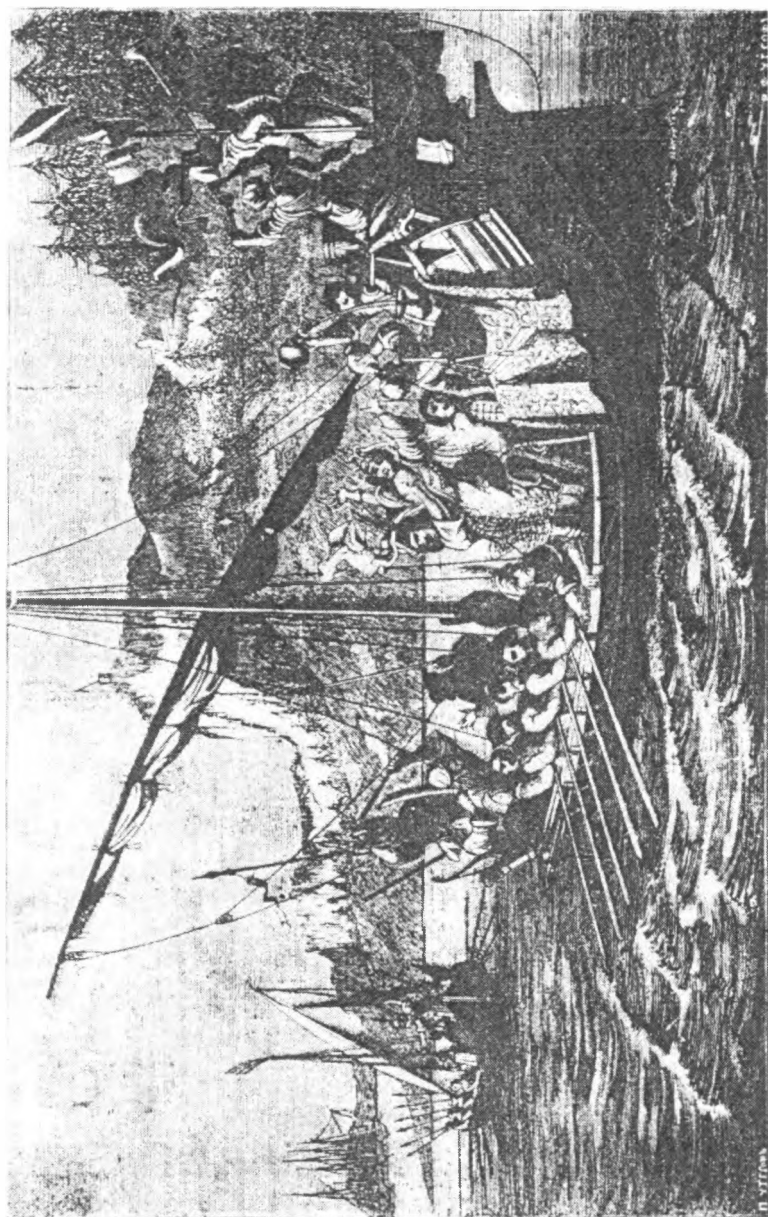
Степан Разин

нибудь не сразу выполнял его приказ, полагая, что, может, он одумается и смилуетя, то этот изверг впадал в такую ярость, что казалось, он одержим. Он срывал шапку с головы, бросал ее оземь и топтал ногами, выхватывал из-за пояса саблю, швырял ее к ногам окружающих и вопил во все горло: «Не буду я больше вашим атаманом, ищите себе другого», после чего все падали ему в ноги и все в один голос просили, чтобы он снова взял саблю и был им не только атаманом, но и отцом, а они будут послушны ему и в жизни, и в смерти».

Капитан избирался командой и имел право на защиту от посягательств на свою власть. Если же капитану случалось нарушить установленные правила, традици-

онное уважение к начальнику на корабле и почитание его прав как выборного руководителя нередко заставляли сходку решать вопрос в его интересах. Весьма характерным эпизодом стала история, произошедшая на корабле Бартоломео Робертса. Один пират обругал своего капитана и был застрелен им на месте. Приятель убитого, Ральф Браг, потребовал, чтобы капитан, поднявший руку на члена экипажа и проливший кровь на борту судна, был казнен. Робертс бросился на него с обнаженным клинком, завязалась драка. Браг был человеком крепкого сложения и незаурядного мужества и, несмотря на полученную рану, опрокинул капитана на палубу и начал избивать его на глазах у экипажа. Наконец его отташили от окровавленного Робертса, и команда устроила совещание по поводу судьбы обоих. Принятое решение гласило, что за оскорбление чина капитана Браг приговаривается к получению двух ударов линьком от каждого члена команды.

Взаимоотношения капитана и команды отражали старые морские традиции, когда для принятия решения хозяин советовался с бывальыми моряками. Жизненный опыт команды и капитана был определяющим при решении насущных вопросов. В ряде случаев агрессивность, всеуничтожающая воля капитана подавляли сопротивление разношерстной команды, могли запугать ее и заставить отступить. Однако подобные «победы» были эфемерны, так как накапли-

Струги Разина на Волге. Рисунок XIX века

ваемое раздражение против главаря в любой момент могло плачевно окончиться для нарушителя кодекса. Ссора с потенциальными претендентами на виселицу, коими были все пираты, таила немалую опасность. Капитана могли сместить за трусость или жестокость, он мог стать жертвой «несчастливого случая». Известны случаи, когда команда скинула капитана за то, что он отказался напасть на английское судно; другой предводитель пиратов пострадал оттого, что вел себя «подобно джентльмену». В особых случаях неугодный деспот-капитан мог полатиться жизнью. Так, например, Джон Филлипс погиб в результате заговора своей команды. Он вышел ночью на палубу, заслышав шум (убирали неугодного боцмана, приближенного капитана), был оглушен и выброшен в море. Капитана Анстиса застрелили во сне в собственной каюте, после чего пираты-заговорщики пришли в голландские владения острова Кюросао, где сдались властям и были амнистированы.

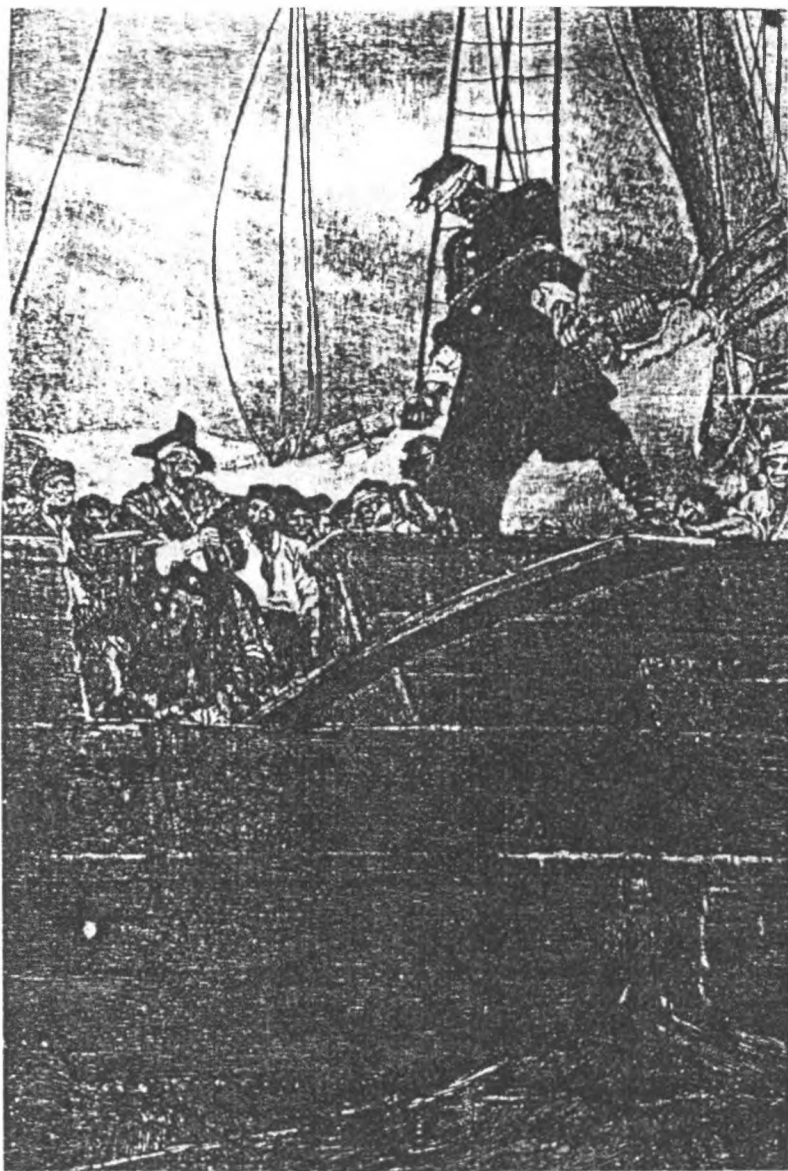
Механизм прямых выборов и насильственное уничтожение капитана были крайними, но не единственными средствами давления команды на главаря. Большую роль во взаимоотношениях капитана и команды играл квартирмейстер. Он выступал посредником в сложных цепочках взаимоотношений, связывавших обе стороны. Будучи представителем команды и выполняя роль второго человека на корабле, квартирмейстер должен был следить, чтобы капитан не нарушал интересы братства. В его лице капитан всегда имел потенциального конкурента в борьбе за власть над кораблем, представителя команды в управлении судном.

Правосудие

Пиратский кодекс чести определял систему правосудия разбойного мира. Описывая процесс судопроизводства, Эксквемелин подчеркивал:

«Пираты придерживаются своих собственных законов и сами вершат суд над теми, кто совершил вероломное убийство. Винового в таких случаях привязывали к дереву, и он должен был сам выбрать человека, который его умертвит. Если же окажется, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не напал на него сзади, товарищи убийцу прощают».

Правосудие вершил суд, составленный из представителей «пиратского братства». Случаи предательства, дезертирства и нарушений дисциплины в условиях «военного времени» также карались беспощадно. Нередко пиратам удавалось сохранить верность принципам даже в самых чрезвычайных ситуациях. Весной 1697 года, во время Войны Франции против Аугсбургской лиги, богатый город Картагена был захвачен французской военной экспедицией, возглавляемой капитаном 1-го ранга бароном де Пуэнти. В составе эс-

«Пират на доске». *Иллюстрация из книги
«Howard Pyle. Buccaneers and marooners of the Spanish Main»*

кадры находились флибустьерские суда, команды которых согласились участвовать в операции на заранее обговоренных условиях. В Картахене начались повальные конфискации. Безжалостно разграбленный город выплатил огромную денежную сумму. Однако при разделе добычи флибустьеров обманули, и выплаченная им доля оказалась мизерной в сравнении с тем, на что они рассчитывали. Разъяренные разбойники готовились напасть на флагманский корабль де Пуэнти и отстоять свои права на добычу. Неизвестно, чем могло бы закончиться дело, если бы волну ярости не удалось направить на уже разграбленную Картахену. Обозленное воинство вновь ринулось на город и организовало в нем новый денежный сбор. В несколько дней назначенный выкуп был собран. Тогда-то и произошел эпизод, описанный историком пиратства Ф. Архенгольцем:

«Жители Картахены до отъезда флибустьеров были еще свидетелями акта правосудия пиратов. Двое из них преступили приказание не делать никаких бесчинств и изнасиловали несколько девушек. Родственники последних осмелились пожаловаться, основываясь на формальном обещании флибустьеров удержаться от всяких неприятных поступков. Жалоба была принята, преступников схватили, привели на военный суд, наскоро образовавшийся из пиратов, который присудил их быть расстрелянными, что, несмотря на ходатайство самих обиженных, было немедленно исполнено на глазах всех жителей».

Особенную боязнь у пиратов вызывало дезертирство — ведь если беглец попадал в руки властей, он мог сделаться доносчиком, и тогда... Поэтому все члены команды приводились к присяге (на Святом Писании) — из следовавших затем разъяснений «коллег» обращенному становилось понятно, что всякое предложение к разделению или роспуску команды чревато самым серьезным наказанием; и расстрел квартирмейстером без приговора суда был скорейшей, но далеко не самой ужасной карой.

У пиратов были разработаны и другие способы казни, как, скажем, известное на весь мир маронирование. «Маронирование» происходит от «марунов» («maroons») — беглых негров-рабов Вест-Индии, женатых на индианках и скрывавшихся в горно-лесистых районах на Гаити, Ямайке, Маврикии, в Суринапе. Корень слова, по-видимому, идет от искаженного местного определения, подразумевающего «обитателя гор», в широком смысле — беглеца, дезертира, изгоя. Изошренная жестокость наказания заключалась в том, что, оставляя преступнику жизнь, его лишали шансов на спасение, выживание. Приговоренного отводили на берег «необитаемого острова», но не подобного острову Мас-а-Тьерра из архипелага Хуан-Фернандес, описанному Д. Дефо как остров Робинзона Крузо, а на маленькую длинную отмель, косу, затопляемую во время морского прилива. Ему оставляли пистолет и порох на один вы-

стрел, чтобы доведенный до отчаяния жаждой, голодом или зато-
пленный стихией он мог застрелиться.

Не менее страшной была и другая форма казни, когда приго-
воренного заставляли идти по доске, — с борта в море выставля-
лась длинная доска, и несчастный шел по ней до тех пор, пока не
падал в море.

Суровостью отличалась и система наказаний, предусмотренная
обычаями запорожских и донских казаков. Воровство, убийство то-
варища, побои, обида, нанесенная женщине, дезертирство и пьянст-
во во время военных действий карались беспощадно. Так, за убийст-
во товарища преступника закапывали живым в землю. Николай Ва-
сильевич Гоголь, описывая процедуру приведения приговора в ис-
полнение, писал: «...вырыли яму, опустили туда живого убийцу и
сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и по-
том обоих засыпали землею». Он же упоминает другое наказание:
«Если казак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это счита-
лось уже поношением всему казачеству: его, как бесчестного, привя-
зывали к позорному столбу и клали возле него дубину, которою вся-
кий проходящий обязан был нанести ему удар, пока таким образом
не забивали его насмерть. Не платившего должника приковывали
цепью к пушке, где должен был он сидеть до тех пор, пока кто-нибудь
из товарищей не решался его выкупить и заплатить за него долг». *Практиковалось повешение за ноги, повешение на железный крюк. У донских казаков распространение получило «сажание в воду». «На преступников, подлежащих смерти, надевали мешки, которые на-
полняли песком и камнями, и так бросали в воду, а тем, которых
преступления не столь важны были, насыпали песку в платья, и с тем
их на несколько времени в воду сажали».*

Ко времени Степана Разина относится весьма примечательное
наблюдение Фабрициуса, приподнимающее завесу еще над одной
стороной разбойной жизни. «Проклятия, грубые ругательства, бран-
ные слова, а у русских есть такие неслыханные и у других народов не
употребительные слова, что их без ужаса и передать нельзя, — все
это, а также блуд и кражи Стенька старался полностью искоренить.
Ибо если кто-либо воровал у другого что-либо хоть не дороже булав-
ки, ему завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так
бросали его в воду. Я сам видел, как одного казака повесили за ноги
только за то, что он походя ткнул молодой бабе в живот».

Пиратский суд представлял суровое испытание для всех его
участников, так как ставкой на нем была человеческая жизнь. По-
этому иногда в ходе процесса происходили воистину ошеломляю-
щие эпизоды. В неопубликованной рукописи о пиратах, автор ко-
торой — русский путешественник Федор Васильевич Каржавин,
приводится рассказ об одном судебном процессе, произошедшем
на судне Бартоломео Робертса.

«...Пока все были пьяны, Гарри Гласбай, человек трезвый, шкипер на судне «Королевская фортуна», с другими двумя единомышленниками, отставали от него потихоньку, однако он (Робертс. — Д. К.), скоро узнал о сих беглецах, послал отряд в погоню за ними, и они все трое были пойманы и приведены назад; по делу немедленно отданы под суд. Когда все были готовы и капитан Робертс сел в президентское кресло, позвали виновных в прихожую, где стояла большая чаша с пуншем на столе, с разложенными трубками и табаком; когда суд открылся, им было прочитано обвинение. Закон, сочиненный пиратами, был весьма строг, и уже собирали голоса на приговоре к смерти; как выпивши по другому стакану, узники стали просить об остановке сего суждения. Но преступление их найдено столь великим, что сидящие не приняли их просьбы; вдруг некто Валентин Стурдибак прибежал наверх, говоря, что он имеет предложить нечто суду в пользу одного из узников, и клялся притом, что он знает его давно за честного человека, и не хуже всех других тут присутствующих, и что имя ему Гласбай: «Клянусь, говорил он, что он не умрет, и, черт меня возьми, ежели придется ему умереть». Проговорив сии слова, вынул из кармана заряженный пистолет и приставил его к груди одного из судей, которой, видя сие толико сильное доказательство, заговорил, что он Гласбая не находит виноватым, прочие все согласны были с его мнением. И положили, что сам закон Гласбая оправдывает... А другие два по тому же закону осуждены на смерть, и только сделана им та милость, что позволено им выбрать четверых товарищей, которые бы их расстреляли...»

В разгуле веселья

Не всякий суд оканчивался столь трагично. Пираты вовсе не были мрачными мизантропами и любили забавляться в свойственной им грубоватой манере. Возможность отдохнуть, повеселиться, хорошенько выпить и порезвиться настраивала их на благодушный лад. «Они буквально за месяц спускают все, что нажили за год или полтора, — отмечал прекрасно знакомый с нравами пиратской братии Эксквемелин. — Они хлещут водку, словно воду, вино покупают прямо бочонками, выбивают затычки и пьют до тех пор, пока бочонок не опустеет. День и ночь буканьеры шатаются по селениям и славят Бахуса, пока остается хоть грош на выпивку... Некоторые из них умудряются за ночь прокутить две-три тысячи реалов, так что к утру у них не остается даже рубашки на теле. Я знал на Ямайке одного человека, который платил девке пятьсот реалов лишь за то, чтобы взглянуть на нее голую. И такие люди совершают много всяческих глупостей. Мой бывший господин частенько покупал бочонок вина, выкатывал его на улицу, выбивал затычку и садился рядом. Все шедшие мимо должны были пить вместе с ним — попробуй не выпей, если тебя угощают под ружейным дулом, а с ружьем мой господин не

**Стоянка пиратов. Судно подвергнуто килеванию
(наклонению в поперечной плоскости для осмотра
и ремонта подводной части). Часть команды веселится
в палатке, сделанной из паруса**

Рисунок XVIII века

расставался. Порой он покупал бочку масла, вытаскивал ее на улицу и швырял масло в прохожих прямо на одежду или в голову». Суеверия этих невежественных людей и верность морским традициям приносили в обыденную жизнь экипажа светлые оттенки. Так, например, бережно сохранялись морские ритуалы, принятые при проходе экватора или опасных рифов. Подлинная же вакханалия радостного упоения жизнью захватывала бравых молодчиков где-нибудь в уединенном, заброшенном людьми уголке, где морские скитальцы были предоставлены сами себе. Здесь-то и рождались веселые судебные процессы-постановки, рассказы о которых потом долго ходили по морям, обрастая многочисленными подробностями. Разбойники всласть веселились и издевались над ненавистным им порядком цивилизованного судопроизводства.

Один такой «процесс» произошел на маленьком островке у побережья Кубы. Пираты капитана Антиса уже несколько месяцев предавались здесь безделью. В один из дней они собрались на опушке тропического леса. Зной и духота жаркого дня не помешали им вкушать радость от театрализованного зрелища, свидетелями которого они стали. Первым предстал перед глазами зрителей, разлегшихся на изумрудной траве, сам подсудимый. С лицом, искаженным гримасой ужаса, он, «трясаясь от страха», поглядывал с тоской в ту сторону, откуда должен был появиться главный судья. Наконец из джунглей вышел судья, его прибытие сопровождалось громом оваций и аплодисментов, пираты вскочили со своих мест и стали палить в воздух из пистолетов. В адрес «несчастливого» подсудимого посыпались угрозы. Судья подошел ближе, и теперь пираты уже могли его разглядеть. На голову он напялил какой-то невообразимо грязный колпак, а его судейскую мантию заменял гнусного вида широкий брезент, который волочился за судьей, поддерживаемый двумя мрачными субъектами, изображавшими помощника и советника. На нос судья водрузил уродливые очки. Приняв угрожающий вид, он сурово поглядывал на подсудимого. Доковыляв до дерева, вокруг которого собралась вся компания, судья, кряхтя и чертыхаясь, вскарабкался на толстый сук и удобно устроился на нем, так что «мантия» его сползла вниз и касалась земли. Под деревом расположились «помощник» и «советник». Судейский жезл заменяли предметы, которые они держали в руках. У одного из них был лом, у другого — заступ. Общественный обвинитель представил суть дела: «Господа, этот мерзавец, который стоит перед вами, самый гнусный негодяй, которого только и остается, что повесить на большой дороге. Он родился специально для виселицы, и поэтому, побывав в сотнях переделок, до сих пор не утонул и не был застрелен. Сколько слез пролилось из-за этого мерзкого пирата. Но не в этом его главная вина. Представьте себе, эта образина ничего не пьет, кроме пива, он ни разу не нализался, как собака; такие целебные напитки, как ром, джин или водка, он отвер-

Шуточный пиратский суд — пародия на суд Адмиралтейства
Рисунок XVIII века

гает, как будто это дьявольская зараза. А Вашему правосудию, да и всем присутствующим, совершенно ясно, что ничего хорошего не может выйти из человека трезвого. Кем иначе, как лишь лукавым проходимцем и жалким обманщиком, может быть человек, у которого после доброй порции не развязывается язык». После речи обвинителя началась доверительная беседа судьи с виновным. «Мы в изумлении от тяжести преступления этого плута. Что ты скажешь, омерзительная собака, прежде чем мы тебя повесим сушиться на солнце, как дохлую ворону, которая единственно для того и пригодна, чтобы отпугивать других птиц? Виноват ты или нет? И посмей только сказать «нет»!!!» Обвиняемый с дрожью в голосе говорит: «Нет».

К восторгу публики, судебный процесс затягивается. Наконец после собственных яростных обличений судья предоставляет слово защитнику. Его речь кратка. «Трудно придумать более тяжкое преступление, чем то, в котором обвинен мой подзащитный. Я предлагаю повесить его как можно скорее, потому что мне стыдно защищать такого ублюдка». После одобрительных криков толпы, судья принимается за чтение приговора. «Нехорошо будет, — начинает блюститель законов, — если в тот день, когда я сижу судьей, никто не будет повешен. Посмотрите на физиономию этого типа — по-моему, ясно без слов, что за одну такую рожу следует отправлять на виселицу. И, наконец, уже несколько часов, как мы тут тратим время на этого бездельника, обеденная пора давно миновала, и весь этот суд мне уже осточертел. Я голоден, и пора его вешать». «Суд» обычно заканчивался ко всеобщему восторгу пиратов. Судья и подсудимый выпивали по чаше рома и присоединялись к общему веселью.

Подобные театрализованные постановки были весьма распространены и оживляли пиратские будни, внося разнообразие в монотонную жизнь на корабле.

Пираты охотно разыгрывали эти импровизированные «пьесы» и самозабвенно предавались сценическому действу. Этих людей влекла необычная жизнь вымышленных героев на сцене, им импонировала эта незнакомая атмосфера, рассказывавшая о другом мире; в чередовании повседневных событий подобное лицедейство давало хорошую психологическую встряску, обеспечивало душевный подъем. В каком бы амплуа ни приходилось выступать «на подмостках» этим голворезам — на ролях главных персонажей или в качестве второстепенных действующих лиц, — новоиспеченные актеры самозабвенно исполняли свои «партии». Зрительская аудитория, всегда щедрая на брань и на похвалы, бурно реагировала на все нюансы действия и вовсе не была пассивным участником — сопереживание происходящему на сцене иногда перерастало в буйство, выходящее далеко за рамки того, что задумывал «постановщик». Некоторые из таких сценических «встрясок» заканчивались плачевно для участников. Вот, например, какие события произошли на борту судна «Уайдах», когда

пиратскому главарю, капитану Беллами, вздумалось поставить пьесу о жизни царя Александра Македонского.

Кульминационным эпизодом представления была сцена казни пойманного греческого пирата. Спектакль подходил к концу, и актеры собирались уже «повесить» своего незадачливого собрата по ремеслу, как вдруг события приняли неожиданный оборот. В виновником этого был корабельный канонир, дотоле спокойно сидевший около борта, с изумлением взирая на непривычное для него зрелище. Простодушный малый, он принимал все происходящее за чистую монету, но к концу спектакля заметно встревожился, а когда речь зашла о виселице, был уже явно не в себе. Ошеломленный участю, уготованной его приятелю, игравшему роль «греческого пирата», канонир решил действовать. Еще бы, ведь Джек Спинклз, его старый добрый товарищ по грабежам, человек, которого покамест не достали ни ядра, ни пули, ни клинки, теперь, вот так бездарно, в руках своих же «бывших товарищей», этих подлых негодяев, закончит жизнь, болтаясь в петле. «Ну уж этому — не бывать», — решил наш молодец. Вскочив со своего места, бравый артиллерист рванул в трюм и заорал своим приятелям, мирно беседовавшим за чашей рома: «Эй, ребята, вот вы тут сидите, а мерзавцы, там, наверху, приканчивают почтенного Джека Спинклза. Если мы не вмешаемся, то они, чего доброго, примутся и за нас». Прокричав эти слова, канонир схватил гранату, зажег фитиль и, мигом взлетев на палубу, швырнул ее в участников постановки, эти подлых «тюремщиков» и «судей». Сидевшие внизу тем временем «поняли», в чем дело. «Черт возьми, не дадим своих в обиду», — и из трюма вырвалась ватага пьяных, расвирепевших вояк, размахивавших саблями и пистолетами. В порохом дым улетучилась ожесточенная потасовка. Не сразу удалось внести ясность в происходящее и утихомирить разбушевавшиеся страсти. Однако этих минут хватило, чтобы разбойнику, игравшему роль Александра Македонского, отрубили руку, а почтенный Джек Спинклз в драке потерял ногу.

В этой связи вспомним разгул веселья, запечатленный Ильей Ефимовичем Репиным в знаменитой картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». В основе сюжета — история того же «лицейского» ряда. Турецкий султан Мехмед IV собирался отправить против Запорожской Сечи войско, но решил сначала попробовать добиться повиновения казаков мирными средствами, отправив письмо с требованием *«сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоить»*.

Восторг, охвативший казаков при получении такого послания, не поддается описанию. Составляя ответ, они изошрялись, как могли, чтобы не ударить в грязь лицом перед Блистательной Портой: немного найдется в истории примеров такой разухабистой «дипломатической переписки».

Запорожские казаки — турецкому султану

«Ты — шайтан турецкий, проклятого чорта брат и товариш и самого Лющиперя секретарь! Який ты в чорта лыцарь? (султан имел неосторожность назвать себя «необыкновенным рыцарем, никем не победимым»). — Д. К.)

Чорт выкидае, а твое вийско пожирае. Не будешь ты годеи сынив хрестияньских пид собою мати; твого вийска мы не боимось, землею и водою будем бытыця з тобою. Вавилонский ты кухарь¹, македонский колеснык², ерусалимський броварнык³, александрийский козолуп, Великого и Малого Египты свынар⁴, армянська свыня, татарский сагайдак⁵, каменецкий кат⁶, подолянський злодюка⁷, самого гаспида внук и всего свиту и подсвиту блазень⁸, а нашого Бога дурень, свыняча морда, кобыляча с...а, ризныцька собака, нехрещенный лоб, хий бы взяв тебе чорт!

Оттак тоби козаки видказали, плюгавче!

Невгоден еси матери вирных хрестиян.

Числа не знаем, бо календаря не маем, мисяц у неби, год у кнызи, а день такой у нас, як и у вас, поцилуй за те ось куды нас!»

Кошовый атаман Иван Сирко зо всим коштом запорожським».

Братство, несущее возмездие

Вход в пиратский мир был открыт для людей, ощутивших себя неприкаянными и беззащитными в привычном человеческом мире или ставших обременительными в силу действовавших в обществе законов. Одним из моральных критериев, которые привлекали к занятию морским грабежом, была надежда обрести внутреннюю свободу в общении с такими же горемыками, мечта о здоровом человеческом сосуществовании. Не случайно о пиратских бандах говорили как о братстве. Идея сотрудничества и взаимопомощи пронизывала все экономические, военные, хозяйственные и бытовые стороны пиратской жизни. Уравнительное распределение до-

¹Кухарь — повар.

²Колеснык — делающий ездовые колеса; возможна ассоциация с казнью колесованием.

³Броварнык — пивовар.

⁴Любой намек на свинью содержал страшное оскорбление для мусульманина.

⁵Сагайдак — лук с колчаном. Намек на то, что лук («турок») висит за спиной тарина (вассала Империи), ударяя его ниже спины и по ногам.

⁶Т. е. палац Каменец-Подольска — намек на разграбление и опустошение этого города турками.

⁷Намек на разорение Подолии.

⁸Блазень — малолетний неопытный глупец.

бычи, демократические принципы управления, равенство разбойников перед коллективно принятыми обязательствами, совместное проживание на узком пространстве корабля — все это вместе взятое сплачивало людей.

Однако не будем обольщаться — мир пиратов был миром грабителей и убийц. Он вовсе не был гуманным, и в настроениях его обитателей доминировало вовсе не человеколюбие. Пиратское братство строилось на жестокой практике возмездия за предательство, измену, и те, кто вступал с ним в борьбу, жили под гнетущим чувством постоянной угрозы стать жертвой беспощадной мести своих врагов. Взаимопомощь и месть шли рука об руку. В этом сразу убеждались представители властей, которым удавалось захватить грабителей в плен. Они немедленно становились объектом страшных угроз со стороны друзей пленников, плавающих на свободе.

Отряд пирата Соукинса появился в 1680 году в окрестностях Панамы. Пиратский вожак отправил губернатору послание с требованием выдать захваченных пленников. *«Мы подойдем на кораблях к вашим стенам, чтобы вы могли получить удовольствие видеть пленных испанцев повешенными на реях. Мы хотим поставить вас в известность, что являемся начальниками над всеми южными морями. Итак, решайте, стоит ли заставляя нас нетерпеливо ждать вашего решения о жизни или смерти наших людей, находящихся у вас в плену. Если вы решите убить их, то непременно получите головы пленных испанцев в понедельник утром.*

Начальствующие над всеми южными морями».

Весной 1717 года пиратское судно было разбито штормом около Бостона. Оставшиеся в живых сумели выбраться на берег, где были схвачены и посажены в тюрьму. Печальная участь захваченных не оставила равнодушным бандита Тича Черную Бороду. Власти получили послание с предупреждением, *«что если заключенные пострадают, то они (пираты. — Д. К.) будут убивать любого, кто имеет отношение к Новой Англии».* Прошло немного времени, и Тич захватил бостонское торговое судно. Его сожгли, а Черная Борода объявил, что сделано это в отместку властям, казнившим пиратов. Он предупредил, что подобной участи подвергнутся все бостонские суда. Не чуждался мести и знаменитый Бартоломью Робертс с его богатейшим арсеналом средств устрашения. Так, например, он объявил войну кораблям с островов Мартиника и Барбадос, губернаторы которых осмелились устроить на него облаву. Он терроризировал власти островов Вест-Индии постоянными угрозами о мщении. Слова Робертса не расходились с делом. В 1720 году он ворвался на рейд Бас-Терра (о. Сент-Киттс) и сжег находившиеся там корабли в память о гибели *«своих товарищей на Невисе».* В следующем году власти Виргинии были так запуганы его обещаниями навестить город и отомстить за казнен-

ных в нем пиратов, что призвали население к бдительности и в срочном порядке установили 60 пушек на укреплениях.

Пираты были мастерами создания атмосферы страха, психологического стресса. Тем самым они «обезвреживали» свои жертвы, парализовывали возможное сопротивление. Огромную роль в нагнетании напряженности, удручающего чувства обреченности у противника играли прозвища пиратских главарей, названия их судов и зловещая символика разбойников. Причем по мере того как распадались огромные островные колонии пиратов и их промысел приобретал все более индивидуальный характер, необходимость в такого рода «мерах» возрастала.

Угроза мести преследовала и капитанов военных судов, отличившихся в войне против морских разбойников. Они попадали в черный список. В 1723 году пиратский главарь Френсис Сприггс дал клятву убить капитана Мура за участие в уничтожении пирата Лоутера. Он же пообещал «зайти в гости» к капитану Солгарду, который взял верх над пиратским судном Чарлза Харриса. Находясь под гнетом пиратского шантажа, местные власти постоянно рисковали, преследуя своих врагов. Проводя твердый курс, администрация всегда помнила о возможной участи кораблей, которые могли оказаться в руках свирепых мстителей, верных своим клятвам.

Пиратские «символы»

(прозвища, названия кораблей, флаги, татуировки, «Веселый Роджер», амулеты)

Фантазия разбойников была достаточно приземленной, но богатой, и чуждые вычурности пираты охотно наделяли своих собратьев всевозможными незатейливыми кличками. За прозвищами могли скрываться люди самые разные. Одни предпочитали сохранить в тайне свои подлинные имена, другие — особые любимчики пиратского мира — гордо носили прозвища как почетный титул, а некоторые пираты обладали столь необычными физическими особенностями, что оставить их без внимания было просто невозможно.

Нередко прозвища получали по географическому признаку. Нетрудно понять, откуда родом Гассан Венециано, знаменитый алжирский корсар XVI в. Легендарный Жан Франсуа Но, известный как Олоне и прославившийся своей жестокостью, родился в местечке Сабль д'Олон. Прозвища Пьера Пикардийца, Мигеля Ле Баска, Рока Бразильца или Бартоломео Португальца также выдают их национальную принадлежность или напоминают о странах, с которыми так или иначе были связаны эти люди.

Бряд ли нуждаются в особых пояснениях и прозвища, связанные

с физическими особенностями их носителей. Например, Длинный Бен, Пьер Длинный, Красавчик, Тич Черная Борода, два рыжебородых брата Арудж и Хайраддин, вошедшие в историю как Барбаросса I и II. Широко распространено было прозвище Деревянная нога. Знакомый всем пират Джон Сильвер из «Острова сокровищ», возможно, обязан своим появлением известности двух реально существовавших героев пиратских баталлий в Испанском Мейне — французу Франсуа Леклерку и голландцу Корнелису Елу. В других случаях фантазия пиратов была изощреннее. Если прозвище флибустьерского главаря Александра Железная рука наводит на мысль, что его носитель обладал всесокрушающим мощным ударом и огромной физической силой, то Пьер Легран (фр. «grand» — «большой», «великий»), вероятно, был просто высоким человеком, а может быть, и обладал великим умом. Некий флибустьер Вест-Индии носил прозвище Крепкозубый, а другой был известен как Легкий На Ногу. Трудно определить, какими качествами прославился пират по прозвищу Попутный Ветер. Вполне может статься, что для своих товарищей он был чем-то вроде талисмана, и его присутствие на корабле сулило нужное направление ветра, а возможно, он заслужил прозвище из-за постоянной готовности поучаствовать в славной драке и лихой попойке. Явно шутовское прозвище было придумано одному известному алжирскому разбойнику — Мертвая Голова. Его абсолютно лысая голова напоминала безводную мертвую пустыню, где не было места живой растительности.

Более замысловатые прозвища давались за особые «отличия». Мир Карибского моря сохранил несколько довольно типичных кличек — например, Проныра или Гроза Приливов. Наибольшую известность приобрело прозвище Истребитель, полученное шевалье де Монбаром за всепоглощающую страсть к истреблению испанцев.

Наконец, были и таинственные прозвища-псевдонимы. К таким относится имя, взятое известным пиратом Генри Эвери, или Джоном Авери. Подлинная фамилия его была Бриджмен, и он происходил из семьи честных законопослушных моряков. Чтобы не запятнать своих родственников, он придумал для себя странное Эвери (англ. «every» — «любой, каждый»). Непросто по такому прозвищу распознать, как же по-настоящему зовут его владельца.

Весьма показателен пример пирата Джеймса Келли. На протяжении своего бурного жизненного пути, наполненного авантюрами и плаваниями, он несколько раз менял имя и либо выступал под собственной фамилией, либо становился Сэмпсоном Маршаллом или Джеймсом Гиллиамом. Невозможно с точностью определить, на каких этапах происходили перевоплощения этого ловкача. Его деятельность на ниве пиратства и приватирства продолжалась почти двадцать лет. Она началась в 1680 году, когда молодой англичанин оставил родную страну и на работорговом судне двинулся к западно-

му побережью Африки. Здесь судно было захвачено пиратами капитана Янки, и Келли решил сделаться разбойником. Несколько лет он грабил в Испанском Мейне, переходя с одного судна на другое. В конце концов он оказался на пиратском корабле Джона Кука. Весной 1683 года судно пришло к берегам Виргинии в залив Чезапик, где был набран экипаж и закуплена провизия. Отметим, что среди новых членов команды оказались знаменитые впоследствии Уильям Дампир и Эмброс Коули, оставившие записки об этом плавании. В апреле корабль Кука отправился в плавание. В Атлантике он перехватил голландское торговое судно. Команде Кука понравились его осадка, крепость, и пираты перебрались на него, прихватив ценный груз (шестьдесят черных невольниц) и оставив голландцу в обмен свое судно. Теперь корабль, на котором поплыл Келли, стал называться «Бечелос Делайт» («Услада холостяка»). Пираты пошли в Тихий океан, но, пройдя мыс Горн, попали в ужасный шторм. После тяжелых испытаний в южных широтах, они наконец выбрались к чилийскому побережью. Здесь они повстречались с другими пиратскими судами, и солидная англо-франко-голландская компания продолжила совместную охоту за испанскими галионами. Никаких особых успехов не было достигнуто, экипажи рассорились, и сообщество развалилось. Келли оказался в группе под командованием Эдварда Дэвиса (Кук к этому времени умер), которая ушла обратно в Карибское море. Здесь Келли направился на Ямайку и принял амнистию Вильгельма I, став приватиром. Однако официальный статус ему вскоре надоед, и он вернулся к пиратству. Захватив шлюп «Даймонд» («Бриллиант»), Келли, уже в качестве капитана, направился в Индийский океан, где и пропал за несколько лет. Предполагают, что он провел немало времени на острове Мадагаскар, а возможно, и находился в плену. Кончилось тем, что Келли, под именем Маршалла, с экипажем известного Роберта Каллифорда пришел на остров Сен-Мари. Здесь он встретился с капитаном Киддом и вернулся с ним в Вест-Индию, но уже под именем Джеймса Гиллиама. Но Келли не остался в Америке, а, возвратившись в Англию, поселился в Лондоне со своей семьей. Он умер как respectable gentleman, окруженный любовью и уважением.

Какими бы причинами ни руководствовались авторы прозвищ, все прозвища несли определенную психологическую нагрузку, придавая пиратской жизни загадочность, необычность. Порой эти клички превращались в своеобразные визитные карточки, от которых потенциальные жертвы их владельцев содрогались от страха.

* * *

Важную роль психологического воздействия на противника играли названия пиратских судов. Исследователь морского разбоя М. Редикер, проанализировав названия сорока четырех пиратских кораблей, установил: в восьми случаях (18,2%) упоминалась

слово «месть» (вспомним знаменитый бриг Тича «Месть королевы Анны» или судно Стеда Боннета «Месть»), в семи (15,9%) присутствует слово «бродяга» («ranger») или «скиталец» («rover»), в пяти случаях название судна упоминает о королевской власти¹.

Самым знаменитым символом пиратства является зловещий флаг «Веселый Роджер» («Jolly Rodger»). Его впервые зафиксировал «Oxford English Dictionary» в 1724 году. Он получил очень широкое распространение и был известен в различных вариантах. На черном поле помешался излюбленный знак морских разбойников — череп с перекрещенными костями или целый скелет в полный рост. Использовалась различная атрибутика морской жизни, вооружение и другие предметы, в зависимости от фантазии и пристрастий команды. В большинстве случаев это было оружие — от абордажных клинков и шпаг до ножей и стрел. Так, например, над кораблем капитана Сприггса развевался черный флаг, в середине которого был изображен белый скелет. В одной руке он зажал стрелу, пронзающую сердце, с которого стекали три капли крови, в другой находились песочные часы, указывающие встретившемуся кораблю, что смертный час пробил. Ранее такой же флаг, но под названием «Старый Роджер», был зафиксирован у пирата Джона Куэлча, пришедшего в Бразилию в 1703 году. У Бартоломео Робертса жуткий скелет стоял на двух черепаках, под которыми были выведены буквы «АВН» и «АМН»². Конечно, власти островов Барбадос и Мартиника, заклятые враги Робертса, зная про эти буквы под мертвыми головами, не могли забыть об особой «привязанности» разбойника к их владениям.

Известен рапорт о черном флаге со скелетом, который держит в одной руке чашу пунша, а в другой — шпагу. Иногда цвета варьировались, и тогда черный скелет выступал на белом поле.

С «Веселым Роджером» связано немало спорных вопросов. *Во-первых*, известно, что это название было не единственным для пиратских флагов. Применялись и «Черный Флаг», и «Роджер», и уже упоминавшийся «Старый Роджер». *Во-вторых*, цвет пиратского флага далеко не всегда был черным³. Собственно, первое упоминание

¹В других случаях использовались: географические названия («Ланкастер»), женские имена («Мэри Энн»), названия животных («Блэк Робин» — «Черная малиновка») и т. д. Любопытно и упоминание холостяцкой жизни — уже встречавшийся нам ранее «Бечелос Делайт» («Услада холостяка») и «Бечелос Эдвенче» («Холостяцкая авантюра»). В этом нет ничего странного, так как у большинства пиратов не сложилась личная жизнь. Десятки пиратских судов с подобными названиями не оставляли торговцам никаких надежд на безнаказанность. Свирепые предупреждения, несущиеся с бортов пиратских кораблей, превращали океан в настоящий ад, населенный мрачными мстителями.

²АВН (A Barbadians Head — Голова барбадосца; АМН (A Martinician Head) — Голова мартиниканца.

³В вопросе о происхождении черных флагов у исследователей также нет единства. Вряд ли это связано с черными парусами корабля Тесея, возвращавшегося с

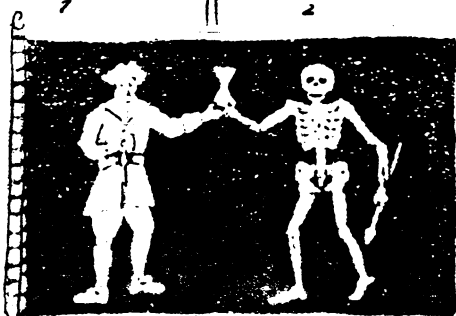
1

2

3

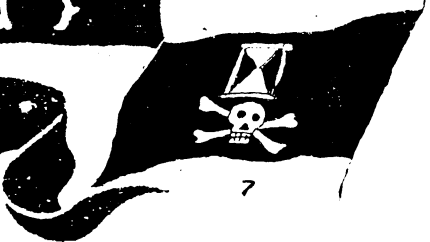
4

5

6

7

1 — 7 — Флаги и вымпелы
антильских пиратов (начало XVIII в.)

8

9

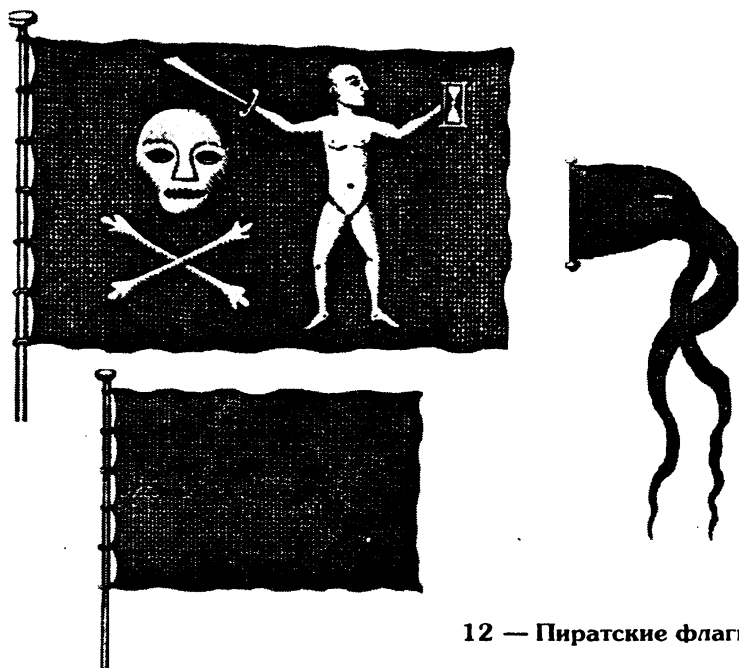
8, 9 — Флаг и вымпел Бартоломью
Робертса (1721 г.)

11 — Флаг капитана
Беллами

10 — Флаг Тича
Черной Бороды

12 — Пиратские флаги
и вымпел

вание о черном цвете относится лишь к 1700 году, и такой фон имел флаг французского пирата Эммануэля Дюна.

Ранее же черный цвет (равно как и черные платки) широко использовали испанские пираты. В одном из правил, определяющих порядок оформления катафалков для похорон испанского короля, записано: *«Не следует ни на вершине, ни на одном из этажей траурной башни вывешивать черный флаг. Несмотря на то, что он является знаком и цветом короля, этот флаг опозорен (разрядка наша), как флаг, употребляющийся на пиратских кораблях. Поэтому надлежит ограничиться флагом темно-фиолетовым или кардинальским пурпуром».*

Возможно, испанские разбойники издевались не только над монархом — черный цвет носили и флаги испанских военных эскадр (в том числе они были и на «Непобедимой Армаде»). Кроме

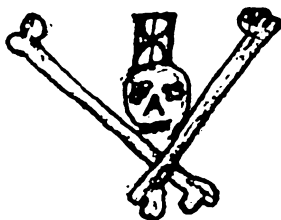
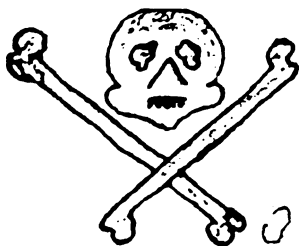
Крита после победы над Минотавром, — сомнительно, что пираты изучали древнегреческие мифы и знали секрет договоренности героя с царем Афин. Вероятнее всего, на наш взгляд, предположение, что черный цвет позволял разбойникам маскироваться в пасмурную погоду и в ночное время.

того, черный костюм испанского аристократа служил отличительным признаком принадлежности к высшим классам и знаком «высокой моды» XVI в. Нет ничего удивительного, что пиратам захотелось «приобщиться» к высшему свету.

Однако излюбленным у бандитов (особенно англичан и французов) был красный, или кровавый, флаг, цвет которого, по-видимому, символизировал кровопролитие, готовность выбросившего этот флаг пролить кровь и находиться в постоянной боевой готовности. Не случайно красный флаг был сигналом опасности, возвешал тревогу и стал впоследствии флагом восстаний. В судовом журнале капитана Массерси приводится рассказ о том, как отряд флибустьеров повстречался на дороге к городу Капоне в Западной Мексике с индейцами, находящимися на стороне испанцев: *«Когда они увидели нас, то испугались... Мы сразу же спустили белый флаг и подняли красный с черепом и скрещенными костями белого цвета»*. Вспомним и знаменитое наступление 1680 года на Панаму Первой Тихоокеанской волны буканьеров. Пять отрядов из семи шли под красными флагами: авангард (первый отряд) капитана Бартоломью Шарпа под красным флагом с белыми и зелеными лентами; главные силы — второй отряд Ричарда Соукинса под красным флагом с желтыми полосами, третий и четвертый отряды (команды Питера Харриса) под зелеными флагами, пятый и шестой отряды под красными флагами; арьергард (седьмой отряд) Эдмонда Кука под красным флагом с желтой полосой, изображением обнаженной руки и меча.

Красный флаг разбойников повторял кровавый боевой флаг военных флотов. Приказом № 1 лорда Адмиралтейства в 1596 году было установлено *«на время ведения боя поднимать вместо постоянного носового флага боевой флаг красного цвета»*. В романе Д. Дефо «Робинзон Крузо» герой вспоминает одно столкновение с противником и рассказывает, что вначале на его корабле был поднят белый флаг переговоров, а с началом сражения на мачте взвился красный флаг. Близким к красному был и светло-оранжевый цвет, в который было выкрашено полотнище Тича Черной Бороды.

Заметим, что в XVII в. морские разбойники предпочитали плавать под своим национальным флагом или пользовались флагом того государства, которое предоставило им жакперскую лицензию. Но уж если при встрече с противником на мачте взмывало кровавое знамя, то его появление говорило о том, что пощады никому не будет (то же и на суше). Бескомпромиссный, тотально враждебный характер красного флага был зафиксирован свидетелями. Так, капитан Ричард Хоукинс, захваченный пиратами в 1724 году, рассказывал, что если пираты сражаются под «Веселым Роджером», они как бы дают возможность намеченной жертве поразмыслить, стоит ли сопротивляться, и готовы принять добровольную сдачу, но уж если появляется красный флаг, значит, дело дошло до крайней точки, и схватка

Таким образом капитан Джекоп Бэвен засвидетельствовал смерть двух матросов своего судна (22 февраля 1686 г.)

предстоит не на жизнь, а на смерть. Ту же функцию кровавый флаг играл, например, у Эвери. Этот грабитель плавал под крестом Св. Георга, используя собственную символику — четыре серебряных шеврона на красном поле. Появление этого флага означало, что Эвери готов вступить в переговоры о сдаче, но когда на флагшток взлетал простой красный флаг, экипажу купеческого судна следовало готовиться к рукопашной. Возможно, что черный флаг, используемый, как и красный, с целью устрашить противника, нес в себе некий миролюбивый подтекст. Символика выбора могла опираться на то, что черный цвет считался цветом траура, скорби и смерти, в то время как красный рассматривался как цвет восстания и мятежа, знак беспощадной войны и смерти.

В-третьих, остается открытым вопрос о происхождении самого названия «Веселый Роджер». Если это связано со свирепым оскалом черепа, то вполне вероятно, что пираты («в шутку») могли назвать этого жуткого монстра «веселым». Но при чем здесь Роджер? Исследователь Патрик Прингл предложил несколько объяснений. Одно из них отмечает то обстоятельство, что французские флибустьеры и буканьеры называли красный флаг «joli rouge». Произносив первое слово, пираты нарочито акцентировали конечную гласную, добавляя призыв «е». Английские флибустьеры привнесли свое прочтение в название, и в ходе эволюции «joli» превратился в «jolly», а «rouge» стал «Roger». Причем все это соединилось воедино в черном флаге. По другой версии, термин получил происхождение в зоне Индийского океана. Предводитель местных пиратов, плававших под красными флагами, имел титул Али Раджа (Ali Raja). Он назывался «королем моря». У пришедших сюда англичан слово «Raja» превратилось в «Roger», а Ali стал принадлежностью любого Роджера — Ally, Old или Jolly. Впрочем, возможно, что английское «roger» этимологически связано со словом «rogue» («жулик», «бродяга») и обозначало начало независимой бродяжнической жизни.

Что же касается черепа, то его появление на флаге, по-видимому, уходит в историю распространения и применения этого знака

как символа смерти. И это вовсе не было изобретением пиратов. Череп как эмблема смерти был принят уже давно и распространен в европейских армиях XVI в. Капитаны же торговых судов применяли череп с костями при записях в судовых журналах, констатируя смерть кого-либо из членов экипажа.

* * *

Особый колорит пиратству придавало использование символов и атрибутов «личного характера», без которых невозможно представить разбойничий мир моря. Можно ли говорить о моряке и не сказать о татуировке? Морские знаки, талисманы, символы, таинственные письмена, буквы — изощренная фантазия подсказывала тысячи и тысячи различных вариаций. На портовых улочках Старого и Нового Света, Ост-Индии моряки находили специальные «салоны», где мастера наносили татуировки, позволявшие их владельцам не только красоваться перед другими членами команды, но и... скрываться от правосудия. Дело в том, что татуировка — признак принадлежности к морской касте, помимо эстетического, психологического подтекста, несла дополнительную функцию: с ее помощью разбойники прятали вечные, несмываемые следы правосудия — «стигмат позора» (по определению кардинала де Ришелье), клеймо. Наносимые раскаленным железом лилии и короны стереть и уничтожить было невозможно — и тогда преступники прятали их среди множества татуировок и рисунков (черепа, скелеты с косами, сабли, ножи, кресты, монограммы Христа, Мадонна), наносимых на плечи и предплечья¹.

Приведем несколько примеров таких «заретушированных» клейм.

Рис. 1 — 3 иллюстрируют варианты сокрытия знаков французского правосудия — лилий Бурбонов. На рис. 1 «царственный» цветок прикрыт пучком молний, олицетворяющих бесстрашие и могущество (XVII в.). Клеймо на левом плече (вторая четверть XVIII в.) спрятано: на рис. 2 — нанесенными черепами; на рис. 3 — изображением обнаженной красавицы. На рис. 4а — 4б показана трансформация, которую претерпело клеймо испанской инквизиции (буква «P», от «*praedo*» (лат.) — «разбойник», «пират», «грабитель», увенчанная знаком королевской короны), выжигаемое на правой стороне груди, — полученная печальная композиция состоит из виселицы с повешенным и сидящей на ней птицей. Любо-

¹ В XVII в. чиновники Французского королевства сталкивались с ситуациями, когда клеймо было просто некуда ставить — все тело приговоренного было покрыто замысловатыми орнаментами и татуировками. Не случайно они раздумывали, не ставить ли клеймо на лбу. Справедливости ради подчеркнем, что в Московском государстве подобная проблема перед правосудием не стояла, и заклеянный преступник всегда обнаруживал себя, когда «бил челом» (снял шапку).

Рис. 1

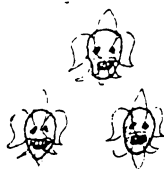

Рис. 2

Рис. 3

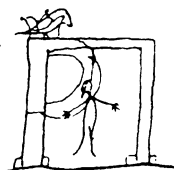

Рис. 4а — 4б

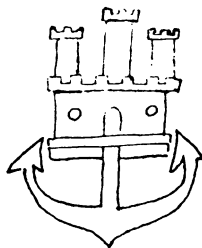

Рис. 5

пытнейший образец демонстрирует татуировка на рис. 5 — испанское клеймо (старый герб королевства Кастилия), дополненное в нижней части якорем, превратилось в герб XVII в. испанского Адмиралтейства. На рис. 6 и 7 изображены характерные татуировки морских разбойников XVII — XVIII вв. В первом случае (рис. 6) — это татуировка, приносящая удачу (роза ветров, сердце, якорь и два магических треугольника); во втором (рис. 7) — татуировка, сулящая удачу (солнце над кораблем).

Надежду на фортуна, богатую добычу, счастливое плавание и удачу в бою любой разбойник, не слишком образованный, суеверный человек, связывал также с наличием амулетов, различных талисманов, священных тотемов и отправлением магических культов. Известно испытание — своеобразный обряд посвящения, инициации, — которое Тич Черная Борода проводил для новых членов

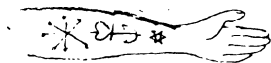

Рис. 6

Рис. 7

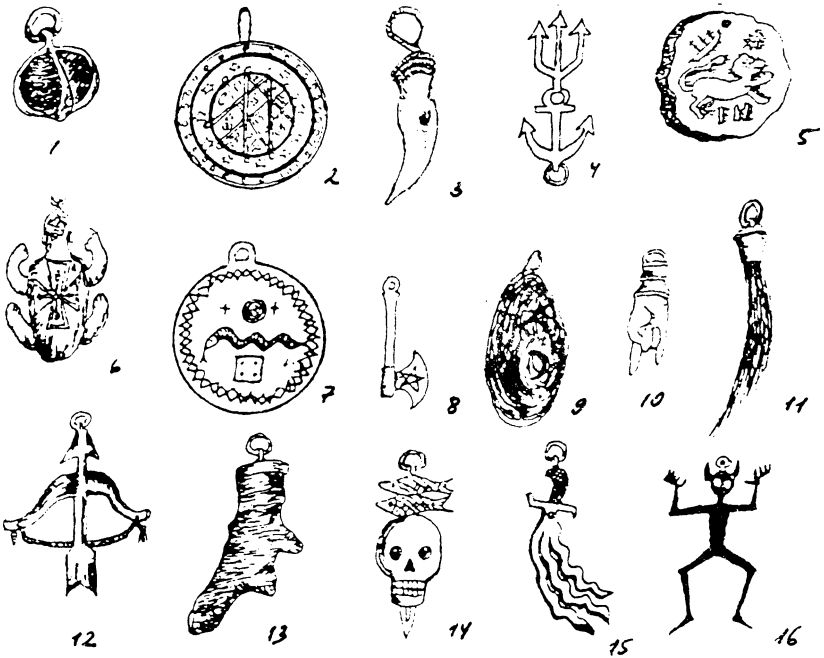
команды. Их помешали в тесное помещение (как правило, в трюм) и окуривали серой, выясняя, по тому времени, которое матрос мог выдержать, сколь «силен» новоприбывший. Можно вспомнить и чарующее действие «лунных заточек» — заточек холодного оружия о лун-

ный свет, происходившее обычно накануне военных походов. Одурманенные наркотическими зельями (чаще всего использовался «пей-отль» — наркотическое вещество, добываемое из кактуса) разбойники с обнаженными клинками собирались в круг и ждали восхода луны; когда свет падал на оружие, они наносили друг другу легкие раны и не стирали кровь с лезвия. Широко распространены были и запреты, основанные на суеверных представлениях, — плевать за борт во время плавания, сбривать или подстригать волосы во время похода, брать еду и питье левой рукой.

В том же ряду стоят и амулеты, неразделимо связанные с морским разбойным промыслом. Число их бесконечно. Вот несколько примеров (XVI — XVIII вв.):

1) Амулет, предохраняющий от предательского выстрела. Сделан из свинцовой пули, расплюсненной о панцирь или металлическую часть такелажа: ее оправляли в серебро или в золото и носили на шейной цепочке.

2) Астрологический, с гороскопом владельца.

Амулеты пиратов

3) *Амулет, гарантирующий счастливое возвращение домой*. — медвежий зуб (знак земли).

4) *Навигационный амулет*, обещающий хорошее плавание, — якорь Нептуна.

5) *Амулет дружественных духов* — лавовый кружок с геральдическими и астрологическими знаками и буквами.

6) *Амулет, предохраняющий от индейских и негритянских чар*. — нефритовая черепаха со знаком креста; носилась на шнурке, сплетенном из конского волоса (старинный амулет конкистадоров).

7) *Амулет от колдовства, обмана и злых чар* — цыганский амулет в форме цехина.

8) *Амулет, обеспечивающий победу в бою*. — боевой топорик с магической пентограммой.

9) *Амулет безопасности плавания в Южном полушарии* — скорлупа моллюска с выжженными знаками Луны и Южного креста.

10) *Амулет, снимающий колдовство*, распространенный в Средиземноморье.

11) *Амулет, гарантирующий верность жены и удачу в любовных приключениях*. — пучок волос черного козла.

12) *Амулет от ранений и смерти от огнестрельного оружия* — лук с тетивой (должна быть сплетена из волос павшего в бою).

13) *Амулет, приносящий горе врагу*. — кусочек коралла в форме человеческой головы (нельзя было обрабатывать материал).

14. *Амулет, предохраняющий от мщения убитых*. — череп со знаками зодиака владельца (на рис. — Рыбы) и острием, символизирующим ранение.

15) *Амулет, обеспечивающий победу в перестрелке*. — огненный меч.

16) *Амулет безопасности* — фигурка дьявола, вырезанная из кусочка черного дерева.

Назовем еще несколько магических талисманов и амулетов. Обломок холодного оружия (ножа, кинжала, стилета, рапиры и т. д.), извлеченный из раны, гарантировал победу в бою (его носили в кожаном кармашке у пояса). У йеменских пиратов был распространен талисман в форме «руки фатьмы» (любопытно, что в Марокко это был женский талисман), у мавританских пиратов — клыки льва, у алжирских пиратов — уши леопарда.

В заключение вспомним еще один амулет, на наш взгляд, ярко характеризующий специфический характер пиратского сообщества. Это так называемый *побратимский амулет*. Пираты-побратимы, сделав надрезы на левом предплечье, собирали несколько капель крови в сосудики, изготовленные из выдолбленного кактуса, и добавляли в них немного земли с того места, где происходила вся процедура. Сосудики покрывали воском, и «братья» обменива-

лись талисманами. Если когда-нибудь один из них получал такой сосудик, он должен был бросить все свои дела и идти на помощь другу-побратиму.

Мрачная символика была средством, с помощью которого разбойники устрашали свои жертвы. Флаг смерти, мести, свирепости и обреченности, развеваясь над морями, бросал вызов всему миру. Подобная атрибутика была неотъемлемой частью пиратского мира, мира самостоятельного, осмелившегося бросить вызов цивилизованному обществу. Пиратство как обособленная система, пытаясь замкнуться на собственной исключительности, превратилась в общество обреченных людей, объединенных непривычными для цивилизации отношениями. Дикость, свирепость, жестокость и обреченность этих изгоев соединялись с осознанием ими своей преступной исключительности, некоей избранности людей, пошедших против принятых законов породившего их общества. И, понимая это, цивилизованный, добропорядочный мир объявил грабителям безжалостную войну: трупы повешенных на перекрестках дорог и на набережных усугубляли мрачную тональность пиратского промысла, напоминая о непримиримом противостоянии двух миров.

Мир преисподней темным призраком поднимался над морями. Он нес предупреждение о том, какая роковая разрушительная сила затаилась в недрах человеческого сообщества. «Защитники справедливости», эти пиратские Робины Гуды, устрашая своих врагов, не принимая «систему», казалось, заведомо обрекали себя на уничтожение. Но сами они смотрели на жизнь другими глазами. Отвергая общество, основанное на знатности и богатстве, пираты рисовали себе принципиально иную картину устройства их замкнутого социума. На пиратских кораблях, в разбойничьих поселениях царствовали свои порядки. Взяв на себя миссию мщения за несправедливость, пираты не ограничились призывами к разрушению. Пиратский корабль стал символическим котлом, в котором вываривался особый общественный продукт, своего рода попытка воздвигнуть общество социальной альтернативы. Его составляющими стали демократические принципы народовластия и уравнивательные идеи распределения собственности. Над новым сооружением взвился белый флаг Либерталии.

Либерталия

Белый флаг чистоты и свободы с надписью «За Бога и свободу» впервые взвился над французским кораблем «Виктуар» («Победа»). Произошло это в начале 90-х годов XVII в. во время Войны Франции против Аугсбургской лиги. В сражении с английским приватирским судном «Винчестер» в районе Мартиники «Виктуар» одержал верх.

За победу была заплачена высокая цена — погибли почти все офицеры и около половины экипажа. Остался в живых лишь один офицер-дворянин из Прованса лейтенант Миссон. Со своим приятелем, молодым итальянским монахом-расстригой Караччиоли, он обратился к матросам с предложением стать пиратами. Но это будет не простой грабеж, говорил бунтовщик, интеллеktуал Миссон, мы понесем по миру свет идей равенства, людского братства и избавим человечество от власти золота. Ему вторил Караччиоли: «Мы не пираты. Мы, свободные люди, боремся за право человека жить по законам Бога и природы. У нас нет ничего общего с пиратами, кроме того, что мы ищем счастья на море». Ошеломленные матросы согласились. Пиратский корабль направился в освободительный вояж. На судах, которые разбойники захватывали по пути, не могли прийти в себя от изумления. Пираты не «грабили», а лишь забирали необходимые им снаряжение и продовольствие. Золото, найденное на захваченных судах, шло в казну будущего государства. Серьезно пострадало лишь голландское судно с грузом рабов — невольников из Африки. Все захваченные ценности были разделены поровну, освобожденных негров объявили свободными, переодели в платье убитых голландцев и доставили на родину. Всех недовольных странными порядками пираты отпускали восвояси. Долго странствовал корабль свободы в Атлантике и Индийском океане, пока в 1694 году не вошел в безлюдную пустынную бухту Диего-Суарес, расположенную на северо-восточной оконечности острова Мадагаскар. На скалистых берегах залива пираты построили селение и объявили о новой республике справедливости Либерталии (Стране свободы). Мир равных людей, расовое равенство, справедливое устройство общества, в котором «сильный не будет забивать слабого» — такими «разумными законами» руководствовались его творцы. Свободный город отправлял свои корабли в океан и приглашал всех пиратов идти в царство справедливости. Призывы из Либерталии не оставались без ответа. Так, экипаж пирата Кидда бросил своего капитана и отправился на Мадагаскар. Одним из лидеров нового государства стал карибский пират Томас Тью, прибывший в город Свободы со своим кораблем.

Жители Либерталии именовали себя либеры. Была отменена частная собственность. Город имел общую казну, пополняемую за счет пиратства. Отсюда черпались средства, необходимые для освоения окружающей местности, городского строительства и обеспечения нетрудоспособных. Деньги не имели хождения. В соответствии с легендой, гражданство Либерталии предоставлялось вне зависимости от национальной и расовой принадлежности. Здесь жили в равных условиях и англичане, и голландцы, и французы, и африканцы, и арабы. Были запрещены азартные игры, пьянство, ругань и драки. Управлял городом Совет старейшин, переизбираемый раз в три го-

да. Во главе государства был поставлен Хранитель — Миссон, государственным секретарем выбрали Караччиоли, а великим адмиралом, командующим военно-морскими силами Республики, — Тью. «Флибустьерская республика равенства» постепенно закреплялась на острове. Было отбито нападение португальской эскадры, материальное благосостояние города росло за счет удачных грабежей и успешной колонизации окрестностей. Однако прекрасной мечте пришел конец, когда флот Либерталии во главе с Миссоном отправился в очередной рейд. Воинственные местные племена внезапно напали на город, разграбили его, захватили казну и перерезали всех жителей, оставив на месте коммуны дымящиеся развалины. Лишь горстка либеров сумела улизнуть и, уплыв на маленьком боте, добралась до эскадры и рассказала о катастрофе. Миссон и Тью (Караччиоли погиб при нападении на Либерталию) отправились в Америку, чтобы все начать сызнова. Но по дороге их корабли разлучились. Шлюп Миссона разбился у мыса Доброй Надежды, и вся команда утонула. Тью плавал еще несколько лет и был известной фигурой в мире пиратского бизнеса. О том, как закончилась его жизнь, доподлинно мы не знаем — по одной версии, он погиб у берегов Аравии в бою с кораблем Великого Могола, по другой — был повешен англичанами.

Историю об утопической пиратской республике Либерталии поведал нам загадочный капитан Джонсон. Неизвестно, что легло в основу легенды о пиратском государстве, — талантливая мистификация, навеянная социальными проблемами и надеждами на обновление человеческой цивилизации, или реальные события, приведшие к созданию общества, казалось, воплотившего идеалы справедливости и равенства. Так или иначе, но принципы пиратства, представления морских разбойников о социальном идеале вполне могли обернуться попыткой создать подобное «общество гармонии».

Морскими путями пролегла дорога из общества неравенства и частной собственности — «преступного общества» — к обществу преступников, врагов правящих добропорядочными людьми законов. Несправедливость современной цивилизации толкала тысячи искателей приключений на поиски «правды». Разбойное пиратство под черным флагом устрашения превратилось в жуткое пугало для всего мира. Но стал ли белый флаг разбойников-мстителей предостережением для мира частной собственности?

Взаимосвязи пиратского мира

Безбрежный океан разбрасывал бандитские корабли на огромные расстояния. Он же сплачивал разбойное общество в единый кулак. Мир морского разбоя не был сообществом экипажей-одиночек. Общие районы крейсерства, совместные рейды, единые

Вторая волна буканьеров в Тихом океане

1683

КУК

авг. покидает Чезапик
нояб. захватывает у побережья Сьерра-Леоне голландское судно

1684

фев. вышли в Тихий океан
март встреча с **ИТОНОМ**; двинулись к острову Хуан-Фернандес
июль смерть **КУКА**

окт. встреча **ДЭВИСА**-капитана со **СВАНОМ**, **ИТОН** ушел

*Манта
Раита*

*Кокос
Ла Плата*

1685

янв. Панамский залив **ГРОНЬЕ** и **ТАУНЛИ** присоединились

переход через Тихий океан в Ост-Индию

март **ТАУНЛИ** пересек Панамский перешеек и встретил **ДЭВИСА**

← **ГРОНЬЕ** пересек Панамский перешеек и встретил **ДЭВИСА**

май

сражение у Панамы с испанским флотом

июнь **НАЙТ** присоединился, **ГРОНЬЕ** ушел → **ДЭВИС** ушел

авг.

разграбление Леона **СВАН** и **ТАУНЛИ** ушли (с **ДАМПИРОМ**)

сент.—дек. → **СВАН—ТАУНЛИ** крейсерство у побережья Новой Испании

нояб. *Релехо*

1686

ХАРРИС ушел рейд вдоль Тихоокеанского побережья (*Лиско, Ла Наска, Канете*) острова Хуан-Фернандес; **НАЙТ** уходит в Вест-Индию

февр. **СВАН** *Масатлан Росатрио* переход через Тихий океан

март Гуам

май Минданао

янв. провал захвата Манильского галиона; разделение

март **ТАУНЛИ** встреча с **ГРОНЬЕ**

янв. *Чикуйта*

апр. *Гранادا Релехо*
ТАУНЛИ ушел

1687

апр. *Арика Райта Кокимбо* к Пуне

янв. **СВАН** остается на Минданао

апр. **РИД** Сиам

февр. *Никойя Гуаякиль*
апр. **ГРОНЬЕ** умер

май

Пуна; присоединился **ЛЕ ПИКАР**

май **ЛЕ ПИКАР** объединяется с **ДЭВИСОМ**

июнь

ЛЕ ПИКАР ушел →

июнь Пискадорские острова

дек. Тимор

июнь раскол
Текуантепек Куатутько Читотека

1688

проход мыса Горн
Виргиния

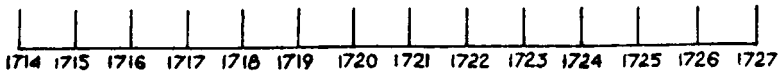
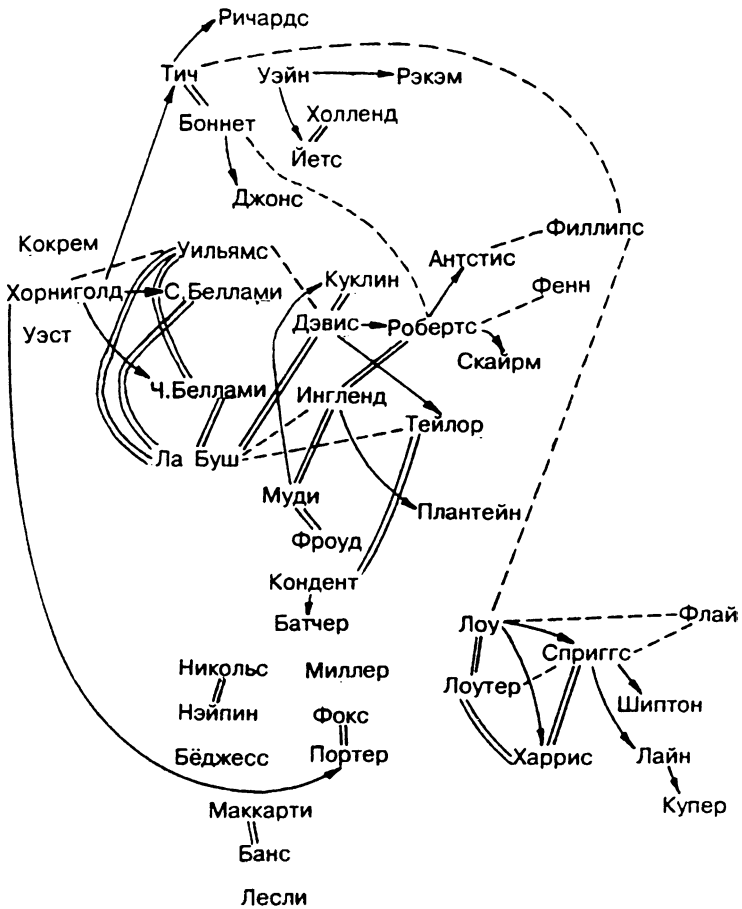
янв. Новая Голландия

май Никобарские острова

ДАМПИР уходит

янв. *Новая Сеговия*

СВЯЗИ МЕЖДУ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИМИ ПИРАТСКИМИ ЭКИПАЖАМИ
(1714—1726)

- ПРЯМАЯ ПЕРЕДАЧА, НАСЛЕДОВАНИЕ ЭКИПАЖ ДЕЛИТСЯ ИЗ-ЗА РАЗНОГЛАСИЙ ИЛИ ИЗ-ЗА ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ ИЛИ ВСЛЕДСТВИЕ ВЫБОРА НОВОГО КАПИТАНА
- ══ СОВМЕСТНОЕ ПЛАВАНИЕ
- - - - - ПРОЧИЕ СВЯЗИ (ОБЩИЕ ЧЛЕНЫ ЭКИПАЖА, КОНТАКТЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫЕ ВНЕ ПЛАВАНИЯ)

пункты сбыта награбленного и укромные базы для отдыха и килевания судов, потаенные стоянки и, наконец, личный состав, переходящий с одного парусника на другой, — таковы основные цепочки, превращающие пиратский мир в единую систему. Попробуем наглядно представить себе единство этого разрозненного мира, для чего воспользуемся двумя схемами: «Вторая волна буканьеров в Тихом океане (1683 — 1686)» и «Связи между англо-американскими пиратскими экипажами (1714 — 1726)».

Начало периода, проиллюстрированного на схеме 2, совпало с завершением Войны за испанское наследство, высвободившей огромные людские ресурсы. Демобилизация королевского флота, окончание приватирского промысла стали толчком к количественному росту пиратства за счет сотен моряков, уходивших в разбойную жизнь. До принятия жестких антипиратских мер европейскими державами, в первую очередь Англией¹, морской разбой процветал. За этот период через котел пиратства прошло около 5 тысяч человек, в среднем ежегодно до 1 — 1,5 тысячи разбойников. Это огромные цифры, с учетом того, что главный враг пиратов — английский королевский флот — за этот же период насчитывал в среднем 13 000 человек, поднимаясь, в наиболее эффективные антипиратские годы, до 20 697 (1727).

В основу диаграммы положены две цепочки. Первая линия идет от известного капитана Бенджамина Хорниголда и начинается у Багамских островов.

Вторая цепочка исходит из встречи пиратских кораблей Эдуарда Лоу и Джорджа Лоутера в 1722 году. Мы подробнее остановимся на двух центральных персонажах этих цепочек, самых грозных пиратах начала XVIII в. — Эдуарде Тиче, по прозвищу Черная Борода, и Эдуарде Лоу.

Коротко о некоторых

1. Анстис
— застрелен командой в своей каюте (1723), его бригантину приведена на остров Кюросао.
2. Беллами Сэмюэл
— потерпел кораблекрушение у полуострова Кейп-Код и, по-видимому, утонул (1717).
3. Беллами Чарльз
— судьба неизвестна.
4. Берджес Сэмюэль
— заподозренный в обмане при работоторговле, отравлен на Мадагаскаре вождем местного племени (1716?).

¹В период 1716 — 1726 гг. было повешено около 500 англоязычных пиратов.

5. Боннет Стед

— повешен в Чарлстоне (1718).

6. Дэвис Хоуэлл

— погиб в перестрелке с португальцами (в городе Санту-Антонью) на острове Принсипи (1719 — 1720?).

7. Ингленд Эдуард

— был смещен командой и высажен на необитаемый остров (1720). По некоторым данным, скончался на Мадагаскаре, где находился в ближайшем окружении Плантейна. В ряде источников причиной смерти названы угрызения совести за беспутно прожитую жизнь.

8. Кондент Кристофер

— окончив пиратскую деятельность (после 1719 г.), осел на острове Реюньон, где женился на золовке губернатора. Со временем перебрался в Сен-Мало (Франция) и занимался бизнесом.

9. Куклин Томас

— судьба неизвестна, по-видимому, повешен.

10. Лайн Филипп

— казнен на острове Кюросао.

11. Левассер Оливье (Ла Буш)

— в 1723 г. отошел от пиратства, купил на острове Бурбон плантацию и стал «уважаемым человеком». Однако через несколько лет отдан под суд и повешен в Сен-Дени (остров Бурбон) (1730).

12. Лоу Эдуард

— повешен французами. По одной версии, жестокость и изощренный садизм капитана привели к тому, что команда высадила его на необитаемый остров. Спасенный от голодной смерти проходящим судном, он был опознан и повешен.

13. Лоутер Джордж

— погиб при неизвестных обстоятельствах. По-видимому, застрелился. Его труп был найден на пустынном острове в гряде Багамских островов, где команда его судна скрывалась от преследования. Рядом с телом валялся разорвавшийся пистолет. Остальные члены команды погибли от голода.

14. Плантейн Джеймс

— «король „Рантер-бэя”» (Мадагаскар). После кровопролитных войн взял под контроль часть острова; однако в середине 20-х годов, оказавшись перед угрозой восстания, оставил свои владения и перебрался на Малабарский берег Индии, где находился на службе у пиратской семьи Ангрия.

15. Робертс Бартоломью

— убит в бою с английским военным кораблем (1722) в бухте Пренс у мыса Лопес в Гвинейском заливе. Его тело согласно завещанию пирата было брошено в море во время боя.

16. Рэккэм Джон (Калико-Джек)
— повешен в Сантьяго-де-ла-Вега (Ямайка) (1720).
17. Сприггс Форрингтон
— судьба неизвестна.
18. Тич Эдвард (Черная Борода)
— убит в абордажной схватке (1718).
19. Тэйлор Джон
— после неудачной попытки получить амнистию от англичан перешел на сторону испанцев (1723).
20. Уэйн Чарлз
— потерпел кораблекрушение в Гондурасском заливе и был спасен местными индейцами. Попал на торговый корабль, где был опознан, и казнен на Ямайке (1719).
21. Фенн Джон
— повешен на острове Антигуа.
22. Филлипс Джон
— убит командой, труп выброшен в море, корабль приведен в Бостон (1724).
23. Флай Уильям
— повешен английскими властями (1726).
24. Харрис Чарльз
— повешен в Род-Айленде, близ Ньюпорта (1723).
25. Холлэнд Ричард (?)
— судьба неизвестна.
26. Хорниголд Бенджамин
— принял королевскую амнистию на острове Нью-Провиденс.

Пираты из преисподней

Мир морских разбойников составляли головорезы самых различных мастей. Были среди них храбрые вояки, ловкие мошенники, лихие гуляки, отъявленные пропойцы, способные на самые разнузданные неистовства. Иные из пиратских деяний ошеломляют дикой лютостью и беспощадной жестокостью, беспримерной наглостью и изощренным коварством. Словно призраки преисподней, питаемые мощью темных сил зла, поднялись они из мрака ада и на залитых солнцем морских просторах, среди мирной гармонии райских островов, творили свои бесчинства. Одного упоминания имен этих чудовищ хватало, чтобы едва живые от страха пленники с готовностью расстались с любимыми ценностями, — только бы спасти свою жизнь, только бы никогда больше не повстречать этих головорезов, сеявших смерть и мучения.

Черная Борода

«— По порядку, не все сразу, — засмеялся доктор Ливси. — Надеюсь, вы слышали об этом Флинте?»

Тич — Черная Борода

T. Cole sculp.

Тич Черная Борода

— Слышал ли я о Флинте?! — воскликнул сквайр. — Вы спрашиваете, слышал ли я о Флинте? Это был самый кровожадный пират из всех, какие когда-либо плавали по морю. Черная Борода перед Флинтом младенец. Испанцы так боялись его, что, признаюсь вам, сэр, я порой гордился, что он англичанин...

Вы, конечно, узнали героев романа «Остров сокровищ». Изумительная фантазия Роберта Льюиса Стивенсона завороживала многие поколения читателей и отправляла их на быстрой «Эспаньоле» через Атлантику на поиски чудесного клада, закопанного легендарным капитаном Флинтом на пиратском острове. Но если сам Флинт был персонажем, явившимся на свет благодаря авторскому вымыслу, то жутковатый «младенец» Черная Борода, упоминаемый сквайром Трелони, — реальное историческое лицо.

В официальной корреспонденции его именуют Тэтч (Thatch), но общепризнанным стал пушанный в обиход таинственным капитаном Джонсоном другой вариант его имени — Тич (Teach). Всего лишь около двух лет этот кровожадный пират плавал в водах Атлантики, но зловещая слава о его «подвигах» успела докатиться от побережья Виргинии до Тринидада. Предположительно, Эдуард Тич родился в Бристоле в 1680 году — впрочем, согласно другой версии, местом рождения его был остров Ямайка, и семья будущего пирата была очень почтенной и уважаемой. Настоящая фамилия его была Драммонд. Во время Войны за испанское наследство он плавал на каперских судах в Вест-Индии. После окончания военных действий официальное каперство было запрещено, и Тич стал пиратом. В 1716 году в компании с Бенджаменом Хорниголдом он начал плавать вдоль Атлантического побережья Северной Америки, командуя небольшим шлюпом. В 1718 году около острова Мартиника Тич захватил крупное торговое французское судно и, переоснастив его в 40-пушечный военный корабль, взял на себя командование, назвав судно «Месть королевы Анны» (как воспоминание о прекрасных днях разбоя в ее царствование). Когда Хорниголд принял амнистию, Тич, возглавляя эскадру из трех кораблей, продолжил пиратство. Одной из наиболее известных его акций стало дело в Чарлстоне (Южная Каролина). Неожиданно войдя на рейд, Тич захватил в гавани восемь кораблей с ценными грузами и богатыми пассажирами. В ультимативной форме он потребовал выкуп за людей и... лекарства, так как на его судах было много больных. Если же требование не будет удовлетворено, пригрозил Черная Борода, то он казнит пленников и пришлет губернатору их головы. Пока представитель захваченных пленников вел переговоры в муниципалитете, Тич отправил капитана одного из своих судов, Ричардса, и его команду в город. Бандиты нагло расхаживали по Чарлстону и терроризировали местных жителей. Власти покорились и отдали выкуп и медикаменты — лишь бы скорее избавиться от присутствия незваных гостей. Пираты отпра-

вились дальше на север. В июне 1718 года суда вошли в залив Тонсейл (Северная Каролина), где «Месть королевы Анны», попав на мель, потерпела крушение. Тич со своими людьми спасся на других кораблях. Затем между командами произошла ссора, и пираты разделились. Что послужило причиной конфликта — неясно. Возможно, Тич приказал выгнать оба судна на пустынный берег для килевания, а сам, с двадцатью — тридцатью головорезами удрал на баркасе, прихватив всю добычу, — это было бы вполне в его духе. А может быть, он просто высадил часть команды на берег и ушел в открытое море. Так или иначе, через некоторое время Черная Борода появился к губернатору Северной Каролины и, приняв объявленную амнистию... отправился грабить дальше.

Этот субъект был большим оригиналом во всем — от неординарной внешности до непредсказуемых поступков.

«Физиономию капитана Тича, именовавшего себя Черной Бородой, сплошь покрывала густая растительность, сразу приковывавшая взгляды, — пишет капитан Джонсон. — Эта борода ужасала Америку... Она была черного цвета, и хозяин довел ее до таких чудовишных размеров, что казалось, будто волосы растут прямо из глаз. Тич имел обыкновение заплетать ее в маленькие косички с ленточками и закидывать их за уши. Во время сражения он вешал на каждое плечо широкую перевязь с тремя парами пистолетов в кобурах и втыкал под шляпу запальные фитили, так что они свисали, едва не касаясь щек. Его глаза от природы были лютыми и дикими. Невозможно представить себе фигуру более жуткую, чем этот беснующийся человек, сравнимый разве что с фурией из ада».

Грубый, свирепый и безрассудно отважный человек, Тич обладал неожиданным чувством юмора весьма мрачного оттенка. Вот каким было его любимое развлечение во время попок. Как-то раз, пьянствуя с приятелями в своей каюте, он внезапно достал два пистолета, взвел курки и, скрестив руки, сунул их под стол. Лишь один собутыльник догадался, что сейчас произойдет, и стремглав вылетел из каюты; двое оставшихся ничего не поняли или были настолько пьяны, что не могли передвигаться. Черная Борода задул свечу и принялся палить в темноте. К счастью, первый пистолет дал осечку, но пуля из второго попала одному из пиратов, Израэлю Хендсу, в колено и сделала его инвалидом. Впоследствии Тич похвалялся, что просто решил выяснить, насколько «счастье» сопутствует его приятелям.

Этот дикий человек вел судовой журнал, до сих пор, к сожалению, не обнаруженный. Известно лишь два фрагмента. Вот они: *«... 1718 Ром кончился. Братство абсолютно трезво. Какая-то дьявольская смута царит у нас. Мерзавцы что-то замышляют. Много болтают о том, чтобы разойтись».* Записи возобновились спустя некоторое время — когда Тич встретил в море торговое судно. «Я

его захватил. На борту нашлось множество ликеров. Я чертовски разогрел братство, и все теперь в порядке».

Впрочем, куражился Тич недолго. В середине ноября 1718 года карательная экспедиция из двух военных шлюпов под командованием лейтенанта Роберта Мэйнарда обнаружила его корабль в бухте Окракок (Северная Каролина). Невзирая на численное превосходство военных, Тич сдаваться не собирался. Прикрытый мелями залива, он спокойно стоял на якоре в ожидании, когда шлюпы отыщут фарватер на мелководье и приблизятся на пушечный выстрел. Наконец он счел свое положение выигрышным и пошел в атаку. Расстреляв первый, меньший, шлюп, он направился к кораблю Мэйнарда, чтобы решить дело в абордажной схватке. Забросав палубу шлюпа гранатами и бутылками с горючим веществом, пираты во главе с Тичем ворвались на борт. Разгорелась отчаянная схватка. Тич и Мэйнард выстрелили друг в друга, пирата ранило. Оба выхватили сабли и бились до тех пор, пока удачный выпад Тича не обезоружил лейтенанта. Черная Борода уже готовился нанести смертельный удар противнику, но один из моряков поразил его в шею. Но Тич продолжал сражаться, и только выстрел из пистолета в упор свалил его мертвым на палубу. На теле пиратского главаря насчитали двадцать пять ран. Голова Тича была повешена под бушпритом, а затем выставлена на площади Виргинии.

Неслыханный злодей¹

«Капитан Эдвард Лоу родился в части Лондонской, которая называется Вестминстером; он рано принялся за ремесло мошенническое: отнимал у других ребят, что у них было, а ему нравилось. Это было дело его, а когда не давали, то он их бил. Когда он стал возрастать, тогда познакомился со всеми парнишками, которые чистят башмаки на разводной площади; он их обучал обманывать людей, а кто с ним не соглашался, тот должен был с ним драться. Вот его первая школа!»

Старший брат взял его с собой на корабль, идущий в Новую Англию. Попав в Бостон, Лоу пристроился сначала на канатном дворе, затем ушел в плавание и в конце концов стал квартирмейстером на каботажной шлюпке в Бостоне. Как-то раз он поругался с капитаном своего судна и в ярости застрелил его. С двенадцатью головорезами он скрылся на шлюпке в открытом море и, захватив небольшое торговое судно, начал пиратствовать. Прошло немного времени, и удачливый Лоу стал командовать вполне приличным судном. Его появление на рейдах портов приводило в отчаяние местную администра-

¹ В заглавии и тексте используются материалы, содержащиеся в неопубликованной рукописи Ф. В. Каржавина «Жизнеописания пиратов». (Орфография и пунктуация источника сохранены.)

цию. Так, например, у Азорских островов «...Лову попался тридцати двух пушечный французский корабль; а на рейде Михайловском, он взял множество разных судов, стоящих на якоре, и не было ему нужды выпалить даже из одной пушки. Воды только ему доставало, и для того послал он к губернатору святого Михаила, просить дозволения запасть свежей водою, обещая ему, что за такое снисхождение он отдаст назад все суда им взятые; а в случае отказа, сожжет их всех. Губернатор, чтоб спасти суда, позволил брать свежую воду, а Лов возвратил ему шесть разных судов...»

Во время своих разбойничьих налетов Лоу действовал с изощренной жестокостью, оставив о себе память как об одном из наиболее злобных и кровожадных садистов.

Он «...взял с собой на борт около ста отчаянных робят, какие только бывают на виселицах...» и

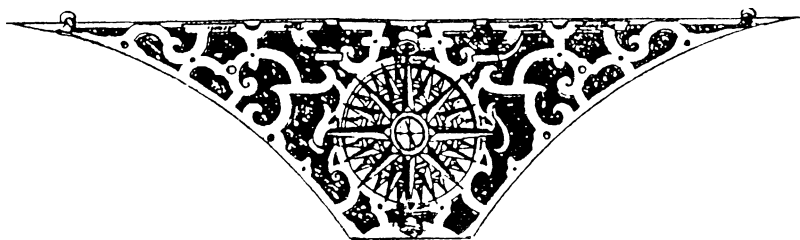
— «взяли богатой португальской корабль... но как груз не столько нужен им был как деньги, то они начали мучить матросов, которые принуждены были объявить, что корабельщик бросил в море мешок с тысячею мойдорами (золотая монета в три с половиной золотников). Лов, узнавши сие бранился и ругался до исступления; вырезал у корабельщика обе губы и наконец умертвил его со всем экипажем корабельным, состояшем в тридцати шести человеках...»

— «...взяли... корабль именуемой Амстердамской купец. Корабельщику Лов разрезал нос, отрезал ему уши, и разграбивши весь корабль, отпустил на волю. После того, он взял один шлуп... велел всех людей перевязать и поставить им между пальцами зажатые фитили, отчего тело все спорело до костей; наконец высадил их на берег необитаемой никем; таким образом поступил он и с другими кораблями, какие попадались в руки...»

Деятельность этого кровопийцы вызвала ответные действия английских властей. На Лоу началась охота, и в погоню за его судами отправился 20-пушечный военный корабль. Он застиг два судна Лоу, но главарь, бросив своего компаньона на произвол судьбы, ушел на своем корабле.

«...Лов после счастливого своего избавления... пуше остервенел и сделался злейшим врагом всему роду человеческому, ибо клялся отомстить всякому, кто только попадется ему в руки: первую жертвою его был Натан Скиф, шкипер одного шлупа, употребляемого для ловли китов: взявши сие судно, пират велел его высечь нагаго на палубе сквозь строй своих товарищей, потом отрезал ему уши, и мучили его всяким образом для своего веселия. Уставши, прострелили ему голову...»

Вакханалия продолжилась у Ньюфаундленда, затем Лоу переместился к Азорским островам и вышел к западным берегам Африки. Пройдет немного времени, его схватят французы и без долгих колебаний повесят.

ГЛАВА 6

ТАКТИКА МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

Захват корабля

Внезапное нападение днем

Остров Эльба. Весна 1504 г. — Арудж

Какая опасность может угрожать двум мощным военным гале-рам, принадлежащим самому папе римскому Юлию II? Паоло Виктор, капитан одной из них, был уверен, что никакой, и жестоко просчитался. Он не придал значения появившемуся на встречном курсе галиоту. Даже если какой-нибудь наглец и появился бы в Тирренском море у острова Эльба, думал капитан, то он не осмелится и близко приблизиться к военному кораблю. Внезапно неизвестный галиот резко развернулся и пристал к носу галеры. На беспечный экипаж обрушился град стрел, крюки абордажных тросов вгрызлись в корпус судна, и по ним с дикими криками быстро карабкались и спрыгивали на палубу люди в чалмах. В яростной смертельной схватке они захватили галеру и выбросили всех сопротивляющихся за борт. Оставшихся на борту пленных корсары быстро раздели и затолкали в трюм, паруса убавили и, взяв свой галиот на буксир, стали поджидать, когда приблизится вторая галера. Рыжебородый предводитель разбойников, Арудж, задумал отчаянное дело. Он приказал своим людям переодеться в европейское платье и расставил их вдоль борта. Спускались сумерки. Вторая галера подошла без опасений, и ее капитан собирался поздравить коллегу с победой. «Причаливайте, у нас пленники», — прокричал Арудж. Несчастные приблизились... Захват галеры прошел еще быстрее, чем первой. Имя Аруджа стало известно всему Средиземноморью.

Каспийское море. 1572 г.

А вот какая история случилась с англичанами — агентами Московской компании Т. Бэнистером и Дж. Дэкетом, плывшими из Ширвана (Персия) в Астрахань.

«Вследствие постоянных перемен ветра и опасного мелководья Каспийского моря, они носились по морю около 20 дней. 28 мая они стояли на якорю в мелких водах; несколько русских казаков, изгнанных, поставленных вне закона, узнав, что наши находятся поблизости и везут с собою большие богатства, подошли к ним на нескольких лодках, прикидываясь друзьями, взошли на корабль, но тотчас же схватились за топоры и на решетках, закрывающих люки, истребили несколько человек из русских, находившихся на корабле. Увидев это, г. Дэкет, Лайонелль Плэмтри, Уильям Смитс, шкипер, человек большой храбрости, и Амос Райалль... выказали такую отвагу, что очистили люковые решетки, перебили 14 казаков, столкнули и переранили еще 30 человек из нападавших, которых было по меньшей мере 150 человек, вооруженных мушкетами и другим оружием, пригодным для такого злого дела.

Тем не менее г. Дэкет и остальные англичане получили от неприятеля ранения и ушибы и были так теснимы превосходным по силе врагом, что им, наконец, пришлось войти в переговоры с казаками и сдать им корабль, заставив их перед тем поклясться на кресте, что англичанам не будет причинено еще какого-нибудь вреда.

Так корабль был взят, а все англичане тяжело ранены; казаки немедленно спустили их с корабля, дав им корабельный бот и два или три персидских шита, на которые положили конского и свиного мяса, не дав им никаких других съестных припасов и не оказав никакой помощи».

Внезапное нападение ночью

Остров Эспаньола. Мыс Тибурон. 1662 г. — Пьер Легран

«На Тортуге одним из первых пиратов был Пьер Большой (Легран. — Д. К.) родом из Дьеппа. В 1662 году на маленькой барке с отрядом всего лишь в двадцать восемь человек он захватил вице-адмирала испанского флота. Это событие произошло у западного побережья острова Эспаньолы, близ мыса Тибурон... Пьер Большой высадил испанцев на берег, а корабль отправил во Францию.

Я читал дневник одного очевидца, и мне хотелось бы описать подробнее как было дело. Сей пират бороздил воды моря уже довольно долго, но добычи никакой у него не было. На корабле кончился провиант, обшивка была довольно ветхая, и в любое время судно могло дать течь. И вдруг пираты заметили корабль, отбившийся от большой флотилии. Пьер сразу же приказал поставить паруса и направился за ним следом, не выпуская его из виду. Он

Пьер Легран захватывает испанский галион

решил подойти к кораблю, отрезать все пути к берегу, врасплох совершить на него нападение и взять его на бордаж... Командир отдал приказ подойти к кораблю, спрятав все оружие на дне барки. Когда они приблизились, уже смеркалось и их никто не заметил. Вооруженные только пистолетами и палашами, они взяли корабль на бордаж. Не встретив сопротивления, пираты добрались до каюты, где капитан играл в карты со своими подчиненными, и мигом приставил ему к груди пистолет. Капитан был вынужден сдать корабль, а тем временем остальные пираты бросились туда, где хранилось оружие и моментально его расхватили. Тех испанцев, которые вздумали обороняться, пристрелили. Еще днем капитана предупреждали, что судно, показавшееся на горизонте, принадлежит пиратам, что встреча с ним сулит беду. Но капитан не внял этим предостережениям и отдалился от других судов. Ему не страшны были даже такие крупные корабли, как его собственный, а тут дело шло о какой-то ничтожной барке. За подобную беспечность ему и пришлось жестоко поплатиться. Барка подошла с подветренной стороны. Испанцы увидели на борту чужеземцев и в ужасе решили, что те свалились прямо с неба, и в один голос вскричали: «Jesus son demonios estos»¹. Пираты захватили все имущество матросов, командир присвоил себе корабль, высадив испанцев на берег, а сам отправился во Францию».

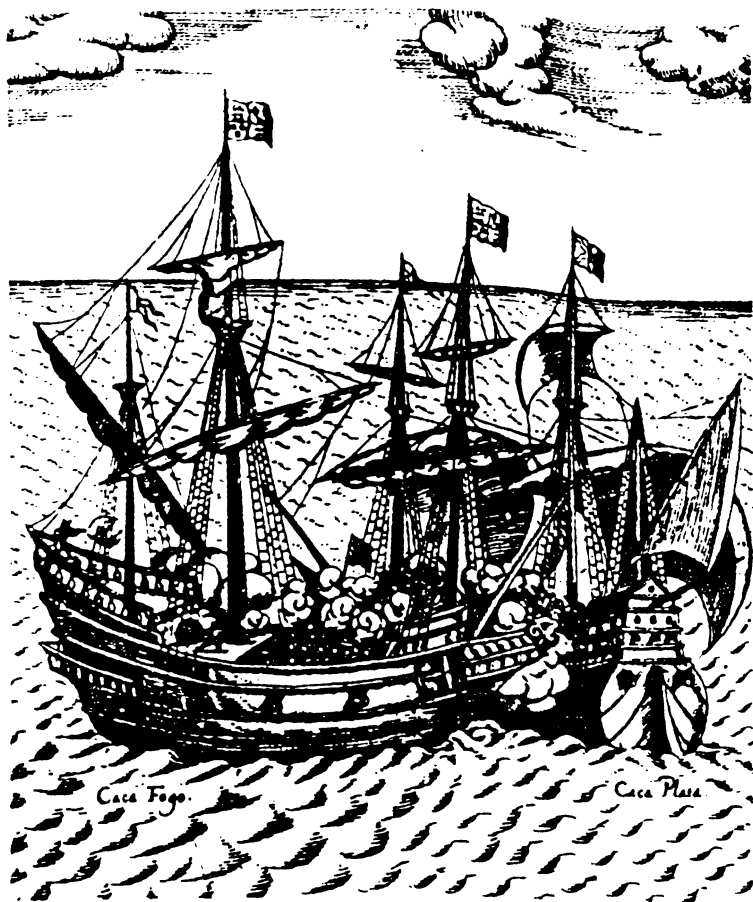
Преследование и захват

Северное побережье Эквадора. Зима 1579 г. — Френсис Дрейк

Зимой 1579 года «Голден Хайнд» Френсиса Дрейка двигалась вдоль чилийского побережья. В порту Кальяо при допросе капитана захваченного каботажного испанского судна он узнал важную новость, что за две недели до его прихода из гавани в направлении Панамы пошло судно с большим грузом золота и драгоценностей. Дракон приказал броситься в погоню. Тому, кто первым увидит заветное судно, была обещана награда — золотая цепь. Днем 1 марта паруса долгожданного судна показались на горизонте...

Дрейк вел себя осторожно. Во избежание неожиданностей он решил произвести атаку в ночное время. Пока же он отдал приказ спустить с кормы все пустые бурдюки, которые, наполнившись водой, резко снизили скорость быстроходной «Голден Хайнд», и расстояние между кораблями сохранилось прежним. Испанцы заметили судно, но им и в голову не могло прийти, что здесь таится какая-нибудь опасность. Стемнело. Бурдюки были подняты, и судно стремительно стало настигать испанский корабль. Около девяти часов англичане перерезали путь «Нуэстра Сеньора де ля Консел-

¹«Иисус, да ведь это черти».

Захват «Какафуэго»

Гравюра XVI в.

сьон», или «Какафуэго», — так назывался испанский корабль. Захват произошел молниеносно. Орудийный залп, легкая пинасса с англичанами подошла к борту, последовал быстрый абордаж, которому не было оказано сопротивления.

В последующие три дня с «Какафуэго» на борт «Голден Хайнд» перевозили захваченные ценности, запасы воды и паруса. Из показаний владельца и капитана «Какафуэго» Сен Хуана де Антона следует, что общая стоимость перевозимых на корабле слитков золота, серебра и монет равнялась 400 тыс. песо, из которых около

одной четверти принадлежало королю Испании Филиппу II. Сам Дрейк уверял, что сумма была несколько меньше и составляла 363 тыс. песо, что в удельном весе равно примерно 1650 кг золота. Кто теперь знает истинную стоимость груза «Какафуэго», и в чьи руки пошла разнища?

Через несколько дней, 7 марта, Дрейк отдал приказ перевезти всех пленных испанцев обратно на «Какафуэго» и разрешил им плыть в любом направлении. Настроение у корсара было благодушным, и он позволил себе совершить некоторое отступление от принятых правил, а именно — раздать испанцам подарки, причем из числа тех же вещей, которые захвачены на «Какафуэго». Деньги, оружие, предметы домашнего обихода, бочонки с дегтем и порохом и, наконец, серебряный кубок с надписью «Френсис Дрейк», врученный капитану, — щедрость корсара была безграничной.

Действия во вражеском порту

Захват порта

Рио-де-Жанейро. 1711 г. — Рене Дюге-Труен

Одной из интереснейших страниц Войны за испанское наследство стала операция, проведенная корсаром Рене Дюге-Труеном против Рио-де-Жанейро. Сегодня трудно однозначно оценить все, что произошло в далекой Бразилии. Когда экспедиция задумывалась, ее организаторы руководствовались различными мотивами. Это была и блестящая военная акция, и чудовишная авантюра, и корсарское предприятие, совершенное в погоне за огромной добычей, и «благородный» акт мщения за соотечественников, и прибыльное вложение финансовых средств. Одно несомненно: операция по захвату порта Рио-де-Жанейро — один из прекрасных образцов тактики корсаров как в смысле организации океанского плавания, так и при захвате города.

Началось все в 1710 году, когда арматоры Бреста снарядили корсарскую экспедицию против этого богатейшего города. Она закончилась провалом. Но при получении известий об обстоятельствах поражения, к горечи прибавилась ярость. Дело в том, что в городе в разгар сражения была устроена резня французских солдат, собравшихся капитулировать. Франция вознегодовала от вероломства, совершенного в далеком Рио. Кроме того, уже после капитуляции французского десантного корпуса его командующий, Жан Франсуа Дюклерк, находившийся под домашним арестом, был найден мертвым в своей постели. Убийство осталось безнаказанным и еще более разжигало желание отомстить.

Инициатором «мести за соотечественников» стал Рене Дюге-

Труен, обратившийся к королю и торговым кругам с предложением организовать экспедицию. Подготовка к плаванию прошла в обстановке секретности, с удивительной быстротой, размахом и основательностью. Организаторы умудрились уложиться в необыкновенно короткие сроки. Всего через два месяца после того как Людовик XIV одобрил проведение операции, корабли вышли в море. В соответствии с традициями, принятыми во французских портах, экспедиция финансировалась группой крупных судовладельцев и предпринимателей, объединенных в компанию с общим капиталом. Но частная инициатива Дюге-Труена и компании опиралась на ресурсы, предоставляемые французской короной, — суда и армейские части.

Корабли начали готовиться одновременно в четырех портах — Бресте, Дюнкерке, Сент-Мало и Рошфоре. Это было сделано с тем, чтобы у англичан не оставалось сомнения, что в каждом из портов организуется отдельная самостоятельная акция. Главной же базой для сбора был назначен Брест. Однако беспокойство англичан из-за тайственных приготовлений все нарастало, и вскоре во Франции стало известно, что бдительные англичане решили блокировать Брест. Дюге-Труен перенес штаб и исходную базу в Ла-Рошель и 3 июня выскользнул из Бреста. Через два дня выход из порта был блокирован эскадрой сэра Джона Лика, но птичка уже вылетела из гнезда.

9 июня эскадра в составе семи линейных кораблей, пяти фрегатов, одного галиота и трех судов, предназначенных для перевозки мортир, вышла из Ла-Рошеля и пошла в Атлантику.

Однако, несмотря на все предосторожности, противники раскусили замысел французов и приняли контрмеры. Быстроходный английский пассаж-бот уже направился в Рио-де-Жанейро с предупреждением о готовящемся нападении. В Лиссабоне спешным порядком была снаряжена эскадра под командованием Гаспара да Коста да Атаида, которая стремительно вышла в Бразилию, опережая корабли Дюге-Труена.

Французская эскадра лишь в начале сентября приблизилась к бразильскому побережью и встала на якорь в значительном удалении от берега. В Рио-де-Жанейро все было готово для обороны. Город казался неприступным. Пояс укрепленных гор, батареи, глубокие рвы, наполненные водой, окружали его со стороны открытой равнины, подступающей с севера. Над заливом нависали пушки фортов, прикрывающих вход в порт, а на берегу в спешном порядке были поставлены дополнительные артиллерийские орудия. Поперек залива в оборонительном порядке стояли четыре линейных корабля и три фрегата. Но французам, прежде чем столкнуться с этой массивной обороной, еще нужно было пробиться в залив Рио-де-Жанейро. Этому препятствовали две крепости.

Эскадра Дюге-Труена врывается в залив Рио-де-Жанейро

расположенные у входа в узкий проход. В его середине находилась большая скала, вынуждающая корабли проходить на расстоянии ружейного выстрела от крепости. Казалось, что дело французов, еще не успев начаться, было безнадежно проиграно. Однако уверенность португальцев в неуязвимости оборонительных позиций, усилившаяся в результате победы 1710 года, сыграла с ними недобрую шутку. Впрочем, заметим, что губернатор города Франсиску да Кастро Мораес вовсе не был убежден в том, что французы вообще появятся. Ведь сколько раз уже ложные известия заставляли приводить гарнизон в боевую готовность, а необходимости в этом не было. «Слишком в Лиссабоне быстро предаются паническим настроениям», — рассудил губернатор...

Дюге-Труен действовал молниеносно. На рассвете 12 сентября он подошел ко входу в залив Рио-де-Жанейро и сразу понял, что необходимо действовать немедленно. Пелена густого молочного тумана застилала окрестности, и под его защитой корсар пошел на прорыв. Впереди эскадры шел 74-пушечный «Мананим» («Великодушный»). Не обращая внимания на огонь крепостей, корабли и фрегаты один за другим просачивались в гавань. Недоумевающие жители и солдаты слушали пушечную пальбу, доносившуюся из горловины залива, но не могли в густом тумане разглядеть, что происходит. Наконец мгла рассеялась, и они обомлели от изумления. Перед их глазами, как по волшебству, на рейде предстали корабли Дюге-Труена, в боевом порядке выстроенные перед городом.

Вихрь паники моментально охватил всех. Только что все было в полном порядке, а теперь в городе царил хаос. Растерявшийся губернатор не сумел быстро вмешаться в события и, вместо того чтобы направить подкрепления в опасные точки, терял попусту время. Гаспар да Коста, видя, что французы идут на абордаж, увел корабли на мели под фортами, где три из них сожгли, чтобы не отдать в руки французам.

Первые неудачи португальцев тотчас обнаружили недостатки обороны, и главным образом, недокомплект личного состава и нехватку артиллерии. Так в форте Санта-Круз, прикрывающем вход в залив, оказалось лишь тридцать артиллеристов и солдат, которые героически пытались преградить французам проход в залив и своим огнем нанесли серьезный численный урон на кораблях, но не более того. На острове Кобрас, расположенном при входе в порт и являющемся ключом обороны города, гарнизон вообще оказался неспособным к сопротивлению и покинул его на следующий день при приближении противника. Так в какие-то двадцать четыре часа Дюге-Труен стал хозяином положения. В последующие дни он действовал с методичной предусмотрительностью. 14 сентября он произвел высадку на северо-западе города, овладел господствующими высотами и начал готовить бомбардировку города.

19 сентября, когда к генеральному штурму все было готово, он отправил ультиматум губернатору с требованием сдачи города, материальной компенсации за издержки на организацию экспедиции и удовлетворения за убийство Дюклерка и жестокости, совершенные по отношению к французским пленным. Ответ да Кастро Мораеса был тверд: «Я готов защищать город до последней капли крови. Да хранит Бог вашу милость».

Весь день 20 сентября французы обстреливали город, готовясь к решающему штурму. Страх перед противником парализовал защитников. Ночью 21 сентября разразилась ужасная гроза, засверкали молнии, их чудовишный грохот и треск совпал с начавшейся перестрелкой, и деморализованные португальские войска покинули город. Жители, увидев, что все защитники уходят, обратились в повальное бегство, унося с собой домашний скарб и увозя повозки, нагруженные добром. В смятении, охватившем город, никто не заметил, что французские пленники, сидевшие в тюрьме, разбили двери камер и вырвались на свободу. На рассвете 22 сентября перед Дюге-Труеном, собиравшемся подать сигнал к штурму, предстал один из освободившихся, бывший адъютант Дюклерка, и сообщил, что город оставлен. Так пал Рио-де-Жанейро.

Дюге-Труен прекрасно понимал, что в городе ему долго не продержаться. Его уверенность опиралась на трезвую оценку ситуации. Вышедшие из города португальцы обосновались на высотах недалеко от города и, разбив здесь лагерь, перекрыли снабжение продовольствием. В ближайшее время они ожидали подхода подкреплений, спешно собранных в глубине страны капитаном Антониу д'Албукерки. Поэтому Дюге-Труен отправил губернатору ультиматум с требованием выплаты большой контрибуции. В случае отказа, предупредил корсар, город будет сожжен дотла. С целью заставить португальцев быть более сговорчивыми, он отправил вооруженные отряды в окрестности города и отдал приказ сжигать жилые дома. Условия, содержавшиеся в ответе губернатора, не удовлетворили корсара, и переговоры окончились неудачей.

Однако время шло, а отряд д'Албукерки приближался. Положение становилось отчаянным. Дюге-Труен решил действовать. В ночь с 9 на 10 октября он совершил неожиданный рейд к лагерю португальцев и на рассвете предстал перед ними, готовый к сражению.

Давление на португальцев достигло кульминации. Под угрозой сожжения города и кровопролитного сражения они выслали парламентаров. Дюге-Труен, в свою очередь, был крайне озабочен заключением мира и вынужден был заключить соглашение лишь с небольшим увеличением суммы контрибуции по сравнению с ранее предложенной. По условиям, достигнутым 10 октября, французы должны были получить 610 тыс. золотых крузадо, 100 ящиков сахара и 200 голов скота. До тех пор, пока сумма не будет вы-

плачена целиком, французам передавались заложники из числа офицеров и знатных жителей.

На следующий день после подписания договора в португальский лагерь ворвался полторатысячный отряд кавалерии д'Албукерки. На его беду, он попал в полосу страшных дождей. Размытые горные дороги и половодье вынудили его замедлить скорость передвижения. Не имея возможности тащить артиллерию, он бросил увязнувшие в грязи повозки и, оторвавшись от основных сил, совершил изнуряющий бросок к Рио-де-Жанейро, но опоздал.

Дюге-Труен отдавал отчет в том, что с прибытием отряда д'Албукерки его положение резко ухудшилось. Однако в его руках оставались форты, а у португальцев отсутствовала артиллерия. Поэтому платежи были произведены до конца, и к 4 ноября португальцы выполнили все условия соглашения. После последней выплаты Дюге-Труен вышел из города, предусмотрительно сохранив за собой контроль над укреплениями, занятие которых противником могло помешать отплытию его эскадры.

Началась погрузка на корабли. В ходе ее было собрано все церковное золото и серебро и передано иезуитам. Солдаты, у которых нашли церковную утварь, были расстреляны. 13 ноября эскадра подняла паруса и пошла во Францию.

Несколько слов необходимо сказать о возвращении эскадры. На обратном пути Дюге-Труен задумал разграбить Байю, но противные ветры заставили его отказаться от этого намерения. На широте Азорских островов эскадра попала в ураган (12.01.1712), во время которого два судна затонули. На одном из них, упоминавшемся выше «Мананиме», находилась наиболее ценная часть захваченной добычи на сумму 600 тыс. золотых ливров. В феврале эскадра вошла в Брестский порт. После выплаты королевской доли, прибыль компании составила 92 процента!

Уничтожение судна в порту

Триест. 1703 г. — Клод де Форбен

Шел 1703 год. Европа была охвачена пламенем Войны за испанское наследство. На суше, на море и в колониях ситуация складывалась явно не в пользу Франции. Всюду, но не в Адриатике. Здесь хозяйничал граф де Форбен. Его корсарская эскадра парализовала местную торговлю и оставила на голодном пайке сухопутную армию австрийского императора, лишив ее поставок по морю. Корабли Форбена блокировали адриатические порты от Бриндизи до Триеста и рыскали в поисках добычи по всем возможным путям поставок. Ничто не спасало корабли, владельцы которых были заподозрены в контрабанде в пользу врага, — от судов оставались лишь плавающие по воде обгорелые доски. Охваченные паникой имперские корабли

устремились в Триест и, сгрудившись на его рейде, вместе преодолевали страх перед корсарами.

В центре гавани возвышался огромный 50-пушечный корабль — главная ударная мощь этой запуганной флотилии. Вокруг него собралось бесчисленное множество судов, как бы укрывшись под защиту этого гиганта. Сюда уж французский волк Форбен не сунется, а если он будет настолько безумен, то получит достойный отпор. А то, что он рышет где-то рядом, доказывали постоянно подплывающие лодки с уничтожаемых им кораблей. Вот и сейчас еще одна группа несчастных вошла в гавань. В лунном свете дивной ночи три шлюпки лавировали между судами, приближаясь к величественному кораблю. Если бы только могли на судне знать, кто на них; но весла шлюпок уже коснулись корпуса судна. Пятьдесят человек отчаянной храбрости с белыми повязками на руках, чтобы узнавать друг друга в ночном мраке, стремительно вскарабкались на борт. А во главе их — Форбен. Дело было проведено молниеносно — корсары убили караульных, сломали сопротивление сонных солдат, захватили корабельный склад оружия, в яростной схватке обезоружили капитана и его помощников. Всех оставшихся в живых быстро посадили в лодки и отправили на берег, а затем... Горючие материалы были взяты с собой, и огромный корабль одновременно запыхал со всех сторон, заряженные пушки открыли самопроизвольную пальбу по городу. Перепуганные жители проснулись, поднялась тревога. Огонь добрался до крыйт-камеры, и по гавани прокатился ужасающий взрыв...

Нападение на город в глубине материка

Гранада. 1670 г. — Джон Девис

«Безумным по дерзости замыслом» назвал историк пиратства Ф. Архенгольц предприятие, осуществленное разбойником с Ямайки Джоном Девисом. О нем подробно рассказал Эксквемелин: *«Довольно долго он (Девис. — Д. К.) крейсировал в заливе Локатауро, надеясь встретить корабль, который ходил из Картахены в Никарагуа. Но это ему не удалось, и он решил со всей своей командой отправиться к реке Никарагуа, оставить судно около устья и подняться вверх по течению на каноэ. С наступлением ночи они намеревались войти в город и разграбить дома самых богатых торговцев. На его корабле было девяносто человек и три каноэ. Пираты оставили на судне человек десять, а все остальные сели в каноэ. Дождавшись ночи, они действительно вошли в реку, а днем спрятались среди деревьев (точно так же они скрыли и свой корабль, чтобы его не заметили индейцы, которые ловили рыбу в устье реки). На третьи сутки, где-то около полуночи, они добрались до города. Стража приняла*

их за рыбаков, промысляющих в лагуне: ведь часть из них хорошо говорила по-испански. Кроме того, среди них был индеец как раз из тех мест. В свое время он бежал, поскольку испанцы хотели обратить его в рабство. Индеец выпрыгнул на берег и убил стражника. После этого пираты пробрались в дома трех или четырех именитейших горожан и забрали все деньги, которые могли обнаружить. Потом разграбили церковь. Но тут один из церковных служек, вырвавшись из рук пиратов, поднял крик на весь город. Горожане и солдаты тотчас же пробудились, однако пиратам удалось скрыться, захватив с собой всю добычу, какую они смогли унести. Кроме этого, они успели захватить с собой пленников, рассчитывая в случае погони использовать их как заложников. Вскоре они добрались до берега, поспешно сели на корабль и вышли в открытое море... Когда пираты еще были в устье реки, на берег высыпало человек пятьсот испанцев, вооруженных ружьями. Пираты дали по ним залп из пушек. Таким образом, испанцам оставалось лишь бессильно горевать, видя, как уплывает их добро, и проклинать тот миг, когда пираты высадились на берег. Для них было совсем непостижимо, как у пиратов хватило смелости подойти к городу с гарнизоном в восемьсот человек, да еще лежащему от берега по меньшей мере в сорока милях. Да к тому же еще пиратам удалось разграбить город за такой короткий срок! Пираты захватили чеканного золота, серебряной посуды и ювелирных изделий на сорок тысяч с лишним реалов...»

Засада на торговой трассе

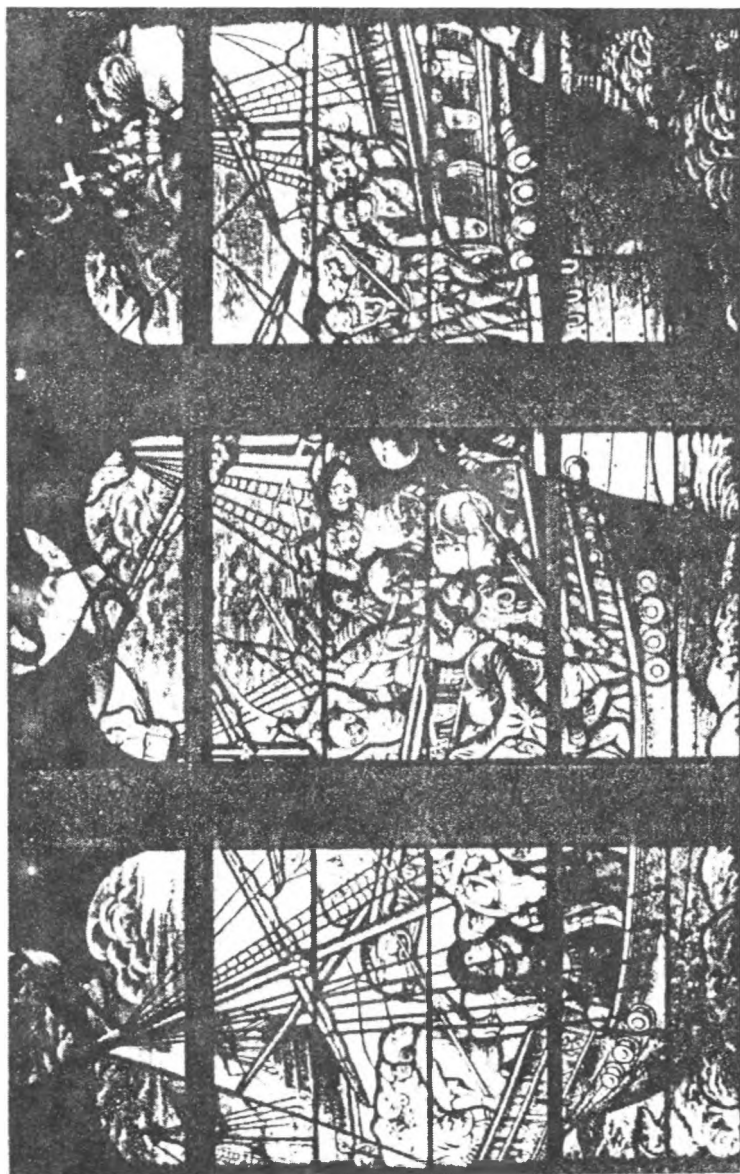
Азорские острова. 1522 г. — Жан Флери

В 1522 году знаменитый испанский конкистадор Эрнандо Кортес отправил своему повелителю императору Карлу V сокровища, захваченные после разгрома ацтекского государства. Современник событий, Берналь Диаз вспоминает: «...отправились на двух кораблях, везя королю не только золотых слитков на 88 000 дукатов, но и личные сокровища Монтесумы¹, перешедшие в обладание Гуатемосина², — подарок поистине королевский, ибо там были жемчужины величиной с орех и большое количество драгоценных камней и вещей. Посланы были также гигантские кости, найденные в одном из храмов Кохоуакана... три тигра (ягуара. — Д. К.) и разные другие редкости, которых теперь уж не упомяну...»

Отрядом каравелл командовали начальник телохранителей

¹ Монтесума II — правитель ацтеков (1503 — 1520).

² Гуатемосин, Куатемок — зять Монтесумы II, последний правитель ацтеков, лидер борьбы против испанских конкистадоров. После захвата столицы ацтеков Тевоцитлана (1521) попал в испанский плен и впоследствии был повешен.

Азорский захват. Выгравж церкви в Вилькье (деп. Приморская Сена) 1523 г.

Кортеса Антонио де Киньонес и известный конкистадор Алонсо де Авила. Казалось, плавание не предвешало опасностей. Однако как-то ночью ягуары вырвались из клетки и задрали десять человек. Смятение и ужас испанцев не покидали их все плавание — угроза нового нападения свирепых хищников превратила плавание в сплошной кошмар. Однако главная опасность была впереди. Придя на Азорские острова, корабли встали на стоянку. Во время одной ссоры де Киньонес был убит, и общее командование сосредоточилось в руках у де Авилы. В феврале 1523 года каравеллы покинули Азоры и пошли на восток, к Испании. Однако в пути их ждали еще более крупные неприятности.

Французский корсар Жан Флери с эскадрой из восьми кораблей (3 нефа и 5 галионов) уже давно крейсировал в море к западу от Пиренейского полуострова. Он располагал информацией об огромных богатствах, собранных на каравеллах и идущих из Новой Испании. Расчет Флери заключался в том, что испанцам никак не миновать Азорского архипелага. Прогноз корсара полностью подтвердился: когда его эскадра находилась к востоку от острова Санта-Мария, входящего в Азорский архипелаг, на горизонте показались мачты каравелл де Авилы. Флери двинулся наперерез и, охватывая полукругом корабли испанцев, начал оттеснять их к берегу. Разгорелось ожесточенное сражение — несмотря на численный перевес французов, испанцы не собирались сдаваться. Небольшие корсарские суда со всех сторон летели к огромным каравеллам, стремясь как можно быстрее преодолеть линию досягаемости испанских пушек и войти в мертвую зону обстрела, где им не угрожал убийственный огонь. Когда они наконец сумели приблизиться к испанцам, то пошли на abordаж — в палубном бою отчаянным корсарам никто не был страшен. Вскоре каравеллы были захвачены.

Азорский abordаж принес французскому королю неслыханные сокровища. Среди добычи оказались золотые и серебряные ожерелья, перстни, кольца, украшения, драгоценные сосуды, золотые маски и богато расшитые одежды ацтекских жрецов, платья, уборы из разноцветных птичьих перьев, древние рукописи и, что было крайне важно для французов, сверхсекретные карты Атлантического океана. *«Всю свою добычу, — завершал рассказ Диас, — Флери благополучно доставил во Францию и так богато одарил тамошнего короля (Франциска I. — Д. К.), что мир дивился и завидовал богатству нашего государя».*

Азорские острова. 1592 г. — Джон Бороу

Тактика, используемая французом Флери, широко применялась «морскими волками» Елизаветы. Во время войны Англии с Испанией они регулярно, каждую кампанию караулили «Золотой флот» у Азорских островов. Громоздкие неповоротливые караваны галионов растягивались на несколько миль, а военные суда со-

Нападение на португальскую карраку

Гравюра начала XVII в.

провождения не могли защитить отставшие корабли. Тут и появлялись англичане. Иногда в руки приватиров попадала совсем другая, неожиданная добыча. Весной 1592 года сэр Уолтер Рэли готовил очередной бросок на морские коммуникации Испании. Однако ему не суждено было выйти в море — амурные дела фаворита вызвали гнев королевы Елизаветы I, она отстранила Рэли от командования и отправила в Тауэр. Уже находясь в тюрьме, поверженный фаворит узнал о блестящем триумфе, которым увенчался его проект захвата «Золотого флота». Правда, в руки англичан попала совсем другая добыча. Руководство операцией было передано сэру Мартину Фробишеру, который безрезультатно крейсировал все лето у испанского побережья. Часть же снаряженной эскадры, под руководством сэра Джона Бороу, была слишком предана Рэли и, отказавшись подчиняться Фробишеру, самостоятельно направилась к Азорам. Здесь 3 августа был захвачен корабль, ставший самым богатым приватирским призом елизаветинской эпохи. Правда, судно было не испанским, а португальским — 30-пушечная каррака «Мадре де Диос», с экипажем, насчитывающим 700 человек, шла не из Америки, а из индийского Гоа — но для англичан принадлежность судна не имела значения. Сражение завязали личный корабль Рэли «Роубак» («Косуля») и корабль Бороу.

а люди графа Камберленда первыми взойшли на палубу португальца. 8 сентября 1592 года «Мадре де Диос» ввели в Дартмут. Сумма захваченной добычи ошеломила современников. Одно лишь простое перечисление товаров, взятых на корабле, дает фантастическую картину. На «Мадре де Диос» было взято 537 тонн пряностей, 850 центнеров перца, 900 центнеров гвоздики, 700 центнеров корицы, 500 центнеров кошенили, 59 центнеров мускатного ореха, 59 центнеров ладана, 15 тонн черного дерева, 2 огромных распятия, сундуки, набитые мускусом, жемчугом, шелком, слоновой костью, золотом, серебром, коленкором, янтарем. Общая стоимость «Мадре де Диос» равнялась 114 200 фунтам стерлингов. Сама королева, предоставившая для экспедиции два судна и вложившая в предприятие 1 800 фунтов стерлингов, получила около 800 тыс. стерлингов из общей добычи.

Аравийское море. 1695 г. — Генри Эвери

Летом 1695 года у выхода из Красного моря расположились шесть пиратских кораблей — «Фэнси» («Фантазия») Генри Эвери, «Портсмут Эдвенче» («Портсмутское приключение») Джозефа Фаро, «Дельфин» Уонта, «Пэл» («Жемчужина») Уильяма Мэйза, «Эмити» («Дружественный») Томаса Тью и «Сюзанна» капитана Уэйка. Фортуна улыбнулась Эвери.

В Аравийском море, к северу от Бомбея он наткнулся на корабль «Великое сокровище», принадлежащий самому императору Великих Моголов Аурангзебу. Судно возвращалось из Красного моря после успешного торгового сезона, и на его борту сосредоточились огромные суммы. Кроме того, среди пассажиров-паломников было несколько выходцев из очень богатых и знатных индийских семей.

Однако раскусить такой орешек, как «Великое сокровище», было делом невероятно трудным. Судно являлось самым большим кораблем императорского флота. Его артиллерийское снаряжение составляло 40 пушек, а команда из 400 человек умела обращаться с оружием. Поэтому «Великое сокровище» шел без военного сопровождения, готовый отбить любое нападение.

На борту «Фэнси» было 50 пушек и около 150 рискованных бойцов, видящих перед собой фантастическое богатство и готовых драться до конца. Эвери решил затеять артиллерийскую дуэль с противником, а затем на шлюпках осуществить abordаж. Счастье благоволило пирату. Не успел «Фэнси» вступить в перестрелку, как произошло неожиданное. Сначала разорвалась пушка на «Великом сокровище», а затем ядро с «Фэнси» по какому-то волшебству буквально с первого выстрела сбило у противника грот-мачту. Такая неудача вызвала смятение противника, которое моментально сменилось паникой. Под грохотом артиллерийских залпов моральный дух команды истощился. Драться с жадными до добычи и

Генри Эвери и «Великое сокровище»

Гравюра начала XVIII в.

смелыми до безрассудства пиратами — вряд ли кто-нибудь пожелал бы оказаться на месте деморализованного экипажа «Великого сокровища». Бой продолжался два часа, когда Ибрагим, капитан «Великого сокровища», не выдержав схватки, смирился с поражением. Правда, от отчаяния ему пришла в голову мысль вооружить саблями и мушкетами только что приобретенных черных невольниц и отправить их в бой. Более того, один свидетель рассказал,

что Ибрагим так и сделал: когда разъяренные схваткой пираты вскарабкались по бордажным крючьям на борт, их изумленным взглядам предстало невиданное зрелище... Так или иначе, но последний резерв Ибрагима не спас корабль. Все разбежались перед пиратами. Команду разбойники загнали в трюм и приступили к осмотру захваченного корабля. Действовали они неторопливо, с методичной основательностью осматривая, прощупывая и обыскивая помещения за помещением, пока не проверили его целиком, от палубы до трюма. На это ушло несколько дней, в течение которых суда дрейфовали рядом...

О добыче, захваченной Эвери, легенды ходили по всему миру. По приблизительным расчетам, на борту «Великого сокровища» перевозилось около 500 тыс. реалов, а сосчитать, сколько пираты взяли у пассажиров, просто невозможно. В литературе встречаются упоминания о том, что на долю каждого рядового разбойника пришлось до 1 тыс. фунтов стерлингов — фантастические деньги по тем временам.

Прорыв блокады

Остров Джерба. 1551 г. — Драгут-раис

Военная история знает немало талантливых тактических хитростей и уловок. Стратегема корсара Драгута, примененная им у острова Джерба, — блестящий пример того, что побеждает не только сила, но и находчивость.

Зиму 1550 — 1551 годов знаменитый пират проводил в своей резиденции на острове Джерба. Его флотилия из трех галер и пятнадцати галиотов стояла на якоре в маленькой бухточке, расположенной около залива Эль-Кантара в восточной оконечности острова. Суда нуждались в ремонте, и более укромного местечка, чем то, в котором базировались корабли Драгута, трудно было подыскать. Гавань была неприступна. К западу от якорной стоянки, где нашла приют корсарская флотилия, тянулась огромная песчаная отмель, едва прикрываемая водой. Опасаться неожиданностей с этой стороны не приходилось. Узкий вход в бухту контролировался бастионом, державшим под обстрелом весь фарватер.

Однако Драгут недооценил предприимчивость и коварство своего извечного врага — генуэзского адмирала Андреа Дориа. Весной 1551 года знаменитый флотоводец отправился в экспедицию в поисках своего заклятого соперника. Он в совершенстве знал секреты острова и решил захватить Драгута врасплох, на его собственной базе. Отправившись из Генуи в Махдию с одиннадцатью галерами для снабжения местного гарнизона, Дориа соединился с галерами вице-короля Сицилии и, доставив в крепость не-

Адмирал Андреа Дориа

обходимые припасы, пошел к Джербе. Вечером 12 апреля он вошел в залив и перекрыл фарватер, ведущий в бухточку. Неприступная позиция Драгута превратилась в капкан, который, с приходом флота Дориа, захлопнулся. Корсар оказался жертвой собственной беспечности. Сильные стороны его позиции приобрели противоположный характер, так как единственный выход в открытое море был закрыт.

Дориа не торопился. Адмирал прекрасно знал, что флоту Драгута некуда деваться из гавани: мели помешают корсару вырваться на запад в открытое море, а если же он попытается проскользнуть через фарватер, то, напоровшись на сторожившие его галеры, будет вынужден принять бой, результат которого не вызывал сомнений у адмирала. Однако старый флотоводец был очень осторожен и не рискнул входить в фарватер, чтобы не попасть в возможно расставленную

ему ловушку. К тому же бастион на берегу смущал адмирала, и он отправил корабль в Геную и Неаполь, прося подкреплений.

Время шло, флоты сторожили друг друга. По всем признакам было видно, что Драгут серьезно готовится к обороне. Велись инженерные работы, пушки бастиона время от времени постреливали в сторону галер Дориа, как будто бы это могло что-то изменить. Генуэзец ждал подкреплений, с которыми можно будет войти в бухту и покончить с Драгутом раз и навсегда. Каковы же были изумление и ярость старого адмирала, когда он получил известие, что корабли, идущие ему на помощь, были перехвачены по дороге галерами... Драгута, который захватил два из них. Что же произошло, как корсар вырвался?

Попав в западню и оказавшись на грани гибели, Драгут продумал и осуществил хитроумную операцию, которая по праву должна стоять в ряду самых знаменитых тактических уловок в истории флотов. Первым делом он отвлек внимание Дориа. Люди Драгута копошились в районе бастиона и своими «оборонительными усилиями» сумели заставить Дориа отложить вход в бухту. Этим было выиграно время, так необходимое Драгуту, чтобы... прокопать канал из бухты на запад, к Аджиму, в открытое море.

Благодаря поддержке 2 тыс. жителей Джербы фарватер был проложен за восемь дней и ночей. Драгут приказал разгрузить корабли, выпотрошив из них все лишнее, и проволоч их по мелкому каналу к глубоким водам. На построенных плотках было переправлено все необходимое снаряжение. Так Драгут сумел выпутаться из безнадёжного положения.

Маракайбо. 1669 г. — Генри Морган

Огромное морское озеро-лагуна Маракайбо глубоко вдаётся с севера в континентальную Америку. При взгляде на карту не покидает ощущение, что очертаниями оно странным образом напоминает висящий на поясе, туго набитый монетами кошелек.

В XX в. в лагуне были открыты богатейшие нефтяные месторождения, и сегодня вся экономика региона теснейшим образом оказалась связана с разработкой и добычей «чёрного золота». Город Маракайбо, расположенный при входе в лагуну, превратился в один из крупнейших нефтяных портов. Вокруг него выросли буровые вышки, перерабатывающие заводы и современные магистрали. Во времена Моргана ни о какой нефти никто и не помышлял, однако Маракайбо и тогда представлял огромную ценность как крупный торговый центр, через которой проходили добываемые испанцами на континенте сокровища.

Лагуна питается реками, стекающими со снежных горных хребтов, окружающих озеро со всех сторон. Берега озера — низменные и заболоченные. Вокруг него раскидывались бесконечные заросли густого кустарника, кактусов и тропические леса. В север-

ной части лагуны, на берегу узкого мелководного пролива, как раз в том месте, где, в соответствии с нашим описанием, затягивается веревкой кошелек. находится город Маракайбо. Пролив соединяет лагуну с морским заливом Маракайбо, вдающимся в материк почти на 200 км, за пределами которого простирается Карибское море. Узкий пролив подпирают со стороны залива два длинных острова, Вихилиас и Лас Паломас, перекрывающие горловину. Устье пролива и северная часть озера мелководны, что препятствовало судам с крупной осадкой войти внутрь лагуны. Над проливом высился мощный форт, господствовавший над окружающей местностью. Почти напротив города Маракайбо располагался порт Гибралтар, внушительное оборонительное сооружение, вокруг которого лежали плантации сахарного тростника, какао и табака. В этой чудесной местности и произошли события, о которых мы расскажем, пользуясь описаниями, оставленными участником знаменитого похода пирата Генри Моргана в Маракайбо в 1669 году — Эксквемелином:

«На западном берегу, примерно в шести милях от входа в бухту, расположен город Маракайбо. Вид у него довольно приятный, потому что все дома выстроены вдоль берега и удачно расположены. Город густо заселен. Вместе с рабами в нем три или четыре тысячи жителей. Среди них восемьсот солдат — все испанцы. В городе есть церковь, четыре монастыря и госпиталь. Управляется город вице-губернатором, который подчинен губернатору Каракаса и входит в провинцию Каракас. Тамошние торговцы промышляют кожами и салом. У жителей много скота, а их плантации лежат милях в тридцати от Маракайбо, близ большого селения, которое называется Гибралтар. Эти плантации дают много какао и различные овощи и плоды, которыми снабжают город Маракайбо, поскольку там земля бедная и плохо родит. Каждый день из Гибралтара в Маракайбо отправляются барки, груженные лимонами, апельсинами и прочей снедью. В Маракайбо их нагружают мясом. В Гибралтаре нет ни коров, ни овец...

Гибралтарская округа простирается миль на двадцать, на рубежах ее везде горы и болота. Горы очень высокие и круглый год увенчаны шапками снега. По другую сторону хребта лежит большой город Мерида, которому подчиняется Гибралтар...

...в полдень корабли Моргана¹ вошли в залив Маракайбо, и чтобы их не было видно из сторожевой башни, откуда море просматривалось очень далеко, пираты бросили якорь на глубине девяти футов, а к вечеру двинулись снова в путь. На следующий день, едва забрезжил рассвет, корабли подошли к крепости де ла Барра, которая отделяла вход в лагуну... Пираты спустили все маленькие суда, на ко-

¹Отряд Моргана состоял из восьми кораблей.

торых можно было перевезти людей на берег. Испанцы в крепости также начали срочные приготовления и открыли огонь из больших пушек. Они спалили все дома, окружавшие крепость, чтобы расчистить место для стрельбы, и продолжали стрелять всей батареей. Морган и его люди вступили в форт только к вечеру. Там не было ни души: едва пираты подошли вплотную к крепости, ее защитники взорвали часть порохового запаса и ушли под прикрытием дыма... Морган приказал немедленно вытащить порох из крепости и подорвать крепостные стены, а все пушки сбросить в кучу... Пушки были сброшены со стен, а лафеты сожжены...

...Спустя сутки, ровно в полдень, флотилия подошла к городу Маракайбо и встала недалеко от берега¹, чтобы обеспечить высадку огнем малых пушек. Сделать это оказалось так же легко, как и при высадке у форта: все испанцы скрылись в лесу и бросили город на произвол судьбы; остались только совсем дряхлые старики, которые не могли уйти из города, да и терять им было нечего...

После того как пираты выявили сотню богатейших семейств Маракайбо и разграбили все их имущество, Морган решил отправиться в Гибралтар...

...После многодневного пути Морган и его спутники подошли к Гибралтару. Испанцы дружно открыли огонь из тяжелых пушек. Но пиратов этот отпор не смутил, они воспылали еще большим рвением; пираты уверились, что там, где крепко защищаются, наверняка много добычи, ну, а сахар всегда подсластит и кислую кашу... На следующий день, рано-рано утром, пираты сошли на берег и избрали не самый прямой и короткий путь, а... пошли по другой, лесной дороге; это давало им возможность напасть на Гибралтар с возвышенности и с тыла... Испанцы предпочли добровольно покинуть эти места, чтобы не подставлять свои шеи под топор. На дороге, по которой испанцы отходили, они соорудили несколько засад, чтобы задержать пиратов, если те за ними погонятся. Крепостные орудия испанцы заклепали, а порох увезли...

...Совершив еще несколько набегов и проведя в Гибралтаре в общей сложности пять недель, пираты решили покинуть город... Морган не был в Маракайбо уже довольно долго и совершенно не знал, как там обстоят дела... Через четыре дня² пираты прибыли в город Маракайбо... Но там их ждали совершенно неожиданные известия...

К Моргану привели одного бедняка, который лежал в лазарете в Маракайбо. Он сообщил, что в лагуну вошли три боевых испанских корабля и подстерегают пиратов, а в крепости испанцы снова установили пушки...

...Самый крупный корабль был вооружен сорока пушками, по-

¹ 9 февраля 1669 г.

² 23 апреля 1669 г.

меньше — тридцатью, а самый маленький — двадцатью четыремя¹. Пираты видели и гарнизон, стоявший в крепости. Силы испанцев намного превышали силы Моргана: ведь на самом тяжелом его корабле было всего четырнадцать пушек. Никто не знал, что предпринять, даже Морган; думали, какой выход из положения будет лучше — выбраться из жерла лагуны было нельзя, потому что там стояли испанские корабли; и никакого шанса не было пройти сушей.

Стремясь показать, что пираты совсем не пали духом, Морган потребовал от испанцев выкуп за Маракайбо, угрожая в случае отказа сжечь город. Через два дня он получил письмо от испанского генерала дона Алонсо дель Кампо-и-Эспиносы, стоявшего с кораблями у выхода из лагуны.

Дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса — Г. Моргану
24 апреля 1669 г.

«Наши союзники и соседи уведомили меня, что вы осмелились... войти в озеро Маракайбо и предпринять там враждебные действия, среди коих числятся грабеж и взимание выкупа с его (короля Испании. — Д. К.) подданных. Узнав об этом, я счел своим долгом пресечь сии бесчинства. Поэтому я овладел фортецией при входе в озеро, которую вы захватили у горстки обабившихся трусов, установил на ней пушки и намерен с имеющимися у меня в наличии кораблями призвать вас к ответу и наказать за дерзость. Тем не менее, если вы смиренно вернете взятое, а именно золото, серебро, драгоценности, равно как и пленников, и рабов, и все товары, я пропущу вас, дабы вы смогли добраться до своих краев. Если же вы откажетесь от моего добросердечного предложения, я уничтожу всех вас на месте без пощады... Подумайте, как вам надлежит поступить, и не испытывайте более моего терпения и моей доброты. В ином случае я прикажу моим храбрцам отомстить вам за все жестокости и обиды, что вы несправедливо наносите каждодневно испанскому населению Америки...»

Он (Морган. — Д. К.) еще раз обратился к испанцам со следующим предложением: пираты готовы уйти из Маракайбо, не спалив города и не причинив ему вреда, даже без выкупа они готовы отдать половину рабов и выпустить остальных пленников безвозмездно, а также отказаться от выкупа за Гибралтар и освободить заложников.

Испанский генерал ответил, что и слушать не желает о таких предложениях и дает пиратам еще два дня. Если они не выполнят за этот срок его требований, он уничтожит их огнем и мечом. Получив такой ответ от генерала, Морган решил пойти на все, лишь бы выйти из лагуны, не отдавая добычи...

...часть пиратов собрала в городе всю смолу, воск и серу и со-

¹ У автора неточность. Испанский отряд составляли фрегаты — 38-пушечная «Магдалена», 20-пушечный «Сан-Луис» и 14-пушечная «Маркеса».

орудила огромный зажигательный снаряд. Трюмы судна набили пальмовыми листьями, перемешав их с воском, смолой и серой; на эту смесь положили большие полотнища холста, которым накрывали пушки, под каждой чуркой поставили шесть горшков с порохом... На палубе поставили несколько деревянных чурок и надели на них шапки, чтобы издали они выглядели как люди...

Когда забрезжило утро — был отлив — пираты двинулись¹. Испанцы решили, что пираты готовы на все, лишь бы выйти из пролива; и их корабли, подняв якоря, пошли навстречу пиратским. Корабль-брандер двинулся на самый большой испанский корабль и таранил его.

Когда испанский генерал сообразил, что это за судно, он отдал приказ своим людям перебраться на его палубу и срубить мачты, чтобы судно унесло течением. Но испанцы не успели ничего сделать: брандер внезапно взлетел на воздух, просмоленное полотно облепило такелаж «испанца», и, охваченный мощным пламенем, корабль генерала заволокло густым дымом. Когда со среднего корабля увидели, что флагман горит, капитан его тотчас же умчался под прикрытие форта и наскочил на мель; третье судно хотело повторить этот маневр, но пираты погнались по пятам и захватили его...² Все пираты были очень уверены в себе... Они сошли на берег, где из крепости их яростно стали обстреливать из тяжелых пушек... Весь остаток дня они (пираты. — Д. К.) обстреливали крепость из ружей... Но когда пираты попытались влезть на крепостные валы, чтобы забросать испанцев ручными гранатами, их довольно скоро отбили... пираты вынуждены были отойти и насчитали тридцать человек убитыми и много раненых. К вечеру несолоно хлебавши они поднялись на борт своих кораблей».

Морган «послал к генералу человека и потребовал выкуп за Маракайбо, грозясь сжечь все дома... пираты согласились на двадцать тысяч реалов и пятьсот голов скота.

На следующий день испанцы привели весь скот... и внесли часть денег... Пираты перебили все стадо и засолили мясо. Вскоре испанцы принесли остальные деньги и потребовали освободить пленников. Однако Морган не хотел ничего знать и сказал, что передаст пленников тогда, когда отойдет на расстояние пушечного выстрела от крепости: таким путем он желал обеспечить себе свободный выход... Морган сообщил пленникам, что они должны выпросить у генерала для него свободный проход: если генерал не

¹ 4 мая 1669 г.

² Любопытно отметить, что один из захваченных пиратами пленных рассказал, что «спустя два дня после вашего прихода, к дону Алонсо пробрался один негр и сообщил, что вы соорудили судно-поджигатель, однако он не поверил ему и сказал, что пираты не додумаются до этого, да у них для этого и нет инструментов».

Ноябрь 1692 года. Жан Бар у английского побережья. Гравюра Лелю

сделает этого, то он повесит всех пленников... Пленники послали к дону Алонсо человека просить его, чтобы он дал возможность пиратам выйти мирно, иначе это может стоить им жизни. Однако генерал не внял их мольбам и дал отрицательный ответ...

...Пираты решили пуститься на такую хитрость: днем¹, в канун ночи, которая намечена была для бегства, часть пиратов села в каноэ, якобы для того, чтобы высадиться на берег. Берег этот был в густых зарослях, и пираты незаметно вернулись назад, легли в каноэ и потихоньку снова подошли к своим кораблям. Такой маневр они проделали неоднократно, причем ложная эта высадка шла со всех кораблей. Испанцы твердо уверились, что пираты попытаются этой ночью броситься на штурм и захватить крепость; они стали готовить все необходимое для защиты с суши и повернули туда все пушки.

Насталась ночь, и когда Морган убедился, что все пираты наготове, он приказал поднять якоря, поставить паруса. Корабли понеслись в струе течения, и их прибило почти к самой крепости. В этот момент пираты поставили свои паруса так, чтобы использовать ветер с суши, и пронеслись мимо крепости. Испанцы тотчас повернули часть пушек в сторону моря, однако пираты успели уже осуществить свой маневр, и их корабли почти не пострадали от крепостных орудий... На прощанье он выстрелил по форту из семи пушек, однако ответа не последовало».

Пиратский рейд в лагуну Маракайбо, описанный Эксквемелином, знаком всем, кто читал увлекательнейший роман Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада». Ничего удивительного в этом нет. «Энциклопедия» пиратской жизни Вест-Индии, написанная загадочным Эксквемелином, стала неиссякаемым источником фантазии для писателей, пишущих на пиратскую тему. Творчество Сабатини — один из характерных и удачных образцов. Искусно вплетая подлинный исторический факт в ткань авантюрной эпопеи капитана Блада, автор ловко перемещает акценты и даты и по-новому оживляет события.

Героико-романтический ореол выделяет благородного ирландского капитана Питера Блада из своры грубых, невежественных, залитых кровью бесчувственных подонков, ставших столь традиционными при описании пиратских главарей. Подлинная история, произошедшая в Маракайбо, дала автору прекрасную возможность обыграть характер своего героя, предоставив ему возможность сыграть ту роль, которую исполняли реальные действующие лица. Детали ограбления Морганом лагуны Маракайбо оказались перенесенными почти на тридцать лет, в 1687 год, и дополнены новыми свежими штрихами в соответствии с замыслом автора. Впрочем, расставляя необходимые для сюжета акценты,

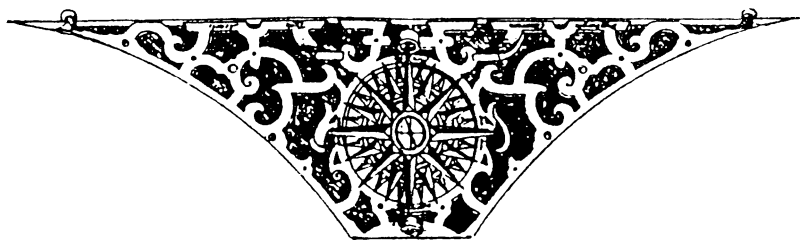
¹30 мая 1669 г.

Сабатини сохранил преемственность. Любопытно, что даже в именах испанского вице-адмирала улавливается связь с реальным событием, и противник Моргана дон Алонсо дель Кампо-и-Эспиноса превращается на страницах романа в упрямого и недалекого испанского командующего дона Мигеля де Эспиноса-и-Вальдеса.

Дюнкерк. 1691 г. — Жан Бар

Дюнкеркский корсар был привычен к грубому деревянному настилу корабельной палубы, постоянной качке и соленым брызгам, оказавшим в роскошных салонах королевского дворца в Версале, в его залах, кишаших блестящими разноцветными костюмами, мундирами и ливреями, он вглядывался в этих разодетых людей, рассматривал их локоны, банты, манжеты, кружевные воротники и терялся в обилии нежно-розовых, голубых, бледно-палевых и бордовых шелковых кафтанов. Пылающие люстры отражались в огромных зеркалах и блестящем паркете, и свет их со всех сторон обливал огромную фигуру корсара, не давая возможности укрыться в каком-нибудь укромном уголке. Мраморные амурсы лукаво поглядывали на новичка, словно потешаясь над его громоздкостью и неуклюжестью. Дамы кидали взгляды в его сторону и о чем-то шепетали, а их шикарные платья составили такой красочный букет, что невозможно было отвести глаз. Но уж нет — к такой обстановке дюнкеркский герой не привык. Однако он вызывал любопытство этой публики, придворные нахлынули на него, густая толпа окружила бравого моряка, и посыпался нескончаемый поток вопросов. Наконец Бар не выдержал. «Ну как же вы выбрались из заблокированного Дюнкерка?» — осаждали его. Гигант проорчал: «Да вот так» — и пошел прямо на толпу, расталкивая всех локтями, пинками и тумаками. Наглядный урок его тактики.

Когда англо-голландская эскадра контр-адмирала Джона Бенбоу в 1691 году заблокировала Дюнкерк, ни один корабль не мог выскользнуть из гавани. Бар был дерзок, смел, но осторожен и ждал своего часа. Как-то раз тяжелый южный шторм разметал английские суда и расчистил лазейку в середине блокирующего отряда. Бар и де Форбен с несколькими судами, поставленными один за другим, устремились прямо в центр эскадры, в промежуток между неприятельскими кораблями, и, давая залпы с обоих бортов, как нож сквозь масло, прошли в открытое море. Противник не успел даже понять, что произошло, и погоня не имела успеха. А корсары отличились уже через неделю. Они захватили четыре английских корабля, идущих в Россию, затем разбили голландский сельдяной флот, разграбили английское побережье у Ньюкасла и вернулись в Дюнкерк, невзирая на блокаду, с призами в 1 млн 500 тыс. ливров.

ГЛАВА 7

ЛИКИ ПЕРЕМЕНЧИВОЙ ФОРТУНЫ

Морской разбой представлял собой универсальное явление, оставившее след во всех уголках земного шара. Какими бы путями разбойный мир ни вмещивался в жизнь общества, свое место в истории он завоевал. В орбиту его влияния попадали тысячи и тысячи людей. Они были разных национальностей, исповедовали различные религии, происходили из семей различного состояния и общественного положения и отнюдь не были равны по своим способностям.

В этой главе мы встретимся с людьми, жизненный путь которых изобилует неожиданными поворотами. Судьба превращала страшных разбойников в государственных деятелей, великий адмирал мог стать организатором крупнейшего захвата торгового флота; ничем не примечательный буканьер — выдающимся географом и путешественником, а разбойник Карибского моря — королевским губернатором. Герои этой главы — французские аристократы граф де Турвилль и шевалье де Граммон, англичане сэры Генри Морган и Уильям Дампир.

Повороты судьбы

Жизнь вице-адмирала графа де Турвиля представляет собой одну из славных страниц военно-морской истории Франции, и не одно поколение французских моряков гордится ею. Шевалье де Граммон — второе действующее лицо нашего рассказа — был видным че-

ловеком на Тортуге, долгие годы он блистал на пиратском небосводе и восхищал флибустьерскую братию рискованными и отважными разбойничьими операциями невероятной дерзости.

Уместно ли ставить рядом этих людей? Де Турвиль — осторожный и мудрый флотоводец, любимец короля Людовика XIV, всю свою жизнь с честью прослуживший во славу своей страны и своего короля и умерший в почете и уважении... и авантюрист де Граммон.

Однако отметим: великий де Турвиль, прославившийся на заре своей карьеры подвигами, совершенными в борьбе против корсаров Магриба, закончил карьеру проведением крупнейшей военной операции по захвату богатейшего торгового флота, а де Граммон, начавший свой морской путь офицером королевского флота, прошел через корсарство и флибустьерство, чтобы занять официальный пост представителя французской администрации в Вест-Индских владениях.

Граф де Турвиль

Сохранилось несколько гравюр и портретов с изображением великого флотоводца. На нас смотрит сильный и красивый человек с тонкими чертами лица, величественной осанкой, благородными и изящными манерами. Искусный тактик морского боя, методичный и строгий организатор, дисциплинированный исполнительный подчиненный — таким остался в истории флота вице-адмирал Анн Илларион де Котантен, граф де Турвиль.

Господин де Турвиль родился в Париже в 1642 году и принадлежал к древнему аристократическому роду. Его служение военно-морскому делу было предрешено с раннего детства, когда пятилетнего мальчика приняли «несовершеннолетним рыцарем» в Мальтийский орден. Суровая школа воспитания христианских воинов-моряков превратила его в храброго, дисциплинированного и эрудированного офицера. Уже в начале своей карьеры де Турвиль совершил такие подвиги, что его имя обросло на Средиземноморье легендами.

В то время шла ожесточенная война против североафриканских корсаров. Они рыскали по всему морю и грабили встречающиеся суда, невзирая на их национальную принадлежность. В 1661 году три французских военных судна встретились в Греческом Архипелаге с тремя тунисскими корсарами. Разгорелся бой, в самом начале которого пушечное ядро сразило командира одного из французских судов. Его помощник — молодой кавалер де Турвиль — вступил на капитанское место. Женственно-красивая внешность, изящный облик молодого человека, бледность, маленькие руки и вьющиеся длинные волосы, казалось, место этого скромного юноши — в чертогах дамского будуара, а не здесь, в

пылу сражения, где льется кровь, гремят выстрелы, звенят абордажные сабли и в воздух летят страшные проклятия. Но не тут-то было. Юноша, словно вобрав в себя всю мощь ожесточенной схватки, с удивительным напором повел своих людей в бой. Внезапно ему доложили, что судно получило пробоину, — нет никакой возможности справиться с течью, и через несколько минут корабль пойдет ко дну, а экипажу придется сдаваться мусульманам. И де Турвиль свершает невероятное: *«...Не теряя ни минуты, забрасывает абордажные дреки, затем перебегает со своим экипажем на неприятельское судно, одновременно сто пятьдесят турок устремляются для грабежа на французское судно; последнее тотчас же идет ко дну и увлекает всех за собой»*. Но в распоряжении у Турвиля лишь восемьдесят человек, корсаров же много больше. На каждом клочке палубы закипела схватка, и постепенно победа начала переходить на сторону мусульман. В этой ситуации Турвиль вновь нашел неожиданный выход — он дал сигнал своим матросам освободить христиан-невольников, гребцов на галере. Около пятидесяти человек выбрались на палубу и внесли решающий перевес в схватку — через полчаса корсары сдались.

В следующем году кавалер прославился новыми подвигами. Так, встретив в бою алжирского корсара с экипажем, по численности превосходившим французский, молодой командир искусным маневром одержал верх. Разбойники, уверенные в победе, с безрассудством бросились на абордаж, но, подойдя вплотную к судну, попали под убийственный залп всех кормовых пушек. Несмотря на большие потери, около ста человек все же влезли на корабль. Тогда де Турвиль приказал обрубить концы дреков и с помощью опорных шестов быстро отвел свой корабль в сторону. Всех врагов, оказавшихся на судне, изрубили или бросили в трюм. Противник, однако, опять оказался рядом — и де Турвиль повторил маневр, не вызвав у алжирцев и тени подозрения в том, что им готовится ловушка. Вновь был достигнут полный успех, и теперь уже сами французы абордируют корсарское судно и захватывают его.

Через несколько дней после этого успеха корабль де Турвиля, в сопровождении двух судов, встретился с четырьмя противниками. Недолго думая, неустрашимый кавалер пошел в бой. Против него было два судна, на которые француз обрушил страшный залп крупной картечи. Одна из галер получила тяжелые повреждения и вышла из боя, чтобы справиться с пробоинами; экипаж второй претерпел столь серьезный численный урон и был так подавлен и ошеломлен дерзким натиском, что не мог оказать долгого сопротивления. Это судно было взято на абордаж, а затем де Турвиль бросился в погоню за поврежденной галерой. Она не смогла далеко уйти, была настигнута в считанное число минут, захвачена и потоплена. Расправившись со своими противниками, кавалер дви-

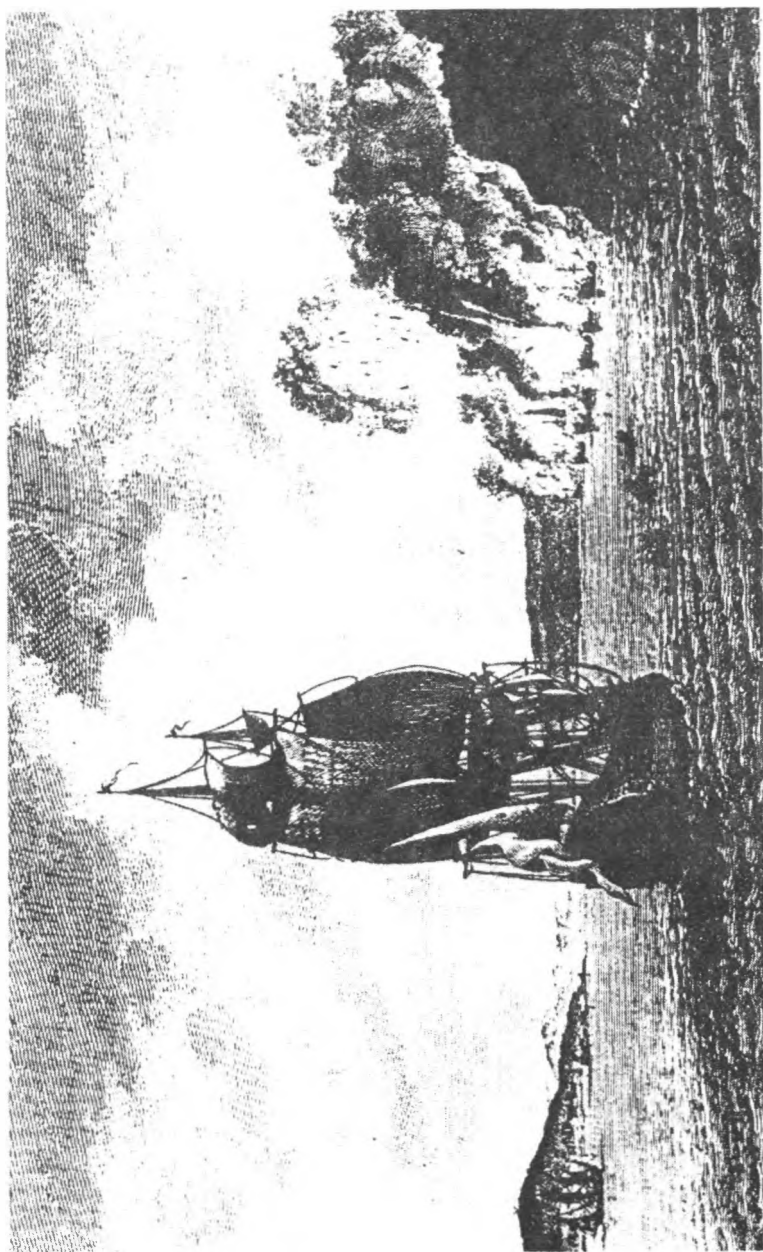
LE M^{AR} DE TOURVILLE

Адмирал де Турвиль

нулся на помощь другим кораблям. Там дела у французов складывались плохо, и оба судна были на грани захвата, но появление фрегата де Турвиля заставило алжирцев бросить почти уже захваченные трофеи и поспешно убраться восвояси.

Это было только начало блистательной карьеры. Впереди де Турвиля ждала насыщенная событиями жизнь офицера военноморского флота — экспедиция на Крит, сражения с голландскими флотами у берегов Сицилии и в Ла-Манше, бомбардировки разбойничьих гнезд, затаившихся в Алжире и Триполи, крейсерства в Средиземном, Эгейском, Адриатическом морях, плавание в Атлантике. Прославленный герой борьбы против морских разбойников Северной Африки, де Турвиль пользовался личным доверием короля и был назначен командовать флотом Франции в войне против Аугсбургской коалиции. Искусный мастер маневра, блестящий тактик, он в 1690 году разгромил соединенный англо-голландский флот у мыса Бичи-Хед. В следующем, 1691 году де Турвиль провел знаменитую «кампанию открытого моря»; уведя за своей эскадрой в Атлантический океан весь неприятельский флот, он затеял с ним самую настоящую игру в прятки и, постоянно выигрывая ветер у противника, протаскал его за собой почти два месяца. Этим он отвлек англо-голландский флот от защиты транспортных коммуникаций, лихо разграбленных французскими корсарами. Но в 1692 году произошел убийственный разгром французского флота у Шербура и Ла Уга, которому предшествовала отчаянная атака де Турвилем вдвое превосходивших его сил противника, героический бой в течение суток и драматичное отступление французов, закончившееся полной катастрофой. Но авторитет и слава де Турвиля были столь велики, что и речи не шло о его отставке. Напротив, Людовик XIV, произнеся по поводу трагедии у Ла Уга: «Счастье, что де Турвиль спасся; корабли можно выстроить снова», — произвел де Турвиля в маршалы.

В 1693 году король поручил флотоводцу исполнение своего нового замысла — охоту за огромным торговым флотом неприятеля, известным как Смирнский караван. Прибытия составляющих его ста двадцати торговых судов, нагруженных пряностями, тканями и прочими восточными товарами, с нетерпением ожидали в портах Англии, Голландии и Балтийских. Были приняты меры для обеспечения его безопасного прохода — английская эскадра вице-адмирала сэра Джона Рука, одного из главных участников погрома в Ла Уге, и голландская, под командованием Ван дер Геза, были направлены сопровождать караван, а основные силы флота получили приказ запереть корабли де Турвиля в Бресте. Однако, когда английский флот пришел к Бресту, де Турвиля там уже не было. 27 июня английские командующие, обманутые в своих ожиданиях, повернули обратно, спешным порядком отправив быст-

Жан Бар на рейде порта Фару. Гравюра Лелуа

рые фрегаты, чтобы предупредить Рука о том, что французский флот ушел из Бреста. Но было уже поздно — в тот же день, сотнями миль южнее, у оконечности мыса Сан-Висенти Смирнский караван уже попал под жернова французского флота.

Де Турвиль покинул Брест за неделю до прихода противника — шпионы Людовика XIV вовремя дали знать о готовящейся блокаде порта, и король приказал де Турвилю идти на соединение с эскадрой Средиземного моря. Скрытно пройдя вдоль португальского побережья, маршал встал на якорь в небольшой бухте Лагуш, выслал дозорные фрегаты и стал поджидать подхода Смирнского каравана. Вечером 26 июня дозорные известили его о появлении в районе мыса Сан-Висенти большого флота. Ночью де Турвиль вышел из гавани и с максимальными предосторожностями двинулся вперед. Он опасался, что навстречу идет основной флот союзников и благоприятствующий последнему юго-западный ветер сделает положение французов безнадежным. Поэтому маршал решил держаться на расстоянии, чтобы уйти в открытое море в случае необходимости. Утром 27 июня стало ясно, что перед ним Смирнский караван, и де Турвиль пошел в атаку, направив вспомогательную эскадру в обход противника.

Когда Рук обнаружил неприятеля, он посчитал, что перед ним эскадра Средиземного моря, и, прикрывая караван, двинулся в атаку. Подойдя ближе, он, к своему ужасу, обнаружил, что имеет дело с флотом де Турвиля. Отступать было уже невозможно. Весь день английские и голландские корабли стойко защищали караван, сражаясь с превосходящими их силами французов. Когда стало ясно, что спасти торговый флот не удастся, военные корабли вышли из боя и оторвались от преследования. Вслед за ними сумело ускользнуть около одной трети торговых судов. Часть кораблей рассыпалась по океану, бросившись в поисках спасения к Кадису, Гибралтару, Малаге и Мадере. Спасти удалось немногим, и в течение последующих дней французские корабли отлавливали в океане и в близлежащих портовых гаванях сбежавших торговцев. Так, Жан Бар, обнаружив в порту Фару шесть вырвавшихся судов, грузенных шелком, ворвался на рейд и сжег их; кавалер де Коннэтлоген нашел спрятавшиеся суда в Гибралтаре, потопил и сжег пять английских судов, две барки и захватил девять кораблей. Основная же часть торгового флота была прижата кораблями Турвиля к берегу. Весь день и вся ночь прошли под грохот взрывающихся судов и крики, взывающие о помощи. В багровом зареве пожара, охватившего караван, шли на дно богато нагруженные корабли, и в глубины залива погружались несметные сокровища. Итоги Лагушского захвата выглядят впечатляюще — половина судов была потеряна для их хозяев, французы захватили два линейных корабля, двадцать семь грузовых, тридцать два судна было по-

топлено или сожжено. Общая стоимость потерянного была равна почти 25 млн франков. Возможно, ни одному самому удачливому морскому разбойнику XVI — XVII вв. не удалось и приблизиться к цифрам такого порядка. Однако, по странному стечению обстоятельств, эту убийственную для торговли операцию провел один из величайших деятелей военно-морской истории, маршал и вице-адмирал де Турвиль. Но, может быть, подобные лавры не слишком украсили героя Бич-Хида. Так или иначе, но, начав свою карьеру как защитник торговли и гроза алжирских корсаров, де Турвиль закончил ее Лагушским захватом, действуя как верный исполнитель замыслов своего короля, объявившего войну морской торговле. Еще несколько лет де Турвиль продолжал служить своей стране, но в крупных военных операциях участия уже не принимал. Он умер через несколько лет, в 1701 году, в Париже.

Шевалье де Граммон

История не донесла до нас ни полного имени, ни подробного описания внешности, ни портрета этого незаурядного человека. Загорелый, хорошо сложенный брюнет с живыми глазами. любезный, предупредительный, черты лица — вульгарно-простоваты, неряшлив в одежде, безбожник, любитель вина и женщин, в общем — самый земной человек. Его жизнь отмечена печатью какой-то роковой обреченности и окутана завесой необъяснимой тайны.

Согласно легенде де Граммон родился в Париже, в семье офицера королевской гвардии, в последние годы царствования короля Людовика XIII. Его отец рано умер, а мать вышла замуж во второй раз. Неизвестно, как бы сложилась судьба молодого человека, не ухаживай за его хорошенькой сестрой некий гвардейский офицер, часто появлявшийся в доме де Граммонов. Юный гасконец де Граммон с ревнивостью подростка наблюдал за романом сестры, и в один прекрасный день попытался выставить влюбленного. В этот день никого не было дома, и когда поклонник явился, подросток отказался впустить его и посоветовал приходить пореже. В этот момент вошли мать с сестрой и, назвав де Граммона ребенком, хотели отослать его и предложить офицеру войти. Разразился скандал, юноша был в совершенной ярости, офицер неистовствовал от возмущения. На следующий день он встретил де Граммона; слово за слово, и офицер назвал его «сосунком». «Будь я постарше, то моя шпага показала бы, кто есть кто», — отвечивал подросток, и дело закончилось дуэлью, на которой «мальчишка де Граммон» нанес смертельную рану своему противнику. Далее последовало совершенно необъяснимое продолжение — умирающий успел оставить завешание, в соответствии с которым оставлял часть своего состояния де Граммону.

Дело о дуэли удалось замять, но молодого бретера отправили в школу юнг. Вскоре он стал кадетом Королевского морского учили-

ша. Что происходило с шевалье в последующие несколько лет, неизвестно. Его имя всплывает на страницах истории в период франко-испано-голландской войны (1674 — 1678) в связи с французской кампанией на Антильских островах. В качестве корсара он снарядил небольшое судно и захватил у острова Мартиника голландскую торговую флотилию. Доля счастливчика составила 1/5 захваченного — 78 тыс. ливров. Дальнейшее выглядит как роман — отделить правду от вымысла невозможно. Шевалье пришел на Сан-Доминго, прокутил все деньги за несколько дней, совершенно не заботясь о том, что на его долю приходится лишь 1/5 захваченного, бросил последнюю пригоршню золота на кон в кости и... выиграл такие деньги, что смог купить 52-пушечное судно. Тут-то началась одиссея де Граммона, от которой содрогнулись испанские города.

1678 — 1679 годы. Де Граммон принял участие в кампании против Кюросао. После крушения эскадры у островов Авес он остается здесь для ремонта и килевания французских судов. Когда запас припасов иссяк, шевалье решил навеститься за ними в Маракайбо. Форт де Ла Барра в горловине залива он овладел без труда — испанский комендант сдался с гарнизоном без боя и убрался, заключив договор с флибустьерами. Де Граммон вошел в город и выяснил, что жители перебравшись в Гибралтар. Тогда он устремился в лагуну и перехватил несколько небольших судов, продемонстрировав, что обладает флотоводческими способностями. 12-пушечный испанский фрегат стоял на якоре недалеко от берега. Де Граммон направил стрелков с приказом забраться на деревья и начать обстреливать судно, в то время как сам с остальным экипажем предпринял абордаж на шлюпках. План удался, фрегат был захвачен, а де Граммон углубился в глубь континента и захватил город Торилья.

Он был еще корсаром, когда в 1680 году пришли известия о мире с Испанией. Но де Граммон уже не мог остановиться: со 180 флибустьерами он направился на свой страх и риск к побережью Куманы. В начале июня встал на якорь к северо-западу от города. Раздобыв у туземцев пироги, он ночью на веслах подкрался к одному из крепостных фортов, высадился на берег и обезоружил часовых. Правда, последнее было проделано недостаточно ловко, и один из испанцев успел выстрелить. Тревожный звон колокола поднял на ноги всю округу, но и де Граммон действовал молниеносно. Он занял один из фортов, второй сдался на милость победителя. Комендант крепости успел, правда, принять меры к обороне. Через день к испанцам подошли подкрепления, и де Граммону пришлось думать только о том, как бы побыстрее унести ноги. В бою он был тяжело ранен в шею, чудом вылезился, но оказался совершенно без средств. На обратном пути корабли флибустьеров попали в

страшный шторм, а 52-пушечный корабль де Граммона выбросило на берег. Лишь почетный титул, полученный от флибустьеров, был наградой за Куману — «Генерал Граммон».

1682 год. В этом году под Веракрусом состоялась одна из самых блистательных флибустьерских операций. Два других знаменитых разбойника — Ван Дорн и Лоран де Грааф командовали вместе с де Граммоном. Город, расположенный в заливе Кампече на мексиканском побережье, служил перевалочным пунктом при транспортировке товаров из Нового Света в Европу. Подступиться к нему было невероятно трудно. Гарнизон крепости насчитывал 3 тыс. человек, а цитадель с 600 солдатами и 60 пушками, расположенная на небольшом островке, закрывала вход в гавань. Кроме того, к Веракрусу могли быть быстро стянуты подкрепления из соседних областей Новой Испании. Однако де Граммон разработал изящный план действий. Он располагал информацией, что в Веракрус из Каракаса идут два судна с грузом какао. Флибустьер решил воспользоваться подходящим случаем. Из пиратской флотилии были выбраны два наиболее крупных судна, которые при свете дня открыто подошли к городу под испанскими флагами. Приход ожидаемых кораблей, их внешний вид соответствовали известиям, полученным губернатором, и он не внял предостережениям тех, кто заподозрил что-то неладное: действительно, корабли не подходили к берегу, несмотря на попутный ветер, и оставались в отдалении...

К полуночи из глубины залива в гавань, где стояли два корабля, вошли остальные пиратские суда. Флибустьеры высадились к западу от города и на рассвете подошли к воротам, перерезали часовых, захватили крепость и дом губернатора. Когда утром жители проснулись, город был уже в руках разбойников. Они грабили город весь день, получили выкуп с людей, запертых в церкви, и плату за город, которые спешным порядком собрал епископ Веракруса. Эти деньги прибыли незадолго до подхода вооруженных отрядов вице-короля Новой Испании, и все, казалось, обстояло благополучно, как вдруг с колокольни большой церкви дозорные разглядели в море мачты кораблей. Это был испанский флот. Разбойники попали в ловушку, но не растерялись. Они быстро провели погрузку награбленного, забыв, правда, в суматохе взять продовольствие, прихватили часть пленных, так как посчитали, что получили еще не весь выкуп, сели в шлюпки, добрались до своих кораблей и приготовились к бою. Но он не состоялся — то ли испанские корабли были плохо вооружены и не рискнули вступить в сражение, то ли их командование посчитало, что флибустьеров слишком много, — и перегруженные пиратские корабли медленно ушли в море.

1685 год. Залив Кампече вновь стал свидетелем экспедиции де Граммона, на этот раз против города Кампече. О любопытных обстоятельствах, предшествовавших захвату этого города, и событиях,

произошедших в нем, мы уже рассказывали ранее. Теперь изложим обстоятельства захвата Кампече. В июле корабли флибустьеров встали на якорь к югу от города и на лодках подошли к берегу. Высадившись, они построились в правильный походный порядок и под барабанный бой чинно пошли по дороге на штурм. Опрокинув на подступах к городу испанский отряд, флибустьеры на плечах отступающих вошли в Кампече. Некоторое время в городе продолжались уличные бои, но они были непродолжительны — де Граммон разбросал своих стрелков на крышах домов, и они перебили артиллерийскую прислугу, превратив пушки испанцев в бесполезные груды металла. Через три дня в руках пиратов оказалась городская цитадель, покинутая защитниками. Де Граммон провел в городе почти два месяца, отряды его людей рассыпались по окрестностям, но, кроме обильных запасов продовольствия и спиртного, флибустьерам досталось немного. Дело в том, что главная ценность Кампече — огромные склады, забитые кампешевым деревом, — не представляла для разбойников никакого интереса. Тем временем к Кампече подошел губернатор провинции Мерида с войсками. В результате одной из стычек в его руки попали два флибустьера. Де Граммон предложил обменять их на нескольких знатных испанцев, пригрозив в случае отказа изрубить всех пленных в куски и сжечь город дотла. На это последовал неожиданный надменно-грубый ответ губернатора: «...Испания достаточно богата сокровищами и людьми, чтобы отстроить и заселить Кампече заново». Получив подобное послание, разъяренный де Граммон устроил показательную казнь нескольких испанцев и сжег часть города, после чего отпраздновал именины Людовика XIV и отбыл на Тортугу.

Несколько позже он был назначен королевским наместником в южной части Сан-Доминго, но недолго пребывал на этом посту. В октябре 1686 года он спешным порядком погрузился на корабль и с отрядом флибустьеров уплыл с Тортуги. Причины и цель назначения столь спешно организованной экспедиции остались неизвестны, так же, как и судьба всех ее участников, так как больше о де Граммоне и его людях никто ничего не слышал.

«Адмирал» флибустьеров сэр Генри Морган

« — ...Вам известно место, где можно собрать выкуп, и в то же время вы отказываетесь назвать его мне. А не кажется ли вам, что с горящими фитилями между пальцами вы станете более разговорчивым?»

Дон Франциско чуть побледнел, но все же снова покачал головой:

— Так делали Морган, Олоне и другие пираты, но так не может поступить капитан Блад. Если бы я не знал этого, то не сделал бы вам такого предложения... О вас известно, что вы воюете как джентльмен...»

Страшно представить участь губернатора дона Франциско, одного из персонажей «Одиссеи капитана Блада», если бы он имел дело не с великодушным и благородным героем романа Саббатини, а с настоящим пиратом, упомянутым Морганом.

Генри Морган — это наиболее одиозная и зловещая фигура среди берегового братства Карибского моря. Его детство и юность окутаны тайной. Сегодня трудно сказать, как старший сын зажиточного уэльского фермера, родившийся в захолустной провинции Английского королевства в 1635 году, был закинут в Вест-Индию. По версии, идущей от самого пирата (который, правда, утверждал, что он — сын дворянина), его в раннем детстве похитили в Бристоле какие-то уголовники и продали в рабство хозяину корабля, уходящему на остров Барбадос. По другим сведениям, он попал на остров, нанявшись юнгой на судно, отправляющееся в Карибскую Америку, и, чтобы заплатить за переезд через Атлантику, вынужден был завербоваться на сахарную плантацию. Через несколько лет он перебрался на остров Ямайка, недавно ставший английским владением, и примкнул к пиратам. Эксквемелин, рассказывая о юности Моргана, сообщает, что «здесь он познал их (пиратов. — Д. К.) образ жизни, сколотив вместе с товарищами за три или четыре похода небольшой капитал. Часть денег они выиграли в кости, часть получили от пиратской выручки. На эти деньги друзья сообща купили корабль. Морган стал капитаном и отправился к берегам материка, желая кое-чем поживиться у берегов Кампече. Там он захватил много судов».

В 1664 году молодой флибустьер узнал, что его дядя, полковник Эдуард Морган, назначен губернатором Ямайки. Правда, вскоре при штурме голландской крепости полковник погиб, но успел оказать протекцию племяннику. Несколько лет Генри Морган командовал приватирским судном и приобрел известность. В 1665 году он участвовал в рейде Морриса и Джекмана от залива Кампече вдоль Москитового берега, приведшего к взятию Вилья-Эрмосе и Трухильо. Далее флотилия спустилась по реке Сан-Хуан и добралась до озера Никарагуа, где захватила Гранаду, взяв в городе богатую добычу. В январе следующего, 1666 года Морган вышел в море в качестве заместителя вице-адмирала знаменитого голландского флибустьера Эдуарда Мансфельда. Эта примечательная приватирская экспедиция, направленная против голландского Кюросао, закончилась захватом острова Санта-Каталина

(совр. Провиденсия). Здесь честолюбивый Мансфельд планировал основать нечто вроде пиратской республики.

Морган был отправлен обратно на Ямайку для набора добровольцев в разбойничью армию нового государства, однако вербовка затянулась. А тем временем в 1667 году испанцы атаковали появившуюся у них под носом пиратскую базу и разрушили ее. Сам Мансфельд погиб при невыясненных обстоятельствах.

На совете берегового братства Моргана выбрали флибустьерским «адмиралом».

Первой серьезной акцией новоиспеченного пиратского главаря стала экспедиция на Кубу в 1668 году.

Губернатор Ямайки сэр Томас Модифорд, весьма обеспокоенный слухами о вероятном нападении испанцев на вверенное ему владение, отдал распоряжение Моргану выяснить детали готовящегося вторжения и добыть «языков». Неизвестно, насколько резонны были опасения губернатора — велика вероятность того, что информация о планах испанского вторжения была делом рук агентов Моргана и специально подбрасывалась из его окружения. Так или иначе, в феврале 1668 года с эскадрой из десяти кораблей и располагая 500 буканьерами Генри Морган прошел вдоль южного побережья Кубы и, обогнув мыс Сан-Антонио, направился к Гаване. Убедившись, что испанцы готовы к обороне города, он отказался от атаки; в марте он высадился в бухте Санта-Мария и направился в глубь острова, к городу Пуэрто-дель-Принсипе (совр. Камагуэй). Но один из захваченных пленных испанцев сумел бежать и сообщил о готовящемся нападении — навстречу Моргану вышел испанский отряд, столкнувшийся с пиратами на подступах к городу. Последовал ожесточенный бой: *«Пираты, наступавшие с барабанным боем и развевающимися знаменами, перестроились и образовали полумесяц. В этом строю они стремительно атаковали испанцев. Те выставили довольно сильную заградительную линию, но бой продолжался недолго: заметив, что их атака не действует на пиратов и что те беспрерывно ведут стрельбу, испанцы начали отходить, причем первым дал деру их губернатор, который бросился к лесу, стараясь побыстрее скрыться».*

Пуэрто-дель-Принсипе был захвачен, но пиратам пришлось довольствоваться весьма скромной добычей — выплаченный жителями выкуп за город составил 1 тыс. быков. Первый рейд Моргана не оправдал надежд, тем более что завершился ссорой и расколом среди флибустьеров — французские бандиты, крайне озлобленные неудачей, покинули сообщество сразу после раздела добычи. Однако Морган вскоре реабилитировал себя перед береговым братством. В компании с капитаном Брейном, Роком Бразильцем и Джозефом Брэдли он добился ошеломляющего успеха в предприятии против одного из самых богатых городов Испанской Америки — Портобе-

JOHAN MORGAN.

*gebooren in de Provincie van Walle in Engelandt.
Generaal van de Roovers of Iamice.*

Генри Морган

ло. Летом 1668 года пираты высадились ночью на побережье и, внезапным броском овладев защитными фортами, подступили к городу. Единственной преградой оставалась хорошо укрепленная крепость, в которой собрались все оставшиеся в живых испанские солдаты во главе со старым воином-губернатором де Кастильоном. Яростный штурм не дал результата, и пираты вынуждены были отступить перед раскаленными камнями и ядрами, сыпавшимися на них с крепостных

стен, кипятком и смолой, льющимися на их головы. Первая неудача заставила Моргана отказаться от бесплодных попыток захватить крепость с наскока. Однако в руках у него были пленные. *«Он приказал доставить знатнейших жителей города и прихватить из церковной сокровищницы серебро, золото и разные драгоценности, а затем отдал распоряжение сколотить лестницы, по которым один за другим могли бы подняться сразу четыре человека. Морган приказал группе монахов и женщин отнести лестницы к крепости и прислонить их к стенам. Он уже грозил губернатору, что заставит монахов штурмовать крепость, но губернатор не пожелал ее сдать... Поэтому Морган и в самом деле заставил монахов, священников и женщин приставить лестницы к стене; он полагал, что губернатор не станет стрелять в своих людей. Однако губернатор шадил их не больше, чем пиратов. Монахи именем Господа и всех святых взмолились, чтобы губернатор сдал крепость и сохранил им жизнь, но никто не внимал их мольбам. Беднягам пришлось поставить лестницы, а затем пираты влезли на них с ручными гранатами и горшками с порохом...»* Через несколько часов боя цитадель была захвачена. А потом началось привычное для пиратов ограбление города и поиски золота. *«Всех, кто упорствовал и не желал по доброй воле признаваться, ташили на дыбу и терзали, пока он не отдавал Богу душу или не показывал все, что от него требовалось... Пираты не отпускали никого...»* Пока флибустьеры бесчинствовали в Портобело, в окрестностях города появились отряды губернатора Панамы дона Аугустина де Бракаманте. Морган потребовал от него выкуп за город в 100 тыс. реалов. Губернатор отказался платить требуемую сумму, но и атаковать крепость, в которой засели разбойники, не решился. Выкуп пришлось заплатить местным жителям. Только после этого Морган с флотилией из девяти кораблей и огромной добычей покинул гавань.

Любопытно, что пиратский вожак отправил губернатору пистолеты в качестве ценных подарков и заверил в том, что через год наведается в столицу Новой Кастилии.

Флибустьер сдержал слово, не выдержав лишь назначенный срок — он вошел в Панаму в январе 1671 года. Но за прошедшие месяцы в жизни Моргана произошло много событий. Одно из них едва не стало последним в карьере флибустьерского главаря.

Шла война с Испанией, и Модифорд поручил Моргану организовать военную экспедицию на Кубу. Ко 2 января 1669 года приватирская флотилия была собрана, и 22-пушечный фрегат — флагманский корабль Моргана «Оксфорд» — в окружении интернационального отряда из пятнадцати флибустьерских судов стоял на якоре в небольшой бухточке острова Ла Вака, ожидая сигнала к выступлению. На борту «Оксфорда» собрался совет капитанов — обсуждался план действий против испанцев. На палубе же развернулась веселая попойка — пьяные головорезы решили от-

The Towne of Puerto del Principe taken & sackt

Part 2 Page 80.

Захват Пуэрто-дель-Принсипе

Гравюра XVII в.

крыть салют в честь королей Англии и Франции: захохотали пушки, зашелкали мушкеты, радостный крик сотен глоток заполнил бухту. Что произошло дальше, никто не понял — шальная пуля, горящий факел или случайный фитиль попал в открытую кюйт-камеру — раздался оглушительный взрыв, и огромный корабль разорвало на части. По счастливой случайности, члены капитанского совета не пострадали; плававшего в воде «адмирала» Моргана выловили со шлюпки (у него лишь свело ногу), но десятки пиратов были разорваны на куски или утонули.

Страшное происшествие не остановило пиратского вождя. Через несколько недель после взрыва, когда спасательные работы закончились, а плавающие в воде трупы вытащили на берег, осмотрели и обобрали, адмирал двинулся в путь. На некоторое время он выпал из поля зрения современников, затерявшись где-то между Кубой и Гаити. Но он пропал ненадолго — 1669 год Карибская Америка запомнила навсегда. Новую акцию пиратский главарь осуществил в Венесуэле, куда он пришел по совету Пьера Пикардийца, участника недавнего рейда Олоне в этот район. В марте Морган вошел в лагуну Маракайбо, устроил кровавую бойню в городе, затем захватил и ограбил Гибралтар. Финалом кампании в Маракайбо стал блестяще осуществленный прорыв из заблокированного испанцами устья лагуны — Морган вырвался в Венесуэльский залив и убрался восвояси.

Настала очередь выполнить обещание, данное губернатору Панамы. Несмотря на то, что Модифорд встретил Моргана выговором за превышение данных полномочий, предводитель пиратов получил новый патент на действия против испанцев. Ему было поручено верховное командование всеми военными судами Ямайки и предписывалось осуществить меры *«для сохранения спокойствия и процветания владений Его Величества в Вест-Индии»*. Согласно каперской грамоте Морган должен был выйти в море и обезопасить побережье Ямайки от испанского вторжения; ему разрешалось захватывать и топить все вражеские суда, находящиеся в пределах досягаемости, уничтожать склады и запасы военного снаряжения и провианта, высаживать на вражескую территорию столько людей, сколько он посчитает необходимым, и действовать в соответствии с обстановкой. Распоряжения губернатора заканчивались характерным пассажем: *«Так как вознаграждения, чтобы подбадривать флот, не будет выплачиваться, то они (участники похода. — Д. К.) могут захватывать все товары и имущество в течение этой экспедиции и делить между собой по своим законам»*.

14 августа 1670 года флотилия Моргана вышла из Порт-Ройяла и встала на якорь у острова Ла Вака, назначенного для встречи всех желающих присоединиться к экспедиции, цель которой хранилась в тайне. Узнав о призыве Моргана, к острову потянулись

флибустьеры. Не осталась в стороне и Тортуга: *«Капитаны пиратских судов изъявили желание выйти в море и взять на борт столько людей, сколько суда могли вместить. Однако не все могли разместиться на кораблях и многие пошли на каноэ вдоль берега»*, — вспоминал Эксквемелин.

Сбор судов затянулся, к тому же обнаружилось проблемы с продовольствием, и, вдобавок налетевший шторм повредил несколько кораблей — им был необходим срочный ремонт. Когда флотилия Моргана (36 судов, 1846 человек) вышла в море, уже заканчивалась осень.

Экспедиция Моргана 1670 — 1671 годов в Панаму стала самой крупной пиратско-приватирской акцией, осуществленной в Испанском Мейне. Флотилия Моргана, в соответствии с традициями военных флотов, была разделена на две эскадры — «красного» и «белого» флагов; над флагманом взвился государственный стяг Англии. Лишь одно обстоятельство портило дело — флибустьерский главарь уже 5 месяцев как находился вне закона, так как 8 июля 1670 года в Мадриде был подписан мирный договор между Испанией и Англией и военные действия прекратились. Посланец Модифорда, отправленный предупредить Моргана об этом, не успел вовремя добраться до эскадры — впрочем, возможно, ему было приказано не торопиться, а может быть, пиратский адмирал и сам знал о заключении мира, но решил действовать на свой страх и риск?

Через несколько дней после выхода в море экспедиция добралась до острова Санта-Каталина и при курьезных обстоятельствах захватила крепость — стрельба, которую вели участники «сражения» за остров, представила собой настоящую бутафорию, так как губернатор при появлении флота решил капитулировать, но попросил флибустьеров пострелять для создания видимости крупного сражения. Холостая канонада продолжалась целый день, гарнизон капитулировал, потерь обе стороны не понесли.

Дальнейшие события разворачивались стремительно. Авангардный отряд Моргана подошел к устью реки Чагрес, с ходу захватил расположенную здесь крепость Сан-Лоренсо, уничтожив 300 солдат испанского гарнизона. Основные силы Моргана, 1400 человек, двинулись на баркасах, шлюпках и пирогах по Чагресу, углубившись в совершенно гиблые места. Чаши непроходимой сельвы, страшные болотные испарения, пронизанные миазмами, бурные пороги, ядовитые змеи, враждебные индейцы с отравленными стрелами, голод, изнуряющая дневная жара и леденящий ночной холод, бесконечные стычки с испанскими засадами — вот что ожидало пиратов на пути к золотой Панаме. Наконец 17 января 1671 года Морган добрался до города. Утром следующего дня последовал победный штурм, а затем произошла ожесточенная уличная схватка. Панама пала. Несколько недель бесчинствовали пираты в горящей столице. Пожар переки-

Зверства Моргана в Панаме

дывался от дома к дому, уничтожая складские помещения, церкви, магазины и прочие строения; на улицах правил бал сам Сатана. Безобразный дебош, дикие бесчинства, неумная свирепая жестокость и нечеловеческие истязания людей в обстановке совершенного хаоса и погрома — таким запечатлелось в памяти современников пре-

Зверства Моргана в Панаме. Гравюры XVII в.

бывание Моргана в Панаме. Беспорядок дошел до такой степени, что пираты даже упустили из своих рук богатый галеон, набитый драгоценностями, церковной утварью, на котором спаслись жены и дети наиболее влиятельных людей Панамы. В феврале флибустьеры вернулись в Сан-Лоренсо, где разделили захваченную добычу. Ко-

гда подсчеты были окончены и рядовые участники получили свои доли, оказалось, что сумма каждого составила лишь 200 пиастров. Возмущенные разбойники открыто заявили Моргану об обмане; среди флибустьеров главаря стали называть вором. Столкнувшись с угрозой бунта, «адмирал» пообещал разобраться в происшедшем. В тот же вечер он поднялся на борт флагманского судна, с наступлением темноты поднял якорь и вышел в открытое море. Вслед за ним последовало еще три судна. Через короткое время Морган пришел в Порт-Ройял. Пиратов же, брошенных в Сан-Лоренсо на произвол своим «адмиралом», ожидали различные судьбы. Часть флибустьеров, пришедших с Тортуги, решила рассчитаться с вероломным «адмиралом» и бросилась в погоню, но догнать Моргана не смогла. Другие разбрелись по побережью, ушли на самостоятельный промысел или вернулись в родные гавани.

Морган вернулся на Ямайку триумфатором. Но не прошло и нескольких месяцев, как все изменилось — губернатор Модифорд был арестован, посажен на торговое судно, перевезен в Англию и заключен в Тауэр. Ему было предъявлено обвинение в пособничестве и организации пиратства, и теперь правитель готовился дать отчет королевскому суду о своих действиях против испанцев. Весной 1672 года настала очередь и Генри Моргана предстать перед правосудием. На борту фрегата «Уелком» («Добро пожаловать») его доставили в Лондон. Началось следствие.

Дело Моргана вызвало широкий резонанс. Многие англичане видели в пирате национального героя, а грабеж испанцев, тем более с каперским свидетельством, расценивали как благородное дело. Вспоминали, как в угоду дипломатическим выгодам от союза Англии с Испанией взошел на плаху сэр Уолтер Рэли. Морган же, в свою очередь, щедро разбрасывал деньги и не жалел подарков нужным людям. Кончилось тем, что король Карл II дал пирату аудиенцию в Виндзорском дворце и милостиво говорил с ним. Морган был облечен монаршим доверием. Осенью 1674 года новый кумир Англии был назначен наместником провинции на Ямайке и возведен в рыцарское достоинство. В декабре того же года сэр Генри покинул Англию, вернулся в Порт-Ройял и приступил к исполнению своих служебных обязанностей. Нечего и говорить, что с таким послужным списком, который имел новоиспеченный рыцарь-пират, его деятельность на административном поприще шла от скандала к скандалу. Начать с того, что пиратский «адмирал» объявил амнистию всем морским разбойникам, а когда истек срок, отпущенный бандитам на возвращение к мирной жизни, приступил к репрессиям против бывших товарищей. *«Я намерен, — писал Морган, — предать смерти, бросить в узилище либо выдать испанским властям всех пиратов, которых мне удастся задержать».* И пошли в Англию корабли с закованными в кандалы пиратами —

Морган, став важным чиновником, принялся рьяно выполнять свой долг: лондонские виселицы с телами повешенных флибустьеров он рассматривал теперь как необходимую ступеньку карьеры. *«Я испытываю отвращение к кровопролитию, — лицемерно заявлял экс-пират, словно забыв о своих кровавых злодеяниях, — и меня очень огорчает, что за короткий срок управления колонией я так часто был вынужден приговаривать преступников к смерти».* Впрочем, старый пират осознавал тот факт, что справиться с морскими разбойниками невозможно, и предупреждал правительство, что *«вырвать с корнем буканьерство будет не легче, чем ликвидировать грабителей на королевских дорогах Англии».*

Деятельность Моргана была далеко не похвальна. Он преследовал пиратов и одновременно вел с ними какие-то темные дела; он интриговал против своих коллег на Ямайке и писал бесконечные жалобы и доносы в Лондон; он погряз во взятках и попустительствовал беззаконию. Разнузданная жизнь сэра Генри и его брата капитана Чарлза, наполненная пьяными оргиями и возмутительными похождениями, приводила в смятение жителей Ямайки. В октябре 1683 года Моргана отстранили от занимаемой должности, но в июле 1688 года он восстановил свое положение. Однако жить ему оставалось уже недолго. Образ жизни давал себя знать — сердечные приступы, туберкулез, алкоголизм и цирроз печени свели пирата в могилу. 25 августа 1688 года он скончался и был похоронен на кладбище Палисейд в Порт-Ройяле. Власти хотели перевезти его останки в Англию и с почестями перезахоронить, но страшное землетрясение 1692 года затопило кладбище, и гроб с телом сэра Генри Моргана исчез в морской пучине.

Буканьер-географ

Уильям Дампир. Имя этого человека в пиратских кругах вряд ли пользовалось большой известностью, и авторитет его среди подобных «искателей приключений» был весьма шаток. Обычный авантюрист, не снискавший лавров на ниве разбойного промысла.

Известность пришла к Дампиру на закате разбойной карьеры и поставила его имя по значимости в один ряд с «королем пиратов» Генри Морганом и историком пиратства Эксквемелином. Имя «знаменитого Капитана Дампира» и «грозного Капитана Дампира», по свидетельству Вудса Роджерса, вызывало страх у испанцев во всей Вест-Индии. Что стало причиной этого?

Удивительная, полная приключений биография Дампира, необычные для ординарного бандита результаты плаваний послужили основанием для того, чтобы в серьезных научных трудах и энциклопедиях называть его мореплавателем исследователем-гидрографом.

путешественником, ученым, торговцем. Его биография — замечательное свидетельство того, как талантливый и энергичный человек может занять свое место в истории.

«С малых лет огромное желание посмотреть мир»

Уильям Дампир — сын своей эпохи, эпохи великих исследований и научных открытий, эпохи романтической, полной приключений и неожиданных поворотов человеческих судеб, эпохи жестокого пиратства и буканьерства. Детство и юношеские годы Дампира типичны и своей заурядностью не отличаются от жизни многих и многих сотен англичан — выходцев из бедных семей, полных желания устроить свою судьбу и уверенных, что фортуна ждет их в далеких южных морях, в неизведанных землях.

Он родился, по-видимому, во второй половине 1652 года в семье мелкого фермера в захолустном местечке Ист-Кокер около Йовила (Сомерсетшир). Родители думали сделать из мальчика торговца, но ранняя смерть отца (1662) и последовавшая затем потеря матери (1668) лишили Уильяма надежды на получение образования. Впрочем, оставшись сиротой, он успел научиться письму, латыни и арифметике. Счастливый случай помог Дампиру устроиться в обучение к капитану торгового судна, на котором он и совершил первое плавание из Уэймута во Францию, а затем к Ньюфаундленду. Навигация в здешних широтах не привела в восторг начинающего моряка — позже он признавался, что *«дрожал от холода в этом суровом климате»*. Поэтому, когда после возвращения в Лондон ему представилась возможность отправиться в южные моря, молодой человек не упустил свой шанс и на борту торгового судна отплыл в Бантам (о. Ява).

В 1672 году он возвратился на родину в Ист-Кокер, но ненадолго — размеренное однообразие фермерских будней тяготило юного искателя приключений. Как раз началась война с Голландией (III англо-голландская война 1672 — 1674 гг.), и Дампир завербовался в военно-морской флот. Он попал на флагманский корабль «Ройял Принс» адмирала сэра Эдуарда Спрэйджа и участвовал в Схоневельдских и Тексельском сражениях. В последнем (21 августа 1773 г.) английский флот потерпел поражение, сэр Эдуард утонул, а Дампиру посчастливилось спастись — он попал в госпиталь и после лечения вернулся в Ист-Кокер. «Продолжая чахнуть», он жил в этой глуши, когда сосед, полковник Хильбер, владелец сахарных плантаций на Ямайке, предложил ему отправиться туда торговым агентом. Юноша недолго размышлял. В июне 1674 года он уже высадился на острове — Вест-Индская одиссея началась.

Жизнь на плантации у Дампира не сложилась и, проработав у

Уильям Дампир

полковника Хильера полгода, он бросил это занятие и поступил на торговое судно, совершающее рейсы вдоль побережья Ямайки. Следующие три года (1675 — 1678) Дампир провел в заливе Кампече, где в компании англичан занимался рубкой и погрузкой кампешевого дерева, успев в перерыве принять участие в безуспешном приватирском рейде вдоль залива к Веракрусу, затем опять заготавливал древесину, пока наконец не вернулся на Ямайку, а оттуда в Лондон (август 1678 г.).

В Англии Дампир прожил полгода, успел жениться на некой Юдит, приходящейся родственницей герцогу Графтону (в честь

которого он впоследствии назовет один из открытых островов). Детей у него, по-видимому, не было, впрочем, все сведения о семейной жизни Дампира на этом исчерпываются.

Первое кругосветное плавание (1679 — 1691)

Панамские рейды (1679 — 1681)

В 1679 году Дампир на корабле «Лойял Мерчент» покинул Англию и отправился на Ямайку. По-видимому, его первоначальные намерения были вполне мирными — он собирался подзаработать денег и купить небольшое имение в Дорсетшире, рядом с родным селением. Однако обстоятельства сложились иначе. Его знакомый, некто господин Хобби, предложил Дампиру отправиться на «Лойял Мерченте» к Москитовому берегу и быть переводчиком при закупке леса. По пути корабль зашел набрать воды в бухту Негрил-Бэй (западное побережье Ямайки), где оказалось множество буканьеров под командованием бывших сподвижников Генри Моргана: Джона Коксона, Соукинса, Бартоломео Шарпа и Харриса, скрывающихся в этой уединенной бухте от своего бывшего «коллеги» и готовящихся к нападению на панамское побережье. Когда команда «Лойял Мерчента» узнала о планах пиратов, *«все люди Хобби бросили его и перешли к ним»*, да и сам Дампир, подумав несколько дней, *«склонился к мысли, что будет лучше всего отправиться вместе с ними»*.

С этой истории и начинается знаменитый дневник Дампира «Новое путешествие вокруг света», публикация которого превратила рядового буканьера во всемирно известного авантюриста, географа и путешественника.

Пираты, общей численностью 477 человек, на девяти судах (из них 2 французских) двинулись на Портобело. Город был без труда захвачен и, хотя за 11 лет до этого сам Морган побывал здесь, добыча составила по 40 фунтов на каждого участника. Буканьеры решили продолжить экспедицию, с помощью дружественных индейцев пересечь Панамский перешеек и разграбить город Санта-Мария. Однако силы разделились: французы (два корабля, 111 человек) были настроены против длинного сухопутного пути и отказались двинуться в глубь материка; два капитана «с частью людей» были оставлены на побережье, чтобы *«сохранить в наше отсутствие корабли, на которых мы могли бы вернуться домой»*. Главные силы — 331 человек, разделившиеся на семь отрядов, десять дней продирались сквозь джунгли и болота перешейка, с ходу захватили Санта-Марию, но никаких сокровищ не нашли — испанцы, вовремя извещенные о приближении пиратов, успели вывезти все ценное в окрестности города.

Впрочем, неудача не остановила буканьеров: они вознамерились атаковать Панаму, однако недостаток сил и разногласия руководителей сделали невозможным задуманное предприятие.

Яростная морская битва с испанцами на рейде Панамы закончилась их победой, но капитан Харрис погиб, и сил для штурма города было недостаточно — пираты отступили.

Братство преследовала полоса неудач. В блужданиях по Панамскому заливу им время от времени, правда, везло, и тогда буканьеры захватывали испанские суда (как, например, 400-тонный испанский барк «Сантиссима Тринидат», переименованный в «Тринити»), но в целом положение складывалось угрожающее: силы пиратов таяли в столкновениях с испанцами, распри главарей вызвали уход в Карибское море главнокомандующего Коксона и 70 буканьеров, провалилась попытка захвата города Пуэбло-Нуэва (при этом погиб новый главнокомандующий капитан Соукинс), выбором нового руководителя Шарпа были недовольны 63 человека из отряда Соукинса, и, отказавшись подчиняться новоиспеченному командующему, они также покинули основные силы.

Дампир остался с Шарпом. Со страниц его дневника предстает картина тотального невезения и сплошных провалов, сопровождавших деятельность нового командующего. Захватив испанский барк в бухте Гуаякиля, пираты предприняли неудачную попытку разграбления Арики на перуанском побережье, а затем напали на городок Ла-Сирена, где, по расчетам Шарпа, должно было быть много золота. Однако в этом симпатичном поселении, аккуратные дома которого были окружены фруктовыми садами, они нашли только урожай земляники, *«огромной, размером с грецкий орех, и совершенно восхитительной на вкус»*, как рассказал другой участник похода, Базиль Рингроуз. Буканьеры съели урожай, а от испанцев, бросивших свой город, потребовали выкуп в 95 тыс. монет, но когда те не пожелали платить, сожгли городок дотла.

К Рождеству буканьеры обосновались на острове Хуан-Фернандес у чилийского побережья. Вновь возникли разногласия — недовольные пираты сместили Шарпа, надели на него наручники и бросили в трюм. Главнокомандующим был избран Джон Уотлинг. В январе 1681 года братство отплыло с острова, причем в спешке и суматохе разбойники оставили на пустынном берегу индейца Уильяма, с которым мы еще встретимся в нашем рассказе. Буканьеры направились к Арике, но вновь потерпели неудачу и с большими потерями были отброшены от города, причем при штурме погиб Уотлинг и два квартирмейстера. Шарпа снова избрали главнокомандующим, что вызвало очередную волну разногласий и раскол. Дело в том, что большинство на «Тринити» поддержало план Шарпа обогнуть Южную Америку у мыса Горн, а меньшинство пиратов во главе с Джоном Куком (44 человека), несогласные с этим *«неправильным выбором»*, в апреле 1681 года покинули основные силы и на трех лодках отправились к Панамскому перешейку. С этого момента Дампир, ушедший с отделившимися, начал делать регулярные записи в днев-

нике: журнал он прятал в трость — толстый ствол бамбука, залепленный с обеих сторон воском.

Переход через Панамский перешеек занял 23 изнурительных дня, пока, наконец, измученные буканьеры не выбрались на Атлантическое побережье в районе Санд-Кей. 24 мая они обнаружили в бухте французское пиратское судно под командой капитана Тристьяна и присоединились к его команде. На каждого из участников Панамского рейда оставалось по полдоллара — все богатство, нажитое во время экспедиции.

В Карибском море

У Атлантического побережья Панама, помимо капитана Тристьяна, плавало еще несколько буканьерских судов, команды которых составляли: английские экипажи капитанов Коксена (10 пуш., 100 чел.), Пейна (10 пуш., 100 чел.), Райта (4 пуш., 40 чел.), Уильямса, совместный англо-голландско-французский экипаж капитана Янки (4 пуш., 60 чел.) и французские экипажи Аршамбо (8 пуш., 40 чел.), Тюкера (6 пуш., 70 чел.) и Роуза.

Дампир недолгое время плавал с Тристьяном, затем с Аршамбо, но вскоре ему *«надоело жить с французами»*, и он сумел, добившись расположения капитана Райта, попасть к нему на судно. Впрочем, плавание с Райтом в финансовом отношении было неудачным: монотонное блуждание вдоль Москитового берега и среди Малых Антильских островов ни к чему не приводило — торговых судов почти не попадалось. Однако будничность не мешала Дампиру продолжать вести дневник. Вот одна из любопытных записей, сделанных в районе островов Авес, на рифах которых в 1678 году разбилась французская эскадра вице-адмирала Жана д'Эстре: *«Мы пошли к островам Рокас для кренгования приза с грузом сахара, так как остров Авес для этого совершенно не подходит. Когда же мы наконец притащились к одному из маленьких островков, то первым делом вытащили пушки на берег, возвели на вершине горы наносной бруствер и установили здесь все пушки, чтобы помешать прийти врагу, когда мы будем на креновании. Затем мы построили дом, накрыли его парусами и спрятали в нем все наше добро и провизию...»* Дампир не терял времени: он наблюдал за происходившим вокруг, изучал места, где проплывал, отмечал примечательные особенности и заносил все в дневник. Однако бессмысленность плавания с Райтом тяготила его. Наконец в районе Каракаса представился подходящий случай. и с двадцатью другими буканьерами он оставил корабль Райта, и на небольшом судне «береговые братья» поплыли к Виргинии. Здесь Дампир устроился на табачную плантацию.

Капитан Кук

Однако прошло менее года, и Дампир вновь вышел в море. В апреле 1683 года в Виргинию пришло судно «Ревендж» («Месть»).

которым командовал старый знакомец Дампира капитан Кук. Он собирался отправиться к побережьям Чили и Перу, и Дампир решил отплыть вместе с ним. В августе 1683 года «Ревендж» вышел в море. Начался новый этап в жизни Дампира.

Первым делом буканьеры решили обзавестись новым судном и пошли к берегам Африки. У побережья Сьерра-Леоне они захватили 36-пушечное голландское торговое судно, переименовали его в «Бечелос Делайт» («Услада холостяка»)¹, пересекли на нем Атлантику, обогнули мыс Горн, вошли в Тихий океан и двинулись вдоль чилийского побережья.

В марте 1684 года «Бечелос Делайт» встретился с приватирским судном «Николас» под командой капитана Итона, и оба судна направились к острову Хуан-Фернандес. Здесь их подстерегала неожиданная встреча. Когда корабли подошли к острову, они увидели дым; опущенная шлюпка приблизилась к берегу, и ошеломленные буканьеры увидели человека в звериных шкурах с копьем в руке. Изумлению англичан не было предела, когда человек прокричал им по-английски приветствие. Все разъяснилось с подходом второй шлюпки, в которой находился Дампир, — он узнал в островитянине индейца Уильяма, оставленного когда-то на острове.

«Индеец прожил здесь в одиночестве около трех лет, и хотя его несколько раз разыскивали испанцы, которые знали, что он остался на острове, отыскать его им не удалось. Он был в лесу и охотился на коз, когда капитан Уотаинг вывел оттуда своих людей — корабль был уже под парусами, прежде чем он вернулся на берег. У него оставалось лишь ружье и нож, маленький рожок с порохом и несколько пуль, запас которых в конце концов иссяк, но он исхитрился вырезать ножом из ствола своего ружья маленькие кусочки и сделать из них рыболовные крючки, гарпуны, наконечники для копий и длинный нож. Для этого он нагревал кусочки сначала на огне, который высекал ударами ружейного кремня о кусок ствола ружья, а потом закаливал, научившись такому способу у англичан. Раскаленные кусочки железа он расплющивал и разгибал камнями, придавая им нужную форму; пилил их зазубренным ножом или же долго и кропотливо оттачивал и закаливал при наивозможно высокой температуре... Он рассказал нам, что до того, как он сделал крючки, ему пришлось заставить себя есть мясо тюленей, весьма заурядное на вкус. Потом же он никогда не убивал тюленей, кроме тех случаев, когда нужно было сделать лески, разрезая их шкуры на ремни. Он жил в полумиле от моря в маленьком доме, скорее даже лачуге, обитой изнутри козьими шкурами; его лежанкой служила груда тростника, наваленная в два фута высотой. — она составляла все его постельные принадлежности... Он увидел наш корабль за день перед тем, как мы встали на якорь, и, полагая, что мы

¹Этот эпизод Дампир в своем дневнике опускает.

англичане, убил утром трех коз и изжарил их с капустой, чтобы угостить нас, когда мы сойдем на берег...»

Две недели корабли простояли у острова, команды пополнили запасы воды и продовольствия. 8 апреля они подняли якоря и направились к перуанскому побережью. Испанские власти были уже извещены о появлении в тихоокеанских водах непрошенных гостей, но, по-видимому, не рассчитывали на оперативность противника — и просчитались. В начале мая, захватив в океане испанское судно с древесиной, буканьеры пришли на остров Лобос дела Мар.

«Здесь мы очистили корабли и, подготовившись к плаванию, допросили пленных, чтобы узнать, есть ли среди них человек, способный провести нас к какому-нибудь подходящему для захвата городу — ведь незадолго до этого они сообщили, что испанцы извещены о нашем появлении и, пока мы здесь, они не будут перевозить по морю никаких богатств. Из городов обсудили Гуаянинь, Зану, Трухильо и другие. В конце концов остановились на Трухильо, как на самом многообещающем... Долгого обсуждения не было, поскольку мы знали, что это очень населенный город. Однако величайшая трудность заключалась в высадке на берег, так как ближайший порт, Гуанчако, находился в шести милях, а место там было такое скверное, что иногда даже местные рыбаки не могли причалить три или четыре дня.

Невзирая на это, 17 мая после полудня люди с обоих судов собрались и проголосовали за нападение. Всего насчитывалось 108 человек, годных для дела, кроме больных. И на следующий день мы намеревались отплыть, прихватив призовое судно с собой. Однако на следующий день один из наших людей, оказавшись своевременен на берегу, увидел три судна, направлявшихся к северу, — два из них проходили с западной части острова, а третье шло между островом и континентом.

Мы тотчас подняли якоря и погнались за ними; капитан Итон... бросился за теми двумя, которые шли в открытом море. Мы на корабле капитана Кука преследовали того, который направлялся к континенту; быстро настигли его, захватили и пошли с ним обратно к острову, так как увидели, что капитану Итону, захватившему оба преследуемых судна, помощь не нужна. Он пришел с одним из призов — другой же был так глубоко под ветром, что его не удалось привести, но он надеялся сделать это на следующий день...

...Суда, которые мы взяли... шли из Гуанчако, все три с мукой, и направлялись в Панаму. Два из них еле передвигались, до такой степени их загрузили, третье же было наполнено лишь наполовину, но вице-король Лимы приказал ему плыть с остальными или же оно должно было отказаться от плавания до тех пор, пока мы не покинем здешние воды. Он понадеялся, что если суда выйдут раньше, то смогут ускользнуть от нас. На самом большом судне было письмо от вице-короля Лимы губернатору Панамамы — он преду-

прежде, что в море появились враги, и поэтому отправляет три судна с мукой, которых они, может быть, еще и не ждут (Панама снабжалась из Перу), и требует ее бережливо расходовать, поскольку де неизвестно, когда он сможет послать еще. На этом корабле было также семь или восемь больших бочек джема из айвы, величавый мул для губернатора и очень большая деревянная статуя девы Марии, вырезанная и расписанная, чтобы украсить новую церковь в Панаме и посланная из Лимы вице-королем».

Несмотря на столь удачный дебют, буканьерам пришлось откорректировать планы: причиной тому была информация, полученная от испанских пленных. Они «сообщили, что жители Трухильо возводят на побережье в Гуанчако форт, чтобы помешать любым намерениям произвести здесь высадку. Получив такие сведения, мы... проголосовали идти с тремя призами к Галапагосским островам...»

Капитан Дэвис

До конца года «Бечелос Делайт» крейсировал у перуанского и панамского побережья и захватил несколько небольших торговых судов. За это время произошли перемены: капитан Кук умер, и буканьеры выбрали капитаном Эдварда Дэвиса, ранее бывшего квартирмейстером; отделилась и ушла в океан группа капитана Итона на «Николасе»¹, но в октябре у острова Плата к пиратам присоединилось судно «Сигнит» («Лебеденок»)².

Между тем обстановка накалялась — допрошенный командир захваченного в заливе Гуаякиль испанского судна с древесиной показал, что вице-король Перу снарядил в Лиме десять кораблей, чтобы «вышвырнуть нас из этих морей».

В начале 1685 года пиратские корабли стояли в Панамском заливе. Неиссякаемые богатства района, как магнит, привлекали авантюристов всех мастей. Уже несколько месяцев разбросанные шайки флибустьеров, не сговариваясь, подтягивались именно сюда и сторожили флот с серебром, идущий из Перу в Панаму. Весной 1685

¹ По-видимому, Итон стал первым пиратским вожаком, которому удалось пересечь Тихий океан. В марте 1685 г. он подошел к острову Гуам, а затем предпринял охоту за манильским галионом, закончившуюся неудачей. В начале 1686 г. в водах Тимора пираты поссорились, и часть их отделилась от Итона и вернулась на голландском судне в Англию. О дальнейшей судьбе Итона неизвестно.

² История «Сигнита» весьма показательна: английское торговое судно, оно было предназначено для ведения легальных торговых операций с испанцами, и его командир, капитан Сван, казалось, вовсе и не помышлял о пиратстве. Но испанцы, нагуганные грабежами Кука и Итона, отказывались вести дела со Сваном; когда же на случайной стоянке у Никои его люди познакомились с пиратами капитана Питера Харриса (племянника капитана, убитого под Панамой), то, соблазненные богатыми перспективами грабежа, переметнулись на сторону буканьеров. Перед Сваном стояла дилемма — либо оказаться брошенным одному на испанском берегу, либо присоединиться к пиратам, что он и сделал.

года на островах к востоку от Панама собралось внушительное англо-франко-голландское разбойное сообщество: английские экипажи Дэвиса, Свана, Харриса и Таунли; французы под предводительством Гронье, Лекюйе и Лесажа. С такими силами можно было попытаться счастья в захвате Панама. Но все сложилось иначе.

28 мая флибустьеры увидели подходящую испанскую карательную эскадру. *«Шесть кораблей были судами, хорошо вооруженными: на правом, адмиральском, 48 пушек, 450 человек; на вице-адмиральском 40 пушек, 400 человек; на контр-адмиральском 36 пушек, 360 человек; кроме того: 24-пушечное судно и 300 человек; 18-пушечное и 250 человек; 8-пушечное и 200 человек; два больших брандера: шесть судов с малым вооружением, на которых в общей сложности было 800 человек... Наш флот, — продолжает Дампир, — состоял из десяти судов — 36-пушечное судно капитана Дэвиса, 156 человек (большинство англичан), 16-пушечный корабль капитана Свана и 140 человек (все англичане). Это были единственные корабли, способные сражаться: на остальных не было никакого оружия, кроме стрелкового. Капитан Таунли насчитывал 110 человек (все англичане). Капитан Гронье имел 308 человек (все французы). У капитана Харриса — 110 человек (большинство англичане). Под командой капитана Брэдли было 36 человек (и англичане, и французы), на тендере Дэвиса 8 человек и на тендере Свана 8 человек; на барке Таунли — 80 человек и на маленьком 30-тонном барке, превращенном в брандер, находилась гребная команда. Всего 960 человек».*

Ветер был благоприятен для пиратов, и Дэвис настаивал на немедленной атаке. Но при обсуждении пираты не достигли единства, время было упущено, а к вечеру переменился ветер. Утром *«...мы, увидев, что они (испанцы. — Д. К.) поймали ветер и летят на нас с полными парусами, поспешили удрать».* Суда флибустьеров рассеялись, французы отделились, вся компания распалась. Каждого ждала своя судьба¹.

Английская группа Дэвиса, Свана и Таунли, в составе которой остался и Дампир, выбравшись из Панамского залива, направилась к острову Койба, где встретила ранее пришедшего туда Харриса. Пираты обосновались здесь и начали готовить рейд на мексиканское побережье. Время от времени они устраивали вылазки на прибрежные города, и в одной из них захватили Пуэбло-Нуэву, где за шесть лет до этого погиб Соукинс.

Наконец в середине июля они (640 чел.) отплыли с Койбы. Целью плавания был богатый город Леон (в совр. Никарагуа), нахо-

¹ Гронье, например, вскоре вместе с Таунли разорили Гранаду, после чего они разделились. В апреле 1687 г. Гронье захватил Гуаякиль, но при штурме был смертельно ранен. Таунли же погиб еще раньше, в сентябре 1686 г., в сражении против испанцев в Панамском заливе. Лесаж сумел вернуться на Сан-Доминго.

дившийся в 20 милях от побережья. Любопытно, что при атаке города погиб старый флибустьер, бывший солдат Оливера Кромвеля, участник Ирландской экспедиции. После разграбления и сожжения Леона компания разделилась — Дэвис, Харрис решили вернуться к перуанскому побережью¹. Сван же с Таунли остались у мексиканских берегов.

Перед Дампиром вновь встала проблема выбора — с кем идти на этот раз. Он сделал выбор в пользу Свана *«не из-за какой-либо неприязни к моему старому капитану, а из стремления добыть знания о мексиканском побережье»* (разрядка моя. — Д. К.); к тому же, переговорив со Сваном, он узнал, что в дальнейшем капитан рассчитывает пересечь Тихий океан и плыть в Ост-Индию. *«а этот путь представлял для меня огромный интерес».*

Капитан Сван

Несколько месяцев Сван и Таунли «добывали знания» о побережье и грабили приморские поселки в ожидании филиппинского галиона, который должен был прийти в Акапулько. Однако замысел захвата галиона потерпел крах, и Таунли со своими флибустьерами отправился искать фортуны к перуанскому побережью. Сван же продолжал блуждать вдоль мексиканского берега до тех пор, пока в очередной стычке с испанским отрядом в феврале 1686 года не потерял 50 человек. Пора было прервать цепочку неудач — если не взять добычу на востоке Тихого океана, то где же ее искать, как не на западе.

31 марта 1686 года флибустьеры капитана Свана на двух судах — «Сигнит» Свана (100 чел.) и барк капитана Тита (50 чел.) — отошли от мыса Корриентес (Мексика) и начали переход через Тихий океан.

Это было страшное плавание. 51 день пришлось затратить пиратам, чтобы добраться до острова Гуам. К тому моменту, когда показалась земля, экипаж был доведен до крайности — продовольствия оставалось на три дня, за все плавание пираты не видели в небе ни одной птицы, им не удалось поймать ни одной рыбы — все были убеждены, что уже никогда не ступят на землю. Но жизнь брала свое — позже Дампир узнал о существовании заговора, подготовленного на тот случай, если кончится провизия. Флибустьеры намеревались убить главного виновника своих мучений — капитана Свана и съесть его; вслед за ним той же участи должны были подвергнуться один за другим все причастные к идее плавания, Дампир в том числе, как один из наиболее рьяных ее защитников. Позже он рассказывал: *«Капитан Сван по прибытии на Гуам сказал мне: „Ах, Дампир! Вы*

¹ Дэвис главал некоторое время в Тихом океане, а затем, обогнув мыс Горн, вернулся в Виргинию. Через три года он был арестован по обвинению в пиратстве и отправлен в Лондон, но сумел избежать наказания. Позже он вернулся на Ямайку и был приватиром во время Войны за испанское наследство.

были бы для них отвратительной пищей!" Я был столь же тощий, как мой капитан здоровый и толстый».

В середине июня корабли добрались до Минданао (Филиппинские острова), где встали на стоянку. Вряд ли кто-нибудь мог предположить, что на этом острове англичане проведут полгода.

Сван пришел в восторг от острова: гостеприимный султан, отдохновение от «ратных» подвигов, бесконечные празднества, восхитительные танцы красавиц индонезиек — жизнь была так прекрасна, что воспоминания о доброй старой Англии и утомительных и опасных странствиях по морям померкли перед сладостью восточной жизни. Сван решил остаться на острове и организовать торговую факторию.

Капитан все реже поднимался на борт корабля и в глазах команды терял авторитет, становился жестоким, тираничным; флибустьерам же надоело сидеть на острове и ждать, когда Сван подаст сигнал отправляться за добычей — они решили от него избавиться.

В начале января 1687 года «Сигнит» поднял якорь и ушел в открытое море, оставив Свана и тридцать шесть человек команды на берегу. Капитаном был выбран Джон Рид.

Капитан Рид

«Нашим делом был грабеж», — писал Дампир. Много морей и земель прошли пираты — Миндора, Манила, Сиамский залив, Кантон, Формоза, Целебес, но все складывалось неудачно: пиратам перепали какие-то жалкие крохи (всего лишь два приза). Наконец они добрались до Никобарских островов. К этому времени обстановка на корабле сложилась напряженная, головорезы дрались и беспробудно пьянствовали. Дампир только ждал удобного случая, чтобы ударить. Наконец в мае 1688 года ему удалось договориться с Ридом, и тот позволил Дампиру и еще нескольким матросам сойти на берег. Так завершилась его флибустьерская карьера: богатый морской опыт, компас, методично заполняемый дневник — вот все богатство, добытое незадачливым разбойником¹.

Возвращение

Дампир и его спутники на утлом каноэ вышли с Никобарских островов и отправились в Аче, султанат на севере острова Суматра. В открытом море их застиг страшный шторм, едва не ставший последним «приключением» нашего героя. *«Небо, закрытое темными тучами, было совершенно черным, свирепо задувал ветер, волнение нарастало. Белые ревущие волны пенились вокруг нас, все окутала ночная мгла и не видно было земли, чтобы укрыться; нашу крошеч-*

¹ «Сигнит» крейсеровал некоторое время у побережья Индии, а затем перешел к о. Мадагаскар, где затонул в бухте Св. Августина. Рид, покинувший корабль незадолго до этого, сумел добраться на попутном судне до Нью-Йорка.

ную лодку угрожает поглотить любая волна, и самое страшное, что ни один из нас не подготовлен перейти в мир иной. Прежде я пережил немало ужасных опасностей, о некоторых из которых я уже рассказывал, но наихудшая из них оказалась всего лишь детской игрой в сравнении с этой. Должен признаться, что переживал в этот момент самое настоящее помрачение рассудка. Ни одна из опасностей не приближалась с такой степенной и ужасающей величиемостью. Внезапная перестрелка в сражении, когда кровь закипает и заставляет очертя голову кинуться вперед — это пустое. Здесь же я с тоской ощущал приближение смерти и осознал тщетность надежда ускользнуть от нее, признаюсь, что теперь мужество, которое еще теплилось во мне, исчезло. Тяжелые размышления о прошедшей жизни пронеслись в моей душе, и я с ужасом омерзения оглянулся на свои прошлые поступки, от которых и раньше испытывал стыд».

Путешественники чудом спаслись и через несколько дней в ужасном состоянии добрались до Аче — двое умерли, а истощенный Дампир свалился от малярии и «был так измучен лихорадкой, что имел ничтожные шансы выжить», однако лечение малайского доктора поставило его на ноги.

Экс-флибустьер вновь вышел в море и почти год (июль 1688 — апрель 1689 г.) плавал в тропических морях: побывал в Тонкине, заходил на Малакку, торговал в Мадрасе, пока наконец не оказался в Бенкулу — английской фактории на западном побережье Суматры. Он пробыл здесь пять месяцев в должности главного пушкаря форта, вакантной после смерти его предшественника. Артиллерийская карьера нашего героя завершилась в ту январскую ночь 1691 года, когда он, прихватив пожитки, выбрался через амбразуру форта и удрал из Бенкулу на уходящем в Англию корабле «Дефенс» («Защита»). Обогнув мыс Доброй Надежды и зайдя на остров Св. Елены, корабль в сентябре 1691 года подошел к берегам Англии. Первое кругосветное путешествие незадачливого пирата У. Дампира закончилось — с его начала минуло двенадцать с половиной лет.

Злополучный капитан

Следующие шесть лет о Дампире ничего не слышно: по-видимому, он провел их в торговых плаваниях, в промежутках между которыми готовил свои дневники. Они были изданы в 1697 году под названием «A new voyage round the world» («Новое путешествие вокруг света») и сразу принесли автору широкую известность¹. Автор получил покровительство в высших сферах (не случайно, что книга была посвящена президенту Королевского общества), был принят на государственную службу и неоднократно привлекался как эксперт-кон-

¹Рукопись Дампира хранится в Британском музее.

сультант при рассмотрении различных заморских проектов (напр., в 1697 г. по вопросу об организации поселений английских колонистов на Атлантическом побережье Панамы или в 1698 г. в связи с организацией экспедиции против пиратов в район Мадагаскара).

В 1698 году Дампиру поручили командовать 21-пушечным судном «Роубак» («Косуля»), направляемым в Новую Голландию. Об этом плавании Дампир написал новую книгу — «Путешествие в Новую Голландию». Плавание закончилось полным провалом. Причин тому было несколько — судно изначально плохо подготовлено, команда набрана неопытная и строптивая, а сам Дампир показал себя некомпетентным руководителем, склонным к самоуправству. С первых же дней он вступил в конфликт со своим первым помощником Фишером, закончившийся в конце концов бурной ссорой с рукоприкладством и арестом Фишера. На обратном пути в феврале 1701 года, во время перехода через Атлантику, корабль затонул, но команде на плоту удалось добраться до необитаемого острова, откуда их забрал через несколько дней проходящий торговый флот. По возвращении в Англию Дампир подвергся суровой критике и по обвинению Фишера предстал перед военным судом. Председательствовали на суде знаменитые адмиралы Д. Рук и К. Шовель. Дампир был приговорен к крупному штрафу и был признан *«человеком, непригодным к командованию каким-либо кораблем флота его Королевского величества»*.

В это время уже шла Война за испанское наследство, и группа купцов снарядила два приватирских корабля с *«великим замыслом»* — захватить манильский галион. Одним из них — «Св. Георгом» — было предложено командовать *«знатоку здешних мест»* Дампиру. Так, спустя несколько месяцев после судебного процесса и увольнения со службы, Дампир вновь руководил экспедицией, был представлен первым лордом Адмиралтейства королеве Анне и удостоился чести поцеловать ее руку.

Плавание на «Св. Георге» оказалось еще более неудачным, чем на «Роубаке». Войдя в Панамский залив, Дампир предпринял неудачную попытку захвата Санта-Марии. Затем, по обыкновению команд, находясь в подчинении у Дампира, экипаж его судна раскололся, и часть людей ушла на захваченном испанском судне на самостоятельный промысел, украв при этом королевский патент. Когда же наконец Дампир дождался прихода манильского галиона (декабрь 1704 г.), то еле успел увести судно из-под его убийственного огня. Последовал новый раскол команды, и Дампир остался на протекающем «Св. Георге» с 27 членами команды. Ему удалось захватить испанскую бригадину, названную «Уиндикейшн» («Оправдание»), на которой он перешел Тихий океан. На Молуккских островах экипаж захватили голландцы, а так как каперского свидетельства Дампир не смог предъявить, то всех англичан бросили в тюрьму.

Только в конце 1707 года им удалось вернуться в Англию, где Дампира ждал новый судебный процесс с обвинениями в присвоении им части добычи.

Репутация Дампира как исследователя, законопослушного человека, капитана трешала по всем швам. Он второй раз потерял корабль, и вряд ли кто-нибудь доверил бы ему еще раз командование, но Дампиру вновь повезло. Он вернулся на родину в самый момент подготовки в Бристоле новой приватирской экспедиции в Тихий океан под командованием Вудса Роджерса на кораблях «Дьюк» («Герцог») и «Датчесс» («Герцогиня»). Организаторам были нужны опыт и знания Дампира южных морей, незадачливый же путешественник был не прочь исчезнуть из Англии и, несмотря на преклонный возраст, принял предложение. В списке командного состава записано: *«Уильям Дампир — лоцман Южных морей, плававший туда уже три раза и дважды обошедший вокруг света»*.

Это было последнее и самое удачное кругосветное плавание (1708—1711) Дампира. Оно было отмечено разгромом Гуаякиля, захватом нескольких призов, в том числе манильского галиона (исполнение заветной мечты Дампира) и историей взятия с необитаемого острова шотландского моряка Александра Селкирка, ставшего прообразом героя романа Д. Дефо «Робинзон Крузо»¹.

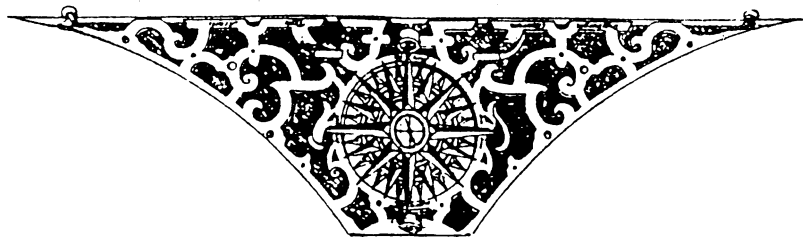
После возвращения в Англию Дампир прожил три с половиной года в Лондоне, где и скончался в марте 1715 года.

«Великий, знаменитый, непобедимый» пират — насколько мало похоже определение, данное Дампиру современниками, на истинный образ этого человека: флибустьера-неудачника, незадачливого руководителя, но первоклассного географа и путешественника. От Дампира-разбойника не осталось ничего, кроме его дневников, а имя Дампира-географа продолжает жить на картах мира² как дань уважения энергии географа-писателя³, таланту исследователя, мужеству мореплавателя.

¹Заметим, что Селкирк, оставленный на острове Дампиром в 1703 г., услышав, что на борту пришедшего судна находится и сам Дампир, долго отказывался «освободиться», не желая встречаться с недоброй памяти капитаном. Второй же герой романа — туземец Пятница — также обязан своему появлению Дампиру. Когда в 1691 г. Дампир вернулся из своего первого кругосветного путешествия, то привез с собой «раскрашенного Принца» — мальчика, островитянина по имени Джоли, с ног до головы покрытого татуировкой. Дампир устраивал показ «Принца» публике, но здоровье туземца не выдержало английского климата, и спустя несколько месяцев он умер.

²В честь Дампира называется п-ов на северо-западе Австралии (Земля Дампира), архипелаг, пролив и острова.

³Кроме ранее названного «Нового путешествия вокруг света», перу Дампира принадлежат «Voyages and Descriptions» (1699), «Voyages to New Holland. In the Year, 1699» (1703 и 1709), «Vindication of His Voyages» (1707).

ГЛАВА 8

В НЕВОЛЕ И НА СВОБОДЕ

За жизнь главаря пиратов нельзя было поставить и ломаного гроша, если ему недоставало хитрости и ловкости. Отчаянной храбростью, свирепостью и кровожадностью вовсе не исчерпывались «таланты» этих людей. Для того чтобы тебе улыбнулась фортуна, требовались пронырливость, изворотливость, развитое чувство самосохранения и, конечно, везение. Разбойники жили под постоянной угрозой расплаты за грехи, и встреча с военным кораблем, в шепы разбивающим пиратское судно, была одной из суровых реалий будничной жизни грабителя. Не проявишь дьявольскую изворотливость, не помогут тебе друзья — и враги, не церемонившиеся с захваченными бандитами, мгновенно избавят мир от твоего присутствия. Ловушки, облавы, плен, эшафот, тюремная камера — от подобных «grimас» судьбы не был застрахован ни один морской разбойник.

Как избежали виселицы «герои» Карибского моря

Бартоломео Португалец, Рок Бразилец и Олоне пользовались жуткой славой. Их судьба — попади они в руки испанцев, — казалось, была предрешена, но фортуна оказалась благосклонной к ним — в последний миг флибустьеры сумели вырваться из холодных объятий смерти. Легенды ходили по Карибам о том, как эти пираты избавились от петли.

Бартоломео Португалец

Бартоломео Португалец

Корабль испанцев, захвативший пиратское судно Бартоломео, «...прибыл в Кампече. На корабль тотчас же поднялись купцы, чтобы выразить благодарность капитану. Они узнали пирата, сеявшего ужас на всем побережье своими убийствами и пожарами. На другой день на борт корабля поднялся судья и попросил капитана отдать ему пирата. Капитан не отказался. Но ни у кого не хватило смелости отправить предводителя пиратов в город. Испанцы боялись, что он убежит, как уже не раз случалось, и оставили его на борту, чтобы на следующий же день соорудить на берегу виселицу и повесить его. Пират хорошо понимал по-испански и о своей участи узнал, подслушав, о чем говорят матросы. И он решил во что бы то ни стало спастись. Он взял два сосуда из-под вина и крепко заткнул их пробкой. Ночью же, когда все заснуло, кроме часового, стоявшего рядом и следившего за каждым его движением, он попытался проскользнуть мимо, но это ему не удалось. Тогда он бросился на часового и перерезал ему горло, причем часовой даже не успел издать ни звука. Пират бросился с кувшинами в воду и выбрался на сушу. Затем он спрятался в лесу и провел там три дня. Уж на другой день солдаты с утра высадились на берег, чтобы изловить пирата. Но хитрец следил за ними издали. Когда солдаты вернулись в город, он отправился вдоль берега в местечко Эль-Гольфо-де-Тристе... Добирался он туда целых четырнадцать дней. Это был очень трудный путь, пират страдал от голода и жажды — ведь по проторенной дороге идти ему было нельзя, там его могли схватить испанцы. Четыре дня ему пришлось отсиживаться на деревьях, не спускаясь на землю... Все четыре дня у него не было ни крохи еды, правда, в сосудах была вода. Он обманывал голод, вылавливая мелких рыбок, которые на вкус подобны улиткам. По пути ему пришлось пересечь большую реку, а плавал он очень плохо. Но коли человек попадет в большую беду, то на ум ему приходит такое, до чего никогда бы он не додумался в обычное время. Пират нашел на берегу старую доску, прибитую волнами. В ней осталось несколько гвоздей. Он выбил гвозди камнем и заточил их так, что они стали острыми и хорошо резали. С их помощью он нарезал лыко, связал несколько древесных стволов и сбил таким образом плот, на котором и переправился через реку... Так он добрался до Тристе, где встретил пиратский корабль с Ямайки...»

(Экскевелин. «Пираты Америки».)

Рок Бразилец

«...Ему не повезло — его самого вместе с каноэ и командой захватили испанцы. Он тотчас же был доставлен губернатору, который приказал посадить его в темную камеру на хлеб и на воду. Губернатор охотно повесил бы его без малейшего промедления, но не решался, опасаясь, как бы этот пират, отличавшийся необычно-

венной хитростью, не выкинул какую-нибудь штуку. А Рок сделал так, что губернатору вручили письмо; писал он его сам, но все было сделано так, чтобы убедить губернатора, будто написано оно товарищами узника. Губернатору угрожали и предупреждали его, что если он причинит хоть малейшее зло прославленному Року, то пираты не дадут пощады ни одному испанцу. Получив такое письмо, губернатор, вероятно, сообразил, что вокруг его шеи затягивается петля: ведь разбойник был действительно очень известен. Это был самый знаменитый пират Ямайки, к тому же не раз он совершал набеги на Кампече. Поэтому губернатор решил отправить его с первым же галионом в Испанию, взяв с него клятву, что тот больше никогда не станет разбойничать. На прощание губернатор пригрозил, что, если он попадет снова, его тут же повесят. Пират пробыл в Испании недолго. Все время он искал удобного случая вернуться на Ямайку. Еще на пути в Испанию он раздобыл у рыбаков пятьдесят реалов, купил себе одежду и другие необходимые вещи и вернулся на Ямайку. Прибыв туда, он прославился еще более жестокими грабежами и причинил испанцам множество бед — уж на это он был способен».

(Эксquemелин. «Пираты Америки».)

Олоне

В Кампече был праздник. В церкви отслужили благодарственные молебны, а вечером люди веселились, смеялись и плясали вокруг костров. Радостное известие принесли в город испанские лансеро, охранявшие побережье. Накануне они заметили в море разбитый ненастьем корабль флибустьеров и, дождавшись, когда все уцелевшие выбрались на берег, истребили разбойников. Несколько захваченных бандитов рассказали, что на корабле находился самый страшный пират Вест-Индии — изверг Олоне, который, по-видимому, погиб в стычке. Город радовался избавлению от самого злобного негодяя на побережье. Среди пляшущих был изможденный испанец, весь в бинтах и повязках. Он явно участвовал в стычке с флибустьерами и наравне со всеми теперь торжествовал победу. Если бы знал добродушный трактирщик, наливающий ему чарку вина, и веселая испанка, пустившаяся с ним в пляс, кто был этот бледный «испанец»!

Олоне, попав в ловушку на берегу залива, прекрасно знал, что пощады ему не будет. Увидев, что от испанцев не уйти, он вымазал себе лицо кровью и упал среди трупов, притворившись мертвым. Когда солдаты ушли, пират дополз до леса, обмыл лицо, перевязал раны, надел платье одного из убитых испанцев и отправился в Кампече. Наплясавшись на празднике, устроенном в связи с его предполагаемой смертью, он нашел каких-то негров-рабов и, пообещав предоставить им свободу, подговорил украсть для него

лодку. Ночью, загрузив в нее провизию, Олоне с рабами уплыл из Кампече. На крохотной посудине они обогнули полуостров Юкатан, преодолели коварные течения южного побережья Кубы и, пройдя Наветренным проливом, добрались до Тортуги...

Теперь перенесемся в моря Европы и посмотрим, как складывались отношения с врагами у самого знаменитого европейского корсара француза Жана Бара.

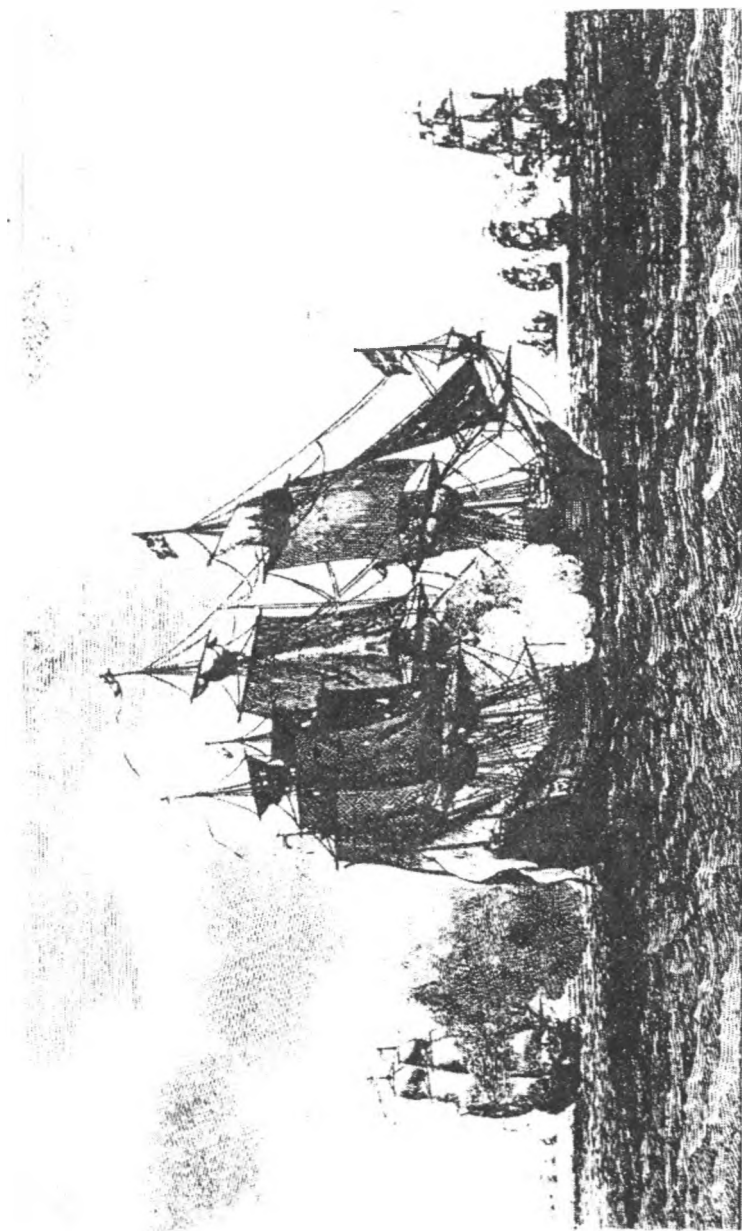
Одиссея Жана Бара

Бар и коварный англичанин

Как-то раз два английских судна вошли в гавань Бергена. Их капитан высадился на берег и направился в местный трактир — место встреч иностранцев. Он искал Жана Бара, корабль которого, как рассказывали, зашел в порт после крейсерства. Найти его было нетрудно — огромный рост, громовой голос, начальственный вид выделяли корсара из пестрой разноязыкой толпы. Разговор был недолог: «Я ишу вас. Надо утрясти кое-какие спорные вопросы», — заявил англичанин. «Ну что же, — отвечал француз, — я к вашим услугам, как только загрузюсь снарядами». — «Буду ждать», — отвечивал капитан. Бар не откладывал в долгий ящик дела подобного рода и вскоре уведомил противника, что готов к встрече. Ответ не замедлил последовать — дуэль кораблей была назначена на следующий день по выходу в открытое море. «Однако, — сказал англичанин, — перед дуэлью, как полагается благородным противникам, неплохо было бы позавтракать вместе». И он пригласил Бара утром на борт своего корабля. Согласие было получено.

В сизом утреннем тумане шлюпка доставила Бара на борт англичанина. Холодная промозглая погода задержала капитанов за столом. Завтрак прошел в напряженной атмосфере. Но выпитая водка согрела их. Время шло. Наконец оба вышли на палубу, и, докуривая трубку, корсар решил, что традиции вежливости соблюдены. «Пора уже заняться делом», — промолвил он и собрался подать сигнал гребцам. Кривая усмешка исказила лицо англичанина, до этого холодно-невозмутимое. «Вы не поняли, капитан. Мы уходим в Англию». Бар грязно выругался и, стряхнув бросившихся на него врагов, подскочил к бочонку с порохом, невесть зачем вытасенному из порохового трюма, и поднес к нему свою трубку. «Свобода, или я поджигаю». Все содрогнулись от ужаса. «Ко мне», — прогремел голос Бара над заливом. Его фрегат стоял неподалеку. Оттуда мгновенно были спущены шлюпки, команда ринулась на abordаж и изрубила экипаж предательского судна, а коварного капитана привезли в Дюнкерк.

Однако и знаменитому Бару пришлось узнать, что такое вражеский плен.

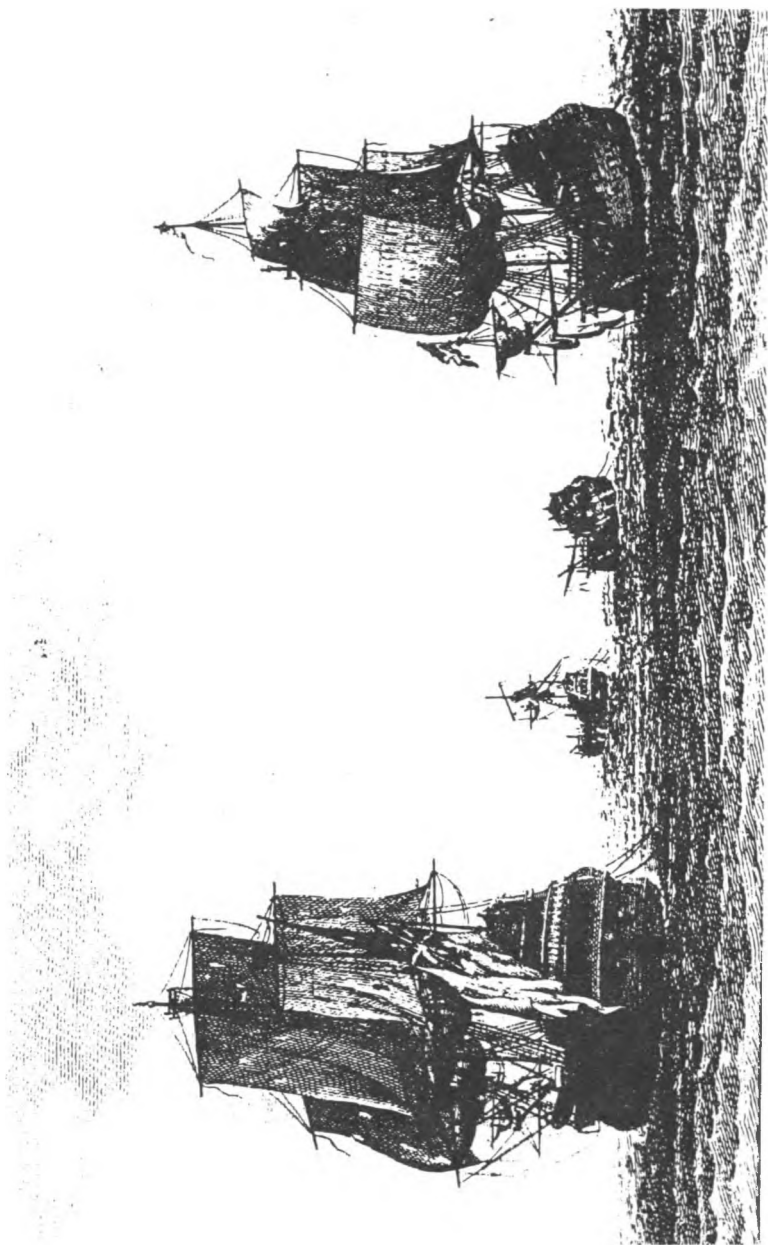
22 мая 1689 года. Жан Бар и де Форбен вступают в бой с английскими фрегатами
Гравюра Лелюа

Бар и де Форбен в плену

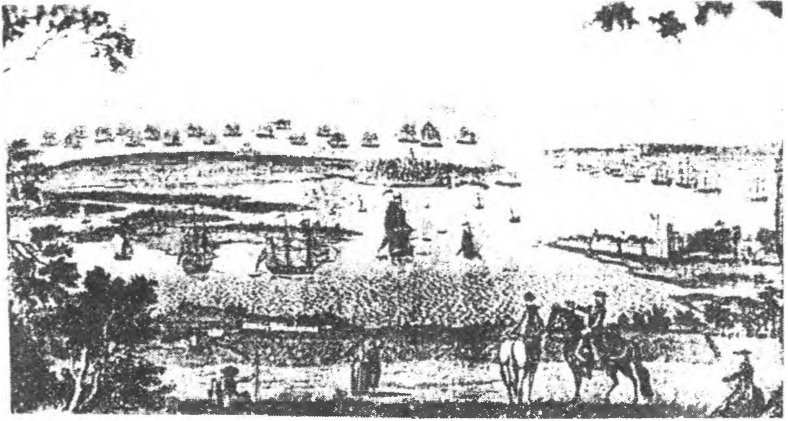
Поздней весной 1689 года на фрегатах «Ле Же» (28 пушек — Ж. Бар) и «Ла Райез» (16 пушек — де Форбен) Бар и де Форбен вели торговый караван (20 судов) из Гавра в Брест. 22 мая им встретились два сильных английских фрегата. Собрав военный совет, корсары выработали план действий. Пока «Ле Же» и «Ла Райез» атакуют 48-пушечный фрегат «Нансач», три вооруженных купеческих судна должны отвлекать на себя второй, 44-пушечный фрегат. Маневрируя, корсары приблизились к противнику и вступили с ним в бой. Внезапно обнаружилось, что торговцы, поймав ветер, уходят с поля битвы, а оставшийся свободным второй английский фрегат спешит на помощь своему напарнику. Французы оказались между двух огней. На палубах началась паника, и матросы бросились было в шлюпы, но капитаны привели команду в чувство, и завязалась отчаянная схватка, заранее обреченная на поражение. Бой длился несколько часов, и к моменту сдачи на французских фрегатах не было ни мачт, ни пороха, большую часть экипажа перебили, а оставшиеся были ранены. Оба командира также пострадали, причем если у Бара ранение в голову оказалось сравнительно легким, то состояние де Форбена, получившего семь ран, было очень тяжелым. Корсары поднялись на борт победителя и увидели, что их встречает... боцман. Оказалось, что все английские офицеры в бою были либо убиты, либо тяжело ранены. Примечательно, что этот боцман Боб Смолт стал впоследствии капитаном 2-го ранга, что в английской морской практике было явлением довольно необычным. Разумеется, пострадавшим английским судам, с бортами, изрешеченными ядрами, и подбитым рангоутом, требовался серьезный ремонт, и о погоне за ушедшим караваном не могло быть и речи.

Р. С. В 1695 году знаменитый корсар Рене Дюге-Труен захватил английский фрегат «Нансач». Войдя в каюту капитана, француз увидел на стене два каперских свидетельства, вставленных в рамку. Они принадлежали Жану Бару и Клоду де Форбену. Дюге-Труен отомстил за своих старших товарищей. Многие во Франции могли теперь вздохнуть с облегчением — честь была восстановлена.

Когда королевский двор получил известие о пленении Бара и де Форбена, Людовик XIV... вздохнул с облегчением. Дело в том, что пришедшие в Брест торговцы ничего не смогли толком рассказать о судьбе корсаров, и обоих считали погибшими. Теперь же можно было предпринять шаги к их освобождению. Король дал указание немедленно предложить для обмена высокопоставленных чиновников английской таможенной службы и голландского капитана. Но хлопоты оказались напрасными, так как пленники уже самостоятельно добыли свободу, хотя англичане и приложили немало усилий, чтобы два столь ценных узника не сумели ускользнуть. Губернатор Плимута со всей ответственностью подошел к их охране. Корсаров размести-

22 мая 1689 года. Конец боя. Гравюра Лелюа

Портсмут
Гравюра XVIII века

1689 г. Жан Бар и де Форбен переплывают Ла Манш
Гравюра Легуа

ли в небольшой гостинице. Толстые решетки на окнах комнаты и неусыпный караул в коридоре, казалось бы, гарантировали надежность заточения. Возможно, так оно и было бы, но в отношении других заключенных. Правда, один из пленников, кавалер де Форбен, был совсем плох после ранений. Впрочем, иногда его состояние улучшалось, и тогда он яростно топал ногами и грубил охране, но истощенный организм не выдерживал подобных вспышек, и слабость брала верх. Ведущую роль в организации побега взял на себя Бар, который сразу развил бурную деятельность. Корсары сумели спрятать деньги, справедливо рассудив, что золото и открытые тюремные двери — вещи взаимосвязанные. И действительно, денежные «вливания» обеспечили заключенным содействие английского хирурга, который благополучно пронес в бинтах напильник, — с его помощью моряки подпилили решетку. Англичане совершили еще одну оплошность — двум юнгам, состоящим при капитанах, застенчивым и скромным ребятам, весьма неосмотрительно разрешили выходить в город. Как-то вечером молодые люди, «бесцельно» фланируя по набережной, «случайно» наткнулись на пьяного моряка, храпевшего в своей лодке. «Кроткие» юноши зарезали пьяницу, труп спрятали на окраине порта, а лодку перевели в заранее подготовленное укромное местечко. Нашелся и четвертый сообщник. Им стал голландский рыбак, заброшенный в Плимут бурей. Он оказался двоюродным братом Жана Бара и загрузил в лодку купленные припасы, компас, весла, продовольствие и воду. Ночью рыбак подкрался к гостинице и бросил камень в окно, подав сигнал к бегству. Аккуратно сняв решетку, корсары спустились по простыням на улицу и добрались до лодки. Большой де Форбен сел за руль, а остальные налегли на весла. В густом тумане сторожевые суда не раз окликали гребцов. Английское произношение Бара было безукоризненным. «Мы рыбаки», — отвечал он, и лодка все дальше удалялась от берега.

Следующие истории перенесут нас в Средиземное море — место действия алжирских корсаров и их великого руководителя Хайрадина.

Как Хайрадин спасал своих людей

В корсарском промысле никто не был застрахован от неудач. Один неудачный бой, и капитан со своего золоченого кресла переходил пленником на деревянную банку гребца. Побег же с галеры был счастливой случайностью, которая редко выпадала невольникам, но у каждого из них, а в особенности у высокопоставленных корсаров, всегда оставалась надежда на то, что покровители и друзья, оставшиеся на свободе, не оставят его в беде. Такие вельможи разбойного промысла, как Хайрадин, не забывали о близких им людях. Нам уже знаком эпизод, когда Хайрадин несколько месяцев пиратствовал в море и набирал денежную сумму

для выкупа своего брата Аруджа из плена. И это был не единственный случай, когда главный корсар Средиземноморья выручал своих людей. Методы использовались разные.

Перемена удачи

Весной 1540 года пятьдесят пять галер генуэзского адмирала Андреа Дориа начали операцию по вылавливанию в Тирренском море пиратского отряда Драгут-раиса. Проведения облавы потребовал сам испанский король Карл V, давший приказ схватить неуловимого корсара. Дерзость Драгута переполнила терпение могущественного монарха.

Поздней осенью 1539 года Драгут-раис не ушел с турецким флотом Хайраддина на зимовку, а решил воспользоваться нетрадиционным для разбоя сезоном и застигнуть врасплох ничего не подозревающих купцов. Риск оказался оправданным и дал хороший урожай захваченных купеческих судов. Действия Драгута вызвали широкий резонанс. Это был настоящий вызов королю, поставивший под сомнение надежность контроля Карла V над средиземноморскими коммуникациями.

Известно, что в большинстве случаев отдать приказ бывает проще, нежели его выполнить. Поймать Драгута было делом невероятно трудным. Корсар отличался быстротой действий и совершенной непредсказуемостью; вычислить место и время его появления было практически невозможно. Результат могли принести только крупномасштабная акция, везение и случайность.

Племянник Дориа Джьянеттино с отрядом из десяти галер получил приказ соединить в Мессине свои силы с командующим галерами Сицилии и отплыть к Сардинии. 31 мая 1540 года эскадра, состоявшая из двадцати одной галеры, снялась с якоря и направилась в экспедицию. Суда методично обшаривали береговую линию, но поиски были безуспешны.

Пока корабли рыскали у Сардинии, Драгут, ни о чем не подозревая, стоял со своим отрядом в маленьком необжитом заливе Джиролато на севере Корсики. Его агентура сработала очень плохо, и корсар не имел никакой информации о карательном рейде. Он чувствовал себя в полной безопасности, а облава между тем уже подбиралась.

15 июня разведывательная группа из одного фрегата и шести галер под командованием Джорджо Дориа вошел в залив Джиролато, где и застала Драгута. Последовал длительный и ожесточенный бой, в результате которого корсарские корабли были захвачены. Только одно разбойничье судно сумело выскользнуть из залива. Сам Драгут был схвачен и стал гребцом на своей собственной галере.

Провел в шиурме четыре года. Корсар с достоинством переносил свое падение, а боль унижения только раздувала жажду мести.

Как-то раз Жан Паризо де Лавалетт¹, будущий магистр Мальтийского ордена, обнаружил среди невольников Драгута. Лавалетт хорошо знал корсара; героев XVI в. сближало чувство взаимного уважения. «Сеньор Драгут, — сказал Лавалетт гребцу, — это обычай войны». — «И перемена удачи», — последовал ответ.

Драгут был выкуплен у генуэзцев в 1543 году. За пленника потребовали 30 тыс. золотых экю и остров Табарку, но Хайрадин ничего не пожалел, чтобы вернуть своего доверенного помощника². Поговаривали даже, что Хайрадин пообещал за освобождение Драгута не нападать на Геную.

В 1566 году турецкий флот осаждал остров Мальта. Шли бои за форт Сент-Эльм. Осадой острова руководил бывший пленник Драгут-раис, а героических защитников вдохновляло непоколебимое мужество седовласого магистра Лавалетта. Это была последняя военная операция Драгута... и звездный час мальтийского рыцаря, отстоявшего крепость.

Хайрадин и Синам

Осенью 1544 года флот Хайрадина возвращался из Тулона в Константинополь и остановился на рейде Генуи. Город, расположенный прямо в открытой морской гавани, предстал перед корсаром во всей своей беззащитности. Опасаясь налета, городские власти сделали попытку откупиться от корсаров, предоставив им съестные припасы и ткани. Удовлетворенный выкупом, Хайрадин двинулся дальше и прибыл к острову Эльба. Местному губернатору было отправлено послание: «Мне известно, что на твоих кораблях находится молодой турок, сын капитана над галерами Синама... Прошу тебя даровать ему... свободу... В случае согласия, обещаю тебе, что ничего не трону в управляемой тобой области. В противном случае... жди всей тяжести моего мщения».

Действия Хайрадина понятны, если вспомнить, что еврей из Смирны, Синам, был одним из его ближайших помощников. Губернатор не поддался на шантаж и ответил, что юноша принял христианство и не собирается возвращаться к своим. Однако, когда разъяренный Хайрадин, высадив войска, начал опустошать прибрежные территории, губернатор поспешил выдать молодого человека, которого сразу же назначили командовать несколькими галерами.

¹ Жан Паризо де Лавалетт (1494 — 1568) — родился в замке Лабро в Гаскони и в двенадцать лет вступил в Мальтийский орден. Участник обороны Родоса (1522). В 1544 г., командуя галерой «Сан Джованни Баттиста», в сражении с корсаром Абдул Рахман Куст Али попал в плен (сам Лавалетт был ранен в бою). Провел на галерах один год, после чего был обменен. Занимал впоследствии немало ответственных постов — управлял Триполи, руководил флотом Ордена, пока 21 августа 1557 г. не был выбран великим магистром Ордена.

² Впрочем, сам Драгут не один раз предлагал генуэзцам выкуп за себя.

Ответственность за судьбу соратников, стремление спасти их от плена — черта, характерная для многих главарей разбойничьего мира. Подчас их забота приводила к решению государственных проблем.

Как Хоукинс спасал своих людей

Приближался сентябрь 1568 года. Эскадра Джона Хоукинса скиталась по Мексиканскому заливу в поисках подходящей бухты для срочного ремонта. Следовало торопиться, корабли, истерзанные штормами, еле держались на плаву. Особенную тревогу вызывало состояние корабля «Иисус из Любека», принадлежавшего самой королеве. Хоукинс готов был на что угодно, лишь бы не возвращаться в Лондон с сообщением о гибели судна... Решение было найдено, когда Хоукинсу попались в море три испанских судна, сообщившие о существовании поблизости от Веракруса в порту Сан-Хуан-де-Улоа (Новая Испания) удобной гавани для ремонта. Правда, со дня на день в ней ожидали прибытия «Золотого флота» с конвоем, но у Хоукинса не было выбора. Он решил рискнуть.

15 сентября английские корабли внезапно вошли в гавань. Хоукинс постарался наладить дружеские контакты с местной администрацией и дал понять властям, что не собирается предпринимать каких-либо враждебных действий, — ему-де нужна только вода, продовольствие, условия и материал для ремонта. Лукавил Хоукинс или нет — неизвестно; однако посланный им отряд расположился на островке при входе в бухту и, установив там орудия, закрыл гавань извне. Вскоре появился «Золотой флот». 17 сентября его первый эшелон во главе с самим вице-королем Новой Испании доном Мартином Энрикесом подошел к входу в гавань и обнаружил в бухте английские корабли. Оборонительные позиции, занятые Хоукинсом, были прочны, и командующий не намеревался допускать испанцев внутрь. Но он понимал, что военный инцидент чреват международными осложнениями. Хоукинс был представителем королевы в здешних водах, а столкновение с испанцами могло выглядеть открытым объявлением войны. Три дня шли переговоры с испанцами, пока, наконец, Хоукинс, полный дурных предчувствий, не согласился впустить их в бухту.

Гавань Сан-хуан-де-Улоа была не самым подходящим местом для стоянки двух враждебных флотов. Очень небольшая по размеру, она с трудом вместила все корабли, которые встали бок о бок, почти соприкасаясь бортами.

Через два дня ночью испанские корабли атаковали англичан. В страшной бойне уцелели лишь два английских корабля, с трудом вырвавшиеся из бухты, — «Юдифь» под командованием Дрейка и «Миньен» («Любимец») во главе с самим Хоукинсом. В январе 1564 года они, раздельно, вернулись в Плимут. Предательство коварно-

го дона Энрикеса английские моряки елизаветинской эпохи не бывали никогда.

В руках испанцев остались моряки Хоукинса. Плимутский работорговец решил их освободить и одновременно отомстить за вероломство, и ему это с лихвой удалось...

В феврале 1570 года лорд-канцлер Уильям Сесил получил письмо от некоего Джорджа Фитцуильямса, одного из моряков Хоукинса, попавшего в плен в бухте Сан-Хуан-де-Улоа. Заключенный в севильскую тюрьму, он спрашивал, собирается ли английское правительство предпринять меры для освобождения своих подданных. К делу был немедленно подключен Хоукинс. Сразу выяснилось, что торговец и ранее не терял времени даром и успел подготовить почву для переговоров с испанцами. Его репутация и наводившие на размышления торговые и личные связи с Испанией весьма способствовали продвижению дела...

В то время правительство переживало весьма сложную ситуацию. В окружении Елизаветы I было известно о подготовке крупного заговора. Впоследствии он получил известность как заговор Ридольфи. В центре его находился итальянский банкир Ридольфи; заговорщики намеревались устранить Елизавету I и возвести на престол Англии шотландскую королеву Марию Стюарт. Одновременно планировалось поднять мятеж католиков в стране и высадить на английское побережье войска герцога Альбы. Однако все эти детали и нити тайных интриг, равно как и действующие лица, оставались неизвестными. Тут-то и всплыла история с моряками Хоукинса — морской разбойник-рабовладелец должен был помочь отыскать разгадку. С одобрения лорд-канцлера Хоукинс вступил в игру.

Торговец, прикинувшись наивным простаком, провел несколько встреч с доном Герау де Спесом, испанским послом в Лондоне, и убедил последнего в своей готовности быть верным католиком и обратиться в лоно истинной веры. Он заставил посла поверить в искренность своих слов. Скоро Фитцуильямса освободили, и он появился в Англии. Хоукинс же получил аудиенцию у Марии Стюарт и, испросив у нее рекомендательное письмо к испанскому королю, начал распылять паутину интриг. В Мадрид для встречи с Филиппом II был отправлен Фитцуильямс (апрель 1571 г.). Короля заверили, что в лице Хоукинса он имеет дело с горячим сторонником интересов католичества, желающим видеть Марию Стюарт на английском престоле. В момент вторжения флота герцога Альбы, он перейдет со своими кораблями на сторону испанцев. За свои услуги Хоукинс просил освободить захваченных матросов. Обманутый Филипп II удовлетворил просьбу мнимого заговорщика, освободил англичан, отправил их на родину, приказав выдать каждому по 10 дукатов. Кроме этого, Хоукинс получил от испанского короля патент на титул испанского гранда, монаршее прошение за деятельность в Вест-Ин-

дии и сумму в 40 тыс. фунтов стерлингов. Обе стороны обговорили детали намеченного вторжения, которые сразу стали известны Сесилу и стали ключом к раскрытию заговора. Конспираторы так и не поняли, кто их предал. Один из заговорщиков, герцог Норфолк, был казнен; другой — Джон Лесли, епископ Росский, посажен в Тауэр, а испанский посол — выслан из страны. Так неудача разбойничьего плавания послужила защите государственных интересов Англии, а Хоукинс отомстил за вероломство.

Отметим, впрочем, одно странное обстоятельство. Ловкий торговец начал игру с испанцами на свой страх и риск задолго до того, как Сесил был введен в курс событий. Вероятно, Хоукинс сумел сохранить известную самостоятельность в переговорах с испанцами. Хитрый работороговец, по-видимому, был так изворотлив, что вел двойную игру и сумел скрыть от лорд-канцлера какие-то только ему известные тайны заговорщиков.

Западня

Мы рассмотрели случаи, когда морские разбойники попадали в плен, став жертвами шторма, проигранного сражения или масштабной военной операции. Но пиратов захватывали и другими путями. Их противники нередко были хитры и коварны, с холодным расчетом плели они сеть западни, в которую попадали незадачливые головорезы, позабыв об осторожности. Как кошка с мышкой, играли с разбойниками эти ловкачи: гостеприимно принимали их у себя, опутывая паутиной лести, — вдруг занавес доверительности падал, доброжелательная улыбка хозяина превращалась в злобную усмешку сурового убийцы или тюремщика. Для пиратов такие метаморфозы заканчивались плачевно. Впрочем, будем справедливы — рисковали обе стороны. Такие «мышки», как пираты, приходили в гости не без задней мысли и были готовы, в случае промаха хозяина, всласть полакомиться «кошкой».

Проиллюстрируем сказанное двумя историями. Одна из них, скорее всего, закончилась благополучно для жертвы. Герой этой истории Джеймс Гиллиам (он же Джеймс Келли, он же Сэмпсон Маршалл) хоть и попал впросак, был слишком виртуозным плутом, чтобы сгинуть навсегда. А вот исход второй истории печальнее — изрешеченный пулями разбойник Дэвис больше не поднялся с земли, оставив этот мир навсегда.

Джеймс Гиллиам

В жизни Джеймса Гиллиама было немало захватывающих и удивительных историй, встреч и приключений. Встречались и неудачи, но такой позорной, как эта, пожалуй, больше и не припомнить. Его корабль остановился у одного индийского города, чтобы пополнить запасы продовольствия и продать что-нибудь из награбленного доб-

ра. Откуда же ему было знать, что какие-то морские бродяги незадолго до его прихода уже почтили город своим присутствием. Возбешенный раджа-губернатор горел желанием свести счеты с молодчиками, и тут ему под руку попался Гиллиам. Пират, не подозревая об опасности, принял приглашение на пир во дворец раджи. Правда, из осторожности он явился, взяв с собой двадцать человек из команды, вооруженных мушкетами. Слово за слово, и гостеприимный раджа доверительно поведал европейцам, что много слышал об их чудесном оружии, но никогда не видел его в действии. Разбойники с готовностью откликнулись на просьбы добродушного хозяина продемонстрировать свое искусство. Во внутреннем дворе установили мишени, и под одобрительные возгласы хозяина и прислуги стрелки разрядили в них свои мушкеты. И тут как раз пригласили к столу. У кого-то мелькнула мысль, что нелишне бы перезарядить оружие, да неудобно задерживать хозяина и срывать церемониал; а что если раджа обидится — ведь столько трудов было положено, чтобы завоевать его доверие.

Не успели пираты расположиться за столом и вкусить поданных роскошных блюд, как вдруг распахнулись двери покоев, и в зал ворвалась толпа охранников, вооруженных до зубов. Ошеломленные пираты не оказали никакого сопротивления. Коварный раджа отправил пленников к императору Великих Моголов Аурангзебу, где их следы затерялись. Всех, кроме Гиллиама, о котором уже шла речь в главе «Законы пиратского мира».

Хоуэлл Дэвис

Зимой 1720 года фрегат Дэвиса подошел к португальской крепости Санту-Антонью на острове Принсипи в Гвинейском заливе. Этот хитрец задумал лихую операцию. Подняв «Юнион Джек» на грот-мачте, пиратский корабль встал на внешнем рейде. Вскоре подошла шлюпка из порта, и офицеру, пришедшему на ней, было сказано, что капитан английского военного судна, преследующего пиратов, желает нанести визит губернатору. Он хочет узнать новости о разбойниках, а если есть необходимость, то и оказать помощь в борьбе с этими негодяями. Да, ими кишит весь залив, и даже, говорят, отвратительный Дэвис пожаловал в местные воды — таким был ответ офицера. Никаких препятствий храбрым защитникам побережья не чинилось. Немедленно был прислан лодман, и судно ввели в гавань. Строй португальских солдат встретил гостей, сошедших на берег. Били барабаны, развевались флаги, а губернатор сиял от счастья. Он был вне себя от восторга, особенно после того, как «английский капитан» одарил его двенадцатью черными невольницами. «Нанесет ли губернатор ответный визит на корабль?» — спросил Дэвис. «Конечно, для него будет высокой честью посетить победоносных англичан. Если возможно, — про-

должал губернатор, — он прибудет завтра на рассвете». На том стороны и порешили.

План пирата был прост. Утром тупая башка-губернатор заявится на борт — вот будет потеха, когда ему сунут под нос «Веселого Роджера». Интересно, какая физиономия будет у португальца, когда с него потребуют выкуп в 40 тыс. фунтов стерлингов, хотя за такого простофилю не следовало бы дать и дырявого пенса.

Все предусмотрел Дэвис, но упустил из виду важное обстоятельство. Караульная служба, охранявшая рабов-невольников, проспала всю ночь и не заметила, как один негр выбрался с корабля. Он вплавь добрался до берега и рассказал властям, какая публика собралась на «военном корабле».

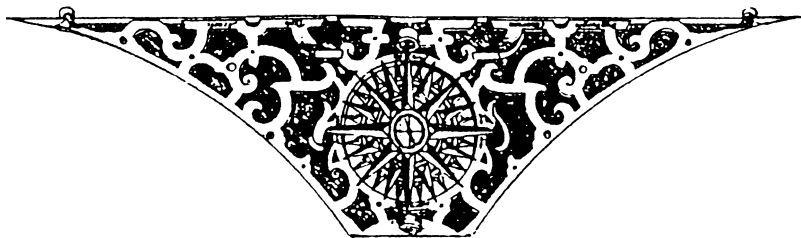
Противники поменялись ролями. Настал черед «веселиться» губернатору. Наутро на судно прибыл офицер и привез приглашение от губернатора посетить город и пообедать в его доме. После этого, как писал правитель, они вместе с главными лицами города вернутся на корабль и продолжат празднование во благо англо-португальской службы. «Ну что же, — решил Дэвис, — задержка дела не испортит, а мы получим дополнительный выкуп еще и с других олухов». Он дал знак спускать шлюпку.

Дом губернатора располагался на небольшом холме, с которого открывался вид на город и гавань. Делегация пиратов, во главе с Дэвисом, в сопровождении почетного эскорта под радостные крики толпы медленно и торжественно прошествовала через город к дому губернатора. Вернуться обратно пиратам было не суждено.

Войдя в широкие ворота, они прошли по аллее, ведущей к парадному входу, и начали подниматься по лестнице. Но не успели они преодолеть и нескольких ступенек, как внезапно, по какому-то сигналу, раздался залп. Капкан захлопнулся. Разбойники, захваченные врасплох, падали на белые ступени, убитые наповал, а пули все летели и летели, пронзая мертвые тела и тех, кто еще надеялся спастись. Резня была ужасной, в плен никого не брали. В считанные минуты все было кончено.

Только один бандит из команды сумел спастись и каким-то чудом добраться до корабля. Когда на фрегате узнали о том, что произошло, то не мешкая подняли якорь и вышли в открытое море.

ГЛАВА 9

ЗНАМЕНИТЫЕ ПЛЕННИКИ МОРСКИХ РАЗБОЙНИКОВ

Морской разбой раскинул свои сети по всему миру. Редко кто мог чувствовать себя в безопасности, отправляясь в плавание, — превратностей судьбы было нелегко избежать. Смерть в бою с пиратами, невольничий рынок, рабство, галерная скамья, томительное ожидание выкупа — кто взялся бы предсказать будущее? В этой главе мы познакомимся с несколькими пленниками морских разбойников — их истории показывают, насколько непредсказуемыми могли оказаться эти встречи.

Лев Африканский

Настоящее имя этого человека было ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан-аз-Заййати ал Фаси. После крещения он стал называться Джованни Леоне. Три епископа были приставлены к новообращенному и в течение целого года наставляли его в вере. Обряд проводил 6 января 1520 года в соборе Св. Петра папа римский Лев X. Любопытно, что имена Лев и Джованни, полученные при крещении, принадлежали самому главе католической церкви. Первое — папское имя, а второе — то, которое носил до своего избрания в 1513 году папой Львом X кардинал Джованни де Медичи, сын Лоренцо Великолепного, герцога Флорентийского. В русской литературе Джованни Леоне, по прозвищу Африкано, именуется Лев Африканский. Что же это за человек, чем заслужил он такое внимание патриарха церкви и какое отношение к этой истории имеют морские разбойники?

Точная дата и место рождения Льва Африканского не установ-

лены. По-видимому, это событие произошло в Гранаде между 1489 и 1495 годами. В те годы войска Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской завоевали эти территории, служившие последним оплотом арабов в Испании. Спасаясь от католиков, семья бежала в Барбарю. Мальчику с детства пришлось много путешествовать. В 1519 году, то есть ко времени, когда жизнь Льва Африканского кардинально переменялась, он был еще очень молод, но накопленные им знания и опыт были обширны; они-то и стали причиной интереса к нему папы римского и интеллектуальных кругов Испании. Юноша посетил Судан, Ближний Восток, побывал в Египте, Иране, Армении, Аравии, доходил до Мекки, жил в Стамбуле, Александрии, Каире и всюду, где побывал, вел записи и дневники. Многих интересных людей повидал он в своих путешествиях, встречался и со знаменитым корсаром Аруджем во время осады Бужи в 1515 году. И вот, в 1519 году он возвращался морем из Египта в Магриб. Его выбор пал на море не случайно. *«Арабы, живущие в пустынях между Барбарией и Египтом, — писал через несколько лет путешественник, — ...стали самыми страшными и ужасными убийцами, какие есть в мире. Когда в их руки попадают чужестранцы, арабы, отняв у них все, что есть, продают их сицилийцам. Из-за этого по морскому побережью, окаймляющему пустыню, в которой живут эти арабы, уже сто лет как не проходил ни один караван. Если же там и проходит какой-нибудь караван, то он обычно идет в глубине материка, на расстоянии 500 миль от моря.*

Чтобы избежать риска попасть к ним в руки, я проехал вдоль всего этого берега по морю вместе с тремя купеческими кораблями... боясь каждый момент быть захваченным корсарами с Сицилии и Родоса».

Однако путешественнику не повезло. В районе острова Джерба корабль, на котором он плыл, был перехвачен сицилийским корсаром Пьетро Бовадилья. У Льва нашли бумаги и записки, заинтересовавшие корсара. Через несколько лет они легли в основу книги, благодаря которой европейцы познакомились с географическим описанием неизвестной до того Африки. А тогда, в 1519 году, Бовадилья увез географа в Неаполь, а затем в Рим. Здесь он подарил его вместе с привезенным жирафом Льву X. Автор предисловия к первому изданию книги «Описание Африки» писал, что *«папа, увидев его (Льва) и узнав, что он находит в географии удовольствие и уже написал одну книгу по географии, которую возил с собой, встретил его очень благосклонно, обласкал и назначил ему хорошее жалованье, чтобы он не уехал. Затем он уговорил и убедил его принять христианство...»* В 1521 году Лев X умер, а его преемнику Адриану IV, не увлекавшемуся географией, арабский путешественник был малоинтересен. Лев Африканский

преподавал в Болонье и работал над своей книгой, которую закончил в 1526 году. Года через два он уехал из Италии в Тунис, и никаких достоверных сведений о дальнейшей судьбе этого пленника итальянских корсаров не сохранилось.

Фра Филиппо ди Томмазо Липпи

«Как-то Филиппо был в Марке Анконской и отправился со своими друзьями прокатиться на лодке по морю. Внезапно появились галеры Абдула Маумена, великого барбарийского корсара того времени, и наш добрый фра Филиппо вместе со своими друзьями был захвачен в плен, закован в цепи и отвезен в Барбарю, где в тяжелом положении находились они года полтора и Филиппо пришлось держать в руке вместо кисти весло. Но как-то раз, когда из-за непогоды нельзя было выйти в море, его заставили рыть и разрыхлять землю в саду. Нередко приходилось ему видеть там Абдула Маумена, своего господина, и вот однажды пришла ему фантазия нарисовать его на стене в мавританской одежде, и это ему удалось так хорошо, что тот вышел совсем как живой.

Всем маврам это показалось каким-то чудом, потому что в этих краях не принято ни рисовать, ни писать красками. Тогда корсар велел освободить художника и стал обращаться с ним как с другом и из почтения к нему поступил так же с другими пленниками. Много еще написал красками прекраснейших картин фра Филиппо для своего господина, который из уважения к его таланту одарил его всякими вещами, в том числе и серебряными вазами, и вместе с его земляками приказал доставить их целыми и невредимыми в Неаполь».

(М. Банделло. «Новеллы».)

Бенвенуто Челлини

«...Счастливо и весело, с хорошими винами и отличным столом... я около месяца там прожил (на вилле приморского города Чивитавеккья. — Д. К.), и каждый день, один-одинешенек, ездил на берег моря и там спешивался, нагружаясь разнообразнейшими камешками, раковинами и ракушками, редкостными и прекрасными. Последний день — потому что потом я туда больше ездил — на меня напало множество людей, каковые, перерядившись, сошли с мавританской фусты, и когда они уже думали, что как бы загнали меня в некое ушелье, каковое казалось невозможным, чтобы я ушел из их рук, я вдруг вскочил на свою лошадку, решившись на опасный шаг или тут же спечься, или свариться, потому что видел мало надежды избежать одного из этих двух способов, и Божьей волей, лошадка... скакнула так, что невозможно поверить: так что я, спасшись, возблагодарил Бога. Я сказал графу; тот поднял тре-

вогу; фусты виднелись в море. На другой затем день, здоровый и веселый, я вернулся в Рим».

(«Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции».)

Мигель де Сервантес Сааведра в Алжире

«Если раны мои и не красят меня в глазах тех, кто их видел, то во всяком случае возвышают меня во мнении тех, кто знает, где я их получил, ибо лучше солдату пасть мертвым в бою, нежели спастись бегством... Шрамы на лице и на груди солдата — это звезды, указывающие всем остальным, как вознестись к небу почета и похвал заслуженных». Так писал в предисловии ко второй части романа «Дон Кихот» великий испанский писатель Мигель де Сервантес Сааведра, размышляя о тяжелых увечьях, полученных им в сражении с турецким флотом в бухте Лепанто.

Тогда, командуя ротой на галере «Маркеза», героический идальго получил две раны в грудь, а выстрел из аркебузы искалечил ему левую руку, и развившийся паралич превратил Сервантеса в калеку. Но мужественный двадцатитрехлетний солдат не мог и представить, что безжалостная бойня в Лепанто — это лишь начало страшных испытаний, которые ждут его впереди. Ему предстояло пройти через плен у алжирских корсаров и в ежедневной борьбе за свободу познать предательство, унижение, нравственные и физические терзания.

После Лепанто военная деятельность де Сервантеса продолжалась еще несколько лет. Полгода пролежав в госпитале, он вернулся на службу, сражался с турками на море у греческого побережья и на суше, в Тунисе, находился в гарнизонах на острове Сардиния и в Неаполе. Так продолжалось до 1575 года, когда Сервантес решил оставить военное поприще.

В сентябре он с братом Родриго сел на небольшую галеру «Эль Соль» («Солнце») и отплыл из Неаполя на родину. Казалось, он мог не беспокоиться о своем будущем; в его железной шкатулке лежали рекомендательные письма на имя короля Филиппа II, полученные Сервантесом от сводного брата короля дона Хуана Австрийского, командующего христианским флотом на Средиземном море, и Карлоса Арагонского, герцога де Сеса, вице-короля Неаполя, — они должны были составить ему протекцию в Испании. Галера держала путь на Барселону. 26 сентября она миновала Марсель и проходила мимо устья Роны, когда случилось непредвиденное. *«Приняв меры предосторожности, мы тронулись в путь, держась берега и намеренно не забираясь в открытое море.* — рассказывал Сервантес о происшедшем в новелле «Английская испанка». — *Когда мы подплывали к расположенной на французском побережье местности, именуемой «Три Марии», и наша первая*

Мигель де Сервантес Сааведра

фелюга была на разведке, из одной бухты на нас внезапно выехали два турецких галиота; один из них отрезал нас с моря, другой — со стороны земли, а когда мы бросились к берегу, они настигли нас и захватили в плен. Переведя на свой галиот, турки нас раздели донага; все, что было на фелюгах, они разграбили; самые фелюги они не потопили, а выбросили на берег, сказав, что они им пригодятся в другой раз для перевозки награбленной у христиан добычи».

Сервантес попал в рабство к корсару Дели Мами и был привезен в Алжир. На беду или на счастье, алжирцы нашли при нем рекомендательные письма к королю и посчитали, что имеют дело с влиятельным и знатным грандом. Сервантесу объявили, что он выйдет на свободу, когда за него заплатят большой выкуп, — уверениям испанца, говорившего, что его родственники небогаты, естественно, никто не поверил. Впрочем, расчеты корсаров на получение выкупа не один раз спасали Сервантеса, ведь за время плена он совершил множество проступков, за которые запросто могли содрать кожу, отрезать уши или повесить вниз головой.

Однорукий испанец не оставлял попыток освободиться. Первый раз он бежал из плена весной 1576 года. С несколькими испанцами он подкупил какого-то мавра, который пообещал довести беглецов до Орана, испанского владения на североафриканском побережье, находившегося примерно в двух неделях пути от Алжира. Но через несколько дней пути проводник сбежал, испугавшись, что его схватят. Испанцы оказались одни, без продовольствия и оружия, в выжженной пустыне, где обитали только кочевые разбойничьи племена. Впереди их ждала лишь смерть — выхода у беглецов не было, и им пришлось возвращаться в Алжир. Они не были строго наказаны — ведь, как никак, живой раб лучше мертвого.

Прошел год. К июлю 1577 года семья Сервантеса сумела собрать 300 эскудо, но этой суммы хватило лишь на выкуп Родриго, который к сентябрю вернулся на родину. Он прибыл в Испанию и немедленно приступил к осуществлению нового плана спасения алжирских невольников, разработанного Мигелем. Испанский корабль должен был незаметно приблизиться к побережью, войти в небольшую бухту в нескольких милях от Алжира и, приняв на борт беглых рабов, уйти в Испанию. Уже в течение нескольких месяцев беглецы поодиночке убегали от своих алжирских хозяев и прятались неподалеку от города — в заброшенной пещере, скрытой в глубине сада, принадлежавшего влиятельному алжирскому сановнику. Тот редко навещался в свою загородную резиденцию, и невольники были здесь в безопасности.

Операция провалилась в последний момент. Когда в конце сентября судно подошло к берегу, его заметили местные рыбаки. Капитан был вынужден увести корабль в открытое море и ожидать

более удобного случая. Корабль вскоре вернулся, и спасение уже было близко. Но когда беглецы уже собирались направиться к берегу, в пещеру внезапно ворвалась стража, и всех рабов схватили. Тайну раскрыл флорентиец Дорадор, носивший в пещеру еду. Сервантес мужественно взял вину за подготовку побега на себя, был брошен в тюрьму, посажен на железную цепь и несколько месяцев просидел в одиночной камере. Только в марте 1578 года его выпустили из застенка.

История однорукого пленника стала известна в Алжире и привлекла к нему внимание самого правителя Гассан-паши по прозвищу Венециано. Вскоре Сервантес попал к нему — он с ужасом вспоминал об этом изверге в романе «Дон Кихот»: *«...нас мучило то, что мы на каждом шагу видели и слышали, как хозяин мой совершает по отношению к христианам невиданные и неслыханные жестокости. Каждый день он кого-нибудь вешал, другого сажал на кол, третьему отрезал уши, — и все по самому ничтожному поводу, а то и вовсе без всякого повода, так что сами турки понимали, что это жестокость ради жестокости и что он человеконенавистник по своей природе»*. Наружность Гассана бросалась в глаза. Это был высокий худой человек, с мертвенно-бледным лицом, сверкающими глазами и редкой рыжей бородой. Его жизнь сложилась удивительным образом. Профессия у этого венецианца сначала была самая мирная — он служил писарем. Но как-то раз галера, на которой он служил, была захвачена Драгут-раисом, и пленник был продан Ульджу Али. Невольник был горд, храбр, энергичен и вошел в доверие к хозяину, который как раз начинал свою карьеру. Вскоре Гассан стал ренегатом и *«в конце концов, — писал Сервантес, — превратился в самого жестокого вероотступника, которого когда-либо видел свет»*. Садистские наклонности будущего правителя Алжира не удовлетворялись зрелищем обычной казни, — его не устраивали ни сожжение на костре, ни отсечение головы, ни удушение. Этот изувер любил наблюдать за необычными смертями, в придумывании которых ему не было равных. Те, кто видел Гассана и общался с ним, утверждали, что беседовали с человеком, пропахшим кровью.

Но Сервантес продолжал борьбу за свободу. Он отыскал человека, который взялся переправить коменданту Орана письмо с просьбой организовать побег. И вновь последовал провал — голец был схвачен на границе и казнен, а Сервантеса приговорили к 2 тыс. палочных ударов, но, к счастью, в последний момент экзекуцию отменили. В сентябре 1579 года Сервантес предпринял четвертую попытку вырваться из неволи. На этот раз его союзниками стали испанские купцы, проживавшие в Алжире. Они приобрели небольшую фелюгу и должны были вывезти шестьдесят рабов в Испанию. Измена вновь встала на пути освобождения. Участник заговора, доминиканский монах Хуан Бланко де Пас, выдал

весь план алжирским властям — всего одно золотое эскудо и кувшин масла получил предатель от Гассана Венециано, а жизнь нескольких десятков человек была перечеркнута. Когда стало известно, что заговор раскрыт, Сервантес укрылся в городе у верных друзей, готовых рискнуть за него жизнью. Гассан-паша начал поиски бежавшего. Глашатай объявлял на площадях и улицах Алжира о том, что за раскрытие местонахождения Сервантеса будет выплачено большое вознаграждение, тому же, кто укрывает его, грозили смертной казнью. Опасаясь за будущее своих друзей, Сервантес вышел из укрытия и явился к Гассан-паше. Его долго допрашивали, пытали и требовали назвать сообщников, но Сервантес держался твердо и никого не выдал. Дело для него, по-видимому, закончилось бы смертью, если бы не заступничество одного влиятельного алжирского раиса, испанца по происхождению. Сервантеса опять посадили в кандалы и бросили в застенки.

Пока в Алжире происходили эти драматические события, семья Сервантеса искала средства для выкупа Мигеля. Наконец в 1580 году было собрано 3 тысячи реалов. Их вручили главе специальной миссии, отправленной в Алжир для освобождения невольников. На этот раз фортуна улыбнулась Сервантесу. Гассан-паша получил от турецкого султана распоряжение сложить полномочия правителя Алжира и явиться в Константинополь. Он назначил за Сервантеса выкуп в 500 эскудо, а освобождение второго своего пленника, дона Херонимо Палафокса, выходца из знатного рода, расценил в 1000 эскудо. Сколько ни бился испанский агент, он не смог снизить выкуп — решение Гассан-паши было твердым. Настало 19 октября, день отъезда Гассан-паши в Константинополь — в столице османов пленники терялись навсегда и уже не возвращались. Испанский агент провел с ним последнюю беседу и отправился выкупать Сервантеса — дону Херонимо же увезли в Константинополь.

Корабль с освобожденными испанцами отплыл на родину и 24 октября вошел в испанский порт Дению. *«... Они увидели перед собой желанную и горячо любимую родину. Веселье снова заиграло в их сердцах; новое неиспытанное блаженство потрясло их души, ибо выйти после долгого плена живым и здоровым на берег своего отечества — одна из самых больших радостей нашей жизни»,* — вспоминал на страницах новеллы «Великодушный посланник» Мигель де Сервантес Сааведра.

Тайная миссия пленника

Летом 1585 года у Азорских островов крейсировала флотилия, снаряженная Уолтером Рэли. 11 августа она захватила испанское судно. Никакой достойной добычи — золотых слитков или драгоценностей — на корабле не было найдено. Однако среди пленников находился один испанский сеньор, который, как вско-

ре выяснилось, представлял для Лондона немалый интерес. Звали его дон Педро де Сармьенто де Гамбоа. *«Мы не могли ни уйти от них, ни оказать им сопротивления, — рассказал он спустя несколько лет, — было у нас лишь двадцать калек, и пираты захватили и взяли то малое, что у нас было, и раздели всех догола, и пригнали на флагманский фрегат, где с нас стали сдирать кожу и пытать огнем и гарротой, и прищемляли они нам пальцы, требуя, чтобы мы сказали, есть ли у нас серебро в слитках или в монете.*

Английский капитан уже был готов отпустить Педро Сармьенто, отобрав все запасы провианта, но наш кормчий, португалец родом, продал его и сказал, кто есть Сармьенто, и при этом он приврал лишнего, дабы причинить нам больше зла, и англичане отпустили корабль и наших людей, но Педро Сармьенто, кормчего и еще двух человек оставили у себя и увезли в Англию».

В руки англичан попал их заклятый враг. Педро де Сармьенто родился в 1532 году. В двадцать с небольшим лет он перебрался в Новый Свет, где провел бурные, насыщенные событиями годы. Ироничный, вспыльчивый и тщеславный гордец, дон Педро был известен в Новой Испании как астролог, историк и один из лучших навигаторов. В ноябре 1567 года, в составе экспедиции Альваро Менданы де Нейра, он отправился из Кальяо на Запад, в Тихий океан, на поиски легендарной сказочной страны Офир, откуда, согласно библейской легенде, доставляли золото царю Соломону для украшения Иерусалимского храма. Корабли пересекли Тихий океан и открыли архипелаг, названный Соломоновыми островами. По возвращении в Перу де Сармьенто был брошен в каменные застенки инквизиции. Выйдя из-под следствия, капитан оказался не у дел до 1578 года, когда произошли события, изменившие его жизнь — Френсис Дрейк, пройдя Магеллановым проливом, проник в Южное море (Тихий океан) и ограбил несколько испанских портов на побережье. Появление его «Голден Хайнд» вызвало шок во владениях испанского короля. Теперь европейцы знали дорогу в Тихий океан. Все попытки перехватить англичанина окончились безрезультатно. Тогда де Сармьенто, один из активнейших участников охоты за корсаром, стороживший его у входа в Магелланов пролив, предложил перекрестить проход, чтобы в будущем ни одно судно не могло беспрепятственно пробраться в Тихий океан, который испанцы считали свои владением. В соответствии со своими замыслами, дон Педро отправился в Испанию и на корабле «Нуэстра-Сеньора-де-Эсперанса» впервые в морской мировой практике прошел через Магелланов пролив с запада на восток. По прибытии в Испанию, он получил аудиенцию у короля Филиппа II и раскрыл ему свои планы, предполагавшие заселение пролива колонистами и создание в нем мощных крепостей. Согласие короля на проведение колонизации было получено, а де Сармьенто стал капитан-генералом и губернатором пролива. В ходе

экспедиции было основано два города — при входе в пролив (Город Иисусова имени) и на полуострове Брансуик, в центре пролива (Город короля Филиппа). Но дела в новоиспеченных колониях пошли из рук вон плохо, и вскоре поселенцы оказались без всякого снаряжения и продовольствия. Для спасения предприятия де Сармьенто отправился в Испанию и по дороге попал в плен к англичанам¹.

Капитан-генерала Магелланова пролива дона Педро де Сармьенто доставили в Плимут, а оттуда перевезли в Лондон. *«15 сентября меня привезли в Гуинсар (Виндзор), где находилась королева Елизавета Английская, и... я был представлен кавалеру Гуатералесу (Уолтеру Рэли), приближенному королевы... и кавалер сей радушно принял своего пленника».* В английской столице де Сармьенто оказался вовлеченным в сложную сеть интриг, которые плелись в окружении королевы Елизаветы, ввиду приближавшейся войны Испании с Англией. Испанский посол в Лондоне дон Бернардино де Мендоса был выслан из страны, и появление испанского пленника в королевском дворце стало событием, неоднозначно воспринятым современниками. Дело дошло до покушения на его жизнь, организованного при содействии претендента на португальский престол принца дона Антонио, и только влияние и могущество Рэли спасли де Сармьенто от смерти. Историки предполагают, что английская королева, желая избежать до времени официальных контактов с испанским двором, решила использовать пленника своего фаворита для установления разорванных дипломатических отношений. Испанцу была отведена роль посредника в тайных переговорах, намечавшихся между Виндзором и Эскуриалом. Одновременно де Сармьенто стал участником той двойной или тройной игры, которую вели политические интриганы, замешанные в эти темные дела.

Дон Б. де Мендоса — Филиппу II (08.01.1587)

«Педро Сармьенто неоднократно беседовал с Гуатералесом, и в беседах этих изъяснил, сколь великим благом было бы, если бы оный Гуатералес предложил свои услуги Вашему Величеству, ибо милость королевы долго продолжаться не может. Буде же Гуатералес всерьез изъяснил бы желание служить Вашему Величеству в английском королевстве, он помимо полагающегося при подобных обстоятельствах вознаграждения мог бы рассчитывать на под-

¹ Судьба колонии сложилась трагическим образом. Не получив помощи из Испании, поселения погибли. В январе 1587 г. к проливу подошли корабли англичанина Томаса Кавендиша. При входе в пролив они нашли настолько измученных и голодных испанцев, что жестокий корсар предложил даже перевезти своих врагов в Перу. Двигаясь по проливу, Кавендиш обнаружил Город короля Филиппа — к тому времени четыре пустых бастиона, охранявших мертвое поселение. *«Испанцы, — писал Кавендиш, — пришли сюда лишь для того, чтобы укрепить проливы, дабы никакая другая нация не смогла проникнуть в Южное море. Но, по-видимому, на то не было Господней воли».* Заливу у города Кавендиш дал название Голодная бухта.

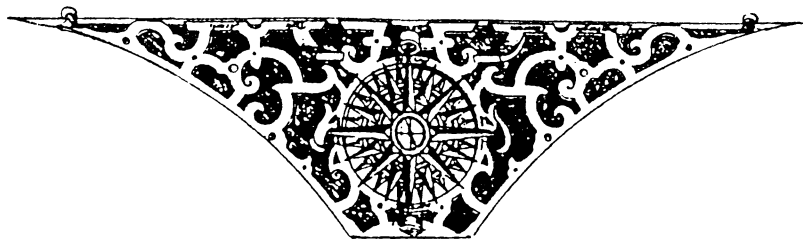

Магелланов пролив
Фрагмент карты 1620 г.

держку Вашего Величества, каковая в случае его падения была бы весьма уместной. Гуатералес счел сей совет благим и велел ему (дону Педро. — Д. К.) сообщить о своем соглашении Вашему Величеству, и ежели предложение его будет принято, то он сообщит о замыслах дона Антонио, а также и об английских вооружениях, и продаст очень хороший корабль за пять тысяч эскудо, каковой корабль отправит в Лиссабон, дабы Ваше Величество могло им воспользоваться».

На исходе октября 1586 года де Сармьенто получил аудиенцию у Елизаветы, после чего отправился в Испанию. Высадившись в Кале, он добрался до Парижа. Здесь он встретился с уже упоминавшимся доном Бернардино де Мендосой, послом Испании, в руках которого находились все нити сложной интриги, соединявшей в единый узел центры европейской политики. Де Сармьенто срочным порядком отправили в Мадрид, но добраться до места назначения ему не удалось. Проезжая по территории Французского королевства, охваченного религиозными войнами, испанец-католик подпал под подозрение и в районе Байонны был захвачен в плен неким господином де Каствельно. Этот гугенот упрятал пленника в замок Мон-де-Марсан, заинтересовавшись найденными при нем бумагами и рассчитывая получить за важного господина приличный выкуп. Только в начале 1590 года де Сармьенто сумел выбраться из замка, но к тому времени в его посреднических услугах никто не нуждался, так как с 1587 года между Англией и Испанией шла война. Через полтора года, в июне 1592 года, дон Педро де Сармьенто де Гамбоа скончался. Так непредсказуемо сложилась судьба пленника английских корсаров.

ГЛАВА 10

ЖЕНЩИНЫ И МОРСКОЙ РАЗБОЙ

Знаменитые пиратки

Хозяйка Фалмута

О пустынных берегах Корнуоллского полуострова ходила недобрая слава. Здесь, в небольших поселениях, скрытых в скалистых бухтах и отрезанных от центра Англии густыми лесами, процветал морской разбой. Владельцы местных замков были полновластными хозяевами округа и, не смущаясь мрачной репутацией разбойников, возглавляли отряды, уходящие в моря за добычей, или поджидали прихода жертв в свои гавани.

Страшный шторм разразился в Ла-Манше в канун нового, 1582 года. Он забросил гостей в Фалмут, крупный порт на корнуоллском побережье. Хозяева испанского судна Филипп де Орозо и Хуан де Карис возблагодарили Бога, предоставившего им шанс спасти перегруженный корабль от разбушевавшейся стихии в уютной бухте, и встали на якорь в гавани Фалмута. Ветер стих, погода исправилась, и часть экипажа с владельцами судна высадились на берег и отправились в местную гостиницу. Они собирались утром следующего дня покинуть английские берега и продолжить плавание в родную Испанию, а пока, пользуясь представившейся возможностью, решили развеяться в кабаке от трудностей зимнего плавания. Однако поутру, явившись в гавань, они не нашли на рейде никаких следов своего судна — оно пропало...

Ничего не подозревавшие испанцы попали в одно из самых страшных мест на побережье — владения семейного клана Киллигрю, державшего под контролем юг Корнуолла. Влиятельные родственные связи, богатство, важные государственные посты. за-

нимаемые членами семьи, позволяли им руководить местной администрацией и превратить Фалмут в свою зону охоты. Замок Киллигрю, Арвеннэк, расположенный на скалистом утесе, возвышающемся над гаванью порта, соединялся тайным подземным ходом с бухтой. Единственным крупным строением неподалеку был замок Пенденнис, расположенный на другом берегу бухты. Его владельцами также были Киллигрю.

Могущество клана воздвигалось несколькими поколениями; преступный синдикат раскинул свои сети от ирландских портов до французских гаваней. Купленные чиновники закрывали глаза на деятельность агентов Киллигрю; политики и члены парламента оказывали семейству необходимую протекцию в правительственных сферах и контролировали ситуацию из Лондона; торговые дельцы, поднаторевшие на контрабанде, продавали захваченную добычу в Плимуте и Сауттемптоне. Клановые связи позволили синдикату распространить свое влияние за пределы Корнуолла, на территории соседних приморских областей. Так, их родственник, сэр Джон Воган, вице-адмирал Южного Уэльса, контролировал Бристольский залив и зоны, прилегающие к Ирландскому морю; в руках других родичей находились Девоншир и Дорсет; в Ирландии клан опирался на влияние лорда Конкобара О'Дрискола, а некий «ужасный Джон Пьерс» вкупе со своей матушкой, знаменитой колдуньей, поддерживал Киллигрю в самом Корнуолле.

Особую известность приобрел сэр Джон Киллигрю, вице-адмирал Корнуолла, наследственный управитель замка Пенденнис, родственник первого министра Елизаветы I лорда Берли. Он заслужил расположение королевы своей деятельностью против французских и голландских пиратов, промышляющих в Ла-Манше. Возможно, по этой причине правительница Англии смотрела сквозь пальцы на пиратскую деятельность самого сэра Джона.

Когда неустанные заботы о благе государства заставляли сэра Джона выезжать в Лондон, он мог не беспокоиться за свое разбойничье хозяйство — за ним внимательно присматривала его матушка, леди Киллигрю. Дочь Филиппа Уолверстона, дворянина из Суффолка, она имела большой опыт по части морского разбоя. В прошлом активная помощница своего отца, любителя разбойных занятий, она не отставала и от своего супруга, сэра Генри Киллигрю, и воспитала сыновей в соответствующем духе. И вот 7 января 1582 года она стояла у окна Арвеннэкского замка и разглядела в Фалмутской гавани новоприбывшее испанское судно. Через пару часов пожилая леди уже знала о принадлежности корабля, его товарах и маршруте плавания. План захвата был разработан моментально.

Когда стемнело, матушка Киллигрю и ее отчаянные головорезы, вооруженные с ног до головы, незаметно вышли на берег, погрузились в лодку и направились к намеченной жертве. Леди сама

правила руль. Пираты подобрались к судну, вскарабкались на борт и перерезали всех, кто был на палубе, не дав и вздохнуть ошеломленным испанцам. Двое верных слуг, Кендэлл и Хоукинс, загрузили в лодку несколько рулонов фламандских тканей, две бочки вина и доставили добычу в Арвеннэк. Остальные разбойники увели судно в открытое море, выбросили трупы испанцев на борт, очистили палубу от следов ночной бойни и направились к Ирландии, чтобы продать добычу. В Фалмуте же начался переполох. Испанцы подали протест по поводу угона корабля, и местные власти вынуждены были начать расследование. Все следы вели в Арвеннэк, но следствие не приводило ни к каким результатам — ведь комиссариат по пиратству возглавлял вице-адмирал Корнуолла сэр Джон Киллигрю, который матушку-пиратку в обиду не давал. Дело было положено под сукно.

Однако оказалось, что у испанских торговцев налажены хорошие связи в столице королевства, и история о фалмутском ограблении дошла до графа Бедфорда, первого канцлера. Было начато новое, более тщательное расследование. Его результатом стал арест леди Киллигрю, Хоукинса и Кендэлла. Суд приговорил их к смертной казни. Для спасения зарвавшейся разбойницы клан пустил в ход все средства.

Настал день, назначенный для казни. Кендэлла и Хоукинса возвели на эшафот и казнили. Настала очередь леди Киллигрю. Она уже готовилась к смерти, когда неожиданно глашатай провозгласил, что исполнение приговора откладывается. Ненужные свидетели преступления были убраны, и спустя некоторое время матушка Киллигрю вышла на свободу. Так закончилась эта история. Неизвестно, последним ли «подвигом» леди было ограбление во Фалмутской гавани или она практиковала и дальше?

Месть королю

Эта известная история — одна из самых удивительных и романтических страниц морского разбоя. Причудливое соединение верности и измены, самопожертвования и грабежа, триумфа и горя превратили рядовой эпизод Столетней войны в великую драму. Хронологически события, произошедшие в Бретани в 40-х годах XIV в., выходят за временные рамки этой книги, но в них настолько ярко высвечивается один неожиданный мотив, толкающий женщину на морской разбой, — месть за возлюбленного, — что невозможно обойти его стороной.

Разгорался длительный военный конфликт Франции и Англии, связанный с претензиями английского короля Эдуарда III на французский престол. Одной из центральных точек противостояния стало герцогство Бретонское, в котором развернулась междуусобная борьба за власть. Обе стороны не оставались в стороне от со-

бытий и активно вмешивались в столкновение, поддерживая своих ставленников. В ходе конфликта Оливье де Клиссон, один из самых влиятельных рыцарей Нанта, был обвинен в государственной измене, сговоре с англичанами и сдаче им города Ванн. Де Клиссона доставили в Париж, по приказу короля Филиппа VI Валуа приговорили к смертной казни и обезглавили. Тело казненного повесили на Монфоконе, а голову де Клиссона привезли в Нант и выставили на городской стене. Были казнены и приверженцы рыцаря. Казалось, на том дело и должно кончиться, однако события внезапно приняли неожиданный оборот.

Виной тому стала вдова Оливье де Клиссона Жанна де Бельвиль. Эта женщина, славившаяся в королевстве своей красотой, осталась после смерти мужа с двумя детьми. Она решила отомстить за казненного рыцаря и начала готовить предприятие гигантских масштабов — войну против короля Франции. Заложив свой замок, драгоценности и все имущество, «Дама де Клиссон» собрала вооруженный отряд и начала нападать на замки тех бретонских рыцарей, которые считались приверженцами французской короны. Затем Жанна де Бельвиль купила и оснастила три больших судна, набрала экипажи из верных людей и открыла пиратскую войну против французов.

Со своей небольшой эскадрой она крейсировала вдоль Атлантического побережья Франции, топила встречные торговые корабли и грабила приморские территории. Страшные рассказы о деятельности этой «фурии», «бешеной ведьмы» переполняли ужасом жителей Бретани. Говорили, что «Дама де Клиссон» не знает жалости, когда ведет корабли на abordаж, — она врывается первой на борт неприятеля, беспощадно рубит головы противникам и безжалостна к пленным. На поиски отряда Жанны де Бельвиль была выслана французская эскадра. Долго продолжались поиски. Наконец в открытом море пиратские корабли были достигнуты. Надежд на спасение у бретонских разбойников не было, и им оставалось только подороже продать свою жизнь. Однако сама Жанна предпочла иной путь. В разгар сражения она приказала опустить шлюпку и, посадив в нее своих детей, незаметно отошла от судна.

Бой был столь ожесточенным, что никто из противников не увидел удаляющуюся маленькую лодку, которая постепенно растворилась за горизонтом. Так предводительница пиратов счастливо ускользнула, однако опасности еще не миновали. Страшных шесть дней пришлось Жанне плыть в открытом море, пока не показался долгожданный берег, но за это время на борту шлюпки произошла ужасная трагедия — на руках у матери от голода и холода умер ее старший ребенок. Обессиленная Жанна с маленьким младшим сыном добралась до берега, после чего сумела перебраться в Англию. Здесь ее ожидал радушный прием короля Эдуарда III. О том, что про-

изошло в дальнейшем с пиратской мстительницей, неизвестно. В заключение хотелось бы остановиться на одном примечательном обстоятельстве — спасшийся сын Жанны де Бельвиль, Оливье де Клиссон, воспитанный при английском дворе в ненависти к французскому королю Филиппу IV и служивший в армии англичан, затем перешел на сторону Франции. После смерти коннетабля Бартрана Дюгеклена Оливье де Клиссон принял эту важную должность и возглавил военные силы Французского королевства. Интересно, дожила ли Жанна де Бельвиль до того времени, когда ее сын начал служить королевскому дому Валуа, погубившему ее мужа?

Пиратки Карибского моря

В октябре 1720 года английский военный корабль обнаружил в водах Ямайки пиратское судно. Последовал ожесточенный бой, окончившийся захватом грабительского судна и пленением разбойников, — и тут произошло неожиданное. Удивлению победителей не было предела, когда среди экипажа оказались две женщины, одетые в мужское платье. Необыкновенные судьбы переодетых дам, известные нам благодаря капитану Джонсону, привлекали внимание всех авторов, пишущих о морском разбое, и до сих пор составляют одну из примечательнейших страниц истории пиратского промысла.

Сразу оговоримся — появление на судах женщин в качестве членов команды явление редкое, но отнюдь не исключительное. В практике морских плаваний такое случалось. Например в 1524 году, накануне выхода из Лиссабона эскадры вице-короля Васко да Гамы, на улицах столицы и на мачтах кораблей специально были развешены объявления, строжайше запрещавшие женщинам выходить в плавание. Угроза бичевания не остановила «искательниц приключений». На стоянке в Мозамбике было выявлено три (по другим сведениям — десять) женщины. Все они были впоследствии наказаны — проведены по улицам Гоа и подвергнуты бичеванию, по 300 ударов каждая. В отчетах голландского флота за XVII — XVIII вв. зафиксировано около 90 случаев, когда девушки, обрезав себе волосы, надевали мужское платье и нанимались на военные корабли. Прожить им на судах было невероятно трудно, уже через месяц каждая четвертая из них обнаруживала себя. Они проникали на борт торговых и военных кораблей самыми разными способами, и тому могли быть разнообразнейшие причины — любовь, авантюрный нрав, стремление к свободной, не скованной условностями жизни, несложившаяся судьба, — но история двух женщин-пираток Анны Бонни и Мэри Рид, пойманных у побережья Ямайки, вобрала в себя судьбы десятков других, подобных им, но канувших в безвестность.

Анна Бонни — ирландка по происхождению, родилась в 1690 году близ Корка и приходилась внебрачным ребенком местного адвоката. Когда супруга этого легкомысленного юриста скончалась, он

оставил свою практику, женился на матери Анны и перебрался в Америку, где поселился в Южной Каролине. Здесь он преуспел в делах, приобрел плантацию и разбогател. В местных кругах зажиточных дельцов он пользовался почтенной репутацией. Анна же снискала известность красотой, а туго набитый кошелек ее папаши служил дополнительным стимулом для многочисленных поклонников, наперебой предлагавших ей руку и сердце. Впрочем, характер у девушки был отчаянный, да вдобавок она не была обижена силой. Рассказы вают, что когда один, сверх меры страстный поклонник попытался взять ее силой, то, как писал один историк, *«она так его прибила, что он от ее побоев пошел в гроб»*. Так и жила прелестная ирландка в доме своего отца, в достатке, окруженная сонмом женихов, пока не встретила с неким молодым матросом, Джеймсом Бонни, и не полюбила его. Однако перспектива получить в зятя какого-то проходимца без гроша за душой совершенно не вдохновляла отца Анны — он абсолютно не разделял уверенности дочери, что подобная партия является самой подходящей. В семье не замедлили начаться скандалы, и в один прекрасный день Анна, против воли отца, вышла замуж за Джеймса. Дальнейшее развитие событий не вполне ясно — или рассерженный отец прогнал непокорную дочь, или девушка сама убежала из дома, — но вскоре молодая чета объявилась на острове Нью-Провиденс. Счастье молодоженов продолжалось недолго: новоиспеченный муж, по-видимому, не рассчитывал на то, что семейный конфликт затянется, и наступивший полный разлад с отцом Анны дал ему основание понять, что материального благополучия за счет жены ему не видать, — и пошел пиратствовать. Брошенная Анна оказалась одна — без мужа и денег, на острове, пользующемся славой одного из самых гиблых мест в Вест-Индии. Однако она не растерялась и спустя короткое время уже переживала бурный роман с Джоном Рэккемом, по прозвищу Калико Джек, одним из лидеров карибских пиратов. Разбойник не пожелал оставлять даму сердца одну на берегу и предложил Анне отправиться в плавание вместе с ним — она согласилась. Правда, законы пиратства не допускали женщин на корабль, и влюбленному пирату пришлось идти на хитрость — Анна переоделась в мужское платье и выдала себя за матроса. Рэккем хранил тайну любви от всех, а молодой женщине волею-неволей пришлось разделять вместе с мужчинами все тяготы корабельной жизни. Лишь однажды покинула она корабль — когда оказалась беременной и была высажена на острове Куба. Когда она родила, Рэккем вернулся и забрал ее — разбойная жизнь продолжалась до тех пор, пока в 1718 году не был опубликован королевский указ об амнистии пиратам. Рэккем и его команда воспользовались объявленным прощением и вернулись к мирной жизни. Продолжалось «благополучие» недолго — когда деньги кончились, бравый капитан и Анна «оказались на мели». В это время шла война с Испани-

Анна Бони и Мэри Рид

ей, и Рэккем завербовался на приватирское судно «Дракон», отправляющееся в рейд против испанцев. Анна вновь переделалась в мужское платье и отправилась с ним. Во время плавания по инициативе Рэккема команда подняла мятеж и, овладев судном, отправилась пиратствовать. Среди зачинщиков бунта была и Мэри Рид. Но как она попала на «Дракон»?

Жизненный путь Мэри Рид был извилист и изобилует неожиданными поворотами. Она еще не родилась, когда судьбе было угодно вмешаться в события. Дело в том, что мать Мэри — жена моряка — была брошена своим мужем и осталась одна с маленьким сыном. Куда делся отец семейства, неизвестно — он мог утонуть в море или осесть на жительство в порту чужой страны, — как бы то ни было, женщина оказалась в трудном положении. Ей пришлось перебраться в провинцию и поселиться у подруги. Вдова была «веселой и молодой», и спустя короткое время у нее родилась дочь — Мэри. Сын же к этому моменту умер, и когда через три или четыре года вдова решила вернуться в Лондон, она выдала Мэри за потерянного сына. Прошло несколько лет — Мэри исполнилось четырнадцать лет, и она устроилась юнгой на военный корабль. Прошло немного времени, и девушка очутилась во Фландрии, поступила на службу в пехотный, а затем в кавалерийский полк. В конце концов она вышла замуж за драгуна-фламандца, и супруги открыли в окрестностях Бреды та-

верну «Три подковы». История Мэри стала широко известна в округе и привлекла в трактир множество посетителей — офицеров. Трактир процветал, пока не закончилась война, а с ней рухнуло и благополучие семьи. Военные покинули Бреду, муж Мэри умер, и вдова оказалась без средств. Продав трактир, она вновь «перевоплотилась» в мужчину и устроилась в пехотный полк в голландский приграничный гарнизон. Здесь она задержалась недолго, завербовалась матросом на голландское судно и отправилась в торговый рейс. Корабль на пути был захвачен пиратами-англичанами. Мэри оказалась единственной предостерегающей туманного Альбиона и этим привлекла разбойников — они обрадовались встрече с «соотечественником» и оставили «морняка» на борту своего судна. Началась пиратская жизнь Мэри Рид. Когда пришло известие о королевской амнистии, пираты направились на остров Нью-Провиденс и отдались в руки правосудия. Они были прощены, и Мэри вернулась к спокойной жизни. Однако на берегу прожить было трудно, и она решила завербоваться на приватирское судно — тот самый «Дракон», где пребывали Рэккем и Анна Бонни. Здесь они встретились.

Неизвестно, как Анна и Мэри узнали друг о друге то, что каждая из них так тщательно скрывала, — но выяснив, что они женщины, пиратки подружились. Жизнь обеих женщин на борту «Дракона» протекала в напряженной атмосфере. Первая трудность заключалась в Рэккеме. Он был выбран капитаном корабля, но продолжал хранить тайну своей подруги. Однако его ревность не знала границ, когда он видел, сколько времени Анна проводит рядом с «матросом-соперником» Мэри Рид. Однажды нервы пирата не выдержали, и на глазах у Анны он бросился на «соблазнителя» с ножом, в ярости крича, что перережет ему глотку. Каково же было изумление морского волка, когда он услышал объяснение Анны и понял, что тот, кого он принял за соперника, — женщина! Рэккему пришлось примириться с действительностью, и он сохранил тайну. Однако на борту было еще несколько десятков разбойников, и требовалась максимальная осторожность, чтобы никто из команды ничего не узнал. Вскоре возникла неожиданная ситуация. Как правило, когда пираты захватывали корабль, то они предлагали экипажу переходить к ним; в случае, если у них возникала необходимость в определенном человеке, его забирали насильно. Так и случилось со шкипером одного из ограбленных судов — пираты оставили его на борту. Красивый, рослый юноша понравился Мэри, они подружились, и вскоре тайна Мэри Рид стала ему известна. Но влюбленным пришлось нелегко — кроме необходимости скрывать свою любовь и постоянной тревоги, что их секрет будет открыт, возникали сложности иного порядка. Както раз возлюбленный Мэри поссорился с одним из пиратов, и дело дошло до дуэли. В момент ссоры корабль стоял на якоре вблизи

одного островка, туда и решили отправиться противники, чтобы решить вопросы чести. Мэри оказались перед дилеммой — страх за жизнь любимого человека смешивался с невозможностью представить, что он малодушно откажется драться и прослывет трусом. Она нашла выход — спровоцировав ссору с пиратом-обидчиком, назначила поединок на берегу на два часа раньше того срока, на который была намечена дуэль ее возлюбленного. Любовь встала между жизнью и смертью. Мэри пожертвовала собой ради любимого — и убила на поединке своего противника. Вскоре после этих событий корабль Рэккема был захвачен у остров Ямайка. На судебном процессе обе женщины заявили о беременности. После того как врач подтвердил их заявления, грозившая им смертная казнь была отменена. Впрочем, на неукротимом характере обеих дам подобное смягчение приговора не отразилось — в подтверждение этого достаточно привести «утешительные слова», брошенные Анной Рэккему незадолго до того, как его должны были казнить: «Если бы ты дрался, как мужчина, то не был бы повешен сейчас, как пес».

Что стало с нашими героинями впоследствии? Согласно легендам Мэри Рид не дождалась помилования — находясь в тюрьме, она заразилась лихорадкой и скончалась. Анна Бонни родила в тюрьме ребенка, после чего была помилована и выпущена на свободу. Она исчезла, и больше о ней ничего не слышали.

Женщины в мире разбойников

Можно ли представить пиратское общество без женщин? Как только мы настроимся на размышление об этом, то в нашем сознании возникает ряд довольно типичных стандартных ситуаций.

Так, например, пиратский фрегат входит в гавань Порт-Ройяла или Алжира. Разбойники, измученные долгим плаванием и тоскливым однообразием мужской компании, устремляются в кабаки, которые гостеприимно распахивают перед ними двери. И не успевают разбойники переступить порог, как оказываются в окружении веселых красоток — льется вино, деньги текут рекой, а в ночном воздухе раздается женский визг и разудалая матроская песня. Разгульная жизнь длится недолго — деньги заканчиваются, разбойники вновь уходят на промысел, а их «подруги» ждут, когда новый корабль возвратится из похода с добычей.

Или другой случай — происходит набег пиратов на приморское поселение или захват судна с пассажирами. Исход такой ситуации невозможно спрогнозировать — слишком много обстоятельств могут повлиять на ход событий. Грубое насилие, нестерпимое страдание или только страх перед, казалось бы, неотвратимым и облегче-

ние после того, как опасность миновала: унижительное ожидание выплаты назначенного пиратами выкупа или невольничий рынок, где человек приравнен к скоту, — возможен любой вариант.

Лишь две зарисовки, а за ними — разнообразие человеческих судеб, беспрестанное чередование драматических событий, банальная повседневность и неожиданные развязки и повороты, на которые так щедры будни пиратской жизни. Эта глава — своего рода калейдоскоп ярких эпизодов, в которых причудливо сплелись мужские и женские судьбы.

Прекрасная графиня, Хайрадин и гарем султана

Драматический эпизод из жизни красавицы аристократки может стать предостережением, сколь неожиданно опасные последствия могут иметь для будущего прекрасной дамы оды поэтов, сложенные в честь ее красоты, и взволнованные рассказы людей, испытавших на себе могущество ее чар. В особенности, когда слава о подобном сокровище доходит до ушей столь властного, сильного и могущественного владыки, коим был алжирский властелин Хайрадин. Однако самая красивая женщина Италии, Джулия Гонзаго, даже помыслить не могла о буре чувств, разыгравшихся в сердце стареющего корсара, которому не раз приходилось слышать о ее исключительной красоте. Прекрасная аристократка была дочерью Людовика де Саббионета и родилась около 1513 года. Она вышла замуж за Веспасиана Колонна, графа Фонди, сорокалетнего вдовца с дочерью. В 1528 году граф умер, и Джулия стала владелицей уединенного фамильного замка Фонди, к северо-востоку от Неаполя. Красота, обаяние и ум графини вскоре превратили Фонди в один из центров культуры Южной Италии. Художники, литераторы, поэты, артисты считали честью для себя быть приглашенными графиней и охотно посещали замок. Поэты Лудовико Ариосто и Бернардо Тассо воспели ее красоту, кардинал Ипполит Медичи посвятил ей перевод 2-й книги «Энеиды», Тициан и Себастьян де Пьембо написали ее портреты. Многочисленные претенденты на руку Джулии Гонзаго кружили вокруг замка, но все получили отказ. И, по-видимому, самым предприимчивым «женихом» оказался Хайрадин, но его методы и цели оказались совершенно необычными.

Он решил похитить очаровательную итальянку и... преподнести этот цветок любви в подарок турецкому султану Сулейману. Алжирский корсар надеялся, что забота о состоянии гарема повелителя продемонстрирует его преданность и будет благосклонно принята в Константинополе.

Хайрадин не сомневался в успехе — осуществить похищение было нетрудно. В июле 1534 года его галерная флотилия незаметно

подкралась к итальянскому побережью, ночью высадила десант, и около 2 тыс. человек совершили быстрый бросок к замку Фонди...

Графиня уже легла в постель. Ее участь была бы решена, если бы не бдительность охранников замка, вовремя обнаруживших разбойников. Они оказались начеку и вступили в схватку с корсарами. По счастью, комната графини располагалась со стороны, противоположной той, откуда появились незваные гости. Верный слуга успел подвести лошадь под окно: графиня, в спешке не успев одеться, накинула какой-то платок и спустилась прямо на спину лошади. Она неслась в ночном мраке от своего непредсказуемого «поклонника», а вслед ей неслись сабельный звон и пронзительные крики убиваемых домочадцев.

Упустив графиню, корсары в ярости хватили под руку всех, кто попадался, разграбили город и увели на галеры несколько десятков женщин и девушек. Однако когда Хайраддин узнал об исчезновении Джулии Гонзаго, он впал в неистовую ярость. «Какая ценность от хлама, который ты сюда приволок, — остервенело орал он на командира посланного отряда. — Я отправил тебя добыть бесценную жемчужину, а ты вернулся с этими коровами». Но жителям Фонди от неудачи Хайраддина не стало легче — они потеряли за одну ночь все, что имели. Когда графиня вернулась, ее встретили дымящиеся руины, развалины и горький плач оставшихся в живых жителей.

Наложницы султана и осада Мальты

Это произошло в 1564 году. Разве могли предположить мальтийские рыцари, какой вызовет резонанс захват ими турецкого торгового корабля у острова Занте в Ионическом море? Потеря этого судна вызвала настоящий переполох в Стамбуле, во дворце султана. Это неудивительно — ведь корабль шел со специальным грузом, предназначенным для гарема султана. Парча, шелковые ткани, драгоценности, лакомства, благовония, так долго и с таким нетерпением ожидаемые изяшные безделушки — все попало в руки монахов-корсаров. Прелестные обитательницы гарема были вне себя от ярости и требовали от султана отомстить нечестивцам, оскорбившим их.

В 1565 году огромная турецкая армия и флотилия корсаров Северной Африки отправились к Ла-Валетте, чтобы уничтожить гнездо Мальтийского ордена. Как знать, какую роль в решении султана начать подобную крупномасштабную операцию сыграли оскорбленные чувства его многочисленных наложниц...

Пленник любви

Деятельный мозг сэра Уолтера Рэли всегда был полон грандиозных идей. Планы покорения новых стран и утверждения английских морских сил в океанских просторах, грезы о фантастических богат-

Прибытие англичан на остров Роанок. XVI в.

ствах золотой страны Эльдорадо превращались в новые экспедиции, операции по захвату испанских богатств и финансовые субсидии пиратам ее величества королевы Англии. Однако сам Рэли не мог плыть в далекие моря. Он был пленником любви: влюбленная в Рэли королева Елизавета I, открывшая ему дорогу к власти и сделавшая влиятельным вельможей, не отпускала фаворита в долгие опасные плавания. Вот почему сэр Уолтер никогда не входил в залив Албермарл, не видел, как тучи птиц, напуганных появлением английских колонистов, с громким клекотом взмывают в воздух и летают над девственными лесами острова Роанок. Об этих землях он знал лишь то, что рассказывали капитаны, посетившие это первое владение англичан в Северной Африке. Но английские поселенцы ушли в неизвестность, и никто так и не узнал, почему погибла колония. Название же новых земель, данное Рэли в честь королевы-девы, навсегда осталось на картах — Виргиния.

Как вошел в жизнь королевы честолюбивый красавец Уолтер Рэли, умный, опасный, предприимчивый, сильный солдат, умеющий сделать верную ставку в рискованной игре? Легенда рассказывает, что эта история началась осенью 1582 года... В вечерю-

Леди Элизабет Трогмортон

шем парке Виндзорского дворца по талому, перемешанному с землей снегу медленно двигалась королевская процессия. Дорогу преградила огромная лужа, и свита застыла, не зная, как перебраться через нее. Неожиданно молодой великолепный гвардеец сорвал с себя алый плащ, и по нему, как по мосту, прошла королева. «Как ваше имя?» — «Уолтер Рэли».

Скоро все знают: Рэли — фаворит королевы. В течение нескольких лет от решения этого человека зависело многое. Но в 1592 году, неожиданно для всех, Рэли впадает в немилость. В тот год сэр Уолтер наконец добился согласия королевы на личное участие в подготовленной им грандиозной операции против Панамы и был назначен адмиралом флота. Командующий задумал также овладеть испанским «Золотым флотом». Уже была получена информация о времени его выхода из вест-индских портов, и английские корабли стояли на якоре, готовые выйти в море. Внезапно к борту флагмана подошла легкая пинасса, и Рэли вручили секретное послание королевы — ему предписывалось немедленно сдать командование Мартину Фробишеру и вернуться в Лондон. Сэра Уолтера ждала тюремная камера в Тауэре. Что стало причиной опалы? Политических и личных врагов у Рэли было много, но не одними только интригами объяснялся его арест. Звезда фаворита закатилась из-за его тайного брака (19.11.1591 г.) на фрейлине королевы — леди Элизабет Трогмортон. Узнав об этом, королева не смогла сдержать гнев. Правда, в тюремной камере Рэли останется недолго, но Элизавета так и не простит ему измены.

Удивительны повороты судьбы. За год до описанных событий, в 1591 году, Рэли так же должен был выйти в море на захват «Золотого флота». Он был назначен вице-адмиралом флота, заместителем командующего Томаса Хоуарда. Эта была первая возможность для фаворита командовать военными операциями, он всеми силами стремился получить это назначение и ждал приказа о выходе в море — но в последний момент королева приказала Рэли вернуться ко двору и тем самым спасла его. Поход закончился катастрофой, а сэр Ричард Гренвилл, сменивший Рэли на посту вице-адмирала, погиб у Азорских островов, прикрывая отход английского флота. Пророческое решение влюбленной королевы в 1591 году — негодование оскорбленной властительницы от предательства в 1592 году.

Торги на Тортуге

Осенний день 1669 года флибустьеры Тортуги запомнили на всю жизнь. Еще бы, ведь всего за несколько часов для многих из них решился вопрос о семейном статусе.

Губернатор Бертран д'Ожерон со дня назначения на этот пост неустанно, как отец родной хлопотал о своих воинственных «пи-

томцах». Несколько месяцев он провел во Франции, в заботах об их будущем. И вот наконец его планы воплотились в действительность. В гавань Бас-Терра пришло судно из Франции, и с его появлением жизнь обитателей Черепашьего острова преобразилась. С утра в городе царил невиданный переполох: взбудораженные разбойники и колонисты толпились у берега, оживленно переговаривались, жестикулировали, показывая на корабль; кое-кто прыгнул в шлюпки и поплыл к судну — пираты облепили его, как рой москитов, и зачарованные взирали на открывшееся им зрелище — палуба пришедшего судна была заполнена женщинами.

С момента назначения на пост губернатора, д'Ожерона не покидала мысль упорядочить флибустьерскую жизнь. И он придумал, как это сделать. Вступив в переписку с французскими властями и правлением Вест-Индской компании, он договорился об организации женского рейса на Тортугу. Агенты компании приступили к вербовке кандидаток. В тюрьмах, исправительных домах, трактирах, на улицах и базарах было набрано требуемое число женщин. В большинстве своем это были воровки и проститутки. «Невест», большая часть которых, были, по свидетельствам современников, «развращенными молодыми девицами», публично высекли и отправили на Тортугу. Им посулили настоящий рай — бесплатный переезд через Атлантику, прекрасный климат и предоставление жилья. Каждая из «невест» могла рискнуть и, порвав с прежней жизнью, уехать в неизвестные дальние края, где никто не будет интересоваться ее прошлым.

Флибустьеры, обступившие корабль, не успели «пойти на abordаж», — подошли баркасы с солдатами гарнизона, оттеснили суденышки разбойников и, сопроводив корабль, военные обеспечили порядок при высадке на берег. Несколько десятков прибывших дам провели сквозь толпу на окраину города и отвели им на ночлег несколько жалких лачуг. Губернатор произнес перед ними речь. Задуманное им должно было состояться утром. На следующий день все население Бас-Терры собралось на центральной площади. Здесь и состоялся... аукцион жен. Каждую из прибывших выводили на общее обозрение, из толпы выкрикивались ставки, победитель тут же выплачивал деньги на месте и в мир выходила очередная супружеская пара. В регистрационную книгу вносились имена новобрачных, и они отправлялись обустраивать свою новую жизнь. Говорят, что в большинстве случаев браки были счастливыми. Остался доволен и д'Ожерон — женатые флибустьеры вели себя более покладисто, а деньги, оставшиеся после аукциона, позволили ему не только расплатиться за переезд, но и отложить в свою пользу.

Для Вест-Индской компании рейс невест также оказался прибыльным, и в течение короткого времени такие плавания стали регулярными.

Шарп и сокровища испанского корабля

Пиратский капитан Бартоломью Шарп был человеком необыкновенной судьбы. Жизнь затягивала его в невероятные переделки, но ему всегда удавалось с успехом выкручиваться из самых невообразимых ситуаций. Сколько раз его предприятия заканчивались провалом, один раз разбойники даже разжаловали своего капитана и заперли в трюм — но в конечном счете Шарп всегда выходил чистым из воды. Самоуверенный наглый фанфарон, легкомысленный кутила и ловелас, «пенитель морей и художник океанов», как он гордо именовал себя, Шарп не был чужд деловой сметке, отличался практичностью и понимал толк в морском деле. И в самом деле, если пиратский вожак, столько раз скомпрометированный, как Шарп, оставался капитаном, то, значит, это был человек неординарный. Казалось бы, после истории с испанским судном «Сан-Розарио» надеяться пирату на фортуны бессмысленно — но нет, он и здесь оказался в выигрыше.

Летом 1681 года корабль Шарпа «Тринити» настиг у чилийского побережья испанское судно «Сан-Розарио». Взяв испанца на бордаж, пираты обнаружили в трюмах бочки с вином и бруски какого-то светлого металла. На олово или свинец они наткнулись, было неясно — в любом случае такой груз можно было выгодно продать в испанских портах. Шарп уже собирался подать команду о перегрузке металла на свой корабль, как вдруг позабыл обо всем. На палубе стояла молодая испанка неопишущей красоты, *«наипрекраснейшее создание, которое когда-либо представало пред моими очами»*. Палуба закачалась под ногами ошеломленного капитана. Как настоящий английский джентльмен, он был галантен, великодушен и мягок. «Прекрасную даму пугают эти омерзительные дикари, которые бродят по палубе и грабят пассажиров? Она может быть спокойна — с ней не сделают ничего плохого, рядом с ним, капитаном Шарпом, она в безопасности». Пират из кожи лез, чтобы очаровательная девушка забыла, что перед ней стоит страшный разбойник. Красавица таяла на глазах, ее настороженный взгляд смягчился, она осмелилась попросить пирата об одной услуге — не оставит ли он в покое корабль, не отпустит ли он «Сан-Розарио»? Когда прекрасные очи с надеждой смотрят в твои глаза, то сердце самого черствого мужчины смягчается, а Шарп не был равнодушен к женской красоте.

«Прекратить погрузку, — скомандовал он, — уходим». Обрадованные испанцы передали пиратам все вино с корабля и облегченно вздохнули, когда «Тринити» начал удаляться.

Прошло несколько месяцев. Шарп обогнул мыс Горн и пришел на Антигуа. Здесь и произошла развязка истории. Один подвыпивший разбойник из команды «Тринити», уходя с «Сан-Розарио», прихватил слиток металла, решив отлить из него пули. Теперь.

осев в кабаке, он растратил всю наличность и продал слиток за выпивку. Уже на следующий день выяснилось, что слиток серебряный. В руках у пиратов находилась крупная партия серебра — бруски неизвестного металла, оставшиеся в трюме «Сан-Розарио», могли сделать богачами всех разбойников «Тринити». Если бы не прекрасная испанка и сраженный ею с первого взгляда незадачливый Шарп. Впрочем, оговоримся — пират потерпел фиаско в любви, но не остался в проигрыше. Спустя некоторое время его привлекли в Лондоне к судебной ответственности за пиратство. Шарпу грозила виселица, и он использовал последний козырь — оказалось, что он заметил в капитанской каюте на «Сан-Розарио» навигационные карты и прихватил их с собой. Так у него в руках оказалось ценнейшее сокровище — строго засекреченные испанцами карты Тихого океана и южных морей. Шарп передал их властям; дело получило известность и дошло до короля Карла II. Разбойник был помилован и принят на службу в королевский флот. О прекрасной испанке известно лишь то, что владельцы серебра назначили ей богатую пенсию за спасение драгоценного груза.

«Услада холостяка»

Морские обычаи не терпят присутствия женщин на борту судов. Строгая мужская жизнь в не признающем расслабления океане — вот идеал старых морских волков. Но капитан Джон Кук и команда пиратского судна «Ревендж» («Мечь») придерживались на этот счет иного мнения. Эти отчаянные головорезы решили отправиться на разбой в Тихий океан, но происшествие у берегов Африки и его трагические последствия заставили их задуматься о многом.

В апреле 1683 года «Ревендж» незаметно вышел из Чезапикской бухты и направился к Африканскому побережью. У Сьерра-Леоне разбойники захватили голландское работорговое судно с большим запасом продовольствия и спиртных напитков. Оставив свое судно голландцам, Кук с командой перебрались на захваченный корабль, переименовав его в «Бечелос Делайт» («Услада холостяка»).

Такое название было дано не случайно — на борту корабля веселые головорезы оставили шестьдесят молоденьких черных невольниц. Плавание обещало быть отличным.

В феврале 1684 года «Бечелос Делайт» огибал мыс Горн. Разразился свирепый шторм, который потащил корабль на юг. С каждым днем становилось все холодней и холодней, экипажу было не до удовольствий. Несчастные туземки, привыкшие к жаркому климату Экваториальной Африки, не выдерживали стужи и умирали одна за другой. Пираты тоже дрожали от холода и проклинали тот день, когда решили оставить женщин на корабле, — ведь не будь их здесь, никакого шторма и в помине не было бы, размышляли суеверные

разбойники. Внезапно они обнаружили способ спастись: оказалось, что если каждому выпивать по 3 кварты бренди в день (примерно 3,3 литра), то можно не замерзнуть и остаться в живых.

Спиртного хватило на всех. Прошло несколько дней, шторм стих, и «Бечелос Делайт» смог двинуться на север. Но к этому моменту ни одной негритянки в живых не осталось. Страшный урок был поучителен для холостяков. *«Мы заключили, — записал участник плавания Эмброуз Коули, — что интрижки с женщинами очень опасны и вызывают шторм».*

Неверная жена и индийская принцесса

В карьере пиратского капитана Генри Эвери женщины сыграли важную роль. Начать с того, что у молодого моряка совершенно не сложилась семейная жизнь. Выходец из семьи плимутского торговца, он воспитывался в тяжелой атмосфере. Воспоминания о детских годах тяготили Эвери все время. Возможно, что женитьба рассматривалась им как спасение, и он надеялся обрести в семейном состоянии счастье. Но надежды на безоблачный покой и радости супружества рухнули. Его жена оказалась легкомысленной и ветреной: вскоре ее измены переполнили чашу терпения мужа. Он решил порвать с такой неустроенной жизнью.

Удобный случай представился в 1694 году, в разгар войны против Франции. Приватирский корабль «Карл», на котором Эвери служил вторым помощником, стоял в гавани Ла-Коруньи на севере Испании. 7 мая Эвери поднял мятеж, захватил судно и ушел в открытое море, куда глаза глядят. «Я человек фортуны и пойду ее ловить», — заявил незадачливый супруг; его команда, «бойцовые петухи», искушенные в драках, горой стояли за вожака и были готовы идти за ним.

Фортуна Эвери поймал летом 1695 года, когда захватил набитый богатствами корабль «Великое сокровище», принадлежавший самому императору Великих Моголов Аурангзебу. Согласно легендам среди пассажиров находилась очаровательная девушка, внучка императора. Эвери доставил прекрасную принцессу на остров Мадагаскар и вскоре женился на ней. Невозможно описать словами ярость Аурангзеба, когда он узнал о происшедшем. Дело чуть было не закончилось войной с Англией. Император потребовал от английских властей немедленно изловить и наказать пирата, но легче было добиться организации карательной экспедиции, чем поймать разбойника. Время шло, скандал разрастался, а найти Эвери не удавалось. Виновник же всего уединился с принцессой в укромной бухте Мадагаскара и жил там в любви и покое. Впрочем, он держался начеку и был готов к любым неожиданностям. Когда Эвери счел свое положением опасным, он перебрался в Вест-Индию и осел на Багамских островах. Он продал свое судно, распустил команду, переехал в

Бостон, а затем в Ирландию. Многие из его команды попали в руки правосудия и были казнены, но следы главаря затерялись. Английское правительство и Ост-Индская компания объявили большое вознаграждение за его голову, но никто его так и не получил. В каком тайном месте укрылся пират с принцессой, так и осталось неизвестным. Романтическое предание рассказывает, что он вернулся в Англию и жил некоторое время в Бидфорде. Его преследовали неудачи — при попытке продажи бриллиантов его надули перекупщики. Поняв, что имеют дело с преступником, они заплатили Эвери в качестве залога смехотворно низкую сумму, а затем начали шантажировать пирата. В суд обращаться было нельзя, и Эвери в конце концов, не добившись выплаты денег, пришлось бежать от угроз этих темных дельцов. Он объявился в Ирландии. Через несколько лет это был уже совершенно опустившийся пьянчуга, он бродяжничал и нищенствовал, пока не скончался где-то в родном Девоншире. Куда пропала индийская принцесса, неизвестно. Впрочем, это лишь одна из версий жизни Эвери — возможно, в действительности все произошло иначе, и пират сумел уйти от преследователей, жил в счастье и благополучии до конца своих дней с внучкой Великого Могола в каком-нибудь тихом местечке.

Пират на покое и «монашенка»

Пиратские грезы о земном рае воплотил в действительность знаменитый мадагаскарский разбойник Джеймс Плантейн. Когда ему надоело грабить, он осел на Мадагаскаре, откупил у местного негритянского вождя участок в уединенной бухте на побережье и поселился там. Но авантюризм натуры Плантейна не позволяла ему жить спокойно. Он набрал команду головорезов из англичан и голландцев, возвел на берегу залива Рантер-бэй крепкий деревянный форт, оснастил его пушками и начал захватывать земли окрестных племен.

Властолюбец окружил себя гвардией из чернокожих туземцев, запугал всех соседей и провозгласил себя королем. Прибрав к рукам окрестности, он добился подчинения от туземных царьков. И пребывал в полном блаженстве — вожди местных племен, заинтересованные в военной силе Плантейна, курили ему фимиам, как какому-нибудь божеству; награбленное богатство переполняло его крепость; верные аборигены слагали песни во славу большого белого господина.

Довольный властолюбец проводил дни и ночи в пьянстве, роскоши и пирах. Нет сомнения, что этому сластолюбивому господину очень понравились местные обычаи, позволяющие царям иметь гарем. Белый король окружил себя несколькими десятками темнокожих жен, одарил их богатыми шелками и бриллиантами и, окруженный трепетной «любовью» негритянских гурий, вкушал радости экзотической жизни.

К чести европейца, он не забывал о своем происхождении и не шел на поклон местным обычаям. Как это принято у англичан, он называл своих бесконечных жен-негритянок Молль, Кейт, Сьюла и Пег (производные от соответствующих имен Мэри, Екатерина, Урсула, Маргарет), и, что любопытно, только этими именами.

Однако Плантейн никак не мог исправить один существенный недостаток своего серала — среди его жен не было ни одной белокожей девушки. Экс-пират очень расстраивался по этому поводу, тем более что подходящая кандидатура на эту роль уже была присмотрена королем.

Недалеко от владений Плантейна обитал некий вождь, именуемый пиратами Король Дик, или Длинный Дик. У него была внучка — очаровательная белая девушка, неизвестно каким образом оказавшаяся при туземном правителе. Вокруг поговаривали, что девушка — дочь английского пирата и по имени отца называлась Элеонора Браун. Выросши в глуши Мадагаскара, она не была лишена приятных манер, немного говорила по-английски, знала несколько молитв и основы христианской веры. Плантейн решил жениться на ней и отправился свататься. Его удивлению не было пределов, когда Король Дик отказал. Оскорбленный Плантейн объявил ему войну, разгромил обидчика и разграбил его владения. Когда захваченных пленных подвергли пыткам, всплыло неожиданное обстоятельство — оказалось, что Элеонора приходилась дочерью одному из убитых европейцев и у нее был ребенок. Плантейн впал в ярость, приказал казнить Короля Дика и всех белых, которые ему служили.

Вернувшись в Рантер-бэй, он привез с собой Элеонору, устроил пышную свадьбу и возвел ее в ранг первой жены. Экс-пират осыпал ее драгоценностями, подарил двадцать молодых негров-рабов и доверил вести все хозяйство, отстранив от руководства домашними делами негритянок. В своем желании угодить любимой жене он готов был удовлетворить ее любую прихоть и позволял Элеоноре делать все, что она захочет. Однако набожная смиренная женщина пребывала в смятении от образа жизни своего грешника-мужа, его пьяных богохульных выходок и бранных слов во время попок. Она уединилась на своей половине и молила Бога о спасении его души. «Моя монахиня», — снисходительно называл жену Плантейн.

Жены капитана Тича

Мало встречается на страницах мировой истории злодеев, которых можно поставить в один ряд с Тичем Черной Бородой. «Подвиги» свирепого бандита ужасали всю Америку. Однако личная жизнь пирата по мрачному колориту не уступает его разбойным деяниям. Изошренная жестокость, безнравственность и дьявольская энергия, наполнявшая этого изверга, сделали несчастными тех женщин, которые встречались ему на пути. А их было немало.

В каждом порту, куда Тич являлся на своей «Мести королевы Анны», он принуждал кого-нибудь к сожителству, вступал в брак и немилосердно издевался над очередной супругой. Всего таких жен у Тича было около четырнадцати. Последняя свадьба состоялась у Черной Бороды в Чарлстоне незадолго до смерти — Тич женился на очаровательной шестнадцатилетней девушке, а свадебная церемония состоялась при участии губернатора, бывшего близким знакомым пирата, и священника. Супружеская жизнь Черной Бороды на суше протекала всюду одинаково. Он помещал свою жену на отдаленной плантации, под вечер являлся туда с несколькими отвратительными субъектами из своей команды и устраивал пьяную оргию, в ходе которой благосклонно «уступал» несчастную женщину собутыльникам.

Впрочем, не все жены Тича жили в портах. Согласно одной легенде, как-то раз пират захватил в море корабль, на борту которого оказалась очень красивая девушка. Ее звали Мэри Блад. Черная Борода был сражен ее красотой и, по своему обыкновению, предложил ей руку и сердце. Мэри стала женой, компаньоном и доверенным лицом Тича, дело дошло до того, что один из своих кладов пират спрятал вместе с ней, но красotka не оправдала доверия капитана — влюбившись в одного из пленников, захваченных на борту очередного судна, Мэри бежала с ним, и, по слухам, укрылась в Перу. Разъяренный Тич организовал поиски беглянки, владевшей его тайной, но смерть прибрала его раньше, чем он сумел найти влюбленных и отомстить. В заключение этого небольшого рассказа остается лишь предположить: рыдали ли от горя многочисленные жены Черной Бороды, когда узнали о его кончине?

Несносная супруга и виселица

В Вест-Индии про майора Стета Боннета ходили странные слухи. На разный лад сплетничали по поводу его исчезновения с острова Барбадос, где бравый отставной военный владел сахарными плантациями. В один прекрасный день он бросил все свое хозяйство, снарядил 10-пушечный шлюп «Ревендж» («Месть») и вышел в море на пиратский промысел. Какие причины толкнули почтенного, высокообразованного человека, глубоко уважаемого на острове, на подобный поступок? Злые языки поговаривали, что майор был не совсем в своем уме. Усердно муссировалась версия, согласно которой рассудок Боннета помутился в связи с дискомфортом, который он испытывал в семейной жизни, а его бегство в пиратство было вынужденным шагом незадачливого супруга, ищущего спасения от дражайшей жены.

Любил ли ее Боннет? Да, конечно, много лет назад, когда их супружеская жизнь только начиналась, — она была прелестной девушкой, обещавшей все радости совместной жизни. Но годы шли, а с ни-

ми менялось отношение Боннета к супруге. Она оказалась крайне раздражительной, нервной дамой, настоящей мегерой и закатывала ему постоянные сцены. Суровый военный, приверженец дисциплины, привыкший командовать солдатами майор Боннет ничего не мог поделаться со скандальной женой. Она пилила его днем и ночью, превратив его жизнь в суший ад. В конце концов Боннет не выдержал. Сухопутный человек, не нюхавший морского воздуха и не имеющий никакого представления о корабельной жизни, он махнул рукой на все блага цивилизации и удрал на пиратском корабле, только бы быть подальше от жены. Наверное, домыслы барбодосцев имели под собой веские основания, и не будь жена майора столь несносной дамой, мир никогда не узнал бы о Стеде Боннете. Он пошел вдоль юго-восточного побережья Северной Америки и пиратствовал сначала вместе с Тичем, затем самостоятельно, пока не был схвачен на одной из стоянок во время килевания судна. 10 декабря 1718 года Боннет был повешен в Чарлстоне.

Побег Дюге-Труена

Неизвестно, сколько бы лет гнил корсар Рене Дюге-Труен со своим экипажем в Портсмутской цитадели, если бы фортуна отступилась от него. Но нет, счастье сопутствовало красавчику французу и подарило ему любовь обворожительной соотечественницы, открывшей пленному путь к побегу. Почтенный муж этой дамы, честный английский торговец, даже помыслить не мог, какие чувства возникнут в сердце его супруги, когда в город пришло известие, что английские корабли захватили корсарское судно «Дилижант». Его капитан (Дюге-Труен), совсем молодой человек, был тяжело ранен в бою и после прибытия английской эскадры в порт отправлен в тюрьму. Город наполнили рассказы об отваге француза и многочасовом бое его корабля против шести судов эскадры контр-адмирала сэра Дэвида Митчела. Имя корсара все время было на слуху, его ранение вызвало к милосердию и состраданию. Тюремный режим был нестрогим, и вскоре к больному стали допускать посетителей. Среди них оказалась и наша героиня. Воображение молодой женщины, взволнованное услышанным, разыгралось при встрече с бледным измученным моряком, тонкие черты лица которого светились благородством и красотой... Француз был опытным сердцеedom, и вскоре молодая женщина запуталась в свитой им любовной паутине. С помощью своей возлюбленной Дюге-Труен сумел договориться с капитаном шведского торгового судна, стоявшего в Плимутской гавани. Кошелек влюбленной дамы помог предприимчивому корсару подкупить офицера гарнизона. Майским вечером 1694 года Дюге-Труен с товарищами, переодевшись в одежду шведских матросов, хладнокровно проследовали мимо караула, вышли из крепости и спокойно прошли к гостинице на окраине города. Когда стемнело, беглецы до-

брались до уединенной бухты, где их поджидала быстроходная пинасса. Все было готово — шесть мушкетов, абордажные сабли, необходимый запас продуктов и воды. Лодка вышла в море и через несколько дней, переплыв Ла-Манш, корсар с друзьями высадился на берег Бретани, а его портсмутская спасительница осталась во власти воспоминаний о пережитом...

Пираты и семья

Название этой небольшой главы, по-видимому, удивит читателя. Действительно, как согласовать мрачную тональность морской разбойничьей жизни, жизни, наполненной жестокими буднями преступного промысла, и уют семейного очага, благополучие и мирный отдых? Тем более что ранее приведенные примеры «семейной жизни» пиратов не располагают к идиллическим настроениям.

Однако так ли все однозначно? Злодейский колорит пиратских романов и почерпнутые из них обыденные представления — насколько они соответствуют действительности? Может быть, реальная жизнь пиратов была более многогранной и буднично-естественной?

Нам уже не раз приходилось подчеркивать, что пиратский мир по своему составу был неоднороден, — его «рабочую часть» составляли не патологические злодеи-садисты, а люди, принадлежавшие в своем прошлом к самым мирным профессиям, оставившие в той, прежней жизни семью, детей, родителей, родственников. Многие из них, уйдя в разбойную жизнь, вовсе не порывали своих контактов с обществом, семьей и сотнями нитей оставались связанными с ними.

Купцы, торговцы, контрабандисты, скупающие награбленное на пиратских базах или в нейтральных портах, могли прихватить весточку от мужа-изгоя и привезти ответ; они не отказывались и передать семье что-нибудь из одежды, добытой разбойником. Более того, часто они становились посредниками в финансовых делах семьи, так как с их помощью пираты могли послать домой денежные суммы. Так, когда Гейбриел Лофф и Мартин Скайнс из команды капитана Кидда получили свои доли, они пристроили точки с захваченной одеждой на судно, идущее в Нью-Йорк. Другой разбойник, Томас Прингл, послал жене 200 монет, особо наказав, чтобы она не тратила их, а отложила бы на черный день.

Пираты беспокоились и о своем состоянии и об обеспечении своей семьи. Они не выставляли напоказ свои семейные добродетели, но просили друзей или капитана в случае их смерти отправить оставшееся имущество домой. Например капитан Каллифорд писал некоей миссис Уэлей, что ее муж, член его команды, оставил все «состояние» ей, и капитан Шеелли из Нью-Йорка согласился переписать его.

Осмелимся предположить, что надежды благоустроить жизнь своей семьи выступали одним из побудительных мотивов при выборе преступного промысла. Эти люди, лишённые обществом всяких надежд на благополучие, уходили из дома, часто без шансов на возвращение, однако семья продолжала занимать большое место в их мыслях и жизни. Эйбрахам Сэснойя писал жене: *«Думаю, что наше плавание продлится лет десять, но я не забываю тебя... потому что нет у меня ничего большего, чем любовь к тебе и к нашим детям. Остаюсь верным тебе, пока смерть нас не разлучит»*. Эван Джонс сообщал жене Франсес, что после долгих лишений наконец стал капитаном и теперь идет в долгое плавание, и пусть она не надеется, что услышит о нем ранее чем через пять лет. Пираты интересовались тем, как живут их семьи и с нетерпением и любопытством читали переправляемые к ним письма. Ида Уилдей написала своему мужу Ричарду из команды Кидда, что в Нью-Йорке высокие цены; Сэра Хорн, супруга другого пирата из того же экипажа, сообщала, что в соответствии с его желанием отдала сына на обучение к некоему Исааку Тейлону — портному. *«Здесь столько ходит слухов о тебе, что я была бы очень рада получить какое-нибудь известие от тебя самого»*, — добавляла она и передавала привет от его друзей.

Кто знает, возможно, для некоторых пиратов переписка с семьей, эта не оборвавшаяся связь с мирной жизнью, составляла последнюю светлую надежду и в конце концов помогала вырваться из тисков преступного мира. Генри Кросли отправил брату на остров Сен-Мари послание, в котором написал, что уже никак не надеялся услышать что-нибудь о нем, а вот теперь узнал, что брат еще жив. Он заклинал его вернуться домой, сообщал, что хотя его жена и дети перебрались к друзьям на Лонг-Айленд, но если пират вернется, то он *«поможет им, так как я уверен, что твоя жизнь сможет быть устроенной, лишь если ты будешь здесь со своей плотью и кровью»*.

СЛОВАРЬ ТИПОВ СУДОВ

БАРК (*англ., гол. bark*) — парусный 3-мачтовый военный корабль XVI — XVII вв., водоизмещением около 400 т, распространенный на Средиземном море.

БАРКА (*исп.-ит. barca, фр. barque; от лат. barca — лодка*)

1. парусно-гребное беспалубное судно;
2. легкое быстроходное судно типа галеры.

БРАНДЕР (*гол., нем. brander, от brand — пожар*) — судно, груженное горючими и взрывчатыми веществами и предназначенное для поджигания вражеских кораблей.

БРИГ (*англ. brig*) — парусное 2-мачтовое судно, применяемое для дозора, посыльной службы, крейсерства и конвоирования.

БРИГАНТИНА (*фр. brigantin, от brigand — разбойник*) —

1. небольшое парусно-гребное быстроходное судно Средиземного моря в XV — XVIII вв.;
2. парусное 2 — 3-мачтовое судно XVIII — XX вв.

ГАЛЕАС (*ит. galeazza*) — 3-мачтовое военное парусно-гребное судно типа большой галеры в XVI — XVIII вв.

ГАЛЕРА (*ит. galea*) — европейское парусно-гребное судно VII — XVIII вв.

ГАЛИОН (*исп. galeon, фр. galion*) — военно-транспортное парусное судно XVI — XVIII вв., водоизмещением от 200 т (*малый галион*) до 1600 т (*большой галион*), с несколькими палубами и громоздкими надстройками.

ГАЛИОТ (*фр. galiote*) — небольшое парусно-гребное судно, распространенное у барбарийских корсаров, отличавшееся быстроходностью.

ДЖОНКА (*малайск. djong*) — китайское плоскодонное судно с малой осадкой, применявшееся в странах Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке как грузовое, рыболовное, военное и пиратское.

КАРАВЕЛЛА (*порт. caravela*) — морское 3 — 4-парусное однопалубное судно XIII — XVII вв. (сначала у итальянцев, затем у испанцев и португальцев), с высокими бортами и надстройками на носу и на корме.

КАРАККА (*фр. caraque*) — большое торговое и военное судно XIII — XVI вв., водоизмещением до 2000 т, имевшее до трех палуб и рассчитанное на длительные океанские плавания; тяжелое на ходу, плохо поворотливое.

КОРВЕТ (*гол. korver*) — малый фрегат.

НЕФ (*ит. nave, от лат. navis — корабль*) — европейское парусное военно-торговое судно X — XVI вв. с высокими бортами и округленной формой корпуса.

ПИНАССА (*ит. pinaccia*) — небольшое длинное гребное судно с парусом, предназначенное для обслуживания судов, иногда — с небольшими пушками.

ПИНК (*гол. pink, ит. и фр. pinque*) — 2 — 3-мачтовое торговое судно XVI—XVII вв.

ПРАО (*малайск. perahu*) — легкое парусно-гребное судно челночного типа, распространенное в Юго-Восточной Азии.

ФЕЛЮГА, ФЕЛЮКА (*ит. feluca, от араб. фулука — лодка*) —

1. лодка с парусом на галерах Средиземного моря, используемая для обслуживания судов;
2. парусно-гребное судно для прибрежного плавания на Средиземном море.

ФЛЕЙТ (*гол. fluit*) — морское голландское транспортное парусное судно XVI — XVIII вв. небольшой осадки и с закругленной кормой.

ФЛИБОТ (*гол. vlieboot*) — плоскодонное парусное 3-мачтовое судно XVI — XIX вв., предназначенное для каботажного плавания и рыболовства; иногда вооружалось несколькими пушками, широко применялось гёзами в морской войне против Испании.

ФРЕГАТ (*ит. fregata*) —

1. легкая беспалубная галера Средиземного моря, служившая посыльным судном;
2. парусно-гребной корабль XVII — XVIII вв., водоизмещением до 200 т, широко применявшийся испанцами для транспортировки драгоценностей и золота из Восточной Индии;
3. 3-мачтовый военный корабль XVIII — XX вв., предназначенный для военной разведки, крейсерской службы и конвоирования.

ШНЯВА (*гол. snauw*) — небольшое 2-мачтовое парусное судно XVII — XIX вв., предназначенное для торговых и военных целей.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Источники неопубликованные

- Архив Санкт-Петербургского филиала Института истории России Российской Академии наук. Фонд Ф. В. Каржавина.
Российский Государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ)
Ф. 212.
Ф. 233.
Ф. 223.

Источники опубликованные

- Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М.—Л., 1936.
Д'Асколи. Описание Черного моря и Татарии префектом Каффы, Татарии и проч. Эмиддио Дортелли д'Асколи/ Записки Имп. Одесского общества истории и древностей. Т. XXIV. Одесса, 1902.
Бернье Ф. История последних политических переворотов в государстве Великого Могола. М., 1936.
де Боплан Г. Л. Описание Украины// Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 2. Киев, 1896.
Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции. М., 1987.
Источники для истории/ Источники для истории запорожских казаков. В 2 т. Владимир, 1903.
Записки солдата Берналя Диаса. Т. 1 — 2. Л., 1923 — 1925.
Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. в 4 т. М., 1954 — 1977.
де Марсильи. Военное состояние Оттоманской империи. Т. 1 — 2. СПб., 1737.
Материалы для истории Русского флота Т 1 — IV. СПб., 1864 — 1868.
Лев Африканский. Африка — третья часть света: Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. Л., 1983.
Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1647 — 1699. М., 1992.
Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1 — 12. СПб., Л. — М., 1887 — 1977
Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Под ред. И. П. Магидовича. М., 1956.
Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.
Россия и Испания. Документы и материалы. 1667 — 1917. Т. 1. 1667 — 1799. М., 1991.
Русские акты Копенгагенского государственного архива. Извлечены Ю. Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897.

- Русский дипломат во Франции. Записки Андрея Матвеева. Л., 1972
- Рэли У. Открытие обширной, богатой и прекрасной Гвианской империи. М., 1963.
- Сервантес С. М. де. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1961.
- Фабрициус Л. Записки // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968.
- Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений, служащий к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. Т. IX. СПб., 1788.
- Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 1. 2. М. 1961 — 1963.
- Эксквемелин А. О. Пираты Америки. М., 1968.
- Brahimi D. Opinions et régards des européens sur le Maghreb aux XVIIème et XVIIIème siècles. Alger, 1978.
- Dampier W. A new voyage round the world. N. Y., 1968.
- Doublet, le corsaire du Roi-Joseif. Presente par Iron Le Cozannet et Gerard Ducable. P., 1990.
- English privateering voyages to the West Indies. 1588 — 1595. Cambridge, 1956.
- Jameson J. F. Privateering and Piracy in the Colonial Period: illustrative documents. N. Y., 1923.
- Johnson. Ch. A general history of the Nsytrater (repr.). Kensington, 1925.
- Labat J. B. Nouveau voyage aux isles de l'Amerique. T. 2. La Haye, 1724.
- Les Francaise en Amerique pendant la premier moitie du XVI-e siècle. (Introd. par Ch. A. Julien). P., 1946.
- Malo H. Les corsaire. Memoires et documents inedits. P., 1908.

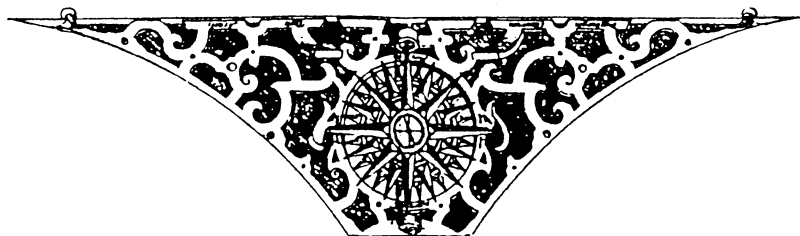
Литература

- Андре-Жюльен Ш. История Северной Африки. В 2 т. М., 1961.
- Архенгольц Ф. История морских разбойников Средиземного моря и Океана. М., 1991.
- Блон Ж. 1) Великий час океанов: Средиземное море. М., 1982.
2) Великий час океанов: Индийский океан. М., 1983.
3) Флибустьерское море. М., 1985.
- Боголюбов Н. П. История корабля. В 2 т. М., 1879 — 1880.
- Бокшанин А. А. Китай и страны Южных морей в XIV — XVI вв. М., 1968.
- Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950.
- Берзин Э. О. 1) Юго-Восточная Азия в XIII — XVI веках. М., 1982.;
2) Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII — начале XVIII века. М., 1987.
- Ванешкий С. И. Загадки острова Кокос. М., 1990.
- Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. Ч. I. СПб., 1875.
- Витвер. И. А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. М., 1963.
- Горнунг М. Б., Липен Ю. Г., Олейников И. Н. История открытия и исследования Африки. М., 1973.
- Гребельский П. Х. Пираты. СПб., 1992.
- Губарев В. К. 1) Бертран д'Ожерон и колониальная политика Франции в Вест-Индии (60 — 70-е годы XVII в.)// «Французский ежегодник 1983. М., 1985;
2) Буканьеры (охотники на о-вах Вест-Индии в XVII в.)// Новая и новейшая история. 1985. № 1;

- 3) Восстание на Гаити в 1670 — 1671 гг. // Вопросы истории 1984 № 3.
Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Зов дальних морей. М., 1979.
Заозерский А. И. Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом / Россия и Запад. Ч. I. Пг., 1923.
Зарин В. А. Запад и Восток в мировой истории XIV — XIX вв. М., 1991.
Зейдель И. снаряжение первой дальней экспедиции в царствование Петра Великого в 1723 году // Морской сборник. Сентябрь 1867. № 9.
Иванов М. А. Османское завоевание арабских стран. 1516 — 1574. М., 1984.
Ингрэм Д. К. История рабства. СПб., 1896.
Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов М., 1994.
Керов В. Л. 1) Французская колонизация островов Индийского океана. XVII — XVIII вв. М., 1990;
2) Этьенн де Флакур — «правитель» Мадагаскара // Вопросы истории; 1988. № 7.
Кривцов Н. Таинственный пират и его собратья. // Вокруг света. 1995. № 3.
Лангенбек В. История мировой торговли. М., Л. 1927.
Ланитски Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. М., 1982.
Магидович И. П. История открытия и исследования Центральной и Южной Америки. М., 1965.
Магидович И. П., Магидович В. И. Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. М., 1982 — 1986.
Малаховский К. В. 1) Кругосветный бег «Золотой лани» М., 1980;
2) Трижды вокруг света. М., 1982;
3) Пять капитанов. М., 1986.
Маховский Я. История морского пиратства. М., 1972.
Можейко И. В. 1) С крестом и мушкетом. М., 1966; 2) Он же. Пираты, корсары, рейдеры. М., 1991.
Нойкирхен Х. Пираты. Морской разбой на всех морях. М., 1980.
Олтаржевский В. П., Бейдина Т. Е., Воронкова Г. В. Английская Ост-индская компания в XVII в. Иркутск., 1988.
Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М., 1982.
Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVIII века. М., 1987.
Свет Я. М. 1) Пираты Антильских морей. / Новая и новейшая история. 1966. № 2; 2) В страну офир. М., 1967.
Скрягин Л. Легенда, утопия, был в ранней американской истории. М., 1981. По следам морских катастроф. М., 1965.
Слезкин П. Ю. 1) Земля Святого Креста: Открытие и завоевание Бразилии. М., 1970.
Снисаренко А. Б. Рыцари удачи. СПб., 1991.
Субботин В. А. Васко да Гама // Вопросы истории. 1995. № 9.
Тарасов К. С. Остров Пинос. М., 1975.
Тарле Е. В. Русский флот и внешняя политика Петра I. М., 1949.
Три века колониальной Америки / Под ред. Б. Н. Комиссарова. СПб., 1992.
Трутовский В. К. Флибустьеры XVIII века // Русский вестник. Т. 221. Август 1892.
Туманович Н. Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16 — 19 вв. М., 1982.
Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.
Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. В 2-х томах. СПб., 1894.

- Хазанов А. М. Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость в XVI — XVIII в. М., 1976.
- Ханке Х. На семи морях. Моряк, смерть и дьявол. М., 1989.
- Холл Д. Дж. История Юго-Восточной Азии. М., 1958.
- Черняк Е. Б. 1) Секретная дипломатия Великобритании. Из истории тайной войны. М., 1975; 2) Пять столетий тайной власти. М., 1977; 3) Судьи и заговорщики. Из истории политических процессов на Западе. М., 1984
- Шабо-Арно К. История военных флотов. СПб., 1896.
- Шершов А. П. История военного кораблестроения с древнейших времен и до наших дней. М.-Л. 1940.
- Штенцель А. История войны на море. Пг., 1917. Т. I — IV.
- Шумовский Т. А. 1) По следам Синдбада-морехода. Океанская Аравия. М., 1986; 2) Арабы и море. М., 1986.
- Эварницкий Д. И. История запорожских казаков. В 3 т. Т. II. СПб., 1892; Т. I. СПб., 1895; т. III. СПб., 1897.
- Abun-Nasr J. A history of the Maghrib. Cambridge, 1971.
- Adamson J. H., Folland H. F. The Shepherd of the Ocean. Boston, 1969.
- Andrews K. R. The Colonial period of America history. Т. I — IV. Oxford, 1934 — 1938.
- Andrews K. The Spanish Caribbear. Trade and plunder. 1530 — 1630. N. J., 1978.
- Apte B. K. A history of the Maratha navy and merchantships. Bombay, 1972.
- Barbour V. Privateers and pirates of the West Indies// The American Historical Review. April 1911. Vol. XVI. N 3.
- Belhamissi M. Histoire de la marine algérienne (1516 — 1830). Alger, 1983.
- Braudel F. Le Méditerranée et la mande méditerranéenne à l'époque de Philippe II. P. 1949.
- Burney J. A chronological history of the voyages and discoveries in the South Sea or Pacific Ocean. Vol. IV. London, 1816.
- Burns A. History of the British West Indies. L., 1954.
- Cameron R. Viceroyalties of the West. The Spanish Empire in Latin America,
- Chaunu P. Conquête et exploitation des Nouveaux Mondes. (XVIIe siècle). P., 1969.
- Chevallier C. Les Trente premières années de l'Etat d'Alger (1510 — 1541). Alger, 1988.
- Clowes W. L. The Royal Navy. A history from the earliest times to the present. 5 vol. L., 1897.
- Corbett J. S. 1) Englishmen in Mediterranean. L., 1892; 2) Drake and the Tudor navy. 2 vol. N. J., 1899.
- Crouse N. M. The French struggle for the West Indies. 1665 — 1713. N. J., 1943.
- Currey E. H. Sea-wolves of the Mediterranean. The grand period of the moslem corsaires. L., 1910.
- De Joinville. Histoire generale de la marine. 4 vol. P., 1887.
- Deshamps H. Histoire de Madagascar. P., 1961.
- Elliot J. H. Spain and its world, 1500 — 1700. L., 1989.
- Ellul J. 1565. The great siège of Malta. Malta, 1992.
- Farrere C. Histoire de la marine française. P., 1956.
- Func-Brentano F. L'je de la Tortue. P., 1902.
- Gosse Ph. The History of piracy. N. Y., 1932.
- Guida T. Dorgouth Raris, le magnifique seigneur de la mer. Tunis, 1974.
- Hanotaux G., Martineau A. Histoire des colonies française et de l'expansion de la France dans le monde. Т. I — VI. P., 1933.
- Haring C. H. The Spanish Empire in America. N. Y., 1947.

- Hughson S. C. The Carolina pirates and colonial commerce 1670 — 1740. Baltimore, 1894.
- Jansen M. B. China in the Tokugawa world. L., 1992.
- Julien Ch. A. Les voyages de decouverte et les premiers établissements (XV-e — XVI-e siecles). P., 1948.
- Jurien de la Graviere. Doria et Barberousse. P., 1886.
- Kaltenbergh L. Czarne zagle czterdziestu morz. Warszawa, 1979.
- Lacey R. Sir Walter Raleigh. L., 1975.
- La Roncier Ch. Histoire de la Marine francaise. T. I — IV (T. III Les querres d'Italie. Liberte des mers. P., 1906; T. IV. En quête d'une empire colonial. Richelieu. P., 1910).
- Laroui A. The history of the Maghrib. Princeton, 1977.
- La Varende Jean Bart. Pour de vrai. P., 1957.
- Lewis M. The Spanish Armada. L., 1960.
- Lives, exploits, and cruelties of the most celebrated pirates and sea robbers. Halifax, 1861.
- Mac-Farlane Ch. The lives and exploits of banditti and robbers. 2 vol. L., 1833.
- Mollat. M. Le commerce maritime normand a la fin du Moyen age. P., 1952.
- Monlau J. Les Etats barbaresques. P., 1964.
- Morison S. E. The European discovery of America. The southern voyages, 1492 — 1616. N. Y., 1974.
- Mota F. Piratas en el Caribe. Habana, 1973.
- Norman C. B. The corsaires of France. L., 1887.
- Parry J. H. The age of Reconnaissance. N. Y., 1963.
- Pluchon P. Histoire de la colonization francaise. T. I. P., 1991.
- Pringle P. Jolly Roger. N. Y., 1958.
- Pyle H. Buccaneers and marooners of the Spanish Main. N. Y., 1899.
- Rectoran P. Corsaires basques et bayonnais du XV-e au XIX-e siecle. Pirates, flibustieres, boucaniers. Bayonne, 1946.
- Rediker M. Between the devil and the deep blue sea. Cambridge, 1987.
- Ritchie R. C. Captain Kidd and the war against the pirates. N. Y., 1985.
- Rowse A. L. 1) The England of Elizabeth. L., 1953; 2) The expansion of Elizabethan England. L., 1971.
- Saintoyant J. La colonisation europeenne. Du XV-e au XIX-e siecle. T. I. La formation des empires (XV-e — XVII-es.). P., 1947.
- Sheldon Ch. The rise of the merchant class in Tokugawa Japan, 1600 — 1868. N. Y., 1958.
- Shipman J. C. Dampier W. Seaman — scientist. Lawrence, 1962.
- Spate O. H. K. 1) The Spanish lake. Canberra, 1979; 2) Monopolists and Freebowters. Canberra, 1985.
- Thornbury G. W. The monarch of the Main or adventures of the buccaneers. V. 1 — 3. L., 1855.
- Villiers A. Monsoon seas. The Story of the Indian Ocean. N. Y. 1952.
- Villiers P. Marine Royale, corsaires et trafic dans l'Atlantique Louis XIV a Louis XVI Vol. 1 — 2. Dunkerque, 1991.
- Wallace W. M. Sir Walter Raleigh. Princeton, 1959.
- Wallerstein I. The Modern World Systeem. Mercantilism and the consolidation of the European World-Economy, 1600 — 1750. N. Y., 1980.
- Williamson J. A. The age of Drake. L., 1938.
- Zavala S. The colonial period in the history of the New World. Mexico, 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. Многоликий морской разбой . . .	11
ГЛАВА 2. Регионы морского разбоя . . .	60
ГЛАВА 3. Морской разбой и мировая политика	165
ГЛАВА 4. Корабли и их экипажи	294
ГЛАВА 5. Законы пиратского мира	309
ГЛАВА 6. Тактика морских разбойников . . .	370
ГЛАВА 7. Лики переменчивой фортуны . . .	398

ГЛАВА 8. В неволе и на свободе	434
ГЛАВА 9. Знаменитые пленники морских разбойников	451
ГЛАВА 10. Женщины и морской разбой .	463
СЛОВАРЬ ТИПОВ СУДОВ	487
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	489

АНАТОМИЯ ИСТОРИИ

Д. Н. Копелев
ЗОЛОТАЯ ЭПОХА МОРСКОГО РАЗБОЯ

Оформление С. Морозов

Редактор И. Дмитриева
Художественный редактор А. Томчинская
Корректор Л. Гордеева
Компьютерная верстка А. Панов
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа
Издательская лицензия № 070512 от 21.05.92 г.

Подписано в печать 17.02.97. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсет. Усл. печ. л. 31. Тираж 5000. Заказ 563.

Издательство «Остожье». 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 4
и ГП ИПФ «Ставрополье»

Государственное предприятие издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье».
355012, Ставрополь, ул. Спартака, 8

